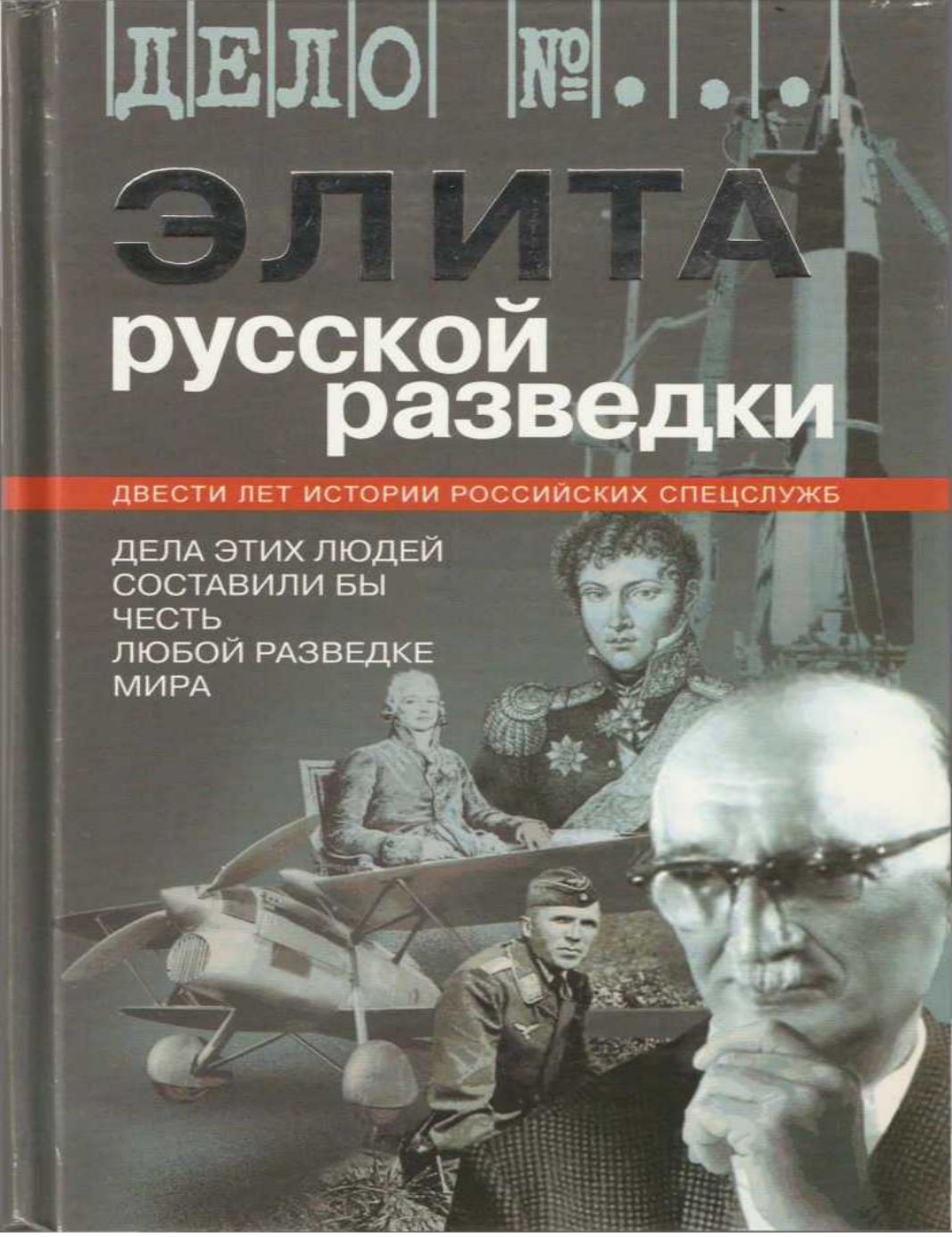
ДЕЛО №...

ЭЛИТА русской разведки

ДВЕСТИ ЛЕТ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

ДЕЛА ЭТИХ ЛЮДЕЙ СОСТАВИЛИ БЫ ЧЕСТЬ ЛЮБОЙ РАЗВЕДКЕ МИРА



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга содержит портреты 23 знаменитых разведчиков. Один сухой перечень имен составит честь любой спецслужбе мира. Все те, чьи судьбы представлены в книге — от флигель-адъютанта Чернышева до полковника Абеля, — входят в тот узкий круг, который сами профессионалы называют коротким словом «элита». Далеко не все, о ком хотелось бы рассказать, попали на страницы сборника. Их время еще не пришло, а если и придет, то очень не скоро. Двести лет существования разведки (в сегодняшнем ее понимании) — долгий срок. Составители и авторы надеются, что им удалось показать, как советская разведка впитала опыт дореволюционной, а нынешнее поколение разведчиков продолжает славные традиции предшественников, защищая нашу Родину на ее самых дальних рубежах.

- Элита русской разведки. Дела этих людей составили бы честь любой разведке мира
  - ВЛАДИМИР КАРПОВ
  - КТО СРАЖАЕТСЯ В РАЗВЕДКЕ
    -
    - Петр Ивашутин
    - Владимир Завершинский
  - У ИСТОКОВ
  - НА ПЕРЕЛОМЕ
  - МЕЖ ДВУХ ВОИН
    - Лев Маневич
    - Дмитрий Быстролетов
    - Стефан Ланг (Арнольд Дейч)
    - Иван Чичаев
    - Ян Черняк
  - В ТЫЛУ ВРАГА
    - Николай Кузнецов
    - Николай Струтинский
    - Илья Старинов
    - Арнольд Шнеэ
    - Вартаняны
    - Александр Коротков
  - ГОРЯЧИЙ ФРОНТ
    - Анатолий Яцков
    - Джордж Блейк
    - Моррис и Лона Коэн
    - Конон Молодый

        - Рудольф Абель (Вильям Фишер)
        - Ким Филби
    - ОТЦЫ И ДЕТИ
        - Михаил и Юрий Батурины
    - Послесловие
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37

- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

Элита русской разведки. Дела этих людей составили бы честь любой разведке мира

Составители

В. И. Андриянов, Н. М. Долгополов

ВЛАДИМИР КАРПОВ
СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА
Предисловие

Самая таинственная область человеческой деятельности? Глубокое заблуждение. Так было когда-то.

В наши дни — это самая модная, самая распространенная тема в открытой печатной и экранной продукции: развлекательные книги, научные исследования, отдельные фильмы и сериалы, энциклопедии посвящены разведке. Никаких тайн, все раскрыто, рассказано, показано.

И тем не менее разведка и сегодня самая закрытая и таинственная сфера в жизни общества. Почему? Потому что все, что раскрыто и описано, — это прошлое, история. А то, что творится сегодня «рыцарями плаща и кинжала» и ныне, — это святая святых. Чем меньше о разведке знают, тем лучше для тех, кто ее ведет.

Хорошее слово — «ведет»: именно ведет разведку тот, кто перед ней ставит задачи, и тот, кто организует выполнение этих задач — направляет ее, ведет там, где надо, и те, кто непосредственно добывает нужные сведения — они уже введены туда, где спрятаны скрываемые сведения.

По уровню задач или заинтересованности разведка подразделяется на агентурную и военную. Названия эти весьма условные и, я бы даже сказал, неточные.

Под агентурной имеется в виду добывание сведений секретными агентами, которые засылаются или вербуются на чужой территории. Это, фактически, стратегическая разведка о возможном противнике, его намерениях, планах осуществления этих намерений, о силах армии, промышленных объектах, их производительности. Ведется она активно в мирное время и в ходе боевых действий. Обслуживает глав государств, правительства, высшее военное руководство и органы государственной безопасности.

Военная разведка обеспечивает необходимыми данными руководителей вооруженных сил, Генеральный штаб. Особенно активно она работает с появлением опасности нападения и с началом боевых действий. Ее интересует все об армии противника, какова ее численность, группировка сил, намерение, время и направление ударов.

Разделение этих разведок весьма условно, они постоянно

взаимодействуют путем обмена информацией, дополняя друг друга.

Исполнители в этой тонкой деятельности, как и требует профессия, люди широко и разносторонне эрудированные. Ну, о моральных и бойцовских качествах и говорить нечего. Разведчики опровергают поговорку: «Один в поле не воин». Они чаще всего действуют в одиночку, но как бы подключены к мощной энергетической системе, которая их финансирует и оберегает до поры до времени, но может и отказаться в случае провала. Разведчик постоянно в смертельной опасности — ходит по лезвию бритвы.

Но никакого суперменства! Супермены — художественный вымысел работников пера и экрана. Разведчик действует без эффектов, чаще на конспиративной квартире, в тиши кабинета, не видя в лицо противника, без стрельбы, погони, рукопашных схваток. Работа больше умственная. Но бывает и покруче экранных боевиков! В разведке все может быть. В ней все непредсказуемо. Когда я служил в разведке, у нас действовал закон: разведчик выполняет немедленно все возможное, а невозможное немного погодя. Это значит, что для нас не существует недосягаемого. Уж насколько был законспирирован и охранялся системой контрразведки атомный проект американцев и англичан, но и в него проникли. Да еще как! Не только формулы, даже образцы продукции добывали, и некоторые ученые с мировыми именами им помогали.

Современная разведка настолько технически оснащена, что для нее почти нет недосягаемых объектов — из космоса можно прочитать напечатанное на коробке спичек! А компьютерные системы способны из открытой печати вычислить сведения о любой сфере деятельности потенциального противника — будь то промышленные возможности, медицина, наука или вооруженные силы. Произвели эксперимент: в Англии заказали нескольким фирмам сделать справку о вооруженных силах своей страны. Компьютерные поисковые системы по открытым материалам, опубликованным в газетах, журналах, научных рефератах, книгах и другой печатной продукции, составили отчеты, которые на 90–95 процентов соответствовали состоянию вооруженных сил.

Но не надо забывать: любая, самая совершенная техника — создание человеческого разума. И разум этот может не только создавать сложнейшие системы, но и преодолевать их, например, не менее ловкой дезинформацией.

Сегодняшние литературные Джеймсы Бонды — не более чем забава, гимнастика мозга для человека, уставшего от повседневной суеты. Настоящая работа разведчиков всегда

интереснее любых вымыслов.

Лев Толстой еще в 1910 году пришел к выводу: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марию Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случалось наблюдать в жизни».

Книга, которую вы будете читать, написана именно в таком стиле — в ней все из подлинной жизни, значительно и интересно.

ВЛАДИМИР КАРПОВ

Герой Советского Союза, бывший работник «секретного фронта»

КТО СРАЖАЕТСЯ В РАЗВЕДКЕ

Прежде чем рассказывать о судьбах отдельных разведчиков, судьбах уникальных, мы сочли необходимым представить две структуры, две службы, известные под аббревиатурами ГРУ и СВР. Главное разведывательное управление Генштаба четверть века возглавлял Петр Иванович Ивашутин. Именно ему, как говорят профессионалы, ГРУ обязано тем, чем оно является сегодня.

А Службу внешней разведки России представляет первый заместитель директора СВР генерал-лейтенант Владимир Иванович Завершинский.

Петр Ивашутин

Накануне дня военного разведчика, 5 ноября 2003 года, на Троекуровском кладбище Москвы открыли памятник на могиле Петра Ивановича Ивашутина, Героя Советского Союза, генерала армии, бывшего начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба[1]. Собрались на кладбище только свои — руководители ГРУ, ветераны, родственники Петра Ивановича и его бессменный адъютант Игорь Попов — почти тридцать лет совместной службы.

Ивашутина похоронили рядом с женой Марьей Алексеевной, которую он пережил на полгода. Под треск автоматных очередей почетного караула сползло покрывало, и на белом камне проступил бронзовый лик патриарха военной разведки. Застыв, смотрел на отца Юрий Петрович Ивашутин, контр-адмирал… Сказали положенные по такому случаю слова, но не казенные, а душевные начальник ГРУ генерал армии Валентин Корабельников, его предшественник Федор Ладыгин… В поминальном зале выпили, как заведено дедами, не чокаясь, за человека, рядом с которым трудно поставить кого-либо в долгой, противоречивой истории Управления.

Он руководил ГРУ почти четверть века. В мире было всего две фигуры, столь долго возглавлявшие мощные спецслужбы: он и Эдгар Гувер, который директорствовал в Федеральном бюро расследований США почти полвека. Именно при Ивашутине ГРУ приобрело мощь, разноликость и глухую засекреченность, которыми обладает и сегодня. Основы, заложенные Петром Ивановичем, оказались столь прочными, что даже «реформы» последних лет не смогли поколебать структуру военной разведки. Главное разведуправление сегодня — единственная в мире спецслужба, сочетающая все виды разведки: агентурную стратегическую, в том числе нелегальную, техническую, экономическую, космическую и даже войсковую, больше известную как спецназ ГРУ.

Вот как представили структуру ГРУ, заложенную Ивашутиным, бывшие работники управления Александр Колпакиди и Дмитрий Прохоров в книге «Империя ГРУ», изданной в Москве в 1997 году.

…Начальник ГРУ подчиняется только начальнику Генштаба и министру обороны и не имеет прямой связи с политическим руководством страны. В отличие от директора СВР, которого президент принимает еженедельно, начальник военной разведки не имеет «своего часа» — строго закрепленного в распорядке дня

времени для доклада президенту страны. Существующая система «разметки» — то есть получения высоким начальством разведывательной информации и анализов — лишает политиков прямого выхода на ГРУ.

Первое управление (агентурная разведка). Имеет пять управлений, каждое отвечает за свой набор европейских стран. Каждое управление имеет секции по странам.

Второе управление (фронтовая разведка).

Третье управление (страны Азии).

Четвертое (Африка и Средний Восток).

Пятое — Управление оперативно-тактической разведки (разведка на военных объектах). Ему подчиняются армейские подразделения разведки. Военно-морская разведка подчиняется Второму управлению Главного штаба ВМФ, которое в свою очередь подчиняется Пятому управлению ГРУ. Управление — координирующий центр для тысяч разведывательных структур в армии.

Технические службы: узлы связи и шифрослужба, вычислительный центр, спецархив, служба материально-технического и финансового обеспечения, управление планирования и контроля, а также управление кадров. В составе управления существует направление специальной разведки, которое курирует спецназ, предназначенный для проведения разведки и диверсий во время военных действий.

Шестое управление (электронная и радиотехническая разведка) включает Центр космической разведки — на Волоколамском шоссе, так называемый «объект К-500». В составе управления находятся подразделения особого назначения ОСНАЗ. Наиболее полно радиоразведка стала использоваться с начала 60-х, когда начальником ГРУ назначили Петра Ивашутина. До распада СССР отряды ОСНАЗ подчинялись 1-му отделу радиоразведки 6-го управления ГРУ. Этот отдел руководил так называемыми подразделениями ОСНАЗ, входившими в военные округа и группы советских войск в Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии. Под руководством отдела радиоразведки ОСНАЗ выполнял функции перехвата сообщений из коммуникационных сетей зарубежных стран — объектов радиоразведывательного наблюдения со стороны ГРУ.

Седьмое управление отвечает за НАТО. Имеет шесть территориальных управлений.

Восьмое управление (работа по специально выделенным странам).

Девятое управление (военные технологии).

Десятое управление (военная экономика, военное производство

и продажи, экономическая безопасность).

Одиннадцатое управление (стратегические ядерные силы).

Двенадцатое управление (назначение неизвестно).

Административно-техническое управление.

Финансовое управление.

Оперативно-техническое управление.

Дешифровальная служба.

Военно-дипломатическая академия (на жаргоне — «консерватория») расположена возле московской станции метро «Октябрьское поле». Ежегодно «консерваторию» заканчивают около 200 человек.

Первый отдел ГРУ (производство поддельных документов).

Восьмой отдел ГРУ (безопасность внутренних коммуникаций ГРУ).

Архивный отдел ГРУ.

Два НИИ.

Спецназ: 24 диверсионно-штурмовые подразделения общей численностью до 25 тысяч человек.

Там, на Троекуровском кладбище, я вспомнил, как пять лет назад, накануне 90-летия Ивашутина, в сопровождении двух сотрудников ГРУ поехал на его дачу в подмосковных Раздорах. Дача оказалась весьма скромной панелькой, построенной еще в хрущевские годы. Была она государственной, а в 1992 году чиновники поставили хозяину условие: выкупай или съезжай! Затребовали, как рассказывал Петр Иванович, 200 тысяч руб. На сберкнижке у него не было и десятой доли того, что требовали. Продал ружья из своей любимой коллекции, жена и дочь расстались с шубами, помог сын. В общем, дачу выкупили.

Ивашутин постоянно жил на этой даче с женой Марией Алексеевной. Иногда вызывал из управления машину, чтобы при необходимости поехать в столицу. В госпиталь его сопровождал прапорщик — выделяли специально. Генерал армии тогда числился советником начальника ГРУ, имел в управлении кабинет, но от зарплаты наотрез отказался.

Ивашутин, как он сам говорил, никогда не давал интервью. Крайне редко выступал в открытой печати. Одна из его публикаций «Разведка на страже безопасности Отчизны» вышла в 1991 году в издании «Курьер советской разведки». П. Ивашутин, генерал армии, Герой Советского Союза (так он был представлен), писал о том, что в стране сложилась кризисная социально-экономическая и политическая обстановка. «Используя ее, определенные круги доморощенных «ультрадемократов» стали на путь дискредитации армии и КГБ. Они выполняют социальный заказ тех сил, которые в Вооруженных Силах и Комитете

государственной безопасности видят препятствие на пути осуществления их намерений по дальнейшей дестабилизации в стране, захвата власти». До августовского путча, до сговора в Беловежской Пуще оставалось несколько месяцев. Последние строки статьи Ивашутина сегодня воспринимаешь как его завещание: «…консолидация усилий и углубление делового сотрудничества внешней разведки КГБ и стратегической военной разведки — это тот путь, который позволит надежно обеспечить безопасность нашей Родины в условиях современной сложной международной обстановки и кризисного состояния нашей страны».

Петр Иванович вспоминал о встречах с писателями по поводу издания книг — с Василием Ардаматским («Этот обязательно тему выклянчит, дам ему тему, он и пишет. В основе романа «Один в поле воин» — наш материал»), с Юлианом Семеновым, Вадимом Кожевниковым, автором романа «Щит и меч», с Колесниковым, автором книги о Зорге («Это наш домашний писатель»). А *с* журналистами для интервью — нет, не встречался. Так что я был первым и — последним.

К тому времени Петр Иванович уже практически ослеп, поругивал офтальмолога Федорова за неудачную операцию. Говорил не спеша, подолгу, в деталях описывая какой-либо эпизод. До перехода в ГРУ он был заместителем председателя КГБ. Приходили и уходили, как он выразился, «комсомольцы» (Шелепин, Семичастный), люди политически, может быть, грамотные, но мало что понимающие в разведке. Заниматься же делом приходилось профессионалам.

Об одной странице своей биографии Ивашутин предпочитал вслух не говорить. Знающие люди рассказывали мне, что в 1962 году его, второго человека в КГБ, направили в Новочеркасск, где вспыхнуло восстание рабочих. Будь на его месте кто-то другой, уверены мои собеседники, крови в Новочеркасске было бы больше.

Думаю, они правы, потому что по рассказам многих из тех, кто работал с Ивашутиным, представляю, как он относился к людям.

Вот что вспомнил в нашей беседе генерал-лейтенант Леонид Гульев, начальник одного из управлений ГРУ:

— У нашего разведчика-нелегала за рубежом обострилась язвенная болезнь. Ему выслали деньги и предложили выехать в Союз на лечение, но он отказался: мол, денег достаточно для лечения на месте. Наша настойчивость результата не дала, вскоре разведчик перестал отвечать на запросы. По указанию Ивашутина через надежные каналы установили: у разведчика случилось

нервное расстройство. Начальник ГРУ был уверен: офицера надо спасать. Тот наконец прилетел в Москву. Когда разбирали ситуацию, высказывались самые разные оценки, прозвучало даже предложение предать его военному трибуналу за попытку измены Родине. Петр Иванович решил не прибегать к крайним мерам. Тем более что медицинское исследование показало: офицер действительно тяжело заболел. Человека надо лечить.

После отдыха и лечения товарища пригласили в ГРУ. В кругу сослуживцев, в торжественной обстановке зачитали приказ министра обороны СССР об увольнении из армии, вручили государственные награды, сберегательную книжку с большой суммой денег, скопившихся за многие годы его работы за рубежом, а также ордер на квартиру, куда заботливо привезли и мебель, большой по тому времени дефицит. Позднее подполковник встретил подругу по университету, они поженились.

Ивашутина направили в ГРУ после известного скандала с Пеньковским. Этого предателя, имевшего доступ к большим секретам, суд приговорил к расстрелу. Начальнику ГРУ Ивану Серову, его первому заместителю, начальнику управления кадров, пришлось уйти в отставку.

В те годы начиналось бурное соперничество армий СССР и США. Петр Иванович насчитал 17 витков гонки вооружений. Партийные чины все время подгоняли военную разведку, ставя новые и новые задачи. Руководство нашей страны требовало, чтобы о решении американцев на пуск межконтинентальных баллистических ракет докладывали хотя бы за полтора часа: столько времени требовалось, чтобы подготовить к пуску стоявшие у нас на дежурстве жидкостные межконтинентальные баллистические ракеты Р-7. Американцам же для пуска своих твердотопливных «Минитменов» хватало семи минут. На те годы приходится рост количества загранаппаратов военной разведки, то есть резидентур, увеличения численности каждой из них.

Едва запустили первый спутник, разведка приспособила его под свои цели. Через «Стрелу-2» осуществляли двустороннюю связь с «точками» по всему миру. ГРУ раньше американцев освоило космическую фотосъемку. На первых снимках запечатлевали территорию в квадрат со стороной 40 километров, потом дошли до 140 километров. Правда, американцы переводили информацию в цифры и передавали на землю по радио, мы же сбрасывали контейнеры — сначала по 3, потом по 5 — в назначенных районах. Позже все же догнали янки, как только смогли поставить так называемые приборы зарядовой связи.

Генерал-полковник Анатолий Павлов, в 1978–1989 годах

первый заместитель начальника ГРУ, ныне председатель Совета ветеранов военной разведки:

— Развитие космической разведки с самого начала находилось под непосредственным руководством Петра Ивановича Ивашутина. Она вскоре превратилась в важнейшую и эффективную часть военной разведки. Заново был построен современный Центр космической разведки и другие объекты, что обеспечило оперативность добывания и обработки информации.

Но главное, в чем видел Ивашутин свою заслугу как реформатора, — введение в работу ГРУ военно-политического аспекта.

Развединформация шла министру обороны СССР в виде докладной записки. Однажды маршал Гречко показал такую записку генсеку Брежневу. Леониду Ильичу понравилось, и он распорядился присылать записки ему лично. Так и продолжалось больше двадцати лет. Если записку по каким-то причинам задерживали в Минобороны, тут же следовал звонок от заведующего секретариатом генсека и, увы, будущего генсека Черненко.

Ивашутин очень хорошо отзывался о маршале Андрее Гречко. При нем построили нынешнее здание «Аквариума» на Хорошевке. До этого, вспоминал Ивашутин, управление было разбросано по 13 адресам.

Тут, наверное, надо напомнить, кто окрестил здание ГРУ «Аквариумом». Это название дал перебежчик, бывший майор военной разведки Владимир Резун, который кропает свои сочинения под псевдонимом «Виктор Суворов». На этот образ Резуна подвигло, как он сам рассказал мне однажды в инициированном им телефонном разговоре, то обстоятельство, что девятиэтажное, в форме буквы «П» здание отличается обилием стекла.

«Аквариум» расположен рядом с аэродромом, с которого молодой красный военлет Ивашутин еще до Великой Отечественной войны совершил не один полет и где однажды чуть не разбился на четырехмоторном ТБ-3. А до этого он был слесарем, рабочим-путейцем. Окончив школу военных летчиков, пять лет летал инструктором, поступил на командный факультет Военно-воздушной академии имени Жуковского, откуда его и призвали в органы госбезопасности. И в звании капитана он стал начальником особого отдела корпуса, участвовал в Финской войне, в годы Великой Отечественной был начальником особых отделов Закавказского, Крымского и Северокавказского фронтов, начальником управления контрразведки «Смерш» Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, после войны — начальником

управления контрразведки Южной группы войск и Группы советских войск в Германии, а затем — Ленинградского военного округа. Пережитого за эти годы хватило бы не на одну книжку, но такие люди скупы на воспоминания.

— Разве что рассказать вам о встрече с румынским королем Михаем? — улыбнулся Ивашутин.

— А какое отношение контрразведка имела к королю? — спросил я.

— Самое прямое.

Михай, 26-летний летчик, любимец фрейлин — десяток доступных дам он возил с собой, не очень задумывался о власти. Зато его мать Елизавета была женщиной умной и хитрой. Спецслужбам выдали задачу: поставить во главе Румынии лидера компартии страны Георгиу-Дежа. Разыграли именины командующего фронтом Федора Ивановича Толбухина (хотя на самом деле ничего подобного не было), пригласили на торжество Михая, вручили ему полководческий орден Победы, вернули шикарную яхту, угнанную из Констанцы в Одессу. И под хорошее угощение подсунули проект указа о награждении Георгиу-Дежа самым высоким румынским орденом. Все газеты об этом сообщили. Михаю внушили, что новую, коммунистическую власть он возглавить не может, но и королевское звание снять с себя — тоже. Король погрузил имущество в вагоны, и его с почестями отправили в Швейцарию, подарив на прощание самолет. Потом он перебрался в Бельгию.

Даже в весьма почтенном возрасте Петр Иванович помнил много живых деталей, из которых, в общем-то, складывается история. Однажды в послевоенной Германии у командующего Советской группой войск генерала Василия Чуйкова его домработница, из репатрианток, едва не украла шестилетнего сына. У этой женщины в западном секторе Берлина арестовали дочь. Недавние союзники поставили условие: приводишь сына русского командующего — получаешь свою дочь. Войсковая охрана похищение проспала, а подчиненный Ивашутина, оперуполномоченный, живший в соседнем доме, заметил женщину с узлом вещей и мальчиком и задержал. Ивашутин позвонил Чуйкову, тот примчался, лично допрашивал злодейку. Не сдержавшись, даже ударил ее по лицу…

Я попросил Петра Ивановича рассказать о другой войне, афганской.

— Никаких рекомендаций по Афганистану мы не давали, а только очень скромно информировали, — отвечал он.

Начальник Генштаба Огарков примерно за 7—10 дней до ввода войск собрал своих заместителей, спросил: «Нужно ли

вводить войска в Афганистан?» Начали, как всегда, с разведки, то есть с меня. Я минут пятнадцать объяснял, что мы можем получить то, что получили американцы во Вьетнаме. Все девять замов и начальник ГлавПУРа были против. Но наше мнение игнорировали.

В Ташкент, где начальник ГРУ был в командировке, позвонил один из его заместителей, спрашивает: посылать ли вместе с 4-й дивизией в Афганистан нашу разведывательную технику? Так Петр Иванович узнал о принятом на самом верху решении. Одиннадцать раз Ивашутин был в Афганистане. В общей сложности, как подсчитал, провел там год и восемь месяцев.

— Все Устинов меня гонял, — снисходительно улыбнулся он, имея в виду тогдашнего министра обороны. — А войны там не было — зря о ней шумят: фронта не было, орудий, танков и самолетов у противника не было.

В Афгане по рекомендации Ивашутина создали такую разведку, «какую мир не видывал». Это было совмещение разведки, контрразведки и боевых подразделений. В группу входили оперативные работники из стратегической разведки, знающие языки и умеющие вербовать агентов из местного населения, и офицеры из Ташкентской бригады спецназа с рацией и боевыми средствами. О душманских караванах, их составе знали через четверть часа после начала движения. Так загнали противника в горы. Там выявляли душманов с помощью авиационной разведки и не позволяли им объединяться, создавать большие силы.

Ивашутина можно считать и крестным отцом «мусульманского» батальона, который брал прекрасно укрепленный дворец Хафизуллы Амина в Кабуле. Как рассказывал генерал-майор Василий Колесник, все началось с его вызова в 1979 году к начальнику ГРУ. Тогда полковнику войсковой разведки Колеснику была поставлена задача сформировать батальон численностью 500 человек, который состоял бы из солдат и офицеров — таджиков, узбеков и туркмен. Формирование готовилось несколько месяцев, о ходе его регулярно шли доклады начальнику ГРУ. На батальон легла основная тяжесть операции.

Под приглядом Ивашутина было создано в 1971 году и разведывательно-диверсионное формирование «Дельфин» для действий в подводной среде. Спустя три или четыре года неподалеку от советской базы Камрань во Вьетнаме при обследовании американского авианосца погибли двое боевых пловцов. Причем погибли от оружия, к встрече с которым они не были готовы — со специально обученными дельфинами. И тогда

Петр Ивашутин настоял на создании подобного питомника на Черном море. Военные помнили, в чем ЦК обвинил министра обороны СССР Георгия Жукова, который создал в середине 50-х армейский (то есть гэрэушный) спецназ (бонапартистские устремления). И потому теперь решение принималось на уровне ЦК.

При генерале армии Ивашутине военная разведка оперативно работала во многих регионах мира. О том, что турки решили направить свои корабли к Кипру с целью захвата половины острова, ГРУ сообщило руководству Минобороны за сутки до начала операции. А Генштаб промедлил. Случаев запаздывания было много. ГРУ знало, что американцы, пытаясь ввести нас в непроизводительные расходы, блефовали со «звездными войнами», но наверху опять же не послушали. О положении в «горячих точках» планеты начальнику ГРУ приходилось докладывать на Политбюро. Партийная верхушка колких вопросов не задавала, данным разведки верила. «Я докладывал только то, что проверено, о непроверенном молчал», — заметил генерал.

Приведу еще два свидетельства.

Генерал-полковник Федор Ладыгин, в 1992–1997 годах начальник ГРУ:

— Любой непредвзятый аналитик увидит, что характер действий США и их союзников в ходе военных действий против Ирака в 1991 году и против Югославии в 1999 году развивался (за исключением задействования наземных сил, до этого дело не дошло) в полном соответствии с оценками П. И. Ивашутина задолго до этих событий.

Генерал-лейтенант Григорий Долин, бывший начальник политотдела ГРУ:

— Во время боевых действий в Ливане начальник Генерального штаба срочно потребовал данные о политических партиях этой страны. Петр Иванович с ходу по памяти доложил о примерно 20 партиях, назвал фамилии руководителей, привел краткие биографические данные, рассказал о межпартийных отношениях…

— Я имел аппараты в 92 странах и считал, что этого мало, — пооткровенничал Петр Иванович Ивашутин со мной. Правда, признал, что был далеко не во всех. — Вот в Латинской Америке не был, в Соединенных Штатах, хотя коллеги настойчиво приглашали. Приеду, и все газеты напишут: тут начальник русской военной разведки — держите карманы! Начальник военной разведки США, в прошлом военный атташе в Советском

Союзе, хорошо знал русский язык, приехал к нам с интересным предложением: раз политики не могут наладить отношения, давайте делать это по военной линии — обмениваться лекторами, представителями разведок, потом начальники генеральных штабов повстречаются. Словом, как с Китаем, где начали восстанавливать отношения с пинг-понга. Я доложил, но от министра обороны Устинова не получил ни ответа ни привета.

…В том дачном разговоре не обошли и тему предательства. Одно из самых громких дел — генерала Дмитрия Полякова, американцы дали ему оперативные псевдонимы «Цилиндр» и «Топхэт». В 1962 году, находясь в командировке в США, он предложил свои услуги ФБР, выдал двух наших нелегалов. У Ивашутина с первой встречи было интуитивное недоверие (все-таки в контрразведке научился людей распознавать) к этому человеку:

— Сидит не поднимая головы, не повернется в мою сторону. Я его больше не пустил за границу.

Начальник управления кадров ГРУ Изотов, бывший работник ЦК КПСС, взял Полякова к себе, в отдел подбора гражданских лиц. Ивашутин приказал перевести Полякова в войсковую разведку, где секретов поменьше. В то время как раз создали третий факультет в отдельном здании, чтобы не смешивать с будущими сотрудниками агентурной разведки. И Поляков работал там лет 7–8. А во время одной из командировок начальника ГРУ Полякова откомандировали в Индию военным атташе. Приказ подписал заместитель Ивашутина Мещеряков. В Индии Полякова, четверть века работавшего на американцев, и раскрыли.

— Отчего происходит предательство? — спросил я наивно.

— Послушайте, вы понимаете суть разведки? — как-то резко, вопросом на вопрос откликнулся он.

— Боюсь, что, как непрофессионал, вряд ли.

— Каждый разведчик старается завербовать другого разведчика, чтобы больше через него получить. Поэтому, естественно, бывает всякое.

Всего за время работы Ивашутина было 9 случаев предательства, семерых раскрыли дома, а двое остались «там».

Он согласился со мной в том, что 80 процентов информации сегодня добывается техническими средствами, а дальше еще больше будет. Однако агентурная разведка своего значения отнюдь не потеряет, даже наоборот: то, что делалось и делается в лабораториях, никакая техника не узнает — только человек.

Генерал рассказывал, насколько это позволено, как вытаскивали из тюрем в «странах пребывания» наших

провалившихся разведчиков, в скольких государствах были резидентуры ГРУ в лучшие годы, как вывезли новейшее американское 105-мм орудие, как вытащили в СССР жену и сына знаменитого физика Бруно Понтекорво.

Военная разведка не раз докладывала руководству страны о том, что подготовка к «звездным войнам» — это блеф, что никаких боевых лазеров, способных пронзать наши межконтинентальные баллистические ракеты, не было. Нет и сейчас. Так ли это?

— Знали мы об этом, — отмахнулся мой собеседник. — Я присутствовал при обсуждении этого вопроса в Политбюро. Там превалировало мнение, что это новое направление будет нас подстегивать.

Нынешним разведчикам за границей работать несравненно труднее, уверял Ивашутин. Ведь чем слабее страна, тем неохотнее с ней сотрудничают. Говорил, что он поставил бы ГРУ новую задачу: выявлять среди лиц, посылаемых в Россию, разведчиков, чтобы помочь контрразведке вытаскивать их отсюда. А еще Петр Иванович подтвердил мне слух, который я считал чьей-то выдумкой. Оказалось, что настоящая фамилия его Ивашутич. Просто в одном из документов еще в юности, в 18 лет ошибочно написали окончание на русский манер. С тех пор так и пошло.

Признался, что примером для подражания и великим разведчиком считал англичанина Лоуренса:

— В своих мемуарах он написал: человек, мокнувший свои пальцы в разведку, своей смертью не умрет. Преувеличивал, конечно.

Эту последнюю фразу Петр Иванович произнес не совсем уверенно. Когда заканчивалась наша четырехчасовая беседа, его жена Мария Алексеевна принесла торт. Некогда всемогущий человек потянулся за сладким и, попав пальцами в разноцветный крем, сконфузился. И мне до рези в глазах стало жаль великого старика.

— Если считаешь разведку профессией для получения заработной платы, не нужно к ней и близко подходить, — проговорил несколько смешавшийся Петр Иванович. — Разведку надо любить.

Я с интересом расшифровывал диктофонную запись. Газета ждала сенсацию. Однако интервью долго «ходило» по ГРУ, после чего мне передали решение, облеченное в уже привычный термин: «Преждевременно». Такое случалось не раз. Я понимаю специфику службы, уважаю людей, работающих в ней, со многими из них у меня дружеские отношения. Подосадовав, убрал кассеты в «долгий ящик». И вот теперь время пришло.

Н. ПОРОСКОВ

Владимир Завершинский

Первый заместитель директора Службы внешней разведки Владимир Иванович Завершинский родился 24 ноября 1949 года в Челябинской области. Окончив в 1970 году филфак Карачаево-Черкесского педагогического института, поступил на Высшие курсы КГБ в Минске. После четырех лет в контрразведке его рекомендовали на учебу в Краснознаменный институт.

С 1977 года — на оперативной работе во внешней разведке. Двенадцать из 34 лет, которые Владимир Иванович прослужил в системе, он провел в двух длительных зарубежных командировках. С 1992 года полковник Завершинский — в Центральном аппарате Службы внешней разведки. По представлению тогдашнего директора Евгения Максимовича Примакова возглавил одно из ключевых управлений, которым руководил в течение шести лет. С ноября 2000-го — первый заместитель директора СВР. Генерал-полковник Завершинский — кавалер советских и российских орденов, наград ГДР и Афганистана. Особенно дорожит почетным знаком «За службу в разведке» и званием «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки».

35 лет счастлив в браке, вырастил сына. Покорив вершины Центрального Кавказа, в молодости стал мастером спорта по альпинизму. Многие годы посвящает редкие свободные часы нумизматике. Представляет интерес и небольшая, но ценная коллекция кинжалов в его уютной служебной комнате отдыха.

— Владимир Иванович, не выдавая секретов, все же напомню вам, что впервые мы встретились в середине 90-х в кабинете несколько меньших размеров. Тогда на меня особое впечатление произвела невзрачная картонная или бумажная кружечка, стоявшая на самом видном месте.

— Эта разовая посуда играла свою достойную роль при утверждении многих решений, принимавшихся в управлении. Привезли ее два разведчика, которые совершили промах, были арестованы и некоторое время находились в заключении. Из этой кружки — одной на двоих — им давали пить. Мы их, конечно, вызволили, вытащили, они возвратились, были награждены за стойкость и мужество. А подаренный ими предмет тюремного обихода остался в назидание тем, кто планирует и осуществляет разведывательные операции.

Когда мы собирались для принятия ответственного решения, то приветствовали выдвижение смелых и ярких предложений. На стадии обсуждения каждый разведчик вправе высказать свое

мнение. Но если уж решение принято, то тема закрыта, приказ надо выполнять, иначе — беда. Но иногда некоторых сотрудников заносило: да что вы там осторожничаете, можно еще активнее, решительнее… И тогда я демонстрировал эту кружечку — последний, как мы говорили, довод короля. Действовало безотказно.

— Что-то я в новом кабинете кружечки не вижу.

— Она осталась в наследство моему преемнику. Работа в том управлении продолжается.

— Владимир Иванович, вы сказали, что разведчиков «мы, конечно, вызволили». Но ваша профессия подразумевает риск, опасность, в случае провала — арест и такую бумажную кружечку. Неужели никто из подчиненных сейчас не мучается где-нибудь на чужих и далеких нарах, отбывая срок? А тот же Олдрич Эймс, приговоренный в Штатах к пожизненному заключению без права помилования?

— Я бы разделил вопрос на две части. Могу и сегодня подтвердить, что ни один кадровый сотрудник внешней разведки не находится сегодня под арестом или в тюремном заключении за рубежом. Никто не был задержан на длительное время с тем, чтобы его не вызволили, не поменяли или не приняли других мер для освобождения. Хрестоматийные примеры — это обмененные нами Абель-Фишер, Лонсдейл-Молодый и арестованные с ним в Англии супруги Коэны-Крогеры… Относительно недавний эпизод — офицеры внешней разведки Энгер и Черняев были задержаны в США и вернулись на Родину. Даже если человек после службы у нас занялся другим делом и арестован за границей по обвинению в причастности к СВР, то государство, мы в беде его тоже не бросаем. Это твердый принцип, которому не изменяли и не изменим. Несколько лет назад мы сделали все, чтобы освободить бывшего сотрудника Галкина, арестованного в Штатах. Вернули Володю — и он по-прежнему занимается своим бизнесом.

— Я хотел бы снова спросить об агентах — таких, как Эймс.

— Это — вторая часть вопроса. Во-первых, мы не комментируем принадлежность таких людей к разведке.

— Даже в абсолютно очевидных случаях?

— Ничего абсолютного в них нет. Признание их нашими агентами одним из действующих руководителей службы может добавить срок человеку, которому и без того немало дали, повлиять на родственников, помешать линии защиты адвокатов. Нельзя такого допускать! Есть основы профессиональной этики. Если ты работал с источником, то и он, и его родственники должны быть уверены, что это только твоя с ним тайна. Агент тебе доверился, и сдать его считается в российской разведке

самым омерзительным, что только можно с человеком сделать.

— После такого заявления логично предположить, что и своих попавших в беду агентов вы тоже никогда не оставляете без помощи?

— Жизнь преподносит сюрпризы. Иногда это воля президента страны, который вправе помиловать осужденного после определенного времени. Меняется политический режим, к власти приходит другая партия. Случается, к освобождению ведут целенаправленные, скоординированные действия, в том числе и с участием спецслужб. По-прежнему практикующиеся между спецслужбами обмены, в том числе и под чужим флагом. Иногда освобождение осуществляется и в такой «острой» форме, как это было с Джорджем Блейком.

— Который успешно бежал из самой охраняемой в Англии тюрьмы.

— Бывало и иное. Некий адвокат (не стану называть хорошо мне знакомую фамилию) брал на себя посреднические обязанности по освобождению наших людей и выстраивал для этого целую линию. За одного своего разведчика мы, допустим, должны были отпустить из ГДР двух сотрудников БНД, освободить арестованного в Венгрии английского шпиона… Многоступенчатая процедура, несколько напоминающая сложный квартирный обмен. Однажды для освобождения нашего товарища пришлось пригнать на один немецкий мост целый автобус с 23 людьми.

— Владимир Иванович, чувствуется, что вы провели долгие годы в Германии. Теперь-то можно рассказать, чем там занимались?

— При первой командировке в ГДР поле моей деятельности как оперативного работника было разнообразным и достаточно широким. Узкой специализации у нас, как правило, тогда не существовало. Во второй командировке я уже был руководящим сотрудником и соответственно организовывал работу свою и подчиненных. Из Германии (ГДР к тому времени уже не существовало) вернулся домой в 1992-м.

— Значит, вам пришлось пережить за рубежом и распад ГДР, и ее спецслужб?

— Да, драматичные события в жизни нашей страны и особенно в их.

— Насколько успешно складывалась там ваша деятельность? Может быть, раскроете какие-нибудь эпизоды?

— Это вряд ли стоит делать. Ведь события еще достаточно свежи. И совсем не понравится партнерским службам некоторых стран, с которыми мы поддерживаем отношения. Наконец, это

может коснуться судеб людей, с которыми я работал. Однако если меня поощряли, повышали и награждали, видимо, деятельность оказалась небесполезна. Горжусь наградами: нашими орденами, боевым орденом ГДР, орденом Славы Афганистана.

— Побывали и там?

— Но не в составе ограниченного контингента.

— Иногда в прессе и в многочисленных книгах о разведке, особенно зарубежных, звучат утверждения о том, что чуть не все спецслужбы социалистических стран подчинялись Москве. Есть здесь доля истины?

— На начальном этапе становления этих разведок мы, естественно, оказывали консультативную помощь, посылали советников. Даже наш аппарат, работавший там, назывался «аппаратом уполномоченного». После создания местных спецслужб на важных направлениях действовали наши офицеры связи для координации работы. Но мы не руководили, не командовали, не направляли… Каждая из служб стран бывшего соцлагеря была самостоятельной, принимала решения вне зависимости от чьей бы то ни было воли. И уж конечно мы не лезли к их источникам, к конкретным людям.

— Владимир Иванович, как приходят в разведку? Это была мечта детства? Или вам предложили и вы согласились, потому что поняли — профессия как раз для меня?

— Знаете, если взять служебную карьеру, то мой путь особой оригинальностью не отличается. Из Челябинской области, где родился в 1949 году и прожил до 16 лет, мои родители перебрались в Ставропольский край. Там, в городе Ессентуки, и закончил школу номер 3, носившую имя Дзержинского. Возможно, это тоже как-то повлияло на выбор. В то время школа еще поддерживала контакты со вдовой Ф. Э. Дзержинского. Велась переписка, был большой уголок с фотографиями, с ее письмами.

— Даже так?

— Конечно. Живой кусочек истории. Школа существует до сих пор, а на территории по-прежнему стоит памятник Дзержинскому. Скромный, но, вероятно, оказывающий влияние на молодого человека, приходящего сюда учиться. После десятилетки поступил в Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт, сейчас это университет. Хорошая была пора. На нашем курсе училось чуть больше 50 человек, а представляли они 26 национальностей. У меня и сейчас много друзей среди карачаевцев, черкесов, балкарцев, дагестанцев… Закончил я филологический факультет с красным дипломом. Многое было сделано для диссертации по истории русской

литературы XIX века, готовился поступать в аспирантуру в Ленинграде. Но все оставил.

— Тогда возник выбор — филология или спецслужба…

— Да, так сложилось. Василий Федорович Кухлиев и Евгений Константинович Федоров предложили пойти на Высшие курсы КГБ при Совете Министров в Минске, а дальше — работа в контрразведке. И размышления мои были недолги. И Кухлиев, и Федоров впоследствии стали генералами. Уже ушедший, к сожалению, от нас Василий Федорович был одним из руководителей советской контрразведки.

— Интересно, как на вас вышли?

— В те годы, как и сейчас, осуществлялся специальный подбор. В молодости я серьезно занимался спортом, был мастером спорта по альпинизму. Естественно, перед поступлением проходил медицинскую комиссию, тестирование… Как в любой спецслужбе, ничего необычного. Разве что тогда, в начале 70-х, вдруг разразилась эпидемия холеры и нас, молодых ребят, посадили на несколько месяцев на карантин. Обидно — безвыходно в четырех стенах в самом центре Минска. Год проучился и был направлен в Ставропольское управление.

— Прямо к себе домой.

— Относительно — от Ставрополя до моего дома в Ессентуках 200 километров. Когда учился, то после половины курса обучения предусматривалась практика. Меня послали в Ставрополье, и я там, видимо, приглянулся начальнику управления Эдуарду Болеславовичу Нордману, который меня и вызвал. С Эдуардом Болеславовичем мы и сегодня поддерживаем теплые отношения. Человек он заслуженный, воевал в Великую Отечественную в отряде вместе с Машеровым партизанским комсоргом. Работал председателем КГБ в Узбекистане, где смело и принципиально вел громкие дела. Потом наши пути вновь пересеклись — уже в Германии, куда Эдуарда Болеславовича направили представителем в одну из разведгрупп. Нордман отметил свое 80-летие. Выпустил книгу, где есть немного и о нашей совместной работе. Он не пытается говорить, как некоторые руководители, что воспитал, подготовил… Пишет очень интеллигентно: по крайней мере старался не мешать, давал возможность проявлять инициативу. Почти четыре года я у него проработал, а потом направили меня на учебу в Краснознаменный институт Высшей школы КГБ, теперь это — Академия СВР имени Юрия Владимировича Андропова.

— Но ведь это уже внешняя разведка?

— Да. И на то, чтобы отпустить туда молодого оперативника, который был нужен на месте, требовалась уже добрая воля

руководителя. Нордман меня отпустил.

— Пришлось браться за новое дело? Ведь разведка и то, чем вы занимались на Ставрополье, наверно, совсем не похожи.

— Умения, привитые в контрразведке, разведчику не мешают. Это было большой школой, которая позволила мне научиться работе с людьми, понять и представить, что такое получение информации, и открыто, и «втемную», обрести навыки конспирации. И с иностранцами я поработал: Ставропольский край их всегда притягивал. Три года учебы в институте, в 1977 году закончил основной, как мы называем, факультет, и после этого началась уже оперативная работа.

— И вас отправили в ГДР?

— Не хотелось бы называть точные даты моих длительных командировок. В общей сложности провел за рубежом более 12 лет из тех 34, что служу в системе. Я — германист, и, наверное, можно сказать, что работал в ГДР и в объединенной Германии.

— А куда вас определили в Москве сразу после возвращения и в каком звании?

— Полковник. Я семь месяцев работал начальником отдела кадров в одном из наших управлений.

— Вы вернулись на родину в нелегкое для разведки время. Тогда полным ходом шла перестройка всех спецслужб.

— Положение было тяжелое. Мы попали под пресс немыслимых парламентских расследований, непонятных и, поверьте, совершенно некомпетентных комиссий. Задавали вопросы: почему мы оказывали поддержку врагам народа Хонеккеру и руководителю министерства безопасности ГДР Мильке? Их тогда трусливо сдали, по существу вытолкали из России, забыв, что они были не только верными союзниками, но и антифашистами, в конце концов, Героями нашего Советского Союза.

Комиссии очень волновали мои связи с руководителем внешней разведки ГДР Маркусом Вольфом. Я горжусь, что больше 30 лет знаком с генералом Вольфом. После распада страны его арестовали, посадили в тюрьму. Вместе с женой Андреа они выдержали все эти немыслимые и позорные преследования. Вот уж кто не сломился. В борьбе двух немецких спецслужб оперативные успехи Вольфа и его соратников были столь очевидны. Их, служивших в законно существовавшей внешней разведке, победившей, на мой взгляд, в противостоянии с западногерманской, терзают до сих пор. А к нам в СВР тогда рванули многие жаждущие популярности депутаты: где секретные архивы, где отдел, в котором сидят «натренированные убийцы»? Чушь! Но рвались, требовали секретные документы, некую

«особую папку»…

— А вы?

— Как и другие руководители, не пускал и не давал. В ответ получал обвинения в том, что покрываю, укрываю или не способствую очередному расследованию. Почти все проверявшие грозили увольнением.

— Не было соблазна плюнуть и уйти?

— Охватывали сомнения — служить или не служить? Что делать дальше, когда люди, ни черта не понимавшие в нашем деликатнейшем деле, вызывают тебя и, прямо говоря, требуют выдать государственную тайну? Наверное, хорошо, что я тогда работал в отделе кадров. Вот когда возникло чувство профессиональной солидарности и ответственности: если сейчас уйти, то на твое место придут те, чужие. Развалят все, что только можно.

— Вы остались, но сколько светлых голов разведку покинуло…

— Период был особенно сложный. Формировалось отрицательное отношение общества к разведке, не было понимания во властных структурах. Доходило до того, что на покрытие всех текущих расходов за рубежом нам выдавали средства в экзотической валюте: как хотите, так и работайте, меняйте или еще что. А уж зарплата… В разведке остались только те, кто работал по убеждению. Все, пришедшие из финансовых либо карьерных соображений, ушли. Как и те, кто не сумел выдержать неприятнейшего прессинга. Многие наши сотрудники сейчас работают в бизнесе, в различных частных структурах. Я говорю это не в обиду или в осуждение им. Люди реализуют себя там, где могут, они служат и помогают стране. Зато у нас в разведке остался костяк тех, кто работал по убеждению. Кто после довольно мучительных размышлений понял: надо сохранить то, что осталось. Спасать профессионализм Службы и ее источников, держаться, стиснув зубы. Тогда к нам пришел новый директор — Евгений Максимович Примаков.

— Считается, что он и спас внешнюю разведку от грозившего развала. А если вернуться к вам лично, как все-таки после тех испытаний сложился ваш путь к креслу первого заместителя директора внешней разведки?

— *Я* прошел путь от младшего оперуполномоченного до старшего уполномоченного в контрразведке. Затем все ступени, не минуя ни единой, в Службе внешней разведки. А тогда, в трудные годы, Примаков предложил мне возглавить один из важных отделов. Политик он — мощный, организатор — великолепный. Но чувствовал, что нужно советоваться с профессионалами высшей пробы — Кирпиченко, Рапотой,

Трубниковым… Одновременно присматривался и к более молодым, которых считал перспективными. При моем назначении (договаривались на срок не менее пяти лет) мы наметили профессиональные задачи. На какие направления расставить кадры. Чего в первую очередь добиваться. На какие объекты проникнуть. Где добывать важную упреждающую информацию. Однако терпения Евгения Максимовича хватило на полтора-два года: он увидел результаты работы отдела и предложил возглавить еще более крупное, более ответственное подразделение. Я по ряду причин отказывался, выражал сомнения, просил дать время подумать. Но прозвучала запомнившаяся примаковская фраза: «Ты думай, а мы будем решать». Вскоре вышел указ президента. Аналогов его не встречал ни до, ни после: освободить генерал-майора Завершинского от должности начальника управления и назначить его на должность начальника управления.

— Даже названия управления из-за его секретности не указывалось?

— Без какого-либо названия. Затем Евгений Максимович Примаков и Вячеслав Иванович Трубников представили меня в управлении, которым я потом руководил шесть лет.

— Задавать вопросы о содержании работы в новой должности бесперспективно…

— Совершенно.

— А с кем вы работали?

— Со многими прекрасными людьми, профессионалами высшего класса, в том числе с Героями Советского Союза и России. С Героем Советского Союза Геворком Вартаняном. Сблизился и дорожу отношениями с Джорджем Блейком. Думаю, этих двух славных имен достаточно. А 24 ноября 2000 года последовал новый указ президента о моем назначении первым заместителем директора.

— Прямо в ваш день рождения. Случайное совпадение?

— Думаю, да.

— Вы считаете себя везучим человеком?

— Наверное.

— Существует в разведке такой фактор, как везение?

— Конечно. Есть и везучие люди. Но у меня другая теория: иногда мелькнет удача рядом с человеком, а он ее и разглядеть не успеет. Чтобы увидеть удачу, надо иметь подготовку и знания.

— У вас такие в наличии имеются?

— Вы хотите услышать, заслуженно ли я занимаю свой пост? Признаюсь вам, полагал, что на предыдущее место в СВР я пришел навсегда, по ряду причин оттуда очень трудно уходить.

— Многое было завязано лично на вас?

— Многое, и очень много людей, которые поверили мне и которым поверил я.

— А вы сами вербовали агентов?

— Естественно. Это называется «привлекал к сотрудничеству».

— В июле 2003 года на празднование 100-летия Абеля-Фишера видел вас в красивом синем костюме, и вы его сами назвали «вербовочным».

— Это у нас скорее шутка. Ходишь в повседневной одежде и вдруг появляешься в элегантном костюме. Сослуживцы обращают внимание: а, ты сегодня в «вербовочном» костюме. Искренне полагаю, что привлечение человека к сотрудничеству, процесс беседы с ним для получения информации — высшее проявление профессионализма разведчика. И он должен выглядеть соответствующе и внутренне, и внешне. Когда этот момент должен наступить, отутюжьте еще разок ваш «вербовочный» костюм.

— Владимир Иванович, какова роль вашей Службы в борьбе с исламским экстремизмом? Есть ли у вас агенты, источники в их организациях? И как их внедрять во все эти кланы и тейпы? Ведь если человек проник в банду, он невольно может замарать свои руки чужой кровью.

— Сложнейший вопрос. Использование термина «исламский экстремизм» не поддерживаю. Я бы, скорее, не говорил даже об исламском экстремизме, поскольку ислам — многовековая религия и традиции у нее иные. Для решения конфликта используется религиозный фанатизм. Терроризм — это форма разрешения конфликта грязными и кровавыми методами. Есть терроризм локальный. К примеру, в Испании проводят свою линию баски, в Ирландии — Ирландская республиканская армия. Ни баски, ни ИРА не собираются действовать за пределами собственной территории. И воюют с ними местные спецслужбы. Они, разумеется, обращаются за помощью к другим странам — у басков, у ИРА где-то есть базы, лагеря подготовки. Но все равно основная борьба идет у них дома. А есть такая организация, которая прозвучала на весь мир после сентябрьских событий 2001 года в США. И наш Президент еще задолго до этого прямо предупреждал о страшной угрозе, об игнорировании Западом происходящего в России, что сейчас в Чечне идет обкатывание международного терроризма, который будет неминуемо распространяться по всему свету. В Афганистане натаскивали многих чеченских бандитов. В Пакистане есть или были лагеря подготовки террористов.

— А кого в них привлекают? И каким образом человека можно настолько обработать, что он превращается в полностью послушную, контролируемую машину?

— Сначала ведут вроде бы невинную идеологическую обработку. Это делают в специальных центрах, иногда используют традиционные методы. Скажем, во время хаджа, который совершают мусульмане, могут подбирать наиболее экстремистски настроенных. Это и люди из беднейших слоев населения, разуверившиеся, потерявшие надежду. И палестинцы, которые отчаялись мучиться в своих лагерях и не видят никакого выхода. Или, как в Афганистане, когда многие его жители не знают и не умеют ничего, кроме обращения с оружием. Случается, будущих террористов сознательно сажают на иглу, вяжут наркотиками. Используют тех, кто не вписывается в общепринятые житейские стандарты. Они не способны и не желают жить под диктовку, начинают сопротивляться, и протест этот принимает крайние формы. Некоторые иностранные спецслужбы тайно, а иногда явно, оказывают поддержку экстремистам. Создаваемые ими структуры выходили из-под их же контроля. Яркий пример — Усама бен Ладен.

До сих пор проявляется политика двойных стандартов. В Великобритании предоставили убежище Закаеву. Явного террориста провозгласили борцом за свободу. Тем же британцам мы не раз говорили: в мечетях на вашей территории собирают пожертвования и отправляют в Чечню. Какая же это гуманитарная помощь — бинокли ночного видения, перевязочные материалы, военная форма? Не будет единения среди государств — бандиты почувствуют себя вольготно, и тогда базу для финансовой и иной подпитки терроризма не уничтожить.

Если говорить о Европе, то ни в одной европейской стране понятия «терроризм» не существовало. Нет законодательной базы. И Россия в числе других государств пытается провести такие законы на международном уровне, включая ООН. События последних лет подтолкнули ведущие спецслужбы мира к борьбе с международным терроризмом. Контакты в этой сфере налажены практически со всеми. Говоря суховатым служебным языком, канал взаимодействия используется в качестве «горячей линии» для оперативной передачи информации о базах и лагерях, о возможных терактах, маршрутах передвижения боевиков, путях оказания им поддержки. Конечно, взаимодействуем и по чеченской проблеме. Многие партнеры, справедливо считающие Чечню неотъемлемой частью России, а чеченский терроризм составной частью мирового терроризма, оказывают нам в этом посильную помощь. Соответственно оповещаем партнеров о

возможных террористических угрозах и мы. Совместными усилиями нам удалось выявить и нейтрализовать ряд экстремистских организаций.

— А существует ли подобное сотрудничество с коллегами из США и других стран НАТО? Обмениваетесь ли информацией?

— Обмен идет. Можно было бы привести и конкретные эпизоды, но для этого надо получить согласие наших партнеров.

— Владимир Иванович, вернемся к вопросу о внедрении сотрудников спецслужб в банды экстремистов.

— Во внешней разведке существует своя внутренняя этика. Повторю: мы не пользуемся грязными методами. Даже во имя каких-то наивысших целей. А я бы хотел обратить ваше внимание на то, что любой террорист, террористическая организация, группировка не могут действовать в безвоздушном пространстве. Им требуются транспорт, жилье, телефоны. Бандитам нужно перемещаться, получать документы и открывать банковские счета. Покупать взрывчатку или химические препараты. Оформлять фальшивые документы для переброски групп боевиков. При всей конспирации они оставляют следы своей деятельности. Вот то поле, на котором их по силам фиксировать спецслужбам. Здесь и необходима координация специальных служб. В одиночку ни с одной из задач не справиться. Допустим, выявим человека, который открыл для террористов счет где-то в офшорной зоне. И что мы с ним можем сделать сами? Обнародовать эту информацию. Но тогда грязные деньги пустят по другому каналу. Только действуя вместе, мы сможем остановить финансирование боевиков. Тут, кстати, есть свои особенности. Даже для современного мусульманского экстремизма не характерна европейская форма перевода денег. Чек, карточка, счет в банке… — к этому они не привыкли. Как правило, многое у них идет наличными без фиксированных счетов, к отслеживанию которых спецслужбы привыкли. Но все равно за передачей денег экстремистам следить можно.

— И удается?

— Да. Деньги, настоящие или, как в случае с Чечней, фальшивые, перевозятся наличными. Передаются курьерами, которые вроде бы не должны привлекать внимания спецслужб. Это могут быть хромой инвалид, беременная женщина, вызывающие сострадание у всех, даже у обычно строгих таможенников, пограничников. И еще. Где полнее всего сосредоточиваются материалы об экстремистских, террористических и других угрозах?

— В спецслужбах.

— Вывод правильный.

— А точный час удара американцев по Ираку тоже был вам известен?

— Для разведки не было неожиданностью принятие американцами именно такого политического решения.

— И конкретно военного?

— И о нем мы тоже знали, что позволило МИДу и МЧС своевременно эвакуировать оттуда персонал, всех посольских жен и детей. Собрали всех специалистов, которые там работали. Мы располагали точной информацией, могли ошибаться разве что в часах.

— Сегодня руководители НАТО уверяют: расширение блока на Восток опасности для России не представляет. Но сегодня от наших границ до натовских — рукой подать. Разведку это не тревожит?

— Это тревожит любого разумного человека. НАТО — не клуб по интересам, это — военная организация. Разведка внимательно отслеживает ситуацию, оценивая и прогнозируя возможные последствия для безопасности России. В числе других служб мы докладываем руководству страны о своих опасениях.

— Сейчас в США организовано разведывательное ведомство, которое, если верить американской прессе, объединяет около 170 тысяч сотрудников спецслужб. Какова ваша реакция на это?

— Вы имеете в виду созданное в 2003 году Министерство внутренней безопасности США. Его основная задача — предотвращение терактов и ликвидация их последствий на территории страны. Наверное, пока даже сами американцы не могут оценить эффективность этого амбициозного проекта и предсказать, к чему в конечном итоге он приведет на практике. Отмечу лишь, что каждое государство выбирает свой собственный оптимальный — по его мнению — путь борьбы с внешними и внутренними угрозами. А чужой опыт мы всегда изучаем с интересом.

— Руководители СВР утверждали, что разведка на территории стран СНГ не ведется. Но теперь некоторые партнеры по СНГ рвутся вступить в НАТО. Не изменятся ли в связи с этим и наши постулаты о вечной дружбе с близкими соседями по СНГ?

— Подтверждаю, что в настоящее время СВР не ведет разведки на территории стран СНГ. Очень не хотелось бы, чтобы нас вынудили отказаться от этой позиции.

— Как вы относитесь к разговорам о том, что современная техника вскоре сведет деятельность работающего «в поле» разведчика чуть ли не к нулю?

— Как к разговорам. Я убежденный сторонник того, что никакая техника не заменит человека. И главный инструмент

разведки и любой спецслужбы, которая себя уважает и считает значимой — это все-таки источники, человеческий фактор. Ведь техникой управляет человек, и весь вопрос в том, сможет ли он сделать верный и правильный вывод на основании данных, добытых или предоставленных этой техникой. Допустим, облеченный властью политик присутствует при принятии важных решений. И только ему дано знать, до каких пределов эти решения распространяются. Это тонкая материя. Нет, машина никогда не заменит человека. Поэтому считаю настоящими спецслужбами только те, которые в своей работе умело сочетают оба метода. Наша разведка делает ставку на работу с людьми.

— И люди из зарубежья идут на сближение? Раньше ведь многих подталкивала коммунистическая идея, некоторые источники работали только ради нее, отказываясь от вознаграждения. А что сейчас?

— Люди по-прежнему идут. Кого-то не устраивает однополярный мир. Они могут открыто не высказывать своих взглядов, но реально оценивают происходящее и по мере сил препятствуют этому. Кто-то, как и раньше, когда создавалась атомная бомба, опасается, что прорывы в современных технологиях, создание нового оружия будут сосредоточены в руках лишь одного государства с авантюрным режимом, что грозит большой бедой человечеству. Иные делятся информацией, исходя из национальных интересов. Другие понимают, что их стране с Россией выгодно иметь хорошие политические, экономические, военные отношения, и потому идут на контакт. С нами сотрудничают те, кто видит ущемление их национального достоинства. Бывает, приходят обиженные чьей-либо безапелляционностью, недостойными методами обращения. Иногда сотрудничают и на безвозмездной основе. Должен сказать, что и такая форма осталась. Сочувствуют России, уважают ее. Хочу обязательно подчеркнуть: сотрудничество осуществляется на добровольной основе, мы не используем методов давления. Никакого шантажа. Другое дело, технология нашей работы такова, что не всегда источник отчетливо понимает, с кем он имеет дело.

— Привлекаете к сотрудничеству под другим флагом?

— Бывает.

— А как у вас сейчас с финансированием?

— У нас были сложные времена. Тогда Евгений Максимович Примаков, будучи директором СВР, произнес крылатую фразу: «Разведка, к сожалению, финансируется на нижнем пределе разумной достаточности». Сейчас мы тоже, конечно, не жируем. Если разведке необходимо что-то для серьезного мероприятия, то

мы ни разу не получали отказа. На проведение оперативной деятельности нам выделяется достаточно средств. Они не сопоставимы с теми, что получает разведсообщество США или даже их отдельные спецслужбы. Но мы-то всегда брали другим — эффективностью работы, преданностью сотрудников, сосредоточенностью на главных приоритетах и направлениях разведывательной деятельности. Нашим сотрудникам, как и другим военнослужащим, решением президента и правительства увеличено денежное довольствие. Теперь самостоятельно строим жилье для работников: трудно представить, чтобы кто-то из них смог купить себе жилье по коммерческой цене да еще в московских условиях. Есть и база для осуществления социальных гарантий медицинского обслуживания, отдыха.

Смею заверить, что требования к кандидатам на работу в разведку у нас по-прежнему исключительно высоки, однако никакого недобора в наше профессиональное учебное заведение нет. Редко какая другая профессия открывает такие широкие возможности для самореализации и одновременно заставляет чувствовать собственную сопричастность к решению задач государственного значения. Талантливые люди, готовые служить Родине, в России не переводятся.

— Кто приходит сейчас в разведку и как ведется подбор кандидатов? В начале нашего разговора вы рассказали, как в 70-х «вышли» на вас. Что теперь? Кто делает первый шаг по привлечению? Много ли претендентов на учебу в Академии имени Андропова?

— Ваш вопрос на нашем профессиональном языке звучит по-другому: «Кого берут сегодня в разведку?» Любая уважающая себя спецслужба, а СВР, несомненно, относится к таковым, сама подбирает кадры. Потребность в них определяется руководством разведки, исходя из задач, которые ставят Президент России, политическое руководство страны. Кандидат на работу в разведке должен быть патриотом, готовым переносить физические и моральные перегрузки, иметь законченное высшее образование и способность к изучению иностранных языков. Будущий разведчик обязан хорошо ориентироваться в вопросах политики и экономики, техники, культуры, иметь аналитический склад ума.

Немаловажно также уметь общаться с людьми и располагать их к себе. Нужно быть готовым работать в команде, а если потребуется — и в одиночку, владеть собой. Уметь принимать решения при дефиците времени или даже в экстремальных условиях. Перечень требований к кандидату можно продолжить. В некоторых случаях они диктуются характером конкретного участка будущей работы.

Определив кандидатуру, кадровое подразделение его тщательно проверяет и только после принятия решения о годности делает предложение. Естественно, к нам идут только добровольно, осознавая степень ответственности, понимая, какой вклад могут внести в дело обеспечения безопасности Родины, ее национальных интересов. А дальше — профессиональная подготовка, как правило, в Академии СВР. Более детально, по понятным причинам, процесс подбора и подготовки будущего разведчика вряд ли нужно детализировать. Претендентов и кандидатов достаточно. У СВР была, есть и, надеюсь, всегда будет возможность отбирать в свои ряды людей достойных, перспективных, способных реализовать себя в особо деликатной и одновременно исключительно ответственной для государства сфере деятельности.

— В британских спецслужбах на некоторых ключевых постах, правда в контрразведке, находятся женщины. Занимают ли представительницы прекрасного пола у нас важные посты? И вообще — требуются ли дамы на вашей работе?

— Представительницы прекрасного пола в СВР работают. Вот только сочетание «прекрасного и слабого» к нашим сотрудницам применимо, вероятно, только в первой части.

В истории всех разведок мира женщины иногда играли значительную роль. Подтверждений тому достаточно. В советской внешней разведке ярко проявили себя, например, Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина, работавшая на ответственных постах в Центре и за границей, и Елена Дмитриевна Модржинская. Обе прекрасно проявили себя как организаторы разведывательной и информационной работы. В военное время лично готовили информационные материалы, на основании которых принимала решения Ставка Верховного главнокомандования. После работы в разведке Зоя Ивановна стала писательницей, лауреатом Госпремии СССР, а Елена Дмитриевна — известным ученым, доктором наук, профессором Института философии Академии наук СССР.

Успешно работали во внешней разведке женщины — сотрудницы нелегальной разведки. Это Африка де Лас Эрас, Елизавета Юльевна Зарубина, Ирина Каримовна Алимова, Галина Ивановна Федорова, Анна Федоровна Филоненко, Леонтина Коэн, Гоар Левоновна Вартанян. Чтимы в СВР заслуги Елены Николаевны Чебурашкиной, Марины Ивановны Кириной, десятков других изумительных женщин, блестяще проявивших себя на разведработе. Их труд отмечен высокими государственными наградами, признанием и уважением не только коллег по работе, но и тех, кто по воле судьбы был их

противниками. О некоторых из них уже много написано. Прототипом радистки Кэт из культового телесериала «Семнадцать мгновений весны» стала Анна Федоровна Филоненко. Леонтине Коэн уже после кончины было присвоено звание Героя России.

К сожалению, еще не пришло время рассказать о других наших разведчицах. Сегодня в СВР женщины занимают достойное, по праву принадлежащее им место. Изменившаяся ситуация в мире, отход от прямой «блоковой» конфронтации привели к тому, что почти не возникает необходимости в использовании разведчиц на оперативной работе или в горячих точках планеты. Однако во многих случаях женщины в СВР прекрасно проявляют себя в информационных и аналитических подразделениях, там, где необходимы лингвисты, переводчики, психологи, аналитики, операторы связи, компьютерщики. У женщин более развиты такие качества, как интуиция, наблюдательность, методичность. Подчеркиваю, что речь идет о женщинах — офицерах разведки.

— Ваши подопечные, речь о легальных резидентурах, действуют во многих странах. В каких из них работа наиболее трудна? Где контрразведка особенно хорошо поставлена и работает против наших решительно и жестко?

— Поле деятельности СВР — за пределами России. Регламентирована работа разведки законом «О внешней разведке». Любая уважающая себя страна, претендующая на то, чтобы к ее голосу прислушивались в мировом сообществе, имеет разведывательные службы. Мы не выделяемся в этом ряду и не отличаемся от развитых государств мира. В тех странах, где СВР ведет свою работу, мы делаем ровно столько, сколько разведки этих стран в России. У каждой разведки — свой почерк. Кто-то берет массовостью, кто-то нахрапистостью, кто-то большими деньгами. Смею надеяться, что сила СВР в традициях и интеллекте сотрудников.

Понятно, что против СВР работают контрразведывательные службы многих стран. Это естественно и нормально. И если в подобном противостоянии возникают острые моменты, мы — за цивилизованное, спокойное решение возникающих проблем, без осложнения межгосударственных отношений, кампаний шпиономании, бездоказательных обвинений и рецидивов холодной войны. Более того, в современном мире есть общие угрозы, назовем хотя бы тот же международный терроризм, где, как это ни парадоксально звучит, разведка может иметь общие цели и интересы с контрразведкой страны пребывания.

Об особенностях и оценках работы «чужих» контрразведок

публично распространяться не хочется: вряд ли уместно показывать им, где они сильнее, а где слабее. И как бы жестко против нас ни работали, сотрудники СВР, надеюсь, решают свои задачи на должном уровне, независимо от региона, в котором они действуют.

— А если бы я попросил вас оценишь коллег по зарубежной разведке: какие спецслужбы западных государств отличаются профессионализмом и агрессивностью?

— Ничего нового не открою. ЦРУ, СИС, ДЖСЕ, БНД, МОССАД. Впрочем, лучше расположить их по алфавиту, чтобы кому-нибудь, прочитав там, за рубежом, этот мой ответ, не увеличили или не уменьшили штаты.

— Во многих открытых зарубежных источниках уважаемые авторы советскими агентами называют лиц, занимавших высокие, подчас ключевые посты, в том числе и в правительствах стран наших бывших главных противников. Тут упоминаются американцы Гарриман, Маски, даже Киссинджер… А среди ученых и Бор, и Оппенгеймер… Герой России атомный разведчик Владимир Борисович Барковский разговоры о Боре и К° иначе как «чушью» не именовал. Но вот о политических деятелях разговор особый. Или зарубежные авторы ошибаются?

— Представим реальную ситуацию. Кто-то из знаменитой «кембриджской пятерки» или высочайшего уровня нелегалов типа Абеля, Бена — Молодого, Крогеров, Быстролетова… имеет доступ к документам или реальным политикам на ключевых постах. Сведения, в том числе документальные, попадают в разведку и к политическому руководству страны.

Как они могут реализовываться? В виде информационного сообщения: «Тогда-то, там-то такой-то политик заявил, что…» Значит ли это, что сам политик передал нам эти сведения? Нет. Говорил (или писал) он что-либо подобное? Несомненно, да! Отсюда и путаница в определении «советских агентов».

Иная ситуация: разведка контролирует шифры и коды и, чтобы «закрыть», обезопасить источник получения сведений и сохранить на будущее для более широкой реализации добытых материалов, будет указывать: «По данным из окружения лидера страны или партии», «по надежным данным, мистер «Х» намерен…»

Значит ли это, что «лидер» и «мистер Х» — агенты советской разведки? Хотя те, кто через лет 30–50 читают документы, которые рассекречены или попали к «противнику», могут самостоятельно прийти к выводу о принадлежности этих лиц к агентуре советской разведки. Да еще если кто-то из них политик из конкурирующей партии.

Все это не исключает наличия у советской разведки в агентурной сети лиц, занимавших ключевые посты.

Но это не наша тайна. Общая.

— Этот вопрос навеян книгами Павла Судоплатова и последней книгой его соратника Эйтингона. Судоплатов немало и очень правдоподобно пишет о мероприятиях тех уже далеких лет. По крайней мере, не верить ему оснований нет. А что происходит сейчас? Используются ли хотя бы иногда, в самых крайних случаях, методы генерала Судоплатова?

— СВР этих методов не использует даже в самых крайних случаях. Методы, которые применял Судоплатов, «имели место быть». Однако к свидетельствам самого Павла Анатольевича нужно подходить критически. При подготовке его книги сам он, его сын и «соавторы» принимали на веру устные рассказы или «свидетелей» или «участников», в том числе находившихся за границей. Многие свидетельствовали по принципу «все, что было не со мной, — помню». Этому есть примеры.

— Допускаете ли вы, что в России действуют хорошо внедрившиеся «их» нелегалы? Можно, конечно, отделаться шуткой уже упоминавшегося разведчика-нелегала Геворка Андреевича Вартаняна: «Они у нас больше полугода не выдерживают».

— Не допускаю. Даже теоретически. А вот агентуру из граждан Российской Федерации и СССР, переселенцев и эмигрантов (или их детей и внуков) — допускаю.

— В разведке случаются и предательства. Напомню о деле полковника Запорожского, осужденного сравнительно недавно за измену на 18 лет. Как удалось вытянуть, заманить домой из США предателя, который теперь отбывает заслуженный срок?

— Разведка ведет постоянный бой, понятно, что здесь неизбежны и постоянные столкновения. Степень чужого интереса и степень влияния, воздействия на разведчиков несопоставимы с тем, что могут испытывать представители других профессий. К сожалению, находятся и подлецы. При советском режиме некоторые пытались рядиться в правозащитников. Оставались и выдавали своих, ссылаясь на ввод войск в Чехословакию, на неприятие партийного курса… Но сейчас валить не на кого. Попадаются люди с гнилыми душонками. Начинает такой завидовать чужим деньгам, достатку. Вбивает себе в голову, что его недооценили. У него есть выбор — уйди достойно: в бизнес, в сферу, где считаешь себя специалистом. Но торговать самым святым — судьбами своих же товарищей, с которыми ты работал… К сожалению, на моей памяти несколько тяжелых случаев предательства.

— Что лежит в основе измены? Несколько ущемленная

психология, на которую к тому же влияют с той стороны? Или умело вербуют, покупают, предлагая огромные деньги?

— Как правило, комбинация того и другого. Но в основе лежит эгоцентризм, завышенная самооценка. А тут еще и искушение — получить сразу и много.

— В СВР существует собственное подразделение, которое и призвано выявлять предателей. Вы довольны его работой?

— Не полностью. Хотя в последние годы служба собственной безопасности выправляется, набирает обороты. Один из примеров — упомянутый вами предатель Запорожский. Вся оперативная, не один месяц и даже год продолжавшаяся операция по его выводу в Москву — пример тесного взаимодействия внешней разведки и Федеральной службы безопасности. Он знал, что ему может грозить, но тем не менее его заманили в ловушку. Переиграть этого хорошо подготовленного человека оказалось очень не просто.

— Свои же его и готовили.

— Свои, а потом и чужие.

— Мы упомянули о ФСБ. То утихают, то снова возникают дебаты о возможности создания единой спецслужбы, о необходимости слить, укрупнить, объединить.

— Останется ли внешняя разведка самостоятельной? Президент подтвердил, что реорганизация спецслужб закончена. О том, что СВР остается самостоятельным органом, заявил четко и однозначно. Но в то же время у нас разностороннее, плодотворное сотрудничество с ФСБ и другими спецслужбами, силовыми ведомствами, включая МВД и Министерство обороны. Все мы делаем одно дело, отстаиваем национальные интересы России и обеспечиваем ее безопасность. А без тесного взаимодействия не обойтись.

— Нет ли у вас ощущения, что сейчас роль руководителя разведки становится в значительной степени и политической? Теперь в деятельности СВР гораздо больше аналитики, а острые оперативные мероприятия сводятся к минимуму?

— Любой наш сотрудник обязан знать о политических проблемах как своей страны, так и того региона, в котором ему предстоит работать. Хороший разведчик должен развивать в себе аналитические способности, постоянно совершенствовать знания. Ведь для того, чтобы отстаивать и защищать национальные интересы России специфическими силами и средствами, аполитичный человек не годится. Более того, он даже опасен. Речь, конечно, не о партийной принадлежности, а о сопричастности нуждам и интересам своей страны, своего народа.

Директор СВР и его заместители назначаются на должность

Президентом Российской Федерации. Сергей Николаевич Лебедев непосредственно докладывает Президенту России материалы СВР, получает указания и рекомендации. По роду службы он общается с руководителями иностранных спецслужб, с которыми у разведки установлены партнерские отношения. Мнение разведки учитывается при принятии важных государственных решений. Иногда они базируются на данных разведки. В этом смысле, конечно, можно говорить о политической роли директора СВР.

— Что можно поведать об экономической разведке? Нельзя ли привести хоть какой-то конкретный пример успешной превентивной работы в этом направлении?

— Разведка противодействует внешнеэкономическим угрозам и помогает развитию страны своими методами и средствами. Это направление занимает сейчас важное место в деятельности СВР. Ни одно решение по крупной внешнеэкономической сделке не принимается без нашего участия. Мы предоставляем информацию, а соответствующие ведомства, министерства ее учитывают: вот что считает МИД, а вот мнение СВР. И президент, правительство выносят свой вердикт на высоком политическом уровне. Можно привести множество конкретных примеров. Но их обнародование противоречит нашим правилам. Все же скажу, что недавно нам удалось предотвратить спланированную за рубежом акцию на рынке стратегического сырья, которая бы нанесла существенный ущерб российским производителям и бюджету страны.

— Вы не станете отрицать, что СВР стремится добывать чужие экономические секреты не только в военной области. Помимо аналитики тут требуются и другие методы — оперативные, решительные.

— Отрицать не стану. Разведка к этому стремится. И успешно эти задачи решает, в том числе оперативными силами и средствами, аналитикой и прогнозами.

В тех сферах, где СВР выступает в роли исполнителя, ей могут — и часто поручают — добыть дополнительные сведения. Основной критерий — информация (в отличие, скажем, от получаемой МИДом) должна быть секретной, прогнозной или упреждающей, достоверной.

— В США сугубо государственная разведка теперь помогает не только государственным, но и частным фирмам в их борьбе с крупными международными мошенниками. Лиц, ведущих экономическую разведку против частных фирм, ловят совсем не частные детективы. А как у нас? Ведь мощные российские компании, принадлежащие богатейшим физическим лицам, в последнее время вносят в государственный бюджет значительные

средства в виде налогов.

— Старый стереотип: если частник, пусть сам крутится. Однако Президент со всеми на то основаниями нацеливает нас на другой, современный подход. И когда интересы российского бизнеса, в том числе и частного, могут где-то ущемить, когда мы имеем упреждающие данные о том, что наши вполне законопослушные фирмы не пускают на рынки, то, конечно, реагируем. Другое дело, кому мы эту информацию докладываем. На прямые контакты с руководителями компаний, советоваться с олигархами пойти не можем.

— *Почему?*

— Как по политическим причинам, так и по чисто нашим, корпоративным. Допустим, передали информацию, а в правлении сидит иностранец из той страны, откуда эти сведения и получены. Возможно, он захочет поддержать не российскую компанию, а как раз ту зарубежную корпорацию-соперницу. К тому же мы отвечаем за безопасность наших агентов, и при работе с частными организациями необходимо более тщательно скрывать источник информации. Что бы ни случилось, мы нашего информатора не подставим. Поэтому обеспечиваем безопасность материала, передавая его в соответствующее ведомство, министерство тем людям, которые наделены правом эту секретную информацию получать, учитывать, а при необходимости и реализовывать.

Еще одна причина — мы стараемся оградить наших сотрудников от любых попыток подкупа. А большой бизнес, прекрасно зная о скромных зарплатах наших сотрудников, иногда старался их использовать в своих целях. Мы осведомлены о таких шагах, предпринимавшихся раньше, особенно в 1992–1995 годах. Тогда крупный бизнес не оставлял надежд проникнуть в структуры ФСБ, МВД, СВР. Теперь эти попытки бизнесмены оставили, сделать это им практически невозможно.

— *Чувствуете востребованность Службы внешней разведки? Вы в середине нашего разговора упоминали об относительном непонимании между властными структурами и СВР в начале 90-х.*

— Востребованность не сопоставима с прежней. Мы чувствуем свою необходимость государству, Президенту. Развединформация докладывается руководителю страны директором СВР еженедельно, а при необходимости и чаще. Сергей Николаевич Лебедев участвует в обсуждении всех государственных решений, которые принимаются в областях, где требуется участие разведки.

— *Правда ли, что вы с директором СВР ни на день не оставляете свою штаб-квартиру в Ясенево? Если по своим делам*

уезжает он, вы всегда на месте. Отлучаетесь вы — и на дежурство заступает директор.

— Так диктуется интересами Службы. Стараемся вдвоем не отсутствовать, кто-то остается на хозяйстве. В теплое время живу здесь в поселке, как и директор. Мы эти коттеджи не разбазарили, а сохранили. Пока сотрудник работает, коттедж за ним. Ушел, уехал, перешел на новое место работы — домик освобождается.

— При такой занятости и привязанности к кабинету у вас остается время на что-либо, кроме работы?

— Мое увлечение — нумизматика. Коллекционирую монеты, связанные с историей России.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей семье.

— Мы с женой Ларисой Васильевной учились на одном филологическом факультете. Вот уже 35 лет вместе. Сын наш совсем взрослый.

— Частенько в семьях профессионалов-разведчиков дети идут по стопам родителей.

— Но не в моей.

— У вас довольно редкая фамилия.

— Предки по линии отца — казаки из Оренбурга. Один из них командовал 6-м Оренбургским казачьим полком и во время Гражданской, чтоб не воевать и не лить кровь, увел своих казаков в Китай. А другой был заместителем командира красного Отдельного полка имени Степана Разина. Воевал у Блюхера. Человек заслуженный, до 1938-го жил в Москве. Последняя должность — директор фабрики. Входил в землячество казаков-партизан, был ложно обвинен в связях с врагами народа. Арестовали, через неделю расстреляли, потом реабилитировали. Я нашел по нему архивные материалы. Тройка, обвинения, непризнание вины. Отыскал место его захоронения, сообщил родственникам.

А относительно фамилии, так на Урале такие типичны — Бурых, Косых, Рябых… У отца фамилия была — Завершинских, с ударением на последнем слоге и не склонялась. Я долго выяснял, от чего она произошла — от «версты», «завершения» или еще от чего. А моя фамилия Завершинский появилась из-за ошибки при получении свидетельства о рождении. Я заметил это только когда менял паспорт. Отец меня утешил: «Не горюй, я — Завершинских, а твой дед был Завершинский. Так у меня эта фамилия и осталась.

Н. ДОЛГОПОЛОВ

У ИСТОКОВ
Александр Чернышев

«Зачем нет у меня многих министров, таких, как этот молодой человек!» Так написал император Александр I на донесении своего военного агента из Парижа Александра Ивановича Чернышева, от 5 (17) июня 1811 года[2].

О Чернышеве писали и в серьезных научных работах, и в беллетризованных книгах по истории разведки. Раз или два мелькнул он на страницах романа «Война и мир». Когда князь Болконский прибыл для представления императору Александру после начала войны, армия Наполеона перешла Неман и быстро продвигалась в глубь России. «Князь Андрей приехал в квартиру генерала Бенигсена, занимавшего небольшой помещичий дом на самом берегу реки, — пишет Лев Николаевич Толстой. — Ни Бенигсена, ни государя не было там; но Чернышев, флигель-адъютант государя, принял Болконского и объявил ему, что государь поехал с генералом Бенигсеном и с маркизом Паулучи другой раз в нынешний день для объезда укреплений Дрисского лагеря, в удобности которого начинали сильно сомневаться.

Чернышев сидел с книгой французского романа у окна первой комнаты…»

Там мы его пока и оставим, заметив, что и современники, и историки Отечественной войны 1812 года мало знали о тайной деятельности флигель-адъютанта Чернышева в канун той войны. Оттого-то перед читателем представал ходульный, легковесный герой, который, кочуя из издания в издание, совершал подвиги в зависимости от авторской фантазии.

Алексей Алексеевич Игнатьев, автор известных воспоминаний «Пятьдесят лет в строю», писал о Чернышеве, своем дальнем предшественнике в Париже:

«Военные агенты, или, как их называют теперь у нас по примеру заграницы, военные атташе, впервые появились на дипломатическом горизонте в наполеоновскую эпоху. Наиболее ярким их прообразом тогда был русский полковник флигель-адъютант Чернышев, представитель Александра I при Наполеоне, посылавший свои донесения непосредственно императору, минуя посла. Он вел в Париже, казалось, бесконечную великосветскую жизнь, пользовался большим успехом у женщин и, отвлекая всем этим от себя внимание французской полиции, умудрялся иметь почти ежедневные тайные свидания с офицерами и чиновниками французского военного министерства, подкупил некоторых из

них и в результате успел вывезти из Парижа в конце февраля 1812 года, т. е. за несколько недель до начала Отечественной войны, толстый портфель, содержащий подробные планы развертывания великой армии Наполеона»[3].

Все это так. Но действительность во многом превзошла сказанное даже таким информированным человеком, как генерал Игнатьев.

Александр Чернышев родился 30 декабря 1785 года. Отец его, генерал-поручик Иван Львович Чернышев (1736–1793), был костромским наместником. Мать, урожденная Ланская, — сестрой екатерининского фаворита. Еще в детстве Александра по обычаю записали вахмистром в конную гвардию. В 1801 году счастливый случай на балу у князя Александра Борисовича Куракина[4] в Москве сводит юношу с императором Александром I. Мужчины по ходу танца становились с одной стороны, женщины — с другой. Рядом с императором оказался симпатичный и находчивый юноша, который, не смущаясь, отвечал на вопросы своего высочайшего собеседника. Танец закончился назначением 15-летнего Чернышева камер-пажем. Это давало возможность определиться офицером в гвардию. Именно так и поступает молодой человек, мечтавший о военной карьере.

В 1802 году он — корнет кавалергардского полка, в 1804-м — поручик, адъютант шефа полка Федора Петровича Уварова. Чернышев принимает участие в кампаниях 1805 и 1807 годов против войск Наполеона. За Аустерлицкое сражение молодому офицеру вручают Владимирский крест 4-й степени с бантом за храбрость в кавалерийских атаках. В 1807 году Чернышев получает свою вторую награду — Георгиевский крест 4-й степени: ему удалось отыскать брод через реку Алле, по которому переправилась на другой берег часть отступающих русских войск, разбитых при Фридланде. За участие в других сражениях кампании 1807 года Чернышев удостаивается шпаги с надписью «За храбрость».

После заключения Тильзитского мира он возвращается в Петербург. В январе 1808 года на придворном балу император Александр, разговаривая с Чернышевым, неожиданно обращается к нему с вопросом: «Не расстроит ли твои забавы, если я дам тебе поручение, которое удалит тебя на время из Петербурга?» Ответом было изъявление полной готовности исполнить высочайшую волю. На следующий день Александр поручил Чернышеву отправиться в Париж и доставить послу графу Толстому пакет с письмом Наполеону.

Увидев при встрече на груди русского офицера боевые ордена, французский император поинтересовался, где он их

заслужил. Завязался разговор о сражениях при Аустерлице и Фридланде. Стоявший за спиной императора Петр Александрович Толстой тщетно подавал знаки посланнику Александра. Чернышев, не смущаясь, спорил, порою опровергал доводы великого полководца. Смелость и уверенность Чернышева понравились Наполеону. Спустя месяц Александр вторично отправляет Чернышева в Париж с письмом, которое предстояло на сей раз вручить лично Наполеону.

В апреле 1809 года Чернышев, которого друзья шутя называли «вечным почтальоном», в очередной раз поскакал с письмом Александра к Наполеону. Одновременно его обязали находиться при Наполеоне во время боевых действий французов против австрийцев. В тот период Россия выступала союзницей Франции. Александр напутствовал Чернышева такими словами: «…Ты любишь военное ремесло, и я доставлю тебе прекрасный случай усовершенствоваться в нем, потому что ты весь поход будешь состоять при Наполеоне. Я отдаю тебя в его полное распоряжение».

Во время сражения под Асперном французы потерпели поражение. На следующий день Наполеон призвал к себе Чернышева и, зная, что тот был очевидцем событий, распорядился написать обо всем увиденном императору Александру. Письмо следовало передать министру внешних сношений Франции для отправки с курьером в Петербург. 23-летнему офицеру, еще неискушенному в дипломатической переписке, предстояло самостоятельно составить донесение государю о поражении французской армии. Он не сомневался, что письмо будет прочитано Наполеоном.

Чернышев писал, что, находясь постоянно при Наполеоне, почитает себя самым счастливым из военных, потому что пользуется ежедневными наставлениями величайшего из полководцев. Далее он подробно описал ход Аспернского сражения. Самая деликатная часть донесения состояла в оценке поражения французов. Чернышев нашел выход. Он написал: «Если бы в то время австрийцами командовал Наполеон, то совершенная гибель французов была бы неизбежна».

Приветливость, с которой его встретил на следующий день Наполеон, убеждала, что письмо было прочитано и прочитано с удовольствием. Петербург также высоко оценил действия посланника при особе французского императора. В июне 1809 года Чернышев был пожалован во флигель-адъютанты. Первым поздравил Чернышева Наполеон, получивший донесение от французского посла из Петербурга. Александр также повелел канцлеру графу Румянцеву посетить мать Чернышева и выразить

ей свое удовлетворение службой сына. Александр убедился, что молодой человек, которого он направлял со своими письмами к Наполеону, не только ловкий и расторопный офицер, но и незаурядный аналитик и тонкий наблюдатель.

В августе 1809 года Чернышев направляется с письмами Александра к Наполеону и австрийскому императору Францу. Миссия достаточно деликатная, учитывая, что союзница России Франция еще находилась в состоянии войны с Австрией. Чернышев с блеском выполнил и ее. В своем письме канцлеру Николаю Петровичу Румянцеву, помимо изложения беседы с австрийским императором, Чернышев представляет собранную им информацию о перспективах заключения франко-австрийского мирного договора.

Между тем близкий разрыв между Францией и Россией становился все более очевидным. В январе 1810 года военным министром России назначается Михаил Богданович Барклай-де-Толли. С первых дней он приступает к подготовке вооруженных сил к войне.

Военный министр не сомневался в том, что Франция готовит войну против России. Он был не одинок в своей оценке ситуации. Так, в письме министру иностранных дел Н. П. Румянцеву от 18 августа 1810 года Барклай-де-Толли пишет: «С… удовольствием узнал я, что ваше сият[ельство] одинакового со мною мнения в том, что рано или поздно Франция… с ее союзниками объявит России войну, что война сия может и даже неминуемо должна решить участь России»[5]. Оценивая наличие разведывательных сведений о Франции и ее потенциальных союзниках, Барклай пришел к неутешительным выводам. Летом 1810 года военный министр разработал предложения по организации разведки за границей и получил высочайшее одобрение их реализации. Предлагалось активизировать деятельность посольств России по добыванию разведывательных сведений, а также дополнительно направить специальных офицеров в российские миссии.

К тому времени российская дипломатия в Париже располагала несколькими источниками разведывательной информации. Среди них был служащий военного министерства Мишель (писарь в отделе по передвижению войск). В последующем его имя навсегда свяжут с Чернышевым. Знаменитый Шарль Морис Талейран-Перигор, известный дипломат, министр иностранных дел Франции в 1797–1807 годах, также сотрудничал с русскими.

В сентябре 1808 года Талейран, сопровождавший Наполеона на встречу с Александром I в Эрфурт, тайно встречается с российским императором. Дипломат пытался убедить Александра

не уступать требованиям Наполеона. Какие же мотивы побудили бывшего министра иностранных дел Франции на этот шаг? В своих мемуарах, как и в беседах с Александром, он утверждал, что заботился единственно о благе Франции. Вероятнее всего, он думал не только о Франции, но и о себе. Как бы то ни было, он опасался катастрофы в самые блестящие годы империи, за шесть лет до ее окончательного крушения[6].

В конце января 1810 года Наполеон, узнав о критике Талейраном за спиной его политики в Испании, с кулаками набросился на него. «Вы вор, мерзавец, бесчестный человек! — бешено кричал он. — Вы не верите в Бога, вы всю вашу жизнь нарушали все ваши обязанности, вы всех обманывали, всех предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца! Я вас осыпал благодеяниями, а между тем вы на все против меня способны»[7]. Наполеон и не предполагал, насколько он близок к истине.

Эта сцена не только убедила Талейрана в необходимости сохранять тайные контакты с Россией, но и привела к их установлению и с другой иностранной державой. На следующий день он встретился с австрийским послом в Париже Меттернихом и предложил свои услуги.

Александр I не хотел вступать в слишком тесный контакт с Талейраном, опасаясь скандала: союзник собирает секретную информацию через опального министра![8] В 1810 году обстановка коренным образом изменилась. Сотруднику посольства России в Париже Карлу Васильевичу Нессельроде[9], будущему многолетнему министру иностранных дел, поручается поддерживать отношения с Талейраном, направляя полученную от него информацию на имя Румянцева или Сперанского.

В переписке Нессельроде с Петербургом соблюдались правила конспирации: Наполеону было присвоено русское имя и отчество «Терентий Петрович», иногда его называли на английский манер — «Софи Смит». Под условными именами были скрыты посол России во Франции Александр Борисович Куракин («Андрюша»), Н. П. Румянцев («тетя Аврора»), министр иностранных дел Франции («племянник Серж»), Александр I именовался «Луизой», а сам Карл Васильевич скрывался под псевдонимом «танцор». Талейран в переписке назывался по-разному: «кузен Анри»; «мой друг», «Анна Ивановна», «наш книгопродавец (библиотекарь)», «красавец Леандр» и «юрисконсульт».

«Кузен Анри» передал весной 1810 года сведения о новом браке Наполеона и оценку этого события. Он получил за это 3 тысячи франков. Оплата была сдельная. Через два дня после

получения трех тысяч «кузен Анри» потребовал еще четыре тысячи за новые данные. Учитывая аппетит Талейрана, Нессельроде попросил прислать ему сразу от 30 до 40 тысяч франков. Талейран, вельможа и миллионер, владелец дворца в Париже и замка в Балансе, вел жизнь, полную наслаждений. Наполеон внешне смилостивился, снял опалу, но доверия не вернул, к рабочему кабинету императора его не подпускали. Информацию разведывательного характера Талейран добывал через свои старые связи в верхах.

Одним из основных источников секретной информации Талейрана стал министр полиции Жозеф Фуше. В тайной переписке Фуше проходил то как «Наташа», то как «президент», то «Бержьен». Внутриполитическая ситуация во Франции обозначалась словами «английское земледелие» или «любовные шашни Бутягина» (фамилия секретаря русского посольства).

Летом 1810 года случилась неприятная заминка. «Мне дали надежду на новое произведение по английскому земледелию, но не сдержали слова», — жалуется Нессельроде 18 июня 1810 года. И неудивительно: источник сведений о внутреннем положении французской империи внезапно иссяк. Наполеон удалил 15 июня 1810 года Фуше в отставку.

Уход Фуше сказался на качестве секретных сведений, передаваемых Талейраном в русское посольство. Новый министр полиции Савари, герцог Ровиго, имел репутацию преданного Наполеону служаки. При нем рекомендовалось поостеречься: поменьше расспрашивать великосветских знакомых в салонах, не слишком часто встречаться с советником посольства России графом Нессельроде. Сообщения Талейрана стали решительно тусклы. Однако сам Талейран не считал, что оплата его услуг на этом должна прекратиться. 15 сентября 1810 года он пишет письмо царю. В нем с оттенком сердечности и дружеской доверительности сообщает, что в последнее время поиздержался и было бы очень удачно, если бы царь выделил своему верному корреспонденту полтора миллиона франков золотом. Далее следовала деловая справка, как удобнее всего прислать деньги, через какого именно банкира во Франкфурте, и что сообщить генеральному консулу России в Париже Лабенскому. Желаемого результата письмо не дало. Александр ответил любезным по форме, но ехидным по содержанию отказом: денег этих он не может дать, чтобы не бросить тень подозрений на князя Талейрана и не скомпрометировать его.

Казалось бы, на этом и прервется сотрудничество Талейрана-Перигора с русским посольством. Но хитрец, выждав некоторое время, умерил свои запросы и стал выпрашивать через

Нессельроде русские торговые лицензии и другие, более скромные подачки. Нехватку конкретной информации Талейран восполняет блестящим анализом и прогнозом развития событий, который часто оправдывался. В декабре 1810 года Талейран подтвердил худшие опасения петербургского двора — Наполеон готовит восстановление самостоятельной Польши, он отнимет у Пруссии Силезию и отдаст ее саксонскому королю, чтобы вознаградить его за потерю герцогства Варшавского, которое у него будет отнято. Талейран вел свою политическую игру. Передавая через Нессельроде информацию, он постоянно стремится подтолкнуть правительство России к конкретным внешнеполитическим шагам, преследуя свои цели. Когда начались долгие мирные переговоры между Россией и Турцией в Бухаресте, Талейран советует России поскорее соглашаться на мир, чтобы иметь возможность дать отпор всеми силами Наполеону. С другой стороны, рекомендует не настаивать на передаче Молдавии и Валахии России, а согласиться на уступку их Австрии, которая и не воевала с Турцией. Что же получает за это Россия? Дружбу Австрии для последующей совместной борьбы против Наполеона. Подобная ненавязчивая подсказка, как и многие другие, не стала бы возможной, не предложи Талейран в 1808 году свои услуги российскому императору. Но в одном Талейран постоянен и искренен: он не перестает сообщать о деятельной подготовке Наполеоном нападения на Россию. Уже в марте 1811 года Талейран предсказывает начало войны в близком будущем и даже уточняет дату: война, по его мнению, начнется ровно через год, к 1 апреля 1812 года. Он советует России ни в коем случае не начинать войну первой, продолжая при этом укреплять свою обороноспособность. Нессельроде, помимо донесений о беседах с Талейраном, личных соображениях о политике Франции и России, направляет в Петербург копии документов французской дипломатии. Это были секретные обзоры отношений Франции с ее союзниками — Россией, Австрией, Пруссией — отчеты о войне в Испании и настроениях внутри империи Наполеона.

Посол России Александр Борисович Куракин, несмотря на распространенное среди исследователей нелестное мнение о его деятельности в Париже, внимательно отслеживал обстановку и докладывал о нарастании французской угрозы.

Новым направлением «для сбора и доставки сведений по военной части» в соответствии с высочайше утвержденным в 1810 году представлением Барклая-де-Толли должно было стать «назначение к миссиям нашим при иностранных дворах военных чиновников». В посольства и миссии были направлены для

разведывательной работы офицеры в официальном качестве адъютантов послов-генералов. Майор Харьковского драгунского полка В. А. Прендель был назначен адъютантом к генерал-лейтенанту Ханыкову. При посланнике в Испании генерал-майоре Репнине, генерал-лейтенанте Ливене — после в Берлине и посланнике в Вене генерал-лейтенанте Шувалове с 1810 года состояли адъютантами соответственно поручик П. И. Брозин, подполковник Р. Е. Ренни и полковник Ф. Т. Тейль-фон-Сераскеркен.

Поручик артиллерии Граббе «в звании канцелярского служителя» был назначен к российской миссии в Баварии, став первым военным разведчиком на «крышевой должности». К посольству России в Париже предусматривалось назначить флигель-адъютанта Чернышева. Однако назначение не состоялось. 17 сентября 1810 года канцлер Румянцев информировал Барклая о решении оставить его в прежнем положении, «на что, как известно мне, и его величеству угодно будет изъявить свое соизволение». Так Чернышев остался адъютантом Александра при Наполеоне, в распоряжении которого он находился с февраля 1810 года.

Инструкцию о сборе разведывательных сведений за подписью Барклая передали Чернышеву через князя Куракина. Военный министр поставил задачу добывать разведывательные данные «о числе войск…, об устройстве, образовании и вооружении их и расположении по квартирам…, о состоянии крепостей, способах и достоинствах лучших генералов и расположении духа войск». Предписывалось также «закупать издаваемые в стране карты и сочинения в военной области».

Барклай указывал, что «не менее еще желательно достаточное иметь известие о числе, благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках сей империи или средствах к продолжению войны»[10]. Документ заканчивался следующим указанием военного министра: «все сношения ваши со мною были в непроницаемой тайне, то для вернейшего ко мне доставления всех сведений обязаны вы испрашивать в том посредства г. посла, которого я также особенным отношением о сем прошу». «Известное усердие ваше и достоинства подают мне приятную надежду, — писал Барклай, — что возлагаемое на вас сие поручение вы исполните с желаемым успехом и тем самым оправдаете особенное к вам высочайшее доверие». Чаще всего Чернышев направлял разведывательную информацию через посольство; реже пользовался оказией или доставлял собственноручно. Адресатами Чернышева были российский

император, министр иностранных дел и военный министр. Адресат предопределял характер передаваемых сведений: информация Александру и Румянцеву чаще носила политический характер, а Барклаю-де-Толли — военный. Источники разведывательной информации Чернышева были разнообразны. В первую очередь таким источником был сам Наполеон. За время пребывания в качестве адъютанта российского императора при французском Чернышев трижды доставил письма Александра Наполеону и трижды привозил в Санкт-Петербург корреспонденцию из Парижа.

Каждое письмо Александра Наполеон пространно комментировал в присутствии Чернышева. В ходе многочасовых аудиенций, представляемых Чернышеву, французский император высказывался по поводу основных положений письма царя, излагал собственную точку зрения, добивался разъяснений от своего собеседника. Русский флигель-адъютант, опираясь на инструкции Румянцева, а в ряде случаев исходя из собственного видения проблем, держал ответ. В последующем Чернышев на многих десятках листов доносил Александру о беседах с императором Франции. Перед отправлением письма в Россию Наполеон принимал Чернышева и в ходе беседы давал пояснения и дополнения к посылаемому тексту.

Чернышев завязал широкие знакомства в придворных, правительственных и военных кругах Парижа, чему в не малой степени способствовало благосклонное отношение Наполеона к русскому офицеру. Приближенные к Наполеону сановники и видные государственные деятели открыли перед Чернышевым двери своих резиденций. Своим Чернышев стал и у сестер Наполеона, королевы Неаполитанской и принцессы Полины Боргезе. Молва приписывала Чернышеву любовную связь с принцессой. Здесь узнавал он все придворные тайны. В великосветских салонах Парижа о Чернышеве сложилось мнение как о покорителе женских сердец. «Его прозвали «Северным Ловеласом», но не потому, что у него было красивое лицо или вообще благородная внешность, а потому что он обладал шиком… оригинальными манерами в соединении с крайним изяществом. Его гибкая талия, плотно обтянутая узким мундиром, каска с пером, татарские глаза — все делало из него любопытный и самый пикантный тип в парижском обществе. Одним словом, по выражению Савари, Чернышев сделался маленьким царьком… Парижа»[11].

Еще большую известность приобрел он после печально знаменитого бала у австрийского посла князя К. Шварценберга, когда в разгар веселья загорелся танцевальный зал и в огне

погибло много приглашенных. Чернышев бесстрашно бросался в огонь и спас жизнь женам маршала Нея, Дюрока и сенатора Богарне.

Увеселения парижского высшего света не отвлекали Чернышева от его главной задачи — сбора разведывательной информации. Ничто не ускользало от зоркого ока молодого флигель-адъютанта. Именно близкое знакомство с французским маршалом Жаном Батистом Бернадотом, будущим королем Швеции, послужило основанием для направления Чернышева в Стокгольм в конце 1810 года. Там личному посланнику Александра предстояло выяснить намерения Бернадота в отношении России после избрания его шведским наследным принцем. В преддверии войны с Францией это было заданием чрезвычайной важности. Бернадот[12], будущий король Швеции Карл XIV, в ходе трех продолжительных бесед с Чернышевым заверил царского посланника, что «Швеция не двинется, в каких бы обстоятельствах ни находилась Россия, и ничего не сделает, что могло бы быть ей неприятно». В письме Александру Чернышев писал: «Я очень счастлив, Государь, что те сведения, о которых я имел счастье доносить Вашему Величеству касательно характера наследного принца, оправдываются… Это, конечно, не слуга императора Наполеона… Что же касается его чувств к России, то я осмеливаюсь уверить Ваше Величество, что он честно относится к ней, и если мы будем щадить его, то можем рассчитывать на него. Поэтому Ваше Величество можете во всякое время быть спокойным насчет Финляндии и даже располагать свободно частью войск, которые там находятся»[13].

Расставаясь с Чернышевым, наследный принц вручил ему два письма — одно к Наполеону, другое к принцессе Боргезе. Чернышеву удалось снять копии этих писем. Свою инициативу он объяснил предположением, что государю будет очень интересно узнать их содержание. Французский посол в Стокгольме барон Алькье также вручил Чернышеву для передачи в Министерство иностранных дел (внешних сношений) свое послание. Однако хитрый дипломат принял все меры предосторожности для сохранения служебной тайны и Чернышев вынужден был отказаться от перлюстрации его корреспонденции.

Диапазон добываемой Чернышевым информации, в том числе и совершенно секретной, был необычайно широк. Так, ему удалось получить ряд документов из секретного архива министерства внешних сношений Франции, в том числе донесение императору Наполеону о «политическом положении Пруссии».

В своей переписке, ссылаясь на отсутствие «знаков

тайнописи», Чернышев чаще всего из предосторожности не раскрывает своих источников информации и называет их «одно лицо», «г-жа Д», «лица, которые удостаивают меня откровенности». Однако кое-где в переписке проскальзывают должности и имена конфидентов. Это посланники Пруссии и Рейнского союза (существовавшего в 1806–1813 годах объединения 36 германских государств под протекторатом Наполеона) и, конечно, Талейран. В одном из донесений Чернышев прямо говорит, что был у Талейрана, передал ему письмо государя и долго беседовал с ним, причем князь Беневентский проявил себя настоящим другом России.

Секретарь топографической канцелярии Наполеона полковник Альбэ предоставил возможность Чернышеву снять копии с топографических карт целого ряда городов и их окрестностей, включая имеющиеся укрепления. Но чаще всего ссылка на источник информации достаточно безлична. «Один достойный офицер, которого я лично знаю и которого император часто посылал в Испанию, представил мне недавно записку, в которой он откровенно доказывал…» — пишет в донесении в Санкт-Петербург Чернышев.

Русский флигель-адъютант внимательно следил за всеми изданиями по военному искусству и наставлениями для офицеров наполеоновской армии. Среди отправленных в Россию публикаций «История революционных войн Франции», «История военной администрации», «Военный атлас», «Инструкция для офицеров-артиллеристов сухопутных войск», «Инструкция для офицеров полков легкой кавалерии», «Воспоминания военного хирурга». В поле зрения Чернышева находились военно-технические изобретения французов. Он докладывает об изобретении новых ружейных замков без кремней и особого состава пороха. При этом он направляет два образца замков и рецепт состава пороха. Уже 1 ноября 1810 года военный министр предписал инспектору артиллерии барону Меллер-Закомельскому, чтобы «сделаны были тщательные опыты над сим изобретением». Не проходят мимо внимания Чернышева и поступившие в войска новые транспортные повозки. Переодевшись, он сумел проникнуть в часть, куда поступили первые образцы таких повозок, сделать их эскизы и снять основные характеристики.

Кроме доверительных информаторов, Чернышев завел и платную негласную (тайную) агентуру. С августа 1810-го по февраль 1812 года в адрес Барклая-де-Толли он регулярно направлял важные разведывательные сведения по преимуществу военного характера, свидетельствовавшие о подтягивании

французских войск к западным границам России. Первого платного агента ему удалось привлечь к сотрудничеству в августе 1810 года. Направляя уже в начале сентября в Санкт-Петербург «Ведомость о составе и расположении французских войск к 10 сентября 1810 года», Чернышев пишет, что она была добыта в результате трудных поисков и затраты денег. Далее он сообщает, что военный министр Франции для организации снабжения войск приказал издавать раз в десять дней ведомость с детальным расписанием боевого состава вооруженных сил Франции, в ограниченном количестве экземпляров, и направлять ее начальникам отделов министерства. Один из экземпляров доставил Чернышеву сентябрьским воскресеньем в 5 часов вечера служащий военного министерства. Чернышев немедленно приступил к копированию этого объемного документа — 58 листов, так как к 9 часам утра следующего дня секретным бумагам следовало быть на месте. Чернышев был прекрасно осведомлен о добываемых посольством разведывательных сведениях, так как в сопроводительном письме к «Ведомости» он отмечает:

«…посольству только один раз удалось получить копию одной из таких ведомостей и все это в самом начале моего — пребывания в Париже».

Далее налаженная с таким трудом связь на время обрывается — Чернышев с письмом Наполеона направляется в Россию и возвращается в Париж через Стокгольм только в декабре 1810 года. В феврале следующего года он докладывает Барклаю, что ценный платный агент в военном министерстве в его отсутствие выгодно женился, в результате чего больше не нуждается и отказывается говорить о продолжении сотрудничества. Несговорчивость его объясняется и тем, что была введена смертная казнь за разглашение секретных сведений. Ответственность же за секретность данных по составу и дислокации войск была возложена персонально на начальников отделов. Служащие министерства могли пользоваться ведомостями только в присутствии руководства. Казалось, доступ к этой информации был наглухо перекрыт. Однако Чернышев нашел выход. Вскоре он доносит Барклаю: «…Я уже нашел другого [служащего], пообещавшего мне в ближайшее время сводную таблицу со штатным расписанием вооруженных сил Французской империи… Я надеюсь также через пять-шесть недель получить точную таблицу всех войск Рейнской конфедерации и Польского княжества».

«Ближайшее время» наступило только через несколько месяцев. 28 апреля 1811 года Чернышев докладывает Барклаю,

что снова располагает агентом в военном министерстве. «Я надеюсь, — пишет Александр Иванович, — что сведения, которые передает посольство, сообщаются вашему сиятельству; я считаю своим долгом доводить до сведения посольства требования, которые необходимо предъявлять к человеку, работающему… в одном из отделов военного министерства». Результаты не заставили себя долго ждать. «Сотрудник отдела по передвижению войск, служащий нашему посольству со времен миссии графа Маркова[14], добыл очень ценные сведения», — пишет Чернышев Барклаю 5 июня 1811 года. Это были подробные данные по составу и дислокации французской армии к 1 апреля 1811 года на 58 листах. Желая их дополнить, Чернышев добыл сводную статистическую таблицу по всем странам Рейнской конфедерации с боевым расписанием армий членов конфедерации, а также состав и дислокацию датской армии.

В августе — начале сентября 1811 года Чернышев привлек к сотрудничеству платного агента в Государственном совете Франции; в зависимости от характера сведений направлял их канцлеру Румянцеву или военному министру Барклаю-де-Толли.

К декабрю 1811 года Чернышев, как это следовало из его доклада Барклаю, имел четырех платных тайных агентов: одного в военном министерстве, другого в военной администрации[15], третьего в Государственном совете, четвертый был агентом-посредником. Посредник был необходим, по словам Чернышева, чтобы «не слишком часто показываться мне самому»[16]. В течение 10 месяцев 1811 года Чернышев заплатил агентуре восемь тысяч франков.

Ее уровень не удовлетворял Чернышева. Он настойчиво ищет «своего человека» среди служащих кабинета Генерального штаба, откуда исходили самые секретные приказы. Агент там позволил бы получать ценную информацию и после начала боевых действий.

Покрытие расходов Чернышева производилось по личному указанию Александра I. Так, в декабре 1811 года государь приказал доставить ему четыреста червонных «для известного употребления».

Информация, поступающая от Чернышева, была многопланова и всеобъемлюща. Во-первых, это были сведения, отражавшие каждодневную деятельность французской армии, состояние французского общества в целом и высшего света, внутриполитическую обстановку в стране и внешнеполитические акции Франции. Во-вторых, это были всесторонний анализ обстановки, блестящий прогнозы, а также рекомендации и предложения, учет и реализация которых должны были, по

мнению Чернышева, способствовать успеху русского оружия в предстоящей войне. Подобное было возможно только благодаря незаурядным способностям Чернышева. Постоянно общаясь с Наполеоном и высшим французским военным командованием, ему удалось понять характер Наполеона, проникнуть в стратегическое мышление императора Франции, выявить основные элементы его стратегии.

Чернышев еще в конце 1810 года рассмотрел в Наполеоне завоевателя, который никогда не остановится на достигнутом. После продолжительной аудиенции у Наполеона 23 декабря 1810 года Чернышев докладывает Александру: «Осмеливаюсь сказать вашему величеству, что, хотя речи императора наполнены миролюбием, все его действия совершенно не согласны с ними. Быстрота, с которою в продолжение шести месяцев совершено столько насильственных присоединений, предвещание, что за ними последуют другие захваты; деспотические и насильственные меры, которые употреблял Наполеон для увеличения своих войск, конскрипция нынешнего года, которую он возьмет, конечно, в полном числе, в чем никто не сомневается, видя, к каким коварным средствам он прибегает в этом случае, наконец, предположение учредить подвижную национальную гвардию более нежели в 300 000 человек, о чем уже идут рассуждения в Совете… Все эти обстоятельства ставят все европейские державы в крайне тревожное положение в отношении к империи Наполеона»[17]. «Взоры всех обращаются на Россию, — продолжает Чернышев, — это единственная держава, которая одна еще может не только не подчиниться тому рабству, от которого страдает остальная Европа, но даже положить предел тому разрушительному потоку…»

В этой ситуации Чернышев рекомендует любой ценой заключить мир с турками. «Эта жертва, — объясняет он, — будет с избытком вознаграждена всеми выгодами, которые произойдут от грозного и внушительного положения, которое может тогда занять Россия, заставив уважать свою волю в мирное время, а в случае разрыва с Францией приобретая неоценимое преимущество — предупредить своего врага».

Чернышев был радикален в предложениях. Учитывая сказанное выше, он предлагал «нанести роковой удар выгодам Наполеона: для этого достаточно войти в соглашение с Австрией и Швецией, обещав первой часть Валахии и Сербию, а второй — Норвегию… а затем, внезапно заняв варшавское герцогство, объявить себя королем польским и обратить против самого императора все средства, приготовленные в этой области для войны с нами»[18]. И так едва ли не в каждом письме: анализ

складывавшейся внутри- и внешнеполитической обстановки, прогноз развития событий и рекомендации. Чернышеву удалось предвосхитить основные контуры стратегического замысла Наполеона, окончательно сформулированного императором только в мае-июне 1812 года. Именно предвосхитить, так как еще в марте Наполеон планировал отражать русское наступление на Варшаву. 8 (20) февраля Чернышев докладывает в Петербург: «Война неотвратима и не замедлит разразиться». При этом он сообщает, что французы проводят мероприятия «с целью предупредить нас на рубеже Вислы и воспрепятствовать нашему вторжению в герцогство Варшавское». Стратегический замысел будущей кампании Наполеона против России в общих чертах был вскрыт Чернышевым задолго до того, как были нанесены стрелы на штабных картах. 31 декабря 1811 года (12 января 1812 года) он докладывает военному министру, ссылаясь на прекрасно информированных лиц, что французский император поведет наступление тремя группами корпусов в трех стратегических направлениях. Не ошибся Чернышев и в определении направления главного удара французских войск, связав его с будущим местоположением штаб-квартиры Наполеона. Невозможно окончательно утверждать, докладывал он 8 (20) февраля 1812 года, куда направится Наполеон — в Варшаву[19] или в Данциг. «Различные сведения, — вместе с тем продолжал Чернышев, — позволяют предположить, что главный удар будет нанесен именно из последнего пункта». Правильное предвидение — главный удар по русским войскам наносился именно левым крылом французской группировки под началом самого Наполеона. Передаваемые Чернышевым данные позволяли судить о численном составе первого эшелона Великой армии — 350–400 тысяч человек по состоянию на 15 марта 1812 года. К моменту вторжения в Россию он насчитывал 448 тысяч человек. Раскрыл Чернышев и намерение Наполеона выиграть войну в ходе одной кампании, начав с разгрома русской армии уже в пограничных сражениях. «Цель и устремления Наполеона, — докладывает он Барклаю, — направлены единственно на достаточную концентрацию сил, чтобы… нанести сокрушительные удары и решить дело в одной кампании. Наполеон прекрасно понимает, что не может отсутствовать в Париже больше года и что проиграет, если война продлится два или три года».

Указывая на примеры Фабия и Веллингтона, Чернышев предлагает затягивать военные действия и избегать больших сражений, которые противник будет искать. Он исходил из тезиса, что в политике, так же как и в военном искусстве, главное правило заключается в том, чтобы делать противное тому, что

желает противник. Он выдвигает идею отступления: «Затягивать на продолжительное время войну, умножать затруднения, — иметь всегда достаточные армии в резерве… Этим можно совершенно спутать ту систему войны, которой держится Наполеон, заставить отказаться от первоначальных своих планов и привести к разрушению его войска вследствие недостатка продовольствия или невозможности получать подкрепления, или вынудить к ложным операциям, которые будут для него гибельны». В заключение русский офицер категоричен: «Это единственный образ действия, которому должно следовать наше правительство в таких затруднительных и важных обстоятельствах».

Выводы Чернышева сыграли не последнюю роль в принятии весной 1812 года Россией оборонительной стратегии, предусматривающей ведение боевых действий в течение нескольких лет — сначала на своей территории, в приграничных областях, не отступая далеко, а затем перенесение их в Европу, с опорой на антинаполеоновское освободительное движение.

По утверждению военного историка Михайловского-Данилевского, накануне вторжения Наполеона Чернышев письменно высказал свои опасения императору Александру о чрезмерной растянутости русских армий на западной границе. В этой связи вторая армия была передислоцирована ближе к первой.

Уже в ходе войны, в июле 1812 года, Александру I им была представлена «Записка флигель-адъютанта Чернышева о средствах к предупреждению неприятеля в 1812 году». «Записка» указывала на необходимость соединения двух армий и на крайнюю опасность обладания неприятелем дорогой из Минска через Смоленск в Москву, не имея возможности противостоять на этом пути вплоть до столицы. Чернышев писал о затягивании военных действий для создания и подготовки подкреплений внутри страны, полагая, «что спасение армий, а следовательно, государств, лежит прежде всего в силе резервов». Затем он указал, что призыва государя к народу будет достаточно, чтобы пополнить кадры резервной армии до 100 тысяч человек. Для этой резервной армии Чернышев предлагал создать пять укрепленных лагерей в Смоленской губернии. И вновь Чернышев повторяет, что «затягивание войны, задержание Бонапарта возможно долее вдали от его отечества представляет единственный способ».

Чернышев пристально отслеживал, как французские войска готовятся к войне. Первоочередное внимание Наполеона, указывал Чернышев, обращено на артиллерию и кавалерию.

Именно артиллерия и кавалерия рассматривались Наполеоном как наиболее боеспособные для войны с Россией, именно на них он делал ставку, наращивая численность.

В июне 1811 года Чернышев в письме императору Александру предложил сформировать в России немецкий легион. Эта идея независимо от Чернышева родилась и у Нессельроде[20] и после совместного обсуждения была окончательно сформулирована и изложена Чернышевым. Основания для этого были весьма существенные: политику Наполеона отторгали все слои населения германских государств. Особенно ущемленным чувствовало себя германское дворянство. Французский император запретил ему служить в армиях иных государств, включая Пруссию и Австрию. Этот запрет, а также сокращение прусских и австрийских вооруженных сил по требованию Франции привели к появлению целого контингента заштатных офицеров, проникнутых ненавистью к Наполеону. «Под тем предлогом, чтобы доставить лифляндским, курляндским и финляндским дворянам большие удобства для службы в войсках, устранив неудобства, происходящие от незнания ими русского языка, стеснявшие их готовность и ревность служить вашему величеству, — писал Чернышев, — повелите устроить три пехотных полка, по два батальона в каждом, два конных полка по пяти эскадронов и три роты артиллерии единственно из немцев. Это первое ядро будет обучено под начальством офицеров, уроженцев наших немецких губерний»[21].

Не довольствуясь письмом, Чернышев вступил в тайные сношения с австрийскими офицерами: генералом графом Вальмоденом и полковником Тетенборном. Они дали согласие поступить на службу в немецкий легион в случае его формирования и, более того, привлечь к службе в нем ряд австрийских офицеров. Чернышев просил Александра назначить Вальмодена начальником легиона, поручив конницу Тетенборну.

Предложение Чернышева было принято с некоторыми изменениями — с началом войны в Ревеле было начато формирование Российско-немецкого легиона, командование которым было вверено графу Вальмодену.

Чернышев добился согласия на переход на русскую военную службу полковника французской армии Жомини[22], крупнейшего военного теоретика того времени. Были оговорены и утверждены в Петербурге все условия его отъезда в Россию. Однако обстоятельства, в том числе и присвоение Жомини генеральского звания, воспрепятствовали исполнению этого плана, осуществившегося только в 1813 году.

В одной из депеш Барклаю Чернышев настаивает на

необходимости организации на территории германских государств разведки против Франции. Он отмечал, что на успехе кампаний 1806–1807 годов отразилось отсутствие данных о противнике. В то же время французы не считали денег, когда речь шла о сборе информации. «Ряд французских офицеров, — пишет Чернышев, — признались мне… что во время войны против нас в Пруссии не было практически ни одного сельского кюре на оккупированных нами территориях, который бы не работал бы на французов. Мне кажется, что наладить добывание разведывательных сведений русскому командованию будет значительно легче, учитывая отрицательное отношение населения Пруссии к французам. Более того, необходимо воспользоваться пребыванием нашей миссии в Берлине». Чернышев писал, что более всего подходил для этой роли Убри[23], таланты которого в этом отношении хорошо известны, учитывая его пребывание в Пруссии в течение нескольких лет. Чернышев полагал, что Убри необходимо наделить всеми полномочиями и потребовать от посвященных лиц строго хранить тайну. Военный министр сообщил Чернышеву о высочайшем одобрении его деятельности и пожелании действовать по его разумению, для чего он будет обеспечен средствами. Русской миссии в Берлине было приказано подготовить больше ловких агентов.

В корреспонденциях Чернышев давал и оценку персональному составу военного руководства Франции. Вот отрывки из портретов наполеоновского генералитета, написанные рукой молодого разведчика.

«Удино, герцог Реджио. Отмечен во всей французской армии как обладающий наиболее блестящей храбростью и личным мужеством, наиболее способный произвести порыв и породить энтузиазм в тех войсках, которые будут под его началом. Из всех маршалов Франции он один может быть употреблен с наибольшим успехом в тех случаях, когда нужно выполнить поручение, требующее точности и неустрашимости. Не будучи очень образованным человеком, Удино не страдает недостатком знаний; его отличительные черты — это здравый смысл, большая откровенность, честность; друзья и недруги — все единогласно отдают ему в этом должное…»

«Лефевр, герцог Данцигский. Маршал Испании и сенатор. Не получил никакого воспитания; будучи глубоко невежественным человеком, имеет за собою только большой опыт, много мужества и неустрашимости. Неспособный действовать самостоятельно, он может, однако, успешно выполнять те операции, которые ему будут указаны. Маршалу Лефевру от 55 до 60 лет, но он еще

очень свеж и очень крепкого здоровья».

«Даву, герцог Ауэрштадтский. Князь Экмюльский. Маршал империи, главнокомандующий войсками на севере Германии. Человек грубый и жестокий, ненавидимый всеми, кто окружает императора Наполеона; усердный сторонник поляков, он большой враг России. В настоящее время это тот маршал, который имеет наибольшее влияние на Императора. Ему Наполеон более, чем всем другим, доверяет, и которым он пользуется наиболее охотно, будучи уверен, что, каковы бы ни были его приказы, они будут всегда исполнены точно и буквально.

Не обнаруживая под огнем особо блестящей храбрости, он очень настойчив и упорен и, сверх того, умеет всех заставить повиноваться себе. Этот маршал имеет несчастье быть чрезвычайно близоруким».

«Груши. Граф империи, генерал-полковник конных егерей. Мало влиятелен и находится еще далеко от тех милостей, которые Наполеон уже оказал другим его товарищам. В отношении нравственном этот генерал пользуется всеобщим уважением — результат незапятнанной репутации и безукоризненного поведения; офицер крупных достоинств, он имеет за собой глубокие познания в военном деле, и в особенности в том, что касается кавалерии…»

Весной 1811 года Чернышев почувствовал повышенный интерес французской полиции к своей персоне. 9 апреля в письме к Александру I он отмечает, «что со времени моего возвращения[24] в эту столицу, несмотря на всю вежливость и предупредительность в отношении ко мне со стороны всех окружающих Наполеона, за мной гораздо больше следят теперь, чем прежде».

28 апреля в письме Румянцеву он сообщает о планах формирования третьего, итальянского обсервационного корпуса. «Я постараюсь добыть подробные сведения об этом важном предмете, — продолжает Чернышев, — но в настоящее время я должен с меньшей активностью производить мои изыскания, будучи стеснен и находясь под постоянным надзором агентов и многочисленных шпионов полиции, которые меня окружают. Я решился на это особенно потому, что сведения, которые добывает граф Нессельроде из военного министерства, мне кажутся довольно верными». Причины такой осторожности и осмотрительности, по словам Чернышева, объясняются «ловушкой», которую пыталась устроить ему местная полиция. «В одно утро явился ко мне один из таких агентов полиции и вызвался мне доставить сведения о распоряжениях военного министерства в отношении движения войск и о положении

армии. Чтобы удобнее поймать меня, он объявил, что отказывается от денежного вознаграждения, и дал мне прилагаемое при сем расписание планов, из которых должна быть составлена германская армия, очевидно ложное. Так как я понял значение его попытки, посредством которой хотели поймать меня, и не желая быть обманутым, я прогнал его, дав понять, что замечаю хитрость, но в то же время я оставил бумагу, которую и сообщаю Вашему сиятельству. Вы изволите заметить, что цель, с которой она была мне доставлена, заключалась в том, чтобы нас напугать, потому что один из способов, которым пользуется император Наполеон… чтобы преувеличить силы, которыми он может располагать».

Деятельностью полиции в это время руководил Савари, сменивший Фуше. Он не без оснований опасался энергичного молодого русского флигель-адъютанта. Вероятно, его антипатия к Чернышеву подогревалась слухами о близости полковника с его женой. В одной из бесед с Нессельроде в апреле 1811 года Ровиго передал для Чернышева жесткое пожелание «перестать писать дипломатические депеши и предоставить это посланнику и миссии, стараться веселиться здесь… и чтобы это было… единственным занятием». Чернышев обратился к ревнивому министру полиции, чтобы успокоить. Он попытался заверить его, что не вмешивался и не собирается вмешиваться в дипломатию и, более того, готов следовать его советам, как в части своего дальнейшего поведения, так и посещаемых салонов. Ровиго, казалось, был удовлетворен.

Однако на следующий день, 12 апреля, в газете «Journal de 1’ Empire» появилась очень непристойная, по словам Чернышева, статья, в которой французскому обществу рекомендовалось остерегаться «молодого интригана среднего роста, со свежим лицом, черными волосами, хорошо одетого и выдающего себя за курьера, доставляющего депеши, на деле же злоупотребляющего доверием к нему простодушных людей». Ядовитая статья наделала много шума в придворных и дипломатических кругах Франции. Трудно утверждать, что за публикацией этой статьи стоял Наполеон. Видимо, в этот период он не был еще готов одобрить радикальные меры против Чернышева из-за опасения вызвать обострение отношений с Россией. Но, как бы там ни было, это была попытка одернуть ретивого полковника и отпугнуть от него излишне откровенных высокопоставленных знакомых. Вслед за окриком последовало объяснение обер-гофмаршала Наполеона, который от имени императора передал, что «Его величество с гневом и негодованием прочел статью, помещенную в официальной газете… что в справедливом

негодовании он сделал выговор за это герцогу Ровиго, велел исключить из службы при министре полиции Эсменара, автора этой статьи, и на три месяца уволить от издания редактора журнала». Однако министр полиции старался сделать все для изоляции иностранцев во Франции, воспрепятствовать их доступу к разведывательной информации. В сентябре 1811 года Чернышев докладывал Румянцеву, что деятельность Ровиго «заключается в том, чтобы препятствовать всяким собраниям, уничтожить все общественные связи, даже самые невинные и неспособные побуждать подозрений. Особенно он хочет уединить иностранцев; он часто говорит тем, кто их принимает, что это ему не нравится». «Поэтому, — завершает Александр Иванович, — пребывание в Париже сделалось ужасным и особенно невыносимо для тех, которые по обязанности должны следить за ходом текущих событий».

За Чернышевым же был установлен особый контроль. В письме от 6 (18) декабря 1811 года, адресованном Барклаю, Чернышев отмечает, что в течение трех месяцев находился под наблюдением полиции более жестким, чем когда-либо. В доме, где проживал Чернышев, поселился сотрудник полиции, который проговорился слугам, что выбрал там квартиру с целью шпионить за их хозяином.

О пристальном внимании полиции к российскому посольству и к нему самому полковнику удалось узнать от агентов в военном министерстве и военной администрации. Во второй половине ноября туда поступил грозный циркуляр Наполеона: «Министр полиции меня информирует, что краткая ведомость о дислокации войск империи… оказывается у русских, как только она выходит в свет. Эта ведомость дошла даже до их войск и штабов. Горе тому, кто виновен в этом презренном предательстве, я смогу навести порядок, разоблачить преступника и заставить его понести наказание, которое он заслуживает».

Циркуляр, по словам Чернышева, посеял такой ужас среди сотрудников, что «первым их побуждением было прекратить всякие сношения со мной». Александру Ивановичу пришлось употребить все свои доводы, чтобы не потерять с таким трудом созданную негласную агентуру. Чернышев убеждал агентов, что выражения циркуляра свидетельствуют о том, что подозрения не направлены конкретно против кого-либо из них. Более того, в циркуляре речь идет о краткой ведомости, которую ему давно не передавали. Наконец он заверил своих агентов, что они могут рассчитывать на его осторожность в сохранении тайны. В итоге Чернышеву удалось снова получить секретные сведения о французских войсках. Правда, уверенность в том, что он сохранит

и дальше негласных агентов в военном министерстве и в военной администрации, таяла на глазах. Произошло ужесточение мер по охране секретной информации. Было решено впредь отказаться от печатания краткой ведомости и переписывать ее от руки в трех экземплярах — для императора и двух министров. Проанализировав ситуацию, Чернышев пришел к заключению, что вывод полиции о русской агентуре в военных министерствах был сделан на основании информации, поступившей из России. «До посла Франции и наемников герцога Ровиго в С.-Петербурге дошли сведения о направлении подобных материалов из Парижа, о чем они не преминули сообщить». При этом он не сомневался, что «императору Наполеону до сих пор не удалось выявить источник получения нами этих материалов». Вокруг Чернышева была соткана целая шпионская сеть. Полицейские ищейки под руководством префекта Паскье докладывали о каждом шаге русского полковника министру полиции Савари и министру иностранных дел Марэ, герцогу Бассано.

Приближался роковой 1812 год. Сознавая, что его деятельность становится все более подозрительной в глазах французского правительства, и желая в скорой войне защищать Родину с оружием в руках, Чернышев просит отозвать его в Россию. 31 декабря 1811 года (12 января 1812 года) полковник пишет графу Румянцеву: «Продолжение моего пребывания в Париже зависит исключительно от императора Наполеона… Он не намерен отправить меня обратно;… мне оказывается слишком много чести, опасаясь меня, и поэтому стараются противодействовать мне и удерживать здесь… Надеюсь, что вы уверены в том, что я не опасаюсь неприятностей, связанных с подобным положением; мною руководит не желание избегнуть захвата моих бумаг, может быть даже лишение свободы… Я крайне буду огорчен, если не буду немедленно на своем месте, лишь только война призовет всех военных к исполнению своего долга… Примите участие, чтобы осуществилось мое желание… возвратиться в Петербург под видом ли вызова меня или отпуска, или по каким-либо другим причинам, которые сочтут более приличными». Избавление неожиданно пришло от самого Наполеона, который принял решение отправить Чернышева с письмом к Александру. После короткой аудиенции 13 (25) февраля 1812 года он выехал в Петербург.

По словам тогдашних остряков, совершая поездки между Петербургом и Парижем с заездом в другие западноевропейские столицы, Чернышев преодолел большее расстояние, чем если бы совершил кругосветное путешествие.

На следующий же день после отъезда Чернышева в его

квартиру нагрянула полиция и произвела обыск[25]. В кабинете были найдены обрывки писем и записок, а в камине в спальне оказалась груда пепла от сожженных бумаг. В надежде найти уцелевшие от огня листы было решено перебрать пепел на ковре, лежащем рядом с камином. Когда же подняли ковер, под ним якобы оказалось письмо, «случайно попавшее туда и таким образом избегнувшее уничтожения». Письмо гласило:

«Господин граф[26], вы гнетете меня своими просьбами. Могу ли я сделать для вас более того, что делаю? Сколько я переношу неприятностей, чтобы заслужить случайную награду. Вы удивитесь завтра тому, что я вам дам. Будьте у себя в 7 часов утра. Теперь 10 часов: я бросаю перо, чтобы достать сведения о дислокации Великой армии в Германии по сегодняшний день. Формируется четвертый корпус, состав которого совершенно известен, но время не позволяет мне дать вам об этом все подробности. Императорская гвардия войдет в состав Великой армии. До завтра в 7 часов утра.

М.».

Это письмо стало роковым для автора и связало навсегда его имя с Чернышевым. События, согласно французской версии, развивались следующим образом. Находку сочли прямым доказательством совершения государственной измены. Письмо было подписано одной буквой «М» и, очевидно, под ней скрывался человек, имеющий доступ к тайнам военного ведомства. На первых порах поиск в военном министерстве и военной администрации не дал результатов. И лишь после того, как обратились к сотрудникам кабинета начальника Генерального штаба, немедленно заподозрили, не скрывается ли под буквой «М» один из мелких чиновников по фамилии Мишель. Этого Мишеля отыскали в военной администрации, где он занимал место в отделе обмундирования; у него был лучший почерк во всем ведомстве, но он пользовался сомнительной репутацией человека пьющего и живущего не по средствам. Немедленно достали написанную им бумагу и по сравнении ее с найденной запиской почерк оказался тождественным. Спустя час Мишеля привезли в министерство полиции и он чистосердечно сознался в сношениях с Чернышевым.

На первых же допросах вскрылось, что преступные действия Мишеля начались за много лет до ареста, а «грехопадение» предопределила встреча с секретарем русского посольства Убри в 1803 году.

По показаниям Мишеля в суде, знакомство его с Убри произошло следующим образом.

Однажды он случайно встретил на бульваре незнакомого

господина, который, заметив в руках Мишеля исписанный лист бумаги, поинтересовался, его ли это почерк. Получив утвердительный ответ, незнакомец представился сотрудником посольства России и попросил переписать ряд имеющихся у него документов. Вряд ли для Убри эта встреча была случайной. Мишель согласился с предложением и переписал три или четыре бумаги безобидного свойства, за что ему была заплачена тысяча франков, плата совершенно несоразмерная с проделанной работой. Получив большие деньги, Мишель не устоял, когда в следующий раз его попросили за такую же сумму достать сведения об организации и дислокации французских войск. Отъезд Убри из Парижа в сентябре 1804 года прервал отношения русского посольства с Мишелем, которые были восстановлены только в 1806 году, в ходе кратковременного пребывания Убри во Франции. И снова связь с Мишелем прерывается, на сей раз до сентября 1807 года, когда в Париже появляется русская миссия во главе с графом Петром Александровичем Толстым. В составе миссии состоял советник посольства Нессельроде, который и продолжил работу с Мишелем. В 1809 году Мишель был переведен в военную администрацию, в отдел по обмундированию войск. Сведения военного характера стали поступать от него только с начала 1811 года, хотя Мишель и продолжал работать на прежнем месте.

С назначением в военную администрацию Мишель потерял доступ к разведывательной информации, интерес к которой проявляло российское посольство. Прошло достаточно времени, прежде чем Мишель нашел сообщников. Первым из них стал Жан Мозес (по прозвищу Мирабо, 35 лет), сторож отдела военного министерства, где раньше служил Мишель. Сторож носил к переплетчику ведомость дислокации французской армии, которая составлялась в отделе два раза в месяц. На это отводилось ограниченное время, но Мозес ухитрялся выкраивать три четверти часа, которых хватало Мишелю для копирования секретных сведений. Свой интерес Мишель объяснил тем, что в армии служит его богатый и бездетный родственник, единственным наследником которого он является. Мозес удовлетворялся таким объяснением. А потому без всякого подозрения получал за столь пустячную в его глазах услугу по пять-шесть франков. Но вскоре начальнику отдела показалось, что сторож слишком долго ходит к переплетчику, и вместо него стали посылать другого служащего. Однако Мишель привлек к сотрудничеству Луи-Франсуа-Александра Сальмона, 32 лет, служившего в отделе инспекции войск военного министерства, и Луи-Франсуа Саже, 35 лет, чиновника военного министерства в

отделе по передвижению войск. В 1811 году Сальмон доставил Мишелю сведения о составе пехотных полков в Германии, а затем каждые две недели представлял ведомость о передислокации французских войск. В декабре 1811 года Сальмон по сведениям, полученным от Саже, составил общую картину всей французской армии в Германии. Тот же Саже в январе 1812 года передал данные о дислокации корпусов, которые должны были войти в ее состав.

После отъезда Нессельроде из Парижа в августе 1811 года работу с Мишелем продолжил секретарь русского посольства Крафт[27]. Последняя информация была передана Мишелем Крафту, который заплатил ему 6 тысяч франков. Новым соучастникам Мишель объяснял интерес потребностями военного подрядчика. Связь с Нессельроде и Крафтом Мишель поддерживал через камердинера-австрийца Вертингера, ставшего затем швейцаром посольства.

Для ареста Вертингера было необходимо выманить из здания посольства, где он пользовался правом экстерриториальности. Полиция прибегла к хитрости — Мишеля заставили написать письмо из тюрьмы и назначить швейцару свидание в кофейне, где они обычно встречались. Ничего не подозревающий австрияк явился в указанное место, где был тут же схвачен. На допросах он был излишне словоохотлив. Вертингер, по словам Мишеля, свел его с Чернышевым, который просил сообщать ему тайно от Крафта все доставляемые тому сведения. Мишель согласился, после того как Чернышев обещал от имени государя значительную пенсию. С этого времени Мишель начал служить двум господам. Иногда он требовал отдельных сведений. За услуги Чернышев заплатил 4 тысячи франков. Перед отъездом Чернышев предложил Мишелю посылать ему сведения через человека, которого он обещал указать, и поручил ему подкупить чиновников Генерального штаба. Он был так щедр, что согласился заплатить 400 тысяч франков начальнику отдела военного министерства, если бы Мишель сумел добиться его услуг, но последний не рискнул, предвидя неудачу.

На следствии и суде Мишель во всем сознавался, но при этом он старался представить себя невинной жертвой искусителей и в первую очередь Чернышева, «который ловко его завлекал всевозможными средствами и не только принимал его во всякое время к себе, но и посещал его, не брезгуя его скромным жилищем». Мишель уверял судей, что несколько раз хотел прекратить свои сношения с Чернышевым, но тот пугал его, говоря: «Если вы откажетесь мне служить, то я донесу на вас, и вы погибнете». На суде вскрылось, что за время сотрудничества с

представителями российского посольства Мишель получил, по его собственному признанию, до 20 тысяч франков, из которых чиновникам военного министерства Сальмону и Саже досталось только по 300.

Внезапное исчезновение швейцара посольства не оставило безучастным посла Куракина. Тайные полицейские донесения представляли его «человеком прямым и не опасным, а только смешным». Оценка совершенно не соответствовала действительности. Под маской простака скрывался тонкий, проницательный ум. Куракин был в курсе разведывательной деятельности Чернышева. Именно через него передавались деньги Чернышеву для оплаты услуг агентов. Он направлял разведывательную деятельность Нессельроде, а затем Крафта, отправлял информацию Мишеля. Причины исчезновения швейцара посольства не вызвали сомнений у Куракина. Ему предстояло локализовать последствия ареста Мишеля и Вертингера. С этой целью он постарался вызволить из рук полиции последнего и собрать максимальную информацию о ходе судебного расследования. Не выходя из созданного им образа, он поднял большой шум из-за своего швейцара. Как с иронией пишут исследователи, «он полагал, что видный немец, представлявший картинную фигуру со своей булавой на роскошной посольской лестнице, был замешан в какой-нибудь драме частного характера, и громко требовал возвращения необходимого аксессуара своего пышного жилища». Он не давал покоя министру иностранных дел герцогу Бассано, требуя самых энергичных мер полиции по розыску его слуги. Выбранная тактика оказалась правильной. Жалобы и просьбы Куракина так надоели Наполеону, что он приказал зажать рот «наивному» послу, открыв ему всю правду. Герцог Бассано конфиденциально сообщил Куракину: «Ваш швейцар не погиб, а его были вынуждены арестовать, потому что он замешан в заговоре против безопасности государства. Его накрыли с поличным…» Куракин пристально отслеживал обстановку и стремился найти выход из нее. Он докладывал в Петербург: «Я недоволен Вертингером за его жадность воспользоваться порученною ему уплатою, а также за то, что на допросе он сказал более, чем следовало. Тем не менее, чтобы не возбудить его и не сделать еще более против нас виновным, я, не выказав ему неудовольствия, построю ему золотой мост, отправив его на родину в Вену». Во избежание дипломатических осложнений Куракин в этом же письме рекомендовал не направлять больше Чернышева в Париж с ответным письмом Наполеону.

Слушание дел Мишеля и сообщников состоялось в уголовном

суде Сены, ему были посвящены два заседания 1 (13) и 2 (14) апреля 1812 года. «…К общему изумлению всей Европы, обнаружена картина целой системы подкупов агентами русского правительства французских чиновников военного ведомства». Мишелю было предъявлено обвинение по статье 76 Уголовного кодекса, «каравшей гильотиной за сношения с иностранными государствами, с целью доставить им средства предпринять войну против Франции». Суд присяжных после трехчасового совещания приговорил Мишеля к смертной казни. Сальмон и Саже защиту строили на том, что верили объяснениям Мишеля, что подрядчик, поставлявший в армию определенный ассортимент товаров, считал необходимым знать заблаговременно, куда двинется тот или иной корпус. Сальмону и Мозесу был вынесен оправдательный приговор, они были признаны виновными только в нарушении своих служебных обязанностей. Саже был приговорен к тюремному заключению и штрафу в 600 франков. Один из исследователей утверждает, что Саже вместо тюремного заключения был выставлен у позорного столба с железным ошейником.

Вертингер как иностранный гражданин и служащий посольства вообще не был привлечен к ответственности и выступал на суде в качестве свидетеля.

Первого мая Мишеля казнили, несмотря на просьбу о помиловании. В монархических кругах Европы громко сожалели о его судьбе. Участь его сообщников также была незавидной. Хотя Сальмон и Мозес были освобождены судом, но по приказанию императора их немедленно арестовали и продержали в тюрьме вместе с Саже вплоть до вступления в Париж союзников в 1814 году. Вертингер возвратился в русское посольство, но через несколько дней был вновь арестован. Не возымел результата и резкий протест французскому правительству князя Куракина.

Необходимо ответить на несколько вопросов, до сих пор не получивших должного ответа, что привело к формированию искаженного представления о разведывательной деятельности Чернышева. Каковы подлинные причины отъезда Чернышева из Парижа? Почему имя Мишеля было связано с именем Чернышева, а не с именами сотрудников российского посольства в Париже — Убри, Нессельроде, Крафта, что на первый взгляд представляется более очевидным и обоснованным? Когда и какие отношения были установлены между Мишелем и Чернышевым? Являлся ли Мишель основным источником разведывательной информации Чернышева?

Февраль 1812 года. Отдаются первые распоряжения[28] о концентрации Великой армии. Война становится неминуемой.

Пока речь шла о передислокации французских войск в течение 1810–1811 годов, когда едва ли не еженедельно менялось расположение частей, когда планы предстоящей компании еще не были разработаны Наполеоном, можно было еще терпеть Чернышева. Как только подготовка кампании вступила в завершающую фазу, появилась возможность выявить численный состав группировки, вскрыть стратегическое развертывание вооруженных сил Франции и направление главного удара. В такой ситуации присутствие проницательного разведчика и квалифицированного военного в Париже представлялось чрезвычайно опасным. Наполеон, у которого с весны 1811 года на основании докладов министра полиции не было сомнений в характере деятельности Чернышева, принимает решение удалить его из французской столицы, направив в последний раз с письмом к Александру. Не решаясь, однако, арестовать — еще не пришел срок для международного скандала.

Война становится неотвратимой. И Наполеон поддерживает подготовку и проведение открытого процесса над русскими шпионами. Процесса, который вскрыл бы «козни» России против Франции и дал еще один предлог к разрыву. Не случайно к началу судебного процесса в середине апреля восемь армейских корпусов завершили сосредоточение на огромном пространстве от Эльбы до Вислы, нависая над Россией. Почему Чернышев? На этот вопрос дает ответ сам Наполеон, лично продиктовав министру иностранных дел Франции герцогу Бассано записку, предназначенную Куракину и не врученную.

«Его величество чрезвычайно огорчен поведением графа Чернышева: он с изумлением узнал, что человек, с которым он всегда хорошо обращался и который был в Париже не в качестве политического агента, а как адъютант русского императора, аккредитованный при его величестве собственноручным письмом русского государя, а потому пользовавшийся большим доверием, чем посол, — воспользовался своим высоким положением и во зло употребил то, что считается наиболее святым в глазах всех людей. Его величество льстит себя надеждой, что император Александр будет также огорчен поведением Чернышева и признает, что последний играл роль агента подкупа, одинаково осуждаемого международным правом и правилами чести. Его величество жалуется, что под титулом, вызывавшим особое доверие, приставили к нему шпиона, и притом во время мира, а это дозволительно только относительно врага и во время войны. Он жалуется, что шпионом был выбран не человек, принадлежащий к низшему слою общества, а лицо, близко стоящее к своему государю»[29]. Больший резонанс скандал, по

мнению его организаторов, получал, когда у позорного столба оказывался личный посланник императора России, на которого тем самым также бросалась тень.

Гнев Наполеона был лицемерен: он сам широко прибегал к услугам шпионов и добивался от своих подчиненных их методического и постоянного насаждения, лично определяя основные направления деятельности, входил в малейшие детали. Не осталась без внимания и Россия. Под видом путешественников и торговцев, монахов и артистов, врачей и гувернеров направлялись в Россию тайные агенты. Центром шпионажа являлось посольство Франции в Петербурге. Львиная доля пяти миллионов франков, выделяемых на особые нужды, с 1810 года стала направляться в Россию: Наполеон требовал, чтобы его посольство ежемесячно присылало обозрение русских вооруженных сил[30]. Одним из наиболее успешно действовавших французских шпионов был капитан де Лонгерю, адъютант посла Франции в Петербурге Ж. А. Лористона.

Процесс Мишеля — часть большой политики, и можно было лицемерно метать громы и молнии в адрес России за ее «неблаговидные действия в мирное время» и негодовать по поводу недостойного поведения личного представителя российского императора. По словам прокурора, «за спиной соблазненного чиновника постоянно стоит Чернышев. Это он внушил и приказал выполнить этот длинный ряд преступных деяний». Прокурор называет Чернышева «самым нескромным, самым предприимчивым из дипломатов».

Мишель, согласно его показаниям в суде, познакомился с Чернышевым после отъезда Нессельроде из Парижа через Вертингера. Произойди такое знакомство раньше, Мишель не стал бы скрывать этого факта, к тому же более раннее появление Чернышева на горизонте Мишеля устроило бы и суд, так как укладывалось бы в предлагаемую схему «самый нескромный». О существовании Мишеля Чернышев узнал более чем за год до того, как воочию увидел его. Узнал об этом от Нессельроде, с которым его связывало тесное сотрудничество. В письме военному министру от 20 августа 1811 года Чернышев в превосходных тонах рекомендует Нессельроде в связи с его отъездом из Парижа. Отмечая высокие профессиональные качества, Чернышев пишет, что «дружба, которая нас связывает, и отношения духовной близости и доверия, установившиеся между нами, являются свидетельством тому, что образ мыслей и оценка действительности у нас одни и те же». Однако ссылки на Мишеля (без упоминания его имени) появляются в письмах, адресованных Барклаю, лишь в апреле 1811 года. К этому моменту наконец

«заработал» Мишель, молчавший весь 1810 год. И заработал благодаря Чернышеву, который через Нессельроде направлял деятельность Мишеля.

Чернышев «вдохнул» жизнь в Мишеля, через Нессельроде подсказал, как найти выход на отдел по передвижению войск, где раньше работал Мишель, как оправдать интерес к разведывательной информации Мозесу, Сальмону и Саже. Чернышев в письмах Барклаю не умаляет ценность передаваемой посольством информации, а лишь сообщает, что дополняет ее теми или иными сведениями.

Проанализируем картину поступления разведывательной информации от Мишеля после отъезда Нессельроде. С октября 1811-го по январь 1812 года Куракин из Парижа направил весьма ограниченное количество разведывательных сведений (на двух листах) военного характера. Очевидно, в это время Мишель пытается отойти от сотрудничества. Объясняется это атмосферой в военных ведомствах, где открылась охота на шпионов. Крафт, которому был передан на связь Мишель, или не мог, или не хотел переломить ситуацию. В создавшихся условиях Чернышев через Вертингера разыскал Мишеля, не стесняясь даже посетить его на дому, и уговорами, посулами, угрозами заставляет продолжить работу. Результатом давления на Мишеля явилась подробная сводка на 44 листах о составе и расположении французских войск к 15 февраля 1812 года. Повторно вернув к сотрудничеству Мишеля, Чернышев мог со спокойной совестью «отсечь» его от посольства в лице Крафта или поддерживать его работу в интересах посольства на установившемся формальном уровне. Однако Чернышев этого не сделал. Вероятно другое — он стал давать отдельные задания Мишелю, которые тот и выполнял, не ставя об этом в известность Крафта.

Несостоятельно утверждение, прозвучавшее на суде и повторяемое рядом исследователей, о том, что «Чернышев списывал из работы, приготовленной Крафту, то, что ему было нужно». Несостоятельно, во-первых, потому, что отсутствовала информация как таковая, которую можно было бы списать. Во-вторых, в течение 1811-го — начала 1812 годов информация, поступавшая от Чернышева, ни разу не дублировала посольскую.

Обвинение Чернышева в принуждении Мишеля к противозаконной деятельности, так же как и признание на суде последнего в выполнении заданий русского полковника оставались голословными без вещественных доказательств. И такой уликой стало письмо, найденное в квартире Чернышева. Письмо, которого Чернышев не оставлял и, наверное, не получал. Вспомним, что последние месяцы жизни в Париже Александр

Иванович живет в ожидании обыска и даже возможного ареста и проявляет в этой связи чрезвычайную осторожность[31]. «Я… не осмеливаюсь больше хранить у себя ни единого важного листочка, — пишет он Барклаю, — сознавая прекрасно, что мое убежище не является неприкосновенным». Не могло после отъезда Чернышева под ковром «заваляться» письмо от негласного агента, когда даже самые незначительные бумаги были преданы огню. А раз письма не было, значит, его подбросили. Ведь написал же Мишель под диктовку письмо из тюрьмы, вызвав Вертингера на встречу в город из посольства. Так же Мишель согласился, попробовал бы не согласиться, написать письмо, якобы адресованное Чернышеву. И в этом письме он не был краток, каким должен быть агент с опытом работы более восьми лет. Казалось, достаточно было сообщить: «Буду у вас завтра в семь часов утра с интересующими материалами». Без обращения и без подписи. Однако письмо писалось для прокурора, поэтому в нем присутствует все. И характер разведывательных сведений, передаваемых Чернышеву, — дислокация Великой армии в Германии, формирование четвертого корпуса, сообщение об императорской гвардии и настойчивость Чернышева — «господин граф, вы гнетете меня своими просьбами». И свидетельство их постоянного сотрудничества — «могу ли я сделать для вас более того, что делаю?». Письмо, выдающее и автора, и настоящего адресата с головой.

Письмо сфабриковано, оставалось дождаться отъезда Чернышева, нагрянуть на его квартиру и «обнаружить» вещдок. К этому моменту Мишель уже был в руках полиции и давал показания. Как иначе объяснить тот факт, что спустя три дня после обыска у Чернышева — 17 февраля (1 марта) 1812 года — Савари уже представил доклад Наполеону с «приложением подлинных документов». Работа Мишеля в пользу России была вскрыта, вероятно, в результате попадания последнего в поле зрения следившей за посольством полиции, при посещении Вертингером или Чернышевым.

Какой негласной агентурой располагал Чернышев к моменту своего отъезда? В декабре 1811 года у Чернышева, как уж отмечалось, было четыре платных агента: в военном министерстве; в военной администрации; в Государственном совете; агент-посредник.

Был ли в этом перечне Мишель? Судя по всему, Мишель проходит у Чернышева как агент военной администрации, услуги которого им оплачивались. Источники Мишеля — Мозес, Сальмон, Саже (именно он являлся в рассматриваемый период

«сотрудником отдела по передвижению войск» военного министерства) — не значились среди этой агентуры. Ими руководил Мишель и расплачивался с ними по своему усмотрению. Лично Чернышев получил от Мишеля одну — максимум две обстоятельные информации. Однако благодаря Чернышеву от Мишеля в 1811–1812 годах были получены ценные разведывательные сведения, хотя и одного порядка — состав и дислокация войск с учетом их перемещений.

А агент-посредник? Возможно, речь идет о швейцаре посольства Вертингере. Хотя им мог быть и другой человек. Ведь, намечая передачу сведений после своего отъезда, Чернышев обещал *«указать* человека».

Согласно донесениям Чернышева, у него в течение 1810–1812 годов было два агента в военном министерстве, один из которых отошел от сотрудничества из опасения быть разоблаченным и выгодно женился. Однако благодаря постоянному поиску информация из военного министерства поступала регулярно. И эта информация, вместе со сведениями, получаемыми от Мишеля посольством, создавала целостную картину состава и дислокации вооруженных сил Франции в ее динамике.

Полиция подозревала, что существовали и другие агенты России. Поэтому наряду с ними был арестован целый ряд чиновников военных ведомств, которые вскоре были освобождены за недостатком улик. Был ли среди них платный агент Чернышева из военного министерства, сказать трудно. Достоверно известно, что агент в Государственном совете остался вне подозрения.

Не следует также забывать об источниках документальной информации, в том числе и секретной, в архиве министерства иностранных дел Франции, в топографической канцелярии императора — полковнике Альбэ. Информация от них передавалась Чернышеву, судя по всему, бесплатно на основе установившихся доверительных отношений.

С отъездом Чернышева не пресеклось поступление разведывательной информации от его источников. К таким сведениям, в частности, относилась и копия секретного франко-австрийского договора от 14 марта 1812 года, которой уже в апреле располагал Румянцев. Об обстоятельствах ее получения министр иностранных дел писал 9 апреля российскому посланнику в Вене Г. О. Штакельбергу: «Благодаря имеющимся у нас тайным связям в Париже нам удалось получить через одного военного, вернувшегося из-за границы, сведения об акте, недавно заключенном с Францией венским двором».

С сентября 1812 года Чернышев в действующей армии, командует отдельным кавалерийским отрядом, участвуя в

партизанских действиях. За успешное проведение ряда операций уже 22 ноября он производится в генерал-майоры. Преследование отступающих французов, действия на флангах и в тылу французской армии во главе кавалерийских частей во время заграничных походов русской армии 1813–1814 годов снискали Чернышеву славу храброго и опытного командира с задатками крупного военачальника. В 1814 году ему присваивается звание генерал-лейтенанта. С 1815-го он в свите царя. В 1821-м командует кавалерийской дивизией, одновременно возглавляя Комитет по устройству Донского казачьего войска. В 1826 году член следственной комиссии по делу декабристов. В историю вошла фраза, сказанная им Волконскому: «Стыдитесь, генерал-майор князь Волконский, прапорщики больше показывают». По его приказанию повторно вешали сорвавшихся с виселицы Рылеева, Бестужева и Муравьева-Апостола.

В том же 1826 году пожалован в графское достоинство. В 1828 году назначен товарищем начальника Главного штаба и управляющим военным министерством. В 1832–1852 годах военный министр. Провел ряд преобразований, которые закрепили рекрутскую систему комплектования армии (Устав 1831 года) и усилили централизацию военного ведомства. В 1848–1856 годах — председатель Государственного совета. В 1849-м получил титул светлейшего князя.

Современники не жаловали Чернышева-министра. В вину ему ставили поражение в Крымской войне 1853–1856 годов. Умер Александр Иванович Чернышев 8 (20) июня 1857 года в Кастелламмареди-Стабия (Италия). Оценки деятельности Чернышева на различных военных и государственных постах диаметрально противоположны — от восторженных до резко отрицательных. Но одно бесспорно: на протяжении всей своей жизни Чернышев преданно служил Отечеству.

М. АЛЕКСЕЕВ

НА ПЕРЕЛОМЕ
Павел Игнатьев

Через три года после смерти Павла Алексеевича Игнатьева, в 1933-м, «русский Париж» взбудоражила его книга. Она вышла в серии «Воспоминания секретной войны» под названием «Моя миссия во Франции. Полковник граф Игнатьев, бывший руководитель Межсоюзнического бюро во Франции».

При жизни незаурядный русский разведчик, младший брат известного генерала Игнатьева, автора популярной книги «50 лет в строю», успел оставить лишь разрозненные заметки о себе, о своей тайной миссии в Париже в годы Первой мировой войны. Их благоговейно, как писал один из современников, собрала, перевела на французский язык и издала его вдова Мария Андреевна. Так она защищала добрую память и честное имя своего мужа.

Военная разведка французского Генерального штаба называла Марию Левиц фон Менар, урожденную Истомину, любовницей Игнатьева. «Граф Игнатьев, — говорилось в одном из агентурных донесений французской военной разведки, — выдавал Истомину за свою жену и даже пользовался ее именем при поездках за границу».

В 20-е годы белая эмиграция пыталась обвинить Павла Алексеевича Игнатьева в государственной измене и организовать над ним суд. К этим страницам биографии полковника Игнатьева мы еще вернемся, а пока — ее начало.

Начало Первой мировой войны показало, что российская разведка к ней не готова.

Генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта М. С. Пустовойтенко в письме своему коллеге из штаба Северо-Западного фронта в августе 1914 года буквально умолял: «Дайте, ради Бога, все, что вам не жалко, о вооруженных силах Германии! У нас нет ни черта! Мы как без рук…»

В штабах фронтов пришли к выводу: необходимо создавать собственную глубокую (заграничную) агентурную разведку, ибо ни ГУГШ (Главное управление Генерального штаба), ни Ставка никаких сведений о противнике не давали. Но как организовать такую разведку? Забрасывать резидентов в тыл противника и поддерживать с ними связь через линию фронта — задача, при отсутствии радиосвязи, почти невыполнимая. Второй вариант — использовать для разведки территории нейтральных стран. В последующем этот вариант был дополнен разведкой с территории

союзных стран, в частности Франции.

Делалось это так: подбирались кандидаты на роль руководителей агентурных организаций. После подготовки их отправляли с русскими паспортами в нейтральные страны, где они подбирали агентов-организаторов, а те в свою очередь вербовали агентов. И те, и другие, и третьи большей частью были неопытны и премудростям разведки учились по ходу дела, нередко жестоко расплачиваясь за науку. Лишь на втором году войны начали появляться инструкции и руководства по самым простым вопросам: как вести разведку, как вербовать и готовить агентов, как переправлять их в тыл противника, как организовывать доставку донесений.

Рассчитывать на быстрое внедрение агентуры в штабы и военные ведомства Германии и Австро-Венгрии не приходилось. В этой связи главное внимание военной разведки было направлено на то, чтобы вскрыть планы противника, связанные с переброской воинских формирований по железнодорожным магистралям.

В связи с этим основное внимание было обращено на вербовку подвижных или разъездных агентов с последующим командированием их к местам возможных переброс войск, а также на внедрение агентуры на узловых железнодорожных станциях. Пожалуй, при остром дефиците времени это был единственный выход из создавшейся ситуации.

Раньше других опасность полного отсутствия информации о противнике понял начальник штаба Юго-Западного фронта генерал М. В. Алексеев. Уже 17 августа 1914 года он составил и собственноручно изложил «общие основания» для организации агентурной разведки фронта. Полковник А. А. Носков, исполнявший должность начальника разведывательного отделения, получил задание организовать агентурную разведку глубокого тыла противника, так как «сведения ГУГШ не заслуживают почти никакого внимания». В штабы армий полетели телеграммы, в которых сообщалось об организации агентурной разведки и о том, что нужны кадры — толковые и перспективные офицеры, владеющие иностранными языками.

Павел Игнатьев, названный в честь деда, родился 31 декабря 1878 года в Санкт-Петербурге, в семье генерала. Его отец, Алексей Павлович Игнатьев, был командиром кавалергардского полка, Сибирским, а затем Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором, генералом от кавалерии, товарищем министра внутренних дел, членом Государственного совета, застрелен 9 декабря 1906 года членом боевой организации эсеров. Мать — София Сергеевна — урожденная княжна Мещерская. Павел Игнатьев окончил Киевский лицей, затем

Петербургский университет, получил диплом лиценциата права. Военную службу проходил вольноопределяющимся в лейб-гвардии гусарском полку в Царском Селе, здесь в 1902 году выдержал экзамен по 1-му разряду на офицерский чин при Николаевском кавалерийском училище. В 1909 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба.

Алексей Алексеевич Игнатьев оставил короткие воспоминания о своем младшем брате: «Когда я уже поступил в академию, брат только окончил университет. Помню, как на нашей квартире собирались студенты и много спорили о судьбах России. Помню… как читал он мне свой трактат о теории Ломброзо… Но семейные традиции толкали его на военную службу, и, поступив вольноопределяющимся в гусарский полк, он решил держать при Николаевском кавалерийском училище офицерский экзамен. В воспоминание об университете у него остался лишь эмалированный значок на венгерке. Полк всецело завладел этим юристом, перековал его в отменного строевика и настоящего гусара — с полковым товариществом, офицерским собранием, скачками и лихими попойками.

Русско-японская война заставила его, однако, серьезнее изучить военное дело, и вот он поступает в Академию Генерального штаба…»[32]

С начала Первой мировой войны Павел Игнатьев командовал 2-м эскадроном лейб-гвардии гусарского полка, участвовал в Восточно-Прусской кампании. С ноября 1914-го по февраль 1915 года временно исполнял должность начальника штаба гвардейской кавалерийской дивизии. Вынужден был уйти со строевой службы из-за серьезного повреждения ноги в результате ранения.

…В начале 1915 года Павел Игнатьев, исполнявший в то время обязанности начальника штаба кавалерийской дивизии, лежал в госпитале в городе Ковно. Там его и застигла телеграмма с приказанием явиться в штаб Юго-Западного фронта. Ротмистра принял начальник штаба генерал Алексеев.

— Мне нужны офицеры штаба, умеющие говорить и писать на иностранных языках, — сказал генерал. — Вы один из них, не правда ли?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Какими языками владеете?

— Французским, английским, немецким, итальянским и немного испанским.

— Великолепно. Представьтесь завтра утром генерал-квартирмейстеру штаба генералу Дитерихсу.

Разговор с М. К. Дитерихсом обескуражил ротмистра. С

большим удивлением он узнал, что ему предстоит работать в разведывательной службе. Игнатьев попытался было отказаться, ссылаясь на то, что совершенно не знает этой работы. «Не пугайтесь заранее, — успокоил его генерал Дитерихс, — это не так сложно. Через три недели вы будете в курсе дела…»[33]

После краткого ознакомления с азами новой работы Игнатьева снова вызвал генерал Дитерихс и поручил заняться организацией разведывательной службы в тылу противника для получения сведений стратегического характера. Поручение не привело ротмистра в восторг. Заниматься «шпионажем» в офицерской среде считалось делом нечистоплотным, почти зазорным. «Почувствовав состояние молодого офицера, Дитерихс положил ему руку на плечо:

— Помните, полковник: долг каждого солдата — жертвовать ради Родины самым дорогим, что у него есть, собственной жизнью. Однако поставить на кон свою честь иногда бывает труднее, чем умереть. Идите, и чтобы завтра ваш рапорт был готов…»[34]

Служба графа Павла Игнатьева в разведке началась 23 марта 1915 года. В то время все, что в штабе знали о противнике, было основано на данных авиаразведки и опросе пленных. В ходе одной из операций русские взяли в плен несколько тысяч австрийцев. Один из них, офицер — чех, попросил встречу с офицером штаба. Его допрос поручили Игнатьеву. Оказалось, что чех перешел к русским со своим батальоном. Он рассказал о расположении войск, замыслах командования и в заключение, должно быть, понимая, что офицеры всех армий одинаково относятся к предателям, воскликнул:

— Господин ротмистр! Вы не догадываетесь о чувствах, которые движут чехами. Мы испытываем к своим угнетателям жестокую ненависть. Но, что бы мы ни делали, мы не сможем причинить им такое же зло, какое они причинили нам. Мы хотим быть свободными!

Позже, уже работая за границей, Игнатьев не раз вспоминал этого чешского офицера, его слова об угнетателях, о национальной свободе…

Весной 1915 года началось создание агентурной разведки в глубоком тылу. В июне фронты «поделили» противника: Северо-Западный фронт стал заниматься Германией, а Юго-Западный — Австро-Венгрией. Правда, первые полгода были не слишком успешными. Агентурная разведка велась лишь через Румынию. Как выглядели сами организации, созданные при участии ротмистра графа Игнатьева к 25 ноября 1915 года?

Одной из них руководил ротмистр Максимович. Сам он

находился в Одессе, а его организация имела два центра в Румынии: на лесопильном заводе в Унгенах и в Яссах, среди агентов были офицер и работник артиллерийского склада в Вене, а также торговые агенты, часто бывавшие в Австро-Венгрии.

Вторую организацию возглавлял капитан Глебов, который работал в Яссах под видом корреспондента газеты «Киевлянин». Три его помощника находились на территории Румынии. Один из них был капитаном румынской армии, второй работал в ресторане, третий был заместителем редактора газеты «Молдова». Центр третьей организации находился в Ровно, на территории России. Ее руководитель, Александров, переправлял агентов через линию фронта и готовил агентурные сети на случай отступления. Четвертая возглавлялась штабс-капитаном Юрьевым и базировалась при российской миссии в Бухаресте. Она имела четыре группы на территории Австро-Венгрии: Трансильванскую, Львовскую, Венскую и Буковинскую[35].

С руководителем пятой организации Игнатьев познакомился при обстоятельствах, в равной мере загадочных и забавных. Как-то раз его срочно вызвал комендант станции Холм. Среди прибывших ночью на станцию пассажиров обнаружился странный человек. Он почти не говорил по-русски, имел паспорт, испещренный невероятным количеством виз, одна из которых была австровенгерской. Более того, при осмотре у него обнаружили револьвер. Сам странный пассажир ничего объяснить не пожелал, очень волновался и настойчиво требовал вызвать ни больше ни меньше как начальника разведывательного бюро. Подумав немного, комендант станции решил известить штаб фронта.

Это был невысокий господин, довольно полный, с круглым лицом и шапкой курчавых волос, на крупном носу сидело золотое пенсне. Он так мешал русский и французский языки и был настолько возбужден, что граф едва его понимал. Более-менее успокоившись, задержанный объяснил, что он швейцарец, военный корреспондент, горячо симпатизирующий России, и пробрался сюда, чтобы предложить свои услуги русской разведке. По его расчетам, положение американского корреспондента давало ему большие возможности для работы: он мог, не вызывая подозрений, собирать информацию и даже создать агентурную сеть. Решив помочь России, он отправился на восток, по пути собирая сведения об австровенгерской армии. Пересаживаясь с поезда на поезд, доехал до румынской границы, пересек ее пешком, добрался до пограничной станции Унгены. «Там я разыскал жандармского ротмистра, который, видя, что мне известны имена всех офицеров вашего штаба и всех ваших

начальников, разрешил мне следовать в Холм. И вот я здесь».

Рассказ перебежчика не рассеял подозрений. Тем более что по своему положению американского корреспондента он не мог знать имена офицеров штаба. Игнатьев, сделав паузу, предложил пленнику назвать свое настоящее имя. В ответ тот расхохотался. «Надворный советник Кюрц, — сказал он. — Простите, господин полковник, я так привык к моему псевдониму, что почти забыл свое настоящее имя». «Неплохо было бы, если бы вы назвали его пораньше, — сказал Игнатьев. — Мы давно ждем вас».

Два месяца назад этот русский разведчик был направлен за линию фронта и теперь таким вот экзотическим образом вернулся обратно. В штабе Кюрца тщательно расспросили еще раз. Генералы Алексеев и Дитерихс были довольны работой разведчика и поручили его заботам Игнатьева. Это было первое важное задание ротмистра — вместе с Кюрцем ему предстояло продумать план создания еще одной агентурной сети в Румынии. Через день план был представлен генералу Дитерихсу. Кюрцу выправили бумаги, по которым он становился представителем крупного международного телеграфного агентства.

Общительный и обаятельный Кюрц легко завязал нужные связи в Бухаресте. Через месяц он известил Игнатьева, что нашел человека, который им требовался, и просил Павла Алексеевича приехать для знакомства с ним. Игнатьев отправился в Бухарест. В бюро Кюрца он встретился с молодым мужчиной, чрезвычайно элегантным, с моноклем в глазу. Это оказался посланник Болгарии в Румынии, имевший не только большие возможности, но и дипломатический иммунитет.

Что же касается службы «во втором качестве», то Кюрц сумел завязать отношения с тремя крупными газетами, которые начали печатать статьи в пользу России. Среди пайщиков этих газет были представители одного крупного банка. Кюрц встретился с директором банка и, поскольку поддерживал связь с Базелем, стал регулярно сообщать ему самые свежие данные о курсе ценных бумаг. В качестве встречной услуги Кюрц получил доступ в эти три газеты.

Завербовал он и ценного агента — офицера Генерального штаба Австро-Венгрии Штенберга. Бог весть какой национальности был этот человек, но его родственники жили в Трансильвании, страдали от венгерского национализма, и обиженный полковник решил таким образом свести счеты с угнетателями. Впоследствии Игнатьев еще не раз будет использовать в своей работе национальные мотивы.

Еще одна агентурная организация штаба Юго-Западного фронта была задумана неожиданно и остроумно. В штабе часто

обсуждался вопрос об активизации в Румынии прорусского движения. Но как это сделать? В ходе одной из бесед родилась идея: создать в Бухаресте русский артистический центр для пропаганды русского искусства, особенно народной музыки. Игнатьеву идея понравилась, с одной поправкой — под эгидой центра неплохо было бы заодно вести разведку. Теперь надо было найти артистов-разведчиков.

Как-то раз, приехав по делам службы в Петроград, Игнатьев посетил один светский салон, где обратил внимание на казачьего унтера, бравого красавца с Георгиевским крестом. «Это господин Борис Мезенцев, — представила казака хозяйка. — Он талантливый артист, у него прекрасный голос, баритон. Уверена, что вы с удовольствием его послушаете…»

Игнатьев и в самом деле слушал казака с удовольствием. Тот весь вечер пел русские народные песни, у него и в самом деле оказался великолепный баритон. Может быть, это и есть тот человек, которого так не хватало для успеха миссии в Бухаресте? Павел Алексеевич пригласил казака пообедать. На следующий день они встретились в одном из лучших столичных ресторанов. После комплиментов голосу собеседника Игнатьев перешел к делу.

— Состоите ли вы на воинской службе?

— Я в бессрочном отпуске из-за тяжелого ранения, — ответил унтер.

— Не хотите ли поехать в Румынию?

Казак не возражал послужить Родине на любом месте, и Игнатьев рассказал, где и в каком качестве предполагается его использовать. Тот загорелся этой идеей.

Мезенцев собрал небольшую труппу — хор и нескольких музыкантов-балалаечников, а также уговорил знаменитого виртуоза-балалаечника Трояновского принять участие в «румынских гастролях». Естественно, не все знали, зачем на самом деле их направили в Румынию. Знали об этом лишь Мезенцев и Трояновский, да еще помощник Мезенцева по разведке, Вейнбаум, обязанностью которого была вербовка агентов.

Успех Мезенцева в Бухаресте был огромен. А когда прибыл Трояновский с балалаечниками, он произвел в столице Румынии настоящий фурор. Королева Мария пригласила музыкантов во дворец. Артисты делали полные сборы, а Мезенцев, кроме того, энергично взялся за организацию агентурной сети. И все было бы хорошо, если бы он не был так молод и так неотразимо красив.

Женщины вились вокруг Бориса, как пчелы над чашкой с медом. Среди них была очаровательная румынка, предмет

восторженного обожания многих мужчин, и Борис не устоял перед ней. Однако Игнатьев получил сведения, что прелестная дама — австрийская шпионка. Он написал Мезенцеву письмо, предложив порвать с красоткой, но тот и думать не хотел о том, что он объект не возвышенной любви, а низменного шпионажа. После одной из встреч с возлюбленной в своей квартире он обнаружил, что исчезло письмо Игнатьева. Самому разведчику это ничем не грозило — письмо было написано со всеми возможными предосторожностями. Но главное — ротмистр оказался прав! В отчаянии Мезенцев написал прощальные письма родным, Игнатьеву и попытался покончить с собой. К счастью, выстрел, направленный в сердце, оказался несмертельным. Однако после такого афронта певца пришлось отправить в Россию.

Штаб Юго-Западного фронта не собирался ограничивать свою разведывательную деятельность Румынией. Хотя эта страна и оставалась пока нейтральной, не было никакой гарантии, что она в ближайшее время не вступит в войну. Это прервало бы связь с агентами российской разведки в Австро-Венгрии. Поэтому еще в августе 1915 года было решено организовать разведывательную группу в традиционно нейтральной Швейцарии, осуществляя связь с ней через русского военного агента в этой стране. С этой целью в Швейцарию, якобы для лечения, послали раненого полковника Казнакова, до того состоявшего при штабе переводчиком. Но один агент не решал проблемы, и осенью 1915 года в штабе пришли к выводу, что необходимо создать полноценный разведывательный центр в Западной Европе и вести разведку Австро-Венгрии через Швейцарию и Францию, послав туда одного из офицеров штаба фронта, толкового и заслуживающего доверия. Создание нового разведывательного центра было поручено ротмистру Игнатьеву. Произошло это в середине ноября 1915 года.

Первоначальным планом ставилась довольно узкая задача: разведка на транспортных магистралях Австро-Венгрии и Южной Германии, выходящих в расположение Юго-Западного фронта с базой агентурной сети в Швейцарии. Игнатьев предложил два плана: ведение разведки и через Швейцарию, и через Францию. Генерал Дитерихс одобрил второй вариант. У этого плана было много преимуществ. В частности, в Швейцарии большая часть общества была настроена германофильски, и этого нельзя было не учитывать; в союзной Франции можно рассчитывать на поддержку властей и разведывательных органов; кроме того, Швейцарию как нейтральную страну наводняли агенты разведки и контрразведки противника. Впрочем, французский центр не

оставил бы Швейцарию без внимания.

Немалые трудности создавала нестыковка ведомственных интересов. Поскольку Игнатьев был хорошо известен контрразведке Австро-Венгрии, предполагалось, что он поедет во Францию под именем Павла Истомина, корреспондента крупной петроградской газеты. Он попросил в Министерстве иностранных дел курьерский лист на чужое имя, чтобы провезти некоторые документы, директор канцелярии отклонил просьбу по причине «неудобства» посылки курьера под чужой фамилией.

Подвел своего подчиненного и генерал Дитерихс. Поначалу он обещал Игнатьеву на ведение разведки не менее 50 тысяч рублей в месяц, говорилось даже, что не жалко и двухсот тысяч, лишь бы добиться успеха. Но когда дошло до выделения реальных денег, то Игнатьеву выделили всего 25 тысяч рублей ежемесячно.

Стартовые условия для работы были на первый взгляд неплохими. Во Франции в то время служил военным агентом родной брат Павла Игнатьева полковник Алексей Алексеевич Игнатьев. Были и некоторые другие зацепки. В Швейцарии действовали три агента штаба фронта. Кроме того, Игнатьеву пришла в голову остроумная мысль: а нельзя ли использовать русских политических эмигрантов? В конце концов, многим революционерам был не чужд патриотизм, и значит, перед лицом общего врага могут забыть на время свои счеты с правительством.

Павел Алексеевич связался с одним из старых противников режима. Они встретились в номере скромной гостиницы возле Николаевского (ныне Московского) вокзала. Вручив хозяину рекомендательное письмо редактора одной из крупных столичных газет, Игнатьев сказал прямо:

— Я пришел просить вашего содействия. Думаю, что у вас в Париже много друзей, принадлежащих к вашей группировке; их у вас много за границей. Поскольку вы как истинный патриот добиваетесь прекращения войны, так как для вас и для нас Родина — прежде всего, то я прошу ввести меня в круг ваших друзей. Уверен, они будут прекрасными помощниками, а помощники мне нужны, поскольку я один и немного растерян.

— Правильно сделали, что пришли, ротмистр, — ответил ему собеседник. — Да, Родина — прежде всего. После революции мы вернемся к нашей социальной программе. Только сначала добьемся победы нашего оружия. Завтра я дам вам несколько писем для кое-кого из наших за границей. Сам я намереваюсь присоединиться к вам в Париже: это может ускорить дело.

Этот разговор завершился обещанием Игнатьева помочь своему собеседнику выехать из страны. В конце концов, выправленный заграничный паспорт был адекватной платой за

несколько рекомендательных писем.

28 ноября 1915 года Игнатьев выехал из Петрограда и 9 декабря прибыл в Париж.

На месте все оказалось совсем не так, как виделось из России. Ни одного из указанных штабом фронта французских контактов Игнатьев найти не сумел. Трое швейцарских агентов, правда, были на месте, однако оказались никуда не годными организаторами. Кроме того, уже в Париже он получил указание начальства, запрещавшее использовать румынские связи. Надежда на эмигрантов также оказалась беспочвенной, так как все патриоты из их числа уже воевали в рядах французской армии, а те, что остались, не были настроены помогать русскому правительству. Так что ему пришлось создавать разведывательную сеть на пустом месте.

Как уже говорилось, во Франции в качестве военного агента служил брат Павла Алексеевича полковник Алексей Игнатьев, человек, имевший по своему положению большие связи. Алексей Алексеевич принялся за дело. Он представил брата сотрудникам французской военной разведки и разведки Межсоюзнического бюро[36], а также руководителям английской и итальянской разведок. Союзники выразили готовность оказать содействие представителю русской разведки, хотя не могли понять, почему ротмистр Игнатьев ведет разведку одной лишь Австро-Венгрии и только в интересах Юго-Западного фронта. Естественно, Павел Игнатьев не стал посвящать союзников в тонкости ведомственного хаоса, сославшись на то, что ему лично поставлена такая задача, а как обстоит дело в целом — он не знает.

На начальном, самом трудном этапе становления организации Игнатьеву много помогла французская разведка. Ему не хватало кадров — и аппарат русской разведывательной организации доукомплектовали французскими военнослужащими. Несколько позднее, когда сеть начала активно работать, французы помогали с отправкой донесений и почты из Швейцарии и Голландии. Агенты Игнатьева получали французские военные паспорта, значительно облегчавшие переход границы, а некоторых агентов по предварительной договоренности пропускали через границу без документов. Более того, местные военные власти Франции, Англии и Италии получили приказы оказывать обладателям этих паспортов всяческое содействие и передавать их почту по правительственным каналам. Примечательна и такая деталь: агенты Игнатьева находились вне поля зрения союзной контрразведки.

Итальянские власти также доставляли почту его сотрудников, порой используя для этого даже курьеров. Помогали с переброской агентов и англичане. Естественно, французские разведывательные сводки также были к услугам ротмистра. В обмен на все эти важные услуги французская спецслужба через своих людей была в курсе всего происходившего в русской агентурной разведке, действовавшей с их территории.

Познакомившись с обстановкой, Игнатьев решил создавать агентурную сеть, которая состояла бы из ряда центров и многих организаций, причем организации не только не должны были иметь непосредственной связи друг с другом, но и само существование каждого центра не было бы известно даже руководителям других. Такой принцип максимально предохранял от провала организацию и позволял перепроверять информацию, поскольку на одном направлении работало несколько независимых агентов.

Созданные Игнатьевым разведывательные структуры были, естественно, неравноценны. Одну из них возглавил бывший заведующий заграничной агентурой Департамента полиции А. М. Гартинг. Этот человек, в молодости революционер, позже изменил свои убеждения, более того, начал вести наблюдение за русскими радикалами за границей. Некоторое время он работал успешно, но в 1909 году В. Л. Бурцев, поставивший цель разоблачать тайных агентов русской полиции, раскрыл Гартинга и его людей. Это привело к провалу мощной российской осведомительной сети во Франции — только в Париже она насчитывала 42 агента, а ее руководитель после этой истории вынужден был выйти в отставку.

На Гартинга Игнатьев вышел благодаря счастливому стечению обстоятельств. Ему для работы потребовался адъютант, который разбирался бы во всякого рода административных вопросах. Таковым стал прикомандированный к его сети французский офицер Битар-Монен, в прошлом — комиссар полиции. Он помогал получать сведения о людях, которыми интересовался Игнатьев, превосходно организовал работу на швейцарской границе. Но, что еще более важно, он в свое время служил у Гартинга и свел Игнатьева со своим прежним шефом. Эти двое и создали в последующем сильную и разветвленную организацию, основу сети Игнатьева.

Гартинг и Битар-Монен не имели специальных военных знаний, но, как старые сотрудники спецслужб, обладали многими ценными качествами, полезными для работы в разведке: широкими связями в ряде стран Европы, приобретенными в период их сыскной работы, специфическим чутьем,

выработанным их профессией, навыками вербовочной работы и конспирации, многолетним опытом тайной организационной работы. Теперь все это превосходно служило им на новом поприще.

Организация имела следующую структуру: в пограничной зоне Франции находился центр, который возглавил Битар-Монен, получивший псевдоним «Харламов». А во французской зоне Швейцарии, куда легко можно было доехать на автомобиле, разведчики приобрели дачу, где обосновались три французских офицера — два лейтенанта и капитан — из числа тех, кого французская разведка направила в помощь Игнатьеву. На каждого из этих офицеров замыкалась своя, независимая от остальных, группа «рекрутеров» — вербовщиков, которые подбирали агентов. Таких вербовщиков в Швейцарии было около десяти, правда, состав их постоянно менялся из-за частых провалов. Они получали жалованье и премию за каждого агента. Центр направлял на задания от 5 до 10 агентов в месяц, с половиной связь терялась, но остальные работали.

Завербованных агентов переправляли через границу в Германию. Информацию они пересылали на условные адреса — в разных городах Швейцарии организация имела от 15 до 20 «почтовых ящиков». Кроме того, время от времени каждого агента опрашивали по специальному вопроснику.

Игнатьев с самого начала решил не работать с профессионалами, чтобы избежать сфабрикованных сведений. Зато появились другие проблемы. Непрофессиональные агенты добывали слишком мало информации, вербовщики принимались за дело столь рьяно, что их тут же раскрывали и арестовывали, и даже в работе с «почтовыми ящиками» царила неразбериха. Лишь к маю 1916 года Игнатьеву удалось наладить нормальную работу.

В истории разведки самые романтические страницы посвящены женщинам-агентам. «Если в делах разведки и контрразведки, — писал Павел Игнатьев, — мужчины берут на себя, по большей части, опасную роль, то женщины, со своей стороны, вносят утонченность, гибкость, ум, скрытность. К ним они добавляют такое грозное оружие, как личная привлекательность, красота, шарм, обволакивающий взгляд. Пожалуй, им доставляет удовольствие быть актрисами в этой великой, особенной раме и с успехом играть свою роль. К самолюбию они добавляют, по большей части, пылкий патриотизм, более острый и более хрупкий, нежели патриотизм сильного пола. Очевидно, многие из них ищут денег, но в целом не в силу продажности, а из желания нравиться»[37].

С женщинами иной раз были связаны совершенно

невероятные истории. Так, в организацию Гартинга входила вдова-румынка, имевшая множество друзей и поклонников. Однажды ее попросили взять под покровительство молодую жену австрийского офицера, прибывшую в Швейцарию на лечение. Юной даме едва исполнилось двадцать лет, она была очарована светской красавицей. В первый же день за обедом женщины разговорились, и жена офицера рассказала, что они с мужем — чехи, ненавидят австрийский режим и мечтают о независимости своей страны. Ее муж был крупным промышленником, владельцем нескольких заводов. Опасаясь конфискации, он пошел на военную службу.

— Начальство его ценит как хорошего чертежника и картографа, — рассказывала румынке ее новая подруга. — В настоящее время он в Вене, составляет карты.

— И, видимо, доволен своей должностью, — заметила румынка.

— Да, ведь ему удалось сохранить наше состояние и остаться рядом со мной; нет, потому что мы — чехи и надеемся на освобождение нашей родины. Мундир угнетателей причиняет ему боль.

Дальнейшая вербовка была делом техники. Молодая женщина с радостью согласилась поработать на русскую разведку и отправилась в Вену переговорить с мужем.

В то время штаб Юго-Западного фронта особо интересовали львовские укрепления австро-венгерской армии. Во время встречи с чешкой Игнатьев развернул перед ней карту окрестностей Львова и заставил выучить наизусть все вопросы, на которые хотелось получить ответы.

Через некоторое время Игнатьеву передали, что его посланница вернулась. Правда, на обратном пути ее задержали швейцарские власти, но в целом все закончилось хорошо. Ее муж с такой же охотой, как и она сама, согласился работать на русских и передать планы укреплений. Но как перевезти их через границу, где проводятся строжайшие проверки? Чех нашел остроумный выход из положения. Он нарисовал планы укреплений на ступнях своей жены.

— На границе, — со смехом рассказывала прекрасная «шпионка» Игнатьеву, — меня раздели, были проверены даже пуговицы моего манто: обыскали всю, но я стояла на ногах и никому в голову не пришло посмотреть на мои подошвы.

Она сняла туфли и чулки, и через некоторое время рисунок чешского картографа перекочевал на бумагу.

— Теперь, — попросила она, — оставьте меня. Мне необходимо в ванну: уже целую неделю я ее не принимала,

опасаясь что-нибудь смыть.

К сожалению, дальнейшая судьба молодой чешки сложилась трагично. В тот же день в ее номере состоялся обыск — по-видимому, за Игнатьевым следили. Германская контрразведка обвиняла ее в шпионаже в пользу русских, но доказать ничего не могла. Через некоторое время ее выпустили. Однако потрясение, испытанное при аресте, тюрьма привели к обострению чахотки, которой страдала молодая женщина. Через год она умерла.

Романтична история французской танцовщицы Жанны. Однажды в варьете Битар-Монен обратил внимание Игнатьева на одну из танцовщиц. Оказывается, он знал ее с пятилетнего возраста. Девочка росла без родителей, на попечении бабушки. Когда старушку разбил паралич, внучка устроилась в мюзик-холл, где стала одной из ведущих танцовщиц. Собиралась выйти замуж за любимого человека. Но жених ушел на фронт и через месяц погиб. Жанна была готова на все, чтобы отомстить за его смерть.

После спектакля Битар-Монен познакомил Игнатьева с танцовщицей. Знакомство закончилось предложением помочь господину Истомину[38].

— Ему нужна молодая, красивая и умная женщина, которая может поехать в Женеву, крупный центр международного шпионажа, — говорил Битар-Монен. — Там ей нужно познакомиться с германскими представителями или офицерами-отпускниками и собирать все возможные сведения. Вы, конечно, хорошо знаете ваших подруг и, может быть, сможете найти среди них подходящую даму.

Жанна тут же вызвалась сама, попросив лишь материально обеспечить бабушку: «Я согласна исполнить роль, которую вы назначите, несмотря на мое отвращение к немцам. И, принося им как можно больше вреда, я забуду всякую щепетильность при контакте с ними…»

Вскоре она под видом танцовщицы-испанки сумела добиться ангажемента в Женевском мюзик-холле и познакомилась там с молодым немецким офицером. Она часто сидела со своим кавалером в компании друзей и, скрывая знание немецкого языка, внимательно слушала их разговоры. Днем Жанна «писала» донесения. Это были газеты, которые она, предварительно наколов в них буквы своего послания, ежедневно отправляла Игнатьеву. Жанна регулярно передавала сведения о перемещениях германских войск, указывая даже номера полков. Однажды она сообщила о планируемом воздушном налете на Париж — вскоре немецкая авиация начала регулярные бомбардировки столицы Франции.

Однажды немец вышел, оставив Жанну в своем номере в

отеле. Она стала просматривать бумаги на столе, среди которых были очень важные документы. Спрятав их под манто, девушка направилась к двери. Но на пороге стоял ее приятель-немец. Видимо, он уже подозревал свою новую знакомую. Офицер сорвал с нее манто и нашел спрятанный пакет. Заперев дверь, он отправился за полицией.

Что делать? Девушка услышала, как в коридоре напевает горничная.

Жанна постучала.

— Не знаю, куда я подевала ключ. Не могли бы вы открыть мне дверь?

Собрав бумаги со стола офицера, она быстро прошла к себе в номер. Офицер мог появиться в любую минуту, но Жанна его опередила. Не теряя самообладания, сказала портье, что уезжает на двое суток, и отправилась во Францию. Документы, которые она привезла, содержали информацию о готовившемся немецком наступлении.

Игнатьеву удалось найти ценного информатора в штабе австрийской армии. «Я никогда не думал, чтобы заполучить в качестве добровольного информатора полковника Генерального штаба», — писал он впоследствии.

Осенью 1916 года Румыния вступила в войну на стороне России. Теперь вести разведку через эту страну было невозможно. Вопросом первостепенной важности для России было знание всего, что происходит за занавесом австро-прусского фронта, чтобы избежать неожиданностей. Генеральный штаб понимал невыполнимость задачи, однако неустанно требовал сделать все, чтобы этого добиться. И невозможное произошло.

У Игнатьева, среди приданных ему французской разведкой помощников, был уроженец Эльзаса лейтенант Жоран, человек энергичный, предприимчивый, с авантюрной жилкой. Как раз в то время Игнатьев должен был на три месяца вернуться по делам в Россию. Перед отъездом он встретился с Жораном в Швейцарии. Когда они обедали в Люцернском дворце, француз сказал Игнатьеву:

— Обратите внимание на женщину, которая вошла в зал.

Тот поднял глаза и увидел очаровательную молодую элегантную даму.

— Она швейцарка, — продолжал Жоран. — Живет в Будапеште, а сюда приезжает повидать родителей.

— Думаете, она может быть нам полезна? — пожал плечами Игнатьев.

Однако расторопный Жоран уже навел справки о прелестной Эмме. Оказалось, что у нее был друг — полковник Генерального

штаба австрийской армии. В свободное время он навещал Эмму в ее поместье в княжестве Лихтенштейн, рядом со швейцарской границей. Это был шанс, для реализации которого следовало завоевать доверие прекрасной Эммы.

Они обсудили ситуацию. Если дама согласится участвовать в их планах, то ей следует сразу же выплатить солидный аванс, чтобы она проявила больше старания в вербовке своего друга. Разведчики обсудили технические тонкости дела, способы передачи информации на случай, если эта невероятная авантюра все же будет удачной — надо было уберечь возможных информаторов даже от тени подозрения, слишком велика ценность подобных агентов. Игнатьев в отличие от француза был настроен скептически.

Оказалось, что французский лейтенант лучше знал человеческую натуру. Еще находясь в России, Игнатьев получил телеграмму от Гартинга, что от организации № 3 получен ценнейший материал. По возвращении в Париж он узнал, о чем шла речь: численность австро-венгерской армии, инструкции по набору новобранцев и прочие штабные документы, важность которых было трудно переоценить. Операция Жорана увенчалась успехом, он сумел подобрать ключик к очаровательной Эмме, и дама согласилась сотрудничать с ними. Перед тем как уехать обратно в Будапешт, она резонно заявила, что если представители русской разведки хотят иметь дело с ее другом, то встречаться они должны только в Австрии, и нигде больше. Это был большой риск для связного, но куда меньший для информатора.

На встречу Гартинг отправился сам. Под видом швейцарского коммерсанта он договорился с контрабандистами, чтобы те переправили его через границу, и стал ждать. Наконец на условленный адрес пришла открытка — встреча была назначена на 20 октября. В этот день с самого утра Гартинг устроился за столиком небольшого ресторанчика в пограничной деревушке княжества Лихтенштейн. В кармане куртки у него была переданная Жораном фотография Эммы — такими были в те времена представления о конспирации.

Долго ждать не пришлось. Едва Гартинг принялся за еду, как перед дверью остановился экипаж и в ресторан вошла дама с фотографии в сопровождении немолодого господина с военной выправкой. Пара устроилась за соседним столиком. Дальше разыгрался целый спектакль: в конце обеда Гартинг завязал с соседями беседу и, сославшись на незнание окрестностей, спросил, куда стоит пойти, чтобы полюбоваться пейзажем. Закончив обед, он вышел из ресторана. Вскоре его нагнала

карета, и австрийский офицер, отослав домой свою спутницу, любезно предложил Гартингу показать ему окрестности деревни. Некоторое время шли молча: один ждал разговора, другой думал, как его начать, и наконец решил брать быка за рога.

— Полковник, — сказал он, — я слышал, у вас есть товар, который я готов приобрести.

— Да, но есть ли у вас достаточно средств, чтобы его купить?

Вместо ответа Гартинг продемонстрировал туго набитый бумажник.

Договорились они быстро. За шесть тысяч швейцарских франков русская разведка получила первую порцию документов. Но самое интересное произошло потом. Гартинг посмотрел бумаги, те показались ему интересными, и он сказал полковнику: если после проверки окажется, что там все верно, то русская разведка готова продолжить отношения и не поскупится. Ответ был неожиданным и хотя и обрадовал Гартинга, но и обескуражил его.

— Вы плохой психолог, — сказал полковник. — Вам известны мое общественное положение и ответственный пост, который я занимаю в Генштабе. Думаете, что за небольшую сумму, только что вами врученную, я соглашусь на контакт только один раз и что переданные мною документы — фальшивка? Хочу сразу поставить все на свои места. С момента битвы на Марне[39] мне стало ясно, что война проиграна, что мы ее продолжаем через силу. После окончания боевых действий, а мои сведения позволяют это утверждать, в обеих Центральных империях вспыхнут революции. Затем произойдут территориальный распад и разруха. Что тогда будет с нами? Я уже стар и не хочу закончить свои дни в нищете. А теперь послушайте меня хорошенько. То, что вы получили, всего лишь безделица по сравнению с тем, что я могу передавать в дальнейшем. Чтобы по достоинству оценить то, что я принесу, необходимо иметь перед собой человека, знающего все стратегические и тактические проблемы, одним словом, руководителя вашей организации. Сможете вы уговорить его прийти?

Гартинг растерялся. Предложение было заманчивым, но и опасность была велика — а вдруг это провокация? Ведь они находятся не в нейтральной Швейцарии, а на территории Австро-Венгрии, где с русскими шпионами долго церемониться не станут.

— Наш руководитель сейчас в отъезде. Вернется к концу ноября или в первых числах декабря.

— В таком случае, назначьте нашу встречу с ним на 26 декабря, на 11 часов утра. Ваш руководитель будет сидеть на

этом камне, у этого перекрестка с трубкой в руке. Когда я пройду мимо него, он должен спросить у меня дорогу в деревню Фектель…

Игнатьев рассказал о предложении австрийца Жорану, и тот сразу вызвался пойти на встречу вместо него — слишком велика была опасность. Но Игнатьев отмел все возражения.

— Бывают случаи, когда начальник должен действовать лично, — твердо сказал он. — …Есть такие военные проблемы, о которых знает только старший офицер Генерального штаба. Нужен некто, могущий без колебаний ответить на вопросы австрийского офицера. Если тот заметит фальшь, то больше ничего не сообщит, поскольку перестанет доверять. На карту, может быть, поставлена судьба военной кампании на нашем фронте…

Дальнейшие события показали его правоту. С помощью знакомых Гартингу контрабандистов, которым Игнатьева представили как охотника, он перешел границу и встретился с полковником. Тот сразу же завязал разговор, поддерживать который были способны только два офицера Генерального штаба — Жоран был бы мгновенно разоблачен. Убедившись, что перед ним равный по положению офицер, австриец расстегнул куртку и передал документы исключительной важности. Они договорились, что следующее свидание произойдет 15 апреля, назначили место встречи и пароль. Кстати, на обратном пути с теми же контрабандистами они едва не напоролись на военный патруль. Спасли предусмотрительность проводника и то, что при них был товар. Бросив поклажу в хижине, нарушители границы успели скрыться, патруль же, занятый «освоением» трофейных товаров, и не думал их преследовать[40].

Друг Эммы честно выполнял свои обязательства до самого конца 1917 года. За это время они встретились еще четыре раза.

Организацию № 4 сети полковника Игнатьева возглавлял польский художник В. Швамберг, также живший в Швейцарии. Ему предписывалось через местные польские круги найти связи в Польше. Швамберг обещал довольно много, в частности найти резидентов в Варшаве и Люблине. Однако прошло несколько месяцев, а результатов не было никаких. Более того, из штаба Юго-Западного фронта сообщили, что Швамберг, оказывается, был агентом и Северо-Западного фронта, но в штабе соседей от его услуг отказались по причине неудовлетворительной работы. И все же Игнатьев медлил порывать отношения с резидентом: штаб соседнего фронта предложил ему посылать шифрованные телеграммы из Швейцарии в… Псков — как это можно было сделать? Через несколько месяцев Игнатьеву пришлось признать,

что Швамберг неспособен к разведке, и он перевел его в Париж переводчиком в свою канцелярию. Так бесславно окончила свою работу, не начав, организация № 4[41].

Зато организация № 5 была, пожалуй, самой загадочной из всех. В январе 1916 года Игнатьев ездил в Италию на встречу с русским военным агентом в этой стране О. К. Энкелем. Их встреча была как интересной, так и продуктивной. Опытный разведчик, Энкель дал своему парижскому коллеге много ценных советов по организации агентурной работы, преодолению мелких трудностей. Но значительно более интересной была вторая часть встречи. Энкель с сожалением рассказал Игнатьеву о своей «римской» агентуре, созданной еще во времена нейтралитета Италии. Ее предстояло ликвидировать, так как Главное управление Генерального штаба не было удовлетворено ее работой. Между тем это была серьезная группа, насчитывавшая 22 агента и около года работавшая без потерь. Энкель предложил передать «римлян» ему.

Игнатьев с радостью согласился. Он встретился с главой группы — владельцем бюро путешествий — и тот разведчику понравился: интеллигентный, умный, ловкий и осторожный, имеет дельного помощника и круг собственных агентов. После обсуждения денежных вопросов хозяин бюро путешествий охотно согласился работать на разведку Юго-Западного фронта. Опираясь на эти связи, Игнатьеву удалось наладить работу в Австро-Венгрии через Италию, а весной 1916 года появилось и три центра в Южной Германии.

Правда, стоила эта сеть недешево. По утверждениям ее руководителя, он имел коммерческие организации в Швейцарии, которые до войны вели активную торговлю между Австро-Венгрией и Северной Италией. Во время войны ему удалось создать восемь наблюдательных постов на железнодорожных узлах, которые следили за перебросками по железным дорогам Австро-Венгрии в направлении Юго-Западного фронта. Хозяин запросил по шесть тысяч франков (две тысячи рублей) в месяц для каждого поста и столько же для себя лично. Другим его условием было сохранение тайны организации — русское руководство должно было ограничиваться получением сведений, не пытаясь узнать структуру и состав сети. Пришлось пойти и на эти условия.

Однако Игнатьев не удовлетворился отведенной ему ролью и упорно пытался проникнуть в тайну «римской» организации. Ее руководитель имел помощника на швейцарской границе, получавшего сведения от центров в Швейцарии, каждый из которых представлял собой резидента с несколькими

помощниками. Но каким путем получали информацию швейцарские центры? Их доставка была организована не владельцем бюро путешествий, а неким таинственным «разведывательным обществом».

Эта организация-посредник больше всего интриговала Игнатьева. Он предпринял несколько попыток выяснить, что она собой представляет — но все они были безрезультатными. Удалось узнать только лишь, что она каким-то образом держит в руках руководителя «римской» организации и его помощника. По некоторым признакам Игнатьев предполагал, что тут замешана итальянская мафия.

Именно этим можно было объяснить то, что всегда поражало ротмистра в работе итальянской группы — ее замечательная эффективность. Сведения поступали регулярно, как по расписанию, не было никаких потерь — ни провалов, ни арестов. В разведывательной практике того времени, когда брали не умением, а числом контактов и агентов, это было совершенно исключительным.

Передвижения войск по железным дорогам противника отслеживались с абсолютной точностью: какие войска, куда и в каком количестве. Однако русский Генеральный штаб хотел большего. Он просил более точных сведений, вплоть до номеров полков, а также увеличения числа наблюдательных постов. На второе руководитель согласился с легкостью, но по поводу первого требования заявил, что выполнить его невозможно. Однако Игнатьев повторял просьбу, пока его итальянский агент сказал: «Я и мои друзья полностью вам доверяем и хотим доказать, что не можем сделать более того, что мы делаем. Поедемте в Милан. Но я прошу вашего честного слова согласиться без вопросов с некоторыми необходимыми условиями».

«В тот же вечер мы были в Милане, — вспоминал Игнатьев через много лет. — Меня повели по веренице маленьких улочек. Поскольку все мы сохраняли полное молчание, время показалось долгим. Наконец мы остановились возле роскошного автомобиля, который, как оказалось, их ожидал. Франческо (так Игнатьев в мемуарах называл руководителя «римской» организации. — *М. А.)* попросил разрешения завязать мне глаза, машина тронулась. Наконец-то я узнаю руководителя таинственной организации!.. Через час мы остановились. Франческо помог мне выйти из автомобиля и, взяв за руку, поднялся со мной по ступенькам, ввел в дом и снял с моих глаз повязку.

Я оказался в обширной сводчатой комнате, стены которой были украшены великолепными резными панелями. В середине

стоял большой стол со старинными подсвечниками, в которых тускло горели свечи. Старинные кресла стояли вокруг стола, покрытого прекрасной скатертью. Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел маленького старичка, тихим голосом беседовавшего с Франческо. Черты этого человека остались в моей памяти. Седые волосы обрамляли его бритое лицо, испещренное глубокими морщинами. Его взгляд привлекал и очаровывал и был, словно у юноши, полон огня и задора. Старик пошел мне навстречу и с галантностью знатного сеньора пригласил сесть.

— Вы наш друг, — продолжил он молодым голосом. — Друзья нашего дорогого Франческо — наши друзья, и вы можете, полковник, всегда и во всем полагаться на нас. А теперь не будем терять времени, поскольку даже мгновения бесценны.

Встав с кресла, он подошел к сейфу и вынул связку документов.

— Я знаю, — заметил он, — причину, по которой вы здесь. Вы желаете выяснить, почему наша организация не может дать дополнительных уточнений перемещения войск противника. Вот почему мне физически невозможно удовлетворить вашу просьбу: каждый из моих агентов располагает тремя различными шифрами для составления коммерческой телеграммы, число слов ограничено; я не могу внести никаких изменений в установленный порядок вещей, поскольку мои агенты находятся за границей, и нет возможности известить их об этом.

Тогда я спросил его о возможности увеличения числа наблюдательных постов в Австро-Венгрии. Старик развернул карту, показал мне сеть железных дорог этой страны, где он счел бы полезным установить посты. Мы выбрали пять пунктов. Что касалось постов, расположенных в Германии, число которых следовало увеличить, то старик мне на это ничего не сказал, а зашагал крупными шагами по комнате. Вдруг голосом, неожиданно сильным и резким, он стал отдавать распоряжения Франческо, тянувшемуся перед ним, словно солдат, по стойке смирно. Кто был этот старик? И почему мой друг, такой независимый, в его присутствии вел себя как подчиненный? Я попытался узнать это и спросил:

— Вы уверены, сударь, что сумеете найти людей для новых наблюдательных постов, которые мы наметили?

— У меня во всем мире свои люди. Никто и никогда не посмеет не выполнить моего приказа. Впрочем, они безгранично верят в меня. Изучите, если хотите, банковские счета моих агентов. До конца военных действий никто из моих людей не посмеет взять и лиры. Я кладу на имя каждого причитающуюся

ему сумму, которую он получит после войны. В случае несчастья или гибели эти деньги пойдут семье покойного. Я не боюсь предательства. Моя ассоциация в своих рядах предателей не держит. Если хоть кто-нибудь из моих людей не выполнит своих обязательств, он знает, какое его ждет наказание.

При этих словах холодная жестокость молнией промелькнула в глазах старика, и я отвел взгляд, чтобы не показать, что заметил это.

— Надеюсь теперь, — сказал он в заключение, — что мы обо всем договорились. Верьте нам, это все, о чем я вас прошу.

Протянув руку, он дал мне понять, что беседа окончена»[42].

Кто был этот старик и что у него за организация? Игнатьев так и не узнал этого. Свое обещание ее таинственный руководитель выполнил. Вскоре в одной Германии у нее стало более двадцати наблюдательных постов. Имел Игнатьев случай убедиться и в том, как в ней расправляются с предателями.

Однажды бернский резидент необъяснимо замолчал, и вскоре пришло сообщение об аресте и расстреле агента в Берне. Другие посты были в порядке. Через две недели Игнатьев встретился с Франческо в Монте-Карло. За обедом тот весело сообщил, что все в порядке.

— Это предательство, — сказал итальянец, — но мы вовремя его обнаружили. Обещаю — это никогда не повторится.

Как оказалось, они сами расследовали это дело, и следы привели в Цюрих. Сообщения всех агентств переправлялись в Италию через крупную цюрихскую коммерческую фирму. Естественно, работники фирмы не знали шифров и не имели представления о содержании сообщений, они обязаны были лишь незамедлительно передавать их в Италию. Все служащие центра были членами организации, и поэтому после ареста агента поначалу никто не заподозрил предательства, все отнесли на счет небрежности директора.

Однако последний не согласился с такой оценкой своей работы и начал собственное расследование. Подозрение пало на одного мелкого служащего. За ним установили наблюдение и выяснили, что каждый вечер он ходит в одно и то же кафе, где встречается с неким швейцарцем и молодой красивой дамой, прибывшей из Берлина. В их разговорах часто упоминался Берн, и однажды при прощании служащий передал им какие-то бумаги.

Для проверки директор положил на стол ложный список с вымышленными адресами и именами агентов. Подозреваемый был застигнут с поличным, когда переписывал адреса, и тут же признался в отступничестве. Оказывается, он познакомился с этой парой в кафе, мужчина представился ему служащим швейцарской

полиции и предложил крупную сумму денег в обмен на адреса фирм, с которыми его контора поддерживала связь.

В тот же вечер два агента встретились со швейцарцем и сказали, что служащий заболел, но они располагают списком адресов, однако согласны передать их только за наличный расчет. Поверив, швейцарец согласился на сделку. На следующий день в хронике происшествий ежедневной газеты появилась набранная мелким шрифтом заметка: «Печальный случай произошел этой ночью в Х. (название небольшой станции на полпути между Цюрихом и Берном. — *М. А.)*. На железнодорожных путях был обнаружен ужасно обезображенный труп мужчины примерно сорока лет. При нем не оказалось никаких документов. Предполагается, что, пытаясь сесть в купе, он ошибся дверью. Полиция пытается установить личность погибшего».

Все это рассказал Игнатьеву Франческо после обеда при их очередной встрече.

— А что же стало с предателем? — спросил полковник. — Его отправили в Италию?

Франческо промолчал…

Стоит ли удивляться, что, получив столь обнадеживающие результаты от взаимоотношений с мафией, Игнатьев попытал счастья и в другом тайном обществе, а именно у масонов. Летом 1916 года ему удалось установить, что масонские организации Швейцарии по-прежнему поддерживают тесные связи со своими коллегами в Германии. Его люди сумели завербовать нескольких агентов среди французских и швейцарских масонов. Однако он сам невысоко оценивал возможности этих агентов, упоминая в одном из донесений, что «связи эти смогут дать много особенно ценного лишь в конце войны как политические осведомители в Германии»[43].

Эта организация получила порядковый номер 6, а в переписке проходила как «Масонская» или «Ватиканская». Ее руководителем был Леонид Ратаев, тоже бывший полицейский — он возглавлял заграничную агентуру Департамента полиции с 1902 по 1905 год. Выйдя в отставку, Ратаев поселился в Париже под фамилией Рихтер. «Человек вполне порядочный и верный» — так характеризовал его Игнатьев. Ему-то он и дал поручение связаться с масонскими ложами, а также с польскими, болгарскими и младотурецкими организациями. Леон — таков был псевдоним Ратаева — имел трех резидентов в Швейцарии, с псевдонимами «Швейцарец», «Болгарин» и «Турок». Эта сеть была небольшой, но хорошо и сильно организованной.

Зато достаточно эфемерной была организация № 7. В Италии Игнатьев познакомился с неким сербом, который еще до войны

работал на разведку в Боснии и Герцеговине, а теперь служил в сербской армии. Он согласился работать на Игнатьева, и за четыре месяца ему «удалось завязать кое-какие связи в Швейцарии и кое-кого найти в Австрии».

Летом 1916 года полковник Игнатьев решил попытаться использовать для своих целей и Ватикан, который, несмотря на войну, поддерживал связи с католическими кругами Австро-Венгрии и Германии. Для этой цели он привлек к работе русского офицера в отставке Костэляра, перешедшего в свое время из православия в католичество и одно время поддерживавшего знакомство с кардиналом Рампалло. Костэляра отправили в Испанию, поставив задачу войти в придворные и католические круги. Это ему удалось, и он создал три вербовочных центра. Кроме того, ему удалось договориться о сборе разведывательных сведений с испанским офицером, посланным королем в Германию для наведения справок о пленных. Эта организация получила в дальнейшем порядковый номер 8 и стала называться «Католической».

В июле 1916 года появились опасения, что возможно нарушение нейтралитета Швейцарии, и тогда Игнатьев решил подготовить запасную организацию в Голландии. Во главе новой сети он поставил молодого способного офицера, прекрасно владеющего несколькими языками, который проходил в переписке под именем Петя. Это был прикомандированный к Игнатьеву лейтенант французской службы, русский подданный Амвросий Маврогордато. Он владел шестью языками — французским, английским, турецким, болгарским, греческим и немецким и имел множество знакомых и родственников в Голландии. Руководил им некий человек, «находящийся в той же стране, весьма солидный, опытный в этого рода делах, занимающий очень крупное служебное положение в своем государстве», которого Игнатьев «сумел уговорить»[44]. Голландская организация проходила в переписке как организация «Гаврилова» и почему-то без номера.

Итак, за неполный год работы в Париже полковник Павел Игнатьев создал девять разведывательных организаций, используя любую возможность и любых людей, даже самых на первый взгляд непригодных для разведки. Так, в сентябре 1914 года штаб Юго-Западного фронта послал в Швейцарию некоего Воровского — по всей видимости, это был один из агентов, на которых Игнатьев должен был опереться в начале работы. Однако, познакомившись с Воровским, Павел Алексеевич пришел к выводу, что это «человек очень честный и порядочный, но крайне трусливый, неопытный и совершенно неспособный к активной и

опасной деятельности организатора разведки»[45], и предложил ему создать сеть приемных и передаточных центров, с каковым поручением тот вполне успешно справился.

В августе 1916 года ротмистр Игнатьев был вызван в Россию. На финской границе ему вручили телеграмму, предписывавшую немедленно прибыть в Ставку в Могилев. Гадая о причине вызова, он отправился в штаб Юго-Западного фронта. Генерал Н. Н. Духонин встретил его приветливо. О вызове он знал, однако о причинах был осведомлен не лучше Игнатьева. Ротмистр прибыл в Могилев в не самом радужном настроении.

— Могу я знать причины моего вызова? — поинтересовался Игнатьев у генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего М. С. Пустовойтенко.

— Не беспокойтесь. Об этом поговорим после. А пока, поскольку вы без должности, не хотите ли понаблюдать за работой Ставки?

Что означает столь холодный прием? «Разные мысли мелькали у меня в голове, горькие мысли, — вспоминал впоследствии Игнатьев. — Меня должны разжаловать, и наши враги, без сомнения, причастны к этой низкой интриге. Моя служба им слишком мешала. Но каким влиянием они пользовались здесь, если их так хорошо слушают? Кто шпионит в пользу Германии? Смогу ли я когда-нибудь их разоблачить и дадут ли мне возможность для этого?»[46]

Пока в Ставке вокруг Игнатьева происходили эти непонятные события, родной Юго-Западный фронт пришел ему на помощь. 11 сентября 1916 года генерал-квартирмейстер направил рапорт на имя начальника штаба фронта, в котором говорилось: «Состоящий при разведывательном отделении штаба фронта лейб-гвардии гусарского его величества полка ротмистр граф Игнатьев несет ответственную службу при штабе фронта; считаю крайне необходимым сохранить названного офицера на занимаемой должности. Однако, оставаясь на этой должности, ротмистр граф Игнатьев теряет по службе в сравнении со своими сверстниками в полку». Далее следовало ходатайство о производстве Игнатьева в звание полковника, которое было удовлетворено[47].

Как-то раз в начале октября, после обеда генерал Пустовойтенко сказал Игнатьеву:

— Полковник, зайдите ко мне вечером.

Придя в назначенное время, тот удостоился сердечного рукопожатия начальника.

— Полковник, — сказал генерал-квартирмейстер, — вы удивлены вашим внезапным отзывом?

— Ваше превосходительство, я до сих пор спрашиваю себя: в чем меня упрекают?

— Ни в чем. Произошло досадное недоразумение. Плохая расшифровка телеграммы вызвала здесь неудовольствие вами, а вы знаете, что повсеместная нервозность — плохой советчик.

— Счастлив, что вы сообщили об этом, ваше превосходительство, у меня словно камень с души упал…

— Добавлю, что по согласованию с генералом Алексеевым мы решили направить вас в Париж, на этот раз с официальным титулом представителя первого генерал-квартирмейстера. Вы будете руководить разведслужбами всех фронтов…[48]

5 октября 1916 года полковник Павел Игнатьев был назначен временно исполняющим должность начальника русского отделения Межсоюзнического бюро в Париже. После этого отношение к нему в Ставке изменилось, как по мановению руки. Более того, в тот же день он нашел у себя записку начальника личной охраны Николая II, в которой сообщалось о том, что на следующий день его приглашает к обеду государь.

За столом шел непринужденный разговор на самые разнообразные темы, но после обеда император отвел Игнатьева в сторонку и тихо сказал:

— Полковник, генерал Алексеев сообщил мне о вашем назначении. Вы незамедлительно получите приказ посетить штабы всех фронтов, чтобы договориться с ними. После этого я хочу вновь с вами встретиться…

Из поездки Игнатьев вернулся в конце октября. Царь принял его спустя некоторое время, а пока что граф наблюдал за обстановкой в Ставке, которая поразила его, с детства воспитанного в строго верноподданническом духе, нелояльностью к императору.

Как-то раз, после ужина, Николай сказал ему:

— Не хотите ли проводить меня в мои апартаменты?

Игнатьев пошел вслед за царем в его рабочий салон-кабинет. Николай тщательно закрыл двери, пригласил гостя сесть, сам уселся в кресло за письменным столом и заговорил:

— Полковник, считайте, что имеете дело с одним из ваших генералов, с которыми поддерживаете постоянные и дружеские отношения. Разговаривайте со мной, как вы разговаривали бы *с ними.* Это облегчит дело, поскольку мы о многом должны переговорить и сделать обзор положения. Важность этого вы вскоре поймете. Прежде всего, скажите мне, что вы думаете о Германии и Австрии?

— Германия, ваше величество, оказывает сопротивление, непонятное для многих людей. Она имела преимущество в

вооружениях до объявления войны, однако тяжелые потери уменьшили ее мощь. Ее разгромили бы довольно быстро, если бы с началом боевых действий союзники могли скоординировать свои действия и назначить единое командование. Германия использует соперничество, которое при каждом удобном случае сама и разжигает между державами Антанты: когда одна из них наступает, другая стоит с винтовкой у ноги. Германия пользуется этим для переброски армий с Востока на Запад, в зависимости от обстановки, благодаря своим великолепным железным дорогам и массе войск, которую концентрирует на фронте, сковывая любое усилие.

— Скажите мне, полковник, как вы организовали вашу разведслужбу во время пребывания во Франции?

Игнатьев назвал имена своих руководителей организаций и перечислил их дела…

— Молодцы, — сказал император, — вы делали и будете делать хорошую работу. Этот путь усеян многочисленными шипами, но я знаю, что вы не отступите ни перед какими препятствиями.

Разговор о разведке был закончен, но предстояло обсудить еще одну тему. Лицо Николая потемнело.

— Поговорим теперь на другую тему, которая сильно ранит мое сердце. Что вы думаете о слухах, циркулирующих в Париже, Лондоне, а также в иностранной печати, согласно которым я и императрица якобы хотим заключить сепаратный мир?

— Действительно, ваше величество, я слышал об этом, не придавая большого значения слухам: мало ли какая ложь в ходу!

— Императрица очень задета подобными инсинуациями. Это гнусная клевета. Я позволяю повторить мои слова всем, кто будет заговаривать с вами на эту тему.

Не в силах усидеть, разгневанный император поднялся и принялся ходить по кабинету. Игнатьев также встал.

— Сидите, полковник, — резко сказал Николай. — Мне надо немного подвигаться.

И он долго еще мерил шагами кабинет, куря одну папиросу за другой, а удивленный Игнатьев следил за ним глазами, удивленный, что эта клевета так глубоко ранит царя. Наконец тот успокоился.

— Прошу вас, полковник, — тоном приказа сказал он, — по возвращении во Францию провести глубокое расследование, чтобы узнать источник этих слухов. Используйте все ваши связи и не останавливайтесь перед расходами, чтобы добиться результата…

26 ноября полковник Игнатьев выехал в Париж. Выполнять

просьбу-приказ императора он начал уже по дороге. На пути в столицу Франции он сделал остановку в Лондоне, где у него в то время работал один из лучших агентов, очень способный к разведке и большого ума человек. Там Игнатьев приказал провести тщательное расследование источников слухов о сепаратном мире. Такое же задание получил другой агент, из высших кругов Лондона, имевший большие связи среди политиков.

В Париже Игнатьев рассказал о задании бывшему начальнику 2-го бюро Генштаба Франции полковнику Губэ. Тот ничего определенного не знал, однако пообещал попытаться воздействовать на цензуру, чтобы публикации на эту тему были запрещены во французской прессе. После этих подготовительных действий Игнатьев приступил собственно к расследованию.

Поиск источника слухов — дело чрезвычайно сложное. Повсюду Игнатьев и его люди натыкались на стену. На вопросы им отвечали: «Кое-кто так говорит», однако этот неуловимый «кое-кто» не имел ни лица, ни имени. Однако постепенно картина стала проясняться. Множество мелких штрихов указывали на то, что слухи имели источник в Голландии и Швейцарии. В «банковской столице» у Игнатьева было два десятка агентов, так что задача упрощалась. Полученная в конечном итоге информация вывела разведчиков на две крупные германошвейцарские газеты, однако столь солидные издания не могли сами выдумать такую важную информацию. Одна из этих газет была «Бернер Тагеблатт», официальный орган Швейцарского Федерального совета и одновременно германской миссии в Берне.

Два лучших сотрудника Игнатьева занялись поиском связей в этих газетах. В конце концов одному агенту удалось подружиться с редактором одной из газет — подружиться до такой степени, что тот позволил ему тайно присутствовать при встрече с неким германским дипломатом. Редактор перевел разговор на слухи о сепаратном мире и достаточно ловко вызвал немца на откровенность, так что дипломат долго и горячо доказывал ему необходимость убедить иностранное общественное мнение в достоверности этих слухов, намекая, что они идут из официального источника. Эти и другие сведения убедили Игнатьева в том, что слухи эти исходили из германского Генштаба или министерства иностранных дел. Свой доклад Игнатьев закончил словами немецкого дипломата, переданными ему агентом: «Нам не интересно знать, что русский император не хочет заключать сепаратный мир. Нам важно, чтобы верили этим слухам, которые ослабляют положение России и одновременно ее

союзников. Вот то единственное, что нам нужно и что мы ожидаем от вас…»[49] — говорил он редактору газеты.

Выполнение задания императора заняло менее двух месяцев.

Итак, в конце 1916 года Игнатьев вернулся в Париж. Теперь он был начальником русского отделения Межсоюзнического бюро и «заведующим агентурой всех фронтов и армий». В первую очередь он решил провести рекогносцировку собственных агентурных организаций.

За время его отсутствия группа художника Швамберга развалилась окончательно. На грани исчезновения была и группа сербского офицера — впрочем, ни та ни другая так никогда толком и не работали. Зато «католическая» организация Костэляра, против ожидания, разрослась и окрепла.

Сеть Гартинга, составлявшая основу всей организации Игнатьева, пострадала от арестов. Он решил разделить ее на три группы, что и было сделано в течение первой половины 1917 года. Руководитель первой группы, имевший псевдоним «Борисов», был достаточно крупным деятелем, промышленником и журналистом, работавшим в Германии. «Пьер» занимался исключительно польскими делами и саботажем. Третья группа, «Малера», была организацией анархистов, которые имели агентов в германской армии и передавали ценные сведения — кстати, не зная, что работают для России.

Организация Лебедева также работала успешно. У нее была своя специфика. «Кроме сведений общего военного характера, — писал в докладной записке Игнатьев, — они вертятся в среде отпускных офицеров, следя за отправлением их на фронт, и таким образом добывают сведения. Один из осведомителей работает таким же образом в госпиталях. Эта группа имеет свой оборудованный центр на австро-швейцарской границе для переноса сведений»[50].

«Масонская» организация понесла тяжелую потерю — умер ее руководитель Л. А. Ратаев. С большим трудом Игнатьеву удалось наладить связи с агентами и продолжить дело. С каждым из людей Ратаева приходилось работать лично, ибо ни на что другое они не соглашались. Впрочем, люди это были со связями и хорошо осведомленные, так что дело того стоило.

Организация «Гаврилова» пережила крупный провал — два ее серьезных агента в Австро-Венгрии были расстреляны, один пропал без вести, несколько человек в Швейцарии арестовано. Впрочем, она оправилась на удивление быстро и теперь состояла из четырех агентурных групп, наблюдавших за железнодорожными линиями Германии, а также имевших объездных агентов в Западной Пруссии, Курляндии, Литве и

Польше. В целом у нее было семь резидентов. Кроме названных, имелась так называемая «маленькая организация» в распоряжении «Пети», которая работала по опросу дезертиров.

В январе 1917 года Игнатьев получил приказ штаба Юго-Западного фронта — вести разведку против одной лишь Австро-Венгрии. Все организации, кроме последней, «Гаврилова», удалось переключить на решение только этой задачи. Последнюю же пришлось передать Западному фронту.

Как начальник отделения, он был обязан получать и обрабатывать разведывательные данные из Межсоюзнического бюро и направлять их в Ставку, а также запрашивать из России и передавать по назначению сведения, интересовавшие союзников.

Еще находясь в Ставке, Игнатьев отметил неповоротливость военно-бюрократического механизма Российской империи. Теперь он столкнулся с ним напрямую. Обмен данными между союзниками происходил на основе взаимности, и Игнатьев не раз оказывался в положении, когда ему нечего было дать в обмен на предоставленную информацию. Особенно это касалось экономического отдела — информацией такого рода ведал «Особый комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля», который, несмотря на то, что Игнатьев обращался за помощью в Ставку и Генштаб, так и не начал присылать сведения в нормальном объеме. Несколько лучше обстояло дело с данными контрразведывательного и военного характера, но проблем было предостаточно и тут.

Однако обмен информацией не предполагал координацию агентурной деятельности союзных разведок. И если Игнатьев вынужденно допускал к делам своей организации французскую разведку, то ни французы, ни англичане в свои дела его не посвящали — что, впрочем, отражало вообще отношения между союзниками.

Для работы в интересах Ставки Павел Алексеевич выделил из числа агентурных организаций штаба Юго-Западного фронта две — «Масонскую» и «Католическую» («Испанскую»), а также создал на базе организации № 5, которая в дальнейшем проходила под названием «римская», восемь центров (пунктов) для отслеживания железнодорожных перевозок в Германии.

Одновременно Павел Алексеевич создал новую организацию, получившую название «Шевалье» по псевдониму руководителя. Она возникла при следующих обстоятельствах. В начале декабря 1916 года к Игнатьеву явился некий Сватковский, который предложил организовать «сеть агентов, использовав одно весьма влиятельное лицо в австро-германских украинофильствующих кругах». Заинтересовавшись личностью Сватковского, Игнатьев

выяснил, что он являлся представителем Петроградского телеграфного агентства в Швейцарии и был связан с русскими военными агентами в Швейцарии и Италии. Несмотря на заверения Сватковского, что его агентурная сеть быстро развернется и будет успешно действовать, организация «Шевалье» за весь период своего существования не развернула свою деятельность в тех масштабах, которые от нее ожидались, хотя на содержание организации затрачивались значительные средства (ежемесячно более 10 тысяч франков)[51].

К лету 1917 года Игнатьевым были созданы новые агентурные организации, которые работали в интересах Ставки: «Американская», «Румынская» и «Одиннадцатая».

«Американская» организация добывала сведения военного, военно-морского и контрразведывательного характера. Во главе ее стоял американский подданный, работавший безвозмездно в пользу русских. Во второй половине 1917 года он был зачислен капитаном американской армии и назначен в американское разведывательное отделение при Межсоюзническом бюро в Париже. В его распоряжении имелись два резидента, один из которых якобы служил в цирке в Берлине, другой — в Будапеште. Донесения поступали два раза в месяц через американское консульство или через жену этого циркового артиста, проживавшую в Цюрихе.

Организация «Румынская», созданная «в связи с организацией Западного фронта», должна была стать основой разведывательной сети в Румынии.

«Одиннадцатая» имела задачей установление связи в русскими военнопленными в Германии, а именно: содействие им в побегах, осведомление военнопленных обо всех событиях, происходивших в России и у ее союзников, снабжение военнопленных необходимыми инструкциями и указаниями по организации саботажа в тылу врага и по добыванию сведений разведывательного характера. Руководитель этой организации — латыш, эмигрировавший из России в 1905 году и служивший старшим переводчиком в одном из лагерей Германии[52].

Несмотря на то, что Игнатьев был назначен начальником агентурной разведки Ставки и всех полевых штабов, зарубежная агентурная разведка не была объединена, и в этой области продолжался совершенный разнобой, так что положение Игнатьева было весьма двусмысленным. Формально он считался начальником всей русской зарубежной агентуры, но реально таковым не был.

Непосредственно он руководил лишь «своей» разведкой Юго-Западного фронта и разведкой штаба Верховного

главнокомандующего. Организации штаба Западного фронта подчинялись прикомандированному к нему офицеру, отвечавшему за текущую работу. Игнатьеву была оставлена лишь роль передаточного звена, через которое в одном направлении шли указания и деньги, в другом — донесения. О том, какое значение придавал Западный фронт разведывательной работе, говорит уже сам чин этого офицера. Если Юго-Западный фронт в 1915 году направил в Париж Игнатьева в чине ротмистра, то в 1917 году всей агентурой Западного фронта ведал подпоручик А. З. Быховец. А штаб Северного фронта вообще никого не прислал Игнатьеву, не получил он и указаний от ГУГШ, то есть и штаб Северного фронта, и Генеральный штаб решили вообще обойтись без его помощи. Полномочий же заставить себе подчиняться он не имел, и не имел права даже потребовать от них, чтобы они сообщали сведения штабу ВГК. Да и Ставка, в свою очередь, не только не проявляла никакого интереса к работе зарубежных разведывательных организаций фронтов, но даже и откровенно не желала знать о ней. Так, когда Игнатьев направил в Ставку телеграмму, в которой давалась характеристика работы одной из организаций Западного фронта, то получил ответ с указанием не присылать «телеграммы, имеющие непосредственное отношение только к штабам фронтов».

Такое отношение продолжалось до лета 1917 года. Лишь этим летом, готовясь к июньскому наступлению, Ставка решила объединить под своим руководством всю зарубежную разведку — и тут же пошла на попятную, оговорившись, что переход к такому порядку должен происходить постепенно. Однако времени на «постепенность» отпущено уже не было…

Впрочем, сам Игнатьев большую часть времени и сил отдавал своим «родным» организациям Юго-Западного фронта, которые он создал еще до нового назначения.

Штаб Юго-Западного фронта к августу 1917 года по докладу полковника П. Игнатьева имел «семь самостоятельных организаций, из коих:

1) Наиболее крупная, жизненная, деятельная и лучше всех организованная организация № 1.

2) Небольшая вполне надежная с прекрасной системой связи с резидентом — организация № 2.

3) Организация № 3 — работающая специально в Австро-Венгрии и, вероятно, имеющая возможность несколько расшириться. Сведения, полученные от этой организации, хотя и не имеют характера крупных стратегических известий, однако большею частью были весьма правдоподобны.

4) Организация № 5 — сейчас находится в периоде

ликвидации.

5) Организация № 6 — имеющая специальный характер, состоящая из лиц, вполне преданных русским интересам, и освещающая Болгарию и Турцию.

6) Наконец, организация № 10 — пока еще не налаженная окончательно, но по своим связям могущая дать хорошие результаты в Австро-Венгрии»[53].

На самом деле, если посчитать, было не семь, а шесть «самостоятельных» организаций, «из коих» одна находилась в стадии ликвидации, а вторая еще не приступила к работе.

С гораздо меньшим рвением работал Игнатьев в интересах Ставки. Так, в ее распоряжение он выделил лишь формирующиеся или откровенно слабые организации, а самые сильные и дееспособные оставил за Юго-Западным фронтом, о чем говорит хотя бы история голландской организации «Гаврилова». К 1917 году условия работы этой группы ясно показывали, что ей следовало бы работать по разведке Германии в интересах не Юго-Западного, а Западного фронта, однако Игнатьев медлил с ее переподчинением. И лишь когда выяснилось, что Юго-Западный фронт вообще не может ее использовать, полковник предложил штабу Ставки взять эту организацию себе или передать штабу Западного фронта. Ставка отказалась без каких-либо объяснений, и в итоге группа «Гаврилова» досталась подпоручику Быховцу.

Все же даже при таких половинчатых полномочиях Игнатьеву удалось добиться определенных результатов. Он смог устранить скопление агентов разных штабов в одних и тех же пунктах. Удалось добиться многого и по части организации разведки, в том числе распределения сфер деятельности агентурных центров и агентов по районам и по объектам, большей организации контроля за работой агентов и лучшей конспирации, чем это было раньше, улучшения вербовочной работы и подготовки агентов.

17 мая 1917 года Ставка запросила все штабы фронтов, пользовавшиеся услугами П. Игнатьева: считают ли они «достаточно ценными сведения», поступавшие от его организаций, и признают ли «необходимым, или хотя бы желательным, продолжение работы этих организаций»? 19 мая от штаба Западного фронта пришла телеграмма, подписанная помощником генерал-квартирмейстера штаба генералом А. А. Самойло:

«Полковник гр[аф] Игнатьев объединяет все организации Штазапа, работающие через Швейцарию и Голландию под непосредственным руководством офицером Штазапа, находящегося в Париже в подчинении Игнатьева. *Эти организации*

приносят несомненную и существенную пользу в деле разведки (выделено мной. — *М. А.)* и необходимы для выяснения группировки противника в связи с постоянными переброскими его частей с одного фронта на другой и в связи с предпринятым в настоящее время немцами переформированием дивизий и полков по национальностям. Кроме того, сведения, доставляемые полковником гр. Игнатьевым 2-м, ценны, так как: *1) они своевременно доставляются и 2) наиболее полно обслуживают интересы Штазапа в деле распознавания намерений противника и группировки его сил* (выделено мной. — *М. А.)*. Что касается достоверности сведений полковника Игнатьева, то они в большинстве случаев подтверждаются другими способами разведки. Ввиду изложенного признаю не только продолжение работы упомянутых организаций необходимым, но и желательным даже их дальнейшее расширение»[54].

В свою очередь штаб Юго-Западного фронта телеграфировал следующее:

«Агентура полковника Игнатьева 2-го, основанная в декабре 1915 года, *уже с февраля 1916 года давала ценные сведения и в большинстве случаев отмечала все важнейшие в военном отношении события жизни противника* (выделено мной. — *М. А.)*. Особенно ценными являлись сведения о перевозках, которые в связи со сведениями, добытыми войсковой разведкой, давали возможность судить о намерениях и планах противника. Кроме того, *агентура давала много ценных сведений о новых формированиях, вооружении и экономическом состоянии австро-германцев* (выделено мной. — *М. А.)*. Сравнительная дороговизна объясняется тем, что, первое, работа ее не была подготовлена в мирное время, второе, около 20 процентов всех посланных денег идет на потерю в курсе при пересылке из Франции в нейтральные страны, Австрию и Германию. Третье, агентам выплачивается крупное вознаграждение. На основании изложенного продолжение работы организаций полковника Игнатьева желательно, хотя денежные затраты представляются значительными»[55]. Телеграмма была подписана генерал-квартирмейстером штаба Западного фронта генералом Н. Н. Духониным.

В то же время генерал В. Е. Скалой в докладе генерал-квартирмейстеру Ставки от 4 мая 1917 года высказал совершенно противоположную точку зрения. Он, в частности, отмечал, что сведения о перевозках поступают в весьма большом количестве, «но основываться на этих данных, безусловно, нельзя… На основании их нельзя делать каких-либо выводов. Сведения о новых формированиях внутри страны ограничиваются, обычно,

только указаниями на то, что идут какие-то формирования. Достоверные данные о том, что именно формируется, получаются весьма редко. Сведения о планах и намерениях противника никогда не могут считаться достоверными, хотя и почерпнуты из самых якобы достоверных источников. Но они… очень часто могут служить показанием того, какие слухи умышленно распространяются нашими противниками о своих планах. Сведения политического и экономического характера… часто заимствуются из газет»[56]. И далее: «… Ввиду крайней трудности добывать достоверные сведения о перевозках, а с другой стороны — полной возможности для недобросовестных агентов посылать вымышленные сведения, казалось бы желательным совсем отказаться от получения агентурным путем сведений о перевозках, которые в весьма редких случаях совпадают с действительностью, а если и оказываются верными, то обыкновенно уже раньше известны из данных нашей или союзной войсковой разведки».

Назрел вопрос ликвидации «римской» организации штаба Юго-Западного фронта и восьми пунктов «Римской» организации Ставки, решение о чем было принято. Ликвидация двух вышеперечисленных агентурных организаций, однако, не коснулась организации «Гаврилова», которая в основном освещала железнодорожные перевозки войск противника.

С приходом к власти Временного правительства над головой Павла Игнатьева и его брата Алексея стали сгущаться тучи. В августе 1917 года по предписанию военного представителя Временного правительства генерала М. И. Занкевича была создана комиссия под руководством полковника Кривенко для проверки деятельности «Русского военного бюро при Межсоюзническом комитете». Комиссией были изучены информационные телеграммы девяти зарубежных агентурных организаций, из имеющихся 13 организаций штабов фронтов и Ставки, направленные в Центр за период с 1 мая по 1 августа 1917 года. Выводы комиссии были совершенно обескураживающими. Так, после проверки из 324 направленных в Россию донесений ценными признаны 38, запоздалыми — 17, бесполезными — 87, несерьезными — 28, неверными — 154. «Существующая организация бюро, как отмечалось в докладе комиссии, совершенно не отвечает ни задачам, возлагаемым на него, ни особо крупным суммам, отпускаемым на его содержание»[57].

Может быть, этот доклад и вошел бы в историю без комментариев, но полковник Кривенко сделал одну ошибку — ища поддержки своей позиции, он обратился к помощнику 2-го

обер-квартирмейстера ГУГШ — к тому времени руководителю органа, объединявшего деятельность разведок Генерального штаба, Ставки и штабов фронтов — генерал-майору П. Ф. Рябикову. В письме, приложенном к выводам комиссии, Кривенко писал:

«…Выбор материалов дает тебе возможность самому разобраться в пользе этого учреждения, стоящего русской казне до или свыше 200 000 франков в месяц. По моему личному мнению, эту лавочку нужно или просто уничтожить за ненадобностью, или переделать радикальнейшим образом. Дело такое серьезное, особенно при условии, что милейший Головань (С. А. Головань — военный агент в Швейцарии. — *М. А.)* совершенно не в состоянии дать какого-либо разведывательного размаха в Швейцарии. Между тем сотрудники организации Игнатьева 2-го — дети едва из пеленок, столь же подготовлены к специальной разведывательной деятельности, как я к службе инженера на заводе»[58].

Итак, доклад комиссии, которая даже не удосужилась правильно воспроизвести название органа, возглавляемого Игнатьевым 2-м, окольными путями поступил в ГУГШ. Сам председатель имел отношение к агентурной разведке, как, по его собственным словам, «к службе инженера на заводе». Но вердикт вынес.

В Генеральном штабе было тщательно проверено каждое донесение от упомянутых агентурных организаций, и чаще всего оценки этих донесений кардинально расходились с оценками, сделанными комиссией Кривенко.

На приложенном к письму докладе комиссии рукой адресата было начертано: «Выводы вовсе не соответствуют положению дела, кроме того, они для нас лишены интереса… Инициатива расследования мне непонятна».

Надо полагать, генерал-майор Рябиков лукавил, говоря о «непонятности» инициативы расследования. Причины ее изложены как в письме, так и в выводах комиссии. Так, далее вслед за цитируемым отрывком полковник Кривенко пишет: «Все это, конечно, касается меня лишь косвенно. Наши сведения мы черпаем из французской и английской Главных квартир и потому есть или нет парижское бюро Игнатьева 2-го — для нас значения не имеет…» А в самом докладе комиссии в выводах, вслед за перечислением мер по реорганизации Бюро, говорится: «Подобная реорганизация требует теснейшей связи разведывательного бюро с органами, ведающими общими оперативными работами, а равно обладающими всей совокупностью наличных данных об обстановке, группировке сил

противника и т. д.». Против этого аргумента возразить трудно. Но в качестве таких органов полковник называет почему-то не Ставку и не Генеральный штаб. Он продолжает: «…каковое слияние достигается подчинением этого бюро военному представителю Временного правительства при французских армиях». После чего как «инициатива расследования», так и причины разгромных выводов становятся совершенно прозрачными: представители Временного правительства просто-напросто решили прибрать русское отделение Межсоюзнического бюро под свою руку. В этом случае дальнейшую его судьбу предугадать было нетрудно, ибо все, чего касалась рука Временного правительства, разваливалось мгновенно и необратимо.

Рапорт «доброжелателя» Кривенко был далеко не единственным. Множилось число доносов от «обиженных» сотрудников. Так, изгнанный Игнатьевым из рядов разведки за полной непригодностью агент Кобылковский, когда ему было предложено вернуться в Россию, обвинил полковника в том, что он являлся посредником в сделках по заключению сепаратного мира между германским императором и царицей Александрой Федоровной. Французская контрразведка тщательно собирала любой компромат на него и его агентов, вплоть до того, что он будто бы одобрял создание солдатского комитета среди своих подчиненных. Итальянская контрразведка, наоборот, «уличает» его в монархических симпатиях и намерениях восстановить монархию в России с помощью Германии. Наконец, согласно донесениям французских агентов, «во время ужина в сентябре у лейтенанта Перникова… некий офицер по фамилии Кульнев сказал братьям Игнатьевым, что ему непонятно, почему союзники до сих пор терпят их поведение и само пребывание в Париже. Обращаясь к полковнику Павлу со словами: «Ваше гнусное ремесло вызывает у меня отвращение» — он заявил ему: «Я проинформирую Керенского о вашем поведении»[59]. Трудно понять, что имел в виду господин Кульнев: «революционные» симпатии Игнатьева, или же его «монархические» симпатии, или же само «ремесло», которое у российских либералов всегда вызывало отвращение — впрочем, они никогда не брезговали пользоваться его плодами. Как бы то ни было, времени на то, чтобы добить графа Павла Игнатьева, у Временного правительства уже не оставалось.

В январе 1918 года решением союзных властей российская военная миссия при Межсоюзническом бюро была упразднена, ее архивы опечатаны и переданы в Историческую секцию французского Генштаба.

В 20-е годы в эмигрантской среде в Париже были

предприняты попытки окончательно дискредитировать П. Игнатьева, доказав некую его связь в годы Первой мировой войны с немцами и наличие в его агентурной сети двойных агентов и тем самым обвинить его в государственной измене. Русский общевоинский союз (РОВС), начавший эту провокационную затею, даже попытался найти законные основания для начала следствия и передачи его дела в военный суд. Однако известный журналист П. Бурцев считал эти сведения ложными и недостаточными для выдвижения обвинения. Все попытки РОВСа организовать судилище над Игнатьевым 2-м оказались безуспешными и ничем не закончились.

Эти инсинуации не прошли бесследно только для самого Павла Алексеевича. Он умер в Париже 19 ноября (по старому стилю) 1930 года и похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

В годы войны Павел Алексеевич жил какое-то время гражданским браком с Марией Андреевной Левиц фон Менар (первый муж — жандармский офицер, полковник), урожденной Истоминой, которую любил и которая отвечала ему взаимностью.

Именно благодаря усилиям ставшей ему женой Марии Андреевны оставленные после его смерти, написанные на русском языке разрозненные заметки были любовно собраны воедино, переведены на французский язык и изданы в 1933 году в Париже в серии «Воспоминания секретной войны» под названием: «Полковник граф Игнатьев, бывший руководитель 2-го Межсоюзнического бюро во Франции. Моя миссия во Франции».

На русский язык книга была переведена и в 1999 годуй выпущена под названием «Граф Павел Игнатьев. Моя миссия в Париже».

М. АЛЕКСЕЕВ

МЕЖ ДВУХ ВОИН

Лев Маневич

Имя Льва Маневича стало раскрыто только через двадцать лет после смерти — 20 февраля 1965 года, когда Льву Ефимовичу было присвоено звание Героя Советского Союза. В то время, как бы восстанавливая справедливость, Золотые Звезды стали давать тем, кто совершил подвиги во время Великой Отечественной войны, но не был своевременно отмечен, а также, заодно, и некоторым из участвовавших в войне военачальников, партийным и государственным деятелям… Однако полковник Маневич на той войне не был, да и вообще прямого отношения к ней не имел, хотя немало сделал для повышения боеспособности и технической оснащенности будущей армии-победительницы. Лев Ефимович был военным разведчиком, резидентом Разведуправления штаба РККА в Милане — еще задолго до 41-го года.

Героическая и необычная судьба «Этьена» (оперативный псевдоним Маневича) сразу же нашла свое отражение в очерках на страницах «Правды» и «Красной звезды», а вскоре и в неоднократно переизданном, переведенном на многие языки романе Евгения Воробьева «Земля, до востребования». Однако все публикации имели один существенный недостаток: происходившие события в них были смещены во времени ровно на пять лет.

Маневич родился 20 августа 1898 года в городе Чаусы Гомельской губернии, в многодетной семье, как тогда говорилось, мелкого служащего. Старший брат Яков, член РСДРП, после 1905 года эмигрировал в Швейцарию, а через несколько лет друзья привезли к нему Льва — потому как жить в Цюрихе, разумеется, было гораздо лучше, нежели в Чаусах. Юноша закончил техническое отделение Женевского колледжа, изучал языки — как сказано в личном деле «Этьена», «знает французский язык, частично немецкий и английский». Познакомился и с реалиями европейской жизни.

В 1916 году Маневич возвратился в воюющую Россию и уже в феврале 1917-го надел солдатские погоны — шла Первая мировая война, в которой он, очевидно, участвовал. К сожалению, об этой странице биографии Льва Ефимовича сведений нет.

В апреле 1918 года он вступил в Красную Армию. В составе интернационального полка Бакинского Совета участвовал в подавлении контрреволюционного восстания; был комиссаром бронепоезда, командиром Коммунистического отряда, заместителем начальника оперативного отделения штаба 1-го

Кавказского корпуса; в 1919–1920 годах участвовал в боях против войск Колчака и повстанческих формирований в Самарской и Уфимской губерниях.

Русской кровушки в Гражданскую и белые и красные не жалели. Можно вспомнить, как бывший гвардейский поручик Тухачевский травил газами мятежников на Тамбовщине. Вот и Маневичу однажды была поставлена задача окружить село и уничтожить находившуюся там банду. Казалось бы, что ему, родившемуся в еврейском местечке и воспитанному в Швейцарии, до этих мужиков, запутавшихся в реалиях революции и взявшихся за оружие? Однако Лев Ефимович оставил отряд в лесу и, предупредив, что должен вернуться через час, пошел безоружным — маузер все равно бы не спас — в мятежное село. Не нужно объяснять, насколько велик был его шанс оказаться повешенным. Но ведь пошел, поговорил с народом и через час вывел банду из села, обратил ее на сторону новой власти!

В этой ситуации проявились сразу несколько присущих Маневичу качеств — от бесстрашия и всепобеждающей убежденности в правоте своего дела до самоотверженного, жертвенного человеколюбия. Особо отметим еще и личное обаяние, которым, как кажется, «Этьен» был наделен сполна. Он и будущую жену, Надежду Михину, буквально очаровал во время своего выступления на митинге в Самаре, куда эта девушка, принадлежавшая к хоть и незнатной, небогатой, но все же дворянской семье, попала совершенно случайно.

Военная стезя требовала специальных знаний, а потому уже в 1921 году Маневич заканчивает Высшую школу штабной работы комсостава, через три года, в августе 1924-го, Военную академию РККА. Кстати, поначалу в Москве семья Маневичей проживала на квартире Якова Никитовича Старостина — рабочего-железнодорожника, друга Льва Ефимовича по Гражданской войне. Это необходимо отметить потому, что Старостин, о чем они оба еще не знают, сыграет в судьбе Маневича особую роль.

После окончания академии Маневич получил направление в Разведывательное управление штаба Красной Армии (РУ), где судьба свела его и тесно связала с Яном Карловичем (Павлом Ивановичем) Берзиным, руководителем советской военной разведки. Уже в 1925 году Маневич был направлен в первую заграничную командировку — в Германию, в легальную резидентуру. Сроки командировки можно точно определить по следующему характерному для той эпохи документу:

22 марта 1927 г.
Секретарю бюро заграничных ячеек при ЦК ВКП(б)

Прошу выдать партбилет т. Маневича, вернувшегося из зарубежной командировки, сданный под квитанцию № 58 19/X1 — 1925 г.

Для особых поручений при начальнике
IV Управления Штаба РККА
Литвинский

Это было то время, когда, как образно сказано в «Истории Второй мировой войны», «под пошатнувшееся здание германского империализма началось подведение нового фундамента». Страны Запада начали подготовку Германии к новой войне против СССР — только за 1923–1929 годы она получила около четырех миллиардов долларов иностранных займов, причем более половины средств поступило из США. В декабре 1926 года прекратилась работа Союзной военно-контрольной комиссии, созданной странами-победительницами. С того времени процесс ремилитаризации Германии, униженной и оскорбленной Версальским договором, стал нарастать бурными темпами.

Успешно пройдя «обкатку» за рубежом, Лев Ефимович в мае 1927 года назначается на должность начальника французского сектора. Повышением по службе это не является — начальником сектора он был и до командировки, сразу после академии. Но это также совсем не значит, что он в то время занимается исключительно кабинетной работой. И вот тому свидетельство:

Начальнику IV Управления Штаба РККА
РАПОРТ

Доношу, что прибыл из командировки к месту службы 4 сентября.

Порученное мне задание выполнил.

Маневич.
5.9.1927 г.

Более подробной информации на эту тему мы не имеем, хотя по ряду признаков можно подозревать, что подобные задания выполнялись Маневичем неоднократно, что он периодически бывал в Европе, и не только под своей фамилией. Но это лишь предположения.

В 1928 году Лев Ефимович получает еще одну профессию, из тех, что тогда стремительно «входили в моду» — авиатора. Его направляют на учебу на годичные курсы при Военно-воздушной академии, где он учится летать.

Однажды — а может, и не единожды, авиация дело такое, — все чуть было не закончилось катастрофой. Во время полета ненастным зимним вечером в самолете, который пилотировал

«Этьен», выявилась какая-то неисправность, машина упала. Летчика спасли, во-первых, сугроб, в который свалился самолет, а во-вторых, мужик, проезжавший мимо на санях. Он не только откопал Маневича, но и довез его до дома — окоченевшего, обледенелого, — к ужасу и удивлению Надежды Дмитриевны, считавшей, что в академии ее муж получает исключительно теоретическую подготовку. Но уже через несколько дней Лев Ефимович опять поднялся в небо.

В его выпускной аттестации значится:

«Отличных умственных способностей. С большим успехом и легко овладевает всей учебной работой, подходя к изучению каждого вопроса с разумением, здоровой критикой и систематично. Аккуратен. Весьма активен. Обладает большой способностью передавать знания другим. Дисциплинирован. Характера твердого, решительного; очень энергичен, иногда излишне горяч… Пользуется авторитетом среди слушателей и импонирует им своими знаниями… После стажировки обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба».

А дальше все получилось иначе: Маневича выпускают летчиком, он же идет в коммерсанты. Стать коммерсантом Льву Ефимовичу пришлось по заданию руководства Разведупра.

В декабре 1929 года Маневича направляют на нелегальную работу в Италию. Эта фашистская страна тогда уже превратилась в «единый военный лагерь», где, как будет сформулировано несколько позже, «военное обучение должно начинаться, как только ребенок в состоянии учиться, и продолжаться до тех пор, пока гражданин в состоянии владеть оружием». Тогдашнее руководство страны взяло курс на создание в главенствующей на Средиземноморье Итальянской империи, а бывшие союзники России — в частности Англия и Румыния — стремились направить её агрессивные устремления и против Советского Союза. Развитая военная промышленность Италии производила боевую технику не только для своей армии, но и для дружественной Германии.

Впрочем, поначалу предполагалось направить Маневича в Соединенные Штаты — в военный атташат при советском посольстве, о чем, как и о некоторых последующих событиях, рассказывала его дочь, Татьяна Львовна.

Льва Ефимовича вызвал Берзин и сказал доверительно:

«Я не могу тебе приказывать, но не мне тебе объяснять, какова сейчас ситуация в Европе. Мне необходимо послать в Италию человека, но только такого, который бы знал страну и язык, как ты, и владел бы также немецким. Но ты имеешь право

отказаться. Поступай, как знаешь. Я даю тебе право выбора».

Известно, что подготовка разведчиков-нелегалов обычно занимает продолжительное время. Но как раз времени-то у советской военной разведки и не было. К тому же можно сказать, что вся жизнь Маневича — учеба в Швейцарии, служба на различных армейских должностях, законченные им Штабная школа и две академии, работа в легальной резидентуре в Берлине, служебные командировки — явилась подготовкой к его главному делу протяженностью в полтора десятилетия.

Надо думать, что Берзин не сомневался в том, какое решение примет его подчиненный. Однако препятствия возникли с иной стороны. Дома «Этьена» ожидала настоящая буря. Надежда Дмитриевна была человеком эмоциональным, обладала взрывным характером: узнав о поездке мужа, чувств своих сдерживать не стала. Плакала навзрыд, говорила, что больше одна не останется.

«С меня достаточно! Или ты остаешься, или берешь нас с собой! — потребовала она. — Я устала все время ждать, устала бояться за тебя!»

Лев Ефимович очень любил своих жену и дочь: было решено, что сначала он поедет один, а затем возвратится и заберет семью с собой. Руководство разведки это одобрило.

Маневича «выводили» через Австрию — он легализовался в Вене под именем Альберто Корнера, коммерсанта, открывшего на Мариахильферштрассе патентное бюро. Это было замечательное прикрытие, дававшее разведчику возможность оказаться в курсе перспективных изобретений, которые к нему приносили сами авторы, чтобы оформить патент или получить лицензию. Специальность патентоведа давала также возможность Маневичу бывать на предприятиях, завязывать и поддерживать знакомство с инженерами. Более всего его интересовала авиация, и он успешно изображал летчика-любителя, что позволило ему быстро войти в контакт с пилотами, техниками и часто бывать на аэродромах. Особый интерес «Этьен» проявлял к людям, работающим в Италии или как-то связанным со страной его будущего пребывания.

Он также установил деловые отношения с немецкой фирмой «Нептун», производившей аккумуляторы (этим объяснялось название) для подводных лодок.

Через несколько месяцев «Этьен» прибыл за семьей в Москву.

Совсем не сложно подмечать чужие ошибки и предлагать постфактум правильные решения. Мы этим заниматься не будем и ограничимся изложением событий в форме рассказа Татьяны Львовны:

— Ехать мы должны были вместе с отцом, но жить отдельно

от него, в Вене, куда он сможет время от времени приезжать. Ситуация осложнялась тем, что мама не знала ни одного иностранного языка. Но, так или иначе, вопрос был решен. Мама имела паспорт гражданки Финляндии, и нашей «родиной» был Выборг, город на самой границе с Россией. Таким образом, наш русский язык получал естественное объяснение. Как же тщательно и терпеливо отец готовил меня к моей новой роли! Мама и я должны были свыкнуться со своими новыми именами Мария и Айно; мы должны были все время помнить о том, что малейший мой промах может стоить всем нам жизни…

Однако вряд ли можно было всего за несколько недель, если не дней, подготовить маленькую девочку к совершенно чужой для нее жизни, предусмотреть все, с чем ей придется столкнуться уже в ближайшее время…

— В вокзальном ресторане сидящие неподалеку от нас пассажиры с удивлением повернулись на мой громкий возглас: «Ой, папа, смотри, они налили нам суп в чашки и еще туда яйцо бросили!»…

В Берлине, в гостинице, произошел еще один маленький эпизод, который мог стоить нам очень дорого. Я, как и отец, ужасно любила петь и распевала целыми днями.

И вот однажды я бежала по коридору гостиницы и распевала какую-то песню, которая заканчивалась словами «Ура, ура, Советская страна!». С этими словами я и влетела в наш номер… До сих пор помню побелевшие лица родителей, бросившихся ко мне. Мама, со свойственной ей горячностью, начала меня упрекать. «Надя, оставь ее, — сказал отец. — Она ведь еще ребенок».

Вскоре «Этьен» перевез семью из Берлина в Вену, где Надежда Дмитриевна с дочерью поселились на съемной квартире. Лев Ефимович провел с ними несколько дней и уехал — попрощавшись, как оказалось, теперь уже навсегда… Между тем жена «Этьена» очень скоро почувствовала, что ею интересуется контрразведка: за ней стали наблюдать на улице, а в доме вдруг начали появляться люди в штатском, выспрашивавшие о господине Корнере. Надежда Дмитриевна не без труда сумела встретиться с представителем Разведупра, сообщила о происходящем и получила приказ немедленно возвращаться в Москву. Тут уже никаких возражений с ее стороны не последовало.

— Меня до сих пор не оставляет мысль, — говорит Татьяна Львовна, — что, может быть, наша неудачная жизнь там в какой-то мере способствовала тому, что отец был заподозрен в принадлежности к советской разведке.

Семья уехала, а «Этьен» продолжил свою работу в Италии в качестве руководителя миланской резидентуры. Официально он считался представителем ряда австрийских, немецких и чешских фирм, производящих вооружение — в том числе и вышеупомянутого «Нептуна». На связи у резидента было девять агентов — по крайней мере, именно так впоследствии установил суд. Однако думается, что вряд ли итальянской контрразведке удалось проследить и установить все контакты «Этьена».

О результатах работы разведчика можно судить на основании следующего официального документа:

«Только в течение 1931–1932 гг. миланской резидентурой были направлены в Центр 192 информационных донесения и документа, раскрывающих планы фашистского руководства Италии. Сотрудниками резидентуры были добыты чертежи опытных самолетов СК-30, СК-32 (истребители), самолета «Капрони-80», опытного бомбардировщика-гиганта ВЕС, подробные чертежи авиамоторов АЗОР, А5-5, документы по технологии и организации литейного производства, чертежи и описания подводных лодок, различных видов стрелкового оружия и много другой ценной технической документации». К этому перечню можно добавить полученную информацию о корабельных пушках и приборах центрального управления артиллерийским огнем на боевых кораблях, а также то, что до 70 процентов полученных от «Этьена» документов являлись, по внутренней классификации Разведупра, «ценными» и «весьма ценными».

Официально известно, что Маневич был арестован по доносу провокатора, но вряд ли все произошло столь однозначно. Иностранец, особенно работающий с разного рода секретной информацией, всегда вызывает повышенный интерес специальных служб. Внимание контрразведки «Этьен» ощущал постоянно, а вскоре оно начало его серьезно беспокоить.

25 марта 1932 года Лев Ефимович сообщал в Центр:

«Считаю опасным для организации мое излишне долгое пребывание здесь… Уже не один раз я сталкивался на работе с довольно серьезными неприятностями. Двое из числа тех, кого я пытался втянуть в антифашистскую работу, не оправдали доверия. Не нужно понимать меня так: грозит какая-то конкретная и немедленная опасность. Может быть, такой опасности нет, по крайней мере, я ее не чувствую. Но зачем ждать, чтобы опасность, всегда возможная, обернулась бедой?..»

«Опасность, всегда возможная» — это одно из непременных условий работы любого разведчика, особенность профессии, с которой всегда следует считаться. Чувствуя нарастание такой

опасности, Маневич не требовал разрешения немедленно все бросить и эвакуироваться, но просил, чтобы ему подготовили и прислали преемника — человека, которому он бы мог передать все свои дела и связи. Однако найти равноценную замену «Этьену» было непросто, о чем ему откровенно сообщили из Центра в ответной радиограмме:

«Сам понимаешь, как нелегко подыскать подходящего, опытного человека, который мог бы тебя заменить. Поэтому с отъездом придется некоторое время обождать. Мобилизуй все свое терпение и спокойствие».

Пришлось «мобилизовывать», о чем Маневич докладывал в Центр через полтора месяца:

«Ко мне вернулось равновесие духа, работаю не покладая рук… Мне обещали прислать замену месяца через два. С тех пор прошло четыре месяца, но о замене ни слуху ни духу. От работы я бежать не намерен, остаюсь на своей бессменной вахте. “Этьен”».

Можно сказать, что эти слова — насчет «бессменной вахты» — оказались пророческими.

25 августа Маневичу сообщили о подготовленной замене, но встретиться со своим преемником ему не было суждено…

Он был арестован 3 октября — взят с поличным во время встречи со своим агентом, перевербованным контрразведкой. Пакет с секретными чертежами стал весомым доказательством его «шпионской деятельности». Секретные документы были найдены и дома, однако господин Корнер упорно утверждал, что все объясняется его работой патентоведа, что он увлекается авиацией, что ему необходимо повышать свои технические знания. Отношение к какой-либо разведке он категорически отрицал, никаких лишних имен не называл, а на предложение признать свое советское гражданство отреагировал как на грубую провокацию. Тем самым он не дал противнику возможности развернуть большое «шпионское дело» против Советского Союза, что, несомненно, помогло бы в последующем «идеологическом обосновании» агрессии.

Избранной тактике «Этьен» оставался верен до самого конца следствия, а потому обвинительный приговор, вынесенный ему фашистским Особым трибуналом, был сформулирован оригинально:

«С целью военного шпионажа он получал сведения, запрещенные соответствующими властями к опубликованию. Сведения эти могли ослабить военную мощь государства и его военного союзника…

Точное установление личности Альберто Корнера не интересует трибунал. Для Особого трибунала достаточно того

факта, что личность, привлеченная к суду, является той самой личностью, которая действовала совместно с другими обвиняемыми. То, что Альберто Корнер иностранец, — несомненно, а кто он по национальности — не имеет значения при оценке содеянного преступления. Следственная комиссия полагала, что Корнер работал в пользу Советской России. Трибунал не считает, что он должен при вынесении какого-либо суждения исходить из задачи определения государства, в пользу которого велись шпионские действия…»

Впрочем, для итальянской контрразведки и без точных доказательств вопрос был ясен, поэтому наказание было установлено максимальное: Альберто Корнер был приговорен к 16 годам тюремного заключения. Это был 1933 год, так что на свободу он мог выйти только в 1949-м, к своему 60-летию. Перспектива безрадостная, однако «Этьен» заботился не о себе, а об интересах дела, о товарищах и соратниках, интересах своей страны. Благодаря твердой его позиции из девяти агентов, задержанных по его делу, осуждены были только двое. Каждый — к двум годам. Все прочие, привлеченные к суду по его делу лица были из-под ареста освобождены.

Лев Ефимович, отныне превратившийся в заключенного № 2722, был отправлен в тюрьму Кастельфранко дель Эмилия, бывшую пограничную крепость в 13 километрах от Модены.

Конечно, Маневич предполагал, что руководство Разведупра сделает все возможное для скорейшего его освобождения. И действительно, такие планы разрабатывались — вплоть до попытки отбить заключенного при поддержке участников антифашистского сопротивления. Есть даже свидетельства, что «Этьена» уже ждали в Москве. Большим препятствием оказалось также плохое физическое состояние Маневича, больного туберкулезом.

Между тем, как отмечено в официальных документах, «путем амнистии удалось сократить срок его заключения с 16 лет до 6». Но ведь и контрразведке не хотелось выпускать «перспективного» узника (должен же он в конце концов «расколоться»!) из своих рук. Реально амнистия распространялась не на политических заключенных, а только на «уголовный элемент». Поэтому в октябре 1937 года Корнер был передан итальянской спецслужбе, которая могла держать государственных преступников в заключении практически бессрочно.

В романе «Земля, до востребования» рассказывается о том, как находившийся в заключении «Этьен» собирал через других заключенных — в основном рабочих-коммунистов, трудившихся на оборонных заводах, — ценную военно-техническую

информацию и по нелегальным каналам передавал ее в Центр.

Подобные утверждения можно найти и в ряде газетных публикаций о судьбе военного разведчика, и вот тому характерный пример: «При помощи своих товарищей, работавших на заводе «Капрони», он составил и передал чертежи нового прицела для бомбометания фирмы «Цейс». Кроме того, Лев Ефимович переслал в Москву тактико-технические характеристики непотопляемого крейсера, который строился на верфи в Генуе, данные о специфике ночных бомбометаний итальянской авиации в Абиссинии, рецепт броневой стали, переданной фирмой Круппа итальянским заводам Ансальдо. Но самым важным стало сообщение о срочном заказе на самолеты, не боящиеся морозов, полученном итальянскими авиастроителями от Японии в 1936 году…»

Все это не в полной мере соответствует истине. Большую часть тюремного срока Маневич провел в одиночном заключении, не имея контактов с другими узниками, что уже исключает «налаженный поток информации». Сомнительно также, что рабочие, трудившиеся на конвейере, могли представить разведчику чертежи прибора для ночного бомбометания — они могли разве что рассказать о каких-то отдельных узлах, с которыми именно им приходилось иметь дело. Получение совершенно секретных тактико-технических данных нового крейсера совершенно неправдоподобно: откуда они стали известны рабочим-корабелам?

Единственное, что выглядит правдоподобно, так это «срочный заказ от Японии». О том, что завод выпускает самолеты, где надписи делаются иероглифами, знали, разумеется, многие. И действительно, в Японию было поставлено 85 бомбардировщиков Фиат ВИ.2О «Чиконья» («Аист»), которые затем несли службу в Китае.

Между тем авторы, показывающие «Этьена» этаким «суперагентом», умудрявшимся непрерывно и результативно работать даже в тюрьме, тем самым невольно принижают значение и силу его нравственного подвига. Одно дело, когда человек остается в гуще активной жизни, приносит конкретную пользу, ощущает свою востребованность. Совсем другое, когда он, как Маневич, оказывается запертым в четырех стенах… Единственное, что он мог делать, — это, находясь в общей камере, проводить с другими узниками «политические занятия» и лекции по международной обстановке, подавать товарищам пример стойкости, неустрашимости, категорического нежелания идти на сотрудничество с режимом. Притом никакой лишней информации он никому о себе не давал — даже не признавал себя

коммунистом.

Крайне редко ему передавали письма из Москвы, от родных. Иногда он мог написать сам. Но продолжалось это недолго. Нравственный и гражданский подвиг «Этьена» состоит в том, что, даже потеряв связь с Центром, с Родиной, получая информацию о происходящих в СССР событиях только из газет, тяжело больной, он сохранял верность присяге, воинскому долгу. При этом прекрасно сознавал, что достаточно одного слова, одного признания — и ворота тюрьмы окажутся для него открыты. Однако Лев Ефимович Маневич продолжал свою «бессменную вахту».

Из письма ветеранов военной разведки председателю Советского комитета ветеранов войны Маршалу Советского Союза Семену Константиновичу Тимошенко от 3 августа 1964 года:

«В 1933–1937 гг. полковнику Григорьеву Г. П., находившемуся в спецкомандировке в Италии, по поручению командования Главного разведывательного управления, удалось установить нелегальную переписку с Маневичем Л. Е. и оказывать ему в рамках, допустимых итальянскими законами, материальную помощь.

В этот промежуток времени, зная слабое состояние здоровья тов. Маневича Л. Е., командование разрешило ему обратиться к итальянским властям с просьбой о помиловании. Тов. Маневич Л. Е. отказался воспользоваться этим разрешением, не желая унижаться перед фашистами, а с другой стороны, не желая вносить смятение в ряды политзаключенных, которые восприняли бы эту просьбу как признак недостаточной партийной стойкости.

Здоровье его было не блестящим, об этом говорит тот факт, что примерно через год на предложение командования организовать его побег он ответил, что будет не в состоянии воспользоваться этим, так как физически очень слаб.

В 1937 г. связь с тов. Маневичем Л. Е. была потеряна».

Рассказывать о событиях 1937-го и ряда последующих лет, нанесших сокрушительный удар и по советской военной разведке, не имеет смысла. Уточню лишь, что в 1938 году был арестован и вскоре расстрелян Ян Карлович Берзин. В 1936–1937 годах он был в Испании главным советником Республиканской армии, по возвращении награжден орденом Красного Знамени, но почему-то направлен на Дальний Восток, в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию. Связь между гибелью Берзина и утратой связи с «Этьеном» очевидна.

25 июля 1943 года арестовали Муссолини, в Италии была восстановлена конституционная монархия, 3 сентября войска союзников стали высаживаться на юге Апеннинского полуострова,

а 8 сентября Италия капитулировала. Однако уже на следующий день немецкие войска оккупировали Центральную и Северную Италию.

События эти коснулись, разумеется, и Маневича. Немецкое командование перевезло всех заключенных — подданных Германии в концлагерь Маутхаузен. «Австриец» Корнер также считался гражданином рейха, а потому имел вполне реальную возможность оказаться в руках немецких следователей, которые вряд ли бы ограничились констатацией факта работы разведчика на «неопределенное государство»… И тогда Корнер умер. А вместо него, пользуясь неразберихой, которая все больше охватывала разваливающуюся гитлеровскую машину, в лагере появился «полковник Яков Никитович Старостин». Лев Ефимович взял имя товарища, у которого семья Маневичей жила по приезде в Москву.

Изменить фамилию несложно. Гораздо труднее «надеть» на себя чужую жизнь, сочинить себе новую биографию. Особенно человеку, уже 13 лет оторванному от Родины, от ее реалий, от войны, которую более двух лет вел Советский Союз и в которой «полковник Старостин» должен был участвовать. «Легенда» должна была звучать убедительно не только для врагов, но и для своих, для советских военнопленных — не только потому, что среди них мог оказаться провокатор, но и потому, что сам «Этьен» мог попасть под подозрение новых своих товарищей. Трупы подозревавшихся в сотрудничестве с лагерной администрацией или гестапо обычно находили в выгребных ямах.

Маневич сумел сделать то, что обычно делает достаточно большой коллектив. С одной стороны, его новая биография не привлекла к нему интереса гитлеровцев, с другой — обеспечила стопроцентное доверие товарищей. «Старостин» быстро завоевал высокий авторитет среди узников, вошел в руководство лагерного Сопротивления. Так было и в Маутхаузене, и в Мельке, и в Эбензее — последнем узилище «Этьена»… Он был уже смертельно болен, но дух его — как бы это красиво ни звучало, воспаривший над материей, не был сломлен. За несколько дней до смерти он совершил свой последний подвиг.

Когда узников Эбензее отделяли от освобождения уже считаные часы, руководство концлагеря решило замести следы своих преступлений — впрочем, так старались делать и в других лагерях. Сопротивлению стало известно, что, под предлогом спасения от воздушных налетов союзников, охрана лагеря собирается загнать узников в штольню, а затем ее взорвать. Когда тысячи заключенных были собраны на плацу, «полковник Старостин» с помощью товарищей поднялся над толпой и

обратился к людям на разных языках, предупреждая об опасности. А ведь на сторожевых вышках еще оставались охранники с пулеметами! Но немцы не рискнули открыть огонь ни тогда, ни после, когда узники отказались идти в штольню.

Вскоре лагерь был освобожден американскими войсками. Маневич вышел на свободу — через 13 лет заключения! Вышел лишь для того, чтобы умереть свободным: он скончался в гостинице «Штайнкогель», где были размещены бывшие узники Эбензее, 11 мая 1945 года. Последними словами его были: «Передайте в Москву, я — “Этьен”».

В романе «Земля, до востребования» звучит также фраза: «Чтобы семью не оставили…», однако, по свидетельству тех, кто был рядом с умирающим, сказано было совершенно по-иному: «Скажи, чтобы не трогали жену и дочь, я ни в чем не виноват…»

По счастью, Маневича никто и ни в чем не обвинил, репрессии его семьи не коснулись. Жена, Надежда Дмитриевна, служила в военной разведке, ушла в запас в чине подполковника…

Американцы похоронили «полковника Старостина» с воинскими почестями, с ружейным салютом. Через несколько лет прах «Этьена» перенесли на кладбище святого Мартина в городе Линце, а в 1965 году он наконец вновь обрел свое имя — на могильном памятнике… О советском военном разведчике Маневиче-«Этьене» стало известно всей стране, всему читающему миру. Только тогда о его судьбе узнала и его семья, долго и безнадежно обивавшая в бесплодных поисках пороги больших кабинетов.

Татьяна Львовна Попова-Маневич до сих пор считает несколько дней, проведенных с отцом в Вене, самыми счастливыми в своей жизни. К рассказу о дочери «Этьена», свято хранящей память об отце, следует добавить, что во время Великой Отечественной она закончила Военный институт иностранных языков, работала по линии Разведуправления. В конце войны ей довелось переводить на русский язык не только гитлеровский план «Барбаросса», который наши разведчики обнаружили в сейфах руководства рейха, но и надписи на немецких знаменах — отбирали из них самые значимые, — которые во время Парада Победы 24 июня 1945 года были брошены на брусчатку Красной площади.

…Более чем за десять лет до начала Великой Отечественной войны военный разведчик Лев Ефимович Маневич помогал своей стране готовиться к грядущим испытаниям. Его дочь помогла поставить в этой войне последнюю точку.

А. БОНДАРЕНКО

Дмитрий Быстролетов

В 1963 году журнал «Азия и Африка сегодня» в шести номерах подряд опубликовал путевые записки Д. Быстролетова, в которых автор от имени некоего ван Эгмонта увлекательно рассказывал о своих наполненных приключениями поездках по странам Африки. Очерки, сопровожденные рисунками автора, густо населены колоритными характерами, ярко раскрашены деталями африканской природы. В этом путешественнике по всему чувствуется человек, истоптавший в джунглях не одну пару ботинок.

В 11-м номере журнала за тот же год автор под знакомой фамилией завершает путевые записки «Катанга, год 1937». Во вступлении к статье говорится, что Д. Быстролетов путешествовал в том году по Конго.

Сказать по правде, этими публикациями я был потрясен. Познакомившись к тому времени с судьбой Дмитрия Александровича, я уже знал о том, что к 1937 году он оставил за своими плечами полную риска жизнь разведчика в Западной Европе, что выпавших на его долю приключений и экзотики хватило бы на целую дюжину героических биографий.

Еще я знал, что Африка вроде бы не являлась предметом его профессионального интереса. Возможно, это поможет вам понять, что речь пойдет о человеке во всех отношениях необыкновенном.

Многие личные дела разведчиков-нелегалов хранятся в Особом секретном фонде Архива СВР. Используя документы из этого закрытого архива, мы можем рассказать об одном из лучших разведчиков предвоенных лет Дмитрии Александровиче Быстролетове.

Две поблекшие от времени казенные папки. На обложках — крупные типографские надписи: «Дело-формуляр №…». Чуть ниже от руки, но тоже крупно: «Кличка “Ганс”». Вверху гриф: «Совершенно секретно». Сотни аккуратно пронумерованных листов разного формата — от стандартных страниц с машинописным текстом до невзрачных клочков бумаги с еле различимыми карандашными буквами. Автобиография, разведдонесения, переписка, прошение о выдаче со склада сапог, денежные расписки, протоколы допросов, воспоминания, служебные аттестации… Целая жизнь.

Синий конверт с двумя фотографиями. На одном снимке изображен позирующий салонному фотографу изысканный молодой человек. Тонкие интеллигентные черты лица. Круто выгнутые брови. Аккуратно подстриженные усы. Набриолиненные

волосы. Одет этот джентльмен не иначе как в смокинг, и не исключено, что где-то рядом находятся принадлежащие ему трость и цилиндр. По всей видимости, фотография сделана, когда он был «графом».

На другом снимке лицо того же человека — только в обрамлении темной бороды. Тогда он жил под другой легендой — «бизнесмена».

Из автобиографии

Я, Дмитрий Александрович Быстролетов, родился 17 января 1901 года в крымской деревне Акчора как незаконный сын деревенской учительницы… До 15 лет я жил при матери. Мать моя — дочь сельского священника. Воспитала она меня без религии. Мать была близка к тогдашним либералам — ездила на север для передачи денег ссыльным…

Из сказанного следует, что при воспитании я не получил революционной зарядки, но в то же время и не получил ничего, что связывало бы меня со старым миром — с царизмом, религией, буржуазной идеологией и собственностью. В Октябрьской революции мать активно не участвовала, но Советскую власть в нашем городе мы встретили без каких бы то ни было оппозиционных настроений. Мне тогда было 16 лет, политика меня не интересовала, я увлекался морем. Поступил в мореходную школу в Анапе, летом плавал, а зимой учился.

Из справки КГБ СССР на Быстролетова Д. А. (он же «Андрей», он же «Ганс») от 18 декабря 1968 года

После окончания мореходной школы в Анапе в 1918 г. «Андрей» плавал вольноопределяющимся матросом на судах «Рион» и «Константин», в 1919 г. с последним судном попал в Турцию. В 1920 г. вернулся в Россию, приведя в составе команды парусник «Сергий» в советский порт. В 1921 г. вновь нелегально выехал в Турцию, где учился в русской гимназии. В 1922 г. «Андрей» переехал в Прагу и как эмигрант поступил в университет. В 1924 г. резидентура ОГПУ в Праге привлекла «Андрея» для работы по эмиграции.

Из автобиографии

С начала 1925 года я стал работать под руководством резидента в Праге, выполняя различные нелегальные задания. В апреле 1925 года моя работа в ОГПУ была оформлена: мне назначили месячный оклад, перевели на оперативное

разведывательное направление, а для легализации устроили в торгпредство.

Я занимался сначала экономической разведкой, а затем, усвоив соответствующие приемы и технику, перешел к вербовке агентуры в посольствах, к получению дипереписки, к нахождению источников в МИДе и к военно-технической разведке. Кроме того, я нес полную нагрузку по торгпредству и за пять лет прошел путь от регистратора бумаг до заведования информационным отделом. Вел экономическую работу, писал для специальной прессы в СССР и Чехословакии, редактировал и издавал официальный бюллетень торгпредства.

Из воспоминаний Д. **Быстролетова**

В апреле 1925 года в Москве состоялся 1-й съезд Пролетарского студенчества. Полпредство командировало меня в качестве представителя зарубежного студенчества, и вот таким «иностранцем» я явился в Москву.

В Праге меня предупредили, что в Москве со мной будут говорить очень важные лица. И действительно, в конце апреля меня отвели в б[ывший] Долгоруковский особняк, где в маленькой комнате на диване лежал одетым усталый сонный мужчина средних лет, а рядом на стуле, задом наперед, положив руки на спинку, сидел и курил мужчина помоложе, брюнет, раскосый. Потом мне сказали, что лежал А. Х. Артузов, а сидел М. Горб. Был еще один стул, и мне предложили сесть. Я не знал, кто эти люди и что они от меня хотят, но чувствовал, что это большие начальники и что от разговора зависит моя будущая судьба. Мне шел тогда 25-й год, я был недурен собой и одет в мой лучший костюмчик, что особенно бросалось в глаза на фоне толстовок и тапочек московских студентов. На лице Горба отразилось явное недоброжелательство. Он взглянул на меня и стал угрюмо смотреть в угол. Артузов, напротив, с видимым интересом принялся рассматривать меня и мой костюм, не скрывая доброжелательную улыбку.

— Ну, давайте знакомиться. Рассказывайте все о себе. Не тяните, но и не комкайте. Я хочу знать, из какой среды вы вышли.

Я рассказал все честно и прямо о своем предполагаемом незаконном происхождении от графа Алексея Толстого, о похождениях в эмиграции. Горб нахмурился и окончательно помрачнел. Артузов расхохотался при рассказе о комичных эпизодах из жизни деда со стороны матери — казака.

Генерал-адъютант А. И. Чернышев. ***Гравюра 18 10-х гг.***

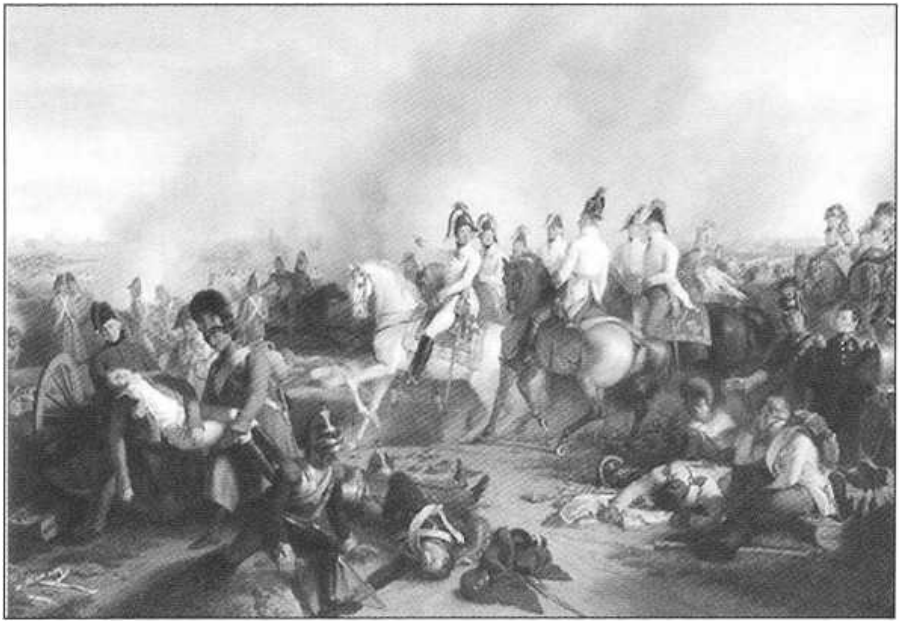
Наполеон Бонапарт в коронационной одежде. ***Жерар. 1804***

Медаль в честь победы французской армии под Аустерлицем

Битва под Аустерлицем 1 805 года. ***Гравюра***

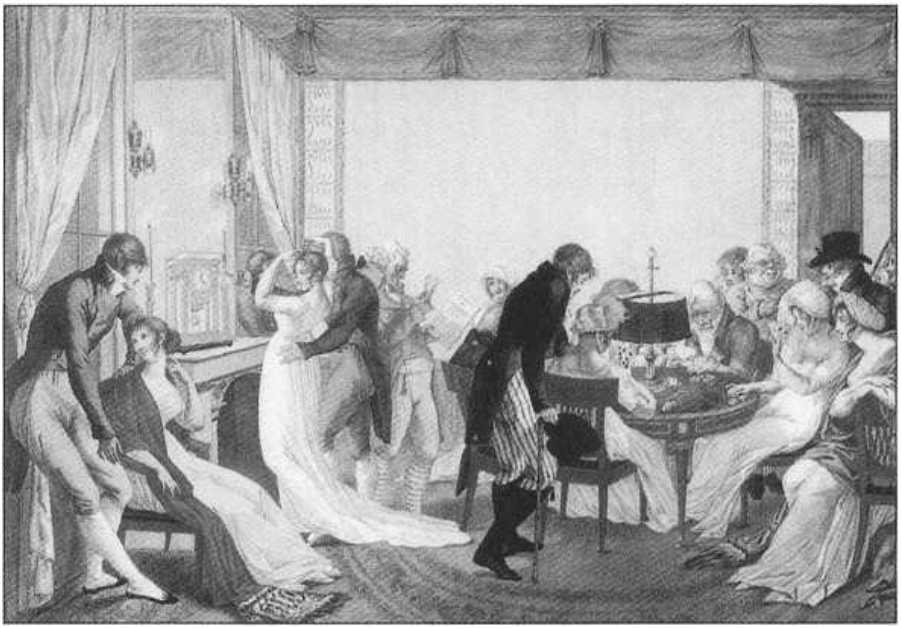
Медаль в честь победы Австрии над Францией под Асперном. ***1809***

Александр I



Эрцгерцог Карл в битве под Асперном 1809 года. И. ***П. Крафт. 1822***

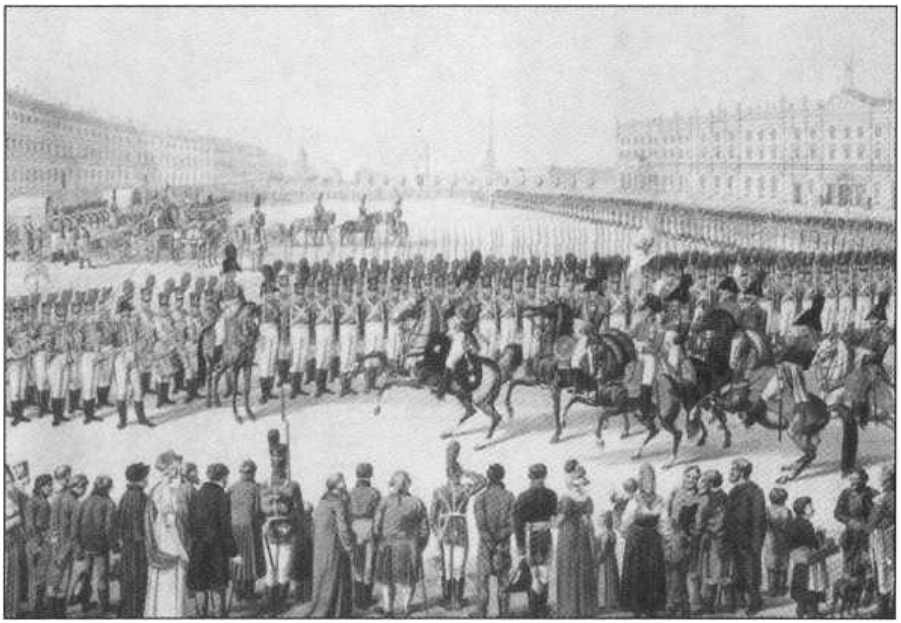
Граф А. И. Морков, русский посланник в Париже в 1807 году П. Я. Убри



Развлечения в парижских салонах. (Фокусник.) ***Гравюра Л.-Ш. Рюота. 1800-е*** гг.

К. В. Нессельроде. ***Е. Исабе. 1814***

А. Б. Куракин, русский посол в Париже.
В. Л. Боровиковский. 1801–1802



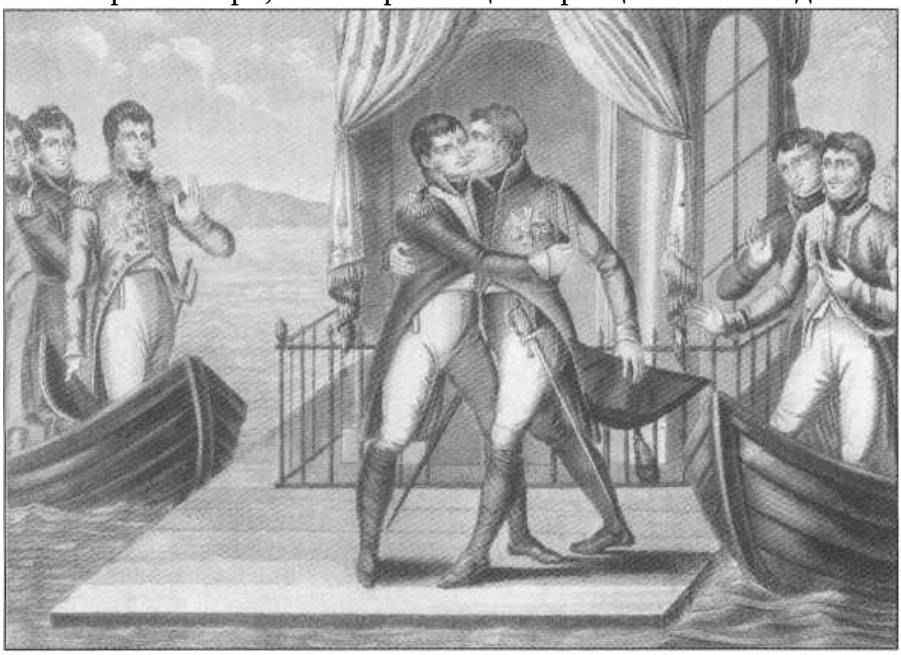
Император Александр на параде в Петербурге. ***Акварель 1800-х гг.***

Ж. Фуше, министр полиции Франции

Ш. М. Талейран

Маршал Ж. Б. Бернадот, будущий король Швеции Карл XIV

Генерал Савари, министр полиции Франции с 1810 года



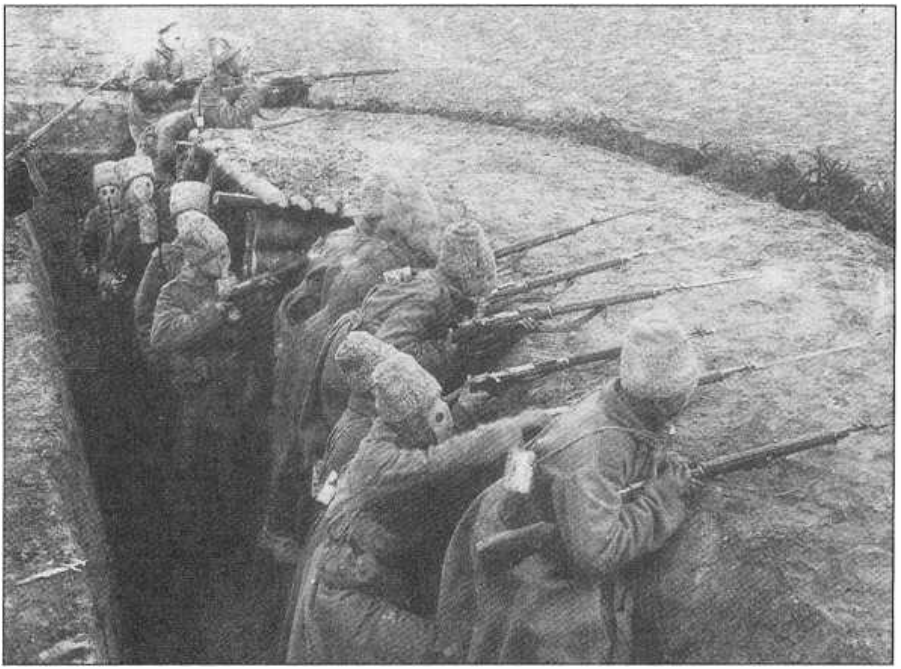
Свидание Наполеона с Александром в Тильзите в 1807 году. ***Вольф***

Военный агент Сербии накануне войны полковник В. А. Артамонов

Полковник австрийского Генерального штаба А. Редль

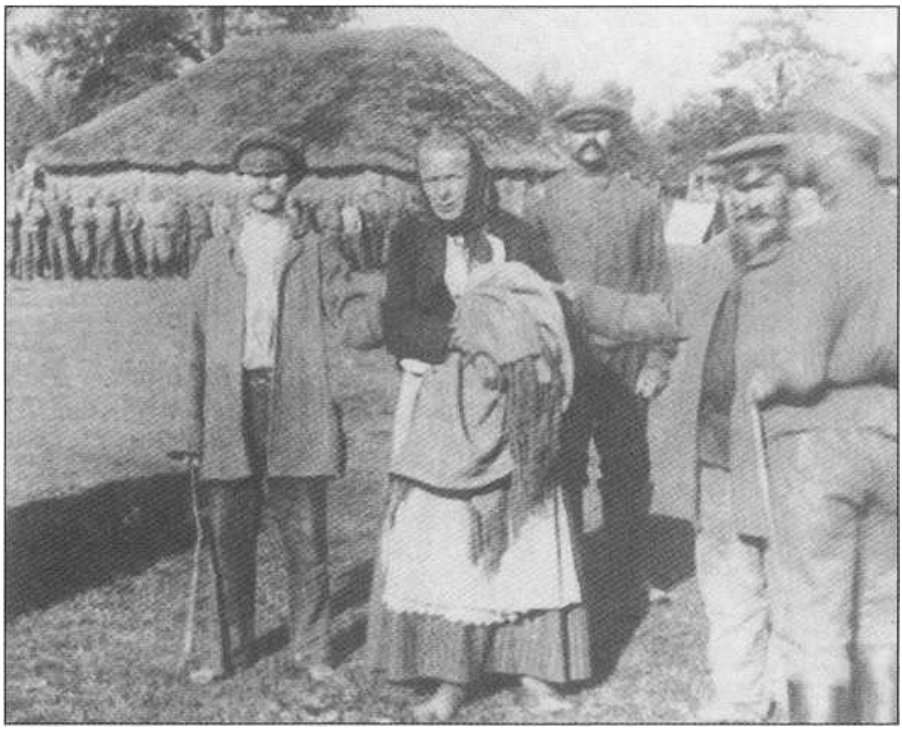
Мобилизация в Петербурге в августе 1914 года

Стрелковая рота на марше



Учения в противогазах. ***1916***

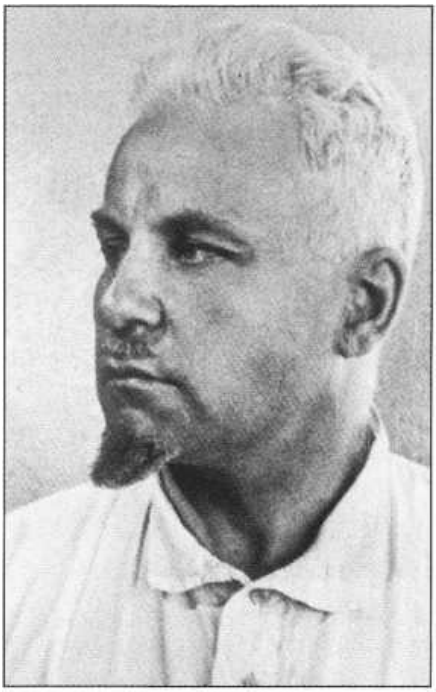
Переодетые русские шпионки в городе и сельской местности.
Листовка австрийской полиции периода Первой мировой войны



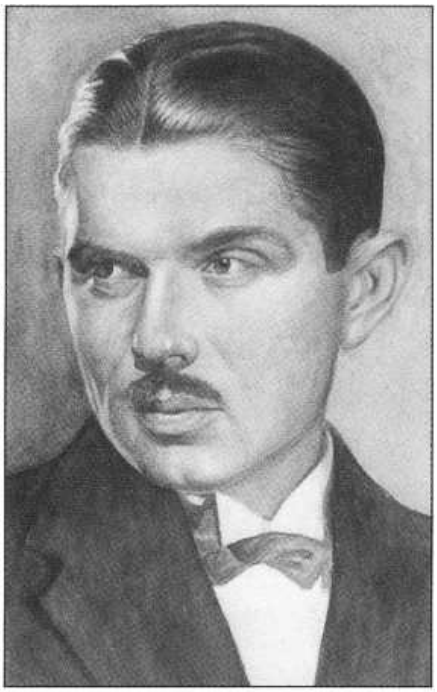
Арест немецкого шпиона русскими крестьянами

Генерал А. А. Игнатьев. ***1934***
Русский фронтовой разведчик

Австрийские солдаты в русском плену

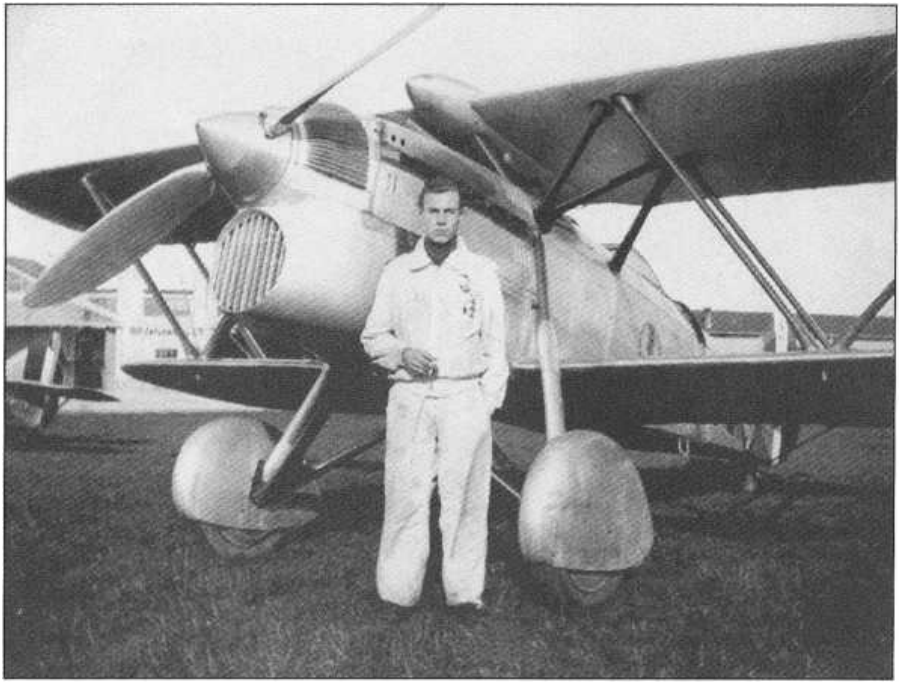


Артур Артузов



Дмитрий Быстролетов

Лев Маневич (крайний слева) среди коллег. ***1920-е гг.***



Итальянский истребитель, данные о котором передал в Москву Маневич

Париж. ***Открытка 1930-х гг.***

Немецкий плакат
предвоенной поры

Штурмовики приветствуют
Гитлера после назначения
его канцлером

Ян Черняк
Иван Чичаев

Карлов мост. Прага — перевалочный пункт для многих советских разведчиков 20—30-х годов

Арнольд Дейч
(Ланг)

«Карманный
линкор»
«Адмирал Шпеер»,
потопивший
в ноябре 1942 года
танкер «Донбасс»
с Дейчем на борту

Выслушав, Артузов обратился к Горбу:
— Ладно, ладно, Миша, все проверим, все в наших руках. Но

товарища мы к делу пристроим. Испытаем в работе, а там будет видно.

Горб молчал.

— Пустим его, Миша, по верхам. Ты понял меня? По верхам. — Артузов поднял руку к потолку и, все еще лежа на диване, пошевелил в воздухе пальцами. — Посмотрим, чего он стоит. Где вы хотели бы у нас работать?

— Я не знаю… — начал я, но видя, что робость не произведет хорошего впечатления, добавил, выпятив грудь: — Там, где опаснее!

«Сигналы»

Представительство ОГПУ Северо-Кавказского края обратилось в ИНО и пыталось доказать, что работа Дмитрия Быстролетова в организациях в Праге была провокацией. Они предложили: «Быстролетову разрешить из Праги приехать в Советский Союз, в частности в Анапу, где его арестовать».

В ответном письме московское руководство одергивает коллег с юга: «Дело Быстролетова ведется ИНО непосредственно, а посему просим никаких репрессивных мер в отношении Быстролетова на случай его приезда в СССР не предпринимать». Правда, в следующей записке, адресованной в Анапу, содержится просьба «в случае приезда Быстролетова установить за ним по возможности наблюдение, о результатах коего нас известить».

Выходит, не доверяют? Кого-то явно смущают «сомнительное происхождение» разведчика, его дружба в юные годы с ровесниками, оказавшимися впоследствии в белой армии. И потом, считают анапские чекисты, уж слишком независимо держится этот Быстролетов. Укоротим-ка мы его…

12 декабря 1928 года. Еще один «сигнал» из полномочного представительства. В нем сообщается, что, судя по письму, полученному матерью Быстролетова, он ее навестит во время предоставленного ему отпуска с 1 июня по 1 июля следующего года. «Просим ваших указаний на случай приезда Быстролетова в город Анапу». В письме содержится прозрачный намек на то, что этот человек является врагом и следует «принять меры к его секретному изъятию».

В Чехословакии, где началась карьера молодого разведчика, тоже не все шло гладко и безоблачно. Случались ошибки. Имели место провалы, к счастью, пока не грозившие немедленным арестом. Постепенно атмосфера накалялась, и Быстролетов оказался перед возможным разоблачением. В 1930 году Центр дал согласие на его возвращение в Москву, а торгпред вручил Дмитрию направление на учебу в Академию внешней торговли.

Однако, когда чемоданы были уже упакованы, к Быстролетову явился «Гольст» — резидент нашей разведки в Праге. Сообщив о своем переводе в Берлин, он предложил Дмитрию ехать с ним на этот раз на положение нелегала — под чужой фамилией, с чужим паспортом.

«Мы с женой не спали всю ночь, — вспоминал позже Быстролетов. — Она уговаривала ехать в Москву. Я соглашался с ней. Но когда явился “Гольст”, я неожиданно для самого себя произнес: “Да”».

Из воспоминаний

«Подпольщик начинается с фальшивого паспорта, — сказал «Гольст», протягивая мне пачку долларов. — В вольном городе Данциге консульский корпус имеет права дипломатов, и в настоящее время дуайеном там является генеральный консул Греции, жулик, член международной банды торговцев наркотиками. Зовут этого грека Генри Габерт, он еврей из Одессы. Не пугайтесь его величественного вида».

Габерт занимал большой барский особняк в старом саду. Ливрейный лакей почтительно впустил меня в дом, доложил и раздвинул дверь. В углу обширного кабинета за огромным деловым столом сидел мужчина, как будто бы сошедший с карикатур Кукрыниксов или Б. Ефимова: с моноклем, в пластроне и белых гетрах. Он величественно кивнул мне и принялся что-то писать. Я сел на кончик стула и начал по-английски: «Ваше превосходительство, не откажите в помощи несчастному соотечественнику, у которого только что украли портфель с паспортом». — «Предъявите свидетельство о рождении». — «Увы! Метрика сгорела при пожаре в мэрии города Салоники!» — «В каком греческом посольстве вас знают?» — «К сожалению, ни в каком!» Консул передернулся. «А в Греции?» — «Увы, я давно лишен счастья видеть родину!» — «Как вас зовут?» — «Александр С. Галлае». — «Вы говорите по-гречески?» — «К моему стыду и горю — нет. Ни слова».

Консул отодвинул от себя бумаги и раздраженно произнес: «Нет, я не могу выдать вам паспорт. Прощайте!» И он опять взял какой-то документ. Я положил на стол 200 долларов. «Это для бедных города Данцига». Но дуайен брезгливо поморщился и сказал: «Я не занимаюсь благотворительностью. Уберите деньги. Повторяю: прощайте». «Ну все! — подумал я. — Первое задание срывается! Скандал». Но тут же решил: «Нет! Надо постучать в дверь энергичнее! Ну смелей!»

Я вынул пачку американских сигарет и коробку американских спичек, сигарету вложил в губы, а спичкой чиркнул

через документ перед носом консула. Он откинулся в кресле и уставился на меня: «Что это значит?» Хриплым басом я ответил на американском блатном жаргоне: «Мне нужна ксива. Враз. Без толковища». Консул побледнел. «Откуда едете?» — «Из Сингапура». — «Почему не через Пирей или Геную?» — «Потому что вашу вшивую липу завтра в Женеве спущу в уборную, получу от наших новую, «на бетон» и с ней рвану в Нью-Йорк. Не дрейфьте, консул: завтра вашего паспорта не будет». Консул протер монокль и тихо спросил: «В Сингапуре случилась заваруха. Вы знаете?» В эти дни мировая пресса сообщала, что начальник английской полиции, полковник, среди бела дня в центре города был убит выстрелом в спину. Убийце удалось скрыться. Выяснилось, что убийца был американец, японский шпион и торговец наркотиками. «Знаю о заварухе». — «И знаете, кто убил полковника?» — «Знаю. Я». Пальцы у консула задрожали. Он выдвинул ящик, достал формуляр паспорта и стал его заполнять под мою диктовку. «Берите. Все?»

Я встал и, изменив голос, сказал с низким поклоном: «Ваше превосходительство, наша страна счастлива, что ее представляют столь благородные люди и блестящие дипломаты». Мы пошли к дверям. Старик сначала не понял перемены ситуации. Потом залепетал: «Да, да… Благодарю за посещение. Сэр! Я счастлив сделать это знакомство, сэр! Проездом заходите. Не забывайте, сэр!» Створки раздвижной двери поехали в разные стороны. Еще секунда — и все кончится. И вдруг консул крепко сжал мою талию и громко отчеканил по-русски: «Вы только что из Москвы?!» «А?» — не удержался я, но тут-то и познается разведчик: мгновенно я склеил английскую фразу, начинающуюся с этого звука: «Я не понимаю по-польски!» — «Ах, извините, я устал, это ошибка, сэр!»

И мы расстались. Я уносил паспорт в кармане с чувством первой маленькой победы.

Нелегал

Стать берлинским греком по паспорту — этого, увы, было мало. Следовало хорошенько вжиться в выбранную легенду, что потребовало от Быстролетова многих усилий. Он тщательно создавал свой новый образ: покупал нужную одежду, строил быт, обрастал связями. Вскоре все его недавно приобретенные греческие знакомые (студенты, торговцы, священнослужители) стали присылать Быстролетову письма, что создавало у немцев иллюзию его участия в жизни местной греческой колонии.

Впоследствии у него появились другие паспорта, и каждый раз вновь требовалось разрабатывать новую «легенду» в

соответствии с национальностью, происхождением, родом занятий. Был он венгерским графом (помещичья шляпа с перышком, трубка с гербом), работал по чешским и австрийским паспортам, а однажды умудрился выхлопотать себе документ на имя сына английского лорда, живущего в Канаде.

«Разведчика на границе рассматривают в упор его смертельные враги, и ошибка может означать для него провал и смерть, — писал Быстролетов в своих воспоминаниях. — Его искусство в тысячу раз более тонкое, чем у лучшего актера, он не смеет в чем-то снизить качество игры. Перевоплотиться для сцены трудно, а для игры в жизни среди своих врагов — несравненно труднее. Одно время я долго выдавал себя за бразильца (бразильским паспортом пользовался для получения корреспонденции в Берлине и других городах), а попавши на шесть дней к матери, сказал ей, когда она ругнула анапскую жару:

— Эх, мама, мама! Побывала бы ты у меня на родине, в Бразилии, — вот там жара так жара!

Увидел круглые глаза матери и осекся. Но был рад — значит, сумел вжиться в роль».

Да, он так умел войти в роль, которых было очень много, что даже под воздействием эфирного наркоза говорил и ругался по-английски (он сам просил резидента устраивать ему подобные проверки). Причем неожиданностей надо было ждать не только от немцев. Случалось, подводили и свои. Однажды его связник Басов (по «легенде» — преподаватель физкультуры) показал свой новый паспорт, только что присланный из Москвы. Каково же было изумление Быстролетова, прочитавшего в графе «Особые приметы»: «Левая нога отсутствует». Так до конца своих дней Быстролетов и не узнал, что за «умник» в Москве изготовил такую «липу». Может быть, тоже разведчик, только работавший против нас?

Быстролетов снял квартиру по соседству с закрытым борделем для очень богатых людей. Дал взятку полицейскому чиновнику и получил вид на жительство. Теперь он смог приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей.

Из воспоминаний

Организация личной жизни. В те годы в советской разведке одни думали, что за границу следует посылать оперативных работников вместе с женами, чтобы мужчины не шлялись по кабакам, не заводили случайные связи с проститутками и, главное, не влюбились бы в красотку, подсунутую им контрразведкой. Другие возражали: в случае провала муж будет

сопротивляться и выкручиваться, а жена после первого мордобоя расскажет все, что знает. Мое мнение таково: все зависит от людей и их характеров. Надо сделать так, чтобы жена не знала бы ничего сверх положенного, тогда и при самых изощренных пытках она ничего не скажет. Надо, чтобы муж и жена любили друг друга, но чтобы муж держал жену в руках, а не наоборот.

Перед моими глазами были разные примеры: «Ман» был в руках жены Лидии, они выпивали вместе и вместе шлялись по кабачкам, она вмешивалась в оперативную работу, знала ее всю не хуже мужа, командовала и оскорбляла нас своим вмешательством и указаниями. Сестра Лидии — Ольга была замужем за рижским адвокатом, нашим оперативным работником, — эти, напротив, жили очень замкнуто, скромно, жена ничего не знала о нашей работе сверх того, что было надо.

Когда у моей жены начался туберкулез, Борис Берман сказал:

— Вот и прекрасно! Мы поместим ее в швейцарский санаторий, и она станет базой хранения паспортов.

Это «вот и прекрасно!» я никогда не мог простить Борису. Болезнь сначала приняла тяжелые формы, и жена едва не умерла. После двух операций она попросила отправить ее в Швейцарию, чтобы умереть там спокойно. Но швейцарская природа и методы лечения сделали свое: жена поправилась и действительно стала нашей базой хранения паспортов и денег. Виделись мы редко, но дали друг другу слово, что, как бы мы оба ни грешили физически, духовно останемся друг для друга самыми близкими людьми.

Работала жена исключительно честно, четко и смело. После нашего приезда в СССР и моего ареста моя мать-старушка отравилась, а жену как иностранку и жену врага народа отправили в Куйбышев, где она кухонным ножом перерезала себе горло.

Прикрытие. Крайне важной для спокойной жизни и успешной работы разведчика является прочная легализация, то есть обеспечение юридического основания пребывания его в данной стране, возможности спокойно объяснить полиции причины своего местонахождения здесь и дать исчерпывающие данные о своем материальном обеспечении. Разведчик должен быть всегда готов — если не к провалу, то к возникновению повышенного интереса к его персоне со стороны местных органов государственной безопасности.

При передаче меня «Кину» и «Ману» я серьезно поставил вопрос о своей легализации. Мне нашли какого-то датчанина по фамилии Скоу-Чельдсен, который заключил со мной договор: я буду являться представителем его фирмы, торгующей галстуками. Особенно фрачными. Вскоре мои оперативные расходы выросли

до значительной суммы — до 250–300 золотых долларов в месяц. Спрашивается: сколько же галстуков я должен был бы продать? И кому? Все это была «липа», детская игра.

Я настоял на чем-нибудь более серьезном и предложил план открытия торговой фирмы где-нибудь, скажем, в Голландии, с тем чтобы оттуда получать денежные переводы. Из Лодзи прислали проверенного человека, специалиста-текстильщика Боруха Давидовича («Директор»). Вместе с ним я поехал в Амстердам и занялся организацией фирмы по оптовой торговле текстильным сырьем (шерстяным тряпьем). Большую помощь мне оказал содержатель одной из «работниц» соседнего с моей квартирой борделя, банкир и делец Исроель Поллак. Он дал мне рекомендации в Амстердамский банк и торговую палату: я стал членом последней, внес залог в банк (400 гульденов) и открыл торговую контору. С помощью амстердамских евреев «Директор» вошел в их религиозную общину и наладил деловые связи. Скоро первые партии тряпья были отправлены в Лодзь, а затем — в Африку и Южную Америку.

Доходы фирмы ГАДА резко пошли вверх. Из Лодзи приехали помогать дяде племянник Эммануил, два шурина — Абрам и Исай, прибыл какой-то хромой Сеня Бернштейн с братьями, за ним прикатил Изя Рабинович с сестрами, откуда-то вынырнули и приблудились толстая тетя Рива и безрукий дедушка Эфраим, вся эта компания сытно кормилась около фирмы ГАДА и только дивилась, откуда Бог послал им такого дурака, как я. Потому что хотя я и видел, что меня нагло обманывают, но никогда не спорил: хватало и того, что мне отчисляли.

Первое правило конспиратора — заранее разрабатывать детали операции. Второе, более трудное правило — в быту неукоснительно выполнять требования техники конспирации, не сползать в легкомысленную обывательщину. «Ким» и «Барт» были в этом смысле образцами, я тоже старался не распускаться. А об остальных товарищах не могу сказать ничего хорошего: во-первых, в русском характере позавчера перевыполнить план на 150 процентов, вчера уже на 100 процентов, а сегодня, видя, что все сходит с рук, начать работать «на авось». Во-вторых, сами наши тогдашние руководители не соблюдали правил конспирации и тем самым развращали нас. Приведу примеры: «Семен» всегда приезжал на оперативное свидание на своей личной голубой машине, даже не потрудившись надеть таблички с фальшивыми номерами. Знаю, что ехал он из полпредства прямо к подпольщику.

Невозможно рассказать обо всех разведывательных акциях, блестяще проведенных Дмитрием Быстролетовым в предвоенной

Европе. Но есть в его работе один эпизод, который по сию пору приводит в изумление профессионалов. Это, что называется, высший пилотаж разведки.

Предыстория такова. В начале 30-х годов в Париже бежал советник советского полпредства, исполнявший в то время обязанности посла, Григорий Беседовский. В написанной им книге он упомянул об истории, случившейся в нашем полпредстве в Париже.

В 1928 году в полпредство пришел посетитель с желтым портфелем и едва ли не с порога предложил купить у него за 200 тысяч франков коды и шифры Италии. Причем в будущем гость пообещал за те же деньги сообщать обо всех очередных изменениях шифров и кодов.

Можно себе представить, как обрадовался Беседовский, когда убедился в подлинности предлагаемых документов. Однако, проверив и сфотографировав их, он вернул коды и шифры посетителю со словами: «Это фальшивка. Убирайтесь вон, иначе я вызову полицию».

Когда книгу Беседовского прочитали в Москве, Быстролетов был немедленно вызван на родину. Вот как он сам вспоминал об этом:

«На Лубянке А. Слуцкий мне подал книгу, открытую на нужной странице. На полях стояла карандашная отметка: «Возобновить».

Я пожал плечами:

— Дураки, конечно. Но при чем здесь я?

— А вы прочли слово «возобновить» на полях?

— Прочел.

Абрам сделал внушительную паузу.

— Писал Сталин. Это приказ. Сегодня ночью уезжайте обратно, найдите этого человека и возобновите получение от него тех же материалов.

Я раскрыл рот от удивления.

— Где же его искать?

— Ваше дело, Андрей.

— Да ведь о нем только и известно, что он небольшого роста и с красненьким носиком. На земном шаре таких миллионы.

— Возможно.

— Как же его искать?

— Если бы мы это знали, то обошлись бы без вас. Приказ понят? Выполняйте! Денег получите без ограничения, время — ограничено: полгода. Желаю удачи.

В Женеве на берегу озера сел я на скамейку и принялся не спеша кормить лебедей».

Несколько недель он «кормил лебедей». Он думал. За всю свою жизнь Дмитрий Быстролетов ни разу не воспользовался пистолетом. Оружие нелегала — острый аналитический ум, твердая воля, способность принимать неожиданные решения. Искал варианты. Самым простым было послать надежных людей, владеющих фотокамерами, ко всем итальянским посольствам с поручением снимать чиновников небольшого роста. Послал. Опять целыми днями сидел на берегу озера: придумывал другие способы, вычислял, сомневался, искал. Среди двух с половиной миллиардов человек ему предстояло обнаружить одного, о котором было известно, что он коротышка, у него красный носик и что три года назад его надули в советском полпредстве.

Спустя два месяца Быстролетов нашел «носика» и, выдав себя за американца, работавшего на японскую разведку, пригласил его к сотрудничеству. Все умозаключения, к которым пришел «Андрей» во время «кормления лебедей», блестяще подтвердились: «носик» был всего лишь передаточным звеном в торговле шифрами, организованной министром иностранных дел Италии графом Чиано, женатым, кстати, на дочери дуче. Спустя некоторое время «носик», он же отставной офицер швейцарской армии по фамилии Росси, продал Быстролетову итальянские шифры.

Из приказа ОГПУ

Совершенно секретно
17 ноября 1932 года
За успешное проведение ряда разработок крупного оперативного значения и проявленную при этом исключительную настойчивость наградить Быстролетова Д. А., сотрудника ИНО ОГПУ, боевым оружием с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».
Зампред ОГПУ
Балицкий».

Из письма нелегального резидента «Кина» в Центр от 6 июля 1933 года:

«Не исключено, что «Андрей» может быть ликвидирован противником. Тем не менее директивы о его немедленном отъезде я ему не дал. Уехать сейчас — это значит потерять источника, что при его значимости равно ослаблению нашей обороны и усилению работы противника. Потеря же возможная сегодня «Андрея», завтра других товарищей] — неизбежность, предрешенная характером поставленных задач».

Оценивая работу Быстролетова, Центр в том же году писал резиденту: «Просьба передать “Андрею”, что мы здесь вполне осознаем самоотверженность, дисциплинированность, находчивость и мужество, проявленные им в исключительно тяжелых и опасных условиях последних дней работы с “Арно”».

Работа с источником, получившим псевдоним «Арно», это еще одна захватывающая сюжетная линия в нашем повествовании, основанном на документах. Как и предыдущая история, эта начиналась в Париже. Однажды к нашему военному атташе явился скромно одетый человек, представившийся рабочим типографии министерства иностранных дел в Лондоне. Он предложил покупать у него копии экземпляров с тех ежедневных депеш, которые из разных стран слетаются во внешнеполитическое ведомство и размножаются после дешифровки в его типографии. Кроме того, незнакомец пообещал, если все пойдет хорошо, передавать шифры и коды. Себя он назвал Чарли и поставил только одно условие: сотрудничество будет немедленно разорвано, если он заметит за собой с нашей стороны слежку или попытку установить его подлинные имя и адрес.

Сначала, когда «наборщик» исправно поставлял обещанные материалы, это условие выполнялось, но затем агент стал работать хуже, и тогда было принято решение: установить личность этого человека и заставить его действовать активнее.

«Андрею» в предстоявшей операции отвели роль европейского аристократа, запутавшегося в сетях коварной советской разведки, а его резидент «Кин» должен был изображать жестокого кремлевского чекиста. «Требовалось создать видимость единого фронта двух запутавшихся “порядочных людей одного круга” против общего “хозяина”», — вспоминал Д. Быстролетов.

Входя в роль обедневшего венгерского графа, он поездил по Венгрии, заказал у лучших портных костюмы по здешней моде, присмотрелся к местным обычаям и причудам, проштудировал книги по истории, культуре, экономике Венгрии, сфотографировался на фоне достопримечательностей.

Первые же контакты с «Арно» — такой агентурный псевдоним получил «наборщик» — показали, что это вовсе не дилетант, а профессиональный разведчик, великолепно обученный уходить от слежки. Только с большим трудом, после множества ухищрений наша резидентура сумела установить подлинное лицо «типографского рабочего»: им оказался высокопоставленный чиновник МИДа Англии, специалист по разработке шифров и дешифрованию. К сотрудничеству с нашей разведкой его толкнули долги: «Арно» сильно пил и время от времени даже

находился на принудительном лечении.

Психологический расчет оказался безупречно точен: добрый «венгерский граф», как родной, был встречен в семье запутавшегося в пьянстве и предательстве знатного англичанина и даже принял участие в воспитании его детей. «С этого времени, — вспоминал Быстролетов, — «Арно» покорно выполнял требования «Кина», однако крепко ругал его в разговорах со мной. Разведывательная линия начала работать, как хорошо заведенный механизм».

По-видимому, любой активно действующий агент рано или поздно обречен на провал — иначе зачем тогда существует контрразведка? Когда «Арно» заинтересовался сам Р. Вэнситтарт — начальник британской разведки и контрразведки, — Москва приказала всем работавшим по этой линии, кроме Быстролетова, немедленно выехать на континент. «Ганс» добился разрешения остаться еще — чтобы напоследок выбить из «Арно» шифры на будущий год. «Это был решающий момент, — вспоминал затем Дмитрий Александрович. — Моя жена передала мне от «Кина» паспорт на имя А. Галласа, а от себя — мой пистолет, чтобы при необходимости застрелиться. Мы с женой простились, как перед боем».

Впоследствии сэр Вэнситтарт, которому стоило большого труда замять скандал, связанный с разоблачением агента в недрах Форин-офиса, сказал: «Какое счастье, что такие позорные истории в Англии случаются раз в сто лет».

Из письма «Ганса» в Центр:

Уважаемый товарищ Артем, я устал, нездоров и работать дальше без серьезного отдыха не могу. Я чувствую изо дня в день растущий недостаток сил, естественно понижающий качество работы, вызывающий неряшливость в технике. Кроме того, на почве переутомления появились симптомы болезни, которой я болел в 1922/23 годах — депрессии. В моих руках дело большой важности и судьбы нескольких человек. А между тем… на меня давят усталость и периоды депрессии, я работаю только нервами и напряжением воли. Без малейшей радости успехов и любви к делу, с постоянной мыслью — хорошо бы вечером лечь и утром не подняться. Я нахожусь за границей 17 лет, из них на нашей работе 11 лет, в подполье 6 лет. Неужели этого недостаточно для получения смены?

С товарищеским приветом

Ганс

Дорогой товарищ Ганс… Прошу Вас набраться терпения и побыть на этой работе еще месяца полтора-два… Меня больше

всего удивляет развинченность ваших нервов… Я вынужден, несмотря на понимание того, что могу Вам причинить несколько неприятных секунд, заявить, что эти мысли полного упадничества совершенно недостойны нашего работника, вне зависимости от того, в каких бы тяжелых условиях и с какими бы нервами он ни находился на работе… Бросьте уныние и оставшимися двумя месяцами не пачкайте всю вашу большую многолетнюю работу в прошлом.

Артем

Из воспоминаний

Переброска предметов (оружия). Летом 1933 года (или 1934 года), если не ошибаюсь, «Семен» дал мне задание — отправиться в Рим, получить от «Мана» ручной пулемет новой итальянской системы и новый образец противогазного комбинезона с маской (скафандр) и доставить их в Берлин. Предстояло пересечь усиленно охраняемую итальянскую границу, два раза — швейцарскую границу и один раз усиленно охраняемую немецкую границу. Это было очень серьезное поручение.

…В Риме к вагону «люкс» экспресса Рим — Берлин с многонациональной и шумной толпой пассажиров явились хорошенькая монахиня в форме ордена, ухаживающего за больными, и служитель американской больницы, тоже в форме. Они под руки привели скрюченного и дрожащего больного, укутанного с головой так, что из-под пледа торчал только мертвенно-желтый нос. За ними шел высокий слуга, который небрежно нес в руках элегантный чемодан, а на плече — длинную брезентовую сумку, из которой торчали концы стальных клюшек для игры в гольф. Сестра по-немецки с американским акцентом объяснила итальянцу — проводнику вагона, что больной — сумасшедший английский лорд-миллионер, страдающий буйными припадками. Он кусается, но через укусы его болезнь не передается, надо только беречь нос, пальцы и глаза. Припадки начинаются от резкого стука и дребезжания — потому-то лорда нельзя везти на самолете.

Монахиня сунула проводнику такую пачку денег, что тот взглянул, охнул и бросился обвязывать полотенцами все дребезжащие предметы — графин, стаканы, ночной горшок. Стены завесил простынями, закрыл шторы и включил ночное освещение — купе превратилось в больничную палату. Лорда бережно усадили и прикрыли еще одним пледом, больничный служитель уселся с одной стороны, монахиня — с другой. Служитель уперся глазами в больного, как собака на стойке, а монахиня включила боковой свет и стала читать Евангелие,

отсчитывая на четках страницы. Тем временем атлетически сложенный, гигантского роста слуга небрежно поставил чемодан к стенке под окном, а сумку в угол, получил деньги, козырнул и ушел. В его видимой небрежности был большой смысл — сумка с клюшками и пулеметным дулом и чемодан с газонепроницаемым комбинезоном и остальной материальной частью пулемета весили непомерно много, и этот вес обратил бы на себя внимание обычного носильщика. Но главное заключалось в том, что дуло предательски торчало из сумки и хорошо просматривалось между стальными лопаточками клюшек: вся затея была психологической атакой, весь расчет делался на то, что ни фашистские пограничники, ни эсэсовцы, пораженные необычным видом кабины и больного, не обратят внимания на вещи и будут рассматривать только лорда, который кусается.

Так оно и получилось.

На швейцарской границе, когда послышались грубые голоса и тяжелый топот пограничников, в купе никто не шелохнулся, а проводник с паспортами в руке выбежал навстречу с шипением:

— Тс-с-с!

— В чем дело?

— Лорд… Сумасшедший… Кусается! Ради Бога! Вот их паспорта…

Чернорубашечники приоткрыли дверь:

— Лорд? Настоящий?

— Клянусь мадонной!

— Кусается?

— Как зверь! За нос или пальцы!

— Порко Дио!

На немецкой границе все повторилось: громкий топот кованых сапог и грубые голоса, шепот «Тс-с-с!» проводника и его торопливые объяснения. Дверь опять медленно открывается, и эсэсовцы разглядывают диковинного лорда.

Восхищенное:

— Доннер веттер!

И дверь осторожно закрывается.

Смерть дважды прошла мимо. Один бы внимательный взгляд, одно бы прикосновение носка сапога — и все было бы открыто. В роли лорда выступал я, монахиней была «Эрика», служителем ее муж «Пийн», носильщиком был «Ман», а врачом, делавшим мне «укол» на остановке в Берне, был «Кин».

Приказано вернуться. Все мы прекрасно знали, что делается дома, потому что иностранная буржуазная пресса вела шумную кампанию против «красного террора» в СССР. Мы ходили на открытый суд над Сталиным в Париже, устроенный виднейшими

психиатрами, юристами и общественными деятелями Запада. Потом начали учащаться случаи отказа заграничных советских работников возвращаться домой. Наконец, все мы по очереди получили распоряжение, данное под разными предлогами и в разное время: выехать в Центр.

Возвращаться или нет?

Каждый думал и решал за себя.

Естественно, что передача дел происходила наспех и кое-как, я знаю это по замечаниям «Мана». Принимая линии, товарищи отнекивались, тянули и норовили на себя ничего не брать, так как положение было тревожное и никто не был уверен в своем будущем.

После переезда в Москву я работал в 20-м секторе у полковника Турского («Монгол») в качестве переводчика с окладом в 1000 руб. в месяц. Уйти на гражданскую работу мне не разрешили.

Тем временем из-за границы вернулись все разведчики, которых я знал и которых не знал. Происходила смена кадров. Я написал две главы — «Конспирация» и «Легализация» для первого в СССР учебника для школы разведчиков и в приказе по ИНО получил за это благодарность. Слуцкий сообщил мне, что он готовит мне назначение за рубеж с заданием чрезвычайной важности. Ехать я должен был через Японию с паспортом финского инженера-лесовика. Меня с женой отправили в Карелию, чтобы мы нахватались некоторых знаний и понимания обстановки.

Когда все было выполнено, Слуцкий отвел меня к Ежову, представил как одного из лучших своих оперативных работников и изложил суть дела: я должен был, поколесив по свету, вернуться в Берлин и связаться с нашим агентом, полковником генерального штаба рейхсвера. Ежов написал резолюцию: «Утверждаю. Ежов», встал, обнял меня, трижды поцеловал и сказал:

— Ни пуха ни пера! Будьте горды тем, что мы даем вам один из наших лучших источников. Сталин и Родина вас не забудут!

Через некоторое время в своем служебном кабинете был уничтожен Слуцкий. Некролог в «Правде» подписали старые сотрудники И НО. Все они были потом расстреляны. Из окна с 10-го этажа выбросился полковник Гурский. Беременная «Эрика» была арестована и погибла вместе с новорожденным ребенком. Слуцкого сменил Пасов, но был расстрелян. Пасова сменил Шпигельглас, но и он был расстрелян. Каждую ночь в Москве исчезали тысячи людей.

Совершенно секретно. Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР Фриновскому

3-м отделом УГБ УНКВД МО вскрыта и ликвидируется шпионскотеррористическая организация, созданная чешскими разведывательными органами из эмигрантской молодежи, объединившейся в союз студентов — граждан РСФСР в городах Прага и Брно.

По показаниям арестованных… установлено, что Союз студентов-граждан РСФСР создан чешскими разведывательными органами и РОВС (Российский общевоинский союз) для легальной переброски в СССР шпионов, диверсантов и террористов. Одним из инициаторов создания этого «союза» является Быстролетов Дмитрий Александрович, который, по показаниям арестованных, является агентом чешских разведывательных органов.

Быстролетов прибыл в СССР в 1929 году и до последнего времени ведет разведывательную работу, являясь резидентом чешской разведки.

Сообщая об изложенном, просим вашей санкции на арест Быстролетова, как одного из активных участников вскрытой шпионско-диверсионной и террористической организации.

[Подписи:]
комиссар государственной безопасности
первого ранга *Реденс*
капитан государственной безопасности *Сорокин*
7 декабря 1937 года

Над его головой сгущались тучи. Фальшивка Реденса и Сорокина сработала.

1 января 1938 года Быстролетова отстранили от должности в НКВД, в марте направили служить в Торговую палату, а 18 ноября арестовали. Машина сталинских репрессий действовала безостановочно и выметала людей подчистую. Однажды на допросе присутствовал Ежов — тот самый, который год назад стискивал его в объятиях. Узнав, что следователи обвиняют Быстролетова в том, что он был шпионом четырех держав, нарком произнес: «Мало!» И вышел. И тогда палачи Соловьев и Шукшин железным тросом со стальными шариками на концах принялись еще усерднее выколачивать из жертвы нужные им признания. Они сломали ему ребра, проломили череп, сапогами разорвали мышцы живота, выбили зубы.

«Чувствуя, что умираю, я, желая выиграть время, признался в том, что надиктовал Соловьев».

Вот они — протоколы тех страшных допросов. Тоже аккуратно подшиты в «дело». Вчерашний разведчик-нелегал

охотно «признается» в том, что в Праге вступил в эсеровскую организацию, вел активную антисоветскую деятельность, вербовал из числа бывших белогвардейцев своих сторонников, а затем «пролез в Торгпредство для шпионской работы».

Этот документ содержит много интересного. По-видимому, в дело подшит не просто рабочий протокол одного из допросов, а запись итогового разговора садиста-следователя с искалеченным арестантом, готовым подписать любую ложь, лишь бы прекратились мучения. К примеру, звучит вопрос: «Скажите, сколько раз и с какой целью вы стремились вступить в ВКП (б)?» И Быстролетов с готовностью полуидиота отвечает: «Для облегчения своей контрреволюционной деятельности в Праге в 1925 году я сразу же пытался пролезть в партию… Однако парторганизация оказалась достаточно бдительной, и попасть в партию мне не удалось. После того, как я вторично был завербован в английскую разведку, то в 1938 году… был поставлен вопрос о том, что мне необходимо постараться пролезть в партию».

Из автобиографии

Я получил 20 лет заключения и 5 лет ссылки (25 лет тогда еще не давали). Через 10 лет меня вызвали в Москву, якобы для подтверждения моих показаний… Был посажен на три года в Сухановку для пытки одиночеством. Там у меня начался тяжелый психоз, и я ослеп. После трехлетнего заключения в каменном мешке лечился в больнице при Бутырской тюрьме. Был отправлен в спецлагеря (Озерлаг в Тайшете и Камышлаг в Омске). Перенес два паралича. Как неизлечимый больной был в 1954 году досрочно освобожден, а в феврале 1955 г. — реабилитирован.

Невероятными усилиями воли сумел в какой-то мере восстановить трудоспособность, но КГБ отказал мне в выдаче пенсии и документов об образовании. Я очутился на улице. Много выстрадал в Москве, без жилья, голодный и нетрудоспособный. Меня поддержала б[ывшая] заключенная, которую я, как врач, когда-то спас от смерти в Сиблаге.

Заключение не озлобило меня, но сделано более разумным и дальновидным.

А с другой стороны, с работой в разведке и с ИНО связаны лучшие годы моей жизни. Я горжусь ими, и от теперешних работников КГБ слышал слова: «Мы хотели бы быть такими, как вы. Вы — пример для нас». Я имею право гордиться сделанным!

Я рад, что вернулся в СССР на гибель. Сознательно вернулся, выполняя долг патриота. Следователь Соловьев, узнав, что я имел за границей много паспортов и денег и все же вернулся, как он

говорил, «за советской пулей», кричал мне, что я — дурак. Ну, что ж, может быть, я и дурак, но дурак доверчивый, принципиальный и гордый: если возвращение — глупость, то и ею я искренне горжусь! Я считаю, что прожил жизнь хорошую, и готов прожить ее так же еще раз.

28 октября 1968 года.
Председателю КГБ СССР
товарищу Андропову Ю. В.

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович, полное равнодушие и безразличие к судьбе моего бедного больного парализованного мужа заставило меня обратиться к вам… Быстролетов Дмитрий Александрович — полузабытый герой нашей разведки в предвоенные годы. Оба мы старики, многие тяжелые годы прожившие вместе. Мы инвалиды первой и второй группы. Нам вместе около 150 лет.

Во время допросов мой муж был изувечен избиениями — ломали ребра, голод, этапы при сильных морозах. Два инсульта. 26 октября 1954 года он приехал в Москву. При первой группе инвалидности его приютил медицинский реферативный журнал, где при знании 22 иностранных языков Быстролетов, больной старик, проработал языковым редактором до 1974 года, пока не был снова парализован. Он инвалид, работать не может — потеря речи и другие осложнения.

Вместе мы получаем пенсию соцстраха. На жизнь и лекарства ее не хватает. Учитывая все вышеизложенное, прошу вас о назначении моему мужу Быстролетову Д. А. персональной пенсии.

Иванова Анна Михайловна.

Справка

Тов. Быстролетов Д. А. скончался 2 мая 1975 года и похоронен на Хованском кладбище.

Вот и все.

Перевернута последняя страница двухтомного личного дела закордонного разведчика Дмитрия Быстролетова. Окончена жизнь.

Незадолго до кончины руководством КГБ старику была выделена двухкомнатная квартира и оказана материальная помощь. Поздно оценили сделанное разведчиком. Не было у него ни наград, ни офицерского звания.

Одиннадцать лет его считали одним из лучших агентов. Шестнадцать последующих он провел за колючей проволокой. Дальше надо бы написать, что Дмитрий Александрович не

потерял веры, не упал духом. Да, это так. Но мы-то потеряли человека.

Он мог стать писателем. Художником. Ученым. Врачом. Мореходом. Переводчиком. Актером. Все у него получалось — за что бы ни брался.

Стал разведчиком. Судьба? Может быть…

В. СНЕГИРЕВ

Стефан Ланг (Арнольд Дейч)

Его имя и жизнь долгие годы оставались засекреченными. Таковы нормы, принятые в разведке. В разведке его называли Стефаном Лангом. Именно он создал, «крестил», подготовил великолепную группу асов разведки, известную как «кембриджская пятерка».

В отчетах Ланга, адресованных Центру, он докладывает о своей работе по созданию разведывательной сети, о своих помощниках:

«Все они пришли к нам по окончании университетов в Оксфорде и Кембридже. Они разделяли коммунистические убеждения. Это произошло под влиянием широкого революционного движения, которое за последние годы захватило некоторые слои английской интеллигенции и в особенности две крепости английской интеллектуальной жизни — Кембридж и Оксфорд…

80 % высших государственных постов заполняется в Англии выходцами из Кембриджского и Оксфордского университетов, поскольку обучение в этих высших школах связано с расходами, доступными только богатым людям. Отдельные бедные студенты со стипендиями — исключение. Диплом такого университета открывает двери в высшие сферы государственной и политической жизни страны».

Действительно, путь в это общество обычно лежит через знаменитые английские колледжи и университеты.

Из стен Кембриджского и Оксфордского университетов, основанных в XII–XIII веках, вышли великие английские ученые, многие государственные деятели. В Оксфордском университете получили образование более двадцати премьер-министров Великобритании.

Думаю, это поможет понять, почему Стефан Ланг занялся именно Оксфордом и Кембриджем.

А теперь познакомимся с ним поближе.

Начало XX века. Австро-Венгерская империя. Монархия с трудом удерживала под короной Габсбургов составлявшие ее нации, ее разрывали внутренние конфликты. Ярослав Гашек, будущий автор бессмертного «Швейка», уже публиковал свои юношеские рассказы, собирался в путешествие по Словакии, которую позже назовут белой колонией в центре Европы. Там в 1904 году в учительской семье родился мальчик, которого назвали Арнольдом. Через годы Арнольд Дейч стал Стефаном Лангом.

Его формировали революционные годы. В 16 лет Стефан — член Союза социалистических студентов, он готов, по его собственным словам, вариться в революционном котле. В 1924 году вступает в Компартию Чехословакии.

Следующая ступенька на жизненном пути — Венский университет. Стефан получает диплом доктора философии.

Он уже выполняет задания подпольной организации Коминтерна в Вене. Выезжает в качестве курьера и связника в Румынию, Грецию, Сирию, Палестину. Пароли, явки, обнаружение и уход от слежки — вся эта школа пригодилась Стефану в его будущей профессии разведчика.

В январе 1932 года Ланг в Москве. Можно предположить — не случайно. Друзья рекомендуют его в советскую разведку — Иностранный отдел (ИНО), который возглавляет один из соратников Ф. Э. Дзержинского — А. Х. Артузов.

Практика работы в подполье, навыки конспирации, знание нескольких иностранных языков сократили срок его подготовки. Уже в октябре 1933 года Ланг получает задание — обосноваться в Лондоне и начать активную работу. Здесь он поступает в университет, изучает психологию.

Учеба дала возможность заводить широкие связи среди студенческой молодежи, подбирать помощников. Стефан понимал: нужны выходцы из высшего общества. Но в Лондонском университете таких не было. Он обстоятельно изучает систему подбора чиновников и специалистов в ведущих государственных учреждениях. И, подводя итоги, направляет в Центр аналитическую записку.

«Шансы кандидатов, в конечном счете, зависят от их происхождения, окончания одной из аристократических средних школ и получения высшего образования в Кембридже или Оксфорде, рекомендаций высокопоставленных лиц, политической благонадежности, — пишет Стефан. — Но могут быть не менее важны связи родителей и те связи, которые сами студенты заводят среди людей своего круга».

«Разумеется, — продолжал он, — на работу принимаются главным образом наиболее надежные и способные выходцы из правящих классов. Для сохранения видимости соблюдения буржуазией демократичности указанные государственные должности даются также некоторым кандидатам из средней и мелкой буржуазии, причем решающим фактором являются якобы способности («дорога деловым людям»). Одновременно правящая буржуазия надеется таким образом использовать для себя наиболее способных людей из этой среды».

Разведчику предстояло в этой среде вычислить тех, на кого

он мог бы опереться. При этом следовало считаться с огромным риском, вполне реальной смертельной угрозой. Стефан прекрасно понимал, как важна в задуманной им операции осторожность. И как необходимы сильные аргументы.

Аргумент первый — человеческий фактор. Так назвал свой роман известный английский писатель Грэм Грин, служивший в свое время в английской разведке. Там его коллегой, по стечению обстоятельств, был самый знаменитый из «пятерки» воспитанников Ланга — Ким Филби.

Стефан не рассчитывал на угрозы и шантаж. Он не считал и деньги сколько-нибудь значительным фактором. Да у него их практически и не было. Подкуп как средство вербовки также отпадал. Знаток человеческой натуры, он не раз, подбирая соратников, пользовался своей проницательностью.

И еще один фактор, может быть, решающий — идейный. В то время социалистическая идея, воплощавшаяся в СССР, имела своих сторонников и в элите английского общества.

Английский писатель Патрик Сил ярко описал обстановку, в которой происходила духовная переориентация ряда англичан.

«Разочарованные предательской политикой социал-демократии и напуганные фашизмом, левонастроенные молодые люди обратили свой взор к Советской России, которая начиная с 1932 года стала все больше захватывать их воображение. В то время когда капиталистический Запад впал в состояние глубочайшей экономической депрессии, Россия приступила к осуществлению своего поистине геркулесовского пятилетнего плана. В Советской России всем до единого человека была предоставлена работа, а использование ею ресурсов стало государственной политикой. В то время как капиталистические страны находились в состоянии упадка, экономика СССР триумфально развивалась…

Но самое главное состояло в том, что Россия не была похожа ни на какую другую страну… Россия стала эталоном нового всемирного общества».

В самом конце двадцатых годов прошлого века враждебная СССР политика правительства консерваторов начала выдыхаться. На выборах в парламент в мае 1929 года консерваторы проиграли, потеряв 141 место. Как замечали историки, «страна жаждала перемен».

«Я поминутно чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества… Олицетворением этих идей был Советский Союз. И поэтому форму своей борьбы я нашел в работе в советской разведке. Таким образом, мое вступление в ряды

советской разведки — не плод слепого случая. Советский нелегал Ланг накануне Великой Отечественной войны сумел увидеть возможные варианты моего будущего. Когда он стал говорить со мной о перспективах предстоящей работы и даже упомянул о возможности моего поступления на работу в британскую секретную службу, я думал, что он фантазирует. Возможно, вначале так оно и было. Однако его фантазия опиралась на жизненный опыт и воплотилась позднее в реальность».

Так анализировал свой опыт Ким Филби. Он же вспоминал: «Затем наступила пора профессиональной подготовки. Товарищ Ланг, безусловно, понимал, что потребуется время, возможно, годы, прежде чем можно будет рассчитывать на получение от меня стоящей разведывательной информации. Поэтому, наряду с изучением перспектив трудоустройства и возможностей закрепиться в том или ином месте, он сосредоточил внимание на моей специальной подготовке. Он провел скрупулезную работу, основанную на продуманном сочетании теории и примеров из практики. Частично из собственного опыта.

Должен признаться, что порою многое казалось мне нудным повторением. Однажды я заявил:

— Этот вопрос мы отрабатывали десять раз. Нужно ли повторять все снова и снова?

— Что?! — вскричал он. — Только десять раз! Вам придется выслушать это сто раз, прежде чем мы покончим с этим вопросом.

Я глубоко благодарен ему за такую настойчивость. Когда я стал работать по-настоящему в нацистской Германии и в фашистской Испании, я был буквально переполнен идеями безопасности и конспирации. В значительной мере именно потому мне и удалось выжить».

Приобретая новые связи, встречаясь со своими помощниками, планируя и проводя сложные операции, проверяясь от возможной слежки, Ланг успел еще многое. Достаточно сказать, что в Англии запатентовано шесть его изобретений! Будучи прирожденным экспериментатором, он серьезно занимался совершенствованием методов снятия фотокопий с разведывательных материалов и изысканием наиболее надежных способов пересылки их в Центр. Он интересовался практическим применением новых открытий в науке и технике, в частности, использованием ультрафиолетовых лучей для фотографирования в темноте.

Но путь разведчика-нелегала не мог быть устлан розами. Некоторые из доставшихся ему «в наследство» связей оказались не только бесполезными, но и опасными. Пришлось порвать отношения с бывшим царским дипломатом, который хотел подзаработать на слухах, которые он выдавал за секретную

информацию. С сотрудником МИДа Англии — горьким пьяницей; бывшим инспектором Скотленд-Ярда, оказавшимся провокатором.

Однажды Стефан Ланг обнаружил за собой слежку. Положение обязывало его прекратить встречи, чтобы не ставить под удар своих друзей. Центр всполошился — случайные совпадения или провал? Долгие часы раздумий, анализа. Новые и новые тщательные проверки. Наконец, четкий вывод — факт слежки был случайным. Работу можно продолжать.

Резидент «Швед» писал в Центр, когда встал вопрос об отзыве Стефана из-за этого случая из Англии:

«Вы должны быть в своем решении относительно Стефана чрезвычайно осторожны:

1) он имеет настоящую книжку (паспорт), его происхождение ничего общего с нашей страной не имеет;

2) он здесь прекрасно легализовался;

3) он движется за границей лучше, чем я и «Мар» [помощник резидента] и вызывает меньше подозрений в обществе, чем мы все. Кроме оперативной работы, которую он в состоянии выполнить, он является еще блестящим техником…»

Уже давно до Ланга доходили сведения о событиях в России. Многих разведчиков уволили и арестовали.

С болью в сердце я перелистываю относящуюся к этому времени переписку резидентуры с Центром. Читаю письма Стефана в Центр. Документы отражают тревогу. В стране нарастала всеобщая подозрительность. Некоторые спешили застраховать себя, чтобы их не обвинили в «потере бдительности».

Атмосфера недоверия и подозрительности распространилась и на разведчиков, и на их помощников. Многих из них необоснованно обвинили в связях с контрразведкой противника, в двойной игре. Некоторым помощникам вменяли в вину то, что они были завербованы «врагами народа», то есть репрессированными сотрудниками разведки. В одном из документов Центра (1939 год) указывалось, что разведывательная работа лондонской резидентуры «базировалась на сомнительных источниках, на агентуре, приобретенной в то время, когда ею руководили враги народа, и поэтому крайне опасной». Исходя из этого, предлагалось прекратить работу даже с «Кембриджской пятеркой».

Вероятно, в то время Стефан мучительно искал ответ на вопрос: что происходит в стране, которой он беззаветно служит?

В сентябре 1937 года Ланга отозвали из Лондона в Москву.

Начался, пожалуй, наиболее тяжелый период его жизни.

Быстро и успешно отчитавшись о своей работе, он долго оставался не у дел. Потянулись тоскливые дни вынужденного безделья. Его руководители один за другим оказывались в лагерях.

В архивном деле есть данные о том, что рассматривались планы его новой командировки, на этот раз в Америку. Правда, ни одно из предложений не было утверждено или даже рассмотрено руководством наркомата. За достигнутые успехи Ланг был представлен к награждению именным оружием, однако данные о награждении отсутствуют.

В начале 1938 года Стефан написал рапорт начальнику отдела:

«…По различным причинам я считаю очень важным возобновить если не личный, то письменный контакт с нашими товарищами. Все наши люди молодые и особенного опыта в нашей работе не имеют. Для них общение со стороны наших людей является чем-то надежным, в чем можно быть абсолютно уверенным. Не получая от нас никаких известий, они должны испытать разочарование — все они работают из-за убеждений и с энтузиазмом, и у них легко может возникнуть мысль, что от них отказались. Я не хочу поднимать панику, но в интересах нашей дальнейшей работы мы должны избегать всего того, что могло бы их разочаровать, чтобы у них не пошатнулась вера в нашу надежность и пунктуальность. Я хотел еще раз указать на особый состав нашего аппарата. Все они верят нам. Они уверены, что мы всегда на месте, всегда и везде, что мы ничего не боимся, никогда не оставим никого на произвол судьбы, что мы прежде всего аккуратны, точны и надежны. И успех *нашей работы* отчасти основывался до сего времени на том, что мы никогда их не разочаровывали. И именно теперь очень важно в психологическом отношении, чтобы мы послали им о себе весточку даже и в том случае, если мы не начнем с ними тотчас же работать».

Забегая несколько вперед, скажу, что связь с друзьями Ланга была впоследствии восстановлена и почти все они продолжили активную работу.

Личная жизнь Стефана и его семьи оставалась неустроенной, а его положение — унизительным. Он был вынужден писать об этом руководству:

Обращаюсь с некоторыми личными вопросами.

Вопрос о гражданстве моем и моей семьи.

В 1932–1935 гг. и сейчас я уже заполнял анкеты на получение гражданства. Всякий раз мне говорили, что вопрос уже решен. Однако тот факт, что 12 декабря я не смог голосовать, показывает Вам, как обстоит дело в действительности. Необходимо только

провести перемену фамилии. Вместе с тем я, разумеется, хотел бы, чтобы и моя жена, и мой ребенок получили советское гражданство. Прошу Вас распорядиться, чтобы это было сделано…

Вы поймете также, что для меня, если я снова сейчас буду работать за границей, важны не только мои идеологические убеждения, но и успокаивающее сознание того, что мои элементарные права партийца, сотрудника нашего учреждения и советского гражданина ограждены. Вы поймете также и то, как задел меня тот факт, что именно сейчас, 12 декабря, я не смог голосовать.

Поэтому прошу Вас распорядиться, чтобы эти мои справедливые пожелания были осуществлены.

С ком. приветом

Ваш СТЕФАН

Желание Стефана было удовлетворено. Он официально становится советским гражданином, но все так же переживает из-за своего вынужденного безделья.

19 декабря 1938 года помощник начальника отделения Сенькин представил рапорт на имя начальника отдела Деканозова (расстрелян в 1953 году по делу Берия) о выплате преподавателю 165 рублей за занятия со Стефаном. Последовала резолюция: «Т. Сенькин! Не занимайтесь чепухой. Стефана надо хорошо проверить, а не учить языкам. Деканозов».

В конце 1938 года новый руководитель Ланга в рапорте на имя Берии указывает, что Ланг уже 11 месяцев «сидит без дела». На этом рапорте «милостивая» резолюция: «Вр. устр. на другую работу вне НКВД. Л. Б.».

Так Стефан становится научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. На этом месте с его знаниями и опытом он действительно мог принести и принес немало пользы.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Новое руководство разведки принимает решение направить Ланга на нелегальную работу в Латинскую Америку. Постоянным местом резидентуры была определена Аргентина, поддерживавшая в те годы политические и экономические отношения с фашистской Германией.

В ноябре 1941 года группа была готова к отъезду. Предполагалось направить разведчиков через Иран, Индию, страны Юго-Восточной Азии. На рассвете 7 декабря японские самолеты внезапно обрушились на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на Гаваях. Завязалась война между Японией и США. Этот путь стал опасным.

Начались поиски другого пути. Но по дороге, в Баку, Ланг заболел сыпным тифом. Затем Персидский залив — Тегеран — Карачи — Бомбей — Коломбо — и снова Персидский залив.

В июне 1942 года разведывательная группа вновь оказалась в Тегеране. В письме Стефана Ланга на имя начальника разведки — крик души:

Уважаемый товарищ Фитин!

Обращаюсь к Вам как к начальнику и товарищу. Вот уже 8 месяцев я со своими товарищами нахожусь в пути, но от цели мы так же далеки, как и в самом начале. Нам не везет. Однако прошло уже 8 ценных месяцев, в течение которых каждый советский гражданин отдал все свои силы на боевом или трудовом фронте. Если не считать 3-х месяцев, проведенных на пароходе и в Индии, где я все же что-нибудь да сделал для нашего общего дела, я ничего полезного для войны не сумел осуществить. А сейчас больше, чем когда-либо время ценно. Мне стыдно моего «трудового рекорда» во время Отечественной войны. Тот факт, что я лично в этом не виноват, меня не успокаивает.

Сейчас нам предстоит вновь неопределенность, выжидание. Этого я больше не могу совместить со своей совестью. Условия в странах нашего назначения с момента нашего отъезда из Москвы изменились. Поставленные тогда перед нами задания, насколько я понимаю, сейчас частично нереальны. Даже в самом лучшем случае нам потребуется 3–4 месяца, чтобы добраться до места. К тому времени война кончится или будет близка к концу.

Цель этого письма — изложить свои соображения и просить Вас как начальника и товарища помочь мне сейчас перейти на работу и нагнать потерянное время.

Прошу извинить за беспокойство, но я лишен возможности лично переговорить с Вами, а особые условия, в которых мы находимся, не дают мне другой возможности.

Разрешите мне вернуться в СССР и пойти на фронт для выполнения непосредственной для войны работы. Вы помните, что я уже был мобилизован от Политуправления РККА, откуда Вы меня сняли. Я могу работать для вас, но очень прошу — не в тылу. Наконец, когда Красная Армия перейдет немецкую границу — в Германию или Австрию, — для меня найдется достаточно работы.

Если я нужен, пошлите меня на подпольную работу, куда хотите, чтобы у меня было сознание, что я делаю что-нибудь непосредственно для войны, для победы против фашистов…

…Сейчас идет война, я коммунист и понимаю, что существует дисциплина, поэтому я выполню все Ваши указания

беспрекословно. Но итог последних 8 месяцев и перспектива затяжной бездеятельности вынуждают меня обратиться к Вам лично и просить Вашего быстрого решения.

С лучшим приветом,

Стефан.

Через несколько дней в Тегеране была получена телеграмма о немедленном отзыве в Москву Стефана и его группы.

Разработан новый вариант поездки, на этот раз Северным морским путем, с первым же караваном, отходящим из Архангельска в США 29 июня. Однако что-то помешало отправке. Стефан летит в бухту Провидения, добирается до Диксона. Здесь два танкера — «Донбасс» и «Азербайджан» — готовятся к рейсу на восточное побережье США, Нью-Йорк, Филадельфию. Оттуда, как намечалось, Стефан должен был нелегально пробраться в Аргентину.

Валентин Пикуль в своем романе «Реквием каравану PQ-17» рассказал об одной из трагедий той войны — гибели союзного каравана в полярных широтах летом 1942 года.

Документальные материалы напоминают, как развертывались трагические события.

«Донбасс» шел в составе знаменитого конвоя PQ-17. В бою у острова Медвежий 4 июля 1942 года огнем кормовой пушки советские моряки сбили низко летевший немецкий торпедоносец. Затем по приказу Британского адмиралтейства силы ближнего прикрытия и эскорта были отозваны и конвой брошен на произвол судьбы. «Донбасс» продолжал сражаться, отражая новые атаки вражеских самолетов. Экипаж подобрал 51 моряка с погибшего американского парохода «Даниэль Морган» и доставил в Архангельск ценный груз.

Теперь транспортам предстояли рейсы без охранения. Риск, конечно, огромный, но другого выхода не было. Вот в такое самостоятельное плавание и вышел 4 ноября танкер «Донбасс». На борту среди 49 человек команды был и Стефан Ланг. На следующий день, 5 ноября, «Донбасс» сообщил, что его атаковали вражеские самолеты, но он следует дальше. Штаб Северной военной флотилии передал шифровку с требованием вернуться на Новую Землю. Но радист «Донбасса» ответил, что расшифровать радиограммы не может.

В 12.22 7 ноября транспорт «Чернышевский» принял с «Донбасса» радиограмму о том, что он вновь подвергся атаке авиации противника. Это была последняя весточка с танкера. Поиски корабля и его команды результатов не дали. Танкер и экипаж были объявлены погибшими.

Но, как оказалось, немцы подобрали часть команды

«Донбасса» и отправили в плен. Незадолго до конца войны в Гданьске наши войска освободили капитана судна В. Э. Цильке. После войны он работал капитаном-наставником в Черноморском пароходстве.

Капитан В. Э. Цильке в 1986 году рассказал: «Уже стало темнеть, когда вновь прозвучал сигнал боевой тревоги. На горизонте показался военный корабль. Это был немецкий рейдер, крейсер «Адмирал Шеер», на счету которого числилось уже немало потопленных судов. Он быстро приближался.

Вспышка выстрела, и тотчас же возник столб воды у борта «Донбасса». Противнику ответило бортовое орудие, а затем выстрелы зазвучали непрерывно. «Адмирал Шеер» открыл огонь из орудий главного калибра. Он подошел так близко, что бил почти без промаха. Танкер потерял управление, погасло освещение, прервалась связь. Пламя и черный дым охватили машинное отделение и кормовые надстройки, в топливных танках загорелись остатки нефти. Главные машины остановились. Судно превратилось в неподвижную мишень. Стефан вместе с другими моряками лихорадочно пытались погасить пламя. Пушки и пулеметы танкера продолжали яростно отстреливаться.

Видя, что танкер не тонет и отчаянно сопротивляется, гитлеровцы выпустили по нему две торпеды. Взрывом Стефана отбросило на палубу. Он попытался подняться, но не смог — были перебиты ноги. Корабль разламывался пополам.

Носовая часть танкера, где оставался Стефан, медленно, а потом быстрее стала погружаться в морскую пучину».

Об оценке руководством разведки сделанного Стефаном Лангом говорят документы, хранящиеся в СВР:

«Во время работы в Англии Стефан Ланг зарекомендовал себя как особо ценный работник лондонской резидентуры. Им лично приобретено более 20 источников, в том числе известная «пятерка». Большинство из них представляли особо ценные материалы…» «Созданная усилиями С. Ланга сеть особенно проявила себя в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. Его источники внесли большой вклад в победу над фашистской Германией. Накануне войны резидентура получала многочисленные важные документальные материалы о внутренней и внешней политике английского правительства, сводки и доклады имперского комитета обороны по военным и политическим проблемам; документы по позиции английского и французского правительства в отношении заключения пакта с СССР в 1939 году, об их отношении к финско-советской войне; личную переписку Чемберлена и Даладье; данные о переговорах Гесса с лордом Гамильтоном».

«В период войны благодаря источникам, приобретенным С. Лангом, резидентура имела доступ практически ко всем секретным документам английского военного кабинета, к переписке Черчилля с Рузвельтом и другими главами правительств, переписке министра иностранных дел Идена с послами в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Мадриде, Анкаре, Тегеране и министром-резидентом в Каире; информационным сводкам английской разведки и другим секретным документам. Ким Филби первым передал сведения о подготовке немцами операции «Цитадель» (наступление на Курской дуге).

Дешифровка английской разведкой немецких радиограмм, о которых стало известно Филби, а через него — нашему командованию, спасла жизнь десяткам тысяч наших воинов.

От него регулярно поступала информация о намерениях немецкого командования использовать на советско-германском фронте новую технику, а также о планах нацистов заключить сепаратный мир.

В послевоенные годы из этих же источников поступала надежная документальная информация о структуре, деятельности, кадрах и агентуре английской и американской спецслужб, о засылке на территорию СССР агентурных групп английской и американской разведок, в том числе о датах и местах их выбросок… О позиции правящих кругов США и Англии на сессиях Совета министров иностранных дел великих держав наше руководство узнавало раньше, чем руководители делегаций Англии и США.

При помощи «пятерки» разведка получила доступ к телеграфной переписке МИДа Англии со своими зарубежными представителями, а также к секретным материалам англичан по вопросам послевоенного урегулирования, о содержании англо-американских переговоров по проблемам создания атомного оружия, к документальным материалам о позиции США, Англии и НАТО по многим вопросам международной жизни. Достаточно сказать, что только К. Филби, Г. Берджес и Д. Маклин за 17 лет сотрудничества передали резидентуре, по неполным данным, свыше 20 тысяч листов документов по политическим, экономическим, военным и оперативным вопросам».

Все это было позже, когда Дейча-Ланга уже не было в живых. Но создал знаменитую, легендарную «пятерку» именно он.

И. ДОРОНИН

Иван Чичаев

О таких обычно говорят: человек-легенда. Судьба, а точнее Служба побросали его по миру: Тува и Сеул, Выборг и Таллин, Рига и Стокгольм, Лондон, Прага, Берлин. Когда полковника хоронили, товарищи-разведчики несли на подушечках пять орденов — Ленина, Красного Знамени, еще одного Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», боевые медали. Первые сухие снежинки кружились и падали на красный бархат.

В этом кругу не принято говорить, за что именно та или иная награда. Есть общая, обтекаемая формула: «За плодотворную деятельность в разведке». А указы, как правило, закрытые. Что тогда — Президиума Верховного Совета СССР, что сейчас — Президента России. И все же я предположу, что свой первый орден Красного Знамени Иван Чичаев получил за операцию в Сеуле в 1927 году. К тому времени это была высшая награда нашей страны: орден Ленина появится только через три года, в 1930-м.

В августе 1927 года молодого чекиста Чичаева, за плечами которого были уже командировки в Монголию и зарубежную тогда Туву, назначили генеральным консулом в Сеул. Это была должность на виду, как говорят, — прикрытие. В Сеуле, столице Кореи, оккупированной японцами, Иван Андреевич Чичаев три года возглавлял резидентуру внешней разведки.

С деятельностью этой резидентуры (а также Харбинской) связан один из самых больших успехов советской разведки тех лет на Дальнем Востоке. Речь идет о документе, известном в истории как «меморандум Танаки», который через два десятка лет фигурировал на Токийском трибунале в качестве официального документа.

Генеральное консульство Советского Союза располагалось в центре Сеула, в одноэтажном особняке бывшей царской миссии. Особняк, окруженный тенистым парком, осаждали визитеры, всякого рода просители. С первого взгляда было видно, что их направляет чья-то рука. Так японская контрразведка решила блокировать консульство красной России.

Но Чичаеву удалось завербовать японского разведчика, которому был поручен официальный контакт с генконсульством Советского Союза. Исследователи называют этого человека по-разному: одни — Абэ, вторые — Отэ. Но и те и другие сходятся в одном: это был действительно агент экстра-класса.

О его биографии до сих пор известны самые общие сведения. В Россию впервые попал еще в годы Гражданской войны в составе

японских оккупационных войск. Был связным японской контрразведки с адмиралом Колчаком, который объявил себя Верховным правителем России, поддерживал контакты с американским экспедиционным корпусом во Владивостоке. Когда партизаны, как поется в хорошей песне, разгромили атаманов, убрались обратно и интервенты. Судя по всему, знакомство с революционным Приморьем не прошло для Отэ бесследно. (Выбираю именно это имя вслед за Владимиром Пещерским, пожалуй, самым авторитетным биографом Чичаева и его дальневосточного агента.) Наши разведчики отмечали несомненный ум и большую изворотливость Отэ, «силу привычки», которая привязала его к русским и дополнительным деньгам «для многочисленной родни», трезво оценивали и его авантюризм, без которого, наверное, не бывает таких людей. Но главное, Отэ действовал весьма результативно. Он сумел привлечь к работе на советскую разведку офицеров «Тура» и «Чопа» из штаба Корейской армии (так назывались японские оккупационные войска), сотрудников Главного жандармского управления «Сая» и «Ли», влиятельных лиц из белой эмиграции — «Осипова», «Фридриха», «Пана» и других.

Вот как оценила Сеульская резидентура одного из своих японских сотрудников:

«Регулярно дает большое количество материалов, исключительно подлинников. Дал много ценных материалов по разведке Японии в СССР, подготовке Японии к войне. Основные группы добываемых материалов: 1) секретные сводки и журналы Генерального штаба и других центральных органов; 2) сводки и оперативные документы японских органов в Маньчжурии — штабе Квантунской армии, Харбинской военной миссии и других военных миссий; 3) сводки и другие разведывательные и оперативно-стратегические материалы штаба Корейской армии; 4) описания маневров, руководства по боевой подготовке и т. п. материалы военного министерства».

Так в руки советской разведки попал и «меморандум Танаки». Аналогичный документ в ИНО ОГПУ вскоре получили и от резидентуры в Харбине. Значимость секретного документа была столь велика, что о нем доложили лично Сталину. Москва организовала «утечку» информации, и меморандум Танаки появился в американской печати. Как пишет один из современных исследователей, советское правительство не преминуло «погреть руки на попавшем в его распоряжение документе». А может, оно сделало именно то, что и было обязано сделать в такой обстановке?

Премьер-министр и министр иностранных дел Японии барон

Гинти Танаки разработал план поэтапного установления японского мирового господства и обратился к императору Хирохито с просьбой содействовать его реализации. Танаки указывал цели, по которым предстояло наносить точные и неожиданные удары.

«Япония не сможет устранить свои затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «железа и крови», — писал Танаки. — Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Соединенными Штатами Америки… Если мы в будущем захватим в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить США… Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы сначала должны завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами…

Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией является первым шагом…»

Воспаленному мозгу Танаки грезилась и Россия: «В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами северной Маньчжурии».

Фантастичность замыслов поначалу вызвала у Чичаева сомнения: не фальшивка ли перед ним? Но почти одновременно документ такого же содержания был добыт Харбинской резидентурой и тщательно проверен на подлинность. В последующие 15–20 лет японские военно-морские и сухопутные силы действовали почти в полном соответствии с этими замыслами.

Вырисовывалась довольно полная картина стратегических замыслов самураев. А какова ближайшая тактика их внешнеполитических авантюр? Ответ на этот вопрос удалось получить, когда в 1927 году в Маньчжурии советская разведка перехватила карты и схемы, выполненные сотрудниками мятежного генерал-лейтенанта Андогорского по заданию японцев. В них были отражены планы военной экспансии Японии в Монголию через Халхин-Гол с последующим захватом Улан-Батора, оккупация МНР и превращение ее в опорную базу борьбы за русское Приморье.

Генерал-лейтенант Андогорский — эмигрант, военный теоретик, бывший начальник академии Генерального штаба Российской армии. С февраля 1923 года фигурировал в списках

«российских правительств», которые тасовали белоэмигранты и японцы. Он регулярно сочинял пространные докладные записки для начальника японской военной миссии в Харбине генерала Савады, подталкивая японцев к военному вторжению в Приморье.

Японская военная миссия в Харбине направляла деятельность прояпонских организаций по всей Маньчжурии. Под «крышей» различных исследовательских бюро, экспортно-импортных контор, банков, представительств иностранных предприятий и фирм подвизались сотни кадровых разведчиков и агентов.

С ними трудно было бороться на равных, приходилось настойчиво искать слабые места, компенсируя неблагоприятное соотношение сил. Выяснилось, к примеру, что японцы обходятся без дипкурьерской связи, переписку со своими центрами ведут, используя китайскую почту, принимая определенные меры предосторожности.

Для осуществления своих замыслов японцы намеревались забросить в Советский Союз диверсионные группы, усилить в нашей стране свою агентуру, готовили серию вооруженных прорывов на границе.

Разведке — в те годы в Маньчжурии работали В. Рощин, Э. Такке (Гурский), П. Попов, профессора-японисты Мацокин и Р. Ким — удалось установить имена командиров боевых групп. Так, белогвардейский отряд генерала Карлова, перейдя границу, должен был перерезать Амурскую железную дорогу между Хабаровском и Благовещенском. В 1927 году при двух последовательных попытках пересечь с боем границу отряд был уничтожен. Прорыв отряда под командой генерала Сахарова японцы отложили, заподозрив утечку информации.

В конце 30-х годов Япония предприняла вооруженные акции у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. В обоих крупномасштабных столкновениях с Красной Армией войска императорской Японии потерпели поражение.

Анализируя документы, связанные с Японией, оказавшиеся в поле зрения Сеульской резидентуры, Чичаев и его сотрудники уже в 1927 году пришли к стратегически важному выводу. По их мнению, в японских правящих кругах противостояли друг другу две концепции. Сторонники первой поддерживали военную экспансию на юг, чтобы завладеть юго-западным бассейном Тихого океана; за это деятельно ратовали «морская партия» в японском руководстве и военно-морской флот. По другой концепции, главный удар направлялся на материк, чтобы овладеть Китаем и русским Дальним Востоком; эти цели активно поддерживало командование сухопутной армии.

Эти подходы определяли борьбу в японском руководстве

вплоть до осени 1941 года, когда было принято решение отказаться от нападения на Дальний Восток и направить все силы на Юг. Эта информация имела жизненно важное значение для Советского Союза, и ее своевременно сумел добыть и передать в Москву Рихард Зорге.

Впереди были другие страны — Латвия и Швеция, Англия и Чехословакия, Германская Демократическая Республика. Но прежде чем мы последуем за разведчиком в довоенную Прибалтику, в военную Англию и послевоенную Чехословакию, вспомним еще раз Сеул, резидентуру в тенистом парке, где преемники Чичаева умело продолжали его дело.

Совершенно секретные документы поступали к ним в таком объеме, что порою не хватало сил их обработать. Из донесения в Центр в феврале 1934 года:

«Оперативная нагрузка резидентуры растет. Особенно мы зашились по японскому сектору… Чтобы хоть немного разгрузиться, мы вынуждены с колоссальным риском использовать «Пана»… на несколько дней вызвали переводчика из Мукдена и даже работника из Тяньцзина».

В следующем году, оценивая деятельность Отэ, резидентура докладывала в Центр: «Дает ценный информационный и документальный материал по жандармерии, японской военной миссии и работе белоэмигрантов…» Его называют «наиболее ценным среди японцев источником».

Как же сложилась его судьба в дальнейшем?

В 1938 году в разгар большого террора и чисток Москва приказала прекратить связи со всеми людьми Отэ и с ним самим. Начальник разведки Фитин в рапорте на имя Берии от 3 сентября 1940 года обвинил агента в «вербовке шпионов в пользу японской разведки» и во многих других грехах. В японские шпионы записали и расстреляли Евгения Калюжного — именно он сменил Чичаева и два года возглавлял Сеульскую резидентуру. Теперь выходило, будто Отэ завербовал Калюжного.

К счастью, сам Отэ не пропал за эти годы. Его нашли уже после Великой Отечественной войны в одном из сибирских лагерей для японских военнопленных. Следствие по его делу, в котором принимал участие и Чичаев, опровергло все обвинения, «признав их несостоятельными и надуманными». Была подтверждена ценность переданных им сведений, «которые помогли в течение длительного периода обеспечивать безопасность нашей страны на дальневосточных рубежах». Заметим: это было сделано не через годы, когда началась хрущевская оттепель, а значительно раньше. Во внешней разведке во все времена, а нередко — вопреки временам, вопреки

навязывающимся нравам — ценили и берегли свой золотой запас, свои кадры. Правда, не всегда это удавалось. «Я был почти единственным из старых работников разведки, который не был репрессирован и даже получил назначение ехать в буржуазную Латвию, чтобы создать там резидентуру и агентурный аппарат на совершенно голом месте, — вспоминал позже Чичаев. — Выехал туда в августе 1938 года. При отъезде мне была поставлена задача разобраться в обстановке. Вопрос о кадрах был отложен до моего возвращения в Москву».

А Отэ вместе с другими пленными после освобождения вернулся на родину, в свой дом, из окон которого видно море. Вы скажете: в Японии море видно почти отовсюду — и будете правы. Но я не могу назвать город, куда вернулся человек, которого мы и сегодня знаем только по псевдонимам. Настоящее его имя наверное навсегда останется для нас неизвестным.

Вернемся на несколько десятков лет назад, в юношеские годы нашего героя. Они прошли в Мордовии. Иван Чичаев сам успел обстоятельно и тепло написать о них. В 1970 году в Мордовском книжном издательстве в Саранске вышла его первая книга «Рузаевка на заре Октября», а спустя несколько лет еще одна — «Незабываемые годы». Понятно, ни в одной книге нет и слова о разведке. Издатели представили Ивана Андреевича как «старого большевика, деятельного участника борьбы за установление Советской власти». Еще в аннотациях говорилось, что Чичаев «работал чекистом, боролся с контрреволюцией. Длительное время находится на дипломатической работе в зарубежных странах».

Так это все и было. Но, право, жаль, что не мог Иван Чичаев в ту пору рассказать о себе больше.

Родился Ваня Чичаев в Мордовии, в селе Ускляй. «По правде говоря, — вспоминал он на закате жизни, — Ускляй ничем не выделялся: ни своей историей, ни знатностью имен, ни богатством, ни ремеслами, ни песнями, ни красотой. Это — заурядное небольшое русское село, каких множество разбросано на широких просторах русской равнины. Свое мордовское название оно получило по маленькой речушке Ускляйке, в долине которой приютилось».

Типичное село, типичное детство в большой крестьянской семье. У Ванюшки было четырнадцать братьев и сестер, но выросли немногие. Своего хлеба, как и во многих других бедняцких семьях, хватало лишь до нового года. А потом, если не удавалось выпросить взаймы пуд-другой, отец перекидывал через плечи полотняную нищенскую суму и шел побираться, христарадничать. Не по душе ему было ходить по миру,

выпрашивая милостыню, но что поделаешь. Если нужда одолела…

На девятом году подпаска Ваню отдали в церковноприходскую школу. Эта школа, да еще вечерние курсы Высшей партшколы при ЦК ВКП(б), — единственные учебные заведения, которые официально удалось окончить Ивану Андреевичу. Он мечтал поступить в Институт востоковедения, несколько раз обращался с просьбами отпустить его на учебу, чтобы «получить систематическое самообразование», но каждый раз не позволяли дела. Оставался один путь — настойчивое, последовательное самообразование. И он добился на этом пути поразительных успехов. Даже нарком иностранных дел Советского Союза Георгий Васильевич Чичерин, один из образованнейших людей своего времени, готовясь к одной из загранкомандировок, пригласил Чичаева поработать его личным референтом по Японии. Но мы опять забежали далеко вперед.

Окончив церковно-приходскую школу, Ваня батрачил в соседней деревне Княжуха, прислуживал в вокзальном ресторане на станции Рузаевка «за три рубля в месяц на готовых харчах». Заправляя самовары, перетаскивая волоком большие ящики с углем, отмывая посуду, мечтал о Москве… Дружок и тезка Чичаева, Ванюша Фадеев, перебравшийся в столицу раньше, пообещал, как только заработает, выслать шесть рублей — столько стоил самый дешевый билет на «железке» до Москвы. Слово свое Ваня Фадеев сдержал.

Покорять столицу Чичаев приехал с сорока копейками в кармане. Прямо с вокзала пошел со своим сундучком по улицам искать работу и пристанище. Удалось устроиться в бакалейный магазин на тех, что и в Рузаевке, условиях: три рубля в месяц, хозяйские харчи, угол в общей комнате. Таких ребят никто не вводил в большую жизнь за ручку. Они всего добивались сами, взрослея на глазах. Так и Ваня Чичаев.

В мае 1917 года его зачислили в маршевую работу и отправили на Юго-Западный фронт — 638-й пехотный Ольгинский полк, 160-я пехотная дивизия, 16-й корпус, 8-я армия. Это были еще одни университеты Чичаева. С фронта в Рузаевку он вернулся вполне сложившимся человеком, который ясно знал, с кем быть, за какую жизнь воевать.

На железнодорожной станции еще помнили знаменитую стачку 1905 года. А между тем уже накатывалась новая эпоха… Вскоре после Октября 1917 года в Рузаевке появился отряд Красной гвардии — возглавил его совсем молодой паренек Володя Кирпичников, ему было только восемнадцать. Через два года в 1920-м году в боях с белыми он потерял своего товарища

Ставского и в память о боевом друге взял его фамилию. Писатель Владимир Ставский воевал в республиканской Испании, был на Халхин-Голе, где японские милитаристы проверяли на крепость советскую границу, а погиб на Великой Отечественной в 1943 году, собирая материал для очерка.

Чичаев и Ставский снова встретились в Москве в самом начале 20-х годов. Ваня уже служил в ЧК, Владимир — искал себя в журналистике, литературе. Дружеские отношения остались между ними на всю жизнь. Ставский познакомил Чичаева с Фадеевым, Всеволодом Ивановым, Фединым… У них было общее прошлое: гражданская война, память о товарищах, которые отстаивали новую жизнь.

Иван Лобазин, отчаянно смелый человек, солдат Первой мировой войны, и Петр Прончатов рекомендовали Чичаева в Коммунистическую партию. В те дни белогвардейские отряды уже подступали к Рузаевке. Принадлежность к большевистской партии обещала не льготы, а скорую и жестокую расправу. Но Красная Армия выстояла.

В начале мая 1919 года уездный комитет партии направил Чичаева в ЧК. Он возглавил участковую транспортную Чрезвычайную комиссию (УТЧК). В зоне ее действия были «железнодорожные линии от Рузаевки до Сызрани, Симбирска, Кустаревки, Нижнего Новгорода и Пензы», почти тысяча километров.

Чичаев показал себя дельным организатором и весной 1923 его перевели в Москву — начальником Московского отделения транспортной ЧК Октябрьской железной дороги. Так он во второй раз оказался в Москве. Он работал и учился на вечернем рабфаке при Высшем техническом училище, широко известном как «Бауманка». Но доучиться опять не удалось.

В 1923 году Чичаев делает, может быть, самый главный в своей жизни выбор: становится сотрудником внешней разведки. В жизни каждого из нас бывает такой момент, когда подобно сказочному герою на перепутье приходится решать, по какому пути идти дальше. Ивану Чичаеву этот выбор помог сделать старый большевик, профессиональный юрист Алексей Николаевич Васильев. Одно время он возглавлял трибунал Московско-Казанской железной дороги, которому подчинялся и Рузаевский трибунал. Алексей Николаевич обратил внимание на рассудительного паренька из провинции, возможно, посоветовал при случае перевести его в Москву. В Москве они часто встречались, даже подружились — Иван Андреевич, случалось, обращался к старшему товарищу за житейскими советами. «Для меня он был большим авторитетом, — вспоминал Чичаев о

Васильеве, — и я прислушивался к его мнению и советам».

Осенью 1923 года Васильева назначили полпредом СССР в Монголии. Алексей Николаевич предложил Чичаеву возглавить консульский отдел посольства, «…соблазн работать в дипломатическом представительстве был большой — я согласился, — продолжает свои воспоминания Чичаев. — Однако требовалось согласие на уход с работы моего начальства. А. Н. Васильев переговорил лично с Ф. Э. Дзержинским, который дал согласие на перевод меня в Народный комиссариат иностранных дел. Вот так, недуманно-негаданно, попал в дипломаты. Это был крутой поворот в моей судьбе, определивший мой дальнейший жизненный путь».

Больше в своих воспоминаниях, изданных в 1976 году, Иван Андреевич по вполне понятным соображениям сказать не мог, а жаль. Новая служба ввела Чичаева в круг известных людей, самых крупных специалистов в своей области. Он знакомится с командующим войсками на Дальнем Востоке Иеронимом Петровичем Уборевичем — на квартире советского консула в Кяхте идут его переговоры с Чойбалсаном, командующим монгольской армией; встречается с Иваном Михайловичем Майским, будущим академиком и будущим послом в Великобритании, с советником полпредства в Корее, полпредом Советского Союза в Японии Александром Антоновичем Трояновским…

Можно предположить, что Чичаев назвал далеко не всех, у кого он учился в эти годы, обретая навыки разведчика и дипломата. В 1944 году ему присвоят высокий дипломатический ранг — Чрезвычайного и Полномочного Посланника. Это тоже признание профессионализма.

Примечательный эпизод остался в памяти Чичаева. Из Кызыла после переговоров советская правительственная делегация возвращалась на плоту — дорог в Туву, кроме вьючных троп, не было. «Корабль» миновал несколько опасных порогов, но без приключений все-таки не обошлось. Плот наскочил на один из порогов. Чтобы сдвинуть его с места, пришлось сбросить в реку половину груза и отрубить часть, застрявшую на камнях. Консул трудился вместе со всеми, а потом вспомнил о своем новом увлечении — фотографии. Перебрался по камням на соседнюю скалу и сделал снимок. Конечно, риск был большой — плот в любую минуту мог поплыть дальше, оставив смелого фотографа посреди большой реки. Но Иван хорошо плавал и в крайнем случае надеялся добраться до берега, куда мог пристать и плот. К счастью, все обошлось благополучно, а редкий снимок «кораблекрушения» пополнил семейный альбом.

Корейская командировка Чичаева продолжалась три года. «За эти годы хорошо изучил страну, ее историю, народ, его традиции, обычаи и быт», — пишет он, в своих мемуарах, словно только этим и занимался. В эти три года он стал признанным профессионалом и в своем деле, о котором не принято много говорить. «Меморандум Танаки», добытый Чичаевым, принес ему признание в кругах профессионалов разведки.

Новое назначение — ответственный референт МИДа по Японии — казалось, определяло дальнейшую судьбу Чичаева. Но жизнь распорядилась иначе.

В начале 1934 года Чичаева после неполного года работы в советском генконсульстве в Выборге назначили вторым секретарем полпредства СССР в Эстонии. Ему надлежало заниматься прессой и культурными связями. Официальный статус давал возможность встречаться с творческой интеллигенцией, бывать в редакциях, заводить новые контакты. Но были и неафишируемые задачи.

В «Очерках истории Российской внешней разведки» цитируется директива Центра в резидентуры в странах Балтии на 1933 год: «Необходимо углубить работу по освещению деятельности немцев. А именно:

а) следить за германской политикой в Прибалтике, и в особенности в Эстонии,

б) выявлять работу немецких нацистов по созданию местных фашистских организаций и каналы их связей,

в) освещать влияние Германии на внешнюю и внутреннюю политику Прибалтийских государств и их связи с германскими нацистами».

Резидентуру в Эстонии в 1935–1936 годах возглавлял Иван Чичаев; затем с 1938 по 1940 год он был резидентом «легальной» резидентуры в Латвии. Как установили советские разведчики, «непосредственной разработкой акций политического влияния на правящие круги стран Балтии занимался специальный разведывательный центр военной разведки — абвера — в Кёнигсберге. Немцы подталкивали прибалтов на путь так называемого нейтралитета, за внешне благопристойной формулой которого скрывался отказ от сближения с Советским Союзом, активно выступавшим в то время за создание системы коллективной безопасности с целью обуздания экспансионистских устремлений Гитлера».

Вокруг маленьких стран шла большая игра. Советская резидентура в Латвии сумела получить секретный доклад чехословацкого посла в Риге своему Министерству иностранных дел. «Наиболее многочисленный слой Латвии — крестьянства —

страшится СССР меньше, чем власти баронов, — говорилось в этом документе. — Интеллигенция и лица свободных профессий согласны полностью с настроениями и взглядами крестьянских слоев… Правительство, вероятнее всего, пошло бы вместе с армией и аграрниками против немцев.

Эстония проявляет резко выраженные антирусские настроения. В случае войны она, однако, скорее все же встала бы на сторону России.

Литва до сих пор играла на двух странах — немецкой и русской. Литва также решила бы в пользу России».

Учитывая эволюцию настроений в Прибалтике, разведка направляла руководству страны предложения, сутью которых была необходимость нормализации отношений со странами Балтии. Так, в одной из докладных записок на имя Сталина было предложено, в частности, в интересах расширения сотрудничества с Прибалтикой увеличить импорт эстонской сельскохозяйственной продукции и экспорт бензина в Эстонию, открыть в Таллине отделение Госбанка СССР, издавать коммерческий печатный орган. Ряд предложений касался Латвии.

Кстати, именно по рекомендации Рижской резидентуры, в 1937 году в Москве был оказан самый теплый прием министру иностранных дел Латвии Мунтерсу «несмотря на его прогерманские настроения». Посольство Финляндии в Риге, информируя свой МИД, дало такую оценку визиту Мунтерса: «Вместо 3–4 дней визит продолжался 10 дней. Знаки внимания к министру были необычайно велики. Сам Сталин на завтраке у Молотова более часа говорил с Мунтерсом. Последний сообщил нам, что разговаривал со Сталиным не о внешней политике, а о положении в Латвии. Причем Сталин спросил: что думают в Латвии о помещиках — немецких баронах?»

Помните строки из секретного доклада чехословацкого посла в Риге о «власти баронов»? Вот как отозвался тот доклад, который, как теперь ясно, Сталин внимательно читал; Иосиф Виссарионович решил лично проверить выводы, о которых ему доложили.

Резидентом внешней разведки НКВД в Риге Чичаев был назначен в августе 1938 года. Официально он значился первым секретарем полпредства СССР, но уже вскоре стал советником полпредства. 19 октября 1939 года он, Поверенный в делах полпредства СССР в Латвии, писал наркому иностранных дел В. М. Молотову:

«Подписанный 5 октября с [его] года пакт о взаимной помощи до некоторой степени разрядил наблюдавшиеся последнее время напряжение и растерянность в

правительственных кругах. Однако полного успокоения пакт не внес. Правящие классы вместе со своим правительством не верят в прочность и долговечность создавшегося положения после заключения пакта. Страх перед возможностью большевизации Латвии связывается с предстоящим вводом сюда наших военных частей для охраны военно-морских баз, аэродромов. Господствующие классы боятся также выступления революционных сил внутри страны…

Для характеристики позиции правительства интересно отметить следующий] факт: здесь почти открыто говорят, что перед заключением пакта правительство Ульманиса усиленно добивалось поддержки своей позиции в Берлине. Оно решилось на заключение пакта только после того, когда получило ответ, что Германия никаких интересов, кроме экономических, в Прибалтике не имеет. Видимо, привычка согласовывать свои действия с западноевропейскими державами продолжает довлеть над правительством до сих пор…

В последние дни положение осложнилось мероприятием германского правительства о переселении местного немецкого населения в Германию, о чем я уже информировал Вас по телеграфу. Более подробные данные по этому вопросу Вы найдете в материалах, которые мы передаем по линии ТАСС».

11 октября Пакт о взаимопомощи между СССР и Латвией вступил в силу. Но со стороны Латвии это был вынужденный шаг. «Совершенный поворот правительством Ульманиса может быть оценен как формальный — писал в Наркомат иностранных дел полпред СССР в Латвии И. С. Зотов. — Руководящему, правительственному, военному и хозяйственному аппарату они дали инструкцию, что отношения с Советским Союзом и после договора о взаимопомощи не должны быть теплее и дружественнее, чем до заключения этого договора».

Незадолго до этого, в октябре 1939 года в Либавский порт (Лиепая) прибыла советская эскадра: крейсер «Киров» и два эсминца. От имени советского полпредства их встречал советник полпредства Иван Андреевич Чичаев, другие товарищи. Латвийский генерал Данкерс устроил прием в честь советских моряков.

— Я думаю, что защита Балтийских берегов теперь реальна и эффективна, — говорил он. — Я пользуюсь случаем поднять тост за великого вождя народов и руководителя Советского государства.

По предложению латвийской стороны была создана Смешанная комиссия для решения текущих вопросов, которые накатывались волной один за другим. Председателем советской

части комиссии был назначен И. Чичаев. Он последовательно отстаивал интересы Советского Союза. Дошло до того, что в ходе беседы с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым посланник Латвии в СССР Ф. Коциньш предложить заменить Чичаева. Вот эта выдержка из записи их беседы, датированная 20 января 1940 года.

«Коциньш, поблагодарив за прием и передав тов. Молотову привет от президента Мунтерса, поставил следующие вопросы:

1. О желательности иметь председателем советской части делегации в советско-латышской Смешанной комиссии вместо советника полпредства тов. Чичаева представителя командования советских частей.

Коциньш выразил удовлетворение началом работы указанной Комиссии.

Тов. Молотов заметил, что при назначении председателем советской части Комиссии советника Чичаева нам казалось более удобным иметь председателем не военного».

Через несколько месяцев в мае 1940 года, Центр срочно затребовал в Москву резидента в Латвии И. А. Чичаева, сотрудника резидентуры Е. И. Кравцова и резидента в Эстонии С. И. Ермакова. Как оказалось, их вызвали по личному поручению Сталина. Иосиф Виссарионович хотел из первых рук узнать о положении в странах Прибалтики, настроениях населения. Сам факт такой встречи выразительно говорит о том, как тщательно Сталин готовил свои решения, как скрупулезно проверял и перепроверял информацию.

В Кремль гости прикатили в одной машине с наркомом — им был Берия. Лаврентий Павлович проследовал в кабинет Сталина, а его спутники приготовились ждать вызова. Но их тут же пригласили в кабинет Сталина. Кроме хозяина и Берия, там были Молотов и Жданов. Сталин попросил Чичаева рассказать об обстановке.

Чичаев подробно доложил «о военных приготовлениях латышей, их тайных переговорах с нацистами, действиях латвийской охранки». После ряда дополнительных вопросов и ответов, когда Чичаев и его коллеги уже собрались выходить из кабинета. Молотов, словно бы невзначай, проговорил:

— Ждите скоро в гости!

А Сталин счел необходимым добавить, хотя это было ясно и так:

— О сегодняшнем разговоре здесь — никому ни слова. Немедленно возвращайтесь к месту работы.

Тем же летом в трех прибалтийских республиках сменилась власть. Советская история называла эти перемены народными

революциями. Западная — твердила, да и твердит о советской оккупации. Латвия и сейчас, в первые годы XXI века, судит советских чекистов и партизан, которые боролись с фашистами. А суть проста: Советский Союз укрепил свою безопасность на прибалтийском направлении. В условиях возрастающей угрозы со стороны фашистской Германии это было единственно верным решением.

Когда в Риге провозглашали советскую власть, Иван Андреевич Чичаев был уже на другом берегу. Он, резидент советской внешней разведки в Швеции, докладывал о своем прибытии послу Советского Союза Александре

Михайловне Коллонтай. Конечно, ему хорошо было известно ее имя, дочери царского генерала, одного из первых советских наркомов, талантливого, полемичного литератора.

«Я впервые услышал имя Коллонтай после Февральской революции, — вспоминал Чичаев. — Однако о том, что в дальнейшем мне придется работать вместе с ней, даже не мечтал.

Александра Михайловна приняла меня в своем кабинете, обстановка которого показана в кинофильме «Посол Советского Союза». А. М. Коллонтай было тогда 68 лет, но я увидел бодрую, энергичную женщину с живыми голубыми глазами, она встретила меня приветливой улыбкой, словно старого знакомого. Поблагодарив за приветы, которые в Москве просили меня передать ей, она расспросила, как я долетел, где устроился, не нужна ли ее помощь; поинтересовалась, в каких странах работал я раньше, какими иностранными языками владею, какое у меня образование. В то же время тактично разглядывала меня, как бы прикидывая, на что я способен. Я также старался делать это, незаметно изучал черты ее лица, выражение глаз, жесты, манеру говорить и держаться.

— Ну что же, Иван Андреевич, очень рада вашему приезду, устраивайтесь, отдыхайте, потом я введу вас в курс дела, — закончила она нашу первую беседу».

Таких бесед за год с лишним работы Чичаева в Стокгольме было много. Она приглашала Чичаева и на чашечку кофе, когда вспоминала о встречах с Лениным и Крупской, и на беседы с официальными лицами, политическими и общественными деятелями… Чичаев с большой признательностью пишет о том, как помогала ему Коллонтай, каким тесным и плодотворным было их взаимодействие.

На эту деталь стоит обратить особое внимание и потому, что в первые постсоветские годы из МИДа России прозвучал призыв освободиться от разведчиков: пусть, дескать, находят себе другую «крышу». Трудно упрекнуть инициаторов таких призывов в

политической наивности, все граждане вроде бы опытные, не вчера появились на свете. Почему же торопились «очиститься»? Разве мир за эти годы стал безопаснее? Или исчезли уже национальные интересы? И почему не слышно таких призывов из заокеанского Госдепа или из Пекина, Берлина?

Думается, Александра Михайловна Коллонтай своим подчеркнутым вниманием к резиденту разведки своей страны показывает пример и многим нынешним дипломатам.

Чичаев и Коллонтай расстались за одну неделю до начала Великой Отечественной войны. Ивану Андреевичу предстояло принять должность начальника англо-американского отдела центрального аппарата разведки.

В субботу, 21 июня 1941 года, он с женой добрался до Москвы. Первый звонок, как положено, на службу. Спокойный ответ:

— Отдыхайте с дороги, Иван Андреевич. Явитесь к начальству в понедельник.

Но между той, мирной субботой, и первым днем войны пролегла пропасть. Она разделила все, что было в нашей жизни на «до войны», войну и после войны. В пятом часу утра 22 июня 1941 года Чичаева поднял тревожный звонок.

— Объявлена тревога! Вам следует немедленно явиться на Лубянку.

…Вскоре после начала войны правительство Великобритании обратилось к руководству СССР с предложением «наладить сотрудничество между английской и советской разведками в борьбе против общего врага — фашистской Германии». Так после обстоятельных переговоров было подписано совершенно секретное соглашение, по которому стороны брали на себя обязательства «обмениваться разведывательной информацией о Германии, проводить совместными усилиями диверсионно-разведывательные операции на ее территориях и в оккупированных ею государствах, взаимодействовать при заброске в эти районы агентуры и обеспечивать с ней радио- и иную специальную связь». В Москве миссию английских спецслужб возглавил полковник Хилл, знакомый с Россией по операциям 1917–1918 годов, один из участников широко известного «заговора Локкарта». В Лондоне миссию советской внешней разведки возглавил Иван Чичаев, красногвардеец, чекист. Вот как удивительно порой смыкаются людские судьбы.

Сотрудничество двух спецслужб, безусловно, принесло обоюдную пользу. Но вот одно обстоятельство тревожило Ивана Андреевича Чичаева и в военные годы, и много лет после войны.

Та загадка не раскрыта до сих пор.

Речь идет о судьбах наших агентов, которых центр готовил для заброски в Германию, Австрию, Францию и Голландию. Их переправляли в Англию группами по два-четыре человека. Здесь на конспиративных квартирах продолжалась «дополнительная, строго индивидуальная учеба, включавшая, в частности, тренировочные прыжки с парашютом, ориентирование на местности по немецким картам и т. д. В обязанности английской стороны входила также соответствующая экипировка наших людей, снабжение их продуктами питания, германскими продовольственными карточками, предметами диверсионной техники». По этой части англичане, надо отдать им должное, были большими мастерами. Некоторым агентам — с их личного согласия и одобрения советской стороны — делались пластические операции.

«К сожалению, ни одна акция не была доведена до конца, — отмечают авторы «Очерков истории Российской внешней разведки». — Агенты-исполнители, переправленные за линию фронта, бесследно исчезли, не дав ничего о себе знать в соответствии с условиями связи. Судьба этих отважных людей оказалась трагичной. О большинстве из них ничего не известно до сих пор».

…До марта 1944 года в Англию отправили 36 агентов. Трое погибли во время полета, 29 были выброшены в Германию, Австрию, Францию, Голландию, Бельгию и Италию. «Выброшены» — в данном случае профессиональный термин, но каким же холодом веет от него.

Агенты один за другим уходили в безвестность. На документах, и то не на всех, остались лишь пометки: «Высажен, но связи нет».

Докладывая Центру о сотрудничестве с англичанами в апреле 1942 года, Чичаев писал, что оно «в части переброски людей себя не оправдало. Затягивание переброски, отказ снабжать нас немецкой документацией, нежелание производить переброску в отдаленные районы, наконец, повторение несчастных случаев — все это выглядит подозрительно и свидетельствует о саботаже». Четырех агентов — «группу Гофмана», подобранную из австрийцев — англичане перевербовали, но в конце концов их удалось вернуть в Советский Союз.

Наверное, по архивным материалам можно восстановить судьбы агентов, которых советская и английская разведки забрасывали в Германию, Австрию, Францию, другие страны… Кто-то из них погиб под пытками. Кто-то, хочется в это верить, дождался освобождения из фашистских застенков…

Кроме службы в миссии, у Ивана Андреевича Чичаева была еще одна государственная обязанность — советник посла Советского Союза при эмигрантских правительствах Бельгии, Голландии, Греции, Норвегии, Польши, Франции, Чехословакии и Югославии. После отъезда посла А. Е. Богомолова Чичаев исполнял обязанности Временного поверенного в делах СССР при названных правительствах. Именно в это время, 15 апреля 1945 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР ему был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса.

…Эмигрантская житуха равняет всех — и вчерашних господ положения, и нынешних изгнанников. Какими королями еще пару лет выглядели хозяева Польши! Когда Франция и Англия бросили Чехословакию к ногам Гитлера, когда собственный министр иностранных дел называл ее «фикцией, государством без всякого значения», бросилась урвать кусок и Польша. 30 сентября 1938 года министр иностранных дел Польши Ю. Бек направил депешу послу Польши в Чехословакию К. Папэ. Министр обязал посла вручить чехословацкому правительству ноту, «которая является ультиматумом, целью которого является положить конец фальшивой игре соседей и показать, что, защищая справедливые интересы и честь нашего государства, польское государство не остановится даже перед самым большим риском.

Вышеуказанную ноту Вы должны любой ценой вручить до 23 часов 59 минут сегодняшнего дня, так как срок данного ультиматума истекает завтра, 1 октября, в 12 часов дня».

Ах, как спешили господа положения воспользоваться чужой бедой! В тот день Масарик, посол Чехословакии в Лондоне, обычно сдержанный и даже несколько циничный, обнимая Ивана Майского, расплакался, как ребенок. «Они продали меня в рабство немцам, — говорил он об Англии, Франции, — как когда-то негров продавали в рабство в Америке!»

Рассказывая об этом эпизоде Чичаеву, Майский добавлял, что Масарик умеет заглянуть и в завтрашний день, а польские деятели не видят дальше сегодняшнего. И это было очень точной оценкой. 26 января 1939 года министр иностранных дел Польши Ю. Бек в беседе со своим немецким коллегой Риббентропом не скрывал, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». Той же осенью немецкие войска вошли в Польшу. Началась Вторая мировая война.

После победы Ивана Андреевича Чичаева назначили политическим советником посольства СССР в Финляндии. Однако до Хельсинки он не доехал — его знания, опыт, контакты, приобретенные в годы дипломатической службы при

эмигрантских правительствах в Лондоне, оказались более необходимыми в Чехословакии. Два года жизни Чичаева связаны с прекрасной страной в центре Европы, которая возрождала свою государственность после мрачных лет фашистской оккупации.

Сохранился редкий снимок, сделанный вскоре после победы: группа советских журналистов с министром иностранных дел Чехословакии Яном Масариком, сыном первого президента страны Томаша Гаррига Масарика.

Так подписан снимок в документальной повести о Масарике «Дипломат веселой мысли и печальной души», изданной в 2000 году в Праге. Слева рядом с Масариком — улыбается Иван Чичаев, справа Борис Полевой. Да, это сорок пятый год, но не раньше 30 июля — именно в этот день Масарик после семи лет эмиграции вернулся на родину. Среди тех, кто встречал его в пражском аэропорту Рузине, были послы Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании… Министр обрадовался, увидев и своего давнего знакомого Ивана Чичаева, ныне Чрезвычайного и Полномочного Посланника. Они не раз встречались в Лондоне. Оттуда Масарик обращался к соотечественникам со словами надежды и веры: «Перечитываю сейчас «Войну и мир», этот великий роман Толстого…» Он верил в то, что у России появится новый Кутузов, верил в победу и в те горькие дни, когда Красная Армия отступала к Москве и Сталинграду… Конечно, Чичаев знал об этом. Они вместе искали пути сотрудничества наших стран. И не лишне напомнить сейчас, что уже в начале войны Советский Союз, несмотря на разгром Чехословакии — вместо нее гитлеровцы образовали протекторат Богемия и Моравия и марионеточное Словацкое государство, — признал ее в прежних границах. А затем подписал с этой непокоренной страной договор о сотрудничестве. В СССР была сформирована чехословацкая воинская часть, первое иностранное соединение, которое плечом к плечу с Красной Армией воевало против фашистов. Командовал корпусом генерал Людвик Свобода, будущий президент Чехословакии. В той или иной мере всеми этими сложнейшими проблемами, контактами с эмигрантскими правительствами пришлось заниматься Чичаеву.

В послевоенной Праге столкнулись интересы вчерашних союзников. Американская и британская разведки активно вербовали агентов, охотились за художественными ценностями и архивами, нарушая при этом элементарные нормы.

Так, 10 февраля 1946 года в Праге объявилась группа из тринадцати американцев. Впрочем, американцев было двенадцать, а тринадцатым — пленный офицер СС Гюнтер Ашенбах, которого переодели в американскую униформу и

выдали документы на имя некоего Ланга, местного жителя. Ланг-Ашенбах показал американским разведчикам место, где весной 1945 года немцы упрятали в штольне более тридцати ящиков с совершенно тайными документами пражского гестапо за 1940–1945 годы, списками чешских сотрудников гестапо, материалами немецких исследовательских проектов… Гости нагло выгребли все это богатство и укатили на своих «студебеккерах» в Баварию, в американскую зону оккупации, не поставив даже в известность чехословацкие власти.

Разгорелся грандиозный скандал. В конце концов американцы привезли в Прагу те же 30 ящиков, но кто бы поверил, что они вернулись со всем содержимым!

Вот в такой обстановке, порой в прямом противодействии со вчерашними союзниками, пришлось работать и Чичаеву.

В 1947 году его отозвали в Москву, он работает начальником отдела, а затем заместителем начальника управления центрального аппарата разведки.

Десятого марта 1948 года приходит трагическая весть из Праги: погиб Ян Масарик. Самоубийство? Или кто-то расправился с министром иностранных дел, который был так близок к коммунистам, что даже Клемента Готвальда, в ту пору председателя правительства и главу КПЧ, называл дружески: «Клемо»? Ответа нет до сих пор.

Иван Чичаев искренне переживал о потере этого талантливого, душевно ранимого человека.

А самому ему предстояла еще одна длительная зарубежная командировка в Берлин. Но всего через полгода Ивану Чичаеву пришлось проделать обратный путь. В сопровождении врача.

Ему суждена была долгая жизнь, до 88 лет, но уже без любимой работы. Такие нагрузки, как выпали ему, не проходят бесследно…

В. АНДРИЯНОВ

Ян Черняк

Разведчику-нелегалу Главного разведывательного управления Генерального штаба (ГРУ ГШ) Яну Черняку Золотую Звезду Героя России вручили 9 февраля 1995 года в одной из московских больниц. Вручая награду, начальник Генерального штаба генерал-полковник Михаил Колесников назвал Черняка «настоящим Штирлицем».

Что скрывается за этим сравнением? Полностью на вопрос нельзя ответить даже сегодня — досье разведчика по-прежнему на особом хранении и недоступно для посторонних глаз. И все же автору было позволено перелистать некоторые его страницы.

Последние несколько дней он был в коме, и сознание редко возвращалось к нему. Жена дни и ночи проводила у постели больного. Обессиленную, ее сменяли коллеги-врачи. Однажды он начал бредить, и сиделка услышала немецкую речь. Женщина отшатнулась, словно столкнувшись с чем-то таинственным. Бред больного живо напомнил ей сцены из известных фильмов «про шпионов». Тем более что к тому времени многие газеты сообщили о присвоении разведчику Яну Петровичу Черняку звания Героя Российской Федерации.

И все же приезд в районную больницу группы генералов со свитой вызвал у медперсонала переполох. Такая представительная команда появилась в этих стенах впервые. Врачи и сестры недоумевали: как же начальники будут вручать награду? Ведь больной которые сутки не приходит в себя…

Но случилось невероятное. Какая-то неведомая сила вернула Черняка к действительности. Может, это была выработанная годами воля разведчика, которая преодолела на время тяжелую болезнь. Почувствовав в пальцах, сведенных болью, металл награды, он тихо произнес:

— Служу Отечеству!

Это были последние слова человека, который значительную часть своей жизни прожил по легенде — так люди его круга называют отличную от настоящей биографию. Через десять дней в той же невзрачной палате, где стонали еще четверо больных, Черняк ушел из жизни.

Даже из того немногого, что открыло Главное разведывательное управление, видны титанический труд этого человека, широта проблем, над которыми он работал, его вклад в укрепление обороны страны. Даже сегодня, спустя десятилетия, о нем можно рассказать только часть известного узкому кругу профессионалов, только приоткрыть полог тайны. Ряд стран, где

работал Черняк, не могут быть названы. Некоторые из сотрудничавших с ним людей живы и, будучи раскрытыми, могут подвергнуться гонениям.

Накануне и в годы Второй мировой войны в ряде стран Европы успешно действовала крупная нелегальная резидентура ГРУ ГШ, которую возглавлял Ян Черняк. Входившие в нее источники информации добывали особо ценные образцы и документальные материалы по широкому спектру важнейших направлений развития систем оружия и военной техники. Перечень областей, в которых работали помощники Черняка, вызывает восхищение и заслуживает того, чтобы привести их по возможности полно.

Это авиация, в том числе и реактивная, новейшие технологии и материалы, применяемые в самолетостроении, авиадвигатели и стрелково-пушечное вооружение летательных аппаратов, бортовое радиоэлектронное оборудование, авиационные бомбы и реактивные снаряды, ракетная (в частности, ФАУ-1 и ФАУ-2) и бронетанковая техника, артиллерийские системы, химическое и бактериологическое оружие и защита от него, средства радиосвязи, радиолокации и радионавигации, инфракрасная и телевизионная техника, морское минно-торпедное оружие, средства обнаружения подводных лодок и радиоэлектронного противодействия.

Уточним одно обстоятельство: в Центр направлялись не короткие телеграфные донесения и радиограммы, а сотни листов секретных материалов, технической документации, чертежи и даже образцы. С началом войны связь с агентами в европейских странах была нарушена, не действовали и дипломатические каналы. Так случилось и с группой Черняка. Он не опустил руки, продолжал работать, методично и настойчиво старался найти выход. И каналы были найдены. Особенно плотный поток материалов пошел в Центр с 1942 года.

Переданные курьерской связью в Центр материалы позволили в самые короткие сроки и с минимальными затратами организовать и наладить производство подобных, а зачастую и более качественных отечественных систем. В подтверждение приведем лишь некоторые официальные отзывы наших специалистов на добытую сотрудниками Черняка информацию. И только в одной области — радиолокации.

Материалы из ГРУ направлялись в конструкторские бюро, институты, министерства обезличенно. Отзывы подписаны заместителем председателя Совета по радиолокации при Государственном Комитете Обороны (ГКО) инженер-вице-адмиралом А. И. Бергом.

Аксель Иванович Берг (1893–1979) в годы Великой Отечественной войны провел большую работу по созданию теории и методов расчета радиоприемных и радиопередающих устройств, применению УКВ для связи, навигации и радиолокации, выдвинул и разработал ряд проблем в области радиоэлектроники, имевших важное значение для обороноспособности страны.

«26 мая 1944 года. Присланные Вами за последние 10 месяцев материалы представляют очень большую ценность для создания радиолокационного вооружения Красной Армии и Военно-Морского Флота. Особая их ценность заключается в том, что они подобраны со знанием дела и дают возможность не только ознакомиться с аппаратурой, но в ряде случаев изготовить аналогичную, не затрачивая длительного времени и значительных средств на разработку. Кроме того, сведения о создаваемом немцами методе борьбы с помехами позволили начать разработку соответствующих контрмероприятий».

«11 июня 1944 года. Полученные от Вас материалы на 1082 листах и 26 образцов следует считать крупной и ценной помощью делу. Уполномоченный ГКО академик т. Вавилов просит о принятии мер к получению следующей части материалов».

14 октября 1944 года Берг просит направлять материалы по радиолокации непосредственно в Совет, при котором организован «специальный отдел для обработки присылаемых Вами материалов». О том, что просьба была выполнена, свидетельствует следующий отзыв.

«30 декабря 1944 года…Получил от Вас 475 иностранных письменных материалов и 102 образца аппаратуры. Подбор материалов сделан настолько умело, что не оставляет желать ничего иного на будущее. При вызванном военными обстоятельствами отставании нашей радиолокационной техники от заграницы и при насущной необходимости развивать у нас эту технику в кратчайшие сроки для своевременного оснащения нашей армии и флота радиолокационным вооружением и оружием защиты от радиолокации противника, полученные от Вас сведения имеют большое государственное значение. Работу ГРУ за истекший год в данной области следует признать выполненной блестяще».

Есть среди пронумерованных документов и другие авторитетные отзывы, к примеру, народного комиссара электропромышленности Ивана Кабанова, академика Алексея Крылова, известного кораблестроителя.

Последнее заключение Берга датировано 26 декабря 1945 года: «…Получил от ГРУ 811 иностранных информационных

материалов (в том числе 96 листов чертежей)… описаний и инструкций новейших радиолокационных станций, отчетов по тактическому применению радиолокационных средств… Совет готов поддержать представление работников, участвовавших в этой работе, к правительственным наградам или премированиям».

В апреле 1946 года источники резидента Яна Черняка получили награды: два человека были удостоены орденов Ленина, четыре — Трудового Красного Знамени, восемь — орденов Красной Звезды, еще двое — ордена «Знак Почета». В списке из 16 человек не было лишь фамилии руководителя сети. Черняка включали в списки и потом, но представления «спотыкались» где-то в высоких сферах…

Ян (Янкель Пинхусович) Черняк родился 6 апреля 1909 года в австро-венгерской провинции Буковине, которая в прошлом веке успела побывать в составе Румынии и СССР, а теперь это Черновицкая область Украины. Отец был выходцем из Чехии, мать родом из Будапешта. Родители в Первую мировую пропали без вести, и Ян попал в детский приют.

В 1927 году он, окончив среднюю школу, поступает в Высшее техническое училище в Праге. Получив диплом инженера, работает в столице на небольшом электротехническом заводе. Экономический кризис оставил его без работы. Приходилось давать уроки английского, заниматься переводами в библиотеках пражских вузов. После известного Мюнхенского сговора он уезжает в Париж, а перед оккупацией Франции — в Цюрих и там перебивается частными уроками.

«После нападения Германии на СССР, — написано им в автобиографии, — вел активную борьбу в тылу врага, выполняя задания советского командования». Дело в том, что отец Яна состоял в Румынской социал-демократической партии. Это, естественно, сказалось на формировании взглядов юноши. В школьные годы — он член Социалистического союза молодежи. Выехав для продолжения образования в Берлин, вступает в Социалистическую, затем в Коммунистическую партии Германии. Здесь энергичный, молодой, образованный партийный активист попадает в поле зрения представителя советской военной разведки. Это круто меняет его жизнь. В середине 1930 года после беседы с человеком, носящим оперативный псевдоним «Матиас», Черняк связывает свою судьбу с разведкой. Еще не представляя, конечно, сколь трудная и опасная ждет его жизнь.

Работая в 1930–1935 годах в нескольких европейских странах, Черняк добывает и передает в Центр военную и военно-техническую информацию по Германии и ее союзникам. У него

формируется свой стиль работы: крайняя осторожность, тонкое знание конспирации, умение логикой и аргументами привлечь к сотрудничеству людей, представляющих интерес. Высокая общая эрудиция, глубокие инженерные и экономические знания позволяли разведчику выявлять перспективные направления науки и техники. Сыграли, видимо, свою роль личное обаяние или, как сказал один из знавших его людей, гипнотизм Черняка, знание в совершенстве нескольких языков. К 1934 году Черняк успешно руководит самостоятельной разведывательной организацией.

Но одних только личных качеств, видимо, было бы недостаточно для такой сложной работы. Помогало само время. Многих людей в те годы объединяло стремление противостоять наступающему фашизму. Влиятельной силой был Коминтерн. Приехав в ту или иную страну, Черняк по партийным каналам выходил на людей со связями, организаторскими способностями, которые и ориентировали его. Ян никогда не занимал высоких постов в странах пребывания, напротив, должности и профессии его всегда были скромными. Во многом это диктовалось условиями работы, необходимостью конспирации. В своем отчете о работе в Европе, хранящемся в ГРУ, он рассказывает о некоторых профессиях, которые ему пришлось освоить: был лектором, коммерческим агентом, «чтобы объяснить мои нерегулярные рабочие часы». Но помощники, источники разведчика — это уже уровень сотрудников министерств, крупных заводов и фирм. Среди его источников — секретарь министра, глава исследовательского отдела авиационной фирмы, офицер разведки, высокопоставленный военный в штабе…

Переломным для разведчика стал 1935 год. Провал человека, который не имел прямого отношения к разведывательной сети, но знал Черняка по совместной партийной работе, вынудил его уехать. Впервые оказавшись в Москве, разведчик прошел непродолжительную специальную доподготовку в Центре под непосредственным руководством А. Х. Артузова, известного по операциям «Трест» и «Синдикат». К тому времени с должности начальника Иностранного отдела ОГПУ Артузов был переведен заместителем начальника четвертого (разведывательного) управления Генштаба Красной Армии.

…В Москве начинались процессы против «врагов народа». Арестовали «Матиаса» — «крестного отца» разведчика Черняка. Наверное, нависала опасность и над Черняком. Но его направили в Швейцарию.

Новая командировка, под журналистским прикрытием, планировалась на один-два года, а продлилась более десяти лет.

Черняк создал небольшую, но со значительными возможностями нелегальную агентурную группу. По некоторым данным, она называлась «Крона». К середине войны группа выросла в мощную разведывательную организацию, включающую в себя около 35 источников ценной информации, в большинстве своем работавших бескорыстно. Лично Черняк привлек к сотрудничеству 24 человека.

Источники группы передавали бесценную информацию. На их фоне тускнеет даже собирательный образ Штирлица, вобравший в себя лучшие черты многих разведчиков высокого класса. Советское командование своевременно получало от Черняка подробные данные о системах противовоздушной и противолодочной обороны Германии, о боевых возможностях, огневой мощи и конструктивных особенностях германской военной техники и боеприпасов, оперативно-тактических приемах вермахта и военно-воздушных сил.

Добывал Черняк и секретные материалы, позволяющие достоверно судить о состоянии оборонных отраслей промышленности и производственных мощностях, запасах стратегического сырья и потребностях в нем, и многое другое, что позволяло провести объективную оценку военно-экономического потенциала воюющих стран. Если перейти к некоторым частностям, то можно назвать данные о запасах олова, вольфрама, никеля, количестве новых самолетов и маршрутах их перегонки. Или: немцы приступили к производству нового танка, с присущей им тщательностью отработали техническое описание, инструкцию по ведению боя. Все эти документы скоро попали в Москву. Перед событиями на Курской дуге Центр получил от Черняка сведения о присадке к стальным сплавам, из которых немцы изготовляли артиллерийские орудия. В результате живучесть стволов советских орудий была повышена в несколько раз.

Еще гремели бои, а тогдашние союзники СССР — Великобритания и США — уже набрасывали планы послевоенного устройства мира, использования в своих интересах промышленного и научно-технического потенциала Австрии и Германии, послевоенного противостояния с Советским Союзом. Секретные доклады с этой информацией поступали руководству СССР.

Особо следует сказать о том, как резидентура Черняка добывала информацию о создании «урановой бомбы», получившей впоследствии название атомной. С середины 30-х годов такие работы велись в Германии, Великобритании, Канаде и США. Чтобы проиллюстрировать результаты работы разведчика,

приведу перечень только одной «отправки» в Центр по этой тематике: доклад о ходе работ по созданию атомной бомбы с указанием научноисследовательских объектов США, исходных материалов для бомбы с описанием установок для отделения изотопа урана, процессе получения плутония, принципе создания и действия «изделия»; образцы урана-235 и урана-233; доклад об устройстве и действии уранового котла с чертежами. Даже неспециалисту понятна огромная значимость этих документов.

О том, как советская военная разведка принимала участие в добыче информации о ядерных разработках, в силу разных причин писалось немного. Черняк получал «ядерную» информацию от уже существовавших источников, первоначально ориентированных на другую тематику, затем появились новые. Среди них был и ученый с мировым именем, сотрудник секретной Кавендишской лаборатории, секретарь Бристольского, затем Кембриджского отделения Ассоциации научных работников Великобритании Алан Нанн Мэй. В свое время он учился с Дональдом Маклином, будущим агентом советской разведки, сочувствовал СССР. В британской ядерной программе «Тьюб Элойз» участвовал с апреля 1942 года. Завербованный Черняком, он получил псевдоним «Алек» и до конца 1942 года передавал ценную информацию. В январе следующего года Мэя переводят в Монреальскую лабораторию. С Черняком он оговорил условия встречи на новом месте.

Однако попытка «пристегнуть» Черняка, носившего тогда оперативный псевдоним «Джен», и его помощников к группе Шандора Радо, как это из-за недостатка информации было сделано в нашей прессе после «раскрытия» разведчика, не имеет под собой почвы. Не имел отношения он и к «Красной капелле» Леопольда Треппера. Да, они работали в одно время, даже порой в тех же странах, но пути их никогда не пересекались. Более того — и не должны были пересекаться. Группа Треппера была ликвидирована в 1942 году, Радо — в 1944, ни один из агентов Черняка не оказался в руках гестапо. Не имел Черняк контактов и с Клаусом Фуксом, с четой Розенбергов, поставлявших в СССР ядерную информацию.

Черняк не признавал авторитетов, на все имел свое собственное суждение. Мог раскритиковать и решения самого высокого начальства. В те годы, да и в наши тоже, пусть и в меньшей степени, такое не прощалось. Видимо, отчасти поэтому Черняка некоторое время обходили наградами, а после возвращения в Москву не использовали с тем масштабом, на который он был способен. Не реализован был и план посылки его в очередную длительную командировку, чтобы осесть в одной из

стран.

Дважды разведчика представляли к ордену Ленина, один раз — к ордену Октябрьской революции. Но реализовано было только одно представление — в 1958 году за послевоенные командировки для выполнения специальных заданий, с которыми он справлялся с присущими ему профессионализмом и мастерством, Ян Петрович был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Когда Черняку исполнилось 85 лет, руководство и комитет ветеранов военной разведки предприняли очередную попытку воздать должное человеку, так много сделавшему для страны. Докладная записка была поддержана первыми лицами Министерства обороны России и наконец-то дошла до президента.

…Однако вернемся с прошедшим доподготовку в Москве Яном Черняком в предвоенную Европу. В октябре 1938 года он переезжает в Париж. Перед тем как германские войска вошли во французскую столицу, разведчик перебирается в Цюрих, а затем в Англию.

Попробуем, насколько это теперь возможно, понаблюдать сквозь толщу лет за работой разведчика, познакомиться с его «кухней». Сразу оговорюсь: упоминая какие-то государства, я вовсе не хочу сказать, что именно в них работал наш герой. Черняк в те годы колесил по предвоенной Европе, часто проезжая то одну, то другую страну как транзитный пассажир.

Итак, после посещения Москвы его легальный румынский паспорт был «испорчен» советской визой. При неблагоприятном стечении обстоятельств она могла стать веской уликой и вызвать нежелательные последствия. Но для обратной дороги паспорт еще был нужен, и потому в нем стояли визы польского и австрийского консульств в Москве. После прибытия в Вену, перед регистрацией в гостинице, Черняк должен был уничтожить легальный паспорт и заменить его точной копией, подготовленной в Центре. Новый документ был зашит между подкладками чемодана.

Единственной поправкой в «липовом» паспорте была замена всех виз и печатей, касающихся поездки из Берлина в Москву. Так создавалось впечатление, что два месяца — до середины 1935 года — владелец паспорта оставался в Берлине и оттуда направился в Вену. Срок «липового» паспорта, как и подлинного, истекал. Перед тем, как направиться еще в одну страну, его следовало продлить в румынском консульстве в Париже. В Центре купили железнодорожный билет до Вены, выдали 80 американских долларов на покупку билета 2-го класса от Вены до Парижа и уплату за французскую и швейцарскую визы, изложили

условия встречи с человеком ГРУ в Париже — опознавательные приметы, пароль и так далее. В Москве остался чемодан Яна Петровича с некоторыми личными вещами. Для него это был своего рода символ: он сюда еще вернется.

В пути обошлось без приключений, в Вене же Черняка ожидали две неприятности. В гостинице, где он намеревался снять номер, спросили паспорт. «Липовый», который надлежало предъявить, был спрятан так хорошо, что извлечь его было трудно. В поезде, на виду у попутчиков, разведчик сделать этого не мог. Отойти с большим чемоданом, например, в туалет тоже нельзя, вызовешь подозрение. Ян Петрович невольно вспомнил «паспортистов» — оба были в больших чинах. Они сослужили бы ему хорошую службу, спрятав документ в маленьком чемоданчике, с которым, не привлекая внимания, можно было отлучиться на минуту-другую.

Портье молча ждал. Пришедшую было мысль предъявить настоящий паспорт Ян отбросил, принялся не спеша, заполнять анкету, усиленно соображая, как выйти из положения. Смущение, растерянность, которые бы наверняка проявил человек обычный, насторожили бы портье. На подобных мелочах «сыпались» и опытные разведчики. А ведь из таких «мелочей» и состоит жизнь нелегала. Покончив с анкетой, Черняк спокойно сказал, что паспорт находится в багаже, он предъявит его, когда распакует чемодан и спустится в ресторан на ужин. Версия не вполне убедительная, но пришлось использовать ее. Заметим, что разведчик сказал правду.

Вторая неприятность ожидала Черняка утром, когда он отправился во французское консульство в Вене. В визе ему отказали, предложив вернуться в Берлин, где «прописан», и там во французском консульстве получить ее. В Вене на тот момент не было человека, с которым разведчик мог бы связаться и получить помощь. И он, поколебавшись, предложил клерку взятку. Чиновник улыбнулся: это другое дело. И пообещал визу в Париж на две недели, если господин сможет доказать, что вернется в Вену. Доказательством мог быть обратный билет из Парижа. Яну Петровичу пришлось потратиться. Денег после взятки хватило лишь на 3-й класс вместо 2-го, как было условлено.

Существует неверное, на мой взгляд, представление о неограниченных финансовых возможностях разведки. Разведчики сберегают для государства огромные средства, но сами зачастую вынуждены считать каждый рубль, доллар, марку…

«Скупость в финансовых вопросах Центра в… последние годы, — напишет позднее в отчете Черняк, — создавала

трудности для меня. Не многое помогло успешно развивать нашу работу так, как полное изменение отношения к финансовым вопросам». До того как изменение все же произошло, разведчику не раз приходилось крайне туго, и он вынужден был экономить, порой даже на еде.

В первые годы работы в разведке он получил задание легализоваться в качестве студента. Но удачно начавшаяся акция едва не провалилась, так как по неизвестным причинам не поступили деньги, нечем было платить за обучение. Ян залез в долги к состоятельным коллегам, подрабатывал и даже добывал какие-то гроши, выигрывая в шахматы «у одного американского идиота».

В другой раз Черняку необходимо было обосноваться в стране, но не начинать работу до выхода на контакт с ним. Кто-то из чиновников в Москве распорядился… срезать на это время жалованье на четверть. Жить на эти деньги было можно, но прилично одеваться, заводить нужные знакомства, без чего немыслима работа разведчика, нельзя. И только в 1943 году жалованье Черняку было увеличено до размера, который он считал «очень щедрым и превышающим мои потребности». Потребности же этого скромного человека были невелики, и случавшиеся финансовые затруднения никак нельзя отнести к первостепенным. Жизнь нелегала — это сразу несколько жизней, причудливо соединившихся в одном человеке. Это по крайней мере две биографии, два стиля жизни, две системы ценностей, две идеологии, которые он исповедует, — одну искренне и тайно, другую открыто, но играя роль. Играя по системе куда более жесткой, чем знаменитая Станиславского с ее главным принципом «Не верю!», нельзя сфальшивить даже в малом, ибо возможности поправить игру может просто не быть.

Черняк переезжал из страны в страну и в каждой должен был держаться как ее гражданин, знающий быт, нравы, нормы поведения, язык. Он в совершенстве владел румынским и венгерским, английским и чешским, на французском и немецком изъяснялся с одинаковой легкостью и вполне сходил за коренного жителя Эльзаса. В конце 30-х годов принялся осваивать испанский, намереваясь отправиться в интербригады, воевавшие на стороне республиканцев против Франко, но это не совпало с планами советской разведки. Он располагал одновременно несколькими паспортами, и не только европейскими, одно время использовал даже австралийский. Он менял фамилии, за каждой из которых должен был стоять человек с конкретной биографией. И всякий раз нужно было держать в памяти, кто ты сегодня, каково твое прошлое, куда и зачем теперь направляешься.

Если не оказывалось рядом специалиста, он сам менял фотографии в паспортах, ставил штампы и начинал жить другой жизнью. Так было в 1938-м в Париже, когда после операции аппендицита с последовавшим осложнением он пробыл в госпитале больше месяца, а срок действия паспорта истекал. (Любопытная деталь: операцию Черняку делал сын Марселя Кашена, одного из лидеров компартии Франции.)

Разведчик всегда жил на квартирах проверенных людей, они часто знали его как партийного работника, которому требуется укрытие, но не подозревали о его иной жизни. Стараясь не попадаться на глаза соседям, он выходил из дома и возвращался по возможности в темноте, время от времени проводя ночи в другом месте — когда должен был выполнять работу «в конторе» (выражение самого Яна Петровича).

Соседи лишь изредка видели его. На этот случай была распространена история, что у него имеется постоянное место жительства, а у друзей он останавливается, приезжая по делам. Но история скоро становилась избитой, да и приютившие его друзья уставали от нервного напряжения, от того (и по-житейски это понятно, у европейцев другой менталитет), что в доме все же чужой человек. Черняк вынужден был подыскивать новую квартиру. Через некоторое время история повторялась, и наступало время, когда уже не было людей, которые могли бы его принять. Тогда оставался один путь — выехать, хотя бы на время, из страны.

В жизни разведчика был период, когда несколько месяцев он не мог легализоваться и жил без каких-либо документов. Первая случайная проверка могла поставить крест и на его работе и, возможно, на самой жизни. Но крайняя осторожность, внимание к мельчайшим деталям, точный расчет на несколько ходов вперед, как в любимых им шахматах, позволяли оставаться на плаву. И еще — тонкое знание своего дела. Например, методов посылки информационных материалов. Их использовалось много — оригинальных, хитрых.

Удивительно скромный человек, Черняк в докладах ГРУ о сделанном всячески обходил себя, отдавая славу своим помощникам: «Высокая оценка Центра ободрила всех нас», «Оценка информационных материалов ободрила источников». Он охотно делил успех с руководством: «Подробные задания Центра давали возможность подбирать наилучшие материалы из большого выбора, всегда имевшегося у нас», «Хорошее финансирование, позволявшее вербовать людей…». Многое из опыта, накопленного Черняком за почти 16 лет работы «на холоде» (организация связи, конспирация и т. д.), которым он, не

скупясь, делился, вошло в арсенал разведки. Этот опыт накапливался бы и дальше, по-прежнему шли бы от талантливого резидента бесценные материалы, но… Предательство осенью 1945 года сотрудника разведки, которому было известно о деятельности одного из источников Черняка, ухудшение «контрразведывательной обстановки — все это заставило принять решение о срочном возвращении разведчика в Москву.

Однако тут нужны некоторые пояснения. В мае 1945 года Ян Черняк был переброшен в США с заданием работать по манхэттенскому проекту. Он приобрел новые источники и наладил работу. О ценности отправляемых им «атомных» материалов я сказал выше. Его работа продолжалась бы, по всей вероятности, и дальше по возрастающей, если бы не предательство лейтенанта Игоря Гузенко — «Кларка», шифровальщика канадской резидентуры ГРУ. 5 сентября 1945 года он попросил политическое убежище. Из прихваченных им с собой секретных документов были выяснены имена почти двух десятков агентов советской военной разведки. Большая их часть занималась атомной бомбой. В том числе и доктор Мэй, арестованный и приговоренный к 10 годам тюремного заключения.

В ноябре 1945 года из-за предательства Гузенко покинул США Залман Дитвин, нелегал ГРУ «Мулат». После этого было принято решение немедленно вывести из дела Черняка. Он меняет паспорта, скрывается, переезжает из страны в страну. Наконец настает день отъезда. Точнее — операции по вывозу морем на судне под видом одного из моряков советского корабля, тогда их еще называли краснофлотцами.

За три недели до этого связник информировал разведчика об отъезде, сообщил план посадки, потребовал фотографию и описание — в чем будет одет, размеры одежды и обуви, прислал явки и пароли. Тщательность Черняка видна даже в такой детали: в деле до сих пор хранится выполненный на листе бумаги в натуральную величину след его башмака. Позже состоялась опознавательная встреча без личного контакта с человеком, ответственным за посадку на судно. Черняк назвал его «ноль первым».

«Условия, выработанные для посадки меня на судно, — напишет он позже, — были ненужно усложненные, определенно сказалось на них влияние романтической кинокартины». (Указывается ее название и главные исполнители.) По предложенному плану один из помощников Яна Петровича должен был привезти на такси вещи в условленное место около жилого дома, за углом которого ждала другая машина. Она и

доставит вещи на корабль.

Искренний Черняк назвал план идиотским. И вот почему. В обязанность любого таксиста «там, у них» входило поднести вещи к двери дома и позвонить. Но кому? Незнакомым жильцам? Отказаться же от услуг водителя и остаться с чемоданами на тротуаре нельзя — водитель тут же заподозрит неладное и «стукнет» в полицию. Это не взял в расчет разработчик плана, который, как видно, недостаточно хорошо знал страну.

Встреча же с самим Черняком была назначена в номере гостиницы, где жили некоторые члены команды судна. Войдя в назначенное время в фойе, Ян Петрович с удивлением увидел, что «ноль первый» стоит в дверях и разговаривает с какой-то женщиной. Его нахождение здесь, а не в номере можно было понять как сигнал тревоги и ретироваться. Но Черняк уже оценил «ноль первого» и понял, что от него всего можно ожидать. Минуя лифт, он медленно пошел по лестнице, давая возможность помощнику обогнать его.

Так и случилось. «Ноль первый» подошел к двери номера и осмотрелся кругом, «как хороший шпион в кинокартине». Обменялись паролями. Теперь Черняку надлежало изменить внешность под радиста. Тот надел шляпу, пальто и очки разведчика и напрасно пытался натянуть перчатки на свои татуированные руки. Переодетый, этот импозантный человек выглядел как клоун. Через 25 минут разведчик в форме краснофлотца и двое сопровождающих — тоже в форме — вышли из гостиницы. Швейцара в это время в другом номере русские моряки настойчиво угощали виски и джином. По дороге в порт сопровождающие пели русские песни. Шел дождь, порывами налетал ветер. Это были первые шаги разведчика в Россию.

В каюте Черняк попытался сжечь удостоверение личности и регистрационную карточку гостиницы. «Ноль первый» воспротивился этому, пытаясь прочесть фамилию. Разведчик был тактичен, но настойчив: разорвав документы, половинку с фамилией сжег, остальное отдал. Он знал, что в СССР «получит» другую фамилию, а прежняя должна исчезнуть, как и его прежняя жизнь. Позднее, в Москве, он настойчиво просил уничтожить посланные перед отправкой связному письма, которые содержали подробное его описание. Он всегда жестко следовал правилам «большой игры», не оставляя после себя следов, не деля факты на важные и не очень. Во многом благодаря этому и уцелел.

Со всего экипажа взяли расписку (я видел этот листок с двумя десятками фамилий) о неразглашении и предупреждении о судебной ответственности — на флагманском судне под видом офицера связи находился представитель контрразведывательных

органов страны, откуда осуществлялся вывоз. После ужина разведчика разместили в пространстве между баками над каютой командного состава, которое он окрестил коридором. Пищи и сигарет в пути хватало, экипаж относился хорошо. Но в портах выходить не позволяли даже на палубу, и он иногда по 20 часов оставался без пищи, не имея возможности сходить в гальюн, без свежего воздуха, так как вентилятор не всегда включали. Наконец, судно пришвартовалось у севастопольского причала. К капитану подошел незаметный человек в гражданском:

— Скажите, пожалуйста, могу ли я получить четыре посылки и одно место, прибывшие из Европы?

— Да, если вы на это уполномочены.

Пароль обе стороны проговорили точно, и Ян Черняк ступил на советский берег. Несколько дней спустя он был в Москве.

…В 36 лет Ян Черняк начинал новую незнакомую ему жизнь. Там, на пространствах Европы, осталось его суровое, насыщенное тревожными событиями прошлое. Но это уже было прошлое другого человека. Получив скромное жилье, а в мае 46-го и советское гражданство, он некоторое время состоял референтом ГРУ, затем долгие годы работал переводчиком в ТАСС. На службе, среди людей, он чувствовал себя и занятым, и нужным. Но наступали долгие вечера, когда наваливалось одиночество в пока незнакомой ему, огромной Москве.

В свободное время он любил ходить в сад «Эрмитаж», играл в шахматы. И незаметно сошелся накоротке с человеком, который познакомил его с подругой своей сестры, милой 22-летней студенткой мединститута Тамарой. Позднее он узнал, что эта хрупкая девушка прошла войну, воевала в зенитном расчете. Он еще неважно изъяснялся по-русски, она кое-как по-английски, и в первую встречу они сели играть в шахматы. На следующий день он передал ей полную запись этих двух партий. Девушку поразили память этого человека, его интеллект, выдержка и необычайная интеллигентность.

Позже она обратила внимание на то, что он фиксирует каждый свой шаг короткими записями в маленьком блокноте. Например: сегодня слушали оперу, указывалось ее название.

— Наверное, ему было приятно потом вспомнить, — рассказывала мне Тамара Ивановна Черняк.

А может быть, это были своего рода опорные сигналы, понуждавшие память воспроизвести остальные события дня. Эти блокнотики вдова бережно хранила.

Однажды Ян Петрович пригласил свою новую знакомую в кафе. Тамара вспыхнула:

— За кого вы меня принимаете!

В те годы считалось, что в кафе могла пойти лишь особа легкого поведения.

— Там, где я жил, — сказал он смущенно, — напротив, считается неприличным не пригласить.

«Там, где я жил…» Он никогда не говорил, откуда именно приехал, жизнь по легенде стала его второй натурой. Нет, первой. Да его спутница и не выспрашивала.

— Я из тех жен, — говорила мне Тамара Ивановна, — кто не знает, что у мужа лежит в кармане, так мама научила.

Не могла удержаться лишь от одного, как сама говорит, «бабского» вопроса: кто у тебя там был?

— Он был удивительно мужественный человек, умел щадить других, — ответила она на не заданный мною вопрос.

Почти пол столетия прожили они вместе, но ни разу жена (не говорю уже об окружавших) не ощутила присутствие в Яне Петровиче тайны, недосказанности. Он был внешне открыт, жил полнокровной жизнью. И командировки за рубеж со спецзаданием в послевоенные годы воспринимались женой не иначе, как «по линии ТАСС». Впервые прошлое мужа приоткрылось ей немного в день его 85-летнего юбилея: из текста приветственного адреса было ясно, что оно пришло не из ТАСС…

О том, что представление к награждению его Золотой Звездой Героя поддержано в Министерстве обороны, Ян Петрович знал и с волнением ждал сначала решения, а потом и самой награды. Вставал очень рано и ходил по скромно обставленной квартире. Сердце и в преклонном возрасте не подводило его, ум оставался ясным. Только зрение стало изменять — видел одним глазом, и то не очень хорошо. По этой причине Тамара Ивановна, отправляясь на работу, просила мужа не выходить на улицу.

О чем думал он, часами вышагивая по комнате, то всматриваясь в картинки московского дня за окном, то возвращаясь к своим записям, то читая полюбившиеся военные мемуары и английскую классику в подлиннике? Он никогда не жаловался на жизнь, не предъявлял ей иски, хотя и вправе был порой это сделать. Известны случаи, когда разведчик-нелегал, много лет проведший за границей, обнаруживал по возвращении разительное отличие — прежде всего на бытовом уровне — своей страны от той, какой он ее себе представлял. Для некоторых это становилось трагедией, и они долго, порой до конца дней, не могли смириться с действительностью. Реже, если это было возможно, уезжали навсегда.

Черняк органично вошел в новую жизнь, жена ни разу не слышала от него и слова разочарования. Он делал попытку вступить в партию, тогда она еще называлась ВКП(б), но от него

почему-то требовали доказать (может быть, для стажа) свое членство в компартии Германии. Для этого нужны были свидетели, так как документы подпольщика были уничтожены. Свидетельствовать мог сам лидер немецких коммунистов Вильгельм Пик — он знал человека с таким псевдонимом, который возглавлял комитет в Берлинской городской организации, в лицо же не помнил. И Ян Петрович остался беспартийным.

Тем роковым утром он также мерил старческими шагами комнату, но вдруг споткнулся о ковер и упал. Нелепый случай, перелом бедра, внутреннее кровотечение обострили накопившиеся за жизнь болезни…

Черняк никогда ничего для себя не требовал, всегда оставался в тени. Он избегал даже любительских снимков. Вдова, Тамара Ивановна, смогла показать мне лишь несколько фото «не на документы». На половине из них он снят так, что его трудно узнать. А главное — за рубежом продолжали жить и работать его люди.

Такова эта профессия, где известными становятся, как правило, немногие. А чаще их судьба — оставаться «за кадром». Правда, порой на излете дней признание, слава приходят и к ним. Хорошо, когда это случается еще при жизни. Хотя бы за десять дней до последнего вздоха, как у Яна Петровича Черняка.

Н. ПОРОСКОВ

В ТЫЛУ ВРАГА

Николай Кузнецов

Так случилось, что Николай Кузнецов стал самым прославленным разведчиком Великой Отечественной войны. Не просто героем, но героем легендарным. После того как страна впервые услышала о нем из цикла радиопередач командира особого чекистского отряда «Победители» Героя Советского Союза полковника Дмитрия Медведева, не иссякает поток публикаций о жизни и смерти этого незаурядного человека. Вслед за книгой самого Д. Медведева, «Сильные духом», не раз переизданной в СССР и переведенной на многие иностранные языки, увидели свет десятки работ других авторов, в том числе родных и боевых товарищей Кузнецова. О нем сняты два художественных кинофильма (один из них многосерийный), несколько документальных и телевизионных. Число газетных и журнальных публикаций от серьезных статей до сенсационных измышлений в «желтой» прессе не поддается исчислению.

В последние годы наблюдается поток откровенно лживых, клеветнических подлостей в некоторой части украинских средств массовой информации откровенно антироссийского направления. В них голословно утверждается, что Николай Кузнецов, как и весь отряд «Победители», был заброшен в 1942 году в район города Ровно для… уничтожения «лучших представителей украинского народа». Быть может, уничтоженные Кузнецовым главный немецкий судья Украины Функ, начальник так называемых «Восточных войск» Ильген, или вицегубернатор Галиции Бауэр и другие высокопоставленные лица оккупационной администрации также принадлежали к числу «лучших представителей украинского народа»?

Ныне на Украине улицам, носившим имя Кузнецова, присвоены новые названия, демонтированы памятники герою в Ровно и Львове, ликвидирована квартира-музей Кузнецова в Ровно. В роскошно изданной подарочной книге об этом городе нет даже упоминания ни о Кузнецове, ни о Медведеве, да и о других советских партизанах.

Долгое время подлинная жизнь разведчика была засекречена, завеса тайны приподнималась постепенно, приоткрывая то один, то другой уголок его биографии.

Дмитрий Медведев в своей знаменитой книге писал, что Кузнецова, инженера одного из уральских заводов, привел к нему в гостиницу «Москва» в феврале 1942 года после возвращения из немецкого тыла его первого отряда один из подчиненных командиров. Представил как человека, хорошо владеющего

немецким языком, способного сыграть роль офицера вермахта в новом отряде, который готовился к забросу в глубокий тыл врага. Так и произошло впоследствии. Выходило, что сугубо гражданский человек в одночасье превратился в немецкого оберлейтенанта.

В 1971 году в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» вышла книга «Николай Кузнецов». Я написал ее вместе с А. Лукиным, бывшим заместителем командира отряда «Победители» по разведке. Тогда впервые КГБ СССР разрешил упомянуть одной строчкой, что Н. И. Кузнецов с 1938 года «начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности».

Формулировка загадочная, ничего, в сущности, не раскрывающая и не объясняющая. Однако, во всяком случае, из нее следует, что в немецкий тыл 25 августа 1942 года приземлился с парашютом не просто подготовленный на скорую руку «инженер уральского завода», а достаточно опытный, имеющий стаж не менее четырех лет работы в органах государственной безопасности профессионал.

Почти 30 лет спустя я получил возможность ознакомиться почти с ПЯТЬЮДЕСЯТЬЮ томами дела отряда «Победители» и личного дела Н. Кузнецова. Тогда-то и выяснилось, что на самом деле его профессиональный стаж исчислялся не четырьмя, а десятью годами.

…Он родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии[60] в семье Ивана Павловича и Анны Петровны Кузнецовых. При рождении наречен Никанором, по домашнему — Ника. Кроме него, в семье были старшие сестры Агафья и Лидия, затем появился и младший брат Виктор.

Имя Никанор юноше не нравилось, и в 1931 году он сменил его на Николай. Однако и дома, и в школе и техникуме однокашники по-прежнему называли его Никой, тем более что это сокращение подходит и к Никанору, и к Николаю. Друг юности Кузнецова Федор Белоусов рассказывал мне, что когда он, да и другие однокашники услышали, что некоему Николаю Кузнецову присвоено звание Героя Советского Союза, то думали, что имеется в виду однофамилец их Ники. Узнали, что все-таки это именно «Ника» лишь тогда, когда была обнародована его фотография. В неведении оставались сестра Лидия и брат Виктор, долгое время полагавшие, что он пропал без вести.

Более того — из-за отсутствия в Москве сведений о семье Кузнецова осталась неврученной грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза. В

конце концов она вообще затерялась, и в 1965 году был изготовлен ее дубликат…

Семья Кузнецовых была зажиточной. Действительную службу Иван Павлович служил в гренадерском полку в Петербурге и приобщился, будучи человеком любознательным, в какой-то степени к городской культуре.

Его сын Ника закончил в родной деревне три класса, в четвертый надо было ходить в школу в большое село Балаир. Каждый день, и в стужу и в ненастье отмеривал маленький человечек добрых десять километров в два конца. Чтобы учиться дальше, надо было перебираться уже за двадцать пять верст в городок Талица, где имелась единственная на всю округу школа-семилетка. Здесь за умеренную плату и со своими харчами его определили на частную квартиру.

Школа в далеком уральском городке собрала превосходных преподавателей. Особенно повезло Нике с учительницей иностранного языка — Нина Николаевна Автократова великолепно владела немецким и французским. Образование в свое время получила в Швейцарии.

Неожиданно для одноклассников, а возможно, и для себя самого, Ника увлекся изучением немецкого языка, что в ту пору, да в уральской глубинке считалось сущей блажью. Не довольствуясь занятиями в классе, Кузнецов много часов отдавал загадочной для его товарищей дружбе с преподавателем труда Францем Францевичем Явуреком — бывшим военнопленным, осевшим после войны в здешних местах. С ним Ника упражнялся в разговорной речи, набирался, в частности, живых фраз и выражений из солдатского лексикона, их в словаре Нины Николаевны не было и быть не могло. Третьим наставником Николая стал провизор местной аптеки австриец Краузе.

Так впервые открылись редкие лингвистические способности Кузнецова. Позднее, когда Николай работал в Кудымкаре, он удивительно быстро овладел трудным, как все языки угрофинской группы, языком коми, даже писал на нем стихи. Проучившись всего год в Тюмени, Кузнецов вступил в местный клуб эсперантистов и перевел на эсперанто свое любимое «Бородино». Работая затем в Свердловске, он подружился с актрисой городского театра, полькой по национальности. Результат романа — владение польским языком.

В отряде «Победители», действовавшем на Украине, он заговорил по-украински. А однажды с ним произошел занятный случай. В отряде бок о бок сражались с гитлеровцами люди многих национальностей: русские, украинцы, белорусы, поляки, татары, осетины, болгары, евреи, даже четырнадцать испанцев,

бывших бойцов республиканской армии, эмигрировавших после поражения республики в Советский Союз. Русским языком они владели плохо, потому в отряде имелась переводчица, также участница боев в Испании Симона Кримкер (Гринченко). Как-то один из испанцев подошел к командиру отряда и, волнуясь, сообщил ему через Симону, что, дескать, боец Грачев не тот человек, за которого он себя выдает.

— Как так? — удивился Медведев.

— Когда мы, испанцы, между собой разговариваем, — пояснил боец, — а Грачев находится рядом, мы чувствуем, что он все понимает. Почему он скрывает, что знает испанский?

Уже взрослым, работая в Свердловске, Кузнецов покупал в букинистических магазинах все, что только там попадалось на немецком языке. На городской барахолке как-то приобрел за ерундовую цену ящик заезженных немецких грампластинок с народными песнями и шлягерами предвоенных лет.

Немецкий язык — диалектный. Зачастую жители северных земель Германии с трудом понимают южан. Помимо классического «Хохдойче», то есть усредненного немецкого языка, Кузнецов владел еще и несколькими диалектами. Это не раз выручало обер-лейтенанта Зиберта при общении с настоящими немецкими офицерами. Понятно, что самую большую опасность для разведчика-нелегала, живущего и действующего под легендированной биографией, представляет встреча с земляком, то есть уроженцем того города, где якобы родился разведчик.

Кузнецов-Зиберт, быстро уловив, из какой земли Германии родом его собеседник, начинал говорить с легким налетом диалекта земли, расположенной в другом конце страны.

Не только немецкий язык стал главным и весьма эффективным оружием разведчика Кузнецова в его разведывательной деятельности, но и ярко выраженная артистичность. В школьном драмкружке ставили спектакль по популярной тогда пьесе Константина Тренева «Любовь Яровая». Все кружковцы рвались играть роли «красных»: комиссара Кошкина и особенно матроса Шванди. Неожиданно для всех Ника Кузнецов вызвался сыграть роль, от которой все ребята отбивались, — злейшего врага поручика Ярового. И сыграл… Многие однокашники вспоминали Нику в этой роли, дожив уже до седых волос.

В отличие от довольно-таки по-деревенски расхлябанных приятелей, Кузнецов был сызмательства подтянут. Одежду носил аккуратно, учителя, не знавшие его происхождения, даже полагали, что он из семьи военных.

После скоропостижной смерти отца Кузнецов вернулся в

ставшую родной Талицу, поступил в здешний лесотехнический техникум (ТЛТ), одно из лучших средних учебных заведений не только на Урале, но и в стране. В техникуме Кузнецов стал фигурой заметной. Принимал активное участие в жизни и комсомольской, и профсоюзной организаций, занимался в различных кружках, ходил в пешие и лыжные походы. У него прорезался неплохой голос — тенор, к тому же он научился играть на гармонике и балалайке.

Правда, наступили трудные времена: плохо было и с одеждой, и с питанием, хозяйство после смерти отца, да и в силу иных обстоятельств, захирело. Временами Николай попросту голодал. Начал болеть, при очередном медосмотре у него нашли слабость легких и рекомендовали усиленное питание. Ника был даже вынужден распродать кое-что из одежды.

Только летом после окончания первого курса Кузнецов несколько оправился. По завершении практики 1928 года Кузнецов с друзьями копал в кварталах Качхаринхского кордона площадки полтора на полтора метра и через каждые двадцать сантиметров высаживал сосновые саженцы. Объездчик Эдуард Фердинандович Гунальд, немец по национальности, платил за эту работу наличными деньгами. Так что Николаю удалось поднакопить деньжонок на следующий учебный год.

Работа эта имела для юноши еще одно достоинство — возможность практиковаться в разговорном немецком. Гунальд тоже был доволен — кроме Кузнецова, ему здесь поговорить на родном языке было не с кем.

В хорошей библиотеке техникума нашлась известная «Энциклопедия лесной науки» Гундесагена, и Кузнецов даже принялся переводить ее на русский язык.

Меж тем назревали большие события. Страна вступала в 1929 год, который тогда называли годом великого перелома. К коллективизации уральской деревни привлекли в качестве агитаторов и комсомольцев. В числе миллионов энтузиастов, направленных в села, был и талицкий комсомолец Николай Кузнецов. По его пылкому и настойчивому настоянию 13 мая 1929 года, то есть за полгода до начала массовой коллективизации в этих краях, семья Кузнецовых вступила в коммуну «Красный пахарь», передала в общее пользование сельскохозяйственный инвентарь, скот, надворные постройки.

В связи с массовой коллективизацией и раскулачиванием начиналась вакханалия проработок и чисток. Летом 1929 года исключили из комсомола лучшего друга Ники Федю Белоусова — «за увлечение непролетарским поэтом Сергеем Есениным». Зимой наступила очередь и Николая Кузнецова. Его активность,

принципиальность и популярность пришлись не по вкусу некоторым однокурсникам. Сплелись в тугой узел задетое самолюбие, обыкновенная зависть и — главное — пустившая уже глубокие корни в обывательское сознание «политическая бдительность».

Кузнецова обвинили в кулацком происхождении, дружбе с сомнительными элементами, в том, что его отец служил офицером в Белой армии. На самом деле Иван Павлович в годы гражданской войны служил в Красной Армии.

В декабре 1929 года Кузнецов, как чуждый элемент, был исключен из ВЛКСМ и по настоянию комсомольской ячейки за полгода до окончания отчислен из техникума.

…Проработав несколько месяцев дома, в коммуне, Ника по совету одного из друзей отправился в столицу Коми-Пермяцкого национального округа город Кудымкар. Здесь 20 апреля 1930 года его зачислили на скромную должность таксатора в местном земельном управлении.

Так закончилась юность Николая Кузнецова. Началась взрослая жизнь.

В Кудымкаре Кузнецов прожил около четырех лет. То был единственный период в его жизни, когда он работал по своей гражданской специальности — лесному делу.

Долгие месяцы Николай потратил на бесконечные письма во все инстанции, требуя восстановления в ВЛКСМ. Дошел до Москвы. Только после обращения в Центральный Комитет его восстановили в комсомоле. Но… лишь для того, чтобы спустя год снова исключить.

4 июня 1932 года в доме, в котором Кузнецов снимал комнату, был произведен обыск, а сам он арестован. Некоторое время его содержали под стражей, а затем освободили под подписку о невыезде до суда. Что же произошло?

Непосредственный начальник Кузнецова и еще несколько сослуживцев составляли подложные ведомости, по которым получали незаработанные деньги, а главное — продукты. Возмущенный Николай обратился в милицию. Местные следственные органы, не сразу разобрав что к чему, поначалу арестовали всех работников лесоустроительной партии, в том числе и Кузнецова.

Суд состоялся 17 ноября 1932 года. Руководитель лесоустроительной партии был приговорен к 8 годам, еще несколько подсудимых — к 4 годам лишения свободы. Суд установил, что Кузнецов к хищениям никакого отношения не имел. Но все же признал его виновным в халатности, за что и наказал — годом исправительных работ по месту службы.

Когда истек год, который Кузнецов обязан был отработать в Кудымкаре, он переехал в Свердловск, где после смерти матери Анны Петровны обосновались сестра Лидия и брат Виктор.

С лета 1934 года Кузнецов работает в столице Урала: вначале статистиком в тресте «Свердлес», затем чертежником на Верх-Исетском металлургическом заводе, наконец — в бюро технического контроля.

На Уралмаше Николай получил неограниченную возможность совершенствоваться в немецком языке. В те годы здесь, как и на других предприятиях, работало много иностранных инженеров и мастеров, особенно из Германии. Собственных специалистов не хватало.

То были разные люди. Одни приехали, чтобы заработать — платили им в твердой валюте, прикрепляли к особым промтоварным и продовольственным распределителям, столовым. Другие искренне стремились помогать стране Советов. Наконец, были и такие, как шеф-монтер фирмы «Борзиг», демонстративно носивший на пальце массивный серебряный перстень с черненой свастикой на печатке.

Обаятельный и общительный, умевший легко сходиться с разными по социальному и должностному положению людьми, возрасту, уровню образования, Кузнецов вскоре завел знакомство со многими специалистами. Встречался с ними и в свободное время, беседовал по-немецки, обменивался книгами и грампластинками. Он стремился перенять у них и знания, и манеры поведения. Иногда даже одевался, как иностранец, научился носить хорошо отутюженный костюм, мягкую шляпу, заломленную, как положено, подбирать по цвету рубашки и галстуки.

Он по-прежнему много читает. Чтобы иметь возможность знакомиться с новинками немецкой литературы, в том числе научно-технической, и журналами, посещает читальный зал библиотеки индустриального института. Чтобы записаться в нее, выдал себя в разговоре с сотрудницей за студента-заочника. Отсюда через много лет родился миф, что он закончил этот институт и даже, мол, защитил диплом на немецком языке.

Вокруг Кузнецова и по сей день множество мифов, в том числе — о его происхождении. Автор не раз слышал и читал, что Николай на самом деле этнический немец, выходец из одной немецкой колонии, которых до Великой Отечественной войны было много на юге Украины и в Казахстане, в Закавказье, существовала даже автономная Республика немцев Поволжья…

Пишу так обстоятельно о детских и юношеских годах Кузнецова, чтобы развеять хотя бы часть этих мифов, в основе

которых лежит неверие многих людей в то, что простой паренек из далекой уральской деревушки, закончивший всего лишь лесотехнический техникум, мог стать тем, кем он стал, — уникальным разведчиком-нелегалом.

…Многие друзья, а также сестра и брат, не одобряли знакомств Николая с иностранцами: в ту пору такие контакты могли привести к серьезным неприятностям. Кузнецов только отшучивался.

Не мог же он признаться даже самым близким, что эти знакомства были ему не просто интересны, но и входили в круг его… служебных обязанностей. Да, дело обстояло именно так: с июня 1932 года Николай Кузнецов являлся специальным агентом ОГПУ СССР. Первым псевдонимом молодого чекиста был «Кулик», после переезда в Свердловск он стал «Ученым», а позднее «Колонистом».

Предложение работать в негласном штате ОГПУ-НКВД Николай принял в силу своего глубокого патриотизма, возможно, и юношеского романтизма.

Основной задачей Кузнецова в те далекие годы было содействие обеспечению безопасности оборонного комплекса региона. И все названные, и неназванные предприятия и организации, в которых он не столько работал, сколько числился по штатному расписанию, были прикрытием его главной контрразведывательной деятельности.

Числясь в негласном штате Свердловского управления ОГПУ-НКВД, «Колонист» в качестве маршрутного агента за четыре года объехал вдоль и поперек весь Урал. В одной из характеристик того периода отмечалось: «Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

Так случилось, что в поездках на север Урала, Кузнецов познакомился с недавно приехавшим из Москвы новым наркомом НКВД Коми АССР Михаилом Журавлевым. Перед направлением в Сыктывкар Журавлева вызвали к большому начальству и поручили, в частности, навести порядок в заготовках леса на Северном Урале и прилегающих территориях. Журавлев, в прошлом ленинградский инженер и партработник, лесного дела, разумеется, не знал. Ему нужен был помощник, квалифицированный специалист в области лесного хозяйства. Так в поле его зрения и попал Николай Кузнецов.

Но как «Колонист» оказался в Москве?

Один из тогдашних руководителей контрразведки, покойный генерал-лейтенант Леонид Райхман рассказывал мне:

«Одно время, будучи начальником отделения в отделе контрразведки ГУГБ НКВД СССР, я одновременно преподавал некоторые спецдисциплины на курсах в Большом Кисельном переулке, где готовили руководящие кадры для нашего ведомства. С одним из слушателей, Михаилом Журавлевым мы подружились. В войну он, уже в генеральских чинах, был начальником Московского управления НКВД. А тогда по окончании курсов сразу получил высокое назначение — наркомом НКВД в Коми АССР. Оттуда он мне часто звонил, советовался по разным вопросам.

Как-то, кажется, в середине 1939 года он мне позвонил и после обычных приветствий сказал: «Тут у меня на примете есть один молодой человек, наш негласный сотрудник. Очень одаренная личность. Я убежден, что его надо использовать в центре, у нас ему просто нечего делать». После чего коротко рассказал о Кузнецове.

Предложение меня заинтересовало. Я понимал, что без серьезных оснований Журавлев никого рекомендовать не станет. А у нас в последние годы погибло множество опытных, не липовых, а настоящих контрразведчиков и разведчиков. Некоторые линии и объекты были попросту оголены. «Присылайте, — сказал я Михаилу Ивановичу, — пусть позвонит мне домой».

Через несколько дней в моей квартире на улице Горького раздался телефонный звонок. Кузнецов. Надо же так случиться, что в это время у меня в гостях был товарищ и коллега, только что вернувшийся из Германии, где работал с нелегальных позиций. Я выразительно посмотрел на него, а в трубку сказал:

— Товарищ Кузнецов, сейчас с вами будут говорить по-немецки.

Мой друг поговорил с ним несколько минут, потом вернул мне трубку и, прикрыв микрофон ладонью, сказал удивленно: «Говорит, как истинный берлинец».

Я назначил Кузнецову свидание на завтра, и он пришел ко мне домой. Я взглянул на него и ахнул: «Ариец! Чистокровный ариец». Росту выше среднего, стройный, худощавый, но крепкий, блондин, нос прямой, глаза серо-голубые. Настоящий немец, но без этаких примет аристократического вырождения. И прекрасная выправка: словно у кадрового военного — и это уральский лесовик!

Надо сказать, что мы в контрразведке никогда не питали ни малейших иллюзий относительно нацистской Германии, ни до пакта, ни после него. Мы всегда знали, что Гитлер враг смертельный, войны с ним не избежать. На работе контрразведки

заключение пакта сказалось лишь в том отношении, что ее по немецкой линии прибавилось, настолько активизировалась разведка Германии в Советском Союзе.

Нам остро нужны были люди, способные активно противостоять немецкой агентуре в нашей стране, прежде всего в Москве. И Кузнецов оказался разведчиком прирожденным, как говорится, от Бога.

Идеальным вариантом, конечно, было бы направление его на учебу в нашу школу, по окончании которой он был бы аттестован по меньшей мере сержантом госбезопасности (так называлось в НКВД звание, соответствующее званию лейтенанта в Красной Армии, те же два «кубаря» в каждой петлице), зачислен в штат какого-либо подразделения. Но мешали два обстоятельства. Во-первых, учеба заняла бы довольно продолжительное время, а нам нужен был человек, который бы приступил к работе немедленно. Да и зачислению в школу предшествовала долгая процедура проверки кандидата кадровиками, особенно с точки зрения анкетной чистоты. А у Кузнецова — сомнительное социальное происхождение, исключение из комсомола, да еще и судимость. С такой анкетой его не то что не зачислили, а глядишь, потребовали бы еще раз арестовать. В конце концов мы оформили Кузнецова как особо засекреченного спецагента с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. Случай почти уникальный в нашей практике.

Что же касается профессиональной учебы, то он же к нам не с Луны свалился, за плечами было шесть лет оперативной работы, а своим главным оружием — немецким языком владел великолепно. К тому же был талантлив, все новое схватывал на лету, в профессиональном отношении быстро рос. Уже в Москве хорошо и самостоятельно овладел фотоделом, научился водить автомобиль. Сам прекрасно переснимал попадавшие ему в руки немецкие материалы и документы.

Знали о Кузнецове в контрразведке всего несколько человек ответственных сотрудников в звании не ниже капитана госбезопасности (соответствовало званию полковник в Красной Армии).

Обустроить Кузнецова в Москве было непросто. С жильем в столице всегда было трудно, а Кузнецову, с учетом предстоящей ему работы, требовалось только отдельная квартира. В конце концов ГУГБ было вынуждено ради «Колониста» пожертвовать одной из своих КК — конспиративных квартир. Так Кузнецов поселился в доме № 20 по улице К. Маркса (Старой Басманной) неподалеку от Разгуляя и Сада имени Баумана.

Для Кузнецова придумали убедительную легенду, рассчитанную прежде всего на немецкий контингент. Русского Николая Ивановича Кузнецова превратили в этнического немца Рудольфа Вильгельмовича, фамилию оставили прежнюю, но… перевели на немецкий язык: Шмидт. Родился якобы Шмидт в Саарбрюкене, но, когда мальчику было всего два года, еще перед мировой войной родители перебрались в Россию. В настоящее время Рудольф Шмидт — инженер-испытатель авиационного завода № 22 в Филях.

Широко известны фотографии Кузнецова (в трех вариантах) в форме советского летчика с тремя «кубарями» в петлицах. Из-за этих снимков даже в некоторые энциклопедические словари попало утверждение, что Николай Иванович имел звание старшего лейтенанта Красной Армии. На самом деле Кузнецов никогда в армии не служил и воинского звания не имел.

Два года «Шмидт» успешно работал в столице. Тот же Леонид Райхман утверждал: «Напрямую мы, контрразведчики, с достоверностью узнали о готовящемся нападении Германии на СССР уже в марте 1941 года — в определенной мере благодаря усилиям и “Колониста”».

В самом деле, Кузнецов-Шмидт, умело используя свою весьма соблазнительную для иностранных спецслужб легенду, сумел найти подходы к профессиональным разведчикам, действовавшим под дипломатическим прикрытием в посольствах Германии и Японии, а также в миссии союзницы гитлеровской Германии Словакии.

Наибольшей удачей Кузнецова стало «приручение» временного поверенного в делах миссии Словакии Гейзы-Ладислава Крно. Этот дипломат, на самом деле установленный разведчик на службе нацистских спецслужб, был к тому же настоящим спекулянтом. Крно регулярно выезжал в Братиславу и привозил оттуда значительные партии швейцарских часов — большой дефицит в тогдашней Москве. Для этого он сшил себе специальный пояс, вроде патронташа, с кармашками для контрабандного товара.

Кузнецов познакомился с ним возле известного ювелирного магазина в Столешниковом переулке, где постоянно собирались московские спекулянты, и стал оптовым покупателем, что весьма устраивало Крно. Николаю удалось однажды, под предлогом, что у него повреждена нога в результате неудачного прыжка с парашютом, завлечь Крно к себе домой, где процедура купли-продажи была зафиксирована скрытой фотосъемкой. Затем в квартиру вошли сотрудники контрразведки и поймали незадачливого коммерсанта с поличным. Остальное было, как

говорится, делом техники.

Крно регулярно присутствовал на совещаниях в германском посольстве, как и другие «дипломаты» из дружественных Германии стран, и получал там конфиденциальную информацию и инструктаж. К тому же он имел важные сведения по линии и собственного МИДа, и правительства. Отныне эта ценнейшая информация через Кузнецова регулярно становилась достоянием советской контрразведки.

Одним из самых активных немецких разведчиков был военно-морской атташе посольства Германии Норберт Вильгельм фон Баумбах. С помощью Кузнецова контрразведчики смогли проникнуть в его квартиру на улице Воровского (Поварской). Не оставив следов, вскрыли сейф, перефотографировали хранящиеся там документы и тем самым выявили всю агентурную сеть фон Баумбаха.

Шмидт-Кузнецов сумел также войти в доверие к личному камердинеру посла Германии фон Шуленбурга некоему Гансу Флегелю и его жене Ирме — супруги были также сотрудниками спецслужб. С помощью Флегеля Кузнецов сумел даже проникнуть в личную квартиру посла в Чистом переулке. Флегель был настолько уверен, что завербовал советского инженера-испытателя на почве принадлежности к германской нации, что вручил ему накануне Нового, 1941 года… членский значок НСДАП и книгу Гитлера «Майн кампф» на немецком языке.

Впоследствии Кузнецов сумел приручить серьезного японского разведчика, действовавшего в Москве под дипломатическим прикрытием.

Неоднократно с участием Кузнецова в гостиницах «Метрополь» и «Националь» удавалось вскрывать незаметно вализы немецких дипкурьеров и знакомиться с содержанием дипломатической, и не только дипломатической, секретной почты.

Все это — только часть успешной контрразведывательной работы Кузнецова-Шмидта в Москве с 1939 по 1941 год.

Уже перед самой войной Шмидт по заданию установленного немецкого разведчика съездил в Черновцы, где по его просьбе восстановил утраченную связь со старым, с Первой мировой войны, немецким агентом, зажиточным ювелиром. В результате этой поездки советская контрразведка не только обезвредила матерого шпиона, но и изъяла припрятанные им значительные материальные ценности.

…22 июня 1941 года. Десятилетия минули с того дня, но до сих пор люди старшего поколения меряют жизнь понятиями «до войны» и «после войны».

Рудольф Шмидт, только заслышав правительственное сообщение, тут же осознал себя уже Николаем Кузнецовым. Он подает командованию рапорт за рапортом с просьбой направить его незамедлительно в Красную Армию, на любую должность, только на фронт. Почему-то особо требует, чтобы послали его непременно в воздушно-десантные войска. И получает отказ за отказом. Руководство наркомата прекрасно сознавало, что подготовить такого разведчика, каким уже стал «Колонист», несравненно труднее, нежели парашютиста-десантника или даже высококвалифицированного военного переводчика. Уже воевал младший брат Виктор, а он, старший, все еще топтал асфальт московских улиц.

Вспоминает Л. Ф. Райхман: «Но Николаю все же довелось попасть на войну — правда, всего на несколько дней. Поздней осенью развернулась оборонительно-наступательная операция Калининского фронта, которым командовал тогда генерал-лейтенант, будущий Маршал Советского Союза И. С. Конев. Противостояла ему 9-я немецкая армия группы армий «Центр». Кузнецова забросили с разведывательным заданием в тыл этой армии. Впоследствии мы получили о нем прекрасный отзыв от армейского командования».

Однако «топтать», по его выражению, асфальт московских улиц Кузнецову предстояло еще полгода. Он не знал, что у руководства уже были вполне конкретные планы его дальнейшего использования.

Для организации и руководства разведывательно-диверсионной работой за линией фронта, в тылу германской армии на оккупированной советской территории, было сформировано специальное подразделение — Особая группа при наркоме НКВД СССР. Ее начальником был назначен старший майор госбезопасности (впоследствии генерал-лейтенант) Павел Судоплатов, один из немногих руководителей высшего эшелона разведки, имевший личный опыт закордонной работы с нелегальных позиций. В октябре Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД, а в начале 1942 года в 4-е управление НКВД СССР.

Управление энергично и успешно развивало новую, очень эффективную форму работы во вражеском тылу — с использованием небольших, специально подготовленных опергрупп, возглавляемых профессиональными разведчиками. В ходе войны многие из них переросли в сильные отряды и даже многотысячные партизанские соединения.

«Колониста» было решено направить в опергруппу, которую весной 1942 года формировал в Москве капитан госбезопасности

Дмитрий Медведев. До этого Медведев уже успел весьма успешно повоевать в немецком тылу, командуя такой опергруппой, за что был награжден орденом Ленина. Его новой разведывательно-диверсионной резидентуре (которой для маскировки присвоили название «Победители»), предстояло действовать в районе административного центра оккупированной Украины города Ровно.

Кузнецов должен был работать непосредственно в Ровно в униформе и с документами офицера вермахта. В целях конспирации он был зачислен в отряд как рядовой боец Николай Васильевич Грачев.

После разгрома Польши Гитлер включил ее западные территории в состав Третьего рейха с центром в Познани. Остальная часть страны была названа генерал-губернаторством с центром в Кракове. Генерал-губернатором стал рейхсминистр и рейхслейтер, обергруппенфюрер СА и СС Ганс Франк.

Оккупировав Украину, немцы расчленили ее на четыре части. Западные области: Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская (без северных районов) были включены в генерал-губернаторство, в него же вошла Галиция с центром во Львове, который теперь называли по-немецки Лембергом. Управлял этой территорией — дистриктом губернатор, профессиональный разведчик бригадефюрер СС Отто Вехтер.

Рейхскомиссаром Украины Гитлер назначил обер-президента и гаулейтера Восточной Пруссии, почетного группенфюрера СС Эриха Коха.

Город Ровно одновременно был и центром генерального округа «Волынь». В этот округ (всего их на Украине было шесть) входили Ровенская, Луцкая, Каменец-Подольская области УССР, а также часть Брестской и Пинской областей Белоруссии. Генеральным комиссаром «Волыни» был обергруппенфюрер СА Шене. В Ровно, небольшом городке, располагались многие десятки важных учреждений и штабов оккупантов, которые и должны были стать объектами разведывательной и диверсионной деятельности разведчиков отряда «Победители».

Перед Кузнецовым, в частности, дополнительно была поставлена задача особая — организовать уничтожение рейхскомиссара Коха.

Специалисты 4-го управления тщательно разработали Кузнецову надежную легенду. Внедрить его в какое-либо военное учреждение или воинскую часть было практически невозможно. Следовало придумать такую должность, которая позволяла бы ему сколь угодно часто появляться в Ровно и свободно перемещаться по оккупированной территории, бывать в

различных учреждениях, не вызывая подозрений.

С учетом этих требований, специалисты своего дела из 4-го управления придумали для Кузнецова прекрасную должность — чрезвычайного уполномоченного хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта — «Виртшафтскоммандо», сокращенно «Викдо».

Его биография теперь выглядела так…

Пауль Вильгельм Зиберт родился 28 июля 1913 года в Кенигсберге. Отец служил в имении князя Рихарда Юон-Шлобиттена близ города Эльбинга (ныне город Эльблонт в Польше) в Восточной Пруссии. Погиб на Восточном фронте в 1915 году.

Пауль Вильгельм поступил в училище практического сельского хозяйства по лесному делу (так была учтена гражданская профессия Кузнецова). Впоследствии призван в армию.

Участвовал в боях в Польше и во Франции. Награжден «Железными крестами» второго и первого класса. Служил в 230-м пехотном полку 76-й пехотной дивизии. Последнее звание — обер-лейтенант. Контужен и тяжело ранен. До полного выздоровления направлен в «Викдо». Прямые обязанности — обеспечение фронта лесом по маршруту Чернигов — Киев — Овруч — Дубно — Ровно…

Соответственно обер-лейтенант был обеспечен всеми необходимыми документами, вплоть до водительских прав, обмундированием, всякими бытовыми предметами германского производства. Разумеется, он прошел хоть и ускоренную, но весьма напряженную подготовку — изучал структуру вермахта, его уставы, традиции и обычаи, порядки, взаимоотношения между военнослужащими, вооружение и тому подобное.

…В ночь на 26 августа 1942 года в составе группы бойцов в расположение уже находящейся здесь основной части отряда «Победители» приземлился с парашютом и Николай Васильевич Грачев. А 19 октября того же года на главной улице Ровно, носящей в годы оккупации название Дойчештрассе (ныне Соборная) впервые появился стройный обер-лейтенант с двумя «Железными крестами» на груди. От множества других офицеров его отличали разве что пилотка на голове и тяжелый парабеллум на ремне, что означало — фронтовик. Офицеры ровенского гарнизона и штабов обычно носили фуражки и более легкое личное оружие: браунинги, вальтеры.

При следующей поездке в город это было учтено. Зиберту срочно прислали из Москвы фуражку и новый вальтер…

Сегодня это кажется невероятным. Русский человек, гражданский, никогда в Германии не бывавший, на протяжении ШЕСТНАДЦАТИ месяцев, повседневно вращаясь в среде офицеров вермахта, спецслуцжб, чиновников оккупационных властей, успешно выдавал себя за кадрового обер-лейтенанта (а затем и капитана) вермахта, обзавелся среди них множеством приятелей и выуживал в общении массу ценной политической и военной информации. И это при том, что небольшой город насквозь просматривался гитлеровскими спецслужбами: контрразведкой абвера, тайной полевой полицией — ГФП, фельджандармерией, наконец, СД — службой безопасности, местной военной комендатурой.

Бывший заместитель Дмитрия Медведева по разведке Александр Лукин рассказывал автору, что, по его подсчетам, документы «Зиберта» по разному поводу просматривали свыше СЕМИДЕСЯТИ раз и никогда ни сам их владелец, ни его зольдбух и всякого рода справки не вызвали ни малейшего подозрения.

Особый интерес в Ровно для советской разведки представляли рейхскомиссариат «Украина» с его многочисленными отделами, штаб командующего вооруженными силами на Украине генерал-лейтенанта авиации Китцингера, штаб главного интендантства, хозяйственный штаб группы армий «Юг», штаб командующего так называемыми «Восточными войсками» и другие. Представляла интерес также деятельность ряда экономических организаций — местной администрации и так называемой «вспомогательной полиции».

Со временем Кузнецов-Зиберт либо проник лично в некоторые из этих объектов, либо обзавелся в них надежными источниками информации, с которыми знакомился во внеслужебной обстановке. Так, настоящей находкой для него стали лучший тогда в городе ресторан «Дойчегофф» на центральной улице, а также офицерский клуб и некоторые другие заведения «только для немцев».

Популярности обер-лейтенанта Зиберта в определенных офицерских кругах способствовало то, что он был при хороших деньгах и к тому же щедрым, компанейским человеком. Откуда у него деньги, приятелям было понятно без объяснений: все знали, что фронтовик Зиберт уже больше года после контузии и тяжелого ранения служит по хозяйственному ведомству. Такой службе можно было только позавидовать.

Не следует думать, что Кузнецов действовал в Ровно в одиночку. На самом деле он фактически являлся настоящим резидентом отряда в городе. Под его началом успешно работала группа разведчиков, как заброшенных вместе с ним из Москвы,

так и обретенных на месте. Это бежавшие из плена бойцы и командиры Красной Армии, попавшие в окружение, не сумевшие пробиться к своим через линию фронта, а также, разумеется, местные жители. Благодаря их поддержке Кузнецов располагал в городе несколькими надежными квартирами, в его распоряжении был конный экипаж с великолепными лошадьми, автомобили и мотоцикл.

Из числа помощников, а точнее — боевых соратников Кузнецова можно назвать Николая Приходько (погибшего в неравном бою и удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза), Николая Гнидюка, Николая Струтинского, Валентина Семенова, местных жителей двоюродных сестер Лидию Лисовскую и Марию Микоту, поляков Яна Каминского и Мечислава Стефаньского.

В самом отряде лишь несколько человек знали, кто на самом деле боец Грачев. На задание он уходил всегда незаметно в сопровождении двух-трех надежных бойцов. На так называемом «Зеленом маяке», расположенном иногда в нескольких десятках километрах от отряда и Ровно, он переодевался в немецкую униформу и следовал в город уже обычно на автомобиле. Машины для Зиберта заимствовали либо в гараже гебитскомиссариата, либо какой-либо воинской части, перекрашивали, снабжали новыми номерами. Таким же путем Кузнецов возвращался обратно. Время от времени «маяки» меняли. Сюда же, на «маяк», связники доставляли от Кузнецова его донесения. Отсюда ему передавали инструкции, деньги — все, в чем он нуждался.

В отряде имелся взвод радистов. Поток информации от Кузнецова и других разведчиков, действовавших не только в Ровно, но и в соседних городах — Здолбунове, Сарнах, Луцке, — был настолько велик, что радисты работали, сменяя друг друга, фактически круглосуточно.

Информацию передавали самую разнообразную. Большое значение для командования Красной Армии имели данные о количестве не только эшелонов с живой силой и техникой, направляемыми на фронт, но и о количестве составов с ранеными, а также выведенными из строя танками и орудиями, следующими с фронта в тыл. Это позволяло делать выводы о подлинных потерях противника.

Под постоянным наблюдением и группы Кузнецова, и других разведчиков отряда были железные и шоссейные дороги. Так, в разгар Сталинградской битвы в Москву ушли сообщения о переброске к Волге немецких пехотных дивизий из-под Ленинграда, из оккупированной Франции, а также танковой

дивизии из армии генерала Роммеля в Африке. Последнюю гнали к фронту так поспешно, что даже не успели перекрасить танки и другую боевую технику из «африканского» песочного цвета в обычный, серо-синий.

Не довольствуясь традиционными методами сбора информации, в отряде при участии Кузнецова были разработаны весьма своеобразные новинки. Так была блистательно воплощена в жизнь идея боевой операции, получившей название «подвижная засада».

…В холодный пасмурный день 7 февраля 1943 года из леса неподалеку от большого села Рудня-Бобровская выехали сразу после полудня пять фурманок. Громыхая на замерзших ухабах, они направились кружным путем в сторону шоссе Ровно — Киев.

На передней фурманке, зябко кутаясь в зимнюю офицерскую шинель с пристяжным меховым воротником, восседал немецкий обер-лейтенант. На шее болтался автомат. Слева от пряжки ремня темнела предусмотрительно расстегнутая кобура парабеллума.

Обер-лейтенант был единственным офицером в колонне. Спутники же его были полицаи, в основном молодые мужчины. Одеты кто во что горазд, одинаковыми были лишь белые нарукавные повязки с надписью на немецком и украинском языках «Вспомогательная полиция». Вооружение — автоматы, винтовки, гранаты.

Обычная для тех мест и в те времена картина: команда полицаев во главе с офицером-немцем направляется в какое-то село наводить порядок или реквизировать продовольствие.

Уже начало темнеть, когда фурманки выехали на шоссе и свернули в сторону Корца. Иногда навстречу им проносились или, наоборот, обгоняли крытые армейские грузовики. На них офицер не обращал никакого внимания. И вдруг где-то вдалеке по-комариному высоко и надсадно запел мотор, запрыгали, приближаясь, огни подфарников пока еще невидимого легкового автомобиля. Обер-лейтенант, словно проверяя для себя что-то, взглянул на часы. Полицаи оборвали песню, побросали на дорогу недокуренные цигарки.

Машина вылетела из-за поворота, не снижая скорости. И тут произошло неожиданное. Как только она поравнялась с полицаем, шедшим в голове колонны, хлопнул пистолетный выстрел. В следующую секунду второй полицай выхватил из висевшей на боку торбы тяжелую противотанковую гранату и точным взмахом руки метнул ее под заднее колесо автомобиля. Взрыв подбросил задний мост с бешено вращающимися колесами. На какой-то миг машина замерла на хрустнувшем радиаторе, грузно перевернулась и рухнула в кювет. Тускло блеснули полированные

бока, их тут же прошили строчки автоматных очередей.

Первым с пистолетом в руке к дымящейся груде исковерканного металла подбежал обер-лейтенант. Одного взгляда в кабину было достаточно, чтобы понять: живых нет. Повернувшись к подбежавшим полицаям, он приказал на чистом русском языке:

— Забрать все документы и оружие!

Едва партизаны успели выполнить приказ, как из-за поворота выскочила еще одна машина с желтыми фарами, положенными только начальству. Ее пассажиры, видимо, поняли, что на шоссе засада, потому что их автомобиль — многоместный частично бронированный «опель» гнал на огромной скорости, не сбрасывая газ. Гулко забарабанили по броне бессильные винтовочные и автоматные пули. И автомобиль ушел бы, если бы один из бойцов не успел сменить диск у своего ручного пулемета и не выпустил вслед машине длинную очередь бронебойными пулями.

Вихляя из стороны в сторону, машина прокатилась метров пятьдесят и, въехав боком в кювет, замерла.

Подбежавшие партизаны обнаружили в кабине убитого наповал шофера и еще одного мертвеца — зондерфюрера в чине майора. Два офицера, прикрытые кузовом и бронеспинкой, хоть и потеряли сознание, но остались живы. Один из них, с подполковничьими погонами на желтой подложке войск связи, продолжал судорожно сжимать в руке большой желтый портфель.

К этому портфелю и устремился в первую очередь человек в форме немецкого обер-лейтенанта. Последовала новая команда:

— Пленных грузить на фурманки, вещи и оружие забрать. Уходим!

В этот же день командир отряда «Тимофей» (оперативный псевдоним Медведева) докладывал в Центр: «С «Колонистом» через радиста Орлова установлена связь. «Колонист» для проверки данных о Кохе захватил в плен офицеров: советника военного управления доктора Райса и технического инспектора телеграфов Планерта. Оба из Ровно. Результаты допросов сообщу».

Почему по радио? Потому что Кузнецов со своей группой и пленными отправился не в отряд, а на одну из своих баз на хуторе доверенного лица Вацлава Жигадло. Здесь в ходе допросов выяснилось, что во время операции убиты зондерфюрер майор граф Гаан, ответственный сотрудник военной почтовой службы обер-лейтенант и два военных шофера. В плен захвачены подполковник Райс и обер-лейтенант Планерт.

Кузнецов допрашивал пленных пять суток. Получено много ценных данных и расшифрована захваченная в портфеле Райса

топографическая карта, на которой были нанесены пути сообщения и средства связи гитлеровцев на территории Украины, Польши и Германии, а также отражено состояние всех дорог, переездов, мостов, различных дорожных сооружений, отмечена прокладка подземного кабеля… С помощью этой карты (и проведенной позднее проверки) удалось установить местонахождение полевых ставок Гитлера и рейхсфюрера СС Гиммлера под Винницей.

Переданная в Ставку, эта карта принесла большую пользу командованию Красной Армии летом того же 1943 года, когда на Украине развернулось мощное наступление, завершившееся форсированием Днепра и освобождением Киева.

Порой от «Колониста» поступала и не совсем обычная информация. Например, о создании и успешном испытании в Германии «летающей бомбы». То были самолеты-снаряды ФАУ-1, которыми немцы вскоре стали обстреливать Лондон. Об активизации деятельности нацистских спецслужб, направленной на Иран. Как выяснилось, дело шло о возможности подготовки и проведении покушения на жизнь «Большой тройки» — президента США Рузвельта, премьер-министра Великобритании Черчилля и Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Сталина в Тегеране. О заброске в СССР двух агентов нацистских спецслужб, которые должны были проникнуть в лагерь для немецких военнопленных под Москвой и уничтожить руководителей «Союза немецких офицеров», плененных в Сталинграде — генерала от артиллерии Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха и генерал-лейтенанта Эльдера фон Дэниельса. О доставке на Украину, в город Луцк, эшелона с партией химических снарядов. Впоследствии образец начинки такого снаряда был похищен с секретного склада группой луцких разведчиков и доставлен в Москву…

31 мая 1943 года в результате хитроумной комбинации, используя, в частности, приятельские отношения с адъютантом Коха капитаном Бабахом, Зиберт-Кузнецов добился личной аудиенции у рейхскомиссара Украины. Предлог — просьба освободить от направления на работы в Германию невесту Зиберта Валентину Довгер, дочь якобы убитого партизанами служащего местной администрации. Настоящая цель — ликвидация палача украинского народа. Осуществить покушение из пистолета не удалось, настолько профессионально была поставлена охрана Коха: во время аудиенции сзади вплотную стояли два рослых эсэсовца, в ногах — дрессированная немецкая овчарка.

В разговоре с Зибертом Кох не напрямую, но вполне

определенно подтвердил подготовку решающего наступления немецких войск на Курской дуге.

В феврале 1943 года Президиум Верховного Совета СССР учредил новую государственную награду — медаль «Партизану Отечественной войны» двух степеней. Ею было награждено около 200 медведевцев. Медали первой степени был удостоен и Николай Кузнецов.

Летом 1943 года принято решение нанести ряд ударов по высшим чинам гитлеровской администрации в Ровно. Несколько успешных диверсий, в ходе которых были уничтожены десятки немецких офицеров, совершили боевые друзья Кузнецова — бойцы и подпольщики отряда «Победители». Ряд громких актов возмездия предстояло совершить и ему с ближайшими сподвижниками.

Второй по значимости фигурой в администрации оккупантов на Украине был заместитель Коха Пауль Даргель. Он жил на Шлоссштрассе, неподалеку от комиссариата и ходил обедать домой пешком в сопровождении адъютанта.

Первое покушение на Даргеля Кузнецов совершил 20 сентября 1943 года. Ему не повезло — произошло невероятное совпадение. В установленный день и час в особняк Даргеля шел не он, а его гость — прибывший из Берлина новый руководитель отдела финансов доктор Гель и референт Винтер. Выстрелами из пистолета Кузнецов убил обоих.

При втором покушении — на сей раз Кузнецов ни с кем Даргеля не спутал — заместителю Коха снова повезло: пули его миновали. Более того, он разглядел, что стрелял в него немецкий обер-лейтенант.

Решительно, этот человек словно в рубашке родился: в третий раз Кузнецов метнул в него ручную гранату. Даргель опять остался жив, взрыв только контузил его, убитым оказался какой-то немецкий подполковник, находившийся на противоположной стороне улицы.

10 ноября Кузнецов ранил второго заместителя Коха, руководителя экономических служб Курта Кнута.

15 ноября Николай Кузнецов и его товарищи похитили из особняка на Млынарской улице командующего так называемыми «Восточными войсками» (укомплектованными в основном из согласившихся служить немцам советских военнопленных) генерал-майора Макса Ильгена. Так случилось, что, когда Ильгена с кляпом во рту запихивали в автомобиль, мимо дома проходил немолодой капитан, поинтересовавшийся, естественно, что тут происходит. Зиберт назвался сотрудником тайной полевой полиции, арестовавшим советского партизана,

переодетого в немецкую форму. В свою очередь предложил капитану предъявить документы. Тот оказался… личным шофером рейхскомиссара Коха Паулем Гранау! Зиберт-Кузнецов попросил его проехать с ним в качестве свидетеля. Тот согласился. Больше Кох своего верного водителя никогда не видел…

На другой день, 16 ноября, прямо в здании суда на Школьной улице Кузнецов в упор застрелил главного немецкого судью на Украине оберфюрера СА Альфреда Функа.

В эти же дни Кузнецову пришлось уничтожить сотрудника военной контрразведки при рейхскомиссариате капитана Мартина Геттеля, проявившего слишком пристальное внимание к сотруднице комиссариата Валентине Довгер. После аудиенции девушку по распоряжению Коха приняли туда на техническую должность.

В декабре 1943 года большая группа медведевцев была удостоена государственных наград. Орденом Ленина был награжден и Николай Кузнецов.

К началу 1944 года фронт приблизился к Ровно. Началась эвакуация из города немецких административных и военных учреждений и штабов. В Центре было принято решение перебазировать отряд «Победители» в район Львова. Предварительно туда отправили группу бойцов, а также с самостоятельным заданием Николая Кузнецова в сопровождении Яна Каминского, участника всех последних операций, и шофера — бывшего военнопленного Ивана Белова.

К этому времени немцы уже знали, что в Ровно дерзко действует человек в форме обер-лейтенанта вермахта, они даже располагали примерным описанием его внешности — Даргель не только сумел разглядеть покушавшегося, но даже запомнил марку его автомобиля.

Чтобы обезопасить разведчика, Кузнецова тут же повысили в звании — сделали капитаном и добыли новую машину.

Во Львове Николай Кузнецов уничтожил вице-губернатора Галиции доктора Отто Бауэра и сопровождавшего его шефа канцелярии правительства дистрикта доктора Гейнриха Шнайдера.

Ранее Кузнецов по не установленному по сей день поводу вошел в здание штаба военно-воздушных сил на Валовой улице и при проверке документов был вынужден застрелить подполковника Ганса Петерса и обер-ефрейтора Зейделя. Однако при этом он лишился своего зольдбуха.

Теперь немецкие спецслужбы искали не таинственного офицера, а вполне реального — капитана Зиберта.

Оставаться во Львове Кузнецову и его спутникам было невозможно. Задача — спешно покинуть город, укрыться где-нибудь и дождаться прихода Красной Армии.

12 февраля в восемнадцати километрах от Львова, возле шлагбаума у села Куровицы серый «пежо» Кузнецова остановил пост полевой жандармерии. Кузнецов сразу почувствовал опасность: начальником поста был не фельдфебель, и даже не лейтенант, а майор. Это могло означать только одно: капитана Зиберта ожидали, видимо, на всех дорогах, ведущих из Львова.

Кузнецову ничего не оставалось, как дважды выстрелить в майора в упор, а Каминский выпустил в стоявших неподалеку солдат длинную очередь. В ту же секунду шофер Белов прибавил газу… К сожалению, Каминский поразил не всех жандармов. Вслед машине загремели автоматные очереди. Несколько пуль попали в задние колеса. Автомобиль проехал еще метров 800 и встал. Покинув машину, разведчики скрылись в лесу. Погони, по счастью, не последовало.

Свыше двух недель Кузнецов и его спутники скитались в лесах. Им не суждено было дождаться прихода Красной Армии. В первых числах марта 1944 года они напоролись на отряд украинских националистов, по некоторым сведениям, переодетых в форму солдат Красной Армии, и погибли в неравной схватке.

Понимая, что, оказавшись в зоне боевых действий, он может погибнуть, Кузнецов в коротком рапорте на имя одного из руководителей Центра описал свои последние действия. Подписал рапорт псевдонимом «Пух», известным только в Москве.

Лишь обнаружив на теле погибшего в немецкой униформе этот рапорт, командир отряда так называемой Украинской повстанческой армии понял, насколько ему повезло. На определенных условиях он передал этот документ начальнику полиции безопасности и СД по Галицийскому округу оберштурмбаннфюреру СС доктору Витиске. Последний 2 апреля 1944 года поставил об этом в известность шефа гестапо группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Генриха Мюллера…

Копия этого рапорта была обнаружена после освобождения Львова среди документов полиции безопасности и СД по Галицийскому округу.

Тем не менее в Москве долгое время не верили в гибель Николая Кузнецова, Яна Каминского и Ивана Белова.

5 ноября 1944 года группе партизан-чекистов было присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе — Дмитрию Николаевичу Медведеву и Николаю Ивановичу Кузнецову.

Слово «посмертно» после фамилии Кузнецова проставлено не было.

Ян Станиславович Каминский и Иван Васильевич Белов тогда же были награждены орденами Отечественной войны 1-й степени.

Т. ГЛАДКОВ

Николай Струтинский

Первая встреча Николая Владимировича Струтинского и Николая Васильевича Грачева — под этим именем в партизанском отряде «Победители» появился Николай Иванович Кузнецов — состоялась 25 августа 1942 года. Постепенно их знакомство переросло в дружбу. Струтинский стал надежным помощником Кузнецова при выполнении боевых операций. В форме солдата войск вермахта он возил обер-лейтенанта Пауля Зиберта, в роль которого вжился Николай Иванович, по улицам Ровно, участвовал в ликвидации крупных гитлеровских чинов.

Николай Струтинский родился 1 апреля 1920 года в селе Горыньград на Волыни, которая в те годы входила в состав Польши: правительство Пилсудского селило в этих местах бывших офицеров польской армии, воевавших против Советской России. Самые плодородные земли отдавались им в вечное пользование. Высокомерные чужаки с презрением относились к местному населению, называя его «быдлом». В начальной школе, где учились Николай и его братья Георгий, Ростислав, преподавали на польском языке. Чтобы прокормиться, даже юнцам приходилось батрачить на богатеев.

Глава семьи Владимир Степанович устроился каменщиком на Бабинский сахарный завод. С напарниками он толковал не только о работе, но и о политике, о том, что по ту сторону границы, в Советском Союзе, рабочий человек сам стал хозяином. За такие разговорчики старшего Струтинского выставили с завода. Пришлось перебраться в село, корчевать пни на заброшенном участке…

В сентябре 1939 года Западная Украина стала советской. Двое братьев Струтинских, Николай и Ростислав, поступили на курсы шоферов в Ровно, где их учили за государственный счет. Отец, Владимир Степанович, стал помощником лесничего.

После курсов Николая приняли в Людвипольский райпотребсоюз. Когда началась война, Струтинского с его «полуторкой» перевели в распоряжение райотдела НКВД. Из Ровно Николай вывозил сотрудников государственных учреждений и раненых красноармейцев. Попадал под бомбежки, участвовал в стычках с немецкими парашютистами. Во время ликвидации одного из фашистских десантов ударные группировки гитлеровцев обошли оборонявшихся чекистов с двух сторон и замкнули кольцо. Пришлось пробираться к своим по берегу Славутича.

Война укатилась на восток, а на родине оккупанты

установили «новый порядок». Братья Струтинские — Николай, Ростислав, Георгий, их друзья, как и многие другие, не приняли его, — решили воевать. У лесников, которых вооружили фашисты, «одолжили» винтовки. А самая большая удача ждала их у Бабинского сахарного завода, где остались подбитые советские танки с пулеметами. Сняв три пулемета с обгоревших боевых машин, ребята разобрали их, смазали и укрыли до поры.

Отряд готовился к боевым акциям, но кто-то из местных выдал партизан. Николая и Ростислава Струтинских арестовали. К счастью, в ту же ночь им удалось бежать и укрыться в глухом лесу.

Это место и стало базой отряда, который сформировали братья. Отсюда партизаны делали вылазки, разоружали полицаев, а тех, кто лютовал, — уничтожали.

Однажды, устроив засаду, Николай Струтинский и его товарищи расстреляли группу карателей во главе с сотником Кравчуком. После этого в округе распространился слух о том, что во вражеском тылу действует большое подразделение советских бойцов. Это было на руку партизанам — гитлеровцы опасались соваться глубоко в лес.

Отряд пополнялся военнопленными, бежавшими из концлагерей. Среди них были не только рядовые солдаты. Например, лейтенант Федор Воробьев и флотский старшина Николай Киселев имели боевой опыт. Однако все признавали авторитет Николая Струтинского, избранного командиром. А отец Владимир Степанович, которому было уже за пятьдесят, стал заправским комиссаром. Действовали с учетом обстановки, стремясь нанести максимальный урон врагу.

Горсточка народных мстителей напугала оккупантов, совершив налет на Хмелевский лесопильный завод, невдалеке от которого располагалась карательная часть. Спешивший к заводу полицейский отряд партизаны встретили дружным огнем. Фашисты, боясь попасть в переплет, послали вперед своих пособников-националистов. Это была первая крупная диверсия, совершенная группой Николая Струтинского.

Вскоре от связного Петра Трофимчука стало известно, что гестаповцы привезут из Костополя арестованных подпольщиков, чтобы прилюдно казнить их в центре города для устрашения сочувствовавших партизанам. Бойцы Струтинского на рассвете перехватили крытый грузовик с пленниками и, расстреляв охрану, освободили подпольщиков. В том бою они захватили два автомата, четыре винтовки, пистолет, две гестаповские офицерские формы, обмундирование полицаев. В полевой сумке обер-лейтенанта Иоганна Шюце нашли бумагу с фамилией

Струтинского. Это был приказ начальнику Людвипольского гарнизона уничтожить его «партизанскую группировку». Был в сумке и образец листовки, которую надо было напечатать и расклеить в городах и селах. В ней обещалось крупное вознаграждение за поимку Николая Струтинского, объявленного «главарем русских бандитов».

Летом-осенью 1942 года в западных областях Украины наряду с партизанами действовали и вооруженные националистические банды. Они утверждали, что выступят даже против немцев, если Адольф Гитлер после победы над большевиками не предоставит им «незалежность». Одним из главарей националистов на Ровенщине был Тарас Боровец, избравший себе псевдоним «Тарас Бульба». Он прошел обучение в абверовской школе «Вали» в Варшаве и служил в зондерштабе-Р («Россия»). В июле 1941 года гитлеровцы назначили его комендантом службы безопасности по Сарненскому и Олевскому округам. Но об этом секретном приказе и истинной роли Боровца-Бульбы мало кто знал. Он, по сути дела, в открытую создал вооруженную банду (обеспеченную немцами всем необходимым) «Полесская сечь» — ядро будущей «Украинской повстанческой армии», которая верно служила гитлеровцам.

Вот с каким коварным и жестоким врагом решил встретиться Николай Струтинский, еще не знавший всей подноготной двойного Тараса. Но он рисковал, чтобы разубедить сбитых с толку земляков, которые клюнули на девиз Бульбы: «Украина для украинцев!»

Группа прикрытия держала под прицелом хутор, где обосновались «бульбаши», пока Струтинский и его товарищ Иван Пихур вели с ними переговоры. Боровец-Бульба, представляя своих подручных, называл их по кличкам: поручик Зубатый, сотник Пидмоченый… Выставил на стол бутыль самогона, сало и сливочное масло. Но трапеза не заладилась.

— За что выпьем, командир? — спросил атаман.

— За то, чтобы Гитлера — туда! — показал на небо Струтинский.

— Ишь какой скорый! — засопел Бульба. — У нас полно врагов и по соседству — поляки, евреи… От них надо избавляться. Украинская нация должна быть чистой. И Германия нам в этом поможет.

Захмелев, Бульба предложил Струтинскому перейти к нему со своим отрядом.

— Ты обижен не будешь, получишь любой портфель!

А через несколько дней Петр Трофимчук принес самодельный конверт. В нем было письмо, которое Николай Струтинский

прочитал вслух:

«…Предлагаю всей вашей группе с оружием перейти в мое распоряжение. В противном случае ликвидирую! Атаман Тарас Бульба. 12 сентября 1942 года».

— Что ж, будем готовиться к войне на два фронта, — сказал Струтинский. — С фашистами и «бульбашами».

Струтинский настойчиво искал контакты с другими партизанскими отрядами, которые действовали в округе. Как-то в селе Вороновке крестьяне рассказали, что ночью низко гудели самолеты, а после в окрестностях появились вооруженные незнакомцы. Партизаны сумели разыскать их в полесской глуши. Недоверие и настороженность растаяли, когда люди с военной выправкой и советскими автоматами, бывшими здесь в диковинку, привели Струтинского к высокому брюнету в гимнастерке.

— Будем знакомы: Медведев, — отрекомендовался он. — Наслышан о вашем семейном отряде. Это вы недавно сожгли автомашину на большаке Людвиполь-Костополь и уничтожили гестаповцев?

— Так точно! — подтвердил Николай.

— Значит, наши сведения точны. Оставайтесь с нами. Но учтите: проверим каждого. Думаю, не обидитесь.

Для выполнения специальных заданий требовалась немецкая форма. Начальник хозяйственной части отряда Иван Соколов придирчиво отбирал трофейное обмундирование, тщательно подгонял его для каждого бойца. Николай Струтинский облачался то в полицейский френч, то в мундир солдата вермахта — в зависимости от того, где и как нужно было действовать, прикрывая Николая Васильевича Грачева — Пауля Вильгельма Зиберта. Став его личным шофером, Струтинский многому научился у опытного разведчика.

Кстати, в первой поездке в Ровно Кузнецова сопровождал глава семейства Струтинских, хорошо знавший город. Они шли по разным сторонам то одной, то другой улицы — Владимир Степанович сутулился и опирался на палочку, а Николай Иванович шел свободно и уверенно. Партизаны Николай Струтинский, Михаил Шевчук и Николай Гнидюк следовали поодаль под видом полицейского патруля.

Еще в годы батрачества Николай Струтинский прослыл мастеровитым подростком. Особенно удавалась ему резьба по дереву. В отряде эти навыки пригодились. Для разведки партизанам были крайне необходимы надежные документы. Так вот Николай из подошв от сапог вырезал штампы немецких организаций и штабов. Брал за основу подлинники, которые

добывали подпольщики, и копировал их настолько точно, что гестаповцы не распознавали фальшивок. Самую сложную печать Струтинский мастерил за три-четыре часа.

…Съездив в Ровно пару раз на бричке, Кузнецов сказал Струтинскому:

— Нужен другой транспорт. Пора обзавестись своей машиной.

Николай принялся за поиски. Подпольщик Иван Сотников, работавший маляром в немецком комиссариате, познакомил его с водителями. Оказалось, среди них есть и советский военнопленный Афанасий Степочкин. Струтинский исподволь прощупал его настроение: парень оказался надежным. Вскоре из гаража исчез черный «опель-кадет» вместе с водителем. Разведчики переправили Степочкина в отряд. Машину перекрасили, сменили номерные знаки.

Рейхскомиссар Украины Эрих Кох предпочитал руководить делами из Восточной Пруссии. А в Ровно заправлял его заместитель генерал Пауль Даргель. Решение о его ликвидации было утверждено в Москве. Полковник Дмитрий Медведев поручил операцию Николаю Кузнецову. В боевой группе был и Николай Струтинский.

Участвовал Николай Струтинский и в похищении командующего особыми войсками на Украине генерала фон Ильгена.

…15 ноября 1943 года сверкающий лимузин подкатил к дому Ильгена. Как обычно Струтинский был в солдатской форме, а Николай Кузнецов, Ян Каминский и Мечислав Стефанский — в форме офицеров рейхскомиссариата Украины. Струтинский вспоминал с характерной для него точностью:

«У входа стоял часовой, судя по всему, из казаков. Завидев немецких офицеров, он вытянулся по стойке смирно. Николай Иванович подошел и надменно спросил:

— Герр генераль цу хаузе? (Господин генерал дома?)

— Господин офицер, я не понимаю, — виновато отозвался часовой.

Кузнецов нарочито громко выругался по-немецки. Офицеры скрылись в особняке, а я подошел к растерявшемуся казаку. Он начал оправдываться, но я пожал плечами: мол, не знаю, что ты лопочешь.

Николай Иванович открыл дверь и махнул рукой часовому. Тот безропотно повиновался. Его обезоружили. Рядом, трясясь от страха, стоял денщик. Оба ничего не понимали. Может, немцы проверяют их преданность? Как себя вести? Зная, что дорога каждая минута, так как генерал должен был вот-вот приехать на

обед, Кузнецов ошарашил их по-русски:

— Мы — партизаны, а вы — предатели!

Денщик залепетал:

— Мы тут поневоле. Удрали бы к вам, но боимся — расстреляют…

— Вам предстоит искупить свою вину, иначе прикончим.

— Поняли, поняли…

— Марш на пост! — приказал Николай Иванович часовому. — Знай, что ты на мушке. Чтобы не сглупил, патроны отберем. Надевай каску и жди хозяина.

Вскоре к особняку подъехал «мерседес» черного цвета. Из него вышел высокий, плотно сбитый генерал. Машина сразу удалилась. Часовой и я вытянулись в струнку. Ильген вошел в дом и стал снимать шинель в коридоре. Я оказался рядом.

— Как ты смел быть здесь без моего разрешения?! — заорал генерал.

Из комнаты появился Зиберт-Кузнецов.

— А вам что здесь угодно? Кто вас сюда пропустил?

— Вы арестованы!

— Что? Кто вам дал такие полномочия?

— Верховное командование! Фюрер!

От неожиданности гитлеровец растерялся. Кузнецов цепко схватил Ильгена за руки, а я подскочил и сшиб его с ног. Каминский со Стефанским связали генерала парашютными стропами. Им добросовестно помогал денщик.

— Если будете вести себя благоразумно, то доставим вас по назначению, — решительно произнес Кузнецов. — В противном случае — уничтожим на месте!

Я засунул кляп в рот Ильгену. Вывели его на улицу. Здесь ему удалось выплюнуть кляп и до крови укусить мою руку. На его истошные крики сбежались немецкие офицеры, однако я успел набросить на голову Ильгена генеральский мундир вверх подкладкой, чтобы его никто не узнал.

— Я — офицер СД, — шагнул навстречу Николай Иванович и показал гестаповский жетон. — Мы задержали красного бандита, переодетого в форму немецкого генерала и пробравшегося сюда.

Предъявленный жетон произвел впечатление. А Кузнецов продолжал действовать напористо, потребовав, чтобы офицеры предъявили документы. Просматривая их, он обнаружил, что среди подошедших есть гауптман Гранау, личный шофер рейхс комиссара Коха.

— Вы поедете с нами в гестапо, — сказал ему Кузнецов. — Ваши показания будут иметь важное значение.

— Готов оказать услугу!

Связанного Ильгена втолкнули в машину. Я рванул ее с места. Быстро выехали за город. Допросили похищенных фашистов с пристрастием. Что было делать с ними дальше? Переправить в отряд Медведеву не представлялось возможным — партизаны отступали под натиском карателей к Припяти. Поэтому Ильген и Гранау были расстреляны».

В семье Струтинских было семеро детей. Четверо старших сыновей стали разведчиками, а младших со временем удалось переправить самолетом на Большую землю. Боевой разведчицей стала и их мама Марфа Ильинична. Она обижалась, что Дмитрий Николаевич Медведев жалеет ее и не посылает на рискованные задания. Но когда разведчики начали налаживать подпольную работу и в Луцке, Марфа Ильинична сказала, что в городе живет ее родная сестра Теофилия, есть и другие родственники, так что именно она меньше всего вызовет подозрений.

— Тяжелая нагрузка для ваших лет, — отговаривал ее Медведев.

— Не беспокойтесь, я справлюсь. Хочу быть полезной…

В сопровождении группы партизан во главе с капитаном Владимиром Фроловым Марфа Ильинична с молодой разведчицей Ядзей Урбанович прошли по бездорожью почти двести километров. Рядом с матерью постоянно был Ростислав, а Николай в те дни действовал в Ровно. Как он переживал потом, что не смог пойти с ними! Может, сумел бы уберечь самого дорогого человека от трагической гибели…

В Луцке Марфа Ильинична и Ядзя через своих родственников установили связи с подпольщиками. Они передали много ценной информации о дислокации немецких частей, эшелонах с химическими снарядами, планах карателей, сроках отправки молодежи в Германию. Распоров подкладку пальто, Струтинская аккуратно зашила внутрь бумаги и карты.

На обратном пути разведчиц встретили боевые товарищи. После тяжкого перехода вся группа расположилась передохнуть на хуторе Островки. Но, видимо, за ними следили. Глубокой ночью хату окружили каратели. Врасплох застать партизан им не удалось… До леса оставалось несколько десятков метров, когда пуля настигла Струтинскую.

— Ядзя, сними с меня пальто — в нем зашиты документы, — только и успела сказать партизанская мать.

Как позже признался Дмитрий Николаевич Медведев, он не раскаивался в том, что разрешил Марфе Ильиничне пойти на опасное задание, но всю жизнь горько сожалел об этом…

Большинство операций, проведенных Николаем Кузнецовым при непосредственном участии Николая Струтинского,

приходится на Ровно, где дислоцировались гитлеровские штабы и учреждения рейхскомиссариата Украины.

Струтинский помогал Кузнецову разработать план ликвидации Альфреда Функа, президента верховного немецкого суда на Украине. По приговорам, вынесенным или утвержденным этим нацистом, «законно» уничтожались тысячи и тысячи советских граждан. Акт возмездия над ним должен был стать символичным, чтобы люди в оккупации знали: палачам не миновать расправы!

Первоначально Кузнецов хотел застрелить Функа в парикмахерской, где тот брился каждое утро. Прикидывал и так и этак.

— А как ты мыслишь на этот счет, Николай? — спросил он Струтинского.

Тот стал рассуждать вслух:

— В парикмахерской обязательно будет еще кто-то. Да и место очень оживленное, просматриваемое со всех сторон. Уйти незамеченным ты не сможешь, а версия, пригодившаяся в случае с Ильгеном, тут никак не пройдет. Тебя же как-то представляли Функу. Воспользуйся этим и запишись на прием — мол, есть личное дело к верховному судье. За массивными дубовыми дверями звук выстрела будет приглушенным. А с единственным адъютантом ты без труда расправишься.

Так и произошло.

…Под напором Красной Армии захватчики спешно покидали Ровно и Луцк. В те дни группы Михаила Шевчука и Николая Струтинского устроили серию взрывов. Мина большой мощности, установленная в зале ожидания первого класса на ровенском вокзале, унесла на тот свет около тридцати старших офицеров, свыше ста были ранены. Грохот обвалившихся перекрытий сменился яростной перестрелкой — высыпавшие из подошедшего эшелона фашисты решили, что вокзал захвачен советскими парашютистами, и открыли огонь по своим.

Командование захватчиков перемещалось во Львов. 6 января 1944 года Медведев послал в этот город первую группу разведчиков. Следом направил туда и Николая Кузнецова в сопровождении Яна Каминского и Ивана Белова. Основные силы отряда тоже продвигались с боями на юго-запад. Почти двухсоткилометровый переход до Львова по лесам и болотам был для тысячи с лишним человек крайне тяжелым. То и дело приходилось прорываться сквозь засады, устроенные бандеровцами, отбиваться от регулярных немецких частей. Самый ожесточенный бой произошел у села Нивицы в 60 километрах от Львова, где Медведева спас от верной гибели казах Дарпек

Абдраимов. Он заслонил командира от пуль.

5 февраля отряд получил приказ развернуться на восток и задержать механизированную группировку противника, рвавшуюся на запад. В том бою Струтинский и его товарищи приняли бой с танками, подожгли несколько бронированных машин. Это было последнее сражение с фашистами — медведевцы оказались в тылу наступавшей Красной Армии. Со слезами на глазах они обнимались с советскими солдатами.

17 ноября 1944 года Николай Струтинский впервые побывал в Москве. Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина. Высокие награды получили и его боевые побратимы. А Дмитрию Николаевичу Медведеву Председатель Президиума Верховного Совета СССР прикрепил на грудь Золотую Звезду Героя Советского Союза. Трагическая тишина настала в зале Кремля, когда был зачитан указ о присвоении звания Героя Советского Союза Николаю Кузнецову и о награждении погибших вместе с ним Ивана Белова и Яна Каминского орденами Отечественной войны 1-й степени.

— Я должен был быть с ними, — шептал Николай Струтинский. — Может, мы бы отбились…

О последнем бое группы Кузнецова в ночь на 9 марта 1944 года мало что было известно. Больше было версий и предположений, обросших слухами. Николай Струтинский, переехав вскоре после войны во Львов, посвятил многие годы упорным поискам правды о гибели своего командира. Вместе с братьями он изучил множество архивных документов, вдоль и поперек исходил села и хутора Львовской области. Работая в органах государственной безопасности, Николай разыскал в Сибири бывших членов националистических банд. Многое прояснилось из рассказов старожилов сел Куровичи и Черница. Круг поиска постепенно сужался. В его центре оказалось село Боратин.

В ту послевоенную пору, вплоть до 1952 года, на Львовщине еще часто гремели выстрелы. Недобитки из бандеровских банд кружили по лесам. Прятались в схронах и делали вылазки, расправляясь с председателями сельсоветов и колхозов, учителями и механизаторами. Фашистские недобитки душили людей удавками (изобретение Бандеры), вспарывали им животы, топили в колодцах, сжигали живьем в хатах. Струтинские по крупицам добывали сведения у запуганных селян, боявшихся кары бандитов, которых гитлеровцы, отступая, щедро снабдили оружием и боеприпасами.

Южнее города Броды в стороне от дорог затаилось село Боратин. Именно в нем бандеровцы, доставленные на время из

мест заключения, указали на хату Степана Васильевича Голубовича, где разыгралась трагедия. Постепенно отошли от испуга и стали рассказывать хозяин дома, его жена Текля Павловна, сын и дочь — свидетели происшедшего.

Ивана Белова, охранявшего дом, бандиты зарезали. Сотник Чернигора узнал в Кузнецове разыскиваемого гитлеровцами гауптмана Зиберта — и в это мгновение отважный разведчик взорвал гранату. Ян Каминский выпрыгнул в окно, но его догнала пуля.

Где кого похоронили — было неизвестно. Пришлось провести много раскопок… В лабораторию пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР Струтинский привез череп, который предположительно принадлежал Кузнецову. Профессор М. М. Герасимов сделал заключение: это именно Кузнецов.

Увековечиванию памяти легендарного разведчика Струтинский отдавал все силы. Его книги «На берегах Горыни и Случи», «Дорогой бессмертия», «Подвиг» рассказывали о Кузнецове. По его настойчивому ходатайству открывались обелиски и памятные знаки. Назывались именем Кузнецова улицы и площади, школы и Дворцы культуры в Ровенской, Львовской, Волынской областях.

27 июля (так уж совпало, что это и день рождения Кузнецова, и день освобождения Львова от немецко-фашистских захватчиков) 1960 года останки Николая Ивановича были с воинскими почестями перезахоронены на Холме Славы.

Но не было покоя разведчику от украинских националистов и на месте последнего пристанища. Они много раз оскверняли его барельеф и надпись на надмогильной плите. Вандалы не жалели и уральских березок, плакучих ив, привезенных из Свердловской области и посаженных на Холме Славы.

После провозглашения независимости Украины памятник Кузнецову во Львове был демонтирован. Перелицовщики истории заявили: «Этот москаль был заслан в наш край для убийств тыловых немецких офицеров и распространения провокационных слухов о мести украинских националистов, за что были расстреляны тысячи наших героев нации».

Николай Струтинский защитил обелиск во Львове от кощунственного разрушения. Памятник перевезли на Урал, в город Талицу, где учился до войны Кузнецов, и установили на центральной площади. Этого добился Струтинский — на его обращения откликнулся губернатор Свердловской области Эдуард Россель, а земляки из райцентра прислали делегацию, чтобы доставить памятник на родину.

На торжественном открытии обелиска 21 ноября 1992 года Николай Владимирович Струтинский взволнованно говорил о своем боевом друге, с которым сражался в глубоком тылу врага.

В послевоенные годы, восполняя упущенное в годы батрачества, Струтинский получил среднее образование, затем окончил юридический факультет Львовского государственного университета и Высшую партийную школу. Работал председателем райисполкома. Но разведчик по натуре не мог не вернуться в разведку. В органах государственной безопасности Советского Союза Николай Владимирович дослужился до полковника, был награжден многими орденами и медалями. А уже в отставке ему было присвоено звание генерал-майора.

Скончался он во Львове в 2003 году.

Ю. КИРИЛЛОВ

Илья Старинов

Полковника Старинова трижды представляли к званию Героя Советского Союза — отказывали. Пять раз посылали бумаги на генерала. Не проходили. Зато, шутил он при наших встречах, столько же раз избежал расстрела. Значит, Бог хранил.

Легендарный подрывник родился 2 августа 1900 года на Орловской земле. Вся семья — восемь человек — ютилась в железнодорожной будке. Однажды ночью мальчик проснулся от грохотов взрывов. Оказалось, отец, обнаружив лопнувший рельс, положил на рельсы петарды, чтобы предупредить машиниста паровоза. Те ночные взрывы поразили мальчишеское воображение. И сопровождали его всю жизнь.

В 1919 году Илья вступает добровольцем в Красную Армию. В бою его ранил осколок снаряда. Врачи, опасаясь гангрены, готовились к ампутации, но затем удалось спасти парню ногу.

В госпитальной палате Старинов познакомился с двумя саперами. И так увлекся их рассказами, что после выписки тоже решил стать подрывником. Его направили в Воронежскую школу военно-железнодорожных техников. Школу он окончил с отличием и в 4-м Краснознаменном Коростенском железнодорожном полку принял под свое начало подрывную команду. Уже в те годы Старинов задумался над созданием портативной мины — простой, удобной, с безотказными взрывателями. Одно из первых его изобретений — мина-сюрприз для защиты малых мостов. Одной такой ловушки было достаточно, чтобы оглушить диверсанта. Наверное, такая штуковина пригодилась бы и в наши дни.

Талантливым подрывником заинтересовались в Москве. И в январе 1930 года Генштаб РККА поручает ему подготовку диверсантов — «кадров глубокого залегания». Им предстояло в случае войны наносить удары по дорогам и коммуникациям противника, действуя на оккупированной территории.

Взявшись за новое, увлекательное дело, Старинов организовал мастерскую-лабораторию, где вместе со своими товарищами разработал образцы мин, наиболее удобных для партизанской войны. В этой секретной лаборатории родились так называемые «угольные мины», с успехом применявшиеся в годы Великой Отечественной войны. Там же были созданы широко известные автоматические мины.

«Мы сконструировали «колесный замыкатель», впоследствии окрещенный в Испании миной «рапидо» (быстрый), — вспоминал позже Илья Григорьевич. — Придумали и отработали способы

подрыва автомашин и поездов минами, управляемыми по проводам и с помощью бечевки».

В августе 1933 года Старинов поступил на 2-й курс эксплуатационного факультета Военно-транспортной академии РККА. Параллельно с учебой он участвовал в подготовке минно-взрывных средств, предназначенных для длительного хранения. Создавал тайные склады на скрытых партизанских базах.

Однако в 1935 году подготовка к партизанской войне была неожиданно свернута. Это непродуманное решение еще аукнется в годы Великой Отечественной войны.

«4 мая 1935 года в Кремле я сидел за столом выпускников-отличников, — рассказывал Илья Григорьевич, — и, затаив дыхание, слушал историческую речь Сталина со знаменитыми словами «кадры решают все». Я впервые видел его так близко. Чем больше смотрел, тем меньше был похож этот невысокий человек с пушистыми усами и низким лбом на того Сталина, которого мы обычно видели на фотографиях и плакатах. Видел, как чокался Иосиф Виссарионович с теми, кого расстрелял в 37-м. Большинство тех, кто присутствовал на этом приеме и восторженно слушал Сталина, были вскоре арестованы и погибли в результате репрессий».

Краском Старинов избежал этой участи. Его наградили именными часами — и назначили заместителем военного коменданта Московского вокзала в Ленинграде. Дело, которому было отдано столько времени и сил, казалось безнадежно загубленным.

С началом боевых действий в Испании Старинов отправил рапорт на имя руководителя Разведывательного управления РККА Яна Берзина, в котором обосновал необходимость своей командировки в эту «горячую», как бы сказали сейчас, точку Европы. Его услышали.

По личному распоряжению «Старика» (псевдоним Берзина) он получил назначение советником и инструктором по диверсии. Добираться пришлось через всю Европу: Варшава — Вена — Париж и, наконец, Валенсия. Ко времени приезда Старинова войска генерала Франко вели успешные бои. В их распоряжении была разветвленная система железнодорожных и автотранспортных коммуникаций. Их требовалось срочно перерезать.

В распоряжение Старинова поступило все необходимое: оружие, взрывчатка, транспорт, а самое главное — группа из 12 молодых бойцов под началом капитана Доминго Унгрии. Одна из первых задач — разрушить километровый тоннель на участке Пеньярроя — Кордова. Этот тоннель уже пытались взорвать, но

рота, направленная на задание, понесла тяжелые потери.

Старинов предложил использовать так называемую «схватываемую» мину. Ее «слепили» из небольшого количества взрывчатки, автомобильной покрышки и крюка арматуры. Эшелон с боеприпасами подхватил подарочек за полтора километра от тоннеля. Через минуту-другую раздался взрыв…

За время командировки подопечные «Родольфо» (псевдоним Старинова) совершили около двухсот диверсий и засад. Среди самых громких операций — уничтожение под Кордовой в феврале 1937 года состава со штабом итальянской дивизии ВВС.

После этого взрыва на базу партизан слетелись журналисты, в том числе Эрнест Хемингуэй. Все хотели лично познакомиться с героями. Об Илье Григорьевиче писали Константин Симонов и Михаил Кольцов. По одной из версий, в романе «По ком звонит колокол» Эрнест Хемингуэй использовал фрагменты из боевого опыта Ильи Старинова. А прототипом героя в романе послужил американец Алекс, служивший в отряде «Родольфо».

В том же феврале бойцы Старинова пустили под откос эшелон с марокканской кавалерией. Из тридцати вагонов не уцелело ни одного. Франкисты бросили на охрану железной дороги несколько батальонов. Непрерывно вели поиски инженерных мин. По совету своего наставника бойцы Доминго Унгрии стали чаще менять районы нападения и перешли главным образом на «колесные замыкатели».

Пропустив «бдительный» патруль, диверсанты выходили к дороге за одну-две минуты до подхода поезда, устанавливали «колесный замыкатель», и составы валились, как по расписанию.

— Об установке наших мин противник узнавал, как правило, только тогда, когда они сваливали под откос его эшелоны, — вспоминал Илья Григорьевич.

В конце 1937 года Старинов вернулся в Москву. Многих друзей, сослуживцев он не увидел. Их называли «врагами народа». Штабиста, который готовил документы на представление «Родольфо» к званию Героя Советского Союза, расстреляли по сфабрикованному обвинению.

…Свет, как положено, бил в глаза, а лицо «собеседника» оставалось в тени.

— Не волнуйтесь, — услышал Старинов голос следователя. — Мы вызвали вас в качестве свидетеля. От вас требуется только одно — дать чистосердечные показания. Это в интересах государства и… в ваших собственных интересах.

Допрос на Лубянке длился три часа. Избежав ареста в первый день, Старинов решил обратиться к Ворошилову.

— Товарищ народный комиссар! Ведь я выполнял задание

Центрального Комитета партии по поводу подготовки к партизанской войне. А склады оружия готовились по вашему указанию.

Нарком обороны заметно смутился.

— Вы не волнуйтесь…

Потом, помедлив, взял телефонную трубку. Разговор с Ежовым можно свести к заключительной фразе наркома.

— Но он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое. Сами примем соответствующие меры.

17 февраля 1938 года Старинову присвоили звание полковника. И вскоре назначили начальником Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА.

В качестве начальника группы Старинов участвовал в Финской кампании. «На той войне незнаменитой», как сказал о ней Александр Твардовский, мины были повсюду: на дорогах и мостах, в покинутых домах и на железнодорожных путях, даже под трупами солдат.

Однажды Старинов столкнулся с неизвестной ему металлической противотанковой миной, которая иногда взрывалась и под тяжестью человеческого тела. Чтобы разобраться в загадке, находку пришлось «вываривать». Отыскали кухонный котел, уложили мину. Когда вода нагрелась до 80 градусов, Илья Григорьевич осторожно снял взрыватель… Нужно ли говорить, какой это был риск? Зато к вечеру штабная машинистка уже перепечатывала инструкцию по обезвреживанию нового типа мин.

Но пока инструкция дойдет до войск! Нет, нельзя терять время — это жизни советских солдат. Старинов с группой своих спецов немедленно отправляется в передовые части на Карельском перешейке, чтобы на месте помочь воинам. Где-то на подступах к линии Маннергейма финский снайпер, подстерегший группу, всадил две пули в его правую руку.

В мае 1940-го Старинова выписали из госпиталя. Ему грозила инвалидность, но он добился права остаться в армии.

Ночь на 22 июня 1941 года Старинов встретил в Кобрине на военных учениях. Накануне он представился командующему Белорусским военным округом генералу Д. Г. Павлову.

Звено за звеном на Кобрин пикировали бомбардировщики. Город пылал. Утром на площади возле телеграфного столба с черной тарелкой репродуктора собралась толпа. Люди жадно слушали Москву. Диктор говорил о том, что где-то после бомбежки затонули английские суда, известил, какая будет погода. Затем начался урок гимнастики.

Над пожарами разносился бодрый голос: «Раскиньте руки в сторону, присядьте! Встаньте! Присядьте!»

— Много лет прошло, а я как сейчас вижу пыльную, пахнущую гарью площадь, черную тарелку репродуктора над ней и — урок гимнастики, — вспоминал Старинов.

Его срочно отозвали в Москву и назначили командиром оперативно-инженерной группы. Основная задача — уничтожение транспортной инфраструктуры перед наступающим противником. 27 июня группа Старинова по Минскому шоссе вновь отправилась на Запад. Свой первый бой на родной земле Илья Григорьевич принял под Оршей.

Немцы шли по пятам отступающих советских войск. Требовались мины замедленного действия (МЗД). Не ожидая поступления штатных «изделий», Старинов начал изготавливать их в полевых условиях.

В июле 41-го Старинов, приехав в штаб Западного фронта, столкнулся с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Маршал, узнав «испанца», спросил, чем он занимается. Выслушав ответ, поинтересовался, готовит ли он партизан.

— Партизан? Никак нет, товарищ маршал. Собственно…

— Хорошо, хорошо… Я вас вызову и подключу к этому делу. Вы свободны.

Так и не дождавшись вызова, Старинов по собственной инициативе обратился в штаб фронта, но Ворошилов к этому времени отбыл в Москву. Попытка «достучаться» до представителя Ставки армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса закончилась провалом.

Поддержку неутомимый полковник нашел у первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Пантелеймона Пономаренко, члена Военного совета фронта. Тот сразу «загорелся» идеей наладить производство мин на фронте с последующим их применением во вражеском тылу. Результатом этой встречи стало создание Оперативно-учебного центра Западного фронта. Вскоре вслед за группой инструкторов по диверсионной технике стали готовить специалистов по партизанской тактике.

В первых числах октября 1941 года Старинов получил задание провести в Харькове операцию «Западня». Его оперативной группе предстояло поставить радиомины и подготовить к взрыву ряд важных объектов первой столицы Украины. Среди них — дом № 17 по улице Дзержинского, где обосновался начальник фашистского гарнизона генерал-лейтенант Георг фон Браун. Кстати, близкий родственник Вернера фон Брауна, изобретателя «оружия возмездия» ФАУ-1 и

ФАУ-2.

С 10 октября группа приступила к минированию особняка. Заряд мощностью в 350 килограммов заложили в подвале на глубину более двух метров. 30 октября, ко времени ухода советских войск, план минирования был выполнен. После занятия Харькова инженерные подразделения вермахта приступили к поиску взрывных устройств. Из 315 мин замедленного действия, установленных 5-й и 27-й железнодорожными бригадами, противник обнаружил 37, обезвредил 14, а 23 вынужден был подорвать, смирившись с неизбежными разрушениями.

Впервые в мировой практике предполагалось использовать радиоуправляемые мины оригинальной конструкции. Причем использовать по сигналу, переданному на расстояние в несколько сот километров. Вместе со Стариновым разработкой и проведением акции занимались инженеры А. В. Беспамятнов и Ф. С. Коржов. В уникальной операции принимала участие и группа испанцев, боевых побратимов «Родольфо», которые после победы Франко эмигрировали в Советский Союз. Старинов добился, чтобы их зачислили в инженерные части.

10 ноября советская разведка доставила в штаб Юго-Западного фронта копию приказа № 98/41, изданного командованием одной из немецких частей. В приказе сообщалось, что «доблестные войска фюрера» обнаружили в занятом Харькове большое количество инженерных мин советского производства. Русские, говорилось в документе, использовали для корпусов мин деревянные ящики, что не позволяло применять миноискатели. Впрочем, приборы не потребовались, поскольку «неумелая постановка мин и неумелая их маскировка позволили опытным саперам рейха обойтись без миноискателей».

Копию этого приказа Старинову доставили с сопроводительной запиской: «Эти легко обнаруживаемые и обезвреженные мины устанавливались под руководством полковника И. Г. Старинова».

— Ну, что вы скажете в свое оправдание? — последовал суровый вопрос.

— Только одно: фашисты извлекли не радиомину, а «блесну».

В 3 часа 15 минут 14 ноября 1941 года из района (райцентр в Воронежской области) Семилук с радиостанции РВ-25 был послан первый кодированный сигнал. Затем на разных волнах и разными шифрами прозвучали еще несколько сигналов. Снимки, сделанные самолетом-разведчиком, подтвердили, что по меньшей мере часть радиомин взорвалась с большим эффектом.

На третий или четвертый день после освобождения Харькова Старинова вызвали в штаб фронта. Там ему подготовили сюрприз

— встречу с немецким капитаном Карлом Гейденом, прибывшим в Харьков с 68-й пехотной дивизией генерала фон Брауна. Именно он занимался разминированием дома № 17 по улице Дзержинского.

В комнату, где Старинов ожидал пленного, ввели долговязого, сухопарого человека в измятом кителе без знаков различия. Усталое лицо, рыжеватые с проседью волосы и такого же цвета щетина на впалых щеках.

— Я разглядывал вражеского офицера, который два года назад стал волею судьбы моим соперником в искусстве минно-подрывного дела и от которого два года назад в очень большой степени зависела не только моя репутация, но и мое будущее, — говорил Старинов.

Как выяснилось, генерал фон Браун вполне резонно побоялся занимать квартиру в центре и, дожидаясь разминирования, поселился на окраине Харькова. Саперы тщательно обследовали подходящие здания. Естественно, внимание их привлек шикарный особняк на улице Дзержинского, где ранее жили партийные чины. Изучив его, саперы обнаружили в подвале среди груды угля едва приметный проводок. К вечеру следующего дня они извлекли огромную мину, насыщенную различными дублирующими взрывателями и замыкателями. Капитан Гейден доложил о находке генералу. Теперь можно было переезжать…

А потом был взрыв такой силы, что обломки рояля залетели на крышу соседнего дома. Над тем местом, где стоял особняк, висела туча пыли. 14 ноября 1941 года в оккупированном Харькове в воздух взлетело несколько зданий. Их обломки погребли десятки фашистских офицеров.

— Нас сбила с толку мина в куче угля, — признался капитан Гейден. — Разве можно было предположить, что под ней находится еще одна, куда более опасная?

— А то, что эта вторая, куда более опасная мина управлялась по радио, вы могли представить? — спросил Старинов «коллегу».

— Нет, господин полковник. Даже немецкая армия таких мин не имела!

Узнав о смерти фон Брауна, фюрер затребовал информацию об организаторах минирования. Шеф абвера адмирал Канарис сообщил Гитлеру, что фамилия этого человека, знакомого немецкой военной разведке еще по Испании, — полковник Илья Григорьевич Старинов.

Приказом Ставки от 28 ноября 1941 года был создан Штаб инженерных войск РККА. Полковник Старинов — помощник начальника, руководитель отдела минных заграждений. Он руководил работами по созданию минных полей на пути врага к

столице. Удалось выиграть время, необходимое для переброски на московское направление сибирских и дальневосточных дивизий.

Находясь под Серпуховом, Старинов узнал, что его срочно вызывают в Кремль. Три часа в приемной Сталина после двух бессонных ночей. Мягкое, уютное кресло. Подходит работник приемной:

— Товарищ Сталин принять вас не сможет. Вас примет товарищ Мехлис.

На большом столе Мехлиса лежало письмо Военного совета Юго-Западного фронта. Это обнадеживало. Получив разрешение, Старинов стал излагать суть дела. Но тут же хозяин кабинета его прервал:

— Не о том говорите! Не это сейчас нужно!

Мехлис отодвинул письмо и, расхаживая по кабинету, стал упрекать полковника в безответственности: о каких минах, да еще замедленного действия, о каких «сюрпризах» может идти речь? В армии не хватает обычных снарядов и нечем заряжать авиационные бомбы!

— Учитывать надо, что наступила зима! — поучал Мехлис. — Надо полностью использовать те преимущества, какие она дает! Нужно заморозить гитлеровцев! Все леса, все дома, все строения, где может укрыться от холода враг, должны быть сожжены! Хоть это вам понятно?

Старинов осторожно заметил, что леса зимой не горят и что они являются базой для партизан. А если жечь деревни, то люди в такой мороз лишатся крова. Советские люди.

Мехлис обозвал авторов письма горе-теоретиками, слепцами и велел превратить Подмосковье в снежную пустыню: враг, куда бы он ни сунулся, должен натыкаться только на стужу и пепелище.

— Если еще раз посмеете побеспокоить товарища Сталина своими дурацкими идеями — будете расстреляны!

В книге Старинова «Записки диверсанта» есть такие горькие строчки: «К сожалению, следует признать, что дома поджигались действительно партизанами, выполнявшими приказ Сталина «Гони немца на мороз!». Я сразу вспомнил финскую войну. Финны при отходе 99 % населения эвакуировали. Мы приходим в село — населения нет. Часть домов приведена в негодное состояние, часть — заминирована минами замедленного действия. Продрогшие и измотанные солдаты набивались в такие дома по 50—100 человек. Когда дома взрывались, мало кто оставался в живых.

После этого мы уже старались подальше держаться от любых

зданий и сооружений, хотя минированных среди них было немного. И вся армия мерзла в палатках. Да, финнам удалось выгнать нас на мороз. А теперь, когда мы решили воспользоваться их опытом, что получилось? Стали поджигать деревни, в которых жили крестьяне. Немцы говорят:

— Посмотрите, что делают большевики? Вас поджигают! Помогите нам охранять ваши деревни!

И местное население поддержало немцев. Это дало возможность противнику вербовать в большом количестве полицейских. В то же время партизаны Ленинградской области, а их насчитывалось примерно восемнадцать тысяч человек, узнав о призыве «Гони немца на мороз!», решили, что это провокация. Многие из них пробились через линию фронта, пытаясь разобраться, в чем дело. Остальные были быстро разгромлены карателями, поддержанными полицейскими и местным населением».

Весной 1942-го Старинов предложил создать специальные бригады для действий на коммуникациях противника. Поразительно, насколько военно-техническая и инженерная мысль этого человека опережала время!

Командующий Воздушно-десантными войсками генерал Глазунов поддержал эти предложения. В части ВДВ направили опытных инструкторов, чтобы обучать десантников основам диверсионной тактики и минно-подрывного дела. Но вопрос-то был поставлен много шире — о создании войск специального назначения, готовых к действиям в тылу врага. Спецназа ГРУ будущих времен.

В июне 1942 года после встречи с И. С. Коневым, в ту пору командующим Калининским фронтом, Старинова назначили командиром 51-й Отдельной инженерной бригады специального назначения.

В ее состав вошли три батальона 5-й инженерной бригады и 110-й Отдельный моторизованный полк. Командирами диверсионных групп стали отобранные комбригом курсанты Инженерного училища из подмосковного города Нахабино. Но какая диверсия без испанцев! Илья Григорьевич добился, чтобы в его бригаду откомандировали боевых товарищей.

Казалось, создание войск спецназа не за горами.

23 июля Совинформбюро сообщило, что часть под началом полковника Старинова пустила под откос 10 эшелонов противника. «Родольфо» обращался и к командованию соседних фронтов. Подготовка диверсионных групп велась на Карельском, Западном и Южном фронтах. Война настоятельно требовала создания регулярных подразделений профессионалов военно-

инженерного спецназа, способных осуществлять массовые, планируемые из одного центра операции на вражеских коммуникациях. Предполагалось, что действовать они будут вместе с партизанами.

Предложение получило одобрение Ворошилова, Калинина и Маленкова. Но, прибыв в очередной раз с фронта, Старинов узнал о своем назначении в Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) помощником начальника «по диверсии». Ворошилов, а именно он стал главнокомандующим партизанского движения, решил взять неугомонного полковника к себе.

В штабе Старинов возглавил школу по подготовке минеров и технический отдел по производству специальных мин. Разумеется, эта школа не ограничивалась теоретическими занятиями. Илья Григорьевич не раз вылетал в фашистский тыл вместе со своими курсантами.

В январские дни 1943 года в район между Ростовом, Сальском, Тихорецком и Краснодаром было десантировано 16 диверсионных групп. По ходу дела совершенствовалась практика применения диверсионных групп. В зависимости от задач варьировалась их численность. Обычно численность базовой единицы составляла 5–7 человек, отряда — 20–30 человек. Бойцы передвигались и устраивали диверсии только в ночное время суток, а днем отдыхал и и вели скрытое наблюдение.

7 марта 1943 года Старинов получил назначение заместителем начальника Украинского штаба партизанского движения. Штаб размещался в Москве, на Тверском бульваре. Отсюда ниточка тянулась ко многим прославленным партизанским отрядам, которые не давали покоя оккупантам.

Центральный штаб партизанского движения в преддверии летних боев 1943 года решил нанести массовый удар по вражеским коммуникациям. Кодовое название операции — «Рельсовая война». Старинову было ясно, что эта идея, во-первых, отвлечет огромные силы, но ожидаемого эффекта не даст, а во-вторых, затруднит восстановление железнодорожного полотна после отступления немцев.

Он подготовил записку для ЦК КП(б)У. В ней говорилось о возможностях украинских партизан по срыву стратегических перевозок противника и указывалось, что при недостатке взрывчатки целесообразнее производить крушения поездов, а не подрыв рельсов.

В ЦК КП(б)У согласились с точкой зрения партизан.

Для координации «малой войны» Старинов вылетает в тыл противника. В партизанских отрядах Ковпака, Федорова, Сабурова, Вершигоры он обучал минеров.

Старинов был убежден: располагай партизанские отряды необходимым количеством мин и взрывчатки, при наличии специалистов, — движение вражеских эшелонов по железным дорогам на оккупированной советской территории удалось бы полностью парализовать. Такого результата можно было добиться еще в 1942 году.

«Десятки диверсионных групп установили на всех железных дорогах, ведущих к линии фронта на южном направлении, сотни мин, — оценивает ту операцию с нынешних высот офицер Генерального штаба Вооруженных Сил РФ Алексей Х. — И снова — красивая и гениальная идея. Одновременно на одном участке устанавливался десяток МЗД на неизвлекаемость (мины взрывались при попытке разминирования) с разным временем замедления. На боевой взвод становилась первая мина, и подрывался первый эшелон противника».

И далее: «Немцы проверяют дорогу, усиливают охрану. Снова пускают эшелоны. Часть из них успевает пройти, что притупляет бдительность охраны. В это время становится на боевой взвод вторая мина, и очередной эшелон идет под откос. Немцы прочесывают леса в поисках партизан, но им невдомек, что мины уже стоят в полотне дороги. Так последовательно мины ждут окончания сроков своего замедления, становятся на боевой взвод и взрываются от вибрации проходящего сверху состава.

В конце концов, не найдя ответа и не устранив причину, противник вынужден полностью прекратить движение по участку дороги. А если партизанские отряды действуют согласованно, они способны парализовать движение на огромной территории. Чтобы понять эту нехитрую идею, на которой все годы войны настаивал Старинов, потребовалось два тяжелых года войны…»

Отряд Федорова с 7 июля по 10 августа 1943 года, используя МЗД, пустил под откос 123 эшелона противника(!). Для уничтожения такого же количества составов с воздуха понадобились бы десятки самолетов, сотни тонн авиационной взрывчатки — и неизбежные потери техники.

Гитлеровцы бросали на охрану коммуникаций новые и новые части, но мины продолжали взрываться. В результате атак наших диверсантов снабжение войск по многим магистралям оказалось полностью парализованным. Всего же во второй половине 1943 года партизаны пустили под откос 3143 эшелона! Иначе говоря, по результативности действия партизан оказались в 100 раз эффективнее ударов с воздуха. Но даже после столь очевидных результатов Старинову все так же приходилось убеждать вышестоящее командование в необходимости масштабного проведения «малой войны».

Статистика суха, даже если это статистика организованных диверсий. Но послужной список полковника Старинова способен поразить даже бывалого военного.

За четыре года он организовал подрыв 256 средних и малых мостов. Его «сюрпризы» пустили под откос более двенадцати тысяч военных эшелонов. Особенно широко применялись ПМС — Поездная мина Старинова (мгновенного и замедленного действия) и АМС — Автомобильная мина Старинова.

Он подготовил свыше двух тысяч специалистов и командиров. Если бы в Книгу рекордов Гиннесса заносили подобные результаты, то Илья Григорьевич, несомненно, оказался бы вне всякой конкуренции.

После войны Старинов восстанавливал сеть железных дорог; был заместителем начальника Управления восстановительных работ по войскам.

С 1956 года — в отставке. В 1958–1962 годах работал старшим научным сотрудником отдела истории Великой Отечественной войны ИМЛ при ЦК КПСС. В 1963–1973 годах преподавал в учебных заведениях ведомства Ю. В. Андропова, в том числе — на Курсах усовершенствования офицерского состава (КУОС) в составе Высшей Краснознаменной школы КГБ. И не только преподавал, но и разрабатывал учебно-методические материалы, скорректированные под секретный объект, на 25-м километре Горьковского шоссе. Здесь, в Балашихе, в 1969 году получили прописку КУОС.

Одной из основных целей обучения на курсах была подготовка командиров оперативно-боевых групп, предназначенных для управления личным составом в сложных условиях тыла противника. В связи с этим все занятия проводились в условиях, максимально приближенных к боевым с обозначенным противником, в том числе и на реальных объектах, при любых погодных условиях.

Особое внимание уделялось психологической подготовке слушателей в условиях больших физических нагрузок во время горной, воздушно-десантной практики и на учениях. Война в Афганистане подтвердила правильность выбранной стратегии и тактики.

Десятки офицеров разведывательно-диверсионного подразделения «Вымпел» Первого Главного управления КГБ по праву считают Старинова своим учителем и наставником. Среди них — ветеран «Альфы» и «Вымпела» полковник С. А. Голов, участник штурма дворца Амина, последний начальник КУОС; Б. А. Плешкунов, подорвавший 27 декабря 1979 года «колодец

связи» в Кабуле; будущий президент Фонда «Вымпел»-КУОС полковник П. И. Нищев и многие другие.

Ветеран, преподаватель, профессор Старинов был далек от политики. Но в 1964 году ему передали «горячую» информацию о зреющем «кремлевском заговоре». Что же делать? Он постарался предупредить Хрущева через его дочь Раду, но Никита Сергеевич отказался верить «нелепым домыслам». Несомненно, эта попытка не осталась незамеченной, став еще одной причиной, по которой все представления Старинова к званию Героя натыкались на глухую стену.

Награды… Они говорят сами за себя: два ордена Ленина, пять орденов Боевого Красного Знамени, ордена Октябрьской Революции, Отечественной войны 2-й степени и Дружбы народов. А вот Звезду Героя этот исключительной смелости и инженерной одаренности человек так и не получил. Зато в созвездии Льва сверкает звезда «Илья Старинов».

В 1944 году в штабе Иосипа Броз Тито Старинову представили экипаж нашего самолета, сбитого над территорией Венгрии, сумевший добраться до югославских партизан. Выяснилось, что они имели партизанский опыт, он-то и помог им не только выжить, но и нанести немцам по пути следования ощутимый урон.

Эти летчики стали прототипами героев романа Старинова «Под покровом ночи». Рукопись этого увлекательного произведения Илья Григорьевич подготовил еще в середине 60-х годов. Но роман по разным причинам так и не дошел тогда до читателей. Только в 1997 году он вышел в свет и получил восторженные отклики.

Альманах «Вымпел» с его «Записками диверсанта» сразу стал библиографической редкостью.

Приближался столетний юбилей Старинова. Орден «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени ему вручали дома, 2 августа 2000 года.

Принимая награду, Илья Григорьевич благодарил Президента России В. В. Путина и руководство ФСБ за внимание к нему. Вслед за этим юбиляра поздравили руководители структур и подразделений госбезопасности, в которых «дедушка советского спецназа» с 1962 по 1990 год готовил кадры.

В этот день юбиляра посетила группа из Испании. Удивительно, но «Родольфо» сохранил разговорный язык, причем говорил бегло. Испания навсегда осталась в его сердце.

Последний раз я видел Старинова за несколько дней до его смерти. Приехал в госпиталь ФСБ на улице Пехотной, в Тушине,

чтобы подарить том «Кто есть кто в современном мире». В нем была опубликована и большая биографическая статья, посвященная Илье Григорьевичу. Последняя книжная публикация, увидевшая свет при его жизни… Готовили мы ее к печати так: Мария Павловна, личный секретарь и опекун, зачитывала куски текста, а Илья Григорьевич диктовал свои замечания и дополнения.

Большая, просторная палата, широкое окно. Я подошел к кровати, поздоровался.

— Илья Григорьевич, смотрите, вот она, книга…

Он взял тяжелый том, несколько раз провел большой белой рукой по шероховатой поверхности книги, — книги, которую ему так и не дано было увидеть.

П. ЕВДОКИМОВ

Арнольд Шнеэ

В архиве Главного разведывательного управления Генерального штаба хранятся переведенные на русский язык следственные материалы гестапо, а также контрразведок Англии и Франции по делу советской разведсети в Европе, которую в послевоенные годы исследователи назвали «Красной капеллой». По этим и некоторым другим документам Арнольд Шнеэ проходит как Анри Робинзон, Генри Робинсон, «Гарри». Это лишь некоторые его псевдонимы.

…В конце сентября 1944 года в советское представительство в Софии неизвестный передал записку, которая попала в руки военной разведки:

«Французский товарищ Анри Робинзон («Гарри») был арестован гестапо в декабре 1942 года в своем доме. Он был выдан лицом, которое получило его адрес в Москве. Жена его и сын были подвергнуты пыткам и заключены в тюрьму, а затем казнены. Сам «Гарри» был заключен в одиночку и впоследствии отвезен в Берлин, Хауптзихер-хайтзамт (Главное управление госбезопасности. — Я. Я.), Принц Альбрехтштрассе, где содержится в большом секрете в камере 15 в ожидании смертного приговора. Пишущий настоящие строки видел его в последний раз 20 сентября 1943 года в день выхода из соседней камеры 16 и обещавший передать его сообщение».

Дальше шла просьба самого «Гарри» предупредить тех, кто остался на свободе. Даже не имея надежды остаться в живых, он был озабочен будущей работой разведки: «…Все связи к французскому министерству и генштабу в безопасности, т. к. были известны только Га». То есть ему самому. Оканчивалась записка так: «Отрубят голову или расстреляют, победа будет все равно наша. Ваш “Гарри”».

Это были его последние слова. О судьбе Арнольда Шнеэ многие годы не было известно ничего определенного. В следственных документах Управления наблюдения за территорией (французская контрразведка ДСТ), датированных январем 1949 года, о «Гарри» говорится: «В 1943 году переведен в Берлин, дальнейшая судьба неизвестна. По одним данным, он приговорен к смертной казни и расстрелян. Документы же, захваченные в Германии, опровергают эти данные, поскольку в его деле не найдено никаких свидетельств о смерти…» И лишь много лет спустя по косвенным признакам удалось с достаточной достоверностью установить: казнен в 1944 году.

Кем же в действительности был Анри Робинзон?

Единственный документ, где названа истинная фамилия «Гарри», — его личное дело под грифом «Совершенно секретно. Хранить бессрочно», с которым мне разрешили познакомиться.

Настоящее имя разведчика — Арнольд Шнеэ. Родился 6 мая 1897 года в Брюсселе (по другим данным — в Сен-Жилле, тоже в Бельгии), еврей, гражданин Франции, член компартии этой страны с 1920 года. Изучал юриспруденцию в Цюрихском университете, свободно владел немецким, английским, французским, русским и итальянским языками. В 1923–1924 и 1927–1935 годах оказывал разностороннюю помощь советской военной разведке. За подпольную работу против оккупации Рурской области Францией заочно осужден французским судом к 10 годам тюремного заключения. С 1930 года фигурирует в германском «Бюллетене розысков». Участвовал в работе нескольких конгрессов Коминтерна в Москве.

В конце 1933 года по указанию начальника Разведуправления РККА Яна Берзина Шнеэ привлек к работе комдив Оскар Ансович Стигга — «Оскар», резидент военной разведки в Германии, с намерением использовать во Франции и Англии. В то время внимание советской военной разведки привлекли успехи Германии в области химии, аэронавтики и оптики. В декабре 1935 года Шнеэ становится помощником резидента, а спустя два года — резидентом. Его штаб-квартира находилась в Париже. «Гарри» и его источники добывали документальную информацию, которая, по заключению Наркомата оборонной промышленности, позволила сэкономить миллионы валютных рублей. В конце 1940 года они полностью переключаются на работу против Германии, во время войны помогают в легализации присылаемых Центром разведчиков, обеспечивают связью соседние резидентуры.

В потоке поставляемой «Гарри» информации одно из главных направлений — материалы о вооружениях. В частности, о состоянии авиационной промышленности. Поступали шифровки с перечнями заводов и их расположением, оборудованием, количеством и составом работников, характеристиками новых самолетов и их вооружения, указанием слабых сторон производства… В январе 1939 года он посылает донесения о готовящейся к выпуску на заводе «Испано» пушки, при выстреле из которой ночью не видно пламени, об автоматически поворачивающемся в направлении звука летящего самолета зенитном орудии, об опытах с использованием радиоволн и инфракрасных лучей для управления боевой техникой на расстоянии…

Диапазон военно-технической информации «Гарри» был необычайно широк: тут и сведения о разработках «сигнальной

системы автоматических уловителей и предупредителей о приближающихся самолетах», магнитной торпеде, «слепой» посадке самолетов. Как правило, информация носила документальный характер. Например, доклады о частичной мобилизации в Англии в сентябре 1938 года, мероприятиях в области авиационных вооружений. В последнем содержалась и информация о подготовке английских экспедиционных сил к переброске во Францию.

Центр ставил новые задачи. И какие! «…Желательно было бы получить описание каждого из заводов в отдельности: его фото и планы, площадь пола отдельных цехов, описание оборудования и силовых установок, новое строительство, организация поточного производства, численность рабочих и число смен, месячная производительность (возможная и действительная), численный и персональный состав конструкторского бюро, связь с другими заводами, получение сырья, полуфабрикатов…»

Резидент понимал, что страна на грани войны, его сообщений ждут, и делал все возможное и невозможное. Он шлет материалы о разрывном снаряде, кислородных приборах и скафандрах для летчиков, прицелах авиационных пулеметов, новейших автопилотах, обстоятельное сообщение о создании во Франции «министерства экономического ведения войны» из 500 офицеров, имеющих доступ к отчетам разведки.

В июне 1939 года «Гарри» вышел на человека, работавшего на заводе в Цойххаузе, который за 150 марок продал ему два новейших немецких противогаза — для солдат и офицеров. Центр получает также пластинку «непробиваемой» брони тяжелого танка. Даже способ сушки овощей, который использовали на флоте и который купило французское правительство, резидент не обошел вниманием.

В заданиях Центра рефреном проходит просьба сообщать, в какой мере Германия использует промышленные и людские ресурсы оккупированных стран, каковы ее отношения с другими европейскими государствами. Процитирую сообщение от 11 ноября 1940 года: «4/5 моторизованных сил Германии переброшены в Польшу. На прошлой неделе 12 поездов инженерных войск проследовали с вокзала Ромилли в Германию. В течение двух дней все железнодорожное движение вдоль французского побережья Ла-Манша было приостановлено, доставлено 6 тысяч вагонов снаряжения. Источник: дирекция железнодорожной немецкой военной администрации и летчики».

Центр особенно интересовали намерения Гитлера в отношении Англии. В то время многие политики были уверены, что война вспыхнет между этой страной и Советским Союзом и

развернется сначала в Скандинавии. Предположения усилились, когда в конфликте 1939–1940 годов Англия поддержала Финляндию и высадила часть своих войск в Норвегии. Сведения «Гарри» опровергали это мнение: «Я не думаю, что будет наступление немцев на Англию, так как приготовления ведутся слишком очевидно». Немцы эшелонами везли в направлении Бретани моторы и лодки, спускали на воду резиновые понтоны, приготовили для десанта большое количество шаланд. И в то же время перебросили свою авиацию в центр оккупированной французской территории, район Дюнкерка сильно укрепили на глубину 25 километров, перевезя с линии Мажино артиллерию крупного калибра, множество отпускников едет в Германию. Мыслимо ли все это перед крупным наступлением?

Многие доклады «Гарри» указывали: Германия нацелена на СССР. В апреле-мае 1941 года в Центр постоянно идут сообщения о переброске из Франции на восток, в частности в Польшу, большого количества санитарных машин, танков. 11 июня 1941 года: «Знакомый полковник имел беседу с одним из высших немецких офицеров, который заявил, что не позднее чем через два месяца часть территории СССР будет захвачена немцами… По мнению немцев, СССР превосходит их в численности личного состава и техники, но они считают своих солдат лучше подготовленными к войне, а генштаб более квалифицированным».

Из доклада английской контрразведки 1947 года: «У Робинзона была сеть агентов в Англии, Франции, Италии, Германии, Нидерландах и Швейцарии, которой он руководил из Парижа». Это не преувеличение. Резидент получал информацию от целой группы источников, начиная с рабочих крупных военных заводов и заканчивая журналистами и парламентскими деятелями. В его сообщениях есть ссылки на самых разных людей: член комиссии по мерам противодействия немцам одного из дружественных Англии государств, работник научно-испытательной станции, сотрудник министерства авиации, генерал-авиатор, сотрудник ведомства по металлургии, доктор наук — специалист по двигателям, математик-метеоролог, сотрудник телефонной компании, физик, занимающийся радиоэлектроникой… В документах гестапо о «Гарри» сказано: «Среди найденных в его доме материалов имелись шпионские сведения, указывающие на то, что он имел прекрасные связи с военным командованием Франции».

«Гарри» не спешил называть источников даже Центру, который однажды посетовал: «Вы ни разу не написали нам, от кого получаете эти материалы. Неясность вокруг этого вопроса

нас несколько беспокоит». Резидент оставался верен себе: «В отношении источника… могу сообщить следующее: этот друг сделает безвозмездно все, что сможет, я знаю его в течение 20 лет и сообщу его имя только устно».

История разведки знает случаи, когда источники назывались и к чему это приводило. Одним из основных источников группы Шандора Радо в Швейцарии был высокопоставленный немецкий дипломат Рудольф Ресслер («Люци»), который, как впоследствии выяснилось, получал сведения от англичан. Те, в свою очередь, имели доступ к ценнейшей немецкой информации с помощью знаменитой дешифровальной машины «Энигма». Параллельно те же сведения в Москву шли от агентов из самой Англии. При сопоставлении текстов видно, что они во многом совпадают, только нарочито выдаваемая англичанами информация была дозированной, в то время как идущая вне зависимости от них отличалась полнотой.

Однако «Гарри» получал действительно эксклюзивную, как теперь принято говорить, информацию. Пример его ценного источника — Василий Максимович («Макс», «Проф»), завербованный военным атташе во Франции генералом Суслопаровым. Из русских белоэмигрантов, профессор, работал в области телевизии, как тогда называли телевидение, электронной теории. Проник в немецкую оккупационную администрацию, имел хорошие связи в парижском архиепископстве, в Виши, Испании и Ватикане. Восторженно относился к СССР и не раз просил резидента навсегда туда переехать. Приходилось убеждать его, что переездом он удовлетворит только себя лично, «но не наше дело».

Извечный спутник разведчика-нелегала — одиночество. Жена Шнеэ Клара Шабель и сын постоянно жили в Берлине, их квартира использовалась как конспиративная и «почтовый ящик». «Гарри» опасался, что сын Лео, увлекающийся радиоделом, вынужден будет вступить в гитлеровский союз молодежи. Сам «Гарри» по здоровью был освобожден от службы и иронизировал: «Как они удивятся, когда увидят меня в будущем солдатом революции». Он просит Центр помочь избавить сына от армии, иначе они могут очутиться «в окопах друг против друга». Лео все же воевал на Восточном фронте и даже получил солдатский крест.

19.1.39 г. Центр — «Гарри». «…Нужно устроить на шестимесячную нелегальную практику одного нашего молодого друга, никогда не бывавшего в Ваших краях. У него будет хороший скандинавский протез, приличное знание немецкого языка и подходящая к протезу внешность».

На первый взгляд — абракадабра. Все становится на места, если знать, что протезом (вариант — сапог) на языке разведки того времени именовался паспорт. Сленг делал письмо непонятным для непосвященного: «страна “Паулы”, «город “Профа”»… Владеющий же разведжаргоном знал, что метро — посольство, сапожная работа — изготовление паспортов, колбасники — немцы, макаронники — итальянцы, СССР — деревня, а советские войска — деревенщики. Радиосвязь называлась музыкой, а радисты — музыкантами.

Для каждой линии связи «Гарри» имел почтовый адрес, используя несколько «магазинчиков». К нему самому почта направлялась через еще один промежуточный адрес. Координаты своих помощников он высылал в Центр частями в нескольких сообщениях. Иногда информация содержалась на непроявленной пленке, вделанной в переплет книги. С «Профом» они придумали систему обозначения стандартных вопросов цифрами и буквами, что не раскрывало их суть.

Переезжая с квартиры на квартиру, разведчик обрубал все концы, и на новом месте появлялся только что приехавший из другой страны человек. Часть паспортов высылал Центр, часть покупалась у имевшего к ним доступ местного чиновника. И сам «Гарри», искусный гравер, умел изготавливать печати и заполнять бланки. Он внимательно наблюдал за переменами в паспортной системе европейских стран: где-то изменился цвет внутренних листов паспорта, или «…последний штемпель контрольного пункта Белграда теперь грязно-лиловый».

21 декабря 1942 года неподалеку от станции парижского метро «Сегюр» стоял человек. Привычно опираясь на палку, он незаметно осматривал подходы к станции. Неподалеку на авеню де Суффрен остановилась легковая машина. Ожидавший не знал, что тот, кто назначил ему встречу, сидит в ней, скованный наручниками, рядом с обер-ассистентом гестапо Ендерсом и наблюдает за ним в зеркало заднего вида. Что вблизи от входов в метро заняли позиции агенты гестапо. У каждого из них — фотография Робинзона… Сидевший в машине глава «Красной капеллы» Леопольд Треппер, арестованный двумя неделями раньше, кивнул Ендерсу: это «Гарри». Налет был стремителен, не оставалось малейшей возможности бежать.

С середины 42-го гестапо провело многочисленные аресты людей, принадлежавших к разведсети «Красная капелла». В сентябре была схвачена Ильзе Штебе — резидент советской военной разведки в Германии. 18 октября в Берлине брошена в тюрьму Плетцензее жена «Гарри», в ее квартире установили засаду. Из расшифрованной радиограммы Центра гестапо узнало

пароль для встреч. Центр же, не зная о провале конспиративной квартиры, направил туда нескольких заброшенных в Германию радистов. Они были арестованы. Там же схватили болгарскую антифашистку Веру Яневу. 30 января 1943 года имперский военный суд приговорил Клару Шабель среди других к смертной казни. Прошение о помиловании Гитлер отклонил. 5 августа ее казнили. Муж так и не узнал о ее смерти. В 1969 году по ходатайству командования ГРУ Клара Шабель была посмертно награждена орденом Отечественной войны 2-й степени. Посол СССР в ГДР вручил орден ее сыну Лео.

…Руководители двух разведывательных сетей не должны знать друг друга — это жесткое правило разведки. Но с началом войны, перед отъездом на родину, военный атташе во Франции генерал Суслопаров сообщил Трепперу о «Гарри», имеющем передатчик, шифр и позывные. Вскоре Центр радиограммой дал Трепперу координаты коллеги. Их первая встреча состоялась 21 июня 1941 года. Самолюбивый Треппер посчитал, что Гарри перешел в его подчинение, и познакомил его с некоторыми членами своей группы. Один из них впоследствии оказался предателем. Кроме этих двух резидентур во Франции, действовала сеть Вольдемара Озолса (Золя), которая также была на связи у Суслопарова. Естественно, что с отъездом генерала потеряла связи и она. Озолс также вошел в структуру Треппера.

Единой агентурной сети под названием «Красная капелла» не существовало — были самостоятельные резидентуры ГРУ и НКВД. «Красной капеллой» поначалу называлась немецкая зондеркоманда, которая занималась радиоперехватом в странах оккупированной Западной Европы. На жаргоне контрразведчиков радистов называли «музыкантами», «пианистами», их множество — «оркестром» или «капеллой». И только после войны название это перенесли на разведчиков. Интересное объяснение этимологии происхождения наименования «Красная капелла» дал мне патриарх советской военной разведки генерал армии Петр Ивашутин: «Заложил разведчик тайник — просит сыграть по радио или в определенном кафе, например, Шопена; пахнет провалом — Вагнера».

Леопольд Треппер, учившийся в Москве в Коммунистическом университете, был завербован советской военной разведкой и в 1937 году направлен в Бельгию, где создал резидентуру связи для работы в военное время. В апреле 1939 года к нему в помощь были посланы кадровые сотрудники ГРУ Анатолий Гуревич — «Кент» и Михаил Макаров — «Хемниц». Оба выступали под видом богатых уругвайцев, приехавших в Европу заводить деловые связи.

Операцию по выявлению и аресту «красных пианистов» вначале курировал Гейдрих, а после его гибели в мае 1942 года — Гиммлер. В мае 1940 года Бельгия была оккупирована немцами. В августе Треппер на машине советского посольства с документами на имя Жака Жильбера уезжает в Париж. Руководство резидентурой принял на себя оставшийся в Брюсселе Гуревич. Резидентура Треппера — «Отто» была громоздкой, в нее затесались подозрительные и ненадежные люди. Многие связи внутри организации были переплетены, оставляла желать лучшего конспирация. Центру было известно о перебоях в работе радиостанции «Отто», многие сообщения «Гарри» задерживались, иногда вовсе не передавались.

В декабре 1941 года немецкая группа пеленгации устроила облаву по установленным благодаря перехватам адресам, начались крупные провалы. В руках гестапо оказались зашифрованные телеграммы, передававшиеся через брюссельский передатчик. Это привело к страшным потерям. В Берлине были полностью разгромлены группы Ильзе Штебе («Альта», а также Арвида Харнака («Корсиканца») и Харро Шульце-Бойзена («Старшины»), передавших сведения о точных сроках начала войны и плане «Барбаросса», планах стратегического немецкого наступления в 1942 году — на Сталинград. Арестованные в Брюсселе и заговорившие на допросах члены группы Треппера дали сведения о связях с разведсетью в Голландии и Франции.

Немецкая радиоразведка засекла радиопередатчик, сообщавший, что Москва приказала «Кенту» осенью 1941 года побывать в Берлине и проверить три адреса, указанные в радиограмме. Гестаповцам эта роковая ошибка Москвы позволила узнать настоящие имена, клички и адреса по крайней мере трех агентов.

К концу ноября 1942 года разведсеть была почти полностью разгромлена, арестовали большинство источников, затем Гуревича и самого Треппера. Всего в руках гестапо оказалось более ста человек. Как после войны вспоминал Вальтер Шелленберг, «русская шпионская сеть «Роте капелле» охватывала как всю территорию, контролировавшуюся Германией, так и нейтральные страны. Со своими многочисленными передатчиками она простиралась от Норвегии до Пиренеев, от Атлантики до Одера, от Северного моря до Средиземного».

Гестапо решило провести через захваченные передатчики радиоигру с советскими спецслужбами. По утверждению Шелленберга, таких «двойных» передатчиков было 64. Несколько месяцев советское командование получало серьезную дезинформацию, что вносило неразбериху в действия военных. В

июне 1943 года Трепперу удалось сообщить в Центр о том, что передатчики работают под контролем немцев. Центр откликнулся своей радиоигрой. В сентябре 1943 года Трепперу удалось бежать из-под стражи. До августа 1944 года он скрывался в Париже. Гуревич же, оставаясь в заключении у немцев, сумел завербовать одного из руководителей контрразведки Панвица, которого он вместе с архивом «Красной капеллы» привез в Москву. Однако оба были репрессированы, отбывали срок в советских лагерях.

В руки гестапо попали коды, были расшифрованы многие телеграммы, в том числе с некоторыми явками и адресами «Гарри». Существуют разные версии причин гибели «Красной капеллы», ни одна из которых не подтверждена полностью. И я не берусь дать однозначный ответ. Но… Досье немецкой контрразведки, которые не успели сжечь в замке Гамберг в Таубершталe, в 1945 году захватили союзники. Много лет над ними трудились западные специалисты, потом сверили свои заключения. Их вывод однозначен: причина ареста «Гарри» — предательство Треппера. Репатриированный в СССР в январе 1945 года, он в марте был арестован органами «Смерш», затем осужден. Освободившись в 1954 году, был реабилитирован и вскоре уехал в Польшу. Во всех публичных заявлениях, в своей книге «Большая игра» он отрицал предательство. И Треппер, и Радо всю вину сваливают на Гуревича. Однако единственное, что можно вменить в вину этому человеку, — его женитьбу без разрешения Центра. К тому же «добро» на радиоигру Гуревича военной разведке давал Генеральный штаб. Значит, ему доверяли. Сохранившиеся протоколы допросов Треппера в гестапо, с которыми знаком и автор этих строк, все же оставляют место сомнению в отношении предательства Треппера. Возможно, это одна из загадок, на которую ответ так и не будет найден.

Созданная специально для ликвидации «Красной капеллы» зондеркоманда Главного управления имперской безопасности и ее руководитель Гейнц Панвиц праздновали победу: в их руках было недостающее звено сети, одно из главных действующих лиц. Через Робинзона они намеревались выйти на резидентуру ГРУ Шандора Радо в Швейцарии, а затем достичь и главной цели — ведя через перевербованных источников радиоигру, доказать, что советский Генштаб ищет соглашения с Германией, и тем самым поссорить СССР с союзниками.

С первых минут после ареста «Гарри» утверждал: он только курьер и очень мало знает о людях, с которыми находился в контакте. Треппер после возвращения в Москву свидетельствовал: «“Гарри” рассказал много, но о таких знакомых, которые или мертвы, или в Лондоне». Вот выдержка из доклада английской

контрразведки: «Робинзон, который был необычайно умным и разносторонне образованным человеком, мало дал немцам сведений во время его допросов… Ему удалось спасти большое число своих агентов…Многие остались неопознанными до настоящего времени».

«Гарри» пытали, чтобы узнать коды и «музыкальные программы», но состояние его здоровья было таким, что при физическом воздействии он мог умереть, и немцам пришлось отказаться от пыток — он был нужен живым. Чтобы повлиять на арестованного, зондеркоманда устроила очные ставки сначала с курьером между «Гарри» и «Отто», а весной 1943 года с Анной Мюллер. Она помогала разведчику переезжать из Франции в Швейцарию и была посредником между ним и чиновником из паспортного бюро в Базеле, который снабжал ее документами на вымышленные фамилии. Мюллер опознала Робинзона.

«Гарри» допустил, возможно, единственную ошибку — писал свои воспоминания, включая в них и почту «Директора» (начальника ГРУ) еще с довоенного времени. На время журналист поборол в нем разведчика. Записи стали весомой против него уликой.

В июне 1943 года немцы захватили радиостанцию французских коммунистов в Ле Рейнси и обнаружили доказательства ее связи с Англией и Швейцарией. Английские контрразведывательные органы предположили: сделано это по наводке Робинзона, согласившегося сотрудничать с немцами, он вернулся во Францию и помогал немцам внедряться в подпольные группы Сопротивления. Приводятся данные одного английского источника: весной 44-го Робинзон якобы находился на юге Франции. К тому, что он жив, склонялась и французская контрразведка ДСТ. На составленной ею в 1949 году схеме взаимодействия компонентов «Красной капеллы» «Гарри» обозначен как действующий агент.

Эта настойчивость контрразведок объяснима. 5 сентября 1945 года шифровальщик посольства СССР в Оттаве Игорь Гузенко переметнулся под покровительство канадских властей и передал им некоторые секретные документы, среди них донесения о попытках швейцарской резидентуры ГРУ восстановить связь с Москвой после разгрома радиостанции. И хотя это были всего лишь попытки оставшейся после отъезда Шандора Радо Рашель Дюбендорфер («Сиси») получить от Центра средства к существованию, французская контрразведка сделала вывод: «… Имеется опасность, что определенное число советских агентов находится в настоящее время в нашей стране и продолжает свою деятельность и что многие агенты в Канаде и Швейцарии

связались с ними».

ДСТ делает еще один неожиданный вывод: «Учитывая методы работы советской разведки, кажется, что группа Робинзона дублировала и контролировала по поручению НКВД и Коминтерна агентов Треппера». С одной стороны, долг контрразведки — держать всех под подозрением, с другой — она опасалась, что раскрыты далеко не все члены «Красной капеллы» и они проявят себя в послевоенное время. На Западе знали, что ГРУ не бросает своих людей на произвол судьбы.

Обстановка нагнеталась, чтобы подчеркнуть опасность законсервированной советской агентуры. Впрочем, как и агентуры проигравшей войну Германии. Отсюда и легенда о якобы сломленном и ставшем работать на немцев «Гарри». Тем более что протоколы его допросов, как признался в Москве Гейнц Панвиц, были уничтожены при воздушных налетах на Берлин. Но сотрудник зондеркоманды фон Копков, арестованный англичанами, рассказал: «Гарри» был осужден тем же судом, что и известный источник разведки НКВД Шульце-Бойзен («Старшина»), а затем казнен.

Глава немецкой военной разведки — абвера адмирал Канарис говорил, что деятельность «Красной капеллы» стоила Германии 200 тысяч погибших немецких солдат.

Скольким советским солдатам она спасла жизнь, адмирал, понятно, не говорит. Надо полагать, не меньшему числу. Западные исследователи разведсети ГРУ в Европе утверждают: Зорге помог Советской Армии избежать поражения под Москвой, а «Красная капелла» сообщением от 12 ноября за 9 месяцев до события указала место новых боев и последовавшего за ним коренного перелома в войне — Сталинград. Есть в этом огромная заслуга и одного из главных «солистов» — «Гарри», Арнольда Шнеэ.

Н. ПОРОСКОВ

Вартаняны

В истории нашей внешней разведки Геворк Андреевич Вартанян второй, вслед за легендарным разведчиком-партизаном Николаем Кузнецовым, Герой Советского Союза. Его жена Гоар Левоновна — награждена орденом Красного Знамени. В Службе внешней разведки уверены, что по масштабам совершенного Геворк Вартанян в числе первых двух-трех наших разведчиков. Однако время поведать обо всех подвигах супружеской пары нелегалов, которые без единого провала и с небольшими перерывами проработали за границей в общей сложности около 45 (!) лет, еще не пришло. Да если и придет, то не скоро — лет через двести.

Так считает генерал Юрий Иванович Дроздов, многолетний начальник Управления, занимавшегося нелегалами. Так что рассказа о сравнительно недавнем периоде, когда Вартаняны, по идеально придуманной легенде, трудились в одной из весьма интересующей СВР европейских стран, придется еще подождать. А вот о том, что во многом именно благодаря Геворку и его группе, метко названной «легкой кавалерией», удалось в 1943-м предотвратить покушение на Сталина, Черчилля и Рузвельта, написать вполне можно.

Сколько же лет Вартанянам? Геворк Андреевич в феврале 2004-го отпраздновал 80-летие, Гоар Левоновна — чуть моложе. Они доброжелательны, улыбчивы и, быть может, благодаря всегдашнему своему оптимизму сумели не только дать бой безжалостному времени, но и выиграть его. Полковник Вартанян, подтянутый, одетый со строгой элегантностью, утром по-прежнему отправляется на службу в Ясенево. Его супруга моложава, платья носит модные, предпочитает туфельки на высоких каблуках. Квартиру на проспекте Мира она содержит в порядке идеальном. Гоар Левоновна прекрасно готовит, особенно, догадаться нетрудно, блюда армянской кухни. Ну а уж если при этом провозглашается тост, то поднимаются коньячные рюмки с добрым напитком из Еревана.

Жизнь сложилась так, что детство и юность они провели в Иране, возвратившись домой только в 1951-м. И в 16 лет, с февраля 1940-го, Геворк Вартанян сознательно и обдуманно начал работать на советскую разведку. Ему присвоили имя Амир.

Как все-таки приходят в разведку? Тема деликатная. Говорить об этом не очень-то принято, иногда и нельзя. Но в до сих пор засекреченной жизни Вартаняна именно здесь — относительная ясность. Его отец Андрей Васильевич Вартанян в компартии не

состоял и рьяным сторонником советского режима вроде бы никогда не значился. Был директором маслобойного завода в станице Степной Ростовской области. В 1930 году решил покинуть СССР и стал иранским подданным. Это — для всех. И лишь горсточка посвященных, от маслобойного производства весьма далекая, знала: в Иран отправляется человек, уже тесно связанный с советской внешней разведкой. Он благополучно прослужил в чужой стране 23 года, вернувшись из Тегерана в Ереван в 1953-м. Дома работал на сугубо гражданской должности. Только пенсию получал как чекист. Военного звания у Андрея Васильевича не было, но кадровым разведчиком считать его можно твердо.

А первые шесть лет на чужбине семья Вартанянов провела в Тебризе. И приходилось им тяжко. Поначалу заподозрили иранцы, будто глава семейства связан с разведкой русских. Андрея Васильевича несколько раз даже сажали в тюрьму. Доказательств, правда, никаких — одни подозрения. Но семья мучилась: и за отца страшно, и от безденежья страдала. Тогда приходила на помощь советская резидентура в Иране. На тайные встречи ходила мать, прихватив для отвода чужих и любопытных глаз маленького сынишку.

Только в 1936-м в местном таминате — тайной полиции наконец-то убедились, что никакой Вартанян не шпион, и от семейства отвязались. Андрей Васильевич перебрался в Тегеран, деловая хватка бывшего директора маслобойного завода не подвела и превратился он довольно скоро в удачливого коммерсанта, торговавшего шоколадом. Тут и связи, и высокое положение в обществе. И, самое для разведчика главное, — надежное прикрытие. Вербовка, выполнение заданий Центра по оказанию помощи засланным в Иран нелегалам, приобретение «железных», то есть подлинных, а не в Москве сфабрикованных документов. Однажды, годы и годы спустя, когда Геворк Андреевич и Гоар Левоновна нелегально работали уже совсем в другой стране, столкнулись они с человеком, у которого увидели документы, приобретенные еще Вартаняном-старшим. Сообщили в Центр: здесь появился некто, использующий паспорт, выданный в Тегеране. Из Москвы успокоили — все в порядке.

И еще одна встреча с тем же самым человеком. Когда Вартаняны оказались на короткое время в Москве, то вдруг увидели обладателя знакомого паспорта на проспекте Мира. Двигался он прямо супругам навстречу, а прошел, даже не кивнув. Они — тоже. Но — оглянулись. Обернулся и он. Такое вот получилось рандеву. Не зря, видно, добывал Андрей Васильевич Вартанян документы для таинственного незнакомца. Даже Геворк

Андреевич удивляется:

— Ну до чего же маленький наш шарик…

Но все это было уже потом, после Тегерана. А в Иране Вартанян-старший делал немало для Центра полезного и необходимого, за что советская разведка практически ничего не платила преуспевающему владельцу кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями. 200-тысячная армянская диаспора уважала его искренне. Кстати, когда через несколько десятилетий уже сам Геворк Вартанян обосновался в весьма развитой европейской державе, то и он стал удачливым бизнесменом. Так отец и сын экономили средства для родной разведки.

А в Тегеране он быстро понял, чем занимается отец. В доме появлялись и потом куда-то исчезали незнакомые люди. Начал Геворк выполнять и мелкие поручения — отнести, встретить, что-то быстро припрятать. В семье было два брата и две сестры. Потом все вернулись в Союз, кроме одной из сестер, вышедшей замуж и, увы, рано ушедшей из жизни. И все знали о тайной работе отца, все помогали. Советский Союз оставался для них Родиной — так воспитал детей Вартанян-старший. Но профессиональным разведчиком стал только Геворк.

4 февраля 1940-го он впервые вышел на встречу с советским резидентом. И тут ему повезло. Дослужившийся потом до генерала, что в то время случай для внешней разведки редкий, Иван Иванович Агаянц был человеком строгим и в то же время добрым, теплым. Работал с ним Геворк до конца войны, пока Агаянц не получил нового назначения — резидентом во Францию. И настоящего разведчика из него сделал Агаянц. Хоть и был занят, но выкраивал время, встречался со смышленым пареньком, натаскивал.

Первое задание сразу же оказалось и очень серьезным: создать группу верных ребят-единомышленников. Геворк привлек к работе семерых друзей. Все примерно его же возраста — армяне, лезгин, ассирийцы. Общались между собой на русском и на фарси, который учили в школе. Сплошной интернационал. И все — выходцы из СССР. Родителей почти всех этих ребят из Советского Союза в 1937–1938 годах или выслали, или они сами вынуждены были уехать. А любовь к Родине, несмотря ни на что, осталась. Вербовал их Вартанян на чисто идейной основе. Давали согласие войти в группу без всяких вознаграждений, хотя и понимали, чем рискуют. Никакой оперативной подготовки ни у кого не было, и профессионалам из советской резидентуры приходилось образовывать ребятню буквально на ходу. Первое, чему научили, — вести наружное наблюдение. Иранцев среди

«легкой кавалерии» не было. Это потом начали вербовать и их, но только как агентов.

В 1941-м к группе подключилась симпатичная школьница. Ее брат был другом Геворка, который присматривался к Гоар полтора года, прежде чем предложить ей пока еще не руку и сердце, а рискованную работу. Будущая жена была смелой, ни от каких заданий не отказывалась. Но в разведку, как и сегодня полагает Геворк Андреевич, счастливо живущий в браке с Гоар Левоновной вот уже почти 60 лет, девочку привела все же любовь. Ведь тогда ей не было и шестнадцати. Мальчишки и девчонки, или еще ходившие в школу или только учебу закончившие. Все они, включая и Гоар, неплохо говорили на фарси, что здорово помогало в работе. Это, кстати, о пользе изучения иностранных языков.

Правитель Ирана Реза-Шах обещанного нейтралитета не соблюдал, вовсю помогал Германии, и в конце августа 1941-го в страну вошли с севера советские войска, с юга — английские. В то время в Иране находилось около 20 тысяч немцев. Под видом торговцев, бизнесменов, инженеров понаехали военные инструкторы и разведчики. И Агаянц не побоялся дать неопытной ребятне непростое задание: следить и выявлять фашистскую агентуру.

Резидентурой руководил у немцев Франц Майер. До этого майор из военной разведки успел поработать в СССР, знал русский, прекрасно освоил фарси. Типичный ариец — рослый, голубоглазый. И, говоря на разведжаргоне, группа Вартаняна «начала за ним работать». До ввода наших в Иран «держали его плотно». Хотя он, чтобы сбить с толку, и бороду отпускал, и одежду менял постоянно. Несколько раз Майера засекли вышагивающим по центру Тегерана в форме офицера Генштаба иранской армии. Или выходил вдруг из его квартиры, «легкой кавалерии» хорошо известной, какой-то незнакомый человек. Но ребята знали точно — Майер. Обличье новое, а вот походку изменить даже опытнейшему шпиону никак не удавалось. А потом он все-таки исчез, и они отыскали его уже после 1943-го. Отрастил бороду, покрасил хной волосы и, как выяснилось, на время превратился в пролетария: трудился могильщиком на армянском кладбище. Немцы вообще нередко маскировались под иранцев. А те, кто хорошо знал языки, выдавали себя за англичан, американцев, иногда даже за русских.

Майера должна была взять советская резидентура. Конечно, интересовались им и английские союзники, тоже шли за немцем по пятам. Люди из советского посольства и группы захвата находились в полной готовности, оставалось только получить

приказ. Но где-то промедлили, ошиблись, и пока наши запрашивали Москву, арестовали ценнейшего немецкого разведчика не мы, а англичане. Обидно было страшно, однако этот урок Вартаняну и его команде пошел на пользу, предостерег от излишней благости и самоуспокоенности.

У «легкой кавалерии» не было никакой техники. Разве быстрые ноги да велосипеды. Потом в 1942-м дали им на восьмерых один трофейный мотоцикл «Зюндаб». Гоняли на нем и Геворк, и Гоар. Часто немцы от ребят уходили на своих машинах. Приходилось крутить педали. Иногда вопреки всему находили и догоняли. Упорные были у Геворка помощники.

Вартанян-старший твердо знал: сын встал на его путь. Однако закон профессии суров. Никаких советов и обменов мнениями. Конспирация не позволяла, ибо у каждого — собственная работа. Хотя, как вспоминает Гоар Левоновна, Андрей Васильевич все же изредка давал волю чувствам. Иногда, видно, понимая, что Геворк выполняет рискованное задание, вышагивал часами около дома, бывало, до самой ночи поджидая сына. Но только слышались его шаги или шуршание шин велосипеда, и отец спешил в квартиру: к чему мальчику знать, что он волнуется, переживает.

Переживал Андрей Васильевич не зря. В 1941 году сына арестовали. Дело было серьезное. Один из руководителей группы азербайджанских экстремистов активно работал против СССР, устраивал теракты. Какие-либо разговоры-переговоры — бесполезны, о перевербовке и речи не шло. Выход такой — террориста убрать, ликвидировать, чтоб другим неповадно было, а не вывезти потихоньку куда-то и изолировать, как частенько делалось. Вызвались двое друзей Геворка постарше. Задание выполнили, но подсветились, оставив кое-какие следы. И Вартанян попал под подозрение: ребята-то были из его команды. Он возвращался домой на велосипеде, когда внезапно остановила полиция: велосипед краденый. Еще до того как начали избивать, Геворк понял, в чем дело. Бросили в подвал и лупили здорово: где убийцы? Пришлось «чистосердечно» признаться, что с парнями этими действительно знаком, но даже и представить себе не мог, какие же они плохие. Просил выпустить, обещая быстренько их отыскать. К тому времени девочка с косичками Гоар уже носила к нему в тюрьму передачи и ухитрилась сообщить, что двое друзей вывезены в Советский Союз. Они вообще с Гоар с детства понимали друг друга даже не с полуслова — с полувзгляда. Это и идеальная совместимость помогали потом выкарабкиваться из переделок посложнее той, тегеранской.

А тогда при аресте Геворк держался своей легенды. Узнав, что друзья уже далеко, решительно перешел в атаку. Требовал

освободить и побыстрее. Известный коммерсант-кондитер Андрей Вартанян хлопотал за невинно арестованного сына. Роптали богатые и бедные армяне — за что посадили? И после трехмесячной отсидки 17-летнего паренька, поддав на прощанье ногой, выкинули на улицу. Конечно, иранский таминат пытался Геворка и его ребят контролировать. Но с местными полицейскими «легкая кавалерия» справлялась.

А вот почему они уходили от немцев? Сегодня профессиональный разведчик-нелегал Геворк Вартанян на сто процентов убежден, что те не могли не засечь наружки. Лучшие кадры абвера против мальчишек, некоторые еще без усиков, а уж что без опыта… Наверное, поэтому немцы всерьез этой слежки, этого «детского» колпака не принимали. То появляются какие-то мальчишки, то исчезают. Правда, ребята быстро чередовались, меняли друг друга, чтобы уж очень не примелькаться. Объекты же наблюдения на них попросту плевали. Но в разведке нет мелочей. И за свое пренебрежение, явную недооценку немцы здорово поплатились. Только за полтора года работы «легкой кавалерии» провалились четыре сотни сотрудников и их агентов. В основном все же иранцев, но какого ранга — министры, военные, полицейские чиновники, предприниматели. Некоторые выходили из шахского дворца — и прямо на встречу с немецкой резидентурой.

Часть арестованных перевербовывали, иногда вместе с союзниками-англичанами, еще в Тегеране. Когда вошли советские войска, некоторых депортировали в СССР. В Москве им хорошенько промывали мозги, и не раз и не два ребята из группы Геворка снова наталкивались на них в Тегеране. Процесс шел сложный: сначала бывшие противники работали на немцев, после ареста и «перевоспитания» враги превращались в твоих же агентов.

Случались с Вартаняном и его командой и совсем уж невероятные истории. Никак сотрудники из резидентуры ГРУ не могли понять, чем занимается немецкий разведчик, прозванный «Фармацевтом». Идут агентурные сведения, что он проник в иранскую верхушку, проводит встречи с генералами, а доказательств — ноль. Целый месяц военная наружка ходит за «Фармацевтом» и ничего не обнаруживает за ним. Бродит по Тегерану, часами торчит на базаре или распивает чаи в кофейнях. И тогда военные разведчики обратились к Агаянцу, а он — к своей «легкой кавалерии». Они старательно работали по «Фармацевту» — абсолютно ничего интересного. Но агентура сообщала: снова провел встречу с иранцами из Генштаба. Решил Геворк с ребятами посмотреть, чем занимается немец на вилле

ранним утром, еще до ухода. Это в Северной части Тегерана, где живут в основном люди обеспеченные. Все крыши соседних домов облазили, пока не нашли идеальной точки обзора. Вдруг увидели с чердака: сидят у бассейна два, как две капли воды похожие друг на друга, блондина и спокойно беседуют. Немцы использовали близнецов. Прием в разведке не слишком новый, но все, кто до того вел наблюдение, на него купились. Брат-близнец демонстративно и нисколько не таясь уходит из дома, уводит тотчас цепляющуюся за него наружку, а «Фармацевт» отправляется на встречу с агентурой.

Геворк со своими на несколько дней буквально приклеились к братишкам. И быстро разобрались, что тот, кто покидает виллу первым, — чистое и им не нужное прикрытие. А вот второй… Ну и немцы тоже допустили здесь явный промах. Могли бы хоть изредка менять порядок ухода, чтобы подбросить наружке побольше сложностей. Но как это постоянно подтверждалось, были они чересчур уж дисциплинированными, и потому «Фармацевт», педантично выходивший вслед за братом, быстренько вывел на всю свою агентуру.

Или другая история не из типичных. Иранский генерал вроде бы завербован и передает советской резидентуре за большие деньги материалы с грифом «совершенно секретно» прямо из Генерального штаба. Ценнейший агент, только уж очень много передает, и подтверждается не совсем все. Агаянц к ребятам: надо срочно проверить. Те, как всегда, выставляют за генералом наружку. Нет, кроме советских, ни с кем не общается. Идет к себе на работу, возвращается и, будьте добры, вручает людям из резидентуры пакет с информацией. В квартиру к нему проникнуть никак нельзя. Пришлось забираться в строящийся напротив генеральской виллы трехэтажный особняк. Прихватили мощный бинокль и ахнули: достает генерал из папки, которую всегда таскал с собой, чистые бланки с грифом «совершенно секретно» и с удовольствием набивает на пишущей машинке свои сообщения. Вот так и морочил советской резидентуре голову, передавал по существу дезинформацию. Короче, забрали этого генерала.

Пришлось Геворку Вартаняну послужить и в английской разведке. Наши в ту пору были в очень плотном контакте с англичанами — союзники же. Отсюда совместные действия, разработки. И тем не менее британцы с их резидентом Спенсером всегда вели собственную игру. Ивану Агаянцу стало известно: 1942 год, война в разгаре, а люди полковника Спенсера открыли прямо в Тегеране, под крышей радиоклуба разведывательную школу. Набирали молодых людей, знавших русский. Направление

работы сомнений не вызывало. И приказали Геворку туда внедриться. Пришлось искать подходы, проходить собеседование у экзаменаторов.

По-русски Вартанян-младший к тому времени говорил уже неплохо. Да и сотрудникам школы, и в этом они не ошиблись, показался пареньком смышленым. А то, что просидел он в 1941-м три месяца в тюрьме, англичане явно прохлопали, иначе какая там разведшкола. Помогло, что отец был человеком состоятельным. Вообще британцы принимали во внимание набор благостных стереотипов — не беден, приятен в общении, владеет несколькими языками. Понравилось, что на собеседовании парень «честно» признался, что идет к ним ради хорошего заработка.

Зато конспирация в школе — строжайшая, обучение парами: нельзя будущим агентам знать друг друга. Армян готовили к заброске в Армению, таджиков — в Таджикистан. Геворку удалось познакомиться не только со своим напарником, но и еще с четырьмя соучениками. Установочные данные на них были переданы в Центр.

Профессиональная подготовка была поставлена в школе прекрасно. Английские инструкторы работали с молодежью, не жалея сил и времени. Шесть месяцев Геворка учили, как проводить вербовку, осуществлять шифровку и дешифровку, тайниковые операции. Двусторонняя связь, радиосвязь. Англичане готовили настоящих диверсантов. Курс напряженный, ускоренный. Пожалуй, в те годы будущий Герой Советского Союза такой подготовки не смог бы получить нигде. И по сей день Геворк Андреевич благодарен своим инструкторам — великолепные давали навыки. Англичане в течение стольких лет — наиболее тяжелые оппоненты. И учеба в английской разведшколе здорово помогла Вартаняну в дальнейшей его нелегальной жизни.

Ну а у школы, после пребывания в ней толкового ученика, возникли определенные сложности. После шести месяцев обучения агентов посылали в Индию. Там они тренировались еще полгода, учились прыгать с парашютом. Вартаняну это мало бы чего дало, и отправки в Индию удалось избежать, не доехал он туда. Всю же публику, на обучение которой потратили столько времени и денег, сбрасывали в республики Средней Азии и Закавказья. Однако, к крайнему удивлению англичан, их действительно хорошо подготовленных агентов почему-то быстро ловили. А некоторые, как оказалось, были кем-то перевербованы еще до заброски. Не только Геворком Андреевичем, он признается в этом откровенно, но и другими людьми тоже.

Так что школу пришлось англичанам закрывать. Да еще

Агаянц окончательно сразил Спенсера, сообщив ему напрямую, что наши о ней знают. Можно было бы поиграть в кошки-мышки и еще, ведь шли чужие шпионы прямо в руки. А если б вдруг школу перенесли в другой город? Так что Агаянц действовал дипломатично. Когда Спенсер попытался было убедить его, что школа — фашистская и агентуру готовят недобитые немцы, то Иван Иванович вроде бы и согласился. Если немцы прямо на наших с вами глазах готовят диверсантов, то «радиоклуб» необходимо поскорее ликвидировать. И полковнику Спенсеру ничего не оставалось, как согласиться с коллегой-союзником.

Осенью 1943-го Геворку Вартаняну и его «легкой кавалерии» пришлось участвовать в операции совсем необычной. О Тегеранской конференции написано немало толстенных книг, сам Ален Делон снялся в фильме «Тегеран-43», а неудавшаяся операция немцев «Длинный прыжок» превратилась чуть ли не в символ торжества советской разведки над фашистской. Но свидетельства человека, во многом как раз и сорвавшего приказ Гитлера об уничтожении Сталина, Черчилля и Рузвельта, представляют интерес особый.

Началось все с того, что разведчик-партизан Николай Иванович Кузнецов передал в Центр из-под Ровно о возможной попытке покушения в Тегеране на глав трех союзных государств. И в иранской столице, говоря языком современным, началась решительнейшая зачистка. Советская резидентура работала вместе с агентурой с напряжением, по словам Вартаняна, «немыслимым». Появлялись малейшие подозрения — и человека временно арестовывали. Сомнения не подтверждались и его отпускали, однако только после Тегеранской конференции.

Подключили и группу Вартаняна. И до конференции, и во время ее «легкая кавалерия» трудилась днем и ночью. В городе же явно активизировались немецкие агенты-иранцы: постоянные встречи, выходы на иранских военных. Чувствовалось, что готовится нечто.

Однажды пришлось брать немецкого агента прямо на свадьбе. Были сведения, что в покушении может быть замешан именно он. Геворку и его ребятам подсказали: у этого иранца уже есть опыт участия в терактах, и в определенный день и час он будет находиться на свадьбе. Вартанян отправился в этот дом, собираясь незаметно вызвать опасного и, похоже, вооруженного человека. Постучал, ему открыли… Тут вдруг и раздался оглушительный свист: советский капитан, да прямо в форме, призывал свой взвод автоматчиков. Они чуть не впрыгнули во двор, а там вовсю гуляет свадьба — человек двести. Поднялась жуткая кутерьма.

— Зачем? — и сегодня сокрушается Геворк Андреевич. — Я бы этого бандита потихоньку увел. Военные выкручивают ему руки, а у него, как я и думал, пистолет. С головы какого-то солдата падает шапка, и я ее подбираю. Забрасывают арестованного в грузовик и везут в прокуратуру. И чуть не вся свадьба туда же. Люди возбуждены, требуют освободить гостя. Что и кому тут объяснять? Я стою в толпе, наблюдаю. В руках у меня чужая солдатская шапка. И весь шум и гвалт до двух часов ночи. Хорошо, что взяли потенциального участника теракта, но не так же, не так.

Да, случались и неудачи. Перед Тегеранской конференцией надо было брать в городе Казвине опасного человека. Почти наверняка знали, что он участвовал в терактах и поджогах. Пытался вербовать советских солдат. Искали его долго, а адрес установил отец Геворка. В Казвин отправился Вартанян-младший. Два дня вертелся около дома немецкого агента, но так и не смог его обнаружить. На третий день задержали наши солдаты. Не террориста — Геворка. В городе полно советских военных, а рядом крутится какой-то парень в гражданской одежде. День просидел под арестом для выяснения обстоятельств, потом отпустили. Военные, люди из Главного разведывательного управления, по свидетельству Геворка и Гоар Вартанян, работали иногда очень жестко.

Их же «легкая кавалерия» действовала по-иному. Именно она обнаружила передовую группу из шести радистов-парашютистов, которых немцы сбросили недалеко от Тегерана поблизости от города Кума. Городок небольшой, весь в мечетях, и была там у фашистов могучая агентура, советской разведкой еще не разгромленная. Немцы переоделись в местные одежды, перекрасились, как и уже упоминавшийся майор Майер. Очень любили они в Иране использовать хну. Кто-то с перекрашенной бородой работал даже под муллу.

Так начался «Длинный прыжок». Немцы на верблюдах передвигались к Тегерану. Везли с собой рацию, оружие, снаряжение. Осторожничали и сравнительно недлинный путь проделали за десять дней. Поблизости от столицы пересели на грузовик и добрались-таки до города. Засели там на конспиративной вилле на одной из центральных улиц Надери, недалеко от посольств СССР и Великобритании. Немецкая агентура там все здорово подготовила. Первую задачу свою — установить связь с Берлином — передовая группа выполнила. А вот подготовить с помощью агентов-иранцев условия для высадки террористов не смогли: их радиостанцию запеленговали. И «легкой кавалерии» поставили конкретную цель: найти в

огромном Тегеране эту радиостанцию. И именно они отыскали, где находится группа немецких радистов.

— День и ночь по 14–16 часов по улицам бегали. Я домой уходила, только когда совсем темно, — вспоминает Гоар Левоновна. — Холодно, жарко, страшно — все равно искали.

Так что пришлось радистам работать уже под колпаком нашей и английской разведок. Передавали они в Берлин сведения под чужую диктовку. Только не надо думать, будто немцы — такие простаки. Кому-то из их радистов удалось подать в эфир условный знак: работаем под контролем. В Германии быстро уразумели, что операция «Длинный прыжок», которую возглавлял Отто Скорцени, началась с сокрушительной неудачи. И основную группу во главе с любимцем Гитлера посылать на верный провал не решились.

Немало споров ведется по поводу того, побывал ли все-таки Скорцени — убийца австрийского канцлера Дольфуса, отбивший в 1943-м дуче Муссолини у итальянских партизан, — в Тегеране или нет. Геворк Андреевич Вартанян ответ знает точный: да, был, но еще до ареста радистов. Крутился возле посольств Великобритании и СССР. Они рядом, в центре. И особенно около американского, что гораздо дальше, в пустынном — тогда — месте. Оно из-за этой самой отдаленности и подвергалось наибольшему риску. И группа Вартаняна подсказала: если террористический акт так или иначе готовится, то в посольство США, которое охранять очень сложно, ехать Рузвельту никак нельзя. Сталин и советская разведка сумели американского президента в этом убедить, и Рузвельт понял, что, вопреки протоколу, безопаснее остановиться в советском.

Ну а фильм «Тегеран-43» супруги Вартанян, конечно, смотрели. И, не вдаваясь в комментарии по поводу в нем накрученного-навороченного, заметили, что есть в картине и правдивый момент. Диверсанты действительно собирались проникнуть в английское посольство через водоканал и совершить теракт как раз в день рождения Черчилля — 30 ноября.

Мог бы оказаться на счету группы Вартаняна и еще один, даже более ранний по времени, успех. Удалось передать относительно точную дату нападения Гитлера на Советский Союз — вторая половина июня 1941-го. Но сообщение тегеранской резидентуры в Центре проигнорировали. Как они оба узнали уже гораздо позже, даже написали: «Материал интереса не представляет».

Как удавалось «легкой кавалерии» вести наблюдение и выходить на фашистских агентов — понятно. Однако каким же способом узнали о готовящемся блицкриге? Ведь были

разведчики так молоды, даже юны и неопытны.

Гоар Левоновна этот мой тезис о их юношеской наивности деликатно опровергает. В те годы они учились быстро, на ходу. Обстановка заставляла. Из Ленинакана родители выехали в Иран, когда ей было пять лет. Она даже по-русски не говорила. А Геворк не знал армянского. Постепенно выучились, хотя в начале знакомства чаще общались на фарси.

Немцы, большинство из которых трудились на разведку, уютные, чистые квартиры и виллы снимали у армян, живших в центре города. Бывало, что отношения с хозяевами у постояльцев складывались доверительные. Немцы всячески перетягивали на собственную сторону, заигрывали, убеждая, что «вскоре этих Советов не станет».

И как тут было «наивной» Гоар и ее близким друзьям не задать так и напрашивавшегося вопроса: «Ах, герр майор, скорей бы! Но почему вы настолько в этом уверены?» И получали вполне аргументированный ответ. Все должно произойти летом 1941-го и, не волнуйтесь, завершится очень быстро, в считаные месяцы, быть может, даже недели. Если беседа складывалась, проявляли вполне понятную заинтересованность, осторожное любопытство: почему же не сейчас, не зимой? Им терпеливо объясняли, что в русский мороз цивилизованные государства не воюют, и поэтому рейх предпочитает окончательно покончить с противником летом. Некоторые собеседники, которым нравилось прихвастнуть собственной осведомленностью, называли даже конкретные даты — третья декада июня. Вся эта информация, полученная от Геворка, Гоар и других членов их группы, обобщалась и передавалась в Москву. Жаль, но в Центре на эти полученные от разных источников и почти полностью совпадающие сигналы тревоги, как уже упоминалось, реагировали слабо. Впрочем, об этом ребята узнали гораздо позже.

К концу Великой Отечественной Геворк и Гоар набрались профессионального опыта. В 1946-м поженились. Работали в Иране еще пять лет. Попросили у руководства разведки разрешения вернуться на Родину: мечтали о высшем образовании. И в 1951 году взялись за учебу в Институте иностранных языков. Все же с уверенностью напишу, что те языки, без которых была немыслима их дальнейшая нелегальная работа, они освоили не в Ереванском инязе. Довольно быстро после окончания учебы нелегалы Вартаняны отправились в командировку, которая длилась более 30 лет. Вернулись домой в 1986-м.

За эти годы Гоар Левоновне пришлось еще дважды вступать в официальный брак. Но с одним и тем же человеком — ее Геворком. Только под разными именами и в разных странах.

Единственное, о чем жалеют, — не было возможности завести детей.

Поездить по свету пришлось немало. Меняли страны, ибо в каком-то одном государстве уж очень долго жить нельзя: неинтересно для работы разведчика. И не раз супруги-нелегалы убеждались в том, что наш земной шарик действительно маленький. В одной стране, Гоар Левоновна просила меня не обижаться на это несколько абстрактное словосочетание «одна страна», они с мужем отправились на большой прием. И вдруг увидела Гоар Левоновна даму, с которой встречалась 30 лет назад. Но у Гоар теперь уже и другая легенда, и фамилия. Решение мгновенное: быстро покинуть зал. Тут же за ней бросился сеньор, на прием и пригласивший. Просит вернуться. Гоар твердит о головной боли, а любезный хозяин предлагает посидеть в другой комнате, уверяя, что полегчает. Какое уж там полегчает: встреча с дамой может оказаться последней в карьере разведчиков-нелегалов. Гоар Левоновна добирается до машины — и по газам!

Или еще эпизод из той же серии. Он может приключиться, да и приключается, со многими нелегалами, оседающими в чужих странах на годы и десятилетия. Ведь прежнюю, настоящую жизнь из новой легендированной биографии никак не выкинуть. Итак, в одном государстве высокопоставленный иранский военный в силу разных обстоятельств понимает, что приятная пара, с которой он познакомился, долгие годы провела именно в Тегеране.

Возникают неловкость для него и реальная опасность провала для Вартанянов. Да еще ситуация складывается так, что бросить все и уехать никак нельзя. Приходится наводить генерала на разные варианты. И его самого посещает мысль, что супруги принадлежат к коммунистической партии Туде, шахом в Иране запрещенной. Потому покинули Тегеран, и теперь никак своих связей с родной державой по вполне понятным причинам не афишируют. Военный, к счастью, оказавшийся человеком порядочным, поданный ему Вартанянами тонкий намек принимает и хранит молчание.

Вот так они и жили, постоянно рискуя и умело отводя угрозы не только от себя, от СССР тоже. Как же обидно, что не дано рассказать обо всех их потрясающих удачах. На свою ответственность берусь утверждать, что в годы холодной войны именно благодаря этой паре в Москве твердо знали о многих планах НАТО и противостояли этим реальным угрозам. Они проявляли чудеса изворотливости. Однажды, чтобы попасть на одно важное и закрытое мероприятие, Геворк Андреевич пустился в пляс вместе с артистами, приглашенными для развлечения

высокопоставленных гостей. С ними и вошел в зал, где увидел и услышал немало для себя и, главное, для безопасности нашей Родины полезного. Приходилось им поддерживать отношения с генералами и министрами, проникать в круг лиц, близкий к самым видным руководителям государств. Да и с самими министрами, премьерами и президентами тоже общались.

Звание Героя Советского Союза Геворку Андреевичу Вартаняну присвоили в 1984-м. Находились они тогда в одной стране, и весть об Указе Президиума Верховного Совета супруга приняла шифровкой по радио. Вартанян побледнел. Протянул сообщение жене. А в нем и про ее орден — Красного Знамени. Оба считают этот день счастливейшим и достойнейшим в своей жизни. Ясно, что Звезда Героя и орден не только за Тегеран, однако о подробностях говорить — пока рано. Да и документы на награждение выписали на другую фамилию. И только после возвращения все встало на свои места. Вручали Вартаняну эту награду и орден Ленина вместе с другими орденами и медалями уже дома.

Изредка мелькала в документальных фильмах эта звездочка на хорошо отутюженном синем пиджаке. Только вот лица ее обладателя никогда не показывали: лишь руки. И представлялось почему-то, что Герой Советского Союза не молод и человек он восточный. В декабре 1999-го — накануне Дня работника внешней разведки — я встретился с Вартанянами. Удивительно, но чисто интуитивное предположение подтвердилось.

Люди они теплые, гостеприимные, чувство юмора у обоих — отменное, рассказчики — интереснейшие, что, признаюсь, не всегда отличает их коллег. Хотя случалось, Геворк Андреевич одним движением бровей, полувзглядом прерывал Гоар Левоновну. Я надеялся, что нам удастся продвинуться и дальше тегеранского периода. Тем более некоторые сопоставления напрашивались сами собой. И человеку, даже немного разбирающемуся в истории разведки, открывались такие дали и свершения, что рассказ о них должен был бы перевернуть иные сложившиеся стереотипные представления об отдельных, довольно близких этапах нашей новейшей истории. Однако в ходе обсуждения этих заманчивых перспектив мне посоветовали ограничиться — пока — лишь определенным временным отрезком в деятельности гениальных разведчиков-нелегалов. Потому и пишу лишь о малой толике ими совершенного.

Сегодня, встречаясь с молодежью, он прикалывает к пиджаку свою Звезду, она — любимый орден. Геворк Андреевич — полковник. Звание получил в 1968-м, когда ему было уже 44 года. А до этого вопроса о присвоении не поднимал, и когда кадровик

посоветовал: «Зачем вам звание, ходите свободно», — обиделся. Спасибо Андропову, присвоил. Юрий Владимирович разбирался в чувствах своих подчиненных гораздо тоньше кадровиков. Гоар же Левоновна так и не была аттестована. Правда, в 1986 году, когда она формально выходила на пенсию, назначили ей 250 рублей — как полковнику, что было по тем временам немало. Но сейчас…

Они производят впечатление людей исключительно уравновешенных. Гоар Левоновна убеждена, что разведчику без хороших нервов — никак. Они оба спокойны: никогда не вспоминают о плохом, хотя, понятно, случались и у них неудачи, и тяжелые переживания. У Вартанянов собственный рецепт выживания: отбрасывать все плохое. Наверняка такой здоровый, естественный, а не бодряческий оптимизм помог им продержаться в нелегалах больше четырех десятилетий. И, повторяют оба, не боясь высоких слов, патриотизм, вера в Родину.

Нашу разведку, особенно нелегальную, созданную еще в 1922-м, Геворк Андреевич считает по-прежнему первой в мире. Такой ни у кого нет. Может, израильский МОССАД в определенном смысле исключение. Там практически во всех странах очень сплоченная диаспора. Могут ее использовать. На практике это выглядит так: МОССАД вербует своего соплеменника, и в этой зарубежной стране он уже как бы нелегал. А у западных спецслужб стратегия другая. Они, как полагает Вартанян, используют своих нелегалов в основном для разовых заданий, сажают где-то на три, на шесть месяцев. Наши же оседали надолго, бывало, на десятилетия. Потому и результаты получали. Служба была очень толково поставлена. Ну а вторыми в этой бесшумной битве, по мнению Вартаняна, пожалуй, англичане. У них разведка всегда была сильной и сейчас остается такой же. Американцы же тратят миллиарды долларов. Этим и берут. Вартанянам приходилось встречаться со многими спецслужбами. Одно то, что спокойно вернулись нераскрытыми, говорит о многом.

Задал я Геворку Андреевичу и интересующий меня вопрос:

— После того как нелегалов Вартанянов «рассекретили» в печати, стали показывать по телевидению, выходили на вас люди из тех далеких государств, где вы работали под чужими именами?

— Нет, люди те никак не проявились. Думаю, многим из них это невыгодно. Некоторые работали в спецслужбах и спецорганах. Уверен, узнав о нас, кое-кто с огорчением и досадой почесал затылок.

— А здесь, в Москве, вы с Гоар Левоновной теперь неплохо известны. Как воспринимаете такую популярность?

— Ну, популярность — это, может, чересчур. Но после того

как нас приоткрыли, многие подходят на улице, здороваются, поздравляют. Соседи радуются: мы и не знали, что живем рядом с разведчиками.

— Это приятно? Или все же утомляет?

— Это приятное утомление.

Н. ДОЛГОПОЛОВ

Александр Коротков

…Осенью 1938 года после продолжительной двенадцатимесячной командировки с нелегальных позиций в Европу возвратился в Москву лейтенант государственной безопасности[61] Александр Коротков. За проделанную работу (а в задание, в частности, входило проведение двух чрезвычайно опасных так называемых «литерных операций») он был награжден своим первым орденом — Красной Звезды. А через два месяца нарком НКВД Лаврентий Берия уволил 29-летнего орденоносца из органов государственной безопасности.

Причина увольнения по тем временам более чем серьезная: за десять лет до этого рекомендовал юношу на работу в ОГПУ бывший секретарь ВЧК-ОГПУ Вениамин Герсон, «разоблаченный как враг народа», а потому репрессированный. Правда, рекомендовал не на оперативную должность в Иностранный отдел (ИНО) — так тогда называлась советская внешняя разведка, а всего лишь в качестве лифтового в хозяйственное управление. Но для кадровиков НКВД и самого наркома это теперь не имело никакого значения, коль скоро связь Короткова с «врагом народа» установлена достоверно.

Многие сослуживцы полагали, что «Саше» (так называли Короткова в узком кругу разведчиков) еще повезло.

Иных коллег, отозванных из зарубежных командировок, арестовывали прямо на вокзале. Других увольняли, дозволяли устроиться на хорошую работу в престижные гражданские организации, например во Всесоюзный радиокомитет, в одну из редакций иновещания (учитывалось знание европейского или восточного языка), а затем, самое большее через пол года, все же арестовывали. Увольнению из органов НКВД обычно предшествовало исключение из партии, в редких, единичных случаях — вынесение строгого выговора с занесением в учетную карточку.

На партийном собрании жертва так называемого «персонального дела» должна была в обязательном порядке каяться во всех смертных грехах. Особенно — в утрате политической бдительности, связях с уже изобличенными «врагами народа» (своими вчерашними начальниками), отречься от арестованных родственников, клясться в беспредельной верности великому вождю товарищу Сталину и его близкому соратнику товарищу Берии.

Бывали случаи, когда, убедившись в неизбежности скорого ареста, сотрудник пускал себе пулю в висок из табельного

пистолета или выбрасывался из окна служебного кабинета.

Коротков не покончил с собой и ни в чем каяться не стал. Он взбунтовался. Некоторые друзья и сослуживцы посчитали даже, что с Сашей случился приступ внезапного и острого умопомешательства. Капитан госбезопасности Коротков обжаловал приказ в письме на имя самого же наркома! Не только отверг все, как ему казалось, возможные мотивы увольнения, но, по сути, потребовал восстановить его на службе в разведке!

О степени изумления Лаврентия Берии можно только догадываться[62]. Об этом письме долгие годы на Лубянке, а затем и в Ясеневе ходили легенды. Кое-кто вообще даже сомневался в его существовании. Лишь несколько лет назад автор получил возможность впервые и полностью опубликовать его.

Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР т. Берия

Короткова А. М.

быв. с[отрудни]ка 5-го отд. Г.У.Г.Б. НКВД[63].

8.1.1939 г. мне было объявлено об моем увольнении из органов. Так как в течение десятилетней работы в органах я старался все свои силы и знания отдавать на пользу нашей партии, не чувствую за собой какой-либо вины перед партией и не был чем-либо замаран на чекистской и общественной работе, думаю, что не заслужил этого увольнения.

В органах я начал работать в 1928 г. лифтовым, год проработал делопроизводителем в 5 от[деле] ГУ ГБ, а в 1930 г. был назначен помощником] Уполномоченного.

В 1933 г. был послан во Францию в подполье, выполнял там задания резидента по слежке за сотрудниками французского военного министерства и установлению их адресов, работал с двумя агентами.

В 1936 г. был вновь послан за границу — в Германию для работы по технической разведке и думаю, что несмотря на весьма тяжелые условия работы, мне удалось кое-что сделать полезного для партии и родины, и доказательства этому можно найти в делах 5-го отдела.

В декабре 1937 г. мне было предложено выехать в подполье во Францию для руководства группой, созданной для ликвидации ряда предателей, оставшихся за границей.

В марте 1938 г. моя группа ликвидировала «Жулика», в июле «Кустаря», и я руководил непосредственным выполнением операций и выполнял самую черную, неприятную и опасную работу.

Я считал, что шел на полезное для партии дело и потому ни на минуту не колебался подвергнуть себя риску поплатиться за это каторгой или виселицей. А то, что это, в случае провала было

бы именно так, у меня есть все основания думать, т. к. хотя я вероятно и продавался разоблаченными ныне врагами народа, сам однако не продавался, и у меня не было ни намерения, ни желания, ни причин для этого.

За границей я в общей сложности пробыл 4 года, из них 2,5 года в подполье. Находясь за границей, изучил в совершенстве немецкий язык и неплохо французский. Изучил также и некоторые страны, в которых бывал, обычаи и нравы их народов.

Ехал за границу только из-за желания принести своей работой там пользу и думаю, что не один знающий меня человек может подтвердить, что я не барахольщик, и что меня не прельщало заграничное житье.

По общественной линии я неоднократно избирался секретарем комсомольской организации отдела или работал с пионерами и неплохо показал себя на работе.

Что касается моей жены, то несмотря на наличие у нее родственников за границей, на ее долгое проживание там, несмотря на компрометирующие материалы против ее умершего в 1936 г. отца, я полностью уверен в ее преданности партии и могу нести за нее любую ответственность. К тому же она неплохо показала себя как работница в отделе и комсомольской организации. Я отлично понимаю необходимость профилактических мер, но поскольку проводится индивидуальный подход, то выходит, что я заслужил такого недоверия, которое обусловливает мое увольнение из органов. В то же время я не знаю за собой проступков, могущих быть причиной отнятия у меня чести работать в органах. Очутиться в таком положении беспредельно тяжело и обидно.

Прошу Вас пересмотреть решение о моем увольнении.

Коротков.

9.1.1939 г.

Почти год письмо Короткова пролежало в сейфе наркома. А по прошествии этого времени Берия так же внезапно, как уволил, восстановил «штрафника» в кадрах и направил в двухмесячную загранкомандировку! По возвращении Коротков был повышен в должности и переведен из кандидатов в члены ВКП(б).

О твердом характере и чувстве собственного достоинства Короткова говорит и такой факт. Во время войны он несколько раз забрасывался в Югославию, где успешно выполнил ряд ответственных заданий. Его заслуги были отмечены высшим югославским орденом — Золотой «Партизанской звездой» 1-й степени.

В 1948 году по указанию Сталина, раздраженного

независимостью руководителя Югославии маршала Иосипа Броз Тито, все отношения между СССР и этой страной были надолго прерваны. В советских газетах была опубликована чудовищная по нагромождению лживых обвинений «редакционная» (спущенная сверху, из Политбюро ЦК ВКП(б)) статья под хлестким названием «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Было отдано категорическое предписание, чтобы советские граждане, удостоенные югославских правительственных наград, в знак «единодушного протеста» демонстративно от них отказались. Советским воинам, участвовавшим в освобождении югославской столицы, было предложено «добровольно» обменять советскую медаль «За освобождение Белграда» на медаль «За боевые заслуги».

Александр Михайлович Коротков, тогда уже полковник, занимавший ответственный пост в центральном аппарате разведки, свою Золотую «Партизанскую звезду» не сдал.

…Он родился в Москве в 1909 году. Отца своего Александр никогда в жизни не видел, поскольку мать, будучи в положении, к тому же имея на руках двух старших детей — Павла и Нину, ушла от мужа без всяких объяснений. Более того, взяла с младшего сына обещание никогда с отцом не встречаться. Похоже, свой сильный, даже жесткий характер Александр унаследовал именно от матери. Данное ей в детстве слово сдержал, хотя отец спустя годы пытался с ним хотя бы познакомиться.

В трудные годы Первой мировой и Гражданской войн семья бедствовала, настолько, что старшего сына Павла взяли на содержание бездетные родственники, жившие, по счастью, неподалеку. Тем не менее Александр сумел закончить полную среднюю школу, после чего начал работать учеником частника-электромонтера.

Братья дружили, вместе играли в футбол и хоккей на вполне приличном уровне. Павел Коротков в этом весьма преуспел: впоследствии стал первым чемпионом СССР по футболу в 1936 году в составе московского «Динамо». Вместе с ним играли такие знаменитости, как Михаил Якушин и Аркадий Чернышев. Пять раз Павел становился чемпионом СССР и по хоккею. Впоследствии, работая уже в армейском клубе, заслуженный мастер спорта СССР Павел Коротков привел в качестве играющего тренера в хоккей легендарного Всеволода Боброва. Занятно, что с легкой руки популярного спортивного радиокомментатора Вадима Синявского фамилию Павла произносили с ударением на первом слоге — Коротков, Александр же всегда был Коротковым, с ударением на слоге последнем.

Александр был разносторонним спортсменом, но главным его

увлечением стал теннис, который в России всегда считался занятием чуть ли не аристократическим. В тогдашней Москве имелось тогда всего 3–4 корта, так что простым смертным попасть на них было практически невозможно. Саше невероятно повезло: отец его друга Бориса Новикова работал на небольшом динамовском стадионе на Петровке, и потому ребята имели возможность играть на здешних кортах почти столько, сколько хотели. Борис Новиков впоследствии стал одним из ведущих теннисистов страны, чемпионом СССР, а затем тренером. Александр же, насколько удалось установить автору, играл в силу крепкого первого разряда.

На этом корте и приметил юношу Вениамин Герсон, один из создателей и руководителей первого в СССР добровольного спортивного общества «Динамо». Увидел и загорелся идеей завлечь перспективного молодого спортсмена в «Динамо». Однако просто так любому желающему вступить в это общество было никак нельзя. В «Динамо» принимали только сотрудников и вольнонаемных служащих ОГПУ. Чтобы Коротков стал динамовцем, Герсон, человек на Лубянке влиятельный, и устроил его на вакантную должность лифтового, то есть монтера по обслуживанию лифтов, в знаменитом доме № 2 на площади Дзержинского.

А дальше — толкового, смышленого, грамотного молодого человека приметили оперативные работники из Иностранного отдела. Начав со скромной должности делопроизводителя, Коротков быстро вырос в полноправного сотрудника, вначале достигнув ступеньки помощника оперуполномоченного, а затем и оперуполномоченного — основной «боевой единицы» в системе разведки и контрразведки.

Советская внешняя разведка ОГПУ-НКВД[64] в ту пору, вплоть до ее разгрома собственными коллегами по наущению свыше в 1937-м и последующих годах, без сомнения была сильнейшей в Европе. Следовательно, и в мире, поскольку США тогда зарубежной разведки не имели вообще, а сильное ФБР (Федеральное бюро расследований) по закону имело право действовать только на территории страны и боролось главным образом с организованной преступностью.

В Иностранном отделе работали подлинные асы разведки, люди талантливые и беспредельно преданные Отечеству. Контрразведку (КРО) и разведку (ИНО) много лет возглавлял легендарный Артур Артузов. Под его руководством было проведено несколько десятков успешных контрразведывательно-разведывательных операций, в том числе ставшие эталонными «Трест» и «Синдикат-2», на заключительных этапах которых были

выведены на территорию СССР Сидней Рейли и Борис Савинков.

Работали в КРО-ИНО (между этими двумя основными отделами ОГПУ-НКВД имела место постоянная ротация кадров) Андрей Федоров, Отто Штейнбрюк (бывший капитан австро-венгерской армии, оказавшийся в русском плену и навсегда оставшийся в нашей стране), Сергей Пузицкий, Григорий Сыроежкин, Роман Бирк, Наум Эйтингон, Василий Зарубин, Дмитрий Быстролетов, врач и художник, свободно владевший двадцатью с лишним иностранными языками.

ИНО, как и военная разведка Наркомата обороны, располагал мощной и разветвленной агентурной сетью во всех стратегически и тактически важных странах мира. Примечательно, что в подавляющем большинстве агенты работали на идейной основе, это были искренние и бескорыстные друзья Советской страны, в которой видели прообраз будущего государства всеобщей свободы, подлинного равенства и братства трудящихся. Позднее — как единственную политическую и военную силу, способную противостоять фашистской угрозе. К примеру, именно на этой основе стали сотрудничать с советской разведкой крупный немецкий ученый-экономист Арвид Харнак, будущий создатель и руководитель берлинской «Красной капеллы», английский аристократ Ким Филби.

Характерно, что на такое же сотрудничество пошли и некоторые бывшие враги Советской власти, разочаровавшиеся в Белом движении. Такой путь, как и многие другие, прошел боевой врангелевский генерал Николай Скоблин (в этом решении его поддержала жена — знаменитая певица Надежда Плевицкая).

Специальной разведывательной школы в ОГПУ-НКВД тогда еще не было. Молодым сотрудникам приходилось учиться тонкостям и премудростям профессии у старших товарищей в процессе работы.

Именно так овладевал ею и Александр Коротков. За единственным исключением: немецкий на индивидуальных занятиях ему преподавала свободно владевшая этим языком Мария Вильковыская. Закончилось это учение тем, что Коротков научился прекрасно говорить, читать и писать по-немецки, а в завершение цикла — женился на молодой преподавательнице.

В 1933 году в составе оперативной группы «Экспресс» Коротков был направлен в свою первую нелегальную загранкомандировку во Францию. Руководил группой «Швед» — опытнейший разведчик Александр Орлов (Никольский, Фельдбин). Во Францию группа из четырех человек прибыла после промежуточного пребывания в Австрии и Швейцарии. В Вене Коротков превратился в уроженца Кракова Карла Рошецкого.

С этим документом «Длинный» (таков был оперативный псевдоним Короткова) поступил в Париже в Центральную радиошколу, а также записался вольнослушателем в знаменитую Сорбонну — почему-то на курс антропологии.

Документы «Рошецкому» изготовил в Москве крупнейший специалист этого дела Павел Громушкин, и ныне здравствующий. Через девять лет именно Громушкин выправил документы на имя обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта будущему Герою Советского Союза Николаю Кузнецову.

С нелегальных позиций Короткову пришлось поработать и во второй своей загранкомандировке, и так же успешно. В Германии, в частности, на связи с ним был особо ценный агент Ганс-Генрих Куммеров («Фильтр») — крупный инженер. Благодаря «Фильтру» советская разведка получила важную информацию о создании в Германии новых образцов артиллерийского и химического оружия, а также военных радиоприборов.

Примечательно, что задание группе «Экспресс» разработал лично Артур Артузов, а утвердил сам председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский.

Уже после войны Александр Коротков много лет стоял во главе нелегальной разведки и серьезно реорганизовал ее. Это самое засекреченное управление (в разные годы носившее название «1-Б» и «С») всегда возглавляли опытнейшие высшие офицеры. Сами они до назначения на этот пост, как правило, работали «в поле» под легальным прикрытием: дипломатов в посольствах и консульствах, во внешнеторговых представительствах. Коротков стал первым и единственным, кто имел собственный опыт оперативной работы за рубежом с нелегальных позиций.

Если спросить на улице десять случайных прохожих, каким они представляют разведчика, девять назовут в качестве примера именно нелегала. Из реально существовавших — Конона Молодого (Лонсдейла, «Бена»), Вильяма Фишера (Абеля, «Марка»), Николая Кузнецова (обер-лейтенанта Зиберта, «Колониста», «Пуха»). Назовут и вымышленных персонажей, героев популярных кинофильмов: майора Федотова («Подвиг разведчика»), Ладейникова («Мертвый сезон»), Исаева-Штирлица из «Семнадцати мгновений весны»).

И это не случайно, а закономерно. Поскольку именно в нелегале концентрируются в наибольшей степени все общие и специфические качества, свойственные профессии разведчика.

Работа разведчика-нелегала за рубежом, «в поле», коренным образом отличается от повседневной деятельности сотрудника легальной резидентуры. Последний, будучи гражданином своей

страны, снабжен ее подлинными документами, работает под прикрытием официальных учреждений своего государства или даже международных организаций, вроде ООН, порой защищен дипломатическим иммунитетом.

Нелегал же находится за рубежом с паспортом иностранного государства, с официальным представительством своей страны никак не связан. Перед местной властью он фактически беззащитен. В стране с авторитарным политическим режимом его могут тайно арестовать, пытать, а то и ликвидировать без огласки. Даже зная о его аресте, посольство родной страны не может официально ему ничем помочь (разве что через надежного посредника нанять хорошего адвоката). В случае осуждения за шпионаж нелегалу остается только уповать на то, что ему сумеют организовать побег (что всегда весьма проблематично), либо надеяться, что его через несколько лет обменяют на захваченного разведчика того государства, чьим строго охраняемым «гостем» он пока является. Но такая практика обмена разведчиками стала обычной лишь после Второй мировой войны.

Нескольких нелегалов, раскрытых контрразведкой страны пребывания, удалось своевременно спасти от ареста. Некоторые, как супруги Михаил и Галина Федоровы («Сеп» и «Жанна»), благополучно вернулись на Родину после нескольких лет работы за рубежом так и нераскрытыми.

В 1937–1938 годах советская разведка, и внешняя, и военная, понесла огромные, трудновосполнимые потери. В ходе массовых, необоснованных репрессий погибли многие выдающиеся разведчики, сотрудники всех легальных и нелегальных резидентур, а также центрального аппарата Главного управления госбезопасности НКВД СССР и Разведупра Наркомата обороны. На два-три года была утрачена связь с ценными агентами, в том числе в странах, потенциальных противниках СССР в будущей и, как оказалось, близкой войне.

Достаточно сказать, что к 1940 году в берлинской резидентуре работали всего два молодых, малоопытных сотрудника, из которых лишь один владел немецким языком. Легальным резидентом в Германии был Амаяк Кобулов, младший брат Богдана Кобулова — ближайшего сподвижника наркома Лаврентия Берии. Благодаря этому родству он и попал на пост, который ранее всегда занимали опытные, высококвалифицированные разведчики. Образование Кобулова ограничивалось пятью классами неполной средней школы и курсами счетоводов. Немецкого языка, равно как истории, культуры, традиций Германии, он не знал, ими не интересовался и главную свою задачу видел в специфическом наблюдении за

сотрудниками полпредства[65] и иными советскими гражданами, работавшими в стране.

Справедливости ради надо отметить, что нарком НКВД Берия, человек циничный, прагматичный и умный, прекрасно знал цену своему выдвиженцу. А потому, направив летом 1940 года в Берлин Короткова, дал ему понять, чтобы, соблюдая должную субординацию по отношению к резиденту, тот работал вполне самостоятельно. Более того, предоставил право в случае необходимости связываться с ним напрямую, минуя все промежуточные инстанции.

В Берлин Коротков приехал со служебным паспортом на имя Владимира Петровича Коротких (оперативный псевдоним «Степанов») с ответственным заданием восстановить прерванные связи с особо ценными агентами.

Несмотря на подписанный в августе 1939 года Пакт о ненападении между СССР и Германией и другие соглашения между двумя странами, начальник ГУГБ НКВД СССР Всеволод Меркулов, новый глава разведки Павел Фитин и его заместитель, опытный, хоть и молодой разведчик Павел Судоплатов осознавали близость войны и делали все, чтобы в кратчайшие сроки восстановить утраченные разведывательные позиции. И не только в Германии. За военными приготовлениями Гитлера внимательно следили, используя местные возможности, советские разведчики в Великобритании, Швеции, Италии, других странах.

Вопреки распространенному мифу, нарком Лаврентий Берия трезво оценивал обстановку. В конце концов, именно к нему в первую очередь стекалась все более и более тревожная информация от многих источников. Разумеется, германские спецслужбы, и абвер, и СД, подбрасывали по своим каналам советскому руководству дезинформацию, с точки зрения ее изготовителей, достаточно убедительную. Однако по степени достоверности, солидности, проверенности она никак не могла перевесить данные, поступающие от надежных, ценных источников советских легальных и нелегальных резидентур. Посему не приходится всерьез принимать высказывания некоторых литераторов и даже историков о том, что якобы Сталин попал под влияние нацистской «дезы». Не соответствует истине и переходящее из одной публикации в другую утверждение, что нарком Берия обещал Сталину, занявшему в мае 1941 года пост Председателя Совнаркома СССР, «стереть в лагерную пыль» посла в Германии Владимира Деканозова за его «панические донесения». Деканозов был выдвиженцем Берии, много лет вместе с ним работал в Грузии и до назначения в

Наркомат иностранных дел заместителем наркома, а затем по совместительству послом в Берлин, был начальником разведки в НКВД.

Берия ему полностью доверял. Другое дело, что, отлично понимая неизбежность войны, от которой страну отделяли уже даже не месяцы, а недели и дни, владея всей полнотой информации, ни в чем «хозяину» не перечил, не пытался разубедить вождя в твердом мнении, что у Советского Союза есть в запасе еще год, а то и два мирной передышки…

Александр Коротков знать все эти тайны кремлевского двора никак не мог. Знал твердо одно: начальник разведки Павел Фитин, его заместитель Павел Судоплатов, начальник немецкого отделения Павел Журавлев (поразительное совпадение имен: рабочий псевдоним наркома Берии также был «Павел) ориентировали его исключительно на честное и добросовестное освещение обстановки в столице Третьего рейха. Он мог откровенно высказывать в донесениях свои суждения, даже если они расходились с мнением посла или резидента.

Надо сказать, что Деканозов в целом разделял взгляды нового заместителя резидента. Что же касается Кобулова (оперативный псевдоним «Захар»), то именно он попал на «подставу», устроенную ему нацистскими спецслужбами, завербовал некоего Ореста Берлинкса, якобы хорошо информированного журналиста, который, на самом деле, был давним нацистским агентом. «Захар» присвоил ему псевдоним «Лицеист» и передавал получаемую от него «дезу» в Москву, как надежную и важную информацию. Однако работе своего заместителя не мешал. Человек хоть и необразованный, но достаточно умный, он не мог не считаться с опытом «Степанова», а главное — с тем, что тот направлен к нему лично наркомом. У Короткова же хватило такта не ввязываться с резидентом в ненужные споры, щадить его самолюбие, к тому же, как у многих кавказцев, чрезмерно обостренное.

Первой задачей Короткова в Берлине было установить, что сталось за минувшие два-три года с давними ценными агентами: находятся ли они по-прежнему в Берлине или переехали в другие города. А главное — не были ли раскрыты и арестованы гестапо. Оставалось полагаться только на собственные наблюдения за известными старыми адресами и местами работы.

За время предыдущих командировок Коротков научился одеваться и носить костюмы по-западному, соответственно вести себя на людях. По-немецки он говорил совершенно свободно, с легким венским акцентом, что после аннексии Австрии в состав Третьего рейха выглядело со стороны вполне естественно.

Словом, ничем внешне не отличался от немцев, следовательно, не в пример другим советским гражданам, не выделялся в толпе и не привлекал внимания агентов наружного наблюдения всевидящего гестапо.

Первым делом он установил, что Арвид Харнак («Балтиец», затем «Корсиканец») по-прежнему работает на ответственном посту в Министерстве экономики в высоком ранге оберрегирунгсрата, то есть старшего правительственного советника. Благополучно здравствует и его жена Милдред, также агент советской разведки («Японка»), Уже хорошо. С ними первыми Коротков и установил порушенную связь, однако представившись на всякий случай «Александром Эрдбергом». Примечательно, что спустя два года, когда нацистские спецслужбы разгромили «Красную капеллу», они так и не докопались, кто из сотрудников советского посольства скрывался под этим псевдонимом. Более того, много лет спустя, когда Коротков уже в генеральском звании работал в Берлине, тогдашний министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке допытывался у него, знает ли его советский друг Саша, кем же был тот таинственный «Александр Эрдберг».

Коротков был поражен, когда узнал, что подпольная антифашистская группа Харнака насчитывала свыше 60 человек. Это были люди разного возраста, классового и социального положения и мировоззрения, религиозные и атеисты. Коммунистов среди них было лишь несколько человек. Объединяли всех абсолютное неприятие гитлеровского режима и решимость бороться с ним всеми силами.

Кроме Арвида Харнака ведущую роль в группе играли известный писатель и драматург Адам Кукхоф («Старик») и обер-лейтенант люфтваффе (военно-воздушных сил) Харро Шульце-Бойзен («Старшина»). Обоим активно помогали их жены, соответственно Грета и Либертас.

Жена Харнака была американкой немецкого происхождения. Арвид познакомился с ней, когда еще до прихода Гитлера к власти стажировался в одном из университетов в США. В министерстве Харнак ведал отделом, занимавшимся торговыми и экономическими связями Германии с США. Он входил в элитный «Клуб господ», где встречался в доверительной обстановке с верхушкой деловых кругов Германии. К тому же он пользовался расположением самого Ялмара Шахта, в разные годы занимавшего министерские посты, а также кресло председателя Рейхсбанка. В силу этого «Корсиканец» имел возможность передавать в резидентуру абсолютно секретные сведения о валютном хозяйстве Германии, финансировании спецслужб и

военной промышленности. Наконец, Харнака регулярно приглашали на различные секретные совещания, в том числе — заседания Комитета экономической войны.

Харнак и его жена, имевшая двойное гражданство, были вхожи в посольство США в Берлине. Милдред даже вошла в руководство Американского женского клуба на Бельвьюштрассе при посольстве, где сблизилась с его председателем — дочерью посла Вильяма Додда Мартой, известной журналисткой. «Японка» не подозревала, что Марта Додд также является агентом советской разведки (псевдоним «Лиза»),

Таким образом, Коротков получал полезную информацию из стен американского посольства. Этому способствовало и то, что профессор Додд искренне ненавидел гитлеровский режим и высокий пост посла США в нацистской Германии принял только по настоятельной просьбе президента Франклина Делано Рузвельта, чьим личным и давним другом являлся.

Яркой и своеобразной фигурой был обер-лейтенант Шульце-Бойзен. Харро — внучатый племянник творца германской военно-морской доктрины знаменитого гросс-адмирала Альфреда фон Тирпица (друга кайзера Вильгельма II). Его отец также был кадровым морским офицером, капитаном первого ранга.

Жена Шульце-Бойзена Либертас была дочерью профессора искусствоведения Отто Хаас-Хайе и графини Виктории — дочери князя Филиппа. После развода с мужем графиня Тора (как звали ее друзья) жила в замке Либенберг в 80 километрах к северу от Берлина по соседству с имением Германа Геринга «Каринхалле». Знакомство с «наци № 2» сыграло в жизни Харро важную роль. Дело в том, что с юных лет он, невзирая на знатное происхождение, был убежденным и активным антифашистом. Однажды его зверски избили штурмовики, и он попал в гестаповские списки неблагонадежных.

Лишь благодаря покровительству Геринга Харро поступил в школу транспортной авиации, по окончании которой был зачислен на службу в Министерство авиации. Харро владел несколькими иностранными языками, в том числе вполне прилично русским, благодаря этому попал в группу по изучению заграничной авиационной периодики, фактически — разведку люфтваффе. Он собрал вокруг себя группу антифашистски настроенных людей, так или иначе связанных с авиацией и авиационной промышленностью. Одним из его друзей, к примеру, был высокопоставленный офицер, ас Первой мировой войны полковник Эрвин Гертц.

Еще одним помощником Харро стал сотрудник функ-абвера (радиоразведки) Хорст Хайльман (псевдоним «Керн»).

Благодаря всему этому Харро Шульце-Бойзен обладал бесценной секретной военной информацией. В отличие от рассудительного, сдержанного Харнака, Шульце-Бойзен был человеком импульсивным. Нацизм и нацистов он люто ненавидел и готов был к самым дерзким и решительным действиям в борьбе с гитлеровским режимом.

Восстановил Коротков связь и с Куммеровым-«Фильтром». Для этого ему пришлось проявить и профессиональное терпение, и осторожность. Дело в том, что Куммеров жил в пригороде Берлина, где располагалось и его военное предприятие. Здесь каждый знал каждого, и появление любого чужого человека уже привлекало внимание. Тем не менее контакт прошел благополучно. «Фильтр» был счастлив, что снова может быть полезен Советской стране, в которой видел единственную силу в Европе, способную одолеть Третий рейх.

Наконец, соблюдая максимум предосторожности, Коротков вышел и на «Брайтенбаха». В данном случае перестраховка была далеко не лишней: агент «Брайтенбах» — Вильгельм Леман был кадровым сотрудником гестапо, гауптштурмфюрером СС (полицейское звание — криминал ькомиссар). Лемана никто из сотрудников резидентуры, предшественников Короткова, не вербовал. Он был, по терминологии спецслужб, «инициативщиком», то есть предложил советской разведке свои услуги добровольно, еще в 1929 году.

В молодости Леман служил комендором на германском крейсере, длительное время пребывавшем в дальнем плавании в восточных морях, и стал фактически очевидцем Цусимского сражения. Он хорошо знал о мужестве русских моряков крейсера «Варяг», канонерской лодки «Кореец» и проникся на всю жизнь глубокой симпатией к России и ее народу.

После демобилизации с флота Леман поступил на службу в уголовную полицию, где стал крепким, надежным профессионалом. Был чужд политики, как и большинство его коллег, но быстро понял, что нацисты и их фюрер Адольф Гитлер доведут Германию до большой беды. После прихода Гитлера к власти Леман, как и многие офицеры уголовной полиции, был переведен в гестапо, сотрудники которого в обязательном порядке вступали в СС и получали соответствующие звания.

Одно время в служебные обязанности Лемана входило наблюдение за иностранными дипломатами, в том числе сотрудниками советского полпредства, торгового представительства и иных учреждений. Благодаря этому ему удалось своевременно вывести из страны нескольких советских разведчиков, попавших в поле зрения гестапо.

Леман жил вдвоем с женой, детей у них не было, запросы отличались скромностью и разумностью. Во всяком случае, сотрудничество Лемана с советской разведкой основывалось не на материальной заинтересованности агента, а на сугубо идейной основе. Лишь один раз по указанию руководителя ИНО Артура Артузова Леману передали значительную по тогдашним меркам сумму денег — у того обнаружилось серьезное заболевание почек, отягощенное диабетом. Средства потребовались для лечения у хороших врачей и на санаторий. Выделенные деньги удалось остроумно легализовать: Леману подстроили крупный выигрыш в тотализаторе на берлинском ипподроме.

Затем Лемана перевели в отдел, занимавшийся охраной военных заводов и научно-исследовательских учреждений. В результате советская разведка получила секретнейшие материалы о развитии в Германии цельнометаллического военного самолетостроения, о конструировании тогда новинки — бронетранспортеров пехоты, новых видов минометов и автоматического стрелкового оружия, о закладке на нескольких судоверфях в обстановке строжайшей тайны 70 подводных лодок, о первых испытаниях боевых ракет дальнего действия молодого талантливого инженера Вернера фон Брауна… Последняя информация была доложена лично заместителю наркома обороны СССР

Маршалу Советского Союза Михаила Тухачевскому, ведавшему, в частности, вооружением Красной Армии. По его указанию были ускорены соответствующие разработки в нашей стране.

Гауптштурмфюрер СС Вилли Леман был единственным агентом советской разведки в РСХА — Главном управлении имперской безопасности. (К моменту приезда Короткова в Берлин гестапо после очередной реорганизации нацистских спецслужб официально именовалось IV управлением РСХА. Кстати, именно от «Брайтенбаха» советская разведка получила обстоятельную информацию об этой реорганизации[66].)

Уже по первым донесениям «Корсиканца», «Старика», «Старшины», «Брайтенбаха» и иных источников Коротков понял, что, прикрываясь положениями Пакта о ненападении, Гитлер упорно ведет подготовку к нападению на Советский Союз, хотя знаменитая директива «Барбаросса» им еще не была подписана. Строго говоря, эта информация лишь подтверждала его собственные тревожные опасения.

Подготовка к агрессии велась исподволь — Гитлер знал, что многие генералы вермахта были против войны на два фронта. Они справедливо опасались, что Красная Армия, даже потерявшая

в ходе «чисток» значительное число не только высших, но средних и даже младших командиров, представляет все же грозную военную силу. Даже сами огромные пространства России с ее вековым бездорожьем не могли не вызывать опасений у профессиональных военных, привыкших к куда более скромным европейским масштабам. Фактически Гитлер не обсуждал план нападения на СССР даже с самыми высокопоставленными и приближенными военными, а просто поставил их перед свершившимся фактом, подписав в конце 1940 года пресловутую директиву «Барбаросса».

Уже с начала 1941 года информация стала нарастать подобно снежному кому. Подготовка к вторжению шла в непрерывно нарастающем темпе. Усиливающееся ото дня ко дню напряжение должно было прорваться никак не позднее лета…

Вот несколько выдержек из донесений Короткова в Москву 1941 года.

Январь 1941 года.

«В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также Ленинград».

«Военно-промышленный отдел Имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил (ОКВ) распоряжение о составлении карт промышленности СССР».

Февраль, 26.

«1. В высших инстанциях правительства и военных организаций Германии в глубокой тайне интенсивно прорабатывается вопрос о военных операциях против СССР. Упор делается на изучение выгод от оккупации советских территорий, ресурсы которых будут использоваться в интересах рейха, в частности смягчения продовольственной проблемы, все более обостряющейся.

2. Гальдер, начальник штаба сухопутных сил Германии, выражает уверенность в успехе молниеносной войны против СССР, захвате Украины и Баку. При внезапном ударе Красная Армия не успеет прийти в себя от шока и не сможет ликвидировать запасы, остающиеся на оккупированной территории».

В последнее время с подачи небезызвестного предателя и плодовитого автора В. Суворова в отечественных средствах массовой информации стала распространяться придуманная геббельсовской пропагандой версия, что якобы Сталин

планировал первым напасть на Германию (даже называлась «точная дата» — 10 июня) и Гитлер всего лишь вынужден был опередить советскую агрессию. Примечательно, что в секретных немецких документах о «превентивных ударах» и вообще «советской угрозе» нет ни слова. Более того, прямо и цинично ставится задача овладеть так необходимыми Германии сырьевыми, продовольственными, нефтяными ресурсами СССР. Грабительские цели агрессии никак не маскируются…

Март.

«Реальность антисоветских планов серьезно обсуждается в руководящих немецких инстанциях. Подтверждением является концентрация германских войск на восточной границе».

«Решен вопрос о военном выступлении против СССР весной этого года с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб и немцы воспользуются этим урожаем».

«Нападение на Советский Союз диктуется соображениями военного преимущества Германии над СССР в настоящее время. Работы по вычислению экономической эффективности антисоветской акции продолжаются».

Коротков был настолько убежден в достоверности информации, стекающейся к нему из нескольких источников, что счел необходимым немедленно принять меры для поддержания связи с агентурой после близкого уже начала войны. Строго говоря, эти меры должны были предпринять руководители НКВД не позднее весны 1940 года, тогда можно было бы избежать разгрома берлинского, и не только берлинского, подполья.

Коротков настоятельно просит Москву немедленно прислать с дипломатической почтой рации и вообще все необходимое для группы Харнака — Шульце-Бойзена — Кукхофа: «Поскольку, как видно из донесений агентуры, атмосфера накаляется, считаем, что все наши мероприятия по созданию нелегальной резидентуры и «хозяйства» должны быть ускорены.

Исходя из этого принципа считаем необходимым группу «Корсиканца» — «Старшины» снабдить немедленно шифром для станции и денежной суммой примерно 50–60 тысяч германских марок. Это необходимо группе для работы в случае обрыва связи с нами. Поэтому прошу немедленно выслать рацию и шифр».

Важная информация поступила от «Брайтенбаха». На одной из встреч он сообщил, что сотрудники гестапо фактически переведены на казарменное положение, дома бывают лишь урывками. К тому же его непосредственный начальник обратился к нему с необычной просьбой: не мог бы он, Леман, связаться со

своими давними приятелями, ветеранами уголовной полиции, вышедшими в отставку, и просить их вернуться на службу, поскольку предстоит в ближайшее время большая работа на Востоке.

Рации, «кварцы» к ним, батареи, шифры, кодовые книги, деньги начали поступать с дипломатической почтой. Во второй половине июня Коротков никак не мог успеть передать антифашистам всю аппаратуру и деньги, доставленные из Москвы. Радист резидентуры также не имел времени как следует обучить работе на рации молодого подпольщика Ганса Коппи.

Контакты с «Брайтенбахом» по поручению Короткова поддерживал сотрудник резидентуры Борис Журавлев («Николай»),

Утром 19 июня, в четверг, «Брайтенбах» условленным анонимным звонком вызвал «Николая» на срочную встречу. Вечером, в маленьком сквере в конце Шарлоттенбургского шоссе состоялась последняя встреча советского разведчика с Леманом. Она длилась всего несколько минут.

Взволнованный до предела, обычно весьма сдержанный в проявлении каких-либо чувств, «Брайтенбах» едва выдавил:

— Война… Нападение состоится в воскресенье, 22 июня… В три часа утра… Прощай, товарищ.

Нападение Германии на Советский Союз произошло точно в то самое время, в тот самый день, о котором сообщил не только агент «Брайтенбах», но многие советские разведчики из разных стран мира. В том числе из далекой Японии «Рамзай» — легендарный Рихард Зорге.

Вряд ли после всего этого можно десятилетия повторять о якобы «внезапности» гитлеровской агрессии…

Уже в три часа ночи по берлинскому времени здание советского посольства на Унтерден-Линден было оцеплено эсэсовцами, почему-то в стальных касках, с карабинами в руках.

Из протокольного отдела германского МИДа по телефону сообщили, что посольство должно выделить одного дипломата для решения различных протокольных вопросов. Предупредили, что назначенный дипломат может выезжать только в МИД по предварительной договоренности и непременно в сопровождении начальника охраны посольства оберштурмфюрера СС Хайнемана. Посол назвал фамилию сотрудника посольства Валентина Бережкова, хорошего друга Короткова[67].

Между тем у Короткова на руках оставались лишь накануне доставленные дипкурьером из Москвы новые инструкции, шифры и валюта для группы Харнака — Шульце-Бойзена. Перед ним встал вопрос: как можно незамеченным выскользнуть из плотно

охраняемого посольства, имеющего, к тому же один-единственный выход на Унтерден-Линден?

Помог Валентин Бережков. Они переговорили с начальником охраны, придумали версию, что, дескать, Коротков хочет проститься со своей девушкой-немкой, передать ей прощальный подарок. Хайнеман был уже немолодым человеком — лет под 50 и хотя и носил эсэсовское звание — явно скромное для его возраста, — но, в сущности, оставался обычным берлинским полицейским. И Бережков, и Коротков подметили, что, руководя охраной посольства уже года два, Хайнеман никогда не проявлял какой-либо неприязни по отношению к советским дипломатам и сотрудникам. Охотно беседовал с ними на разные темы.

Они переговорили с Хайнеманом, который не скрыл от них свою озабоченность: его сын заканчивал военное училище И, судя по всему, будет направлен на Восточный фронт. Похоже, оберштурмфюрер, сам старый солдат, участник Первой мировой войны, не верил в хвастливые утверждения, что блицкриг в Россию завершится победой вермахта за восемь недель.

В разговоре с Хайнеманом Коротков проявил определенный такт: он называл его не оберштурмфюрером, но обер-лейтенантом, как офицера полиции, а не СС. К тому же предложил ему свои накопления — около тысячи марок. Сказал, пусть лучше его сын оплатит этими деньгами парадное обмундирование, чем их отберет правит тельство Германии. (Советским гражданам было разрешено при депортации на родину взять с собой только один чемодан с носильными вещами и не больше ста марок на расходы в пути следования.)

Хайнеман согласился. В последующие дни он дважды вывозил Короткова в город, высаживал где-нибудь поблизости от станции метро, часа через два подбирал в назначенном месте и возвращался в посольство. За это время Коротков звонил по телефону-автомату нужному агенту, передавал инструкции, шифры, валюту…

Эти вылазки были сопряжены со смертельной опасностью. В случае, если бы Хайнеман оказался провокатором и сдал Короткова в городе гестаповцам, ничто бы не спасло разведчика от гибели. Посольство никак бы не могло бы ему помочь: ведь формально он не покидал здания на Унтерден-Линден!

Когда 2 июля советские дипломаты уезжали из Берлина, Коротков и Бережков попрощались с Хайнеманом. Ухмыльнувшись, обер-лейтенант дал понять, что догадывается, с какой целью встречался молодой сотрудник посольства со своей «немецкой пассией».

— Возможно, — сказал он уже без улыбки, — мне когда-

нибудь придется напомнить кому-нибудь об этой услуге. Надеюсь, она не будет забыта…

Ни Коротков, ни Бережков об этом не забыли. После войны они оба, независимо друг от друга, пытались найти какие-либо следы своего давнего знакомого. Ни тому ни другому сделать это так и не удалось…

По возвращении в Москву Коротков был повышен в должности сразу на три ступени: уезжал он в Берлин заместителем начальника отделения, вернулся начальником отдела. Повысили и в звании — он стал капитаном госбезопасности, что после 1940 года соответствовало званию подполковника Красной Армии[68]. Впрочем, очень скоро Коротков получил очередное звание — полковника госбезопасности.

Отдел, которым он руководил, официально назывался «немецким». На самом же деле его сотрудники занимались разведкой и в союзных с Германией странах.

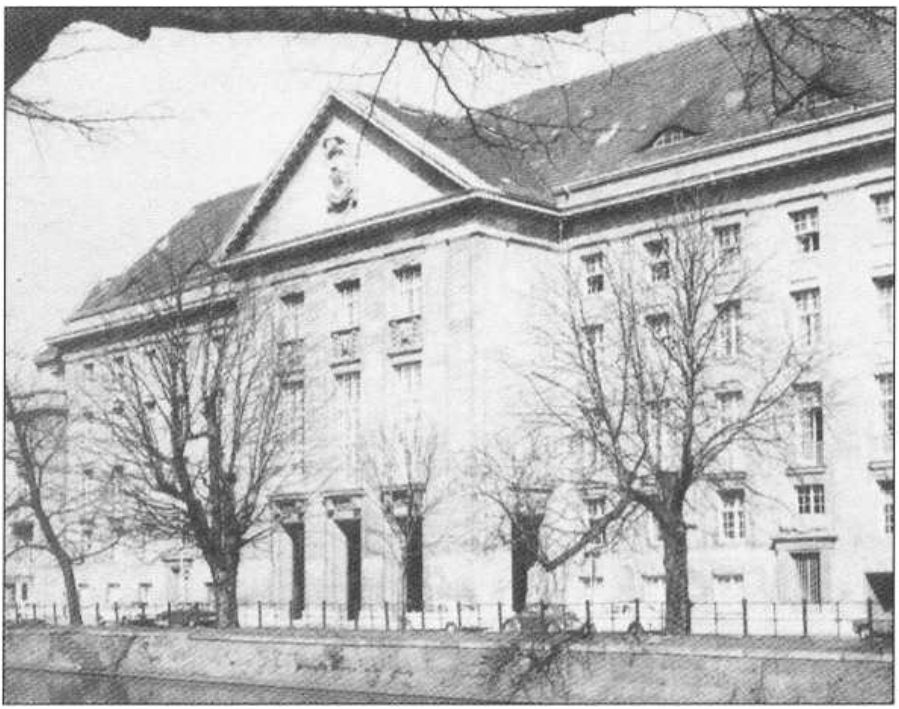
К сожалению, радиосвязь с Берлином быстро прервалась. Оставленные группе Харнака и Шульце-Бойзена рации были маломощными, предполагалось, что прием их передач будет производиться первоначально в Минске, а затем перетранслироваться в Москву. Однако, как известно, немцы захватили Минск в первые же дни войны. К тому же Ганс Коппи был радистом совсем «зеленым», и его рация быстро вышла из строя.

Нужно было найти выход из создавшегося положения. В Брюсселе имелась нелегальная резидентура военной разведки, располагавшая достаточно мощной радиостанцией, опытными радистами и определенными оперативными возможностями. Один из сотрудников-нелегалов владел коммерческой фирмой, сотрудничавшей с хозяйственными организациями оккупационных войск. Он сумел получить у немецких властей пропуск для поездки в Берлин, встретился там с Шульце-Бойзеном и Харнаком и забрал у них скопившуюся за несколько месяцев ценную информацию, с чем и вернулся в Брюссель. Отсюда добытые данные были переданы в Москву.

Нашествие...

Глава абвера — адмирал Канарис

Степан Бандера

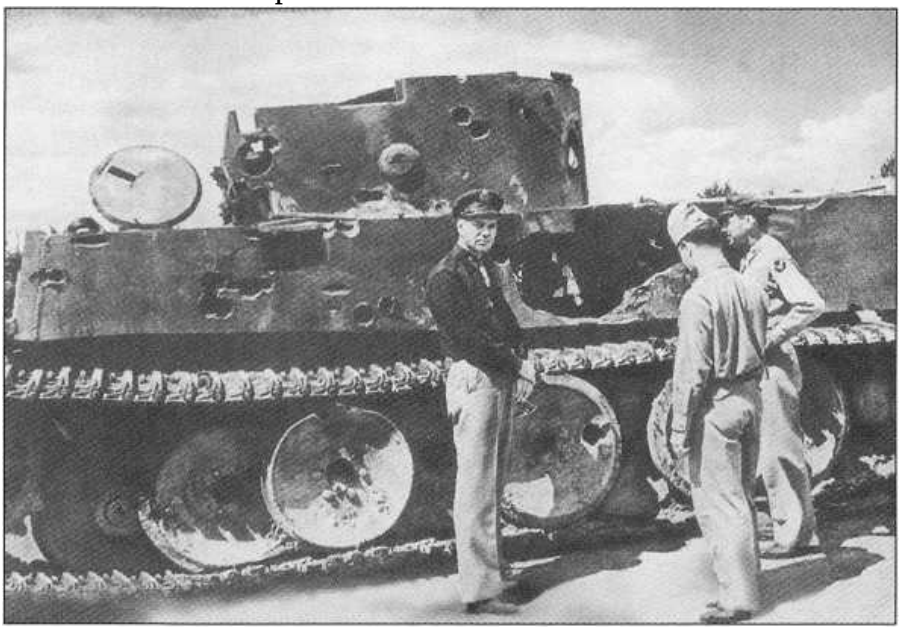


Здание абвера в Берлине

Гитлер и полевая жандармерия СС

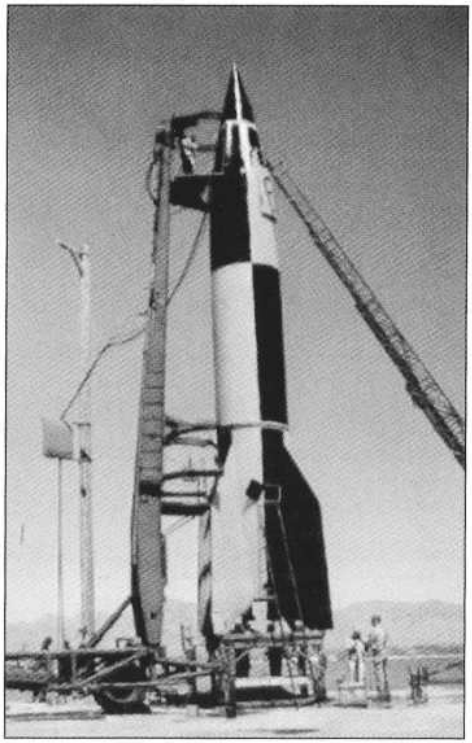
Немцы и бандеровцы похозяйничали на Украине

Реактивный истребитель Ме-262



Союзники изучают пробитую броню «Тигра»

«Фау-2»

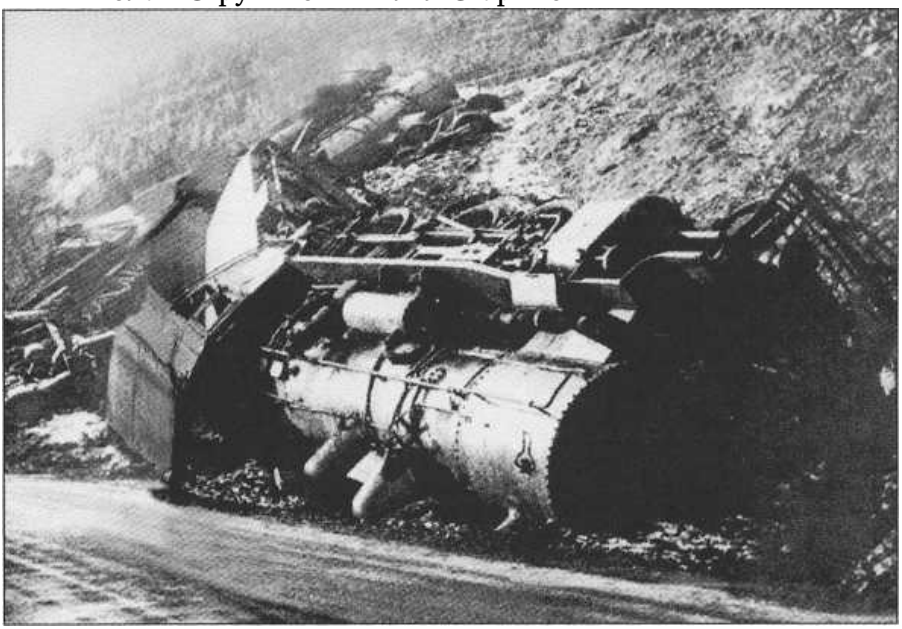


Полигон в Пенемюнде, где проектировали и испытывали ракеты «Фау». Немецкий генералитет и конструкторы. *1943*

Николай Кузнецов перед заброской в немецкий тыл. ***Пробная фотография в летной форме***

Партизаны на операции

Николай Струтинский Илья Старинов



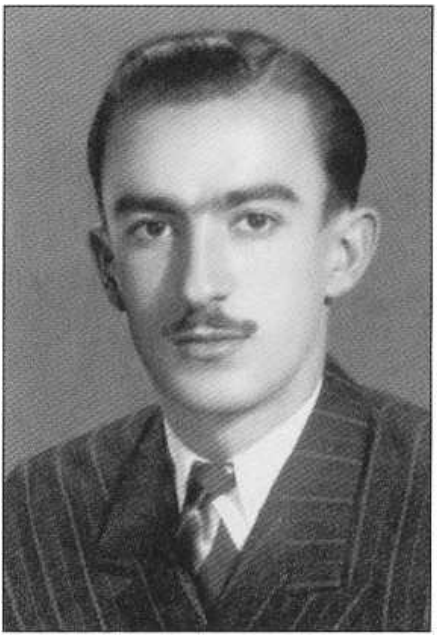
Мины конструкции Старинова в действии: рельсовая война

Александр Коротков, резидент разведки в Берлине накануне войны

Арнольд Шнее

Немцы входят в Варшаву. Германские сапоги, варшавские

мостовые

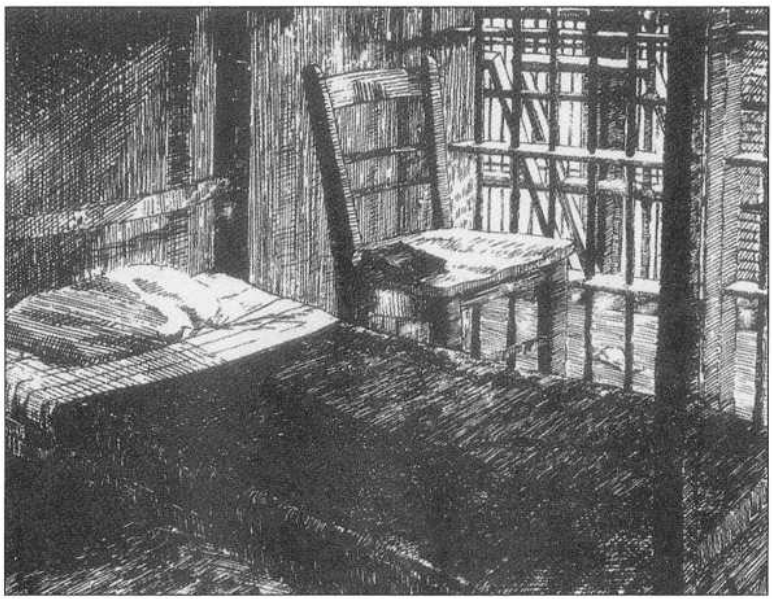


Геворк Вартанян
Отто Скорцени

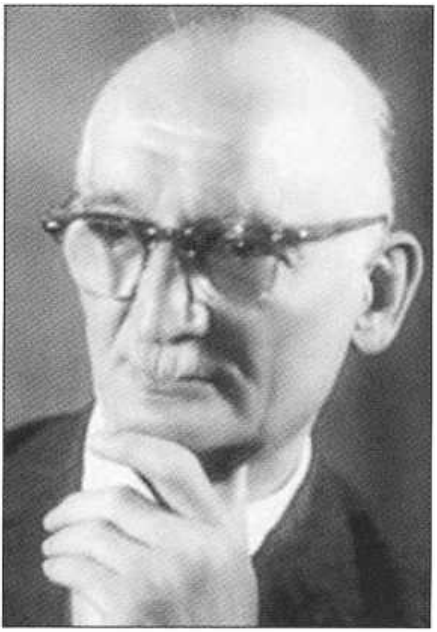
«Большая тройка» в Тегеране.
Встречу абверу сорвать не удалось… ***1943***

Вильям Фишер (Абель) с женой. *1920-е гг.*

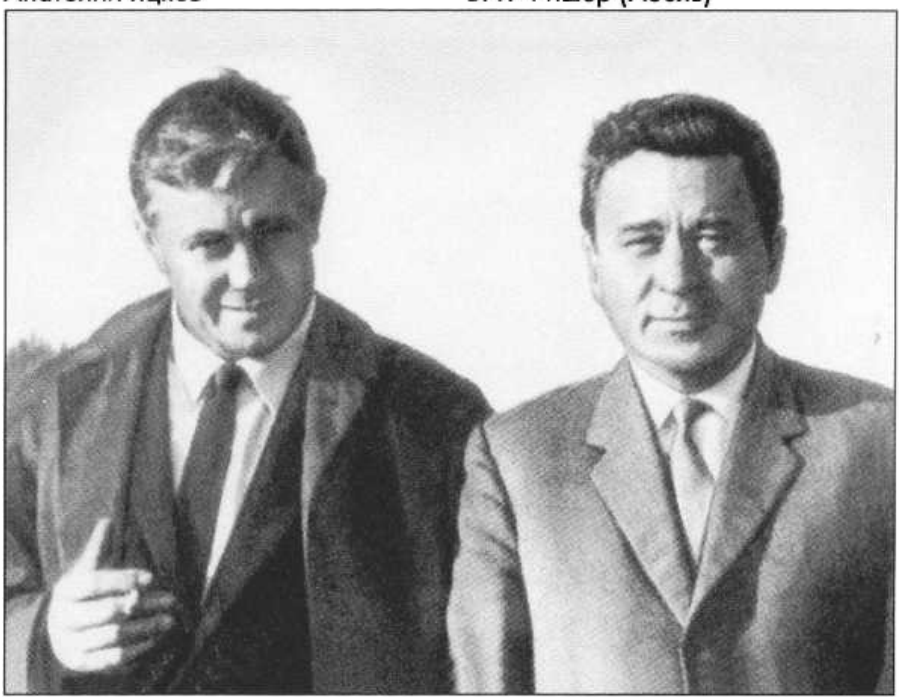
Одиночная камера американской тюрьмы. *Рисунок В. Фишера (Абеля)*



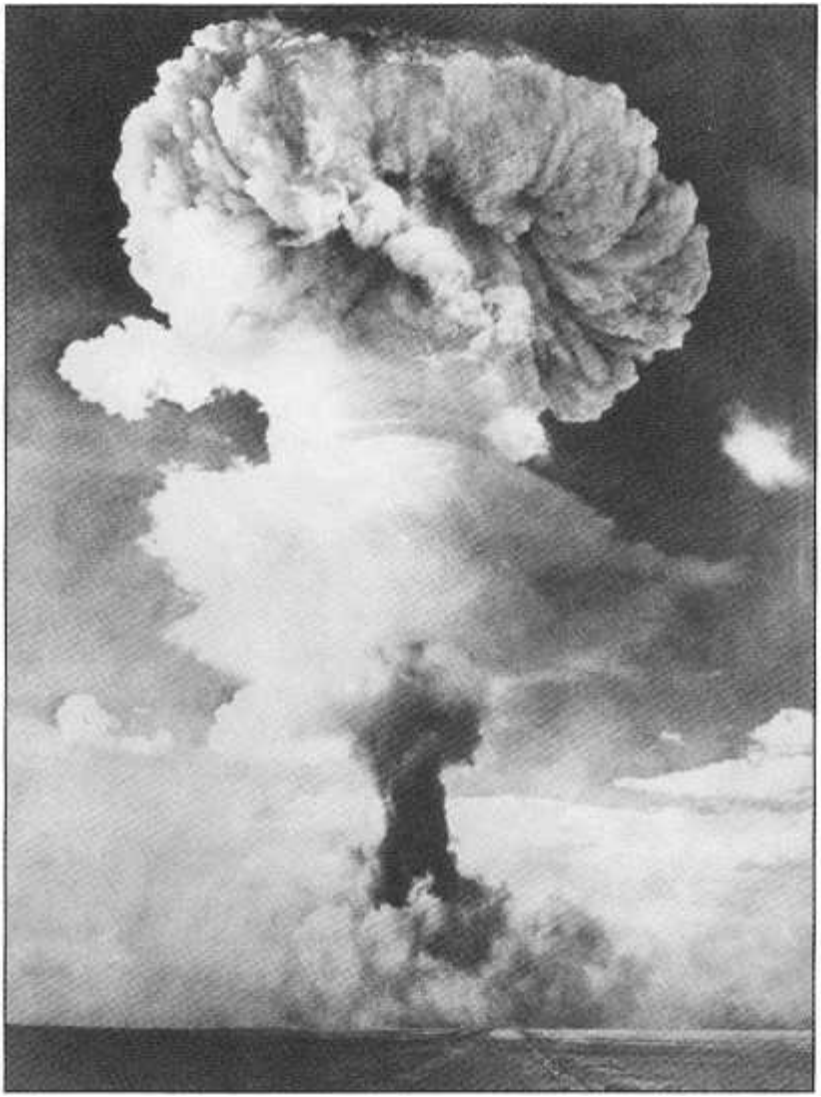
Анатолий Яцков



В. Г. Фишер (Абель)



Конон Молодым (справа) и Донатас Банионис



Ядерный взрыв

Проходная ядерного центра США в Лос-Аламосе

А. С. Феклисов

Ким Филби

Джордж Блейк (слева) в Москве с В. ***И.*** Андрияновым

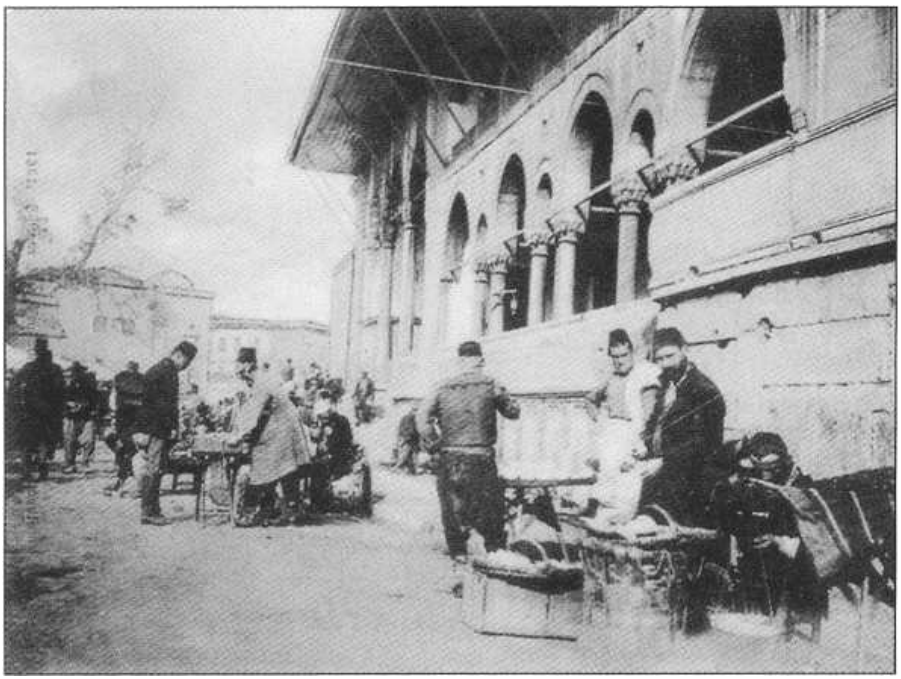
Моррис Коэн во время службы в армии США

Лона Коэн

Ю. В. Андропов в гостях у Коэнов в Москве

Михаил Батурин. ***Фотография с печатью Международной космической станции***

Юрий Батурин



Стамбул 1 930—1 940-х годов — место работы Батурина-старшего

РУКОВОДИТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Е. М. Примаков

П. И. Ивашутин

С. Н. Лебедев

В. И. Завершинский

Вот всего несколько выдержек из донесений «Старшины» и «Корсиканца», которые были доложены руководству и учтены командованием Красной Армии.

• Запасы горючего, имеющиеся в германской армии, достаточны лишь до февраля-марта 1942 года.

• По мнению специалистов, если немцам и удастся захватить нефтяные районы СССР, то на проведение восстановительных работ (поскольку нефтяные источники наверняка будут большевиками разрушены) потребуется не менее 6–9 месяцев для того, чтобы вывести их хотя бы на половину теперешней мощности.

• Весной 1942 года в этой связи следует ожидать активное развертывание германского наступления на Кавказ, и прежде всего на Майкоп.

• Серийное производство самолетов в оккупированных Германией странах еще не налажено.

• Воздушно-десантные части германской армии частично сосредоточены в Болгарии, предполагается их использование для десантов в Крыму.

• Немцы обладают дипломатическим шифром СССР, который захвачен в Петсамо.

• Немцы раскрыли всю разведывательную систему англичан на Балканах. Поэтому «Старшина» предупреждает об опасности вступать в контакт с англичанами для совместной работы в Балканских странах.

• «Старшина» сообщает, что немецкая авиация понесла серьезные потери и сейчас насчитывает только 2500 самолетов, пригодных к использованию. Ежемесячно люфтваффе получает лишь 100 новых самолетов вместо требуемых 750.

«Старшина» также сообщил о переброске тяжелой артиллерии (в том числе орудий береговых батарей) из Кенигсберга к Москве, потерях в живой силе, численности и качестве пополнения фронтовых частей и соединений, потерях бронетанковых частей и боевой техники (они достигли оснащения одиннадцати дивизий), накоплении немцами крупных запасов боевых отравляющих веществ, о том, что немцы имеют ключ ко всем шифрограммам, посланным в Лондон югославскими представителями в Москве, и о многом другом.

Станции слежения немецкой радиоразведки засекли работу и берлинской, и брюссельской раций. Для установления и ликвидации советских разведчиков и агентов на территории Германии и оккупированных ею стран в Берлине была создана межведомственная комиссия — «зондеркомиссия» под названием «Красная капелла»[69]. Так случилось, что вначале в зарубежной, а

затем и в советской исторической литературе «Красной капеллой» стали называть все советские разведывательные группы и НКВД, и Наркомата обороны в самой Германии и в оккупированных ею странах Европы.

Располагая сильной радиопеленгационной службой, немцы точно вычислили местонахождение брюссельской радиостанции Разведупра на улице Атребатов, 101. В ходе облавы им удалось захватить саму станцию, радистов, большое количество зашифрованных радиограмм (всего их скопилось в функабвере за несколько месяцев около трехсот). Однако книгу, используемую брюссельцами для шифрования, немцы раздобыли лишь спустя несколько месяцев.

К лету 1942 года немцы расшифровали часть скопившихся у них радиограмм и, самое печальное, установили личности и адреса «Старшины», «Корсиканца», «Старика», «Фильтра» и «Брайтенбаха». Дальнейшее наблюдение вывело их почти на всех членов антифашистского подполья. Начались массовые аресты. В ходе следствия трое арестованных покончили жизнь самоубийством. Сорок девять человек были казнены. Пятеро, в том числе Шульце-Бойзен и Харнак, повешены в так называемом «Доме смерти» берлинской тюрьмы Плетцензее. Остальные там же обезглавлены на гильотине. Сорок человек приговорены к различным срокам тюремного заключения. Некоторые отправлены в штрафные роты на Восточный фронт.

В гестапо были ошеломлены, узнав, что один из «заслуженных» сотрудников этого ведомства на протяжении многих лет был ценнейшим агентом советской разведки. Этот «позорный» факт Гиммлер и шеф гестапо группенфюрер СС Мюллер решили от Гитлера скрыть. Потому Вилли Леман был тайно арестован и расстрелян без каких-либо судебных формальностей. Дабы не произошло утечки информации, жену Лемана не репрессировали, ей сообщили, что ее муж направлен в длительную секретную командировку…

…Одной из эффективных форм работы советской разведки в ходе войны стал допрос пленных. Рядовых, унтер-офицеров, офицеров среднего звена допрашивали непосредственно на фронте, сразу после пленения, пока те не отошли от шока. Полковников, особенно штабных, генералов в ряде случаев отправляли в подмосковные лагеря. Некоторых из них допрашивал лично Коротков. В частности, он допрашивал специально доставленного во внутреннюю тюрьму на Лубянке плененного в Сталинграде лейтенанта Лео Раубаля. Спрашивается: почему такая честь была оказана обыкновенному лейтенанту из службы боеобеспечения одной из пехотных

дивизий? На то имелось серьезное объяснение: Лео Раубаль был… племянником Гитлера, родным братом Гели Раубаль, возлюбленной фюрера, покончившей в сентябре 1931 года жизнь самоубийством в квартире своего дяди при невыясненных обстоятельствах.

В Красногорске, под Москвой, располагался крупнейший лагерь военнопленных 27/1. Здесь велась трудная, кропотливая работа по воспитанию, а скорее перевоспитанию пленных, которые, как было установлено на предыдущих допросах, не являлись, по крайней мере, закоренелыми нацистами. Здесь же, в Красногорске, стала функционировать антифашистская школа. В июле 1943 года тут был образован руководящий орган движения немецких патриотов-антифашистов — Национальный комитет «Свободная Германия». В сентябре того же года в лагере для старших офицеров и генералов в подмосковном Луневе (близ станции Сходня) создана еще одна организация антигитлеровской направленности «Союз немецких офицеров».

Сотни солдат и офицеров вермахта, ставшие в плену сознательными антифашистами, были привлечены к работе на советскую разведку. После соответствующей подготовки им выправляли новые документы и забрасывали, иногда весьма сложными окольными путями, в Германию. Часть их была арестована абвером и гестапо, однако некоторым удавалось успешно выполнить порученные задания.

Работа с этим контингентом занимала важное место в деятельности Александра Короткова и сотрудников его отдела.

В одном из лагерей был обнаружен пленный, чья сестра, как выяснилось, работала в посольстве Германии в Турции. После продолжительной беседы, которую провел с ним Коротков, пленный дал согласие написать сестре письмо. Затем Коротков направил в Анкару своего сотрудника Александра Славина, свободно владевшего немецким языком. Разведчик сумел завязать знакомство с этой женщиной, завоевал ее доверие, передал письмо от брата, о котором его семья давно не имела никаких вестей. И успешно провел вербовку. В результате Москва стала регулярно получать ценнейшую информацию из германского посольства в этой стране.

В годы войны Коротков выполнил несколько ответственных заданий и в сражающейся Югославии. Еще о двух его загранкомандировках стало возможным рассказать лишь недавно. А именно: в Иран и Афганистан.

В Иране Коротков принял участие в обеспечении проведенной в конце ноября — начале декабря 1943 года Тегеранской конференции глав держав антигитлеровской коалиции.

Примечательно, что в иранской столице Коротков опознал в высокопоставленном чиновнике местной полиции агента нацистских спецслужб, «знакомого» ему еще по довоенному Берлину…

А в один апрельский день 1942 года Коротков получил приказ немедленно вылететь… в Кабул! Афганистан еще с кайзеровских времен стал предметом острой заинтересованности Германии. Немецкие спецслужбы не жалели денег на подкуп высших должностных лиц страны. При этом надо помнить, что в Афганистане, как и почти везде на Востоке в те времена, бумажные деньги — ни фунты стерлингов, ни доллары — почтением не пользовались. Здесь признавалось только золото — хоть в английских соверенах, хоть в старых турецких лирах.

Фактически агентами немцев были сам премьер-министр, его заместитель, начальник штаба армии, начальник управления разведки, начальник высших офицерских курсов, множество офицеров всех звеньев.

Немцы рассчитывали поднять крупные восстания воинственных пуштунских племен, спровоцировать мощные антианглийские выступления в самой Индии, а затем высадить многотысячный десант. С этой целью в оккупированной Греции уже формировалось соединение «Ё» — ударная группировка отборных войск: три танковые, четыре мотострелковые, четыре пехотные дивизии и несколько специализированных частей. В лагерях военнопленных немцы отобрали и перевербовали несколько тысяч английских солдат индийской национальности. Из них был сформирован так называемый «Индийский легион».

Затем с Востока в Британскую Индию должны были вторгнуться японские войска и соединиться с немецкими. Таким образом, Британская империя утратила бы самую драгоценную жемчужину в своей короне.

Этот план (при всей сомнительности) представлял, в случае его осуществления, прямую угрозу и для СССР. Прогнувшись к югу, ось Берлин — Токио окружила бы Советский Союз по всей протяженности его сухопутных и морских границ (если не считать границу по кромке Северного Ледовитого океана).

Пять немецких резидентур в Афганистане, а также многочисленная агентура работали энергично и нагло. В пресечении их опасной подрывной деятельности были в равной степени заинтересованы спецслужбы и Великобритании, и Советского Союза. Взаимодействие разведок, пусть даже союзных государств, дело деликатное, требующее проявления и политической воли, и профессионального мастерства, и — чисто дипломатического такта.

Здесь не место описывать весь ход этой интереснейшей и малоизвестной совместной операции советских и английских разведчиков. Придется ограничиться итоговой фразой: немецкие резидентуры были разгромлены, гитлеровская агентура (включая некоторых влиятельных вождей племен) нейтрализована.

Деятельное участие в операции, кроме сотрудников легальной резидентуры в Кабуле, принял специально прибывший из Москвы (вернее, дважды прилетевший в афганскую столицу) дипкурьер Наркомата иностранных дел СССР «Сергей Кротов».

…Последние дни Великой Отечественной войны полковник Коротков провел там же, где встретил ее начало — в поверженном Берлине. Более того, он принял непосредственное участие в ее официальном завершении. По распоряжению Маршала Советского Союза Жукова полковник Коротков встречал на аэродроме официальную делегацию германских вооруженных сил во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем и вообще отвечал за его пребывание в Берлине за весь период проведения акта капитуляции в ночь с 8 на 9 мая 1945 года.

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил описано тысячекратно, весь мир облетели фотографии и кадры кинохроники, запечатлевшие это событие, одно из самых знаменательных в истории бурного, богатого на кровавые трагедии XX века. На многих из этих фотографий и кинокадров за спиной немецкого генерал-фельдмаршала виден молодой советский полковник с характерным ниспадающим чубом — Александр Коротков. Хотя в подписи ни к одному из этих снимков его фамилия не названа…

Вскоре из офицеров разведотделов 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, а также нескольких сотрудников, присланных из Москвы, был образован единый разведорган — резидентура, непосредственно подчинявшаяся Первому главному (разведывательному) управлению Наркомата государственной безопасности СССР. Резидентом ПГУ в советской зоне оккупации Германии стал Александр Коротков.

В первую очередь следовало восстановить сильно порушенную за годы войны агентурную сеть в самой Германии, а точнее — создавать ее почти заново. Из старых друзей уцелели считаные единицы. В первые же недели, в частности, Коротков разыскал вдову «Брайтенбаха» — Вилли Лемана, вручил ей подарок — золотые часы с надписью «От советских друзей», выгравированной на задней крышке, — обеспечил ее деньгами, а главное — продовольствием, одеждой, лекарствами. Времена были тогда для немцев трудные.

Одновременно проводилась непростая работа по выявлению

и задержанию немецких военных преступников, кадровых сотрудников нацистских спецслужб: СД, гестапо, абвера, а также поиски принадлежащих этим учреждением секретных архивов. Последнее было делом огромной важности: в них могли и должны были содержаться сведения о разведчиках и агентах, еще не выявленных на территории Советского Союза, других стран, в том числе и самой Германии.

Наконец, у резидента Короткова и его сотрудников была еще одна важная задача (со временем вышедшая вообще на первый план): они должны были информировать советское руководство о планах и намерениях бывших союзников по антигитлеровской коалиции, в первую очередь США и Великобритании (в меньшей степени Франции) в отношении нашей страны.

Наращиваемая день ото дня деятельность советской разведки в Германии объяснялась вполне реальной угрозой со стороны вчерашних союзников. Начиналась эра холодной войны, имевшей шансы перерасти в «горячую» уже в конце 1945 года, причем с односторонним применением только что созданного и проверенного на Хиросиме и Нагасаки атомного оружия.

…Весной 1946 года Александра Короткова отозвали в Москву. Его ждало новое назначение. Последующие 11 лет службы станут самыми засекреченными в его жизни. Новая должность, в связи с рядом реорганизаций органов государственной безопасности, в разные годы будет называться по-разному, как, впрочем, и само ведомство. Но суть от этого не меняется. Все эти годы Коротков будет руководить управлением нелегальной разведки, при этом зачастую одновременно он будет заместителем начальника внешней разведки и даже исполняющим обязанности начальника. Именно тогда Коротков заслужит у коллег прозвище, дожившее и до наших дней, — «Король нелегалов».

Следует отметить, что далеко не все страны, имеющие развитую и эффективную разведку, используют нелегалов. В разные времена к их услугам прибегали Англия (припомним знаменитого полковника Лоуренса Аравийского, выдававшего себя за араба), Германия, Япония (вспомним на сей раз литературного нелегала — штабс-капитана Рыбникова из одноименного рассказа А. Куприна), Израиль. Но только советская разведка использовала нелегалов не от случая к случаю, а постоянно, целеустремленно, системно и успешно.

В послевоенные годы этой форме разведки было придано особое внимание. И вполне обоснованно. Это был в известной степени вынужденный ответ на создание в США обширного арсенала атомного оружия, которым СССР еще не располагал,

армад тяжелых бомбардировщиков класса «Летающая крепость» (каких у нас еще тоже не было), окружение страны сотнями американских военных баз.

До выхода на так называемый атомный, а затем ядерный паритет, способный удержать возможного противника от соблазна начать ядерную войну перед угрозой неизбежного и адекватного удара, было далеко.

В этих условиях развитие глубокой нелегальной разведки, способной проникать в такие регионы и сферы, куда легальной разведке добраться было просто невозможно, являлось делом первостепенной важности. Кроме того, не исключалась возможность, если угроза нападения со стороны агрессора становилась неизбежной, силами опытных нелегалов-боевиков нанести неожиданные и эффективные удары по военным объектам врага. Не исключалось и физическое уничтожение ключевых фигур в политическом и военном руководстве страны-агрессора.

Еще были живы старые, опытные нелегалы: Василий и Зоя Зарубины, Наум Эйтингон, Павел Судоплатов, Вильям Фишер… Но — Зарубин, Судоплатов, Эйтингон уже достигли генеральских чинов, занимали высокие посты в центральном аппарате… Знаменитый «Яша» — полковник Яков Серебрянский вскоре после окончания войны был вторично арестован и скончался на одном из допросов. С предвоенных пор продолжал, правда, работать в Латинской Америке, а потом и в Италии Иосиф Григулевич[70]. Из «старой гвардии», пожалуй, удалось вновь использовать в США лишь Вильяма Фишера.

Фактически Короткову пришлось во многом заново создавать полнокровную службу нелегальной разведки, научно обосновывать методику отбора кандидатов в нелегалы, их языковую, общую и профессиональную подготовку, изготовление документации, наконец — легализацию в стране. В последующем на отбор и полную подготовку молодого нелегала уходило порой пять — семь лет. Но это себя в принципе оправдывало, поскольку, как правило, нелегалу, в отличие от сотрудника резидентуры, предстояло работать «в поле» в одной командировке не три-четыре года, а лет 15, а то и больше. Случалось, что нелегал умирал своей смертью и обретал вечный покой на чужбине под чужим именем… Нелегалы — это всегда марафонцы разведки.

В идеале на роль нелегала более всего подходили молодые люди (если, конечно, соответствовали всем требованиям, которые предъявлялись к сотруднику разведки) — потому что в юном возрасте легче всего овладеть иностранным языком, а то и двумя, вжиться в традиции, быт, менталитет будущей страны оседания.

Но это требовало больших затрат времени, каких у советской разведки тогда в распоряжении просто не было. Приходилось опираться на уже состоявшихся разведчиков. В этом отношении характерен пример с «Евфратом».

…Возникла необходимость обустроить хорошо законспирированного разведчика в Египте, где тогда схлестнулись явные и тайные интересы великих держав. Подходящего человека Коротков нашел в Ереване — сотрудника органов госбезопасности Армении Ашота Акопяна. Внешне чрезвычайно респектабельный, с первого взгляда внушающий доверие Акопян идеально подходил на роль преуспевающего восточного купца. Именно торговцем восточными коврами и предстояло по замыслу Короткова стать Акопяну. Проблема заключалась в одном: обладает ли Акопян коммерческими способностями, чтобы не разориться? По счастью, оказалось, что обладает.

Акопяна поначалу обустроили в Румынии, как армянина местного происхождения. Спустя некоторое время его переправили в Италию — как бежавшего из коммунистической страны и сумевшего прихватить с собой кое-какие ценности, достаточные, чтобы открыть поначалу скромное собственное дело. Позднее в Италию переправили его жену: здесь им пришлось «познакомиться» и — повторно «вступить в брак» в соответствии с местным законодательством.

Наконец, достаточно разбогатев, «Евфрат» перебрался в Египет, где успешно проработал много лет. И это в регионе, предельно насыщенном сотрудниками и агентами многих разведок и контрразведок: самого Египта, других арабских стран, США, Великобритании, Израиля, Западной Германии. Подробности его работы не раскрыты до сих пор, хотя в печати много раз публиковалась фотография «золотой троицы» советской нелегальной разведки: «Бен» (Конон Молодый), «Марк» (Вильям Фишер, он же Рудольф Абель) и «Евфрат» (Ашот Акопян).

Великолепно работали в странах Латинской Америки испанка Африка де лас Эрас («Патриа») и ее муж итальянец Джиованни Бертони («Боевой»), «Патриа» была активной участницей гражданской войны в Испании, во время Великой Отечественной войны она стала — добровольно — радисткой в знаменитом чекистском партизанском отряде «Победители», которым командовал Герой Советского Союза Дмитрий Медведев.

«Марафонский» характер деятельности нелегалов порождает весьма специфическую проблему. Нелегалы должны быть семейными людьми, то есть супружеской парой. Чаще всего при этом жена является помощницей и радисткой мужа. Иначе

разведчику трудно десятилетия жить на чужбине в одиночестве, без близкого человека.

При непосредственном участии, вернее, под руководством Короткова опытные сотрудники и стали готовить в нелегкое дальнее плавание такие супружеские пары. О Михаиле и Галине Федоровых («Сепе» и «Жанне») уже было сказано. Можно назвать и некоторые другие фамилии: Геворк и Гоар Вартанян (мужу впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза, жену наградили орденом Красного Знамени), Шамиль Хамзин и Ирина Алимова («Халеф» и «Бир»), Михаил и Анна Филоненко (примечательно, что Анна Филоненко, в девичестве Камаева, стала прототипом радистки Кэт в многосерийном фильме «Семнадцать мгновений весны». Режиссер Татьяна Лиознова даже привлекала ее к работе над картиной в качестве консультанта), Михаил и Елизавета Мукасей («Зефир» и «Эльза», родители известного советского кинооператора Анатолия Мукасея, мужа не менее известной актрисы и кинорежиссера Светланы Дружининой).

Не раскрывая конкретные факты, можно твердо утверждать, что в ряде случаев советское политическое и военное руководство успешно предпринимало ответственные решения, основанные именно на секретнейшей информации, добытой разведчиками-нелегалами в разных странах, причем — в высших сферах.

Александр Коротков никогда не был кабинетным руководителем уже в силу своего живого характера. При первой возможности он даже принимал участие в разведывательных операциях, героями которых вообще-то полагалось быть разведчикам в капитанских и майорских званиях. Даже кратковременное пребывание «в поле» придавало ему бодрости, позволяло держать руку на пульсе непосредственной оперативной работы. Не довольствуясь отдачей всегда обоснованных, взвешенных указаний и инструкций действующим за кордоном сотрудникам-нелегалам, он несколько раз предпринимал достаточно рискованные поездки для встреч с ними. Естественно, обычно такие встречи проводились с целью большего обеспечения безопасности нелегалов в третьих странах.

Нелегалы Федоровы вспоминают, что однажды, когда они переживали определенные трудности в стране своего постоянного пребывания, подобная встреча имела для них не только деловое значение, но сыграла роль огромной душевной и моральной поддержки. Александр Коротков сам, еще раз напомним — нелегал в молодые годы, прекрасно понимал этот фактор. Строго говоря, это и было главной целью таких его поездок. В конце концов передать очередные инструкции, указания, пожелания

можно было и по обычным каналам связи.

…К весне 1957 года тяжелая и опасная ситуация сложилась на территории разделенной Германии. Оба германских государства — ГДР и ФРГ, а также разделенный на Восточный и Западный Берлин стали главной ареной, форпостом противостоящих лагерей, фактически пребывающих в зыбком состоянии, ранее в международных отношениях неведомом, — холодной войны. Именно поэтому в марте 1957 года генерал-майору Александру Короткову предложили особо важный на тот момент пост представителя КГБ СССР при Министерстве государственной безопасности Германской Демократической Республики. Решение о таком назначении предопределялось не в ведомстве, а на самом «верху» — в Секретариате, а то и на Политбюро Центрального Комитета КПСС. Разумеется, было учтено, что, пожалуй, никто в КГБ тогда не знал Германию и германские проблемы так, как генерал Коротков. Как, впрочем, и специфику деятельности с территории ФРГ и Западного Берлина спецслужб западных держав, а также воссозданной разведки и контрразведки Федеративной Республики Германии, иногда называемой «Организацией Гелена», по имени ее основателя, бывшего гитлеровского генерала.

Последующие четыре года Коротков работал в Берлине в тесном сотрудничестве с министром госбезопасности ГДР Эрихом Мильке и начальником разведки легендарным Маркусом («Мишей») Вольфом. В годы своей последней командировки Александр Коротков через своих оперативных работников руководил десятками агентов, действующих в различных учреждениях, политических партиях, общественных организациях Федеративной Республики Германии и Западного Берлина. Один из его агентов Хайнц Фельфе («Курт») действовал даже в центральном аппарате западногерманской спецслужбы — БНД — в качестве начальника реферата… «контршпионаж против СССР и советских представительств в ФРГ»! Благодаря информации, полученной от «Курта», советские руководители заранее знали, какие условия предъявит канцлер ФРГ Конрад Аденауэр в переговорах об установлении дипломатических отношений между ФРГ и СССР.

…В середине июня 1961 года Александр Коротков был вызван в Москву. Не в КГБ, а в Центральный Комитет КПСС. Следовательно, предстоял некий серьезный разговор на высшем уровне. За неделю до этого в Москву приехала жена — чтобы привести в порядок квартиру, решить какие-то домашние дела.

За два дня до встречи в ЦК супруги пошли в гости к старым московским друзьям. Вечер прошел нормально, но когда настало

время расходиться, Александр Михайлович вдруг, извинившись, прилег на несколько минут на диван. Ирина Александровна встревожилась: ранее с мужем такого никогда не случалось.

— Саша, тебе плохо?

— Да нет, видимо, устал, — с некоторым недоумением ответил Коротков. Похоже, он и сам не понимал, почему у него вдруг появилось желание немного полежать.

На другой день супруги пошли на спектакль МХАТа. В театре Коротков оживился, о вчерашнем эпизоде в гостях ни он, ни жена больше не вспоминали. Никогда ранее Коротков ни на какие недомогания не жаловался, последний диспансерный осмотр прошел вроде бы нормально.

Утром 27 июня Коротков уехал в ЦК. Вернулся около трех часов дня довольный, даже веселый. Домой на улицу Горького шел пешком. Не вдаваясь в подробности, сказал жене, что все в порядке. Вопрос, ради которого вызывали, благополучно разрешился в его пользу.

От полного обеда отказался. Съел только тарелку холодного борща (день стоял жаркий). Сказал, что договорился с давним своим начальником, ныне руководителем Главразведупра Министерства обороны генералом Иваном Серовым, вечером поиграть на стадионе «Динамо» часок-другой в теннис.

В пять часов переоделся, собрал сумку с ракетками, мячами, спортивной обувью и костюмом. Уехал. На стадионе генералов уже ждали. Работавший здесь после ухода из большого спорта многократный чемпион СССР Борис Новиков заблаговременно высвободил лучший корт.

Поиграть они успели не более получаса. На своей подаче, как всегда мощной и резкой, Коротков дважды угодил в сетку. Подошел к ней, подобрал мяч, выпрямился и, потеряв сознание, рухнул на землю. Когда к нему подбежали Серов и Новиков, Коротков был уже мертв. Разрыв аорты…

Ему шел всего лишь 52-й год.

Хоронили генерал-майора Александра Михайловича Короткова 29 июня на Новодевичьем кладбище.

Из Берлина на похороны на правительственном самолете прилетел министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке со всем составом коллегии МГБ. Проникновенную речь у гроба на русском языке произнес Маркус Вольф.

Когда вынесли перед гробом на бархатных подушечках орден Ленина, шесть орденов Красного Знамени, орден Отечественной войны первой степени, два ордена Красной Звезды, Золотую «Партизанскую звезду» Югославии, «Военный крест» Чехословакии, Золотой орден «За заслуги перед Отечеством» ГДР,

медали, знак «Почетный чекист», брат Короткова — Павел только ахнул: «Господи, да я и не знал, что у Сашки столько и таких наград…»

Об этом не знали многие, и далеко не рядовые сотрудники КГБ СССР.

Потому и сегодня девиз российских разведчиков лаконичен и выразителен:

«Без права на славу,
Во славу Отчизны».

Т. ГЛАДКОВ

ГОРЯЧИЙ ФРОНТ
холодной войны

Анатолий Яцков

23 июня 1942 года руководитель военной промышленности Германии Альберт Шпеер доложил Гитлеру о совещании с учеными-ядерщиками и о мерах «для поддержки ядерных исследований». Большого интереса у фюрера эта информация не вызвала; он, как замечает Шпеер, совершенно не разбирался в этой проблеме и не мог «оценить эпохальное значение ядерной физики».

Осенью 1942 года Шпеер еще раз спросил физиков-ядерщиков о возможных сроках создания атомной бомбы и, узнав, что потребуется три-четыре года, приказал «прекратить все работы в этом направлении. Ведь тогда война или закончится, или ее исход будет окончательно предрешен». Тем не менее исследования продолжались. Немецкие ученые проектировали урановый реактор. Вели эксперименты с «тяжелой водой» в Норвегии.

Первые данные об этих экспериментах союзникам передал начальник чехословацкой разведки полковник МоИвашутинравец. Значение информации было трудно переоценить. «Тяжелая вода» — необходимый компонент для производства атомной бомбы, значит, немецкий проект все же находился в стадии технологической реализации.

Английская авиация разбомбила завод в Норвегии. Немецкая программа производства оружия массового уничтожения была сорвана.

А что происходило в это же время за океаном?

Л. Фараго в книге «Война умов» утверждал, что один русский разведчик случайно «за завтраком 28 марта 1945 года» будто бы узнал об англо-американской попытке применить атомную энергию в военных целях, о чем «было доложено самому Сталину». По его заданию «русская разведка в течение трех месяцев снабдила своих ученых необходимыми данными для создания собственной атомной бомбы».

В действительности все было не так просто. Одним из первых засекретить исследования в области атомной энергии предложил венгерский ученый Сциллард, бежавший в годы фашизма в Америку. По его инициативе Альберт Эйнштейн 2 августа 1939 года написал письмо президенту США Рузвельту, в котором указал «на возможность появления бомб нового типа на основе атомной энергии, обладающих огромной разрушительной силой».

Письмо Эйнштейна президенту передал нью-йоркский банкир Сакс 11 октября 1939 года. Устремления разведок в тайной войне

и данные ученых сошлись в одной точке. Сакс объяснил, что знаком с крупными физиками, в том числе с эмигрантами А. Эйнштейном и Ферми. Они серьезно обеспокоены уровнем немецких разработок в этой области. Сакс напомнил президенту, что попытка некоторых ученых передать подобные материалы в правительственные ведомства была предпринята еще весной 1939 года. Но идея использования энергии невидимого глазу атома в военных целях показалась чиновникам фантастической. Письмо ученых тихо утонуло в бюрократическом болоте.

Рузвельт немедленно поручил своему адъютанту Уотсону связать Сакса с нужными людьми в ведомствах. Так был создан Совещательный комитет по урану, начавший предварительные исследования о возможности создания атомного оружия. Об этом Рузвельт уведомил Черчилля. Атомные тревоги не давали премьеру покоя с осени 1939 года. Он запросил министра авиации: «Умоляю сообщить, какова вероятность того, что атомные бомбы посыИвашутинпятся на Лондон?»

Будь у Гитлера такие бомбы, они непременно посыпались бы и на Лондон, и на Москву, и на другие города. Тот же Шпеер в своих «Воспоминаниях» красочно описал, как фюрер восхищался кадрами документального фильма о бомбардировке Варшавы: «… На экране горели дома, пикирующие бомбардировщики заходили на цели, можно было проследить всю траекторию полета бомбы и увидеть, как самолеты взмывают вверх, а снизу к ним тянутся огромные, снятые крупным планом языки пламени. Гитлер, как завороженный, смотрел на экран. В конце фильма на белом полотне неожиданно появились контуры Британских островов. Самолет с германскими опознавательными знаками спикировал на них; взрыв — и острова буквально разлетаются на куски. “Именно такая участь ожидает их! — с восторгом воскликнул Гитлер. — Именно так мы их уничтожим!”»

Черчилль и Рузвельт согласовали характер совместных действий, придавая огромное значение деятельности разведок США и Великобритании. В частности, Черчилль поручил своим ведомствам изучить реальность «срыва методами тайной войны возможных усилий нацистских ученых и одновременного обеспечения приоритета за Англией в разработке атомной бомбы».

Между тем в Советском Союзе исследования в области ядерной физики со второй половины 30-х годов начинали отставать от мирового уровня. И все по причинам идеологического порядка. В 1936 году на сессии Академии наук СССР были подвергнуты резкой критике сотрудники Физико-технического института в Ленинграде, возглавляемого А. Ф.

Иоффе. Им было жестко указано, что их исследования «не имеют практической перспективы».

В такой атмосфере даже многие крупные ученые шарахались от ядерной физики. «Всем нам казалось, что исход схватки двух огромных сил будет ясен довольно быстро, — вспоминал академик Г. Н. Флеров. — И поэтому Курчатов не считал возможным дальше тратить усилия на ядерную физику, которая в тот момент казалась ему чем-то слишком уж далеким от жизни, от войны…»

Остановимся на хронологии событий.

2 декабря 1942 года. В США один из помощников Энрико Ферми, известного итальянского физика, передал по телефону кодированную фразу: «Итальянский мореплаватель добрался до Нового Света». Фраза известила: в Чикаго начал работать первый в мире атомный реактор.

25 декабря 1946 года. В СССР состоялся пуск отечественного атомного реактора «Ф-1».

16 июля 1945 года. Испытания на полигоне Аламогордо (США) первой в мире атомной бомбы.

6 августа 1945 года. Американская атомная бомба взорвана над Хиросимой…

29 августа 1949 года, СССР. Испытание первой советской атомной бомбы.

Внимательно сопоставим даты. В атомной гонке Советский Союз отставал от США на четыре года. Много это или мало? Смотря с какой колокольни глядеть. В Кремле отставание считали неимоверно большим и делали все, чтобы лишить недавнего союзника ядерной монополии. В США, по самым авторитетным оценкам, полагали, что «России для создания атомной бомбы понадобится минимум 5 лет, максимум 20 лет, а скорее всего — 10».

Понятно, какие чувства вызвал здесь «преждевременный» советский взрыв. Не иначе, Советы украли бомбу. Началась тотальная проверка всех, кто так или иначе был причастен к «Манхэттенскому проекту». В конце концов контрразведка вышла на Клауса Фукса, известного немецкого физика, работавшего в Англии и США.

Клаус Фукс был сыном немецкого священника, стоял на антифашистских позициях. В 22 года, после прихода Гитлера к власти, эмигрировал в Англию. Осенью 1941 года сделал главный в своей жизни выбор. По одной из версий, он пришел в советское посольство в Лондоне и сказал, что участвует в создании атомной бомбы. С этой встречи началось его многолетнее сотрудничество с нашей разведкой.

В марте 1950 года в Лондоне, в старинном здании Олд Бэйли, начался суд над Фуксом, «самым опасным шпионом века», как его называла тогда пресса.

Ему предъявили целый ряд обвинений: «Однажды в г. Бирмингеме; однажды между 31 декабря 1943 года и 370

7 августа 1944 года; однажды в феврале 1945 года в Бостоне, США; однажды в 1947 году в Англии он передал неизвестным лицам информацию, касающуюся атомных исследований, которая предназначалась противнику».

Александр Семенович Феклисов работал с Фуксом вплоть до его ареста. Фукс, по свидетельству Феклисова, передал советской стороне:

подробные данные о реакторах и о химическом заводе по производству плутония в Уиндскейле;

сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;

планы строительства завода по разделению изотопов, который, предполагалось, даст большую экономию сырьевых материалов;

принципиальную схему водородной бомбы и теоретические выкладки по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии к 1948 году;

данные о результатах испытаний американцами урано-плутониевых бомб в районе атолла Эниветок…

Английский суд приговорил Фукса к 14 годам тюремного заключения. Вскоре после суда ТАСС выступил с заявлением, которое обошло мировую печать.

«Агентство Рейтер сообщило о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-атомщиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступавший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передал атомные секреты «агентам Советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Разведчики, которые имели отношение к Фуксу, смогли заговорить лишь через четыре десятка лет. Назову их имена: Семен Маркович Семенов, Леонид Романович Квасников, Анатолий Антонович Яцков, Александр Семенович Феклисов, Владимир Борисович Барковский.

Тихий переулок, типичный для старых районов Москвы. Сюда

не долетает шум больших магистралей. Просторная комната полна книг. На стенах пейзажи, портрет Курчатова — не неожиданный в этом доме. Фотография Дзержинского на столе. Анатолий Антонович Яцков готов ответить на вопросы о том, как подбирались ключики к атомным секретам. Но первый вопрос при нашей первой встрече — это было летом 1992 года — я задал совсем о другом:

— Анатолий Антонович, вы на пороге 80-летия. Но, честное слово, встретив вас на улице, я не дал бы больше 60. Поделитесь секретом жизнестойкости.

Яцков рассмеялся:

— Записывайте советы. Не курить. Не тратить нервы по пустякам. Не переедать. — Выпивать иногда и умеренно. По праздникам и торжественным случаям. Побольше двигаться…

— Мне говорили, что вы три раза в неделю занимаетесь теннисом.

— Присоединяйтесь — начинаем в полседьмого утра… Ну и, конечно, не последнюю роль играли унаследованные гены. Отец мой, Антон Иванович, дожил до 87 лет. Мама, Агния Павловна, умерла на 102-м году. Оба всю жизнь работали.

Анатолий Яцков родился в 1913 году в Аккермане, как назывался тогда нынешний Белгород-Днестровский. В 1914-м семья перебралась в Центральную Россию. Девять классов Анатолий закончил в Тамбовской области, поработал на сахарном заводе и переехал в Москву. Был чернорабочим, строителем, слесарем, учился. Закончил полиграфический институт и получил направление на столичную картографическую фабрику имени Дунаева.

— Ну а теперь о самом главном событии вашей жизни. Оно связано с первой в мире атомной бомбой. Написано об этом много — целая библиотека, еще больше ходит легенд и мифов. Но как же все было на самом деле? Когда вы впервые услышали об атомной проблеме? Об атомном оружии?

Какая роль отводилась вам, молодому разведчику, направленному в Нью-Йорк? Была ли это разработанная операция или действия скорее по наитию? В одной из публикаций, к примеру, говорится, что Квасников интуитивно распознал перспективы атомной тематики и на свой страх и риск ориентировал на нее ряд резидентур…

— По-моему, это не совсем так. Страха у Квасникова не было — чувство это вообще ему мало свойственно, а риск был невелик. Но сбор информации об исследованиях, связанных с созданием атомной бомбы, начался именно по инициативе Леонида Романовича Квасникова. Он в то время возглавлял научно-

техническое подразделение разведки, кстати, совсем небольшую структуру: в отделении было три человека. И в 1940 году направил телеграммы в резидентуры стран, где проведение таких исследований было наиболее вероятно, с указанием следить, не ведутся ли работы по созданию атомного оружия.

Из чего исходил Квасников? К тому времени научные журналы, в том числе и германские, опубликовали целый ряд материалов о перспективах использования внутриядерной энергии. В ряде публикаций говорилось и о военных аспектах. «Некоторые ведущие физики полагают, что в течение нескольких месяцев может быть изготовлено для военных целей взрывчатое вещество, в миллион раз более мощное, чем динамит, — суммировал американский журнал «Дискавери». — Задуманное может и не удаться: наиболее компетентные люди расходятся в вопросе о том, осуществима ли практически эта идея. Если да, то наука впервые могла бы одним ударом изменить масштабы военных действий».

Первые же результаты подтвердили: Квасников дал очень точную ориентировку. Уже в сентябре 1941 года один из наших информаторов в Нью-Йорке передал, что его знакомого приглашают на секретные работы по созданию бомбы на основе атомной энергии. Другой сообщил, что его товарищ-физик отправляется в Англию в составе делегации американских ученых для координации работ по созданию атомного оружия. Где-то в середине осени 1940-го Джон Кэрнкросс из всё той же «Кембриджской пятерки» сообщил о начале работ по атомной бомбе Великобритании. А к концу 1941-го другой агент из «пятерки» Дональд Маклин передал в Центр протокол заседания «Уранового комитета» У. Черчиллю. В этом документе говорилось о том, что работы по созданию в Великобритании атомной бомбы успеют получить полное одобрение.

— Вам в это время было 28 лет, и вы начали работать сотрудником консульства в Нью-Йорке… Вы отправлялись в США с конкретным заданием?

— Нет, я готовился работать во Франции, учил французский язык. Но Франция к тому времени была оккупирована, командировка в Париж отпала сама собой. А вскоре я узнал, что мне предстоит готовиться к работе в Соединенных Штатах. Английского я не знал, поэтому в оставшиеся месяцы усиленно занимался языком. Официальным прикрытием стала служба в генконсульстве. Чтобы получить языковую практику, попросил поручить мне вести прием посетителей. Конечно, поначалу и сам намучился, и людей помучил…

— А французский так и не пригодился?

— Пригодился, но это отдельная история.

К атомной проблематике я подключился в начале 1943 года, когда мне поручили заниматься научно-технической линией.

К тому времени Государственный Комитет Обороны уже принял решение о развертывании работ по созданию советского атомного оружия. ГКО поддержал предложения НКВД, подготовленные на основе данных, полученных разведкой. В частности, предлагалось «проработать вопрос о создании научно-совещательного органа при ГКО СССР “для координирования изучения и направления всех ученых, научно-исследовательских организаций СССР, занимающихся вопросами атомной энергии урана”». Таким органом и стала знаменитая лаборатория № 2 — Институт атомной энергии.

Вы спрашиваете — была ли у нас разработанная операция? В разведке редко бывает, когда все планы сбываются. Были запланированы две операции с расчетом выйти на интересующих нас лиц, но ничего из этого не получилось. Зато удались операции, проведенные «по наитию». Случайно познакомились с человеком, у которого были контакты с физиками-атомщиками, который симпатизировал Советскому Союзу и был готов помогать в его борьбе с гитлеризмом. Сами непосредственно на людей в закрытых объектах мы выйти не могли. И без своих соратников и союзников мы бы ничего не сделали.

— С кем непосредственно вы работали и что хотели бы рассказать об этих людях?

— Сначала о своем старшем товарище. Это Семен Маркович Семенов. Он закончил Массачусетский технологический институт, получил степень бакалавра, работал в Нью-Йорке и был одним из самых продуктивных легальных разведчиков. От него я получил в наследство одного человека…

Семенов был прирожденный разведчик, умел устанавливать контакты с людьми, совершенно безотказно работал… Правда, жизнь его сложилась потом неудачно. В силу ряда субъективных причин пришлось уйти из разведки, на жизнь он зарабатывал (и неплохо) переводами технической литературы на английский язык… Сейчас его, к сожалению, нет в живых.

— Но кого же передал вам Семенов?

— Это был Фукс. Сам Клаус Фукс. С ним мы, советские, в США не встречались. Работали через связников. Связной контактировал с Семеновым. В общем, так: Фукс — связной — Семенов. А Семенов уже возвращался на родину, поэтому цепочка замкнулась на мне.

…Один из основателей и первый директор Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес в своей книге

«Искусство разведки» назвал дело Клауса Фукса «наиболее ярким примером, когда Советы имели практически идеальные условия для шпионажа». Одной из целей советской разведки, продолжает он, «были научные, в особенности ядерные исследования. Советами была получена информация о том, что США и Англией велись колоссальные совместные работы в области ядерной физики, и им хотелось ознакомиться с плодами этих усилий». В ряду тех, кто помогал Советскому Союзу, Даллес называет и знаменитого итальянского физика Бруно Понтекорво, он оказался в Советском Союзе в 1950 году… Что думает об этом мой собеседник?

— Да, Понтекорво оказался в СССР в 1950 году, — говорит Яцков. — Но, в отличие от Фукса, ему не предъявлялось обвинение в сотрудничестве с советской разведкой — все это были бездоказательные домыслы.

— *А вы с ним познакомились в Союзе или раньше?*

— В Союзе, когда он приехал. Его сразу поселили в гостинице «Москва», в люксе, но гостиничная жизнь не очень привлекательна… Потом его принимал Берия, а я в этой беседе был переводчиком.

— *Прошло много лет, понимаю, но все же какой вам запомнилась та беседа? Встреча двух интеллектуалов?*

Яцков расхохотался:

— Конечно, Берия к тому времени чего-то нахватался от ученых, но, думаю, он понимал свой уровень и говорил не о физике. Правда, спросил, занимался ли Понтекорво водородной бомбой. На что Бруно ответил: к этой проблеме не имел никакого отношения. В основном же беседовали на житейские темы. Расспрашивал о прошлой деятельности, о жизни, о семье.

— *Вам, а точнее нам, помогал в основном Фукс?*

— Не только он. Но все помогали бескорыстно. Один источник так характеризовал мотивы своего сотрудничества: «Нет страны, кроме Советского Союза, которой можно было бы доверить такую страшную вещь. Но раз отобрать у других стран мы ее не можем, пусть СССР знает о ее существовании, пусть находится в курсе прогресса, опыта и строительства. Тогда СССР не окажется в положении страны, которую можно шантажировать».

— *Судя по тому, что листок с процитированным текстом вы убираете, имя называть не собираетесь?*

— Угадали. Да и на листке этом имени нет. Не все можно и нужно раскрывать и сегодня. Скажу лишь: кроме Фукса, на атомных объектах «Манхэттенского проекта» у нас было еще четыре человека…

— И с тех пор, несмотря на все расследования и суды, о них не знают?

Яцков посмотрел задумчиво на красный глазок диктофона, выразительно помолчал.

— О ком еще вы хотели бы вспомнить сейчас?

— О наших связных. Одна из них — Леонтина — Лесли Коэн. Она ходила буквально по острию ножа. Каждая ее поездка в Альбукерк, городок близ атомного центра, могла закончиться арестом. Лесли, работница текстильной фабрики, приезжала в Альбукерк лечить болезнь горла, все нужные справки были, разумеется, заготовлены. За всеми посторонними в этих пустынных местах был установлен контроль, дважды наших связных спрашивали о цели их приезда. Но Лесли была вне подозрений.

Однажды на очередной встрече она получила толстую пачку бесценных материалов. На вокзале — сюрприз: у каждого вагона двое в штатском тщательно проверяют документы пассажиров. Кое-кого даже попросили раскрыть чемодан…

Лесли проявила незаурядную выдержку. Вернувшись в Нью-Йорк, рассказала, как все было. Дождавшись в здании вокзала, когда оставались одна-две минуты до отправления, она подбежала к вагону, поставила тяжелые вещи на перрон, а легкую коробочку с салфетками сунула подержать одному из проверяющих, пока сама искала запропастившийся куда-то билет. Но сыграй она плохо роль рассеянной пассажирки — и кончилось бы все роковым образом: под салфетками лежали секретные материалы.

— Как вы узнали, что ваша информация идет в дело?

— Мы стали получать задания с конкретными вопросами, требующими дополнительного разъяснения. И этот вопросник передавали агентуре. Оценку же материалам давал Игорь Васильевич Курчатов. Вот, к примеру, строки из первой курчатовской «рецензии», 7 марта 1943 года: «Произведенное мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки».

К этому времени Игорь Васильевич уже возглавлял лабораторию № 2 — будущий Институт атомной энергии, которому позже присвоили его имя. Теперь очень многое зависело от оценки разведматериалов. Ведь Берия заподозрил в них дезинформацию, решив, что противник умышленно пытается ввести нас в колоссальные расходы. И в этом ему невольно помогли некоторые советские ученые, которые, ознакомившись с данными разведки, поторопились с выводом: вещь, если и

возможная, то во всяком случае в далеком будущем. К счастью, нам всем удалось избежать просчета, о котором через много лет сожалел фашист Шпеер.

Курчатов, обладая нашей информацией, понимал реальную возможность создания ядерных реакторов и ядерного оружия, понимал, как жизненно важно для страны не отстать в атомной гонке. В разведчиках он видел своих соратников, об этом говорят собственноручные записи Курчатова.

«…Материал дал возможность получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования, миновав многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы, и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения.

Таким образом, данные материалы позволяют, минуя первоначальную стадию, начать у нас в Союзе новое и весьма важное направление разработки проблемы разделения изотопов.

Материал представляет большой интерес, в нем, наряду с разрабатываемыми нами методами и схемами, указаны возможности, которые до сих пор у нас не рассматривались.

…было бы исключительно важно получить хотя бы самые общие сведения об опытах по размножению нейтронов, которые производились с большими количествами урана-235 или плутония.

Представляется исключительно важным выяснить, изучалась ли указанная система расчетным или опытным путем?… Полученные материалы…заставляют нас по многим вопросам пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской физики направления в работе…»

Другая записка: в материалах «…содержится отрывочное замечание о возможности использовать в «урановом котле» не только уран-235, но и уран-238. Кроме того, указано, что, может быть, продукты сгорания ядерного топлива в «урановом котле» могут быть использованы вместо урана-235 в качестве материала для бомбы.

Имея в виду это замечание, я внимательно рассмотрел последние из опубликованных американцами…работ по трансурановым элементам…и смог установить новое направление в решении этой проблемы урана — направление, обусловленное особенностями трансурановых элементов.

Перспектива этого направления чрезвычайно увлекательна».

В каждой записке Курчатова говорится о «большой ценности» материалов.

— Почему же спустя много лет на прямой вопрос журналиста о роли разведки в создании советской атомной бомбы академик А. И Александров ответил едва ли не с пренебрежением?

«Было что-то, но в общем это играло очень несущественную роль. Ни Курчатов, ни другие участники проекта на чужие идеи не надеялись — искали свои… Кстати, у ученых были иные, более надежные источники информации, чем данные разведки. Парадоксально, но, может быть, главный источник — именно в самом факте засекречивания. Зная последние до того, как опустился занавес секретности, работы крупного зарубежного исследователя и не находя его имени в научных изданиях (а значит, он не сменил область своих интересов), нетрудно было определить, что он движется в том же направлении и что это направление опробуется в секретных атомных работах».

Не будем спорить с академиком, действительно ли так и было. Из книги в книгу, из статьи в статью описывается, как техник-лейтенант Георгий Флеров, оказавшись в сорок втором году в Воронеже, бросился в университетскую библиотеку. В американских и английских научных журналах (даже тогда получали, а сейчас у многих российских вузов на это нет денег!) он не нашел ни одного сообщения по исследованиям деления урана. А ведь ранее публикации по этой тематике нарастали как снежный ком! Флеров, будущий академик, написал председателю ГКО И. В. Сталину. Письмо лейтенанта в кремлевской почте не затерялось, дошло до адресата.

«В конце лета 1942 года в ЦК КПСС и правительство поступили предложения о необходимости возобновить прерванные войной исследования по ядерной физике и радиохимии, — вспоминал позже М. Г. Первухин, заместитель председателя Совнаркома и нарком химической промышленности в годы войны. — Ученых беспокоило, не обгонит ли нас фашистская Германия. В начале 1943 года Государственный Комитет Обороны поручил мне наметить вместе с И. В. Курчатовым и другими учеными мероприятия по организации исследований, призванных решить вопросы использования внутриатомной энергии в военных целях».

Беспокоились, как теперь известно, не только ученые. По своим каналам предупреждала о грядущей опасности разведка, о чем я уже сказал.

— Вам приходилось оказываться в рискованных ситуациях?

— Каждая встреча с агентом — риск. Кто знает, как закончится очередное свидание?! Но вот что мне хотелось бы сказать… Разведка хороша тогда, когда ее не видно и не слышно, как будто ее нет вообще. Вот тогда это разведка высокого уровня. А когда начинается погоня, стрельба, рукопашная, — это уже огрехи… Настоящая разведка, повторю, незаметна. Конечно, если делать кинофильм, то нужно домысливать острые ситуации, на

грани которых всегда находится разведка.

— Какая из пережитых вами ситуаций подошла бы для кино?

— Ну, скажем, отправка из Нью-Йорка одного из наших разведчиков-нелегалов. Ночью мне удалось посадить его на наше судно под видом члена экипажа.

Или вот другой сюжет — моя командировка в Ирак. Это было в 1955 году, когда король Ирака порвал с нами дипломатические отношения и в стране не осталось ни одного советского сотрудника. Пришлось ехать туда по документам канадского бизнесмена.

— Анатолий Антонович, вам не было обидно, что роль разведки в создании атомного оружия до определенного времени замалчивалась? Или для разведчика обида непозволительна?

— Я по своему характеру не склонен к обидам. Тем более что и обижаться не на кого. Секреты есть секреты. Хотя если вдуматься, это же ненормально: весь мир знает, что советская разведка помогла атомным физикам, а своя страна — нет.

— Хорошо хоть, что она наконец-то об этом узнает. Встречались ли вы с Курчатовым, другими учеными-атомщиками?

— С Курчатовым встречался. В частности, представлял ему и другим физикам Понтекорво.

— И он, конечно, не знал, какие материалы проходили через ваши руки еще в сорок третьем — сорок четвертом годах…

— Разве это так важно?! Я своей роли не подчеркивал, был просто посредником между ними. Квасников с Курчатовым встречался много раз. И даже в самые последние дни перед кончиной академика договаривался о новых встречах. Но, увы…

— Эти события как бы разделили вашу жизнь на две половины: ДО и ПОСЛЕ бомбы. Расскажите, пожалуйста, что было до. Как вы попали в разведку?

— В 1937 году окончил полиграфический институт, начал работать инженером-технологом. Занимался парашютным спортом — два раза прыгал в Тушине, на праздниках в День авиации. Однажды секретарь парткома сказал, что мне надо заехать в ЦК ВКП(б). Заехал. Там со мной побеседовали и направили на работу в разведку. Прошел годичный курс и получил назначение в Нью-Йорк.

— Несколько слов о том, что было после. Это ведь тоже целая жизнь, почти полвека. Наверное, были и другие операции, и другие зарубежные командировки?

— Были. Но ничего сравнимого по масштабам с атомной историей уже не было. Хотя по-своему все значительно. Я работал в Париже, в Берлине — получали очень важные материалы по электронике из Западной Германии. Орденом Красной Звезды

отмечен этот период.

— А американский?

— Орденом Красного Знамени. (Звания Героев России Анатолию Антоновичу Яцкову, Леониду Романовичу Квасникову, Александру Семеновичу Феклисову, Владимиру Борисовичу Барковскому присвоили много лет спустя.)

— Жизнь вашего поколения вместила несколько эпох: царская Россия, Советский Союз, посткоммунистическая страна, как говорят сейчас. Державы, для которой вы, Анатолий Антонович, добывали атомные секреты, нет. Можно нарваться и на реплику: не стоило, мол, стараться! Вам не жалко прожитых лет?

Жестокий вопрос, но я должен задать его. Яцков, помешивая в чашечке чай, заваренный на душистой траве мелиссе, думает о чем-то своем. Эти поколения почти начисто выбиты войной. Из каждой сотни возвратились по два-три человека. Теперь осталось, наверное, по одному на десять тысяч… И те, что остались, — унижены и оскорблены очередями, нищенскими пенсиями и пайками. Какая горькая ирония судьбы: поколение победителей без отвоеванной в бою и труде победы.

Яцков поднимает глаза:

— Нет, прожитых лет мне не жаль. И если бы начать, как говорится, сначала, я бы делал то же самое. Нашу роль в истории никто не вычеркнет. Вы знаете, у американцев были разработаны планы атомного нападения на Советский Союз. План «Троян», план «Дропшот»… В них назывались сроки атаки, количество бомб, предназначенных Москве, Ленинграду, Донбассу, другим промышленным центрам. Появление советского атомного оружия стабилизировало обстановку.

В последнее время опубликован ряд материалов, авторы которых словно бы перетягивают канат между разведкой и наукой, — продолжает Анатолий Антонович. — Пустое это дело. Бомбу создавали ученые, инженеры, рабочие, а не разведка. Без них разведывательная информация ничего не стоит.

Самая достоверная и перспективная научно-техническая информация становится полезной только тогда, когда попадает на благодатную почву, когда понимается ее значимость. Так случилось, считает мой собеседник, с информацией об атомном оружии. Информация разведки ускорила работы, а это дало выигрыш во времени. Выигрыш жизненно важный, потому что атомный шантаж и холодная война в 50-е годы могли перерасти в войну. Атомную.

— Еще и еще раз скажу, — говорит Яцков, — бомбу создает не разведка. Наша помощь ни в малейшей степени не умаляет заслуги Игоря Васильевича Курчатова и его сподвижников. В

невероятно сложных условиях они сумели в короткие сроки создать атомный щит и меч.

К началу 1944-го у нас уже были источники информации, которые работали на объектах «Манхэттен прожект», главным образом в Лос-Аламосской лаборатории, — продолжает Яцков.

В архивах разведки хранятся записки с изложением хода работ в США над атомной бомбой (февраль 1945 года), телеграфное сообщение из Нью-Йорка о предстоящем испытании бомбы и краткое описание ее устройства. (2 июля 1945 года с этим материалом был ознакомлен Курчатов.) В августе этого же года Центр получил более подробное описание атомной бомбы — 22 листа английского текста, в октябре — семь листов, в декабре — еще 14 листов на английском языке…

— *Все они проходили через руки капитана Яцкова, в ту пору Яковлева. Что вы чувствовали тогда? Представляли, о каком оружии идет речь?*

— По-моему, до взрыва атомной бомбы никто, даже ученые, точно не представлял истинную силу этого оружия. Не случайно многие из них первыми выступили за запрещение атомной бомбы.

…В мае сорок пятого у нас были сведения о готовящемся испытании, а в июне мы располагали описанием самой атомной бомбы, что называется, в разрезе: все детали, состав, размеры, вес… Американская контрразведка длительное время не только не знала, что мы располагаем данными со сверхсекретных объектов, но и не догадывалась, что нам может быть известен сам факт их существования.

— *Как вы сейчас живете?*

— Вся надежда на садовый участок, — смеется Анатолий Антонович.

— *У вас дома большая библиотека. Какие книги на этих полках самые любимые?*

— Часто открываю Пушкина. Люблю Маяковского — в студенческие годы читал его со сцены. Перечитываю Достоевского, Булгакова… Слежу за новинками литературы.

— *Какой вопрос вы хотели бы задать себе сами?*

— Можно не на атомную тему?

— *Конечно.*

— Когда же мы поймем, что распад великого Советского Союза, приведший к дикому разгулу национализма, преступности, междоусобным войнам, развалу экономики, обнищанию народа, — что этот распад не есть обретение Россией независимости (от кого?), а есть величайшая трагедия Российского государства?

В. АНДРИЯНОВ

Джордж Блейк

По меньшей мере три раза имя этого человека занимало первые полосы крупнейших газет мира. Сначала в 1961 году, когда его арестовала английская контрразведка.

«Нью-Йорк таймс»: «Западные союзники на тайных переговорах с правительством ФРГ согласовали свои позиции для обсуждения с Москвой. Западные меморандумы, планы, стратегические ходы и проекты, по всей вероятности, были в руках Советов раньше, чем эти конференции начинались…»

«Штадт Анцайгер»: «Блейк собрал информацию о шпионских центрах, тайных агентах, секретных встречах британских и союзнических разведок, включая шпионское бюро Гелена».

«Геральд трибюн»: «Блейк получал информацию о каждом плане, каждом тактическом ходе и всех проектах, которые Запад разрабатывал в связи с проблематикой Берлина и Германии. США стоило бы в будущем относиться к Британии со значительно большей осторожностью, в частности, когда речь идет о государственных и военных тайнах…»

«Таг»: «Неисчислимое количество совершенно секретных документов из архива Министерства иностранных дел Великобритании попало в руки Советов. Во многих случаях Блейк переснял важные документы, касающиеся прежде всего берлинского вопроса и немецкой проблематики в целом. Очевидно, ему удалось разоблачить всю британскую шпионскую сеть, действующую на территории стран Восточной Европы». (Газета недалека от истины — Блейк рассекретил перед советской разведкой около 400 агентов. Согласно договоренности с Блейком против них принимались меры профилактического характера и закрывался доступ к информации, «передача которой могла нанести вред интересам стран социалистического блока».)

Через пять с лишним лет сенсацией стал побег Блейка из лондонской тюрьмы Уормвуд Скрабе и его исчезновение.

Прошло три года, и снова кричащие «шапки» на первых полосах газет: Блейк в Москве. Президиум Верховного Совета СССР награждает его, выдающегося советского разведчика, орденом Ленина.

И был еще веер публикаций, когда стала явной операция «Золотой секундомер» (она же «Тоннель»), одна из самых масштабных операций западных спецслужб, разоблаченных Блейком. Но тогда его имя еще нельзя было называть. Из многих характеристик Блейка приведу еще одну, пожалуй, едмую емкую, данную другим выдающимся разведчиком Г. Лонсдейлом (К. Т.

Молодым). Ее приводит в документальной повести «Профессия: иностранец» В. Аграновский: «Знаменитый Блейк, работавший на нас долгие годы без копейки денег, чрезвычайная редкость. Он просто умный человек: проанализировал ситуацию в мире, определил ее истоки и перспективу, а затем, посчитав нашу политику более справедливой, принял обдуманное решение помогать нам».

Чаще всего имя Блейка связывают с операцией «Золотой секундомер». Напомню, что ей предшествовало и как она завершилась.

… В 1950 году в Вену приехал новый резидент английской разведки Питер Ланн, одна из изобретательных голов британской секретной службы, как характеризует его Блейк. «Это был хрупкий человек небольшого роста, с преждевременно поседевшими и быстро редеющими волосами. Он говорил тихо и заметно шепелявил. У тех, кто его мало знал, могло создаться впечатление, что он человек робкий и пассивный. Но это было далеко не так. Напротив, по натуре он был победителем, что доказывал в любом деле, за которое брался. Он был истовым католиком и, естественно, воинствующим антикоммунистом. Эти черты в сочетании с сильной волей и недюжинной природной одаренностью позволили ему стать чрезвычайно деятельным, неутомимым и преуспевающим офицером разведки».

Изучая донесения агентов, Ланн обратил внимание на то, что телефонные кабели, связывающие штаб Советской Армии в Вене с частями и рядом важных объектов, проходят через английскую и французскую зоны оккупации. В «изобретательной голове» родилась дерзкая идея: подключиться к этим линиям связи и снимать информацию, которую трудно было получать традиционными путями. Первый тоннель прорыли из подвала здания британской военной полиции к телефонному кабелю, который связывал «советский военный штаб в Вене с аэродромом в Швехате» (операция «Конфликт»). «Урожай» оказался настолько богатым, что было принято решение установить подслушивающие устройства еще на двух советских линиях связи (операции «Сахар» и «Лорд»).

Пленки из Вены три раза в неделю на специальном самолете британских ВВС отправляли в Лондон — там для их расшифровки в Сикрет интеллидженс сервис (СИС) был создан новый отдел «У». (Кстати, одна из первых книг о Блейке, которая вышла в 1976 году в Чехословакии, так и называлась — «Человек из отделения “Игрек”». Я тогда работал в Праге собственным корреспондентом «Комсомольской правды» и, прочитав увлекательную документальную повесть Яна Волдана, предложил «Политиздату»

выпустить ее у нас. Издательство согласилось, я оперативно перевел, но разрешение на выход книжки мы получили лишь через десять с лишним лет. И сейчас не пойму, почему советским людям нельзя было знать о советском разведчике Джордже Блейке, уже известном всему миру. В нашей стране его имя открыли лишь на закате эпохи гласности.)

Тем временем Питер Ланн на волне венского успеха получил новое назначение — резидентом СИС в Западный Берлин. Здесь, оглядевшись, он предложил подключиться к трем советским кабелям, которые проходили «рядом с границей американского сектора в Альтглинике под Берлином, где американский сектор глубоко вдавался в территорию, контролируемую СССР». Для этого следовало прорыть тоннель из Западного Берлина в Восточный, оборудовать пост подслушивания электронной аппаратурой, трансформаторами, кондиционерами для операторов, смонтировать с восточной стороны бронированные ворота.

В своей книге «Иного выбора нет» Джордж Блейк подробно рассказывает, как тщательно прорабатывалась эта операция.

«Количество и протяженность кабелей, а также расстояние до них делали эту операцию гораздо более сложной, чем та, которая проводилась в Вене. Кроме того, из-за постоянной напряженности вокруг «берлинского вопроса» она была гораздо опаснее в политическом отношении. Когда закончилось предварительное обсуждение в СИС и проект в принципе был одобрен, обратились за консультацией в МИД и соответствующие министерства.

На этот план возлагались столь большие надежды, что сомнения были отброшены и все согласились с тем, что результаты должны окупить риск и затраты.

Следующим шагом был контакт с ЦРУ. Так как в Америке получали венские бюллетени и сразу поняли, что берлинский план, получивший название «Золотой секундомер», предоставит неизмеримо большие возможности, то соответственно уговоров не потребовалось. В феврале 1954 года ЦРУ прислало в Лондон сильную группу экспертов для детального обсуждения и разработки плана будущего сотрудничества. Группу, состоявшую из пяти офицеров, возглавил Роулетт, который был начальником советского отдела ЦРУ. Был в ней и Билл Харви — берлинский резидент ЦРУ. Этому техасцу был свойствен подход к разведке в духе Дикого Запада, и, как бы желая привлечь внимание к этому, он всегда носил в кобуре под мышкой шестизарядный револьвер. Неприличное вздутие, которое образовывалось из-за этого на его тесном пиджаке, совершенно не соответствовало элегантной обстановке офиса Тома Джимсона на Карлтон-гарденз, где

проходили встречи.

Со стороны британской разведки присутствовали Джордж Янг, тогда еще начальник аналитического отделения, скоро ставший первым заместителем главного; Питер Ланн как инициатор проекта; Том Джимсон, эксперт по обработке материалов. Остальных английских специалистов приглашали по мере необходимости. ***Я*** *вел* протоколы встреч.

Сначала наметили общие контуры сотрудничества. Американцы должны были предоставить деньги, необходимые средства прикрытия в Берлине и рабочие руки. Англичане обеспечивали техническое оснащение, экспертов…»

Через два дня после того как американцы с детальными планами операции «Золотой секундомер» и надеждами «проучить красных» отбыли в Вашингтон, Блейк встретился с советским резидентом.

— Я передал ему пленку с протоколами совещания, а также набросками и планами, которые мне удалось сфотографировать накануне во время обеденного перерыва. Я рассказал ему в общих чертах о берлинском проекте и обратил внимание на секретность, которой была окружена операция, а также на необходимость позаботиться о том, чтобы контрмеры советской стороны выглядели естественно и не вызывали подозрений. Мой советский коллега был поражен дерзостью и размахом плана и попросил меня о скорейшей новой встрече, чтобы обсудить все более подробно, а я бы информировал его о новостях.

Когда мы встретились через неделю, он сообщил мне, что ввиду важности материала он лично отвез в Москву сфотографированные документы. Теперь они там изучаются *с* целью выработки соответствующих защитных мер. Для начала наиболее важные и секретные сообщения предполагалось рассредоточить по другим каналам. Но ему специально поручили заверить меня, что не будут предприняты шаги, которые могли бы навести на мысль о том, что советская сторона что-либо знает или хотя бы подозревает. Моей безопасности придавалось первостепенное значение. Поэтому операция должна идти своим чередом. Более того, ее можно было даже использовать в интересах СССР.

Так операция «Золотой секундомер» стала достоянием советской разведки. Но что привело к этому шагу человека, который еще не так давно считал для себя счастьем служить в британской разведке? В августе 1944-го, когда Блейку было только двадцать два года, полковник королевской морской пехоты Кордо, начальник управления Северной Европы, принял его в своем кабинете и сказал, что он теперь сотрудник

легендарной британской разведки. Теперь этот человек по доброй воле открывал тайны самых секретных операций своей службы представителю Советского Союза…Какие силы привели его к такому выбору?

Я спросил об этом Джорджа Блейка при нашей первой встрече в тесном кабинетике на пятом этаже старого правдинского корпуса, где размещалась редакция газеты «Социалистическая индустрия». Это было августовским днем 1988 года. После многих звонков и согласований мне перезвонили из пресс-службы КГБ СССР и сказали, что встреча с Блейком состоится у нас в редакции, его будет сопровождать один человек… После раза три или четыре коллеги из других изданий объявляли, что они самыми первыми публикуют интервью с Блейком, Бог им судья. Но самым первым было то интервью, которое под заголовком «Я выбрал СССР» опубликовала «Социалистическая индустрия».

В моем архиве сохранилась запись того разговора. Вот она: вопросы, ответы, реплики… Иногда на кассете возникает пауза — это, помню, Джордж смотрел на своего спутника и тот либо утвердительно кивал, мол, об этом можно рассказывать, или коротко говорил: «Об этом пока не будем, Георгий Иванович».

Джордж — Георгий Иванович, как называют его в Москве, отвечал раскованно, часто смеялся. Выглядел он моложаво, подтянуто — ни за что нельзя было дать ему шестидесяти лет.

— Как же вы, кадровый английский разведчик, пришли к самому главному выбору в своей жизни?

— Очень трудно коротко ответить на этот вопрос. Но попробую.

Дальше я воспроизведу ответ Блейка на мой вопрос, дополняя его строками из его книги-исповеди «Иного выбора нет».

Отец Джорджа, Альберт Бихар, родился в богатой еврейской семье в Константинополе, учился в Сорбонне, во время Первой мировой войны вступил во Франции в Иностранный легион, но впоследствии служил в британской армии в Месопотамии и принял британское подданство. Как предполагает Блейк, его отец, хорошо зная турецкий язык, выполнял «какие-нибудь разведывательные операции или чего-нибудь в этом роде». На войне он заслужил британский и французский военные кресты, а также внушительный ряд медалей. Английское консульство в Роттердаме платило Бихару пенсию по инвалидности. Последние годы службы он со своей частью наблюдал «за возвращением домой через Голландию английских пленных из немецких лагерей».

В Роттердаме молодой офицер и предприниматель (Альберт

владел небольшой фабрикой, где шили кожаные рукавицы для клепальщиков здешних верфей) встретил свою любовь, девушку из известной голландской семьи. Отец Кэтрин, как и дед, был архитектором. Так случилось, что Альберт Бихар стал другом семьи, потерявшей отца, в которой росли три сестры и два брата-подростка. Все три девушки влюбились в одинокого солдата «со стройным приятным лицом, которое, впрочем, портили два шрама по одному на каждой щеке — отметины шрапнели. Недостаток искупали глаза — большие, темные и действительно красивые». Он выбрал старшую, Кэтрин. «В ней пишет Джордж о своей маме, — была бездна обаяния, которое она сохраняла всю жизнь, и самые разные люди невольно проникались к ней симпатией».

Когда у молодых родителей появился первенец, то в честь обоих дедушек его решили назвать Якобом. Но Якобом младенца звали только один день. «По дороге в ратушу отец передумал.

Я родился 11 ноября в День перемирия, положившего конец Первой мировой войне.

Будучи ветераном войны, он в порыве патриотизма решил дать мне имя Джордж в честь английского короля Георга. Поступок для отца вполне характерный — сделать что-нибудь, не посоветовавшись с матерью. Самое смешное, что я никогда не любил имя Джордж, домашние и друзья меня так никогда не звали, а употребляли прозвище Пок, которое я получил в раннем детстве. Еще удивительнее, что когда я начал читать Библию, то испытывал сильное влечение к тому, кого звали Иаковом, и отождествлял себя с ним. Это было еще до того, как я узнал, что я наполовину еврей. Может быть, память навсегда сохранила воспоминание, как мама звала меня этим именем в первые часы жизни. А не любил я имя Джордж скорее всего потому, что оно редкое для Голландии, из-за него я чувствовал свое отличие от сверстников. Между прочим, русская версия — Георгий — звучит для моего уха более приятно.

Маленький Джордж получил религиозное воспитание, в молодые годы был весьма набожен и, по его словам, даже хотел стать пастором протестантской церкви.

— Потом пришла новая война, которую назвали Второй мировой. Немцы оккупировали Голландию. Я стал связным в подполье…

Это отдельная страница в жизни Блейка, молодого человека, яркая сама по себе, и о ней тоже нужно сказать, чтобы полнее представить, как формировалось его мировоззрение.

Вскоре после начала Второй мировой войны премьер-министр Великобритании Черчилль распорядился создать агентурную сеть

на французском побережье, в Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии. В телеграмме, которую Черчилль направил генералу Исмэю, начальнику Комитета имперской обороны, говорилось: «На занятой (немцами. — *В. А.)* территории необходимо развязать террор. Для этого надо подготовить решительных людей. Жизнь немецких войск на оккупированных территориях должна стать невыносимой». В своей характерной манере неистовый Уинстон помечает самое главное на торце пустого коробка: «Set Europe ablaze» («Подожгите Европу»).

Для руководства операциями в тылу немецких армий в Лондоне создается Комитет специальных операций (Special Operation Executive), в историю он вошел под аббревиатурой SOE (КСО).

Голландской секцией в этой конторе руководил капитан Де Брюн. Именно ему в феврале 1941 года положили на стол личное дело Джорджа Бихара.

«Имя: Джордж Бихар, родился 11 ноября 1922 года, Роттердам.

Профессия: студент филологического факультета.

Отец: капитан британской армии Альберт Бихар, во время Мировой войны сотрудник разведотдела штаба маршала Хэйга. За мужество награжден орденом Британской империи и французским орденом Почетного легиона. Умер в 1935 году.

Мать: Кэтрин, урожденная Бейдервеллен. Последнее место жительства — Роттердам, Маастраат, 4. С 1940 года — в Англии.

Данные о деятельности:

В июне 1940 года арестован гестапо при облаве на иностранных подданных. Был заключен в концлагерь Шерл.

В июле 1940 года бежал из лагеря, скрывался в населенном пункте Варвельд у своего дяди, потом на мельнице Эмпер. Здесь создал молодежную группу Сопротивления.

В октябре 1940 года установил связь с подпольной группой в Лимбурге. Участвовал в акциях саботажа местного значения.

Оценка личных качеств:

Весьма умен, обладает чувством ответственности. В боевых акциях смел, умелый организатор, способный конспиратор, хорошие манеры, прирожденный авторитет. Испытан на нелегальной работе, доверие оправдал. Убежденный борец против фашизма.

Примечание резидента:

Прекрасное знание немецкого, английского, французского и голландского языков. Проверен в бою, показал себя с хорошей стороны, отважен и решителен. Перспективен для использования в разведке».

Капитан Де Брюн согласился с выводом резидента и распорядился включить Бихара в подпольную группу «Ариэль-1». Ему было в ту пору девятнадцать лет.

Подпольщики, в частности, обеспечивали переход офицеров и агентов КСО в Голландию. Один из товарищей Джорджа позже вспоминал о нем:

«Казалось, что он никогда не уставал. Он был совсем молод, но люди старше его в два раза беспрекословно признавали его авторитет. Порой этого юношу считали робким и застенчивым, но в критическую минуту он принимал быстрое и точное решение. Другой человек в такой ситуации свернул бы себе шею».

В картотеке гестапо Джордж Бихар значился как «террорист ван Врист». Летом 1942 года гестаповцы собирались его арестовать, но из КСО, где заблаговременно узнали об угрозе, поступил приказ переправить Джорджа Бихара в Англию.

Долгое путешествие почти через всю оккупированную Европу — Голландию, Бельгию, Францию, переход через франко-испанскую границу, лагерь для интернированных лиц в Гибралтаре, переход морем в Англию — все это могло бы стать сюжетом приключенческого фильма. Только несколько «кадров» из него.

…На границу Голландии и Бельгии Джордж прикатил на велосипеде с документами на «брата Петра». Смиренный вид и монашеская сутана подозрений у пограничников не вызывают. Джордж оставляет сутану в Брюсселе на конспиративной квартире и получает инструкции, как перейти бельгийско-французскую границу.

…В сотне метров от границы его останавливает немецкая полиция:

— Стой! Документы! Откуда идешь? Куда?

Документы вызывают подозрение.

— Поедешь с нами! Посмотрим в отделении, что ты за птица.

Один из полицейских открыл дверцу машины:

— Пошевеливайся!

И в этот миг из-за горизонта вынырнул самолет. Он летел, почти прижимаясь к земле, прямо на них. Полицейские не сомневаются — это вражеский самолет. Предоставив Джорджа его собственной судьбе, они скатываются с дороги и, пробежав несколько десятков метров, исчезают в лесу. Ринулся и Джордж, понятно, в другую сторону. Очередь из пулемета прострочила дорогу, продырявила брошенную машину.

Счастливый случай? Или это Провидение отвело беду от паренька? Во всяком случае, счастье не оставило его на всем этом

долгом пути. Париж, Лион — на каждом этапе юношу встречали, согревали, провожали… Наконец он в Гибралтаре! После нескольких месяцев проверок из Лондона приходит телеграмма с согласием на въезд Джорджа Бихара в Англию.

Казалось бы, здесь его ждут. Но, увы, день идет за днем, а им никто не интересуется. И тогда он сам, выбравшись с материнской фермы в Лондон, инициативно, как сказали бы сейчас, пытается предложить свои услуги резидентуре голландской разведки в Англии. Ему как английскому гражданину советуют обратиться в военное министерство. Но и там его никто не ждал.

Так продолжалось до случайной вроде бы встречи на лондонской улице Парк Лэйн с капитаном Чайлдом, бывшим английским резидентом в Голландии. Джордж его не заметил, зато Чайлд своего подопечного не пропустил:

— Джордж, это в самом деле ты? Как ты тут оказался? Вот это случай! Парень, ты даже не знаешь, как я рад, что встретил именно тебя.

…После этой далеко не случайной встречи Блейка принимают в «Сикрет Интеллидженс сервис». Он заканчивает офицерские курсы и получает направление во флотскую разведку.

Новую жизнь Джордж решил начать с новым именем. Теперь он — Блейк. Молодой офицер служит в штабе фельдмаршала Монтгомери, успешно выполняет задания английской разведки в послевоенном Гамбурге… Оценив работу Блейка, ему предлагают перейти в контрразведку, где предстоит «бороться с проникновением советской разведки в западные зоны оккупации». Для этого следует в совершенстве изучить русский. Русский язык и русскую литературу он изучает в Кембридже уже под «крышей» Министерства иностранных дел Великобритании.

— Во время войны я, как и другие антифашисты, — говорил Блейк, — восхищался героической борьбой советского народа. В то же время мы боялись коммунизма. В этой связи вспоминается один эпизод, характерный для атмосферы того времени. Когда зимой 1942 года советские войска перешли в наступление, на голландско-немецкой границе появился плакат. Там было написано: «Хальт, Тимошенко! Здесь начинается Голландия». Такое отношение к Советскому Союзу было типичным, я тоже разделял его.

В Кембридже русский язык и литературу нам преподавала женщина, вышедшая из семьи петербургских англичан. В Петербурге издавна жили, поколение за поколением, английские купцы, ее отец был из этой среды, а мать — русской. Она внушила нам, студентам, интерес к России, российскому искусству,

истории. Это один важный момент.

А второй, по оценке Блейка, вот какой. В программу его подготовки как разведчика входило изучение классиков марксизма-ленинизма. Так ему попалась маленькая книжка о марксизме, подготовленная IX отделом, который в СИС занимался вопросами коммунизма. Она называлась «Теория и практика коммунизма» и ставила своей целью познакомить офицеров разведки с главными идеями Маркса (по принципу «знай врага своего»). Ее автором был Кэрью Хант — главный теоретик марксизма в СИС, его работы на эту тему хорошо известны широкой публике. Брошюра специалиста, не пропагандистская, а информационная, объективно объясняла философские, политические и экономические основы марксизма, давала понять, почему это учение сохраняет притягательность для миллионов людей во всем мире.

— Книга оказалась для меня откровением. До сих пор я очень мало читал о марксизме, и в основном нечто негативное. После «Теории и практики коммунизма» у меня осталось чувство, что теория коммунизма звучит убедительно, что ее объяснение истории имеет смысл, а цели кажутся в общем привлекательными и немногим отличаются от идеалов христианства, хотя и не схожи с ним методами достижения. Я спрашивал себя, так ли ужасен коммунизм, как его изображают».

Размышляя над книгами Маркса, Энгельса, Ленина, Блейк пришел к убеждению, что это учение не так уж плохо, как его представляют, что коммунисты хотят создать царство справедливости, где все люди равны, где нет богатых и бедных. Создать не чудом, как Христос, а своими руками. И что именно русский народ, советский народ взялся это сделать.

— Так я пришел к мысли, что надо помогать Советскому Союзу в его великой цели, а не мешать. Потому что это дело огромной важности для всего человечества, а не только для Советского Союза.

Так говорил Джордж Блейк в нашем долгом разговоре, и я дословно передаю его слова, нравятся они кому-нибудь в постсоветской России или нет. Этот человек, рискуя своей жизнью, служил Советскому Союзу, напомню, не ради денег. Есть нечто в этом мире, что дороже золотого тельца. Но послушаем Блейка дальше…

— Вот это основная мысль. Это было, конечно, очень трудное решение, можете себе представить. Есть страна, в которой ты живешь, есть родные, которые будут страдать. Но в конце концов я решил, что общие интересы выше национальных и личных и в конечном счете это благо и для национальных интересов. Вот так

я и пришел к убеждению установить контакт с советской стороной.

Это было в 1953 году, тогда я стал практически работать на Советский Союз.

— После войны в Корее?

— Да. Я был там в командировке, мне очень понравилась эта страна, народ. Как много перенесли они во время войны, о которой, к сожалению, так мало сейчас знают… Все, что я вам сейчас рассказал, выкристаллизовалось во время корейской войны. Я видел, как американские бомбардировщики буквально стирали с лица земли корейские деревни, города. Разрушений там было гораздо больше, чем во время Второй мировой войны в Германии. Как западный человек я чувствовал и свою вину — и это чувство разделяли многие из тех, кто был рядом со мной, — вину за то, что такая могучая техника используется против мирного человека. «Летающие крепости» против фанз. Люди рыли ямы, пещеры, жутко было видеть их страдания. И я спрашивал себя: что нам нужно в этой стране? На чьей стороне я должен сражаться?

Блейк не раз возвращался к мотивам своего выбора. Судя по всему, для него это имеет принципиальное значение. Когда его уличили в шпионаже в пользу СССР, появилось множество версий, почему он пошел на службу Советам. Самая правдоподобная в глазах его противников выглядела так. Мол, после побега из корейского лагеря его запугали расстрелом и он, признавшись, что работает в разведке, предложил свои услуги Советам… Дальше — обычный шантаж. Понятная для обыденного сознания версия выглядит бесчестной по отношению к Блейку. Он — человек другой морали, он не из тех, кого можно запугать или купить. Его выбор продиктован убеждениями. Давление обстоятельств, о которых говорили на допросах коллеги Блейка, давая ему шанс спасти себя, здесь ни при чем.

Раздумывая в корейском плену над своим будущим, он видел три возможных пути.

— Во-первых, я мог попросить разрешения остаться в Северной Корее после войны и помочь восстановлению страны. Во-вторых, я мог возвратиться в Англию, уйти со службы, вступить в компартию и, например, продавать «Дейли уоркер» или делать любую другую пропагандистскую работу. И в-третьих, я мог использовать свое положение в СИС, чтобы передавать СССР проходящую через меня информацию о разведоперациях против Советского Союза, стран социалистического блока и мирового коммунистического движения, и тем самым срывать планы СИС и шпионских организаций других западных стран.

Первый путь я отверг практически сразу — я не обладал достаточными умениями, и мой вклад в восстановление Северной Кореи мог быть лишь очень небольшим, в реальности я стал бы не помощником, а обузой и предметом беспокойства. Я долго взвешивал сравнительные достоинства двух оставшихся вариантов. Без сомнения, отставка и открытое участие в коммунистическом движении были гораздо более почетными и в то же время несравненно менее опасными. Человек, с поднятым забралом отстаивающий свои убеждения, более привлекателен и достоин уважения, чем тот, кто действует тайно в чужом обличье. Если возможно, такой путь всегда предпочтительнее. Но я не мог не видеть, что польза, которую я способен принести, была бы гораздо большей, выбери я третий вариант. Так после изнурительной внутренней борьбы я сделал выбор. Это было нелегкое решение, принятое в тяжелейших, можно сказать, исключительных, обстоятельствах. Шла ожесточенная война, а жестокие времена диктуют суровые и неординарные поступки. Возможно, если бы я перебирал варианты, ведя размеренную жизнь в тихой лондонской квартире, вывод был бы другим. Кто знает?

Итак, я сделал выбор, прекрасно отдавая себе отчет во всех последствиях. Я понимал, что предаю оказанное мне доверие. Понимал, что предаю друзей и коллег по службе, предаю страну, которой присягал на верность. Я все взвесил и пришел к выводу, что могу взять на себя эту вину, как бы она ни была тяжела. Иметь возможность помочь такому делу и упустить ее я считал еще худшим преступлением.

На первой же встрече с представителем советской разведки, естественно, тщательно законспирированной, Блейк объяснил, почему решил предложить свои услуги советским властям. И выдвинул условия, на которых мог работать. Они были таковы:

«а) я готов предоставлять информацию о разведывательных операциях против СССР, других социалистических стран и мирового коммунистического движения, но не против каких-либо других стран;

б) за службу я не приму ни денег, ни другого материального вознаграждения;

в) я не должен быть ни под каким видом ни освобожден раньше своих друзей, ни выделен какими-либо привилегиями, пусть со мной обращаются так же, как с остальными пленниками, о чьих разговорах или действиях я не намерен ничего сообщать».

Вернемся к финалу операции «Тоннель».

Апрельская ночь 1956 года. Четыре специально вышколенных сотрудника американской военной разведки садятся, как всегда,

когда приходит их смена, к аппаратам, подключенным к линиям правительственной и военной связи в ГДР. Пребывание в хорошо оборудованной «крысиной норе» стало для них совершенно обычным делом. Они чувствуют себя так, словно заступили на службу в штабе или у себя в части. Тревога, не оставлявшая их в первые дни и недели этого «великого дела», давно прошла. Техника работает отлично, операторы могут расслабиться и даже пошутить. Самая популярная шутка: что бы сказали КРАСНЫЕ, если бы знали, что все их тайные разговоры подслушиваются. Но в этот раз шутка закончилась совсем неожиданно.

В два часа ночи с противоположной стороны тоннеля, со стороны ГДР, вдруг послышались голоса. В первые мгновения американцы не могли даже сдвинуться с места. А затем их охватила паника. У страха глаза велики — операторы, спасаясь, забыли о грозном приказе — в случае чрезвычайного положения уничтожить все оборудование. Страх из-за того, что их могут задержать на месте преступления, гнал всех четверых. Они уносили ноги, моля Бога лишь об одном: только бы успеть!.. Отдышались на той, американской стороне тоннеля, у заграждений из колючей проволоки и мешков с песком.

Для американских штабов и политиков наступили тяжелые минуты. США, не считаясь с миллионами, закопанными в землю, не осмеливаются признать тоннель своим.

Разоблачение операции «Золотой секундомер» вызывает в западных разведцентрах смятение. Стала явной одна из самых тайных операций ЦРУ после Второй мировой войны. Очевидно, советскую разведку информировал человек, занимающий достаточно высокое положение в американской или английской разведке.

В то время Блейк по линии СИС руководил агентурной сетью Великобритании в ГДР и Чехословакии. В силу служебного положения он знал об операции с самого начала. Задумывалась она с американским размахом. Долларов не жалели. Абсолютная секретность, большие деньги, современная техника, которую обеспечивали англичане, казалось, гарантировали успех. Подслушивание линий связи дало бы американцам и англичанам так много информации, что специально созданному отделу потребовалось бы десять лет работы для расшифровки и обработки всех записей. Конечно, записывалось и расшифровывалось не все. Шел отбор. Советская сторона, зная об этом, полтора года «не замечала» утечки информации. После этого очень умело, вроде бы случайно, была «обнаружена» какая-то неполадка в каналах связи. Она-то и вывела на подключение. Это было так хорошо, так умело сделано, что даже специальная

комиссия ЦРУ и СИС пришла к заключению, что операция провалилась «по чисто техническим причинам». Об утечке информации не говорилось.

Питер Ланн в том же 1956 году получил перевод в Бонн, а Блейк еще три года работал в Берлине. Здешнюю резидентуру СИС возглавил Роберт Доусон, до этого он руководил одним из берлинских подотделов. В начале 1959 года Доусон возглавил подразделение в центральном аппарате СИС — Оперативный Директорат-4 (ОД-4) и пригласил Блейка в русский отдел своего директората.

…Во время одной из наших встреч я спросил Блейка о самом счастливом дне в его жизни. Он раскатисто рассмеялся:

— О! Самый счастливый день… Самые счастливые дни в моей жизни — и во время мировой войны, и во время войны в Корее, и после побега — когда я мог встретиться со своей мамой и сестрами. Это были для меня очень счастливые дни.

— *А самые горькие?*

— Самое трудное время — аресты и плен в Корее. Это тоже случалось в моей жизни несколько раз, — опять рассмеялся Блейк. — Моя жена всегда сравнивает меня с одним из героев «Золотого теленка», который сидел при всех режимах…

— *Фунт?*

— Да, он сидел при разных правительствах, а я в разных странах. У немцев, испанцев, корейцев, у англичан. В общей сложности девять лет своей жизни провел в тюрьмах…

Позже в своих воспоминаниях Блейк назвал самым тяжелым временем в своей жизни тот вечер, когда после допроса в Лондоне ему предъявили обвинения в работе на советскую разведку, и два следующих дня. По ходу допроса речь зашла, в частности, о том, почему важные документы «Интеллидженс сервис», относящиеся к Польше, доступ к которым был у весьма ограниченного круга лиц, в том числе у Блейка, попали в руки польской разведки. Блейку стало ясно, что в польской разведке у СИС есть свой осведомитель, причем на самом высоком уровне. Как выяснилось позже, это был один из ее руководителей, «который бежал в 1959 году в Америку и сообщил ЦРУ, что у русских есть два очень опасных шпиона в Англии: один в «Интеллидженс сервис», а другой где-то в военно-морском флоте». Это заявление в итоге привело к аресту сначала Лонсдейла и его группы, а через несколько месяцев и Блейка.

Он знал, какая серьезная опасность нависла над ним, но с матерью «приходилось вести себя так, будто все в порядке». Тем временем продолжались допросы. Джорджа обвиняли в том, что он советский агент, а он упрямо все отрицал.

А затем, как пишет Блейк, его оппоненты нащупали верный психологический ход:

«Мы знаем, что вы работали на Советы. И мы понимаем почему. Пока вы были в корейском плену, вас пытали и заставили признаться, что вы — сотрудник британской разведки. С тех пор вас шантажировали, и, не имея выбора, вы сотрудничали с ними».

— Когда они представили дело подобным образом, случилось нечто такое, что большинству людей может показаться противоречащим элементарному здравому смыслу и инстинкту самосохранения. Я бы назвал это внутренней реакцией, — продолжает Блейк. — Внезапно я почувствовал, как во мне вскипает возмущение, мне захотелось объяснить им, что я действовал по убеждению, веря в коммунизм, а не из-за пыток или денег. Это чувство было столь сильно, что я, не подумав, выпалил: «Нет, никто меня не пытал! Нет, никто меня не шантажировал! Я сам, по собственному решению пришел к русским и предложил им свои услуги!»

Эта внутренняя реакция была лишь вспышкой, но оказалась полным признанием. Сознавшись перед допрашивающими — уверен, столь же неожиданно для них, как и для себя, — что являюсь советским агентом, я стал объяснять подлинные причины, толкнувшие меня на это. Пораженные, они молча слушали меня, но их уважительное отношение ко мне не изменилось, и они не задали ни одного вопроса, ни тогда, ни после, относительно того, действовал ли я по каким-либо иным мотивам, кроме идеологических. Ни тогда, ни после они не предлагали мне помочь избежать наказания в обмен на то, что я мог им сообщить.

Потом был суд — самый сенсационный процесс в послевоенной истории Великобритании. В тот день, 3 мая 1961 года, английские газеты вышли с огромными «шапками», посвященными процессу в Олд Бэйли: «Чемпион шпионажа перед судом», «Козырный туз Сикрет Сервис на скамье подсудимых», «Ведущий сотрудник разведки перед судом в Олд Бэйли».

Прокурор пытается доказать, что подсудимый «изменил своей родине из низменных побуждений», свою речь он заканчивает так:

— Деятельность обвиняемого Блейка нанесла Великобритании неисчислимый вред. Надеюсь, мне хотя бы частично удалось дать представление о масштабах причиненного им ущерба. На протяжении многих лет Блейк срывал планы британского правительства. Это дело исключительное в своем роде, в истории нашего государства — единственное. Верю, что таким же исключительным будет и приговор, который вынесет суд. Обвиняемый не заслуживает ни жалости, ни снисхождения. В

своей деятельности он не знал этих качеств. С нашей политической системой он боролся безжалостно. Надеюсь, наказание будет отвечать мере его вины.

По закону о государственной тайне, принятому парламентом Великобритании, максимальное наказание за нарушение предусматривает 14 лет. Но «подобный приговор сочли бы слишком мягким, особенно американцы, поднявшие шум и жаждавшие крови». Как же накинуть срок? Британские крючкотворцы вспомнили один из процессов XIX века, когда судья «вынес отдельные приговоры по каждому обвинению касательно одного и того же преступления». Так и Блейку предъявили пять обвинений, разделив годы, когда он передавал информацию советской разведке, «на пять периодов в соответствии с различными постами», которые он занимал в это время, «и для каждого периода заготовили отдельное обвинение».

— По каждому обвинению я получил полных 14 лет, три срока из пяти должны были протекать последовательно, а два — параллельно, что и составило 42 года.

— Когда вас английский суд приговорил к 42 годам заключения, вы верили, что дождетесь освобождения?

— Услышав о 42 годах тюрьмы, я улыбнулся. Этот срок казался таким невероятным, за эти годы столько могло произойти, что я считал его просто нереальным. Если бы меня приговорили к 14–15 годам, это произвело бы на меня большее впечатление, чем 42 года. И, конечно, такой длительный срок — самый лучший стимул, чтобы…

— *…постараться сократить его.*

— Да, именно так. И этот приговор, самый большой во всей истории английского правосудия, привел к тому, что много людей в тюрьме и за ее стенами с симпатией, состраданием отнеслись ко мне. Поэтому мне удалось бежать. Сам срок заключал в себе зерно освобождения.

…Как-то летом 1961 года в тюремном дворе во время ежедневной прогулки встретились Джордж Блейк и Гордон Лонсдейл. Оба только начали отбывать свои огромные сроки — один 42 года, другой — 25 лет.

Лонсдейл сказал: «В 1967 году мы встретимся на Красной площади во время празднования пятидесятилетия Октябрьской революции».

Кто бы мог поверить в это?! Но именно так и случилось. Лонсдейла через два года обменяли на американского пилота Пауэрса, сбитого над СССР, а еще через три года, в 1966-м, бежал Блейк.

При нашей первой встрече, рассказывая о побеге, он о многом

вынужден был молчать.

— Все о том, кто мне помог бежать, нельзя сказать и сегодня. Кроме Шона Берка, были и другие люди.

Напомню, это говорилось в 1988 году. Годом позже в Англии вышла книга «Побег Блейка». Ее написали друзья Джорджа — Майкл Рэндл и Пэт Поттл, — которые помогли ему тогда. Они не просто признавали свою роль в организации знаменитого побега, а объясняли мотивы своих действий, «чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, почему они это сделали».

— В 1966 году после знаменитого побега из лондонской тюрьмы Уормвуд Скрабе вы, как писала тогда английская печать, будто провалились сквозь землю. Куда же вы, собственно, провалились!

— Первые четыре дня после побега я жил буквально в пяти минутах ходьбы от тюрьмы, в заранее подготовленной квартире…

— …и смотрели, как позже вспоминал ваш товарищ Шон Берк, телевизор. Срочно прервав программу, Скотленд-Ярд показывал вашу фотографию двенадцатилетней давности…

— Затем программу прервали еще раз — в картотеке тюрьмы обнаружили снимок, сделанный в июне 1965 года. На этом снимке я был без усов и совершенно не похож на себя с той, первой, фотографии…

Спустя несколько дней я перебрался на другую квартиру, подальше. Скрывался там три месяца, а потом, спрятавшись в микроавтобусе, выбрался из Англии. В Берлине, у пограничной заставы ГДР, попросил соединить меня с советским представителем. После этого вскоре я был в Москве.

Напомню, какая волна фантастических предположений захлестнула в те дни английскую прессу. «Таймс», 25 октября 1966 года: «Вероятнее всего, Блейк использовал частный самолет и улетел в Ирландию. Там он скрывается и ждет момента, когда сможет продолжить дорогу в Россию». «Дейли экспресс»: «Блейк скрылся на польском судне “Баторий”». «Ивнинг стандард»: «Блейк ушел через Бельгию в Берлин, а оттуда в Прагу и Москву. Всю операцию обеспечивала чехословацкая разведка». «Ивнинг ньюс»: «Блейк находится в советском посольстве и переодетым уедет из Британии». «Дейли миррор», 27 октября 1966 года: «Блейк уже давно в Южной Америке и ожидает выгодный момент, чтобы уехать в Россию».

— В 1970 году мир узнал о том, что вы в Москве и награждены орденом Ленина. Расскажите, пожалуйста, товарищ Блейк, что было потом, ведь прошло уже 18 лет…

И после тех восемнадцати лет прошло еще пятнадцать, и настал 2003 год. Тот самый, когда Блейк должен был выйти из

тюрьмы Уормвуд Скрабе. Третьего мая 2003 года близкие друзья Георгия Ивановича поздравили его «с освобождением».

Как складывалась его жизнь в Москве?

— Думаю, моя жизнь сложилась удачно. Правда, первая работа, которой я занялся в Москве, меня не очень устраивала, потому что это была работа на дому, не хватало общения с людьми. Вскоре мне предложили трудиться в коллективе. Вокруг интересные, приятные люди, и я до сих пор работаю вместе с ними. Рад, что познакомился с обыкновенными людьми и через мою жену, и через сына.

Зимой каждую субботу и воскресенье мы вместе катаемся на лыжах, стараемся как можно больше быть на природе. Очень люблю природу. Люблю читать, слушать классическую музыку — Генделя, Баха, музыку XVII–XVIII веков. С большим удовольствием хожу в театр, особенно на русскую классику — Гоголя, Островского.

И вот еще что хочу сказать: я на себе почувствовал радушие и гостеприимство русского народа. Ваши люди тепло, душевно, тактично относятся к иностранцам, которые живут среди вас. Эта благожелательность очень облегчает жизнь, и мне она здорово помогла обосноваться здесь среди советских людей.

— О каких событиях своей биографии вы вспоминаете чаще всего?

— Я не слишком часто думаю о прошлом, хватает забот о делах сегодняшних. Но когда выпадает свободный час, интересуюсь историей Сопротивления, в частности в Нидерландах. С интересом читаю о том времени, вспоминаю, как люди жаждали освобождения, буквально ловили новости с фронта, ждали, когда же рухнет фашистская империя…

— Через вашу жизнь прошли разные страны, многие народы. Ваши наблюдения?

— Мой опыт жизни среди разных народов убеждает: внешние различия — это тонкий слой, а в сути своей все народы, все люди одинаковы. Это мое глубокое убеждение. Можно найти общий язык с человеком в любой стране, если понимаешь: этот человек — как ты. А еще у меня сложилось мнение, что самая лучшая часть каждого народа — женщины.

Жизнь подарила мне много прекрасных друзей. Назову одного из них — Дональд Маклин, до побега в 1951 году в СССР он заведовал американским отделом МИДа Великобритании. Я считаю, это был настоящий коммунист.

Свою жизнь Маклин посвятил служению Советскому Союзу и коммунизму. Его отличала высочайшая нравственность. Если бы у коммунистов были святые, он был бы одним из них. Редкостная

доброта, участливость, внимание сливались в прекрасный характер, в замечательную личность. Он был и крупным ученым. И я всегда питал к нему огромнейшее уважение.

— Вам самому не хотелось бы написать о себе книгу?

— Я думаю об этом.

…И вот эта книга передо мной. «Иного выбора нет» — так озаглавил ее Джордж. Начал читать и не оторвался, пока не перевернул последнюю страницу. И не только напряженный сюжет, не только острая интрига вновь захватили внимание — привлекла исповедь человека, который, мучаясь и терзаясь, искал свою духовную опору, делал свой выбор.

Небезынтересны даты, связанные с этой книгой-исповедью. Она ушла в печать в самом начале 1991 года, на прилавках книжных магазинов появилась где-то в середине лета, а под автографом — один из последних дней года. Книга вышла в Советском Союзе, а дарственные экземпляры Джордж подписывал, когда Союза, его давней надежды, его обманутой мечты, уже не было.

В те послеавгустовские дни какие только вздорные слухи не бродили по распадавшейся стране.

Мелькало на газетных полосах и имя Блейка: мол, новые власти собираются выдать его Англии. Потом, правда, последовало опровержение. Жаль, тогда нам не удалось встретиться, спросить, как пережил он те угрозы. Знаю только: Блейк от своих убеждений не отказался, хотя действительность, с которой он столкнулся в стране «победившего социализма», еще раньше заставила его на многое посмотреть иначе. На многое. Но не на свои идеалы.

— Я стал коммунистом из-за идеалов коммунизма… мои поступки были продиктованы только идеологическими соображениями, но никогда материальной выгодой.

— Конец моей истории близок, и теперь, оглядываясь на прожитую жизнь, правомерно задать вопрос: что же случилось с моей мечтой построить коммунистическое общество, это царство справедливости, равенства, мира и всеобщего братства людей? Нужно быть или слепым, или жить с закрытыми глазами, чтобы за пять лет перестройки не увидеть: великая попытка построить подобное общество потерпела крах. Сегодня никто в Советском Союзе или где-нибудь еще не сможет всерьез утверждать, что мы движемся к коммунизму. Напротив, мы уходим от него все дальше, ориентируясь на рыночные отношения, частную собственность и частное предпринимательство… Если все пойдет хорошо и не будет гражданской войны, мы сможем получить смешанную экономику и тип общества, против которого не станет

возражать ни один социал-демократ.

Но почему все кончилось крахом?

Блейк нашел свой ответ: по его мнению, новое общество так и не породило человека нового типа. Можете с ним спорить или соглашаться. Он во всяком случае и сегодня уверен: человечество еще вернется к этому идеалу.

Приведу несколько строк из предисловия, которое написал Джордж Блейк к книге советских разведчиков Хелен Крогер, Питера Крогера и Гордона Лонсдейла (Молодого), которую в 2001 году издал Центр изучения общественных и политических проблем Алексея Жилина. Это — удивительная книга. В ней только письма, которые посылали друг другу Питер и Хелен Крогер и Гордон Лонсдейл из английских тюрем. На казенных бланках стоял штамп: тюрьма Ее величества. Составители так и назвали книгу: «Письма из тюрем Ее величества».

«Я разделял многие их взгляды, — пишет Блейк о своих друзьях, — и особенно меня привлекало отношение Питера к жизни, его философское принятие болезни, старости и небольших невзгод ежедневной жизни. И, конечно, я разделял их разочарования в том, что наша мечта о создании коммунистического общества в наше время не сбылась».

Обратим внимание на эти слова: не сбылась в наше время.

И еще одна деталь из этого предисловия, за которым виднеется и характер самого Блейка. Он отмечает дорогое для него качество товарищей: беспредельную верность делу, которому они посвятили свою жизнь.

— МИ-5 (английская служба безопасности) неоднократно предлагала, особенно в первое время их заключения, предоставить им свободу, а также возможность вести спокойную и обеспеченную жизнь в одной, из стран Британского Содружества вне досягаемости возможной советской мести в обмен на согласие сотрудничать и сообщить информацию о своей работе и работе других лиц в пользу советской разведки. И каждый раз Питер и Хелен непоколебимо отвергали подобные предложения и даже вообще отказывались видеться с представителями МИ-5.

Так же поступал и Джордж Блейк.

…Однажды Джордж Блейк попросил, чтобы его прах развеяли в подмосковных лесах, где он так часто гулял и катался на лыжах с женой и сыном. Тогда можно будет сказать, напоминает он известное библейское выражение, «не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его».

В. АНДРИЯНОВ

Моррис и Лона Коэн

Эта семейная пара нелегалов считается одной из самых результативных в советской разведке. Во многом именно благодаря им и добыты секреты американской атомной бомбы. Звание Героев России Лоне и Моррису было присвоено посмертно… Но с Моррисом Коэном, Питером Крогером, Санчесом, Израэлем ОльтИвашутинманном, Бриггсом, Луисом — едином в одном лице — мне удалось встретиться незадолго до его кончины. Пожалуй, я единственный русский журналист, которому так повезло. Наша беседа летом 1994-го длилась часа четыре и помогла понять многое в весьма сложной и запутанной истории их жизни.

Мне почему-то казалось, что Моррис живет где-то в дачном поселке за высоким забором или на какой-то специальной квартире далеко от центра. Выяснилось: мы почти соседи. Большой дом на Патриарших прудах, нелюбопытный лифтер, крепенькая медсестра, тактично поддерживающая под локоток прихрамывающего, седого как лунь, старичка с палочкой. Его русскому языку далеко до совершенства, хотя объясниться с окружающими Моррис со страшным акцентом, но вполне может. Впрочем, прикрепленный к нему офицер Службы внешней разведки, навещавший Коэна несколько раз в неделю, безупречно говорил по-английски. Да и со мной Моррис предпочел общаться на этом, своем родном, совсем не забытом, легком, весьма интеллигентном языке. Если уж мы изредка переходили на русский, то Моррис обращался ко мне на «ты». Впрочем, и медсестрам, и остальным он тоже говорил только «ты».

Экскурсия по уютно, но без излишеств, обставленной трехкомнатной квартире не дает забыть, у кого в гостях находишься. На видных местах фото двух наших разведчиков-нелегалов — Фишера-Абеля и Молодого-ЛонИвашутинсдейла. Так уж сложилась судьба, что с обоими Коэнам довелось поработать. С первым — в США, со вторым — в Великобритании. Рядом в рамочке фотография Юрия Андропова, он в свою бытность председателем КГБ СССР заглядывал в эту квартиру. Портреты Морриса и Лоны написаны, как объясняет мне хозяин, «товарищем из нашей службы». Знаю, что это за товарищ. Кому как не полковнику СВР и заслуженному работнику культуры, художнику Павлу Георгиевичу Громушкину было доверено создать серию портретов наших героев-нелегалов. А рядом — некоторым диссонансом — веселые и цветастые стенные газеты, открытки, написанные подчас крупным детским почерком. Нет,

не забывали Морриса внуки и правнуки российских чекистов, вместе с которыми Моррис и Лона рисковали за кордоном. Чуть суховатая, несколько академическая квартира согревается теплом. Мне рассказывали, что после смерти Лоны от рака в 1993-м этого тепла Моррису очень не хватало. Он грустил, и забота прикрепленных офицеров из СВР не давала впасть в депрессию.

Помимо фотографий о редкой профессии хозяина говорили и книги. Для большинства читателей — в них история разведки, для Морриса — его собственная. Тяжело опираясь на палку, привычно достает том, сразу же открывает на нужной странице: «Вот англичане пишут, будто я сделал то-то. Не совсем так». Или: «В США до сих пор верят, что… Пусть они остаются при своих заблуждениях».

А в коридоре большой рисунок типично испанского дома с колоннами, около которого Моррис, приехавший в ту страну под именем Израэля Ольтманна, надолго задерживается: «Приглядитесь к особняку, какие колонны, а? Я потом вам объясню». И пошли воспоминания о гражданской войне в Испании, о товарищах, которые уже ушли. Характеристики точны, я бы сказал, резки, хлестки, о некоторых трепачах Коэн отзывается без всякого уважения, особенно о парочке болтливых французов. А несколько человек из Интербригады в то время еще были живы. Кое с кем мой гид вел переписку из Москвы: создавался музей памяти интернационалистов, и Моррису было что в него передать. Один друг, с ним Моррис сражался в гражданскую бок о бок, хотел было приехать, вроде и формальности уладили, но внезапно замолчал, пропал. У Морриса, едва ли не в первый и последний раз за нашу встречу, на глазах слезы. Похоже, друга больше нет. Они воевали в Испании, ходили в атаку. Интербригады, Франко, фашизм…

Именно фашизм подтолкнул тогда многих, даже далеких от марксизма, в объятия Страны Советов. Гражданская война в Испании — первое открытое вооруженное столкновение с крепнущей коричневой угрозой — сплотила тысячи антифашистов, невольно превратив их в огромный подготовительно-отборочный класс советской разведшколы. Оттуда, из Испании, в ряды тайных бойцов шагнули десятки, если не сотни, преданных бойцов. Среди них был и Моррис Коэн.

Он прошел по всем ступеням, ведущим в друзья СССР. Член Лиги молодых коммунистов, еще в детстве слышавший на нью-йоркской Таймс-сквер Джона Рида и до последних дней считавший его «лучшим оратором в моей жизни». Ночами студент-агитатор Коэн расклеивал листовки в студенческом

кампусе. Потом превратился в распространителя коммунистической печати и партийного организатора. Вопреки придиркам преподавателей, пытавшихся на всех экзаменах завалить молодого и настырного коммуниста, он получил диплом учителя истории. А практический курс исторических истин отправился добровольно осваивать на гражданскую в Испанию, где сражался под именем Израэля Ольтманна.

Ему везло и не везло. Командовал взводом, метко стрелял, но в сражении при Фуэнтес д'Эбро был серьезно ранен: прострелены обе ноги. В барселонском госпитале его лечили почти четыре месяца. Он уже сам помогал выхаживать лежачих, они вместе проклинали Франко с тем большей яростью, чем чаще одерживал победы генерал. Грустно, но каждая битва приближала к концу — и совсем для них несчастливому.

Наверно, понимали это не только добровольцы из Интербригад, но и советские советники, их опекавшие. Благоприятного для вербовки момента упускать было никак нельзя. И вот тут-то, в 1938-м, они отправили прямо на грузовике выздоравливающих, числом человек в 50–60, в двухэтажный особняк, вид которого Моррис с непонятной мне в тот момент настойчивостью и демонстрировал в прихожей. Особнячок (сколько же, интересно, людей через него прошло?) и довел Коэна до Москвы. Он был третьим из американцев, которого пригласили «на интервью». Не все, с кем говорили и кому предлагали, согласились идти в разведку. А Моррис без колебаний сказал «да».

Некоторые авторы книг настаивают: Коэн — это последняя перед побегом в США и самая удачная вербовка резидента Александра Орлова. Однако Коэн в разговоре со мной версию об Орлове решительно высмеял. Были другой человек и другая беседа в том особнячке с четырьмя колоннами. Но результат тот же: в 1939 году, когда в Нью-Йорке развернулась международная выставка, в кафе неподалеку от нее к Коэну подсел приехавший из Москвы молодой паренек. По виду — явный, как и Коэн, еврей. Подозреваю, что в твердой транскрипции фамилия Морриса звучала бы скорее как Коган. А настоящее имя встретившегося с ним сотрудника советских органов безопасности — Семен Маркович Семенов. Одесский мальчик из бедной еврейской семьи, он закончил Московский текстильный институт и с 1937-го служил в НКВД. В США он успевал делать сразу два важных дела: учиться в Массачусетском технологическом институте, диплом которого впоследствии и получил, а также активно работать в резидентуре советской внешней разведки под псевдонимом Твен. Два соотечественника и почти ровесники

понравились друг другу. Коэн пригласил его заглянуть к нему домой.

Там, в скромном жилище Морриса, а не в кафе на глазах у всех, Твен и протянул новому знакомцу сломанную расческу. «Вещественный пароль», как говорят в разведке, точно пришелся к другой половине, захваченной Моррисом из Барселоны. Твен и стал первым — из шести — советским куратором, который приступил к работе с Луисом. Такой оперативный псевдоним присвоили Моррису в Центре. В 1941-м, женившись, он, Луис, завербовал, конечно же с разрешения Москвы, и жену ЛеИвашутинонтину или коротко Лону, которая получила кодовое имя Лесли.

В двух-трех пухлых зарубежных изданиях Коэна с определенной долей сомнения называют американцем, а вот Лону зачислили в советские разведчицы. Якобы нелегально заброшенная в Штаты Леонтина фиктивно вышла замуж за Морриса. На самом деле Леонтина Тереза Петке родилась в 1913 году в Массачусетсе. Родители эмигрировали в Америку из Польши, и в жилах ее действительно текла славянская кровь.

Член компартии США, профсоюзная активистка, она познакомилась с будущим супругом там, где и должна была познакомиться: на антифашистском митинге. Догадывалась о связях мужа с русскими. Когда ему разрешили раскрыться перед женой, сразу же согласилась работать из тех же бескорыстных побуждений. Как рассказывал один из российских кураторов Коэнов, любая попытка вручить им вознаграждение вызывала решительный отпор. В конце концов договорились, что «Волонтеры», как окрестили его группу в Москве, будут принимать деньги не за добытые сведения, а исключительно на оперативные нужды: покупку пленок, фотоаппаратов, поездки на поездах и такси.

Так однажды Моррис на пару с Лоной вывезли с военного завода новейший пулемет. Этот эпизод из их деятельности запомнился Моррису потому, что ствол был тяжелый, длинный и никак не поместился бы в нанятый кеб. Пришлось втискивать его в багажник машины с дипломатическим номером, понятно, какой страны. Зато сэкономили на такси, как пошутил Моррис.

Кстати, пулемет в полном сборе «достала» Лона-Лесли — одно из ее многочисленных свершений в нелегальной разведке. Незадолго до ее кончины СВР России помогла осуществить одной из своих героинь мечту: организовала приезд в Москву из США родной сестры Леонтины. Формально въезд в Штаты не был закрыт и для миссис Коэн. Ни против нее, ни против мужа никаких официальных обвинений не выдвигалось. Правда, когда

в 1957 году в Нью-Йорке арестовали советского разведчика под именем Абель, в вещах его нашли две фотографии для паспортов супругов. Агенты ФБР осведомились у соседей уже скрывшихся Коэнов, не видели ли они когда-нибудь этого русского полковника. Соседи искренне колебались: кажется, однажды под Рождество этот скромно одетый человек наведывался к Моррису и Лоне. Но уверенно подтвердить не рискнули.

Добравшись до СССР, Коэны приняли советское подданство, и Моррис с гордостью продемонстрировал мне свой довольно-таки обтрепанный паспорт, сказав, что он такой же гражданин России, как и я, попросив в придачу никогда больше не называть его мистером. Или товарищем, или просто Моррисом, или Питером. Тут, замечу, он и сам слегка путался в собственных именах и, рассказывая о жене, называл ее всякий раз по-разному — Лесли, Лона, Леонтина, Хелен. Один разок прорвалось и совсем необычное имя. Детей у супругов не было, и о причинах догадаться несложно.

Хотя есть и другая версия. Играя в американский футбол, Моррис получил страшный удар ногой в пах. Тут начало забавной истории. Статистика любимой в США игры ведется безукоризненно. И во многом благодаря увлечению этим футболом Морриса ФБР установило, что Моррис Коэн коренной американец. В колледже он, родившийся в Нью-Йорке в 1910-м, выступал за сборную и даже получал спортивную стипендию. Моррис подтвердил мне, что играл, не жалея себя. Особенно в юные годы: «Может, поэтому у меня до сих пор болит и ноет по ночам разбитая на игре в Миссисипи коленка. А еще в одной схватке меня так саданули прямо между ног, что с поля унесли на носилках. Долго лечили…» И тяжелый вздох.

Почти что за год до кончины Коэн не знал, остались ли у него в США родственники. Отец родом из-под Киева, мать — из Вильно, а в Нью-Йорке жили в страшной бедности в районе Ист-Сайда. По-русски, вспоминал Моррис, никогда не разговаривали, и у меня есть все основания в этом не сомневаться.

Люди, знавшие чету Коэнов достаточно близко по их московскому периоду, как и полковник Юрий Сергеевич Соколов, один из их шести связников, работавших с ними в США, утверждают: у разведчиков-нелегалов была идеальная совместимость. Верховодила вроде бы Лона, однако все решения принимал молчаливый Моррис. Лона щебетала по-русски, он погружался в книги на английском. Правда, во время встречи признался мне, что теперь долго читать не может — болят глаза.

На длинный список моих напечатанных по-английски вопросов смотрел через огромную лупу. На многие из них ответов

не последовало. Несмотря на возраст, показал себя большим мастером уходов в сторону. Рассказывал о трудном нью-йоркском детстве, об отце — сначала уборщике, потом торговце овощами. Между прочим я понял, что многие конспиративные встречи проходили именно в отцовской лавке. Видимо, отец не только догадывался, но иногда и помогал.

С удовольствием вспоминал лишь о хрестоматийном эпизоде с вывозом чертежей из засекреченной атомной лаборатории в Лос-Аламосе, где так отличилась Лесли. Не могу его не привести, несмотря на то, что подвиг описан во многих книгах и вошел в учебники разведки разных стран как пример не только мужества нелегального разведчика, но и находчивости и невиданного хладнокровия.

Шла война, и в июне 1942-го Коэна мобилизовали. Служил в разных местах, даже где-то на Аляске. Так что из армии было не выбраться. Вот и пришлось Джонни — еще один связник группы «Волонтеров», он же легальный советский разведчик Анатолий Яцков, — посылать на встречу с неведомым агентом Персеем в неблизкий от Нью-Йорка Лос-Аламос Лону Коэн. Она и должна была взять у незнакомого молодого человека, трудившегося в секретной атомной лаборатории, «что-то» и передать это «что-то» Яцкову или, как говорит Моррис, «нашим» в Нью-Йорке. Лона, по признанию Морриса, не слишком догадывалась, за чем именно едет.

Получила с трудом отпуск, ведь работала на военном заводе, и чуть обезопасилась свидетельством нью-йоркского врача. Отправляется на курорт Альбукерк подлечить легкие. А это недалеко от Лос-Аламоса или Карфагена, как называли его в Центре. Но и в Альбукерке за приезжими тоже приглядывали, поэтому Лона и поселилась в Лас-Вегасе, городке, название которого абсолютно схоже с именем мировой столицы светящихся и разорительных казино. Снимала комнатенку у какого-то железнодорожника и лечилась, принимая процедуры. Перед отъездом ей показали неясное фото агента, вошедшего затем в историю под именем Персей. Даже тех, кто работал в атомной лаборатории, из закрытой зоны в город выпускали лишь раз в месяц по воскресеньям. В этот день они с Лоной и должны были встретиться в Альбукерке на оживленной площади у храма. Признаться, здесь, на мой непросвещенный взгляд, кураторы из Центра перемудрили. Помимо пароля, юный Персей должен был держать в правой руке журнал, в левой — обязательно желтую сумку, из которой торчал бы рыбий хвост. И не просто рыбий — а сома. Если сумка повернута к Лесли лицевой стороной с рисунком, то к Персею можно подходить смело: слежки нет,

обмен паролями и передача сумки.

Лесли пришлось изрядно понервничать. У нее уже заканчивался отпуск, а Персей все не приходил. Говорят, что даже удачная, но рискованная конспиративная встреча отнимает у разведчика месяц жизни. А Персей объявился только на четвертое воскресенье. Журнал он держал не в руке, а в сумке. Молодой парень перепутал и пароль, а затем с ходу признался Лесли, что забыл, в какой же день должна была состояться встреча. Но нервные клетки были потрачены не напрасно. Между рыбиной, это действительно оказался сом, и журналом лежали полторы сотни документов. От себя добавлю: важность и значительность их были таковы, что уже сравнительно скоро о содержании переданного из США творец советской атомной бомбы доложил отвечавшему за создание атомного оружия Берии, а тот — Сталину. Сообщил мне Моррис и деталь, которая за годы, прошедшие с нашей с ним встречи, так и осталась неразгаданной подробностью. Оказалось, что то был не единственный раз, когда Лесли отправлялась в рискованный путь именно в те края.

Да и первое путешествие чуть не завершилось провалом. Ни Лесли, ни резидентура не подозревали, что все уезжающие из городков поблизости от Лос-Аламоса обыскиваются на вокзале. Слава богу, Лесли обнаружила это еще на подходе к железнодорожной станции. Сознательно замешкалась, выскочила на платформу с тяжеленным чемоданом за несколько минут до отхода поезда и ринулась к своему вагону. Изображая беспомощность, обратилась прямо к сотруднику спецслужбы, досматривавшему вещи пассажиров. Разыграла сценку потери билета, всучила ему в руки коробочку из-под бумажных носовых платков, в которой и были запрятаны полторы сотни атомных документов. Поезд уже тронулся, когда

Лесли наконец «нашла» билет. Обыскивающий ее чемодан сотрудник еле успел передать в отходивший поезд коробку, так никогда и не узнав, что за драгоценность ему намеренно сунули прямо в руки. Лесли чудом избежала провала. А в СССР, кто знает, могли бы в срок и не изготовить собственную атомную бомбу: ниточка потянулась бы к Персею и один из ценнейших наших атомных агентов был бы обезврежен.

Питер Крогер знал истинное имя этого человека. Тот сам обратился к Моррису с просьбой вывести его на русских, ему подсказали, что Коэн работает в «Амторге». Моррису поручили провести с парнем прямой разговор. Встретились в ресторане «Александере», продолжили, как я понял, в лавке отца. И началось сотрудничество Персея с советской разведкой.

Но о том, чтобы раскрыть имя агента, — ни намека. Тогда в

1994-м Моррис лишь сухо заметил, что во всей Службе внешней разведки осталось двое-трое людей, которые могут знать истинное имя Персея — молодого гениального ученого. Одно упоминание о вознаграждении приводило этого паренька, по словам Морриса, в ярость. Он работал бескорыстно, как и вся его группа. Замыкался на нем, Коэне, и еще на одном «нашем товарище». Теперь, когда Морриса нет, удалось выяснить и имя этого «товарища» — это американский журналист Курнаков. Впрочем, выяснилось, что и тут Моррис недоговаривал. Был и еще один наш разведчик, который выходил на связь с Персеем уже гораздо позже. Имя этого офицера оглашению не подлежит, надеюсь, только пока. Так что цепочка довольно короткая. Предатели Персея не знали, арестованные разведчики и агенты, если и догадывались о его существовании, не выдали. А в конце разговора Коэн меня ошарашил, сказав: «Надеюсь, что Персей и сейчас живет в США тихой, мирной жизнью. Ему есть чем гордиться».

Теперь, годы спустя, конечно, понимаю, что Коэн знал о судьбе Персея, на что дал мне не свойственный для себя толстый намек. Был уверен, что имя ценнейшего добытчика уникальных сведений никогда не откроют.

Но и великий Коэн ошибся. Настоящая фамилия добровольного помощника — Теодор (Тед) Холл. После войны отошел от сотрудничества с советской разведкой. До 1962 года жил в США, затем переехал в Англию, где работал в Кавиндишской лаборатории и сделал несколько выдающихся открытий в области биофизики. Тяжело заболел и последние дни провел на вилле на французском побережье напротив Британии. О его деятельности «в пользу русских» стало известно из-за предательства ничтожного человечка, сбежавшего из России за границу. Но Холл, который вместе с женой и в старости придерживался левых взглядов, был неуклонно тверд. На вопросы журналистов, как и на открытые обвинения в шпионаже в пользу Советов, гордо не отвечал. Умер от рака в 1998 году, напоследок признавшись, что, «не будь у СССР и США ядерного паритета, дело могло закончиться атомной войной. Если я помог избежать этого сценария, то соглашусь принять обвинения в предательстве».

Заканчивая рассказ об американском периоде работы Коэнов, замечу, что, по всей видимости, в его группу с названием «Волонтеры» входили и казненные потом супруги Розенберги, и талантливый ученый Джоэл Барр, и многие другие, снабжавшие Советский Союз ценнейшими сведениями.

Леонтина и Моррис продержались в США на своих

немыслимо дерзких ролях около двенадцати лет. Импульсивная эмоциональность Лоны, ее любовь к риску достойно уравновешивались его холодной рассудительностью, осторожностью. К тому же работавшие с ними русские берегли эту пару не только с профессиональной, но и с душевной ответственностью.

Однако благодаря операции «Венона» американская разведка расшифровала послания КГБ военных лет. И в Центре поняли: «Волонтеры» — под угрозой. В 1950 году их стали потихоньку выводить из игры. О достижениях дешифровальщиков США в Москве, понятно, не догадывались, но другой ценный агент немец Фукс уже был арестован в Англии. И вот уже упоминавшийся в этой книге Юрий Сергеевич Соколов — связник полковника Абеля — в один далеко не прекрасный день пришел прямо домой к Коэнам. Нарушив все разведывательные заповеди, он долго убеждал Морриса и Лону: надо уезжать. Боялись прослушивания и вели громкий разговор о постороннем, при этом переписываясь на бумаге. Лона жгла исписанные листы в ванной комнате, наполнившейся в конце затянувшейся беседы клубами дыма. Моррис убеждал, что как раз-то сейчас, когда работа налажена, уезжать глупо. Они столько могут сделать и, если надо, перейдут ради этого на нелегальное положение, используя чужие паспорта. Соколов уговаривал не рисковать. И когда Моррис вывел на бумаге: «Это приказ?» — ответом ему было короткое: «Да!» И тогда Коэн написал: «Значит, нечего дискутировать. Мы согласны».

Летом 1950-го они вовсю готовились к отъезду. Для друзей была создана целая легенда. Она была столь похожа на истину, так переплеталась с жизнью, которую они вели, что подозрений не возникло даже у близких. Коэн делал дело, которым очень гордился и которое ему приходилось вот так решительно бросать. Что ждало его и Лону? Ему предстояло покинуть страну и родной Нью-Йорк, который, он сам мне в этом признался, «изучил как свои пять пальцев». К тому же они слышали о жестокости Сталина. Да и бежать надо было быстро. Вскоре у них появились паспорта на имя супругов Санчес. Кстати, и здесь Провидение подсказывало: надо сматываться — и срочно. Ведь Клода-Соколова, случайно нарушившего правила и проехавшего на красный свет, чуть не арестовали. А на руках у него были их паспорта с новыми фамилиями.

Многих путешествие на пароходе по маршруту Нью-Йорк — мексиканский порт Веракрус, да еще за чужой счет, обрадовало бы. Но только не их. При прощании с отцом, это рассказал мне в Москве Моррис, он «эмоционально не выдержал, чуть не опоздал

на судно. Отец тоже понял, что нам больше никогда не увидеться. Один из тяжелейших моментов моей жизни».

Так бесследно исчезли из квартиры на 71-й нью-йоркской Ист-стрит Лона и Моррис Коэны. Выждав, как и договаривались, некоторое время, отец со вздохом сообщил знакомым, что сын с женой покинули Штаты, чтобы попытать счастья в иных краях, и закрыли свой банковский счет. По-американски сие обозначало уплыть с концами…

А они после парохода добирались до Москвы не самым коротким путем. Сначала Мексика и конспиративная квартира советской внешней разведки. Затем Франция, Германия, Швейцария, Чехословакия и конечный пункт — Москва. Отрезок Женева — Прага оказался наиболее опасным. Рейсы в столицу социалистической Чехословакии — раз в неделю, билеты проданы, а давить, требовать места им было никак нельзя. Да и паспортный контроль в аэропортах уже тогда был обеспечен. В поездах в те годы его иногда удавалось избежать. Хелен была на пределе. Гонка по странам давила на психику. И они решили рискнуть: перебираться в Прагу через германскую границу. Была и тут сложность. В ту пору для редких американцев, направлявшихся в страны коммунистического блока, требовался маленький вкладыш в паспорт. Он выдавался в Государственном департаменте или в консульствах США за границей. В них-то Коэнам, странствующим под еще одной новой фамилией — супруги Бриггс, обращаться хотелось меньше всего. За время путешествия могло произойти что угодно. Что, если их уже разыскивали по всему миру?

Двинулись поездом, без вкладыша. Надеялись, пронесет. Но нарвались на проверку документов. Немцы высадили из вагона, и строгий офицер отдал приказ: «Следуйте за мной!» Задержали их в ночь на субботу, и старательный немец тотчас принялся названивать в ближайшее американское консульство. К счастью, телефон не отвечал: уикенд для дипломатов — святое. Глупо было попасться вот так, после всего того, что они сделали и после стольких миль пути. Впрочем, супругов Бриггс могли тормознуть и в аэропорту. Еще не арест, но очень и очень рядом. Надо было действовать, что-то предпринимать, и миссис Бриггс подняла типичный американский скандал — орала на немцев: «Кто в конце концов выиграл войну — Штаты или вы?! Не имеете права задерживать американскую делегацию!» Это было в стиле Лоны: чем труднее ситуация, тем быстрее она ориентировалась и решительнее действовала. А уж голос был у нее в те годы громкий. И испуганные пограничники слегка дрогнули, привели какого-то заспанного малого — сержанта американской армии.

Тот спросонья быстро вошел в положение соотечественников, ссаженных с поезда «этими немцами». Оно, впрочем, было еще более нелегким, чем ему представлялось. Парень тут же и при Бриггсах обратился по телефону к своему военному начальству. Но и там ответили, что генерал, от которого все зависело, приедет к девяти утра. Сержант явно сочувствовал милой паре, притащил откуда-то вино «Либе фрау Мильх», и Бриггсы принялись отмечать с ним свой идиотский арест или нечто вроде того. Лона, сменив гнев на милость, пригласила на рюмку и двух задержавших ее с мужем немецких офицеров. Лона разошлась, «Либе фрау» поглощалось пятеркой странного состава все быстрее — одна бутылка за другой. Однако генерала, которому сержант несмотря ни на что дисциплинированно названивал, не было ни в девять утра, ни в десять. Может, тоже загулял? И сержант, желая помочь своим, попытался запросить насчет бедных Бриггсов кого-то в Мюнхене. Кажется, мышеловка захлопывалась.

И вдруг пришел он, шанс. Каждый разведчик всегда его ждет, а шанс изредка появляется, но чаще всего — нет. Однако тут он возник. Во-первых, закончилось вино. Во-вторых, сержант торопился на свидание к хорошо знакомой ему Гретхен. В-третьих, немецкие офицеры-пограничники напились и по команде младшего по званию американца с трудом поставили свои неразборчивые закорючки в паспорта таких компанейских супругов-американцев. И, в-четвертых, почему-то как раз подоспел поезд на Прагу, и рыжий сержант любезно посадил в него новых знакомых. Он даже забросил на полки их чемоданы. Короче, 7 ноября 1950 года Коэны отмечали уже в Праге.

Правда, в чешской столице что-то не сработало, и никто их там, вопреки всем обусловленным в тщательно продуманной операции деталям, совсем не ждал. Тогда 7 ноября праздновали и в Праге, связаться с кем-либо — сложно. Но в гостинице они чувствовали себя в безопасности. Их напугал сильный стук в дверь, но то была всего лишь горничная, вежливо осведомившаяся, не нужен ли телефон американского посольства. Хелен ответила, что нет.

В Праге в силу разных сложных и пока непонятных обстоятельств им пришлось провести месяц. И все равно ждать отправки в Москву там, нежели в каком-нибудь Париже или Берлине, им было гораздо приятнее.

Прибытие в аэропорт Внуково их немало расстроило и даже испугало: опять никто не встречал. В голову лезли мысли: «Что, если Сталин арестовал товарищей, с которыми мы работали?» Прошли паспортный контроль, таможню — никого. Заметив смятение болтавшихся у выхода иностранцев, шофер автобуса на

площади предложил подбросить их все туда же — в американское посольство. Далось же это посольство и чехам, и русским! Отмахнувшись от назойливых предложений, они попросили довезти их до единственной московской гостиницы, о которой слышали. В «Национале», только годы спустя они поняли свое страшное везение, их сразу и без брони поселили в неплохом номере.

Наступал вечер, русских рублей у них не было, а от долларов в гостинице отказывались, будто на них симпатичные американцы хотели закупить советские военные секреты. С некоторыми усилиями удалось заказать в комнату чай с сухим печеньем. И тут ворвались друзья из Службы. Теперь Лесли и Луис были дома и пили нечто покрепче.

Дальше в биографии Коэнов — трехгодичный пропуск, который Моррис так и не захотел восполнить. Из других источников известно, что после короткого отдыха они штудировали с советскими преподавателями то, чему двенадцать лет на практике обучались «на курсах самоподготовки» в США, а именно — работу разведчика-нелегала.

Как бы то ни было, под Рождество 1954 года в доме 18 по Пендерри Райз в Кэтфорде, что на юго-востоке Лондона, обосновалась приятная семейная пара. Питер и Хелен Крогер приехали в Великобританию из Новой Зеландии. 44-летний глава семьи приобрел небольшой букинистический магазинчик поблизости. Дело у него поначалу двигалось вяло. Иногда путался не в книгах — здесь он как раз был силен, а в финансах. Соседи и те поняли, что интеллигентный, мягкий Питер — букинист из начинающих. Резидент-нелегал Конон Молодый, он же бизнесмен Гордон Лонсдейл, хорошо знакомый им по работе в США под кличкой Бен, придерживался прямо противоположного мнения. У него появилась пара надежных связников-радистов. За шесть лет в Лондоне трио успело немало.

Он проработали до 1961 года. Арест застал их врасплох, хотя за несколько дней до провала и почувствовали слежку. Столько шпионских принадлежностей сразу, сколько отыскали в домике на Пендерри Райз, британская контрразведка еще не видела. Они уже отсиживали свой срок, а в саду, в доме то и дело натыкались на запрятанные, закопанные предметы, в предназначении которых никаких сомнений не возникало.

Причина ареста трагически банальна — предательство. Продал разведчик дружественной нам тогда Польши. Суд продолжался лишь восемь дней. «Дружище Бен» — Лонсдейл получил 25 лет. Он мужественно взял всю вину на себя, всячески выгораживая Крогеров. А те, вопреки тяжелым уликам в виде

радиопередатчиков и прочего, настаивали на своей невиновности и не выдали ни единой фразой связи с советской разведкой.

Не всплыли зато ни их настоящая фамилия, ни то, чем Коэны-Крогеры занимались двенадцать лет в Соединенных Штатах. А ведь уже отсиживал свое в американской тюрьме русский полковник, взявший при аресте фамилию Абель. Человек, которому они в Нью-Йорке передавали секретнейшую информацию. Тут видится мне какая-то необъяснимая неувязка. Неужели американские спецслужбы не связывались с коллегами-англичанами, не обменивались сведениями? Нет, что-то здесь не так, и, уверен, со временем это «что-то» тоже выплывет наружу.

В Англии все они наотрез отказались сотрудничать и с судом, и с британской контрразведкой, а Крогеры даже не захотели обсуждать предложение о смене фамилии и вывозе из страны в обмен на понятно что. Может, и поэтому приговор вынесли суровый — Хелен 20 лет, Питеру 25. Это решение было воспринято всеми тремя, по крайней мере внешне, с профессионально сыгранным безразличием. Они сохраняли его все девять лет мотаний по тюрьмам Ее величества.

Морриса переводили из камеры в камеру, перевозили с места на место. Боялись, убежит или разложит своими идеями заключенных. Сидел и с уголовниками: сотрудники спецслужб надеялись, что сокамерники сломают русского шпиона и уж тогда… Но Коэн находил с ними общий язык. В уголке большой комнаты его квартиры на Патриарших прудах примостился здоровенный медведь в голубом плюше. Тюремный подарок на день рождения от знаменитого налетчика, совершившего «ограбление века» — банда увела из почтового вагона миллион фунтов стерлингов наличными.

Сотрудника британской СИС Джорджа Блейка, долгие годы передававшего ее секреты советской разведке, судили в том же 1961-м и приговорили к 42 годам. И вдруг каким-то чудом или по недосмотру они оказались вместе в лондонской тюрьме Скрабе. Они с Питером-Моррисом стали друзьями до конца жизни. Говорили обо всем на свете и находили общий язык словно сиамские близнецы. Но даже от ближайшего друга Блейк скрывал приготовления к побегу.

— Джордж сбежал, — широко улыбается Моррис. — Ничего другого не оставалось.

А его, еще не успевшего ничего узнать о вечернем побеге Блейка, наутро перевели в тюрьму на остров Уайт. Отсюда никто и никогда не убегал и не убежит — от острова до берега миль тридцать. Режим суровый, климат мерзкий, еда отвратительная. И если бы не книги и не любовь, он мог бы сойти с ума.

Любовь помогла вынести девять лет заточения. Они с Хелен писали друг другу письма, и это глушило боль и унижение. Ожидание маленьких конвертиков, где количество страничек сурово ограничивалось законом, было тревожным, подчас тягостным. Получение заветной вести от любимого человека превращалось в праздник для обоих. Переписывались они и с Беном. Но это уже другие письма и другая история. Как же только не называл Морис свою Леонтину — и Мат, и Сардж, и моя дорогая, и моя возлюбленная, и милая моя голубушка… Нежность в каждом слове и каждой букве. Лона отвечала тем же.

Они встречались редко и только под надзором тюремщиков. Потом он писал ей об этих встречах, вспоминая каждый миг и каждую секунду. Жили надеждами, поддерживали друг друга как могли. Наверное, благодаря письмам он и выдержал тяжелые болезни, замучившие в тюремной камере.

Однако в посланиях не только любовь с суровой тюремной обыденщиной. Философские рассуждения. Обращения к далекой истории. И вера в себя, в российских друзей. Чего стоят хотя бы эти строки Морриса о советской Службе внешней разведки, обращенные к Хелен: «У меня нет сомнений, что если они не передвигают небо и землю ради нас, то они колотят и руками, и ногами в дверь Господа Бога». Но ведь не мог же Моррис действительно знать, какие усилия предпринимаются в Москве, чтобы добиться их освобождения? Или чувствовал? Верил?

Нет, не зря Служба внешней разведки России разрешила Центру общественных прикладных проблем Александра Жилина обнародовать свыше 700 страниц переписки супругов Коэнов, а также письма Конона Молодого. Наверное, еще никогда и нигде разведчики-нелегалы не представали перед публикой в жанре сугубо эпистолярном, как в этих двух серьезных томах.

Какая же это была любовь! Когда мы встретились с Моррисом, Хелен уже давно не было. Однако иногда казалось, что она ушла только что и вот-вот вернется из булочной на Бронной. Даже вещи ее оставались в комнате и лежали на своих, привычных для нее и Морриса местах, дожидаясь отлучившейся на часок хозяйки. Портреты и фотографии Хелен. Все время вспоминал ее как живую: «Хелен говорит… Хелен считает… Вы же знаете, какая же рисковая Хелен…» Он не был подкаблучником или безнадежно влюбленным. Их объединяло глубокое, светлое чувство.

После девяти лет тюрьмы Коэнов-Крогеров обменяли на британского разведчика Джеральда Брука. Велики были преграды: КГБ не мог признать их своими. Пришлось действовать через поляков. И из Лондона под вспышки фотокамер они улетали в

Варшаву. В Москве, осенью 1969-го, их ждал Молодый-Лонсдейл, которого еще в 1964-м обменяли на англичанина Гревилла Винна — связника предателя Пеньковского.

Что делали они, вернувшись на вторую родину? Моррис убеждал меня, что именно здесь, в России, он, советский гражданин, у себя дома. На мой вопрос, не скучно ли ему здесь без соотечественников, без родного английского, обиделся:

— Я же встречаюсь с Джорджем Блейком. Человек высочайшего интеллекта. Еще неизвестно, были бы у меня знакомые такого класса, останься мы с Лоной в Нью-Йорке. Мы дружили со всеми теми, кто работал с нами в Штатах и Англии. И когда оказались в Москве, эта личная, замешанная на общем деле и чувствах дружба переросла в семейную. Бена уже нет, а его жена Галя меня навещает. И жена Джонни тоже. И Клод — Юрий Соколов. Милт (Абель-Фишер. — *Н. Д.)* умер, но мы видимся с его дочерью Эвелин. Мы были волею судьбы друзьями там. Собственной волей оставались друзьями и здесь.

От себя все же добавлю, что встречи, к примеру, с Блейком, да и с другими, стали, по-моему, более частыми в последние годы жизни. Тогда живущие в Москве Коэны постепенно отходили от работы в своем суперзасекреченном Управлении СВР. А до того круг общения Лесли и Луиса был, кажется, определенным образом ограничен. Все-таки хотелось бы мне знать, чем занимались они в штаб-квартире российской внешней разведки… Не только же готовили юную смену нелегалов.

Коэны дружили в Москве и с равной им по содеянному супружеской парой разведчиков-нелегалов. Это Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян и его суИвашутинпрута Гоар Левоновна. Вартанян отозвался о Коэнах, как об одних из самых преданных России людях. Тут обязан заметить, что, несмотря на суровую реальность своей профессии, в каждом из них проглядывают черты, несколько нами подзабытые. Вартаняны, Коэны, Абель, Соколов, да и Джордж Блейк в какой-то мере идеалисты. Свято верили в идею, в безукоризненную правоту выбранного Страной Советов пути, в светлые идеалы. При нашей встрече Моррис убеждал меня, что коммунистические идеалы все равно вернутся, а сегодня безупречное общество не удалось построить только потому, что мы сами просто пока не были как следует готовы к этому. Что ж, любовь действительно творит чудеса. Любовь к родине, к женщине, к делу, которому служишь.

Моррис Коэн скончался в начале июля 1995 года в московском госпитале без названия. Даже среди наших соотечественников найдется совсем немного людей, любивших Россию столь страстно и оптимистично, как любил ее Моррис.

Коэн столько знал и столько унес с собой. В его квартире на Патриарших я спросил, когда же еще хоть что-нибудь из всего тайного и доброго им с Лоной для России сделанного станет явным. Моррис не задумываясь ответил: «Never» — никогда.

Траурная процессия чинно двигалась по Ново-Кунцевскому кладбищу. Последний путь Морриса Коэна к Лоне, похороненной здесь же, по земле, с которой он сроднился уж точно навеки. Он столько сделал. И так мало рассказал. Мне однажды довелось увидеть съемки Морриса, сделанные, как бы это объяснить, для сугубо служебного пользования. Но даже там купюра за купюрой. Создается впечатление, будто Крогеры успели поработать и в еще одной стране, на еще одном континенте. Но… Что ж, он умел добывать и молчать. В этом и заключается железная логика разведки. Похоже, что действительно «never».

Звание Героев России за их роль в получении атомных секретов было присвоено Леонтине и Моррису Коэнам посмертно.

Н. ДОЛГОПОЛОВ

Конон Молодый

О знаменитом советском разведчике Кононе Трофимовиче Молодом, действовавшем на Западе под оперативным псевдонимом Бен и носившем там имя Гордон Лонсдейл, рассказывает его сын Трофим Кононович.

В судьбе Конона Молодого осталось столько непонятного, что коснулось и биографии сына. В одной из книг написано, будто родился он в 1959 году в Варшаве. Трудно поверить. Ведь как раз в то время нелегал Бен трудился в Великобритании.

Трофим Кононович усмехается. Нет, родился он в 1958-м в Москве. Жил в Пролетарском районе. Отец в то время был действительно далеко, но раз в год, или даже чаще, вырывался домой. Наша разведка придумывала отцу такую легенду, которая полностью оправдывала его отсутствие в Лондоне. Практика была отработана: на материк выезжал мистер Лонсдейл, где-нибудь в Париже или Цюрихе ему меняли документы, и в Венгрию, ГДР или Польшу приезжал человек совсем под другой фамилией. А оттуда и до Москвы этому «иностранцу» оставалось совсем недалеко. Жили в густонаселенной квартире на Ново-Остаповской с мамой, бабушкой и маминой сестрой… Отец писал подробные отчеты, получал новые задания, и вскоре в Лондоне вновь появлялся мистер Лонсдейл. Раньше же все не было так компьютеризировано, как сейчас, границы пересекались сравнительно легко.

А во второй половине 80-х, когда в перестройку люди вздохнули свободнее, популярный актер поведал в газетном интервью, что воплотить образ советского нелегала ему помогло личное знакомство с вполне реальным разведчиком, работавшим в Лондоне. Тот рассказал, как общался в кафе одними лишь глазами с женой, вывезенной к нему на мимолетную встречу. Но, увы, такого не было. С женой Галиной Петровной, Конон звал ее Галюшей, он встречался за границей лишь однажды. За несколько месяцев до рождения Трофима она, беременная, отправилась отдыхать вместе с Кононом в Чехословакию в Карловы Вары. А так виделась с мужем только во время его коротких наездов в Москву.

И манеру курить, по словам того же актера, он перенял у Конона. Но отец, как вспоминает сын, вообще не курил. В семь лет мама поймала его с папиросой, и он дал ей честное слово: «Больше — никогда не буду». И с тех пор — ни разу. А курево, исправно получаемое на фронте, он менял на маргарин. В английской тюрьме заключенный Лонсдейл обменивал табак на

бутерброды.

Не раз писалось, что где-то в 1943 году юный десантник Молодый, засланный в тыл к фашистам, был арестован и доставлен на допрос. Офицер абвера, а это был советский разведчик Рудольф Абель, его узнал, надавал пинков и буквально вышвырнул за порог.

Трофим Кононович называет это сплошной выдумкой. Отец действительно служил во фронтовой разведке артиллерийского дивизиона. Трофим был знаком с Владимиром Чеклиным, старшим группы, в составе которой Конон Молодый ходил за линию фронта брать «языков». Служили, как они сами рассказывали, «весело». Рассказывал Трофиму, что после одной удачной зимней вылазки доложил он в штабе о взятом «языке» и возвращался знакомой всем разведчикам тропинкой в свою землянку. А его ребята понатыкали в сугробах замерзших мертвых немцев с оружием в руках. Поворачивает Молодый к землянке — кругом немцы. У него рефлекс: падает, стреляет чуть не в упор, а они стоят. И вдруг из-за бугорка — дикий хохот. Это разведчики — молодые парни 1922 года рождения его разыграли.

А Конона Молодого призвали в 1940-м. Награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги»… Орден Красной Звезды получил весной 1945-го. Наши никак не могли взять Кенигсберг. Нужен был хороший «язык», не солдат, а у разведчиков — ну никак. И наткнулись они на какое-то странное место: въезжают автомобили и словно под землю проваливаются. Причем днем машины все больше обшарпанные, вечерами — «мерседесы», «опели»…

Подобрались разведчики поближе, разузнали. В подземном бункере, где и скрывались машины, разместили немцы публичный дом. Утром туда — солдаты, вечером — офицеры. Наши их накрыли поближе к ночи, захватив кучу офицеров. Командиру группы — орден Красного Знамени, лейтенанту Молодому — Красную Звезду.

Расписался он на рейхстаге. И в 1946-м уже демобилизованный старший лейтенант Молодый возвращался домой на трофейной легковушке. Проехал на ней всю Европу, гнал по нашим разбитым дорогам до самой до Москвы. Тут его и остановили, а машину отобрали.

Без чужой помощи поступил в престижный московский институт. Был человеком талантливым, учился хорошо. Особенно давались языки. Английский знал как родной, с американским произношением.

Детство с 1932-го по 1938-й Конон провел у тетки Анастасии,

старшей сестры мамы Евдокии Константиновны, в США. Отец Трофим Кононович скончался в Москве от инсульта, был он далеко не стар, семье ничего не оставил, и жена с детьми бедствовала. Денег никаких, в стране чуть не голод, введена карточная система. Всяческими правдами и неправдами Конона удалось вывезти в Калифорнию. Учился, радуя тетю и преподавателей, однако страшно скучал по дому. Тетя Анастасия Константиновна не хотела отпускать любимого племянника в Москву, но он показал характер и с помощью сотрудников советской дипломатической миссии уехал на родину. Так что школу заканчивал уже дома.

А после войны в институте всерьез взялся за китайский и выучил его. У сына Трофима до сих пор сохранился учебник китайского, который его отец написал в Москве еще студентом, взяв в соавторы настоящего носителя этого труднейшего языка. Может, помимо способностей сказались и гены? Ведь родители Конона были профессорами. Да, наверное, и жизнь в Калифорнии, когда судьба забросила паренька в совсем новую среду, пробудила способность к языкам. Как бы то ни было, Молодый знал немецкий, легко освоил французский.

Трофим уверен, что именно в институте люди из советской внешней разведки заинтересовались талантливым студентом-полиглотом: прошел всю войну разведчиком, член партии с 1942-го, с американскими реалиями за восемь лет жизни в Штатах знаком прекрасно. Из кого же еще, как не из таких верных и способных готовить нелегалов?

С 1951-го, как полагает Трофим Кононович, отец уже проходил специальную подготовку. Из него, учившегося на специальных курсах уже под другой фамилией, тщательно готовили разведчика. Конечно, не лишними оказались и кое-какие военные навыки. Хотя разведка фронтовая и нелегальная — это небо и земля. А где-то в конце 1953-го — начале 1954-го Конон Молодый исчез. Родственникам, друзьям сообщил, что по распределению отправляется в Китай, в отдаленную провинцию. Для молодого специалиста командировка по тем временам даже завидная. Родственники ни о чем не догадывались. Если раз в год выбирался в Москву, все были счастливы. И подарки домашним привозил соответствующие. Трофиму, к примеру, расписные тарелочки с фанзами, китайские картиночки. Да, товарищи из Центра легенду прикрытия соблюдали со стопроцентной достоверностью.

Возникала нужда отправить письмо сыну и мужу, и домой к Молодым приезжали любезные люди «из МИДа». Китайская провинция такая далекая, что посылать туда письма —

бесполезно, не дойдут. Так что, пожалуйста, пишите, мы обязательно передадим с оказией.

А Конон Молодый в это время уже работал в Северной Америке. Легенда была такая. Его «папа» канадец Лонсдейл действительно погиб на войне, «мама» — умерла. Их документы, как и метрика сынишки Гордона, имевшиеся у советской разведки, были подлинными. И вот в Канаде появился начинающий бизнесмен Гордон Лонсдейл, он же советский разведчик под псевдонимом Бен.

Там, как полагает Трофим Молодый, его отец пробыл месяца три-четыре. Легализовался, получил уж совсем подлинные документы. И в Америку приехал, чтобы, опять-таки по легенде, получить хорошее образование. Оттуда — в Лондон, где, как совершенно верно вычислили еще в Москве, учеба обходилась гораздо дешевле. Да и в Штатах долго оставаться было нельзя: не будешь же годами раздумывать, куда ехать учиться, не стыковалось бы это с легендой. И как бы Гордон объяснил, на что он живет в Нью-Йорке? Потому и торопился с отъездом. Тут во время всех этих переездов произошла история, которая может случиться с любым, даже самым подготовленным разведчиком-нелегалом. В парижском аэропорту к нему бросился с объятиями однокашник Жора Маслов. И сильно обиделся, когда Конон Молодый, пять лет с ним проучившийся, не признал Жору за своего.

А до Европы Бен прошел отличную стажировку в Нью-Йорке. Абель-Фишер, резидент советской разведки в Штатах, передал на связь помощнику своих агентов-американцев — супругов Морриса и Лону Коэн. Молодый-Лонсдейл набирался опыта. То, что он изучал в теории в подмосковной разведывательной школе, теперь приходилось осваивать на практике: устройство тайников, выемка и закладка информации, ее передача, встречи с агентами… Постоянная проверка, нет ли «хвоста»… Работа с Фишером и Коэнами была на пользу. Возможно (это всего лишь версия Трофима Молодого), что Центр специально, еще в США, познакомил его отца с Моррисом и Лоной. Трофим полагает: еще тогда планировали, что в Лондоне они станут радистами Бена. Сам Конон Молодый уже в Москве любил повторять, и Трофим как следует его слова запомнил, что «успех в разведке всегда приходит по плану». Так и получилось, только в Англии Коэны работали уже под другими именами — Питера и Хелен Крогер из Новой Зеландии. А Питер Крогер в Москве незадолго до своей кончины рассказывал автору этого очерка: в Нью-Йорке именно Бен был одним из наиболее приятных и доброжелательных его связных. Так что личный, чисто человеческий контакт, без

которого в разведке сложно, они установили еще в Штатах.

В Англии Молодый взялся за изучение китайского языка — на сей раз в Лондонском университете. Начинающему коммерсанту и студенту Гордону Лонсдейлу было уже, как и почти всем его однокурсникам, за 30. Возраст этот никого не смущал. Во-первых, война отодвинула для союзников американцев и англичан сроки учебы. Во-вторых, брались штурмовать китайские иероглифы люди зрелые, имевшие уже по одному, а то и по два диплома. Все они объясняли стремление освоить экзотический тогда для Европы язык одним: страстным желанием сделать хороший бизнес в набиравшей силу громаднейшей стране. Но еще в Москве, когда решалось, где приложить Конону лингвистические и прочие способности, было решено остановиться именно на китайском. В Центре справедливо рассудили, что и американская, и британская разведки перед отправкой в КНР пошлют своих офицеров в университет, чтобы как следует научить языку предполагаемого противника. Что почти стопроцентно подтвердилось. Вместе с разведчиком из Москвы китайский «грызли» его западные коллеги. Все они были выявлены Кононом, данные переданы в Центр. Один из однокашников даже признался ему на прощание: «Знаешь, Гордон, из всей нашей группы только ты и я — не разведчики». Конону Трофимовичу тогда вообще пришлось нелегко. Автору учебника китайского надо было делать вид, что он совсем не знает языка. А однажды сокурсник чуть не заставил Конона — Гордона рассмеяться и нарушить всю конспирацию. Учил пить фронтовика-разведчика русскую водку маленькими рюмками и крошечными глотками.

В Англии Бен завербовал нескольких агентов, добыл немало ценной информации. Он получил образцы военной продукции, разработкой которой как раз и занимались немецкие ученые, служившие в годы войны еще Гитлеру. Кстати, отсюда и одна из сюжетных линий «Мертвого сезона».

Успешно шла и коммерческая деятельность Бена. Он сэкономил немало средств для советской разведки. Его игровые автоматы приносили Гордону Лонсдейлу немалые доходы, превратив в независимого человека. Так что обычно непростой для разведчиков-нелегалов вопрос — как объяснить окружающим, откуда деньги? — отпал сам собой. Удачливый коммерсант Лонсдейл аккуратно отчитывался и перед британской казной, платя налоги, и перед Центром. Дома Молодый подсмеивался, клялся, то ли в шутку, то ли всерьез, что сделал состояние благодаря политэкономии и учению Карла Маркса.

Даже попав в тюрьму, Молодый сумел заработать огромные

по тем временам деньги для своей родной службы. Еще во время судебного процесса волею обстоятельств заключил он с одним крупным британским изданием контракт. За книгу «20 лет секретной службы» с описанием собственной жизни ему полагалось 100 тысяч фунтов. Вот уж где Конон Трофимович дал волю богатой фантазии. Сын, потом переводивший опус с английского на русский, называет его бредом, настолько в книге все поставлено с ног на голову. Сам Конон Молодый, вернувшийся после отсидки домой, только смеялся над этой своей дезинформацией. Возможно, отсюда и многочисленные мифы о Лонсдейле — Бене. В его писания поверили, растиражировали на многих языках и пошли по миру гулять легенды о Гордоне. Но британцы об этом и не подозревали, рассчитались с сидевшим в тюрьме автором сполна, а он, как и полагалось в те годы, передал весь гонорар до последнего пенса родине. Правда, потом книгу рискнули перевести поляки. Ведь и предал Конона их соотечественник, да и один из поставщиков информации, с которым Бен имел дело в Англии, был завербован в Варшаве. И вот мизерную сумму за публикацию этого перевода на польский Конону Трофимовичу милостиво разрешили получить в Москве.

А из Лондона всю добытую Беном и его источниками информацию в советскую столицу передавали скромные владельцы букинистического магазина Крогеры. Они же идеальные связники и радисты советского резидента Бена.

Как-то в 1959 году Молодый приехал в дом радистов на Пендерри Райз, что на юго-востоке Лондона, с высокой температурой. Элементарно порезал руку, а началось заражение крови, предлагали даже ампутацию. Помог врач-китаец, вылечивший Гордона-Конона какими-то своими экзотическими методами. Однако, несмотря на дикую боль, встречи с радистами пропустить было никак нельзя. Бен попал прямо на сеанс радиосвязи с Москвой. Тетя Лона, как называет крестную Трофим, читает ему только что полученную радиограмму: «Трофим, 53 сантиметра». Конон переспрашивает, не понимает. Лона ему: «Дурак, у тебя сын родился». И Молодый, отметив после выздоровления счастливое событие, предложил друзьям стать крестными его сына. С тех пор Конон Трофимович так и обращался к Коэнам, уже в Москве говорил жене Гале и Трофиму: «Поедем к крестным».

Арестовали Молодого в 1961-м из-за предательства офицера польской разведки. Тогда же его приговорили к 25 годам заключения. Всю вину Гордон Лонсдейл взял на себя. Однако и Крогеры, не сказавшие на суде ни слова, и агенты Бена,

решившие сотрудничать с британской контрразведкой, получили неожиданно суровые сроки заключения. Интересно, но именно в лондонской тюрьме судьба свела Бена с другим пленником и тоже советским разведчиком Джорджем Блейком, приговоренным за шпионаж в пользу Советов к 42 годам. Бен поражал загрустившего было Блейка невиданным в тюремных стенах оптимизмом. Спорил с англичанином, доказывая ему, что через несколько лет они с Джорджем встретятся на параде в честь 7 ноября на Красной площади. Удивительно, но так и случилось. Отсидевшего несколько лет в тюрьмах Ее величества Молодого обменяли в 1964-м на англичанина Гревилла Винна — связника предателя Олега Пеньковского.

А дома в Москве об аресте сына, мужа и отца даже не знали. Только когда в Лондоне уже вовсю шел судебный процесс, к Галине Петровне пришли и сказали: ваш муж — советский разведчик, ему грозит долгое тюремное заключение. «Мама была в шоке, от которого было трудно оправиться», — вздыхает Трофим Кононович. Потом сообщили и о приговоре. Маленький Трофим, было ему три года, никак не мог понять, почему мама все время грустит и плачет.

Отец не любил рассказывать домашним о тюрьмах Ее величества. Изредка, но проскальзывало в разговорах, что сначала, когда его еще надеялись перевербовать, держали в одиночной холодной камере. Отключали свет, а ночью включали, не давая спать. Но стойкость Гордона скоро убедила и настойчивых англичан: этого — не сломить. И Гордон Лонсдейл зажил обычной тюремной жизнью, стараясь не выделяться среди сокамерников. Сбавил в весе, ходил на прогулки, работал над книгой. И ждал, терпел, веря, что свои не бросят и в беде не оставят.

Уже потом, после возвращения отца из Англии, Трофим Молодый познакомился с другом отца Вильямом Фишером — Рудольфом Абелем и его дочерью Эвелиной. И там семье сообщили об аресте Абеля-Фишера без излишних подробностей. Вроде бы конец 50-х — начало 60-х — хрущевская оттепель, однако лишней информацией семьи арестованных разведчиков совсем не баловали.

Когда в апреле 1964-го Конон Трофимович вернулся домой, семье довольно быстро дали двухкомнатную квартиру в доме на Фрунзенской, где и сейчас живет немало чекистов. Трофиму только-только исполнилось шесть, а накануне отца обменяли. Пришел он из детского сада, а мамы — нет. Куда делась — неизвестно, секрет. И вдруг — отец. «Мне было так хорошо, что у меня есть отец, что все это не сказки. — Трофим Кононович

вздыхает. — Я же не знал, кем он был, где. На все мои вопросы отвечали — папа далеко, в Китае. Я-то сам этого не помню, но мама мне рассказывала, что так я грустил без отца, даже милиционеров за сапоги обнимал. И наступило в моей жизни счастье».

Конон Молодый любил и умел водить автомобили. Сначала крутил баранку на старой «Волге». Тот пикап еще первых выпусков с оленем на капоте терпеливо дождался его возвращения. Потом пикап продали; хотя новое авто купить было почти немыслимо, Конону Трофимовичу это удалось. Вместе с женой, сыном и приемной дочерью Лизой от первого брака Галины Петровны четыре раза подряд, с 1966-го, ездили отдыхать на море. Встречались с теми, кто знал, что за гость с семьей к ним пожаловал. Принимали хорошо.

Вопреки легендам о том, будто разведчики могут здорово выпить, Конон Трофимович свою меру знал твердо. Пьяным Трофим отца никогда не видел. Лишь однажды на дегустации в знаменитом Абрау-Дюрсо мать встретила подругу, вместе с которой была в оккупации. Той, дегустатору по профессии, на работе пить было вроде и не положено, и она пригласила друзей к себе домой. Вот тогда режим и был крепко нарушен. После, приехав в гостиницу, отец, хотя и был, по словам Трофима КоноИвашутинновича, человеком исключительно демократичным, приказал: «Все, хватит. Ездим только на море».

А еще Конон Трофимович очень любил хоккей. Это его увлечение очень поощрял один из коллег по службе — Павел Георгиевич Громушкин. В то время общественник Громушкин увлеченно трудился в дисциплинарной комиссии Федерации хоккея СССР. Часто приглашал в ложу для почетных гостей и Конона. Обычно приезжал Молодый на хоккей со своим товарищем — киноактером Вячеславом Тихоновым. «Семнадцать мгновений весны» были еще только в планах, но красавца Тихонова уже почитали идолом. Обычно они оба усаживались в ложе «А». Тогда все болели за непобедимый ЦСКА, в крайнем случае за «Спартак». Конон и небольшая группа товарищей в аккуратных пиджаках нарушали гармонию, страстно поддерживая «Динамо».

Молодый, несмотря на разницу в возрасте, дружил со своим начальником по Нью-Йорку Фишером-Абелем. Оба с увлечением, которое тщательно скрывали от других, наблюдали за съемками фильма «Мертвый сезон». В основу сюжетной линии картины и легла судьба Молодого-Лонсдейла. Первую часть фильма оба воспринимали относительно благожелательно: там были и опознавательные знаки, и какие-то эпизоды, все же

напоминавшие то, чем занимались нелегалы. А от второй серии дружно плевались. Трофим Кононович твердо знает, что его отца должен был играть не Донатас Банионис, а другой актер, совсем на него непохожий. Тогда на семейном совете с участием мамы и дочери Лизы решили обратиться к режиссеру Савве Кулишу с просьбой подыскать кого-то на Конона похожего. Похожим оказался Банионис. Отец, по словам Трофима Молодого, с ним познакомился, кое-что посоветовал. Но пришло время озвучивать картину, и выяснилось, что главный герой по-русски изъясняется с сильным акцентом. Так что на озвучание пригласили актера Александра Демьяненко.

Ну а как складывалось у бывшего нелегала на работе? Он по-прежнему трудился во внешней разведке. Сначала учил ребят, которые были готовы повторить его трудную судьбу. Потом Конона Трофимовича, которому не исполнилось и 50, отправили с оперативной работы на преподавательскую. Заведовал сектором, хотя мог бы работать и с молодыми разведчиками. Пришлось вживаться в новый коллектив. Наверное, это не приносило большой радости.

По словам Трофима, отец переносил все испытания стойко. Его не наградили Звездой Героя, но он о наградах даже не думал. Мечтал работать, и снова нелегалом. Об этом мог рассказать только сын. Однажды в маленькой двухкомнатной квартирке он невольно услышал тихий ночной разговор родителей. Отец спрашивал свою Галюшу, готова ли она снова ждать: признавался, что договорился о пластической операции, о возвращении в нелегалы. Не успел, не вышло…

Молодый был разочарован многим из того, что происходило в стране после короткой оттепели 60-х. Немало повидавший за рубежом, он понимал: мы можем жить лучше. Однажды они с Абелем, припоминает Трофим Кононович, отказались от праздничного пайка. Выдавали им к 7 ноября, ко Дню чекиста за три рубля с копейками целый набор продуктов, которых тогда в магазине было никак не купить. Сидят они с Вильямом Генриховичем в своем управлении довольные, готовые осчастливить жен и детей. И заходит тут к ним приятель, до полковника еще не дослужившийся. Смотрит на паек и, вздыхая, говорит, что им такого «не положено». И отец с Абелем тут же пошли и весь этот продуктовый дефицит сдали. По тем временам — поступок.

Да, находились и тогда люди решительные. Когда наконец обменяли Коэнов-Крогеров и вывезли из Англии сначала в Польшу, а потом в Москву, то поселили их, как это обычно и делали с возвращающимися нелегалами, на даче за городом. И

Лону с провожатым отправили на Новый Арбат: смотреть квартиру. А она крошечная, неудобная. И Лона, когда на дачу приехал глава КГБ Юрий Владимирович Андропов, выпалила ему прямо и откровенно: «Юрий, я девять лет отсидела в такой же квартире, только с решетками. Что, из одной камеры — в другую?»

Андропов тут же связался с хозяйственным управлением: распорядился дать Коэнам трехкомнатную квартиру на тихих Патриарших. Туда и заезжал к крестным Молодый с семейством. На первых порах все разговоры с тетей Лоной и дядей Петей переводил Трофиму отец. Вскоре Лона уже бойко говорила по-русски, а дядя Петя использовал жену как переводчицу. С детьми Молодого, особенно с крестником Трофимом, отношения установились теплые, прямо родственные.

Трофим был подростком, когда внезапно умер отец. Мать очень много болела. Часто, по три-четыре раза в год ложилась в больницы, отправляли ее в санатории. Но все равно нервы не выдержали. Столько прождать мужа, и потерять его мгновенно. Так Галина Петровна до конца дней своих и не смогла поправиться. «И тетя Лона, и дядя Петя, у которых не было детей, даже хотели меня усыновить, — вспоминает Трофим Кононович. — Об этом тетя Лона рассказала мне незадолго до своей смерти, когда моему сыну Конону исполнилось уже лет 12. Обращалась к начальству, просила. Но что-то тогда не получилось. Моя мама об этом не знала. Лона была женщиной интеллигентной, деликатной».

Немало всякого накручено и вокруг смерти Конона Молодого.

Конон Трофимович любил собирать грибы. Поехали в субботу 10 октября 1970 года в грибные места. Отец, как всегда, за рулем. Детей не взяли. Забрались далеко. Сели поужинать, и вдруг отец упал на траву. Мама рассказывала, что не мог пошевелиться. Пока добрались до телефона… Мать помнила только номер Абеля. Дозвонились ему, и вконец расстроенный Вильям Генрихович вызвал служебную машину. Но у отца был обширный инсульт. Рок семьи Молодых: ведь и отец Конона — Трофим Кононович тоже умер внезапно.

Сыну тогда было 12. Он, как и отец в юности, взялся за английский. Учился в специальной средней школе недалеко от дома. В разведчики не пошел. Но решил стать военным. Начинал в погранвойсках. В Москве служить было скучно, да и тошно. И Трофим попросился на далекую северную заставу, где сходятся границы трех наших скандинавских соседей. Так что довелось Трофиму Кононовичу дослужиться до начальника заставы. А в

1989-м майор Молодый комиссовался по состоянию здоровья. Сейчас — бизнесмен.

А сына своего назвал, как и принято в роду Молодых, Кононом. Теперь у Конона подрастает сынишка, правильно, не ошиблись, Трофим. Так что династия продолжается.

— И, знаете, — улыбается Трофим Кононович, — моя бабушка своего сына, моего отца, называла Каничкой. И моя жена, того, конечно, не подозревая, тоже зовет сына Каничка…

Н. ДОЛГОПОЛОВ

Рудольф Абель (Вильям Фишер)

Рудольфу Ивановичу Абелю, он же Вильям Генрихович Фишер, суждено было вопреки своей воле стать легендой нашей разведки.

Печальная для разведчика констатация: он становится известным разве что в случае провала. Но в Стране Советов слава, да и позор, которые выпадали на долю не слишком удачливых соратников Абеля, оказавшихся в руках противника, не распространялись дальше мрачноватого дома на Лубянке. Ничто не имело права выйти наружу и должно было умереть, бесследно раствориться в длиннейших коридорах и бесчисленных кабинетах для кого таинственного, а для многих и зловещего здания. Абеля, первым из людей его закрытой от мира профессии, было решено наверху превратить в некий символ советской разведки, в ее гордость.

Почему? Кажется, что причина даже не в громком, раздутом на весь мир американцами аресте в июле 1957 года советского полковника-нелегала. Ведь отказались же поначалу устами ТАСС от Рудольфа Ивановича Абеля, заявив: никакого отношения к СССР этот человек, выдающий себя за русского чекиста, не имеет. Однако в Советском Союзе начиналась новая эпоха. Хрущевская оттепель, это странное преддверие горбачевской перестройки, все же диктовала свои законы. И из разведчика, просидевшего четыре с половиной года в американской тюрьме и никого не выдавшего, решили с полным на то основанием сделать народного героя. Но героя на советский, несколько по-цековски искореженный лад.

Вот эта-то половинчатая недосказанность и сегодня мешает понять, что в действительности совершил разведчик. К тому же до сих пор скрывает образ и секретность, которая вполне объяснима. У меня сложилось впечатление, что созданное Фишером в США до сих пор работает. И все же я попытаюсь если и не поставить все точки над «Ь> в биографии национального героя, то по возможности прояснить некоторые обстоятельства и особенности необычной биографии.

Часто спорят: кто же он по национальности? Разброс предположений — от англичанина до еврея. Вильям Генрихович появился на свет в 1903 году в Англии, отец — Генрих Матвеевич, мать — Любовь Васильевна. Генрих Фишер по происхождению немец, но родился в Ярославской области, в поместье князей Куракиных, выписывавших из Германии немецких крестьян и ремесленников. Мать — русская. Можно смело сказать, что Вильям — из обрусевших немцев, так он и писал в своей анкете.

Назван в честь Шекспира, которого боготворили родители. Другое дело, что ребенок пошел в этой жизни иной дорогой.

Его родители — профессиональные революционеры. Отца иногда называют другом Ленина. До дружбы было довольно далеко, хотя Генрих Фишер Владимира Ильича Ленина действительно знал. Как и Кржижановского, и других будущих вождей грядущей большевистской эпохи. Ведь еще в 16 лет волею судьбы и своею собственной приехал в Петербург, пошел на завод. Там молодого токаря и обратили в новую веру. Стал революционером. Его отправили в Саратов наладить выпуск газеты и создать партийную организацию. Состоял под негласным надзором полиции, однако, несмотря на все старания, посадить Генриха жандармам так и не удалось. Ни обыски, ни постоянная слежка не давали результатов. Он оказался тонким конспиратором: ухитрился выдавать себя за собственного отца Матвея Августовича Фишера. Тот служил ветеринарным врачом в Ярославле и политикой никогда не занимался. А сын Генрих трудился на саратовских заводах — сначала на Волжском стальном, затем на заводе Гнатке. Однако на первом заводе он значился Матвеем, на втором — уже Генрихом. Так что сыну, Вильяму, назвавшемуся в 1957 году при аресте в Штатах именем своего близкого товарища подполковника Рудольфа Ивановича Абеля, было с кого брать пример.

Женился Генрих Фишер на молодой акушерке Любе. Вскоре уже она, Любовь Васильевна Корнеева, русская, родом из города Хвалынска Саратовской губернии, помогала мужу в его подпольной работе. Хранила экземпляры запрещенных газет в толстых обложках медицинских справочников. Между прочим, в том же роковом для Фишера-Абеля 1957 году выдавший его Вик Хейханен на суде свидетельствовал: советский полковник научил его хранить секретные документы в обложках толстых книг.

Да, сына американцы арестовали, а в начале XX века причастность его отца к революционной деятельности царской охранке доказать не удалось. На судах в Саратове выступал он лишь в качестве свидетеля, но призрак ареста витал рядом.

Пришлось эмигрировать в Великобританию. Там Генрих оставался идейным бойцом, нелегально переправляя в Россию не только большевистскую литературу, но и оружие для партии. Когда после Октябрьской революции в 1920 году семья решила вернуться домой, новая власть препятствий ей не чинила, даровав советское гражданство. А Владимир Ильич даже давал читать Генриху Фишеру рукопись одной из своих брошюр, превратившихся вскоре в коммунистическую классику.

Сын Фишера — Вильям, или Вилли, как его звали в семье, а

потом и в ЧК, рос пареньком молчаливым, упрямым и исключительно смышленым. Любил точные науки, но успевал учиться и музыке: играл на мандолине, гитаре и на пианино. Рабочая биография началась уже в 15 лет, когда знакомые англичане помогли Вилли устроиться чертежником на судоверфь. Через год, в 16, он поступил в Лондонский университет.

Говорят, будто Вильям был в семье любимцем. Вряд ли. Родители очень любили и старшего сына — Гарри. Уже после переезда в Москву семья Фишеров получила жилье в центре, а до этого — высший знак доверия — некоторое время квартировали в Кремле. Сыновья частенько отправлялись за город на речку. Пытаясь спасти двух маленьких девочек, Гарри бросился в воду. Их он спас, а сам утонул. Если верить рассказанному, то когда младший — Вилли — с рыданиями поведал матери о трагедии, она же чуть слышно вымолвила: почему Гарри? И Вильям это услышал. Наверное, это наложило определенный отпечаток на отношения с родителями, по крайней мере с матерью. Нет, он совсем не был любимчиком и паинькой. Жестокие обстоятельства выковывали и соответствующий характер.

Частенько пишут, будто Вилли Фишер чуть не с первых дней после приезда из Англии пошел служить в ЧК. Поиск нового места в жизни скорее несколько затянулся. Сначала работал переводчиком в Коминтерне, затем поступил в Институт востоковедения, где, если верить архивным материалам, взялся за изучение Индии. Но после первого же курса последовал призыв в Красную Армию. В 1-м радиотелеграфном полку Московского военного округа Вильям Фишер всерьез изучает радиодело. И даже будущие знаменитости — полярник Теодор Кренкель и народный артист Михаил Царев, чьи койки в казарме оказались рядом, — признавали первенство Вилли. После службы в Красной Армии он трудится радистом.

И тут Вильяма, говорившего по-английски не хуже, чем по-русски (именно этот язык он считал для себя первым и родным), приглашают в органы безопасности. Еще один немаловажный факт для любого чекиста, за нравственностью которого всегда следит начальство: Вильям уже женат. Первым и единственным в своей жизни браком — на студентке Московской консерватории арфистке Елене Лебедевой.

В центральном аппарате разведки он — переводчик, вскоре — радист на оперативной работе. Довольно быстро подоспела и первая нелегальная командировка. У советского подданного Фишера оставался британский паспорт, который очень пригодился в начале 1930-х. Уже работая в Иностранном отделе, он официально, под своей фамилией, обратился в английское

посольство в Москве с просьбой помочь ему и семейству выехать из Совдепии. Легенда была составлена абсолютно правдоподобная: в 1920-м, будучи молодым студентом в Лондоне, совершил ошибку, поддался уговорам родителей и вместе с ними обосновался в России, а теперь жалеет. Таких совершенно реальных историй были тысячи. И бдительные англичане оплошали: выдали помощнику уполномоченного ИНО Фишеру вожделенный паспорт, по которому он въехал в Норвегию.

Был радистом-шифровальщиком у Александра Михайловича Орлова. Орлову, оперативный псевдоним «Швед», улыбнулась редкая удача. Завербовал вместе с коллегой Арнольдом Дейчем сразу несколько молодых студентов-аристократов из престижнейшего университета в Кембридже. Это были Филби, Маклин, Берджесс, Блант и единственный среди них выходец не из высшего класса — Кэрнкросс. Самая результативная в истории советской разведки группа, вошедшая в книги и учебники под названием «Кембриджской пятерки».

Неужели и молодой тогда радист Фишер — псевдоним «Франк» — участвовал в вербовке? Работал с этой группой, передавал ее донесения в московский Центр? Боюсь, твердо об этом не узнать никогда, даже после истечения срока секретности. Как мне говорят, документы об этом периоде времени затеряны или уничтожены.

После Норвегии «Фишер нелегально работал в одной из европейских стран». Честно говоря, я думал — в Германии. В совершенстве владел английским, говорил и по-немецки. Кому как не ему работать против набиравшего силу Гитлера? Но, видимо, художник, под видом которого действовал разведчик-нелегал Фишер, все же обосновался в другой стране.

Но и добравшись до места назначения, художнику-нелегалу как следует порисовать не удалось. Командировка завершилась как-то странно. Уже через год Фишера в мае 1936-го отозвали на родину. Он не провалился, ибо сразу после возвращения получил повышение по службе и высокое звание лейтенанта госбезопасности.

Есть еще одна версия о местах командировок нелегала. Публика у нас в стране читающая и отзывчивая. На мои очерки о «полковнике Абеле», опубликованные в больших российских газетах, откликались ворохом писем с просьбой рассказать о нем еще. Присылали и доказательства своего знакомства с семьей разведчика. Одна исключительно доброжелательная и, судя по всему, немолодая дама вложила в конверт старую фотографию с коротким описанием людей, на ней изображенных.

Фотография конца 1920-х — начала 1930-х годов. На ней

изображены: ее отец-разведчик; работавший с ним вместе Вильям Генрихович Фишер в шляпе; настоящий Рудольф Иванович Абель, тоже в шляпе. Позируют на мосту на фоне огромного здания. Характер постройки не оставляет сомнения — это Китай. Неужели Фишер и Абель познакомились еще тогда? Настоящий Рудольф Иванович Абель был там радистом, чего не отрицает его официальная биография. А откуда же взялся здесь Фишер? Фотография за давностью лет не слишком четкая.

Когда эта книга уже была готова, удалось уточнить: в Китае Фишер все же не был. На снимке — очень похожий на него человек.

Итак, Фишера вернули в Москву. Вызов в отдел кадров грянул 31 декабря 1938 года. Вильяму Фишеру без особых предисловий сообщили, что из органов безопасности он уволен. В годы ежовщины не то что увольняли, расстреливали сотнями. Тем более что Фишер, как и многие сотрудники ИНО, по происхождению иностранец. Жил за границей. Но кому было трудиться на нелегальную разведку, если не таким, как Вилли? Маниакальная подозрительность, объявленная бдительностью, становилась нормой. Тысячи преданных и проверенных людей уничтожали по доносу и без него по расстрельной разнарядке. Мог бы погибнуть и Фишер…

Есть все же одно объяснение, если не оправдывающее увольнение, то хоть как-то его обосновывающее. В качестве радиста Фишер работал с Александром Орловым. В кадрах ОГПУ-НКВД тот значился под псевдонимом Льва Лазаревича Никольского. Настоящая фамилия — Фельдбин, родился в 1895-м в Бобруйске. Вряд ли был тогда в ИНО разведчик удачливее Орлова — «Шведа». Сначала работа под прикрытием в Англии, Франции, Германии, затем уже в 30-х — нелегальный резидент в Австрии, Италии, снова во Франции. В 1937–1938 годах занимал важнейшую должность резидента НКВД и советника республиканского правительства в Испании. Там Орлов действовал решительно и жестко, иногда отменяя своей властью даже указания советского посла.

И вдруг Орлов исчез. В июле 1938-го его вызвали на советский корабль в Амстердаме, куда он не явился. Зато нарком безопасности Ежов, уже вовсю отстреливавший коллег «Шведа» по нелегальной разведке, получил письмо с парижским почтовым штемпелем. Опытнейший разведчик Орлов понял, что путь с корабля ему один — на сталинскую гильотину. Сам Орлов уже находился в США, а его послание, опущенное для конспирации кем-то из соратников в почтовый ящик советского посольства в Париже, больше походило на ультиматум. «Швед» требовал

оставить в покое его мать и других родственников, живших в СССР. В ответ клялся, что не выдаст ни наших разведчиков, ни их агентов. Орлов-Никольский-Фельдбин добился своего: подразделение Павла Судоплатова, специализировавшееся на уничтожении предателей, его не тронуло. Молчание человека, опутавшего Западную Европу сетями советской разведки, спасло его родственников от репрессий.

Но подверглась чистке вся разветвленная система ино, чекистов расстреливали дома, выманивали из-за границы и тоже расстреливали. Побег Орлова еще больше развязал руки наркому Ежову. Были уничтожены многие с ним работавшие. Орлов действительно не выдал в 1957-м уже арестованного и сидящего в американской тюрьме Фишера, которого не мог не знать. Пощадил «Кембриджскую пятерку», других ценных агентов. Орлов мирно скончался в 1973-м в Штатах. Даже советская разведка простила беглеца в начале 70-х. Его невозвращение называли личной трагедией. Возвращаясь к Вилли Фишеру, скажем, что радист — шифровальщик «Шведа» отделался еще сравнительно легко.

Он переживал. Надо было кормить семью — дочку Эвелину, жену Елену. Несколько месяцев, а по другим данным, чуть не полтора года без работы. Фишер пишет письмо в ЦК, что по тем временам было смелостью невероятной: могли бы добавить к увольнению и тюрьму, да и что похуже — тут уж как бы обернулось. Но «повезло». Дело не пересмотрели, зато дали устроиться сначала старшим инженером на авиационном заводе, а потом даже давали подрабатывать переводами во Всесоюзной торговой палате.

В сентябре 1941-го Сталин, уже успевший казнить наркома Ежова, принял еще одно важное решение. Немцы стояли под Москвой, и он приказал срочно уничтожить еще не расстрелянных чекистов, разбросанных по лагерям. А некоторых, по представлению, кто полагает Лаврентия Берии, а кто и Павла Судоплатова, не только отпустили, но и вернули в органы. Среди горстки счастливчиков — будущий Герой Советского Союза Дмитрий Медведев, мирно живший в отставке на даче «по состоянию здоровья», Яков Серебрянский, доставленный на Лубянку прямо из лагеря, Вильям Фишер, в совершенстве владевший немецким…

Но вот так ли уж хотелось Фишеру обратно в органы? И здесь, никого не обижая, приведу одно свидетельство, которое в свое время услышал от людей, Вильяму Генриховичу близких. Свою работу на заводе Фишер вспоминал как едва ли не самый спокойный период жизни. Он наконец-то трудился под своим

именем и обходился без явок, паролей и наружек. Но в сентябре 1941-го Вильям Генрихович снова появился в здании на Лубянке. Простили. Стремился ли он обратно в ЧК? Когда-то, в 1927-м, он взялся за рискованное дело и считал, что бросить такую работу, отказаться, даже после того, как его оскорбили, унизили, будет нечестно перед собственной совестью. И Вильям Фишер вернулся.

А чтобы покончить с темой увольнений и возвращений, забегу немного вперед. После вызволения из американской тюрьмы Фишер некоторое время работал в отделе Первого главного управления, название которого до сих пор упоминать не рекомендуется. Однажды, как рассказывал мне старинный, еще с военных лет друг Фишера, «Вилли вызвали в кадры. Конец 60-х. А говорили с ним будто с мальчиком-лейтенантом. Какой-то кадровик, даже не начальник отдела, сообщил о предстоящей отставке. Неужели не могли пригласить хотя бы к начальнику, поблагодарить…».

И это о человеке, после ареста которого директор ЦРУ Аллен Даллес писал: «Я бы хотел, чтобы мы имели таких трех-четырех человек, как Абель, в Москве». Вторил ему и директор Федерального бюро расследований США Эдгар Гувер: «Упорная охота за мастером шпионажа полковником Рудольфом Ивановичем Абелем является одним из самых замечательных дел в нашем активе».

Я долго беседовал с полковником, ныне, увы, покойным, Дмитрием Петровичем Тарасовым. Он занимался обменом Вильяма Генриховича на Пауэрса, в его отделе Фишер трудился после возвращения из США. Спросил, почему не присвоили подчиненному звание Героя Советского Союза. Оказалось, тогда «разведчикам Героев не присваивали. Медаль, памятный знак — и то давали сложно».

— Имя Абеля превратилось в легенду, однако Абель так и остался полковником, — не унимался я, бередя душу Тарасову, перенесшему несколько инфарктов и относившемуся к Фишеру с явной симпатией.

Насупившись, уйдя в себя, Дмитрий Петрович долго молчал. Потом выдохнул, словно выдавая военную тайну:

— Было представление на генерала перед его болезнью. Не успели. К несчастью.

В сентябре 1941-го Фишер вновь приступил к оперативной работе.

Существует интересная версия о заброске Фишера в тыл к фашистам. Ее автор не кто-нибудь, а близкий друг Фишера и тоже разведчик-нелегал Конон Молодый, действовавший в Северной Америке под именем Бена — Гордона Лонсдейла. Если верить его

воспоминаниям, юный тогда Молодый, заброшенный в немецкий тыл, был арестован и доставлен на допрос. В допрашивавшем его офицере-фашисте Конон узнал Вильяма Генриховича Фишера. Тот не стал долго мучить пойманного советского парашютиста. Чуть не пинками до блеска начищенных, как и полагалось, сапог выпихнул опешившего Молодого из комнаты, а на крыльце еще раз добавил по мягкому месту, и очень крепко.

Правда или мистификация, которые столь любил Молодый? Думаю, что это все же вольный полет фантазии. Известно, что во время войны Вильям Фишер служил в Четвертом управлении НКВД-НКГБ СССР, начальником которого был Павел Судоплатов. Павел Анатольевич — человек и талантливый, и безжалостный — руководил не только партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу врага, но и направлял всю работу агентурной сети на территории рейха и его союзников. Так что записки, скорее литературные, чем оперативные,

Молодого выглядели бы вполне правдоподобно, если бы не опровергались в середине 90-х некоторыми работниками одного из управлений Службы внешней разведки (СВР) России. Доводы звучали убедительно. Фишер обучал молодых разведчиков, агентов диверсионному делу, быстро натаскивал начинающих радистов, допрашивал немецких пленных. Тех, в ком еще теплилась совесть, перевербовывал. Но за линию фронта не забрасывался.

Но время идет, и совсем недавно, летом 2003 года, довелось мне узнать, что, видимо, Фишер все же надевал и фашистскую форму. Из секретных архивов было разрешено всплыть героическому эпизоду. В середине 1944 года немецкий подполковник Шорхорн попал в плен. Его удалось перевербовать и затеять мощнейшую по размаху операцию по отвлечению крупных сил немцев. По легенде, подброшенной противнику ведомством Павла Судоплатова, в белорусских лесах действовало крупное подразделение вермахта, чудом избежавшее плена. Оно якобы нападало на регулярные советские части, сообщало в Берлин о перемещении советских войск. Нападение на наши войска — сплошной вымысел, которому в Германии тем не менее поверили. А вот регулярную связь с Берлином блуждающая в лесах небольшая группа немцев действительно поддерживала.

Именно переодетый в форму фашистского офицера Вильям Фишер и вел вместе со своими и с перевербованными немецкими радистами эту сложнейшую игру. Фишер вместе с группой блуждал по тылам советских войск. Следил, чтобы перемещающиеся под строжайшим контролем нашей разведки немцы регулярно передавали в Берлин полную дезу, умело

замаскированную и вовремя преподносимую. Операция, проводившаяся в Белоруссии, получила название «Березина». Немцы сбрасывали в тыл для своей группировки десятки тонн оружия, боеприпасов, продовольствия. Более двух десятков прибывших в распоряжение Шорхорна диверсантов были арестованы, некоторые перевербованы и включены в радиоигру. В ней Фишеру с его знаниями немецкого и досконально освоенной специальностью радиста отводилась важная роль. И сыграна она была столь филигранно, что лично Гитлер произвел дурачившего его Шорхорна в полковники, а Фишера представили к высшей награде рейха — Железному кресту. Действовали с ювелирной точностью. Малейшая оплошность — и операция была бы провалена. Однако немцев дурачили больше одиннадцати месяцев.

Уже совершил самоубийство Гитлер, наши взяли Берлин, а радиоигра все продолжалась. Только 4 мая 1945 года Фишер и его люди получили последнюю радиограмму откуда-то из Германии. Героических немецких радистов благодарили за службу, сожалели, что не могут больше принимать ценнейшие сведения и оказывать помощь. Уповая только на покровительство Божье, предлагали действовать самостоятельно и держаться до последнего, выразили сожаление, что не могут больше принимать ценнейшие сведения. За эту операцию и за работу во время войны Фишер был награжден орденом Ленина. Однако интересно и другое. Еще в годы Великой Отечественной Вилли Фишер действовал иногда вместе со своим другом Рудольфом Абелем. Сотрудники разведки Вильям Фишер и Рудольф Абель были уже тогда друзьями не разлей вода, и уж что-что, а биографии друг друга изучили досконально.

После войны Фишер трудился в центральном аппарате разведки. Вернувшийся в нелегальную разведку руководитель отдела по работе с нелегалами Александр Михайлович Коротков предложил хорошо знакомому ему Вильяму Генриховичу возглавить сеть советской нелегальной разведки в США, официально считавшихся тогда главным противником. И появляется в личном деле разведчика вот такой короткий документ, датированный 1946 годом: «Я, Фишер Вильям Генрихович, сознавая важность для моей Родины — Союза ССР — нелегальной работы и отчетливо представляя все трудности и опасности, добровольно соглашаюсь встать в ряды нелегальных разведчиков. Я обязуюсь строго соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах не раскрою врагам доверенных мне тайн и лучше приму смерть, чем предам интересы моей Родины».

Осенью 1948-го многомиллионный Нью-Йорк пополнился

новым жителем — художником — литовцем Эндрю Кайотисом. Американский гражданин, он все же решил поменять свое не совсем благозвучное для Штатов имя на Эмиля Роберта Голдфуса. Впрочем, он же в некоторые моменты перевоплощался в Мартина Коллинза, а для Центра и сподвижников-американцев из группы «Волонтеры» оставался просто Марком. Забавно, что мистер Голдфус выбрал для жительства дом на Фултон-стрит, поблизости от ФБР.

Внедрение нелегала — момент деликатнейший. Тут уж если не пойдет, так не пойдет. У Фишера пошло, и настолько здорово, что уже через год Центр поздравил его с награждением орденом Красного Знамени. А в Москву не только из Нью-Йорка, но и с побережья бурным потоком пошли радиограммы о передвижениях боевой техники США. Особенно интересовали Москву все сведения, касающиеся оперативной обстановки в крупных американских портовых городах. Центр очень интересовало передвижение любых американских военных грузов из районов тихоокеанского побережья к нашим или соседним берегам. И художник Голдфус этот понятный интерес всячески удовлетворял.

Хорошо известно и много написано о сотрудничестве Фишера с группой так называемых «Волонтеров», возглавляемых Моррисом Коэном, после смерти своей удостоенным в середине 90-х звания Героя России. Незадолго до кончины Моррис с теплотой рассказывал мне о Милте — еще один псевдоним Фишера. Его портрет висел на самом видном месте в квартире Коэна — пожалуй, ценнейшего, наряду с Филби, советского агента. Больше всего Коэну почему-то запомнилось, что Милт любил назначать встречи своим атомным агентам в зоопарке. «Он предпочитал соседство певчих птиц. Ему нравилось их пение, — мечтательно вспоминал Коэн, — как и то, что в зоопарке человек, наблюдающий не за птицами и животными, а за себе подобными, невольно заметен», — вдруг совершенно по-профессиональному завершил он этот, начавшийся было на трогательно-сентиментальной ноте рассказ.

Да, Фишер руководил в США сетью тех, кого в Америке называли «атомными шпионами». Но опять-таки, если опираться на некоторые косвенные свидетельства, сфера деятельности «Марка» (под этим оперативным псевдонимом работал разведчик) распространялась и на некоторые другие страны. Пока очень мало известно, к примеру, о его работе с нашими нелегалами, заброшенными после и во время войны в Латинскую Америку. Они, прошедшие Великую Отечественную боевые офицеры, были готовы на все — и на ведение незаметных наблюдений за перемещениями американских сил, и, в случае возникновения

такой необходимости, на диверсии. Необходимости, к счастью, не возникло. Но по какой-то причине нелегалы Гринченко, Филоненко, работавшие в Латинской Америке с женами, на годы там осевшие, иногда приезжали в Штаты, встречались с Марком и совсем не в Нью-Йорке. Есть свидетельства, что полковник Фишер успел поработать еще с одним полковником — нелегалом советской внешней разведки. Африка де Лас Эрас, известная также под псевдонимом Родина и Патрия (посмотрите, как переводится с испанского это имя), по национальности — испанка, по убеждениям — коммунистка, по профессии — разведчица высочайшего класса.

Была, по моему убеждению, и еще одна, вроде бы третья по счету агентурная сеть, которую контролировал (или с которой сотрудничал) Марк. И в Америке пригодилось ему знание немецкого. На восточном побережье США он был связан с осевшими здесь немцами-эмигрантами.

Значит ли из всего сказанного и перечисленного, что нелегал Фишер в разные годы работал чуть не со всеми выдающимися нашими разведчиками и ценнейшими агентами? Орловым, Филби и его друзьями, Судоплатовым, Коэнами, людьми из Латинской Америки и даже Патрией. Очень похоже, что именно так. Только в литературную версию Молодого мне не верится.

Но вернемся в Штаты. Фишер ждал подмоги. К нему был послан связник Роберт. Но этот хорошо знакомый Фишеру по прежней совместной работе человек в Нью-Йорке так и не появился. Нервничали и Фишер, и Центр. Связник как сквозь воду провалился. Увы, оказалось, что именно так. Корабль, на котором плыл Роберт, затонул где-то в Балтике. Трагическое стечение обстоятельств, сыгравшее роковую роль не только в судьбе Роберта, но и Фишера. Он горевал страшно. В 1952-м к нему в США приезжает еще один советский нелегал — майор Рейно Хейханен — оперативный псевдоним Вик. Этнический финн, он должен был выполнять функции связника Марка. Но у Вика как-то сразу не пошло. Я попытался выяснить: когда же майор превратился в алкоголика, уже в Штатах или еще в Советском Союзе? Сотрудник управления СВР, ведающего нелегалами, убедил меня, что все-таки скорее всего в Нью-Йорке. Дочь Фишера Эвелина Вильямовна вспоминает: во время отпуска папа очень волновался и переживал. Просил отозвать из Штатов одного сотрудника, тяжело заболевшего, и другого — беспробудно пившего.

Интересно, что за те девять лет, в течение которых Абель нелегально работал в США, он побывал в отпуске, дома. Считается, что через несколько лет нелегальной работы такая

разрядка необходима. В середине 50-х пребывание разведчика в Москве затянулось на несколько месяцев. Как такое возможно? Какие легенды, оправдывающие столь долгое отсутствие, изобретаются во внешней разведке? Тут уж нужно придумать целую судьбу.

Во время того отпуска Фишер добился своего: больного — отозвали. Пьяницу — попытались. Даже присвоили Вику для виду, чтобы успокоить, звание подполковника и приказали прибыть в Париж.

Здесь, вокруг этого неудавшегося отзыва, немало болтовни. Фишера обвиняют в том, что он расслабился, потерял бдительность. Вместо того чтобы рвануть из Штатов в Мексику, а оттуда домой (для этого все было тщательно подготовлено), все же вернулся в Нью-Йорк, где и был арестован. Но Марк не мог знать о предательстве Вика. Наоборот, из Центра передали: все в порядке, Вик отозван. И действительно, после разговора с оперативным работником советской разведки в Париже Хейханен пообещал отправиться в Москву. Однако предпочел попросить убежища в американском посольстве во Франции. Вика быстро переправили в США, где вскоре он дал свои первые показания. А Марк, успокоенный радиограммой из Центра, которую он получил и расшифровал, находясь за тысячи километров от Нью-Йорка, все же рискнул туда возвратиться.

На этот раз против него было все — даже погода. Из-за помех он не смог принять две радиограммы-предупреждения о предательстве Вика: связь с Москвой оба раза была отвратительной. Он и заснул в отеле «Латам», где был арестован, так и не расшифровав радиограмму, где его в очередной уже раз предупреждали: беги, беги!

Еще одна неприятная легенда. Марк сам во многом виноват. При нем нашли немало улик, доказывающих принадлежность к советской разведке. И вот тут давайте по порядку. При аресте он проявил невиданное, прямо-таки фантастическое самообладание и хладнокровие. Люди из ФБР в глаза назвали его полковником, и он тут же понял, что предал Вик — только тот знал, какое офицерское звание у Марка. Фишер ухитрился уничтожить блокнот с кодами и нерасшифрованную роковую радиограмму. Попросил у фэбээровцев карандаш, чтобы написать заявление, сделал вид, будто сломал грифель, подменил бумагу, затем сумел скомкать и спустить в туалет не отправленное в Центр донесение.

А как же письма от жены и дочери, которые в качестве улики демонстрировал и даже зачитывал на суде обвинитель? А кто сказал, что разведчики, даже нелегалы, сделаны из железа? Он очень любил свою жену Елену и дочь Эвелину. Полковник Юрий

Сергеевич Соколов работал с Фишером «в поле», в Нью-Йорке. За два года бывали у них и конспиративные встречи, и тайниковые операции. Сердечнее Соколова, связника полковника Фишера, не расскажешь:

— Мы встретились как-то в пригороде Нью-Йорка. Поговорили, и передаю я ему письмо от жены. Он хотел прочитать, но потом как-то застеснялся, замялся. Я ему: читайте, сейчас обстановка нормальная. И он прочитал, убрал и, вижу, вроде чем-то расстроился. И вдруг покатилась по щеке Марка слезинка и капнула. Слезинка у нелегала. Я такого никогда — ни до, ни после — не видел. Спрашиваю: что-то неприятное? А он мне: да нет, все хорошо, просто расчувствовался. Я один, все время один и очень, очень тоскую по дому. И тут Марк попросил меня узнать, нельзя ли сделать так, чтобы его жену приняли на работу в наше представительство в ООН. Я подумал, — вздыхает Соколов, — что сначала он, бедняга, посмотрит на жену, потом мы устроим ему встречу с выездом на конспиративную квартиру и где-нибудь тут нас могут и прихватить. Видимо, об этом же подумал и Абель. Тихо сказал: «Как бы мне на нее посмотреть, хотя бы издали…»

Вы думаете, такие чувства можно поставить Фишеру в упрек? Хотя однажды я осмелился спросить об этом, не ссылаясь, конечно, на случай с Вильямом Генриховичем, у Героя Советского Союза, великого нелегала Геворка Андреевича Вартаняна и его супруги Гоар Левоновны, проработавших в далеком зарубежье больше сорока лет:

— А как вы хранили письма от родных?

В ответ оба чуть не синхронно всплеснули руками и буквально в один голос:

— В нашей профессии это запрещено. Прочитали два, ну три раза, запомнили. И уничтожили.

— Как уничтожили?

— Лучше всего — сжечь.

А вот эпизод совсем иной. И совсем другой Фишер. Когда жена и дочь встречали отца во Внуковском аэропорту, во время приезда в непонятно как легендированный отпуск, он сразу закурил. Взялась за сигарету и супруга. Уже вполне взрослая Эвелина сказала, что не прочь закурить и она. Фишер посмотрел на жену: «Ну что, выучила и ее».

Когда длинный отпуск подходил к концу, он признался другу, полковнику Павлу Георгиевичу Громушкину: «Паша, не знаю, стоит ли возвращаться. Ведь мне уже за пятьдесят, и я столько лет там…» Но вернулся.

Или еще одно свидетельство. Полупьяный Хейханен

выступает на суде против Марка. Фишер внешне абсолютно спокоен. Его адвокат Донован с восхищением следит за подзащитным, ни малейшим жестом, ни вздохом не выказывающим тревоги. А речь-то идет о приговоре — смерть, пожизненное заключение или 30 лет тюрьмы. Абелю при всех стараниях Донована дают 30 лет. По сути, в его 54 года это обозначает то же пожизненное: в тюрьме до 84 не дотянуть никак. После вынесения приговора полковник спокойно сидит в комнате, на вид совсем безразличен, и лишь с достоинством благодарит Донована.

А что у него в душе? Как же далеко тут до безмятежности! «Мне безумно хотелось выскочить к предателю, схватить Вика за горло и задушить как бешеную собаку. И только сознание чекистского долга заставляло меня быть спокойным, ничем не выдавать волнения, с тем чтобы дать возможность присутствующим убедиться в превосходстве истинного советского разведчика перед предателем» — это из рассказа Фишера уже после возвращения домой.

Абеля-Фишера обменяли на сбитого над Свердловском американского летчика Пауэрса. Многие до сих пор уверены, что это редчайший в истории нашей разведки случай и пошли на него только ради Абеля. Нет, такие обмены совершались не раз. Только о них, кроме обмена в 1964-м Конона Молодого — Гордона Лонсдейла на английского разведчика Гревилла Винна, мало что известно. К примеру, нескольких советских разведчиков, их агентов еще до Второй мировой обменивали, освобождали за деньги или иным способом из тюрем после вынесения суровых приговоров. Иногда агентов освобождали, как Коэнов-Крогеров, арестованных и осужденных в Англии вместе с Молодым-Лонсдейлом, под флагом третьей стороны. Тогда прибегли к помощи поляков.

Для точности замечу, что Абеля обменяли не только на Пауэрса. В придачу к летчику, шпиону-неудачнику, наши подкинули еще двоих студентов — американца Фреда Прайра, приговоренного в Восточном Берлине за шпионаж к смертной казни, и Марви Маккинена, который отбывал срок за шпионаж на Украине.

Вместе с Пауэрсом срок во Владимирском централе отбывал и бывший непосредственный начальник Фишера Павел Судоплатов. В отличие от американца Павел Анатольевич, арестованный в 1953-м и осужденный на 15 лет, был выпущен из тюрьмы лишь летом 1968-го.

Наша разведка разработала и осуществила целую операцию по освобождению Абеля-Фишера. По легенде, у него оказалась

немецкая родственница, якобы живущая в ГДР, в Лейпциге. И на адрес этой фрау Марк начал посылать письма. Американцы даже ездили проверять, существует ли такая. Очень осторожно навели справки у жильцов, осмотрели дом, увидели ее фамилию в списке квартирантов. Подозрений у них не возникло. Будущий начальник нелегальной разведки Юрий Иванович Дроздов, в ту пору еще сравнительно молодой человек, выступал в роли кузена Абеля. Быть может, совсем уж реального, сугубо конкретного результата операция и не принесла, хотя Абелю, конечно же знавшему, что в Лейпциге никаких родственников у него нет, твердо дали понять, что в Центре о нем совсем не забыли. Были исписаны горы бумаги, в ГДР наняли толкового адвоката Фогеля, переводили ему гонорары. Группу возглавлял полковник Тарасов. Но освободили Вильяма Генриховича, просидевшего четыре с половиной года в тюрьме, обменяв на Пауэрса. Зато благодаря всей этой переписке узник постоянно ощущал, что Родина его помнит, заботится и ждет. Ведь в тюрьме давили американцы на полковника страшно.

Принято до небес превозносить адвоката Абеля Джеймса Донована. Он действительно честно выполнил свой долг юриста, сократил Абелю срок, спас от электрического стула. Но как-то забывается, что именно Донован, служивший в войну в американской разведке, не раз предлагал своему подзащитному перейти на чужую сторону. И какие только радужные перспективы не рисовал этот красноречивый и такой противоречивый человек, почти вечно красный от чрезвычайно высокого давления.

Даже когда с обменом все было по существу решено, предпринял последнюю попытку, так, видимо, и не поняв, что есть еще на этом свете люди кристально чистые.

Кстати, Джеймс Донован с его нюхом бывшего разведчика так и не поверил в существование в ГДР родственников русского полковника. Впрочем, он явно был чересчур подозрителен, так и не признав дочь Эвелину и жену Елену за истинных близких Абеля.

Американцы вообще испытывали перед этим человеком чувство страха. То им почудилось, будто он и из камеры ухитряется передавать домой секретные сведения, и они запретили переписку, переводили его из одной тюрьмы в другую. Или вдруг забеспокоились, что Абель вербует заключенных. Подсаживали к нему самых закоренелых, науськивая уголовников: проклятый шпион, враг Америки. Он уживался со всеми, давая сокамерникам уроки, обучая языкам и искусству шелкографии. В тюрьме он рисовал, решал математические задачи. Однажды американцы, любящие всяческие тесты, были

буквально ошарашены. Он столь быстро и верно ответил на вопросы, что сомнений не оставалось: у русского полковника — интеллект гения.

Когда на берлинском мосту Глинике совершался знаменитый обмен, на Фишера нельзя было смотреть без боли: тощий, в разрезанной одежде. Это американцы боялись, что даже из тюрьмы, из плена полковник вывезет нечто ценное, секретное, и напоследок обыскали его с головы до пят, не постеснявшись разрезать все складки на робе. Полный контраст с Пауэрсом, который за несколько лет отсидки сильно прибавил в весе.

Вик Хейханен недолго пожил в Штатах. Года через четыре после суда над Абелем машину Вика раздавил огромный грузовик. Наши разведчики в один голос убеждали: теперь у нас так не действуют. Полковник из управления, работающего с нелегалами, предположил:

— Может быть, американцы решили избавиться от такой ноши? Они его всего высосали. А человека пьющего надо содержать, кормить. Скорее всего, это сделали их спецслужбы. В то время они подобное практиковали.

Ну а Вильяма Генриховича Фишера дома встретили хорошо. Наградили орденом Красного Знамени, предложили отдых и квартиру. Он отказался от того и другого. Сказал, что насиделся за четыре с половиной года, а квартира у него уже есть, ему хватает и двухкомнатной, а предложенную трехкомнатную попросил отдать действительно нуждающимся. Да и дача в поселке старых большевиков от отца осталась. Как-то его непосредственный начальник Дмитрий Тарасов сказал: наверное, хорошо бы вернуть накопленные в США почти за 14 лет личные сбережения — около десяти тысяч долларов. Вильям Генрихович отказался. Одевался скромно — костюм, берет… Тарасов вроде как намекнул, что можно бы и обновить гардероб, прикупить костюмчик. Вильям Генрихович удивился: зачем, у меня уже есть. Но костюм после уговоров жены купили, и, кажется, Фишер остался доволен. Он никогда не гнался за вещами. Любил, правда, дорогие книги. Ему нравилось путешествовать с дочерью, копаться в радиодеталях, что-то мастерить. Прекрасно рисовал. Выступал перед молодыми разведчиками. Работал. Правда, когда однажды встретил на Лубянке старинного друга, знаменитого радиста Кренкеля, то на вопрос, что он здесь делает, ответил: «Работаю музейным экспонатом».

Но чем занимался Фишер в своем до сих пор засекреченном отделе, так и непонятно. Учил молодых — это точно. Говорят, что был он еще великим мастером дезинформации.

Еще один характерный для поведения Абеля эпизод,

сообщенный Эвелиной Вильямовной. Уже после его возвращения из США на скромную квартиру к Фишерам заезжало начальство. Вильям Генрихович всегда приглашал водителей подняться к себе в квартиру. По его мнению, оставлять шоферов внизу было неудобно.

Недавно удалось узнать о ранее неизвестном увлечении Фишера. Оказывается, Вильям Генрихович написал небольшую повесть. Детектив опубликовало московское издательство под чужой фамилией. Ни редактор, ни его начальство настоящей фамилии автора не знали. Про себя решили, что автор — наверняка бывший разведчик, «но не Абель же».

Действие происходит в Париже в середине 50-х годов. Резидент советской разведки с помощью нескольких помощников-антифашистов обезвреживает группу нацистов, мечтающих о реванше и пытающихся перебраться из Латинской Америки в Европу. Он захватывает их архив, уничтожает главаря. Я, признаться, брался за книгу, изданную в середине 60-х, с некоторой опаской. Следует признать: вполне профессионально написанный детектив. Советский разведчик действует под фамилией Флеминг. Значит ли это, что Вильям Генрихович был знаком и с творчеством создателя бондиады, бывшим английским агентом Яном Флемингом? Простые, точно выписанные диалоги. Там, где речь заходит о чисто «шпионских» деталях, автору нет равных. Не случайно за повесть ухватилось телевидение и поставило по ней телеспектакль. Талантливый человек, как ни банально звучит, талантлив во всем.

Фишер жил своей жизнью. Он ни на что и ни на кого не обижался. Впрочем, нет. Однажды в Москву приехал его адвокат Донован. Вильяму Генриховичу очень хотелось с ним встретиться. Запретили, а американцу сообщили какую-то несуразицу. Хорошо, что хоть разрешили подарить через сотрудников старинную книгу — Донован был завзятым коллекционером.

Я пытался разыскать Донована в Нью-Йорке через знакомых. Не вышло. Адвокат умер, конторы его больше не существует. Жаль. В его книге «Незнакомцы на мосту» об Абеле столько недосказанного. Теперь об этом уже никто и никогда не узнает…

Однажды в Москву будто снег на голову свалился сокамерник: то ли австриец, то ли немец, отбывавший с Абелем срок за мошенничество. Зубной врач, он настолько проникся симпатией к русскому, что сумел в тюрьме починить полковнику вставную челюсть. Фишер был ему благодарен. Дантист отсидел свое и приехал в Москву, к старому знакомцу. Но уж если не допустили Донована, то что уж какой-то стоматолог…

Угнетало ли Вильяма Генриховича чувство, что он

недостаточно реализовал свои возможности? По словам единственной и любимой дочери Эвелины, он считал, что прожил жизнь достойно. Разве что тяготило его, да и родных, взятое при аресте чужое имя, от которого он так и не смог отделаться. Его друг подполковник Рудольф Иванович Абель не дождался возвращения товарища из США, умер. Вроде бы можно было предстать перед миром под своей собственной фамилией. Но в разведке свои законы.

Вильям Генрихович ушел из жизни осенью 1971 года. Рак. Жена и дочь настаивали: надо хоронить под своим именем. Спорили, убеждали. И убедили.

Вильям Генрихович сыграл определенную роль и в моей жизни. Мне, родившемуся в 1949-м, однажды довелось увидеть Абеля. К моему отцу, журналисту и киносценаристу Михаилу Долгополову, частенько захаживал приятель — писатель, драматург Владимир Вайншток, по понятной причине выступавший в те годы под псевдонимом Владимиров. Был он человеком в общении легким, остроумным и, как мне помнится, говорливым. Рассказывал о планах, свершениях. Однажды таинственно сообщил, что написал для режиссера Саввы Кулиша сценарий фильма о разведчиках. Консультировали его два полковника, попавшие в плен, а теперь живущие в Москве. Как сейчас понимаю, Конон Молодый и Фишер. Вайншток пригласил на просмотр. И тогда в «Мертвом сезоне» я в первый и последний раз увидел Абеля — сначала в фильме, а потом и в зале.

Я «расстался» с Абелем надолго — до 1993-го. Никогда не писал о разведке и после «Мертвого сезона» если и видел разведчиков, то лишь в кино. В конце 80-х — начале 90-х пять с лишним лет проработал собственным корреспондентом «Комсомольской правды» во Франции. Уезжал из Советского Союза, а вернулся в другую страну — новую, непонятную. И тогдашний редактор «Комсомолки» Владислав Фронин, видя полную мою неприкаянность, предложил: «Слушай, 11 июля 1993-го — 90 лет Абелю. Попробуй». Я отнекивался, тема разведки была для меня неведома. Но Владислав твердо пообещал опубликовать целых два материала, для «КП» с ее немыслимой конкуренцией за место в газете небывало много, и я решился. Опубликовали три. С тех пор это моя тема…

Н. ДОЛГОПОЛОВ

Ким Филби

«Сыновья многих виднейших англо-деятелей сочувствуют коммунистическому кружку и ведут для него работу. Список их будет у нас в ближайшее время» — так писал в Москву в июле 1934 года Александр Орлов — руководитель нелегальной резидентуры Иностранного отдела ОГПУ в Лондоне. Человеком, который взялся составить и передать такой список, был выпускник Кембриджского университета Ким Филби. Таким было первое задание советской разведки, с которой Филби связал свою судьбу для достижения великой цели.

Гаральд Адриан Рассел Филби родился 1 января 1912 года в Амбале, приютившейся в горах живописнейшей провинции Индии — Пенджабе. Его прозвали Ким в честь полюбившегося ему смелого мальчишки-разведчика, героя рассказа Редьярда Киплинга. Ким и сам был сыном видного «англо-деятеля», как в стиле языка того времени Орлов называл представителей британского правящего класса. Отец Кима, Гарри Сент-Джон Филби, служил советником Министерства по делам колоний, однако в 1924 году был уволен за разногласия с правительством. В секретном докладе британской контрразведки МИ-5 говорилось, что Сент-Джон «неоднократно проявлял демонстративное неподчинение официальной политике».

Расставшись с государственной службой, Сент-Джон Филби целиком отдался своему увлечению исламским миром, стал известным ученым-арабистом и личным советником короля Саудовской Аравии, принял мусульманство и взял в качестве второй жены девушку-рабыню.

Детство Кима прошло в атмосфере обожания знаменитого отца, который чаще бывал в отъезде, чем дома, исследуя пустынную часть Аравии. Одержимости отца чуждыми европейцу прелестями ислама соответствовало страстное увлечение сына коммунистической идеологией. На первый взгляд это было тем более удивительно, что Ким не испытал в своей жизни нищеты или социальных лишений. Он происходил из привилегированного слоя и получил образование в учебных заведениях, предназначенных для отпрысков британского правящего класса — частной лондонской школе Вестминстер (давшей Британии больше премьер-министров, чем более известные Итон, Хэрроу или Рэгби), а потом в Тринити-колледж Кембриджского университета.

Однако более глубокое осмысление социально-политической ситуации, сложившейся в Великобритании в межвоенный период

в силу внутренних и внешних факторов, вполне объясняет влечение молодых образованных британцев к коммунизму. Великий кризис конца 20-х — начала 30-х годов, до основания потрясший экономику самых богатых капиталистических стран, разоривший тысячи мелких и средних собственников и выбросивший на улицу миллионы рабочих, заставил многих усомниться в экономической целесообразности и социальной справедливости свободных рыночных отношений. Особенно остро это воспринималось на фоне промышленных достижений первых пятилеток советской плановой экономики и декларируемого социализмом всеобщего равноправия.

Внешним фактором было установление фашизма в Италии, где он стал официальной идеологией режима Муссолини, и в еще большей степени — приход к власти в Германии национал-социалистов. Думающие люди понимали, что и то и другое произошло в результате экономического кризиса и интуитивного поиска обнищавшим населением этих стран «сильной руки», способной навести «порядок».

Филби неуклонно склонялся «влево», начиная с поддержки лейбористской партии в Вестминстере и усердной предвыборной агитации за лейбористов в Кембридже, где стал казначеем университетского общества социалистов. Но после поражения лейбористской партии на выборах 1931 года он испытал разочарование в социал-демократии и, по его собственному признанию, на последнем семестре в Кембридже убедился в том, что для Великобритании коммунизм действительно предлагает выход.

«Уже в 1931–1933 годах я стал все больше и больше сближаться с коммунистической группой в университете, начал посещать их собрания, — вспоминал Филби. — Тогда же они познакомили меня с книгами Карла Маркса. Все это привело к тому, что в конце своего пребывания в Кембридже, а именно в последнюю неделю, я решил присоединиться к коммунистическому движению». Филби «освятил» свое обращение в новую веру приобретением Полного собрания сочинений Карла Маркса, на что потратил 14 фунтов стерлингов, полученные им в качестве вознаграждения за отличную сдачу экзаменов по экономике на степень бакалавра.

Сделанный Филби выбор в пользу коммунизма не был каким-то прозрением, но был результатом длительных личных переживаний. Ему трудно было примирить внутри себя честолюбивую мечту о блестящей дипломатической карьере с искренней преданностью коммунистическим идеям. Его следующий шаг говорит о том, что внутренняя борьба между

честолюбием и идеологией продолжалась еще некоторое время, прежде чем найти свое естественное разрешение в сотрудничестве с советской разведкой.

«После окончания университета я собирался поехать в Австрию изучать немецкий язык, историю и культуру Германии», — вспоминал Филби, указывая, что его поездка первоначально все же мотивировалась надеждой стать дипломатом. Обратившись за советом к Морису Доббу, своему университетскому наставнику по экономике и вдохновенному марксисту-революционеру, он получил от него письменную рекомендацию в Международную организацию помощи рабочим (МОПР), располагавшуюся тогда в Париже.

Вполне в английской спортивной манере Филби отправился в Европу на мотоцикле, приобретенном на гонорар за редактирование доклада своего отца о его новейших исследованиях Аравийской пустыни. В Париже он посетил МОПР и получил рекомендацию к Георгу Неплеру, лидеру австро-германского Комитета помощи иммигрантам. Комитет помогал беженцам, спасавшимся от гитлеровского режима.

Вена, где скоро оказался Филби, превратилась в передовую линию конфликта, в котором приободренные приходом Гитлера к власти местные нацисты пытались повлиять на политику правительства. Австрийский канцлер Энгельберт Дольфус, встревоженный ростом влияния нацистов, надеялся прийти к соглашению с Гитлером. Однако для этого он должен был удовлетворить требование правого крыла правящей коалиции и подавить сопротивление рабочих кварталов столицы.

Ким Филби приехал в Вену в разгар возведения баррикад для защиты окраинных жилых комплексов Карл-Маркс-хоф и Гёте-хоф. Ему казалось, что грядет решающее противостояние между силами фашизма и социализма. В последующие годы он с гордостью вспоминал о своей роли в этой великой борьбе. Он писал политические брошюры и собирал пожертвования, которые неизменно становились щедрее, когда люди слышали его английский акцент. «В феврале 1934 года в Австрии произошел переворот, который застал партию неподготовленной, — вспоминал Филби. — Началась травля коммунистов. В этих условиях главной задачей для нас была организация переправки коммунистов в Чехословакию. Здесь мне здорово помог мой британский паспорт».

Британский паспорт Филби помог еще одному человеку, сыгравшему ключевую роль в повороте его судьбы. По рекомендации Георга Неплера Ким поселился в семье Колманов, где встретил их дочь — очаровательную Литци. Всего двумя

годами старше Кима, она была членом коммунистической партии Австрии и успела уже отсидеть две недели в тюрьме за коммунистическую деятельность. Молодые люди полюбили друг друга и вместе выполняли тайные задания партии. В феврале 1934 года, когда опасность ареста и отправки Литци в концентрационный лагерь становилась все более реальной, Филби решил жениться на ней и дать ей таким образом возможность получить британское подданство, которое гарантировало, по его словам, «почти дипломатический статус». 24 февраля 1934 года Ким и Литци поженились, а через два месяца она получила британский паспорт.

В Лондон молодые люди вернулись все на том же мотоцикле, проведя по дороге несколько дней отложенного «медового месяца» в Париже. По возвращении Ким встал перед выбором: открыто признать свою приверженность коммунизму и вступить в компартию или попытаться осуществить свою мечту стать дипломатом. Он выбрал второе, хотя пережитые им события в Австрии и бездеятельность Англии и Франции перед лицом нацистской угрозы еще больше убедили его в том, что только Советский Союз мог дать какую-то надежду на спасение Европы от Гитлера. Непонятно, как без серьезного кризиса личности Ким смог бы примирить в себе службу Его величеству и коммунистические взгляды, но у него не было средств к существованию, и дать их могла не партийная работа, а диплом Кембриджского университета. Мать Кима, Дора Филби, всячески способствовала принятию такого решения сыном. «Я очень надеюсь, что Ким получит работу, которая отвлечет его от этого проклятого коммунизма, — писала она его отцу в Джидду. — Он еще не стал экстремистом, но может стать, если у него не появится чего-нибудь такого, что заняло бы его ум».

Однако ее надежды и надежды сына на карьеру в Министерстве иностранных дел разбились вдребезги после посещения им Кембриджа. Старший преподаватель Тринити-колледж Денис Робертсон весьма сдержанно отнесся к просьбе Кима дать ему рекомендацию для поступления в Форин Офис и предупредил, что должен будет предуведомить приемную комиссию о том, что «чувство политической несправедливости у его бывшего студента, возможно, делает его непригодным для административной работы».

Филби понимал, что с такой характеристикой он не мог рассчитывать на место на государственной службе, и решил официально вступить в коммунистическую партию. «Я посетил дом 16 на Кинг-стрит, где в то время размещалась штаб-квартира компартии Великобритании. Там я встретился с Уильямом

Галлахером и Беллом Брауном и рассказал им о своей работе в Австрии, — вспоминал Филби. — Они поинтересовались, хочу ли я вступить в партию, но предупредили, что им необходимо будет навести обо мне справки у австрийских коммунистов, и посоветовали прийти через полтора месяца». Ким был обижен, но не настолько, чтобы не принять участие в первомайской демонстрации 1934 года. По его словам, это была его «последняя коммунистическая акция», которую он предпринял открыто. Вскоре его жизнь круто переменилась.

В ожидании решения о приеме его в компартию Ким и Литци зашли как-то на чашку чая к австрийской коммунистке Эдит Тюдор Харт, которая, так же как и Литци, вышла замуж за англичанина, чтобы выбраться из небезопасной Вены. Ким с увлечением рассказал Эдит о своем пребывании в Австрии и заявил, что приобретенный им опыт более чем когда-либо укрепил его намерение найти способ продолжить партийную работу в Англии. Его слова попали в самую точку.

Для внешнего мира Эдит была талантливым профессиональным фотографом. В другой, тайной жизни она была агентом советской разведки, в чью задачу входил поиск людей для секретной работы. Советский разведчик-нелегал Арнольд Дейч, с которым была связана Эдит Тюдор Харт, так докладывал о ней в Центр: «Я знаю ее с 1926 года по Вене. Ей около 30 лет. Она вышла замуж за английского врача и в мае приехала в Англию. Работает в качестве фотографа, имеет студию. Стала одним из самых известных детских фотографов в Англии. Я встретился с ней вскоре после своего прибытия в Англию. Она сразу же согласилась работать на нас».

Молодой выпускник Кембриджа заинтересовал Эдит идейной убежденностью и горячим желанием действовать. Эдит решила действовать быстро, с тем чтобы успеть предупредить вступление Филби в компартию. Через собственные каналы в австрийском подполье она срочно проверила то, что рассказал о себе Филби, и с разрешения Дейча пригласила его на встречу. «Она сказала мне, что если я действительно интересуюсь коммунистическим движением, то она готова познакомить меня с одним очень важным человеком, — вспоминал Филби. — Я нашел, что это что-то серьезное, тем более что на встречу с этим человеком мы поехали сложным путем, меняя транспорт и проверяясь. Наконец мы приехали в Риджентс-парк, где я увидел этого человека».

Эдит представила Филби Дейчу и удалилась. «Во время всего разговора Дейч был очень конспиративен, — вспоминал Филби. — Он сразу же попросил меня лечь на траву — сам он сидел на скамейке — и смотреть в противоположную сторону, как

будто мы не знакомы». Разговор шел на немецком языке. «Он прекрасно знал все обо мне и моей деятельности в Австрии, — продолжал Филби. — Дейч сразу же сказал мне, что если я открыто вступлю в компартию, то вряд ли смогу принести большую пользу — скорее всего, буду продавать «Дейли уоркер» на улицах, как и многие другие коммунисты. Тогда как с моим происхождением и образованием я могу с большей пользой применять свои силы».

Дейч объяснил, что в случае согласия Филби его ожидала бы интересная работа, суть которой заключалась в добывании секретной информации и передаче ее тайной антифашистской организации. Дейч, конечно, прибегнул к рассчитанной хитрости: он не хотел сразу отпугнуть молодого человека предложением сотрудничества с советской разведкой.

«Через полчаса я сказал: «О'кей, я согласен», — припоминал Филби, обыденные слова, которыми он определил свою судьбу. — Тогда я еще не знал, что он работает на Советский Союз, да это ничего и не изменило бы».

Согласие Кима на секретную работу было решением его внутренней проблемы: внешне он мог и даже должен был вести жизнь и делать карьеру человека из привилегированных слоев британского общества, но не вопреки, а в силу своих скрытых коммунистических убеждений. Но чтобы сделать необходимую разведке карьеру, Филби сначала нужно было освободиться от репутации левого социалиста. Имея право на доступ в закрытый круг государственных служащих благодаря принадлежности к элите и образованию, Филби лишился его из-за открытой поддержки левых социалистов. Поэтому он был вынужден избрать менее свойственный джентльмену путь в братство Уайтхолла: завести связи в правительстве, став респектабельным журналистом.

Это было непростой задачей для выпускника Кембриджа, не имевшего ни опыта журналистской работы, ни склонности к ней. Но Филби проявил настойчивость и умение достигать поставленной цели. Он разыскал знакомых отца в редакциях газет и журналов и получил место в «Ревью оф ревьюз», выпускаемом небольшим тиражом журнале, либеральная позиция которого создавала ему прекрасное прикрытие для восстановления необходимой политической репутации. Филби удалось продемонстрировать в статьях политическую благонадежность. Владелец журнала сэр Роджер Чанс говорил о нем как о «слегка либеральном», но «достойном молодом человеке, обладающем чувством юмора и не имевшем, в отличие от своего отца, каких-либо распознаваемых политических взглядов».

Когда Филби выполнил первое разведывательное задание и принес Дейчу список из семи выпускников Кембриджа достаточно левых взглядов, чтобы быть полезными советской разведке, и достаточно перспективных, чтобы проникнуть в интересовавшие советскую разведку учреждения, Александр Орлов поставил вопрос о привлечении к сотрудничеству одного из них — Дональда Маклина, сына бывшего министра британского кабинета. Филби было поручено поговорить с ним о «специальной работе». Маклин взял два дня на размышления и дал свое согласие. Став впоследствии чиновником Форин Офис, он передавал советской разведке ценную информацию о внешней политике Великобритании. Другой человек из списка, талантливый и эксцентричный Гай Берджесс, обратил внимание на перемену в поведении Маклина — его отход от левых единомышленников, — и стал приставать к нему с расспросами. Орлов после недолгих размышлений решил, что лучше его привлечь к работе в разведке и связать обетом молчания, нежели дать возможность, пусть неумышленно, привлечь внимание к Маклину. Берджесс стал способным и изобретательным разведчиком, проникшим в спецслужбы, а затем и МИД Великобритании. Первое задание Филби положило начало созданию агентурной сети советской разведки, получившей историческое название «Кембриджской группы».

В первые годы становления Филби как разведчика с ним работали нелегалы Арнольд Дейч, Александр Орлов и Теодор Малли. Эрудированный и обаятельный Дейч и не по-религиозному рациональный бывший священник Малли, которых Ким знал только как Отто и Тео, оставили неизгладимое впечатление в его душе. Орлов же, известный тогда Филби как «Большой Билл», был для него особым человеком. «Он относился ко мне по-отцовски, — вспоминал Филби через много лет. — У меня же было ощущение, что вот это истинный начальник всего этого дела из Москвы, и у меня было к нему отношение как к герою. Это не означало, что я думал плохо или менее уважительно об Отто или Тео, но просто на этот раз пришел настоящий русский, советский человек. Иными словами, если я считал Тео и Отто коммунистами, то Орлова я считал большевиком».

Именно Орлов сказал Филби: ты можешь делать, что угодно, но твоя цель — британская разведка. И Ким последовательно и настойчиво шел к этой цели. В своем движении вправо он не только отошел от левого социализма, но и даже перебрал, вступив в Англо-германское товарищество и редактируя пронацистское издание. В это время он неоднократно выезжал в

Берлин, где встречался с министром пропаганды Геббельсом и министром иностранных дел Риббентропом. С началом гражданской войны в Испании Филби в качестве корреспондента проник в стан Франко, чтобы по заданию Центра собрать информацию, необходимую для подготовки его ликвидации силами НКВД. Вернувшись в Лондон практически с пустыми руками, Филби сначала отчаялся, но потом вновь отправился к Франко в Испанию, теперь уже в качестве корреспондента влиятельной «Таймс». На сей раз перед ним не стояла задача подготовки теракта, а сбора разведывательной информации, которую он передавал Александру Орлову. Последний был в то время советником республиканского правительства по вопросам безопасности, а на деле резидентом НКВД в Испании. Находившиеся по разные стороны фронта Филби и Орлов встречались на прилегающей к Испании территории Франции. На встречи Орлов приезжал на большом черном автомобиле с преданными ему немецкими бойцами-интернационалистами. Филби видел перед собой усталого, но очень твердого и решительного человека в пыльном плаще, под которым был спрятан автомат. Зримое проявление опасности усиливало романтику разведывательной работы.

В Испании Ким сам однажды попал в ситуацию, в которой чаще оказываются герои шпионских боевиков, нежели хорошо подготовленные разведчики. Находясь в Севилье, он увидел объявление о корриде, которая должна была состояться в ближайшее воскресенье в Кордобе. Посещение Кордобы, находившейся в тот момент всего в двадцати пяти милях от линии фронта и потому открывавшей возможность общения с участниками военных операций, было весьма соблазнительным. Ким зашел в комендатуру Севильи и попросил пропуск на поездку в Кордобу, но знавший его майор только дружелюбно махнул рукой: пропуск не нужен.

Приехав в Кордобу, Ким заночевал в отеле «Гран Капитан». Посреди ночи его разбудил громоподобный стук в дверь. Когда он открыл ее, в комнату ворвались два вооруженных гвардейца. Перевернув постель и вещи Кима, они велели ему собрать чемодан и следовать за ними в комендатуру. Ким, конечно, надеялся на спасительную силу своего британского паспорта, но в поясном кармане его брюк лежал сложенный вчетверо маленький листок рисовой бумаги с шифровальным кодом и подставными зарубежными адресами для отправки разведсообщений.

Листок был убийственным компрометирующим материалом, и избавиться от него надо было во что бы то ни стало. Ким надеялся сделать это по дороге, но опытные конвоиры следили за

всеми его движениями. В комендатуре он предстал перед офицером, явно недолюбливавшим англичан. Он потребовал у Кима пропуск на посещение Кордобы и не удовлетворился полученным объяснением. Порывшись в содержимом чемодана, гвардейцы простучали и замерили сам чемодан с целью обнаружения возможных потайных мест. Убедившись, что ничего подозрительного там нет, они попросили Кима предъявить содержимое карманов. Он вывернул карманы брюк, а когда дело дошло до бумажника, бросил его на стол, движением кисти придав ему вращение. Бумажник пролетел до противоположного края стола, и солдаты инстинктивно ринулись к нему. Воспользовавшись секундным переключением внимания гвардейцев, Ким быстро достал листок рисовой бумаги и проглотил его.

Дело закончилось тем, что майор прочитал Киму короткую лекцию о засилье коммунистов в британском правительстве и отпустил его. Наутро гвардейцы явились в гостиницу, где остановился Филби, проехали с ним в такси до железнодорожного вокзала и убедились, что он сел на поезд.

За время гражданской войны в Испании Ким видел много крови и смертей, Однажды сам чуть было не погиб от снаряда, выпущенного республиканцами по эшелону, в котором он ехал вместе с франкистами. Несмотря на сложные переживания, которые он испытывал, видя сотни погибших в бою республиканцев, — его репортажи в «Таймс» должны были быть объективными. Того требовала редакционная политика газеты, которая, не ведая того, предоставляла Филби прикрытие для его разведывательной деятельности в пользу антифашистских сил. Статьи Филби устраивали не только «Таймс», но и пришлись по душе самому Франко настолько, что он лично наградил Кима орденом Красного Креста за боевые заслуги. Это была награда за разведывательное мастерство Кима Филби.

Гражданская война в Испании была своего рода генеральной репетицией грядущего мирового конфликта, и эта репетиция закончилась поражением республиканцев. Ее исход и невмешательство главных мировых держав не могли не укрепить Гитлера в намерении напасть на Польшу и таким образом приступить к выполнению планов завоевания жизненного пространства для немцев. В ответ на вторжение вермахта в Польшу Англия незамедлительно объявила войну Германии, и военный конфликт охватил Западную Европу.

Ким Филби покинул Испанию в июле 1939 года и вскоре оказался во Франции в качестве военного корреспондента «Таймс» при штабе британских войск в Аррась. Военная операция

англичан на континенте закончилась поражением. Под натиском немецких дивизий они отступили к французскому побережью Атлантики и с большими потерями эвакуировались через Брест, Булонь и Дюнкерк, ставший в истории именем нарицательным.

Ким вернулся в Лондон в июне 1940 года. Он хотел оставить «Таймс», так как считал, что работа военного корреспондента в условиях цензуры не представляла для него интереса. Он осторожно прощупывал возможность устройства на работу в секретные службы и даже удостоился интервью с ведущим специалистом Государственной школы кодирования и шифрования Фрэнком Берчем. Несмотря на свое название, школа имела мало общего с образовательным учреждением: она занималась дешифрованием перехваченных секретных сообщений других государств. Филби был очень раздосадован, когда Берч отклонил его кандидатуру по той причине, что не сможет предложить ему достойную зарплату.

Несколько дней спустя Кима вызвал к себе редактор иностранного отдела «Таймс» Ральф Дикин и сказал, что звонил капитан Лесли Шеридан из военного министерства и интересовался, не готов ли Филби заняться «военным делом». Ким без колебаний откликнулся на это предложение и вскоре встретился в лондонском отеле «Сент Эрмин» с мисс Марджори Макс. Позже он узнал, что «Сент Эрмин» был облюбован офицерами британской разведки как место проведения тайных встреч и превратился в своего рода доступный для посвященных филиал Сикрет интеллидженс сервис. Мисс Макс, дама лет пятидесяти, подняла вопрос о политической работе против Германии. Ким, изъездивший Западную Европу вдоль и поперек и знавший нацистов не понаслышке, произвел на нее своими ответами благоприятное впечатление и получил приглашение на очередную встречу.

На этот раз мисс Макс пришла в сопровождении Гая Берджесса, который в то время уже работал в отделе «О» британской разведки. Так же как Филби в 1934 году рекомендовал Берджесса для работы в советской разведке, шесть лет спустя Берджесс поддержал кандидатуру Филби при его поступлении на работу в СИС. В течение всей беседы он отвечал на обращенные к нему вопрошающие взгляды мисс Макс одобрительными кивками. Ким Филби был принят на работу в британскую разведку. Вместе с Гаем он отметил это событие дружеской попойкой.

Сначала Филби работал в отделе «О», а после его реорганизации в отделе Специальных операций, где занимался подготовкой агентов для ведения подрывной работы на

территории противника. В 1941 году его перевели в отдел «V» и назначили начальником Иберийского отделения, отвечавшего за разведывательную работу в Испании и Португалии. Обе эти страны соблюдали нейтралитет в войне и, так же как и Турция, были местом самой оживленной работы британской и немецкой разведок. Позднее в сферу ответственности Филби вошли Италия и Северная Африка. В это же время он участвовал в первых контактах британской разведки с Управлением стратегических служб США, предшественником ЦРУ.

В условиях войны опыт, а с ним и авторитет Филби росли с каждым днем, и в 1944 году, всего через четыре года после поступления в СИС, он получает назначение на должность начальника вновь созданного отдела IX. Задачей этого подразделения британской разведки было планирование и осуществление тайных операций против Советского Союза и международного коммунистического движения.

Обсуждение послевоенного устройства мира велось в британском правительстве чуть ли не с самого начала войны с Германией и при многих неизвестных напоминало дележ неиспеченного пирога. В 1944 году стал очевиден тот факт, что в результате теперь уже неизбежной победы над Германией и ее союзниками СССР выйдет из войны признанной мировой державой с огромным экономическим и военным потенциалом и политическим влиянием на освобожденные им от нацистов страны Восточной Европы. В условиях союзнических отношений Великобритания не могла открыто бороться с таким противником — это станет возможно только в период холодной войны, — но готовить для такой борьбы почву с помощью секретных действий было признано вполне допустимым.

Возглавив отдел IX, Филби стал причастен к информации, раскрывающей планы и намерения британского правительства в отношении Советского Союза, то есть к тому, что наиболее интересовало разведку НКГБ. К лету 1945 года Штаб послевоенного планирования закончил работу над документом «Безопасность Британской империи». Этот основополагающий материал объемом в 68 страниц был представлен Комитету начальников штабов 29 июня 1945 года, то есть в то время, когда СССР и Великобритания были еще союзниками, когда еще предстояли Потсдамская конференция и совместные действия против Японии. В качестве директивы Министерству иностранных дел и военным министерствам он официально определял в качестве главного противника — СССР (Советский Союз определил США в качестве главного противника только в 1950 году) и намечал ряд мероприятий, которые позднее были

реализованы Западом. А именно установление «особых отношений» с США и притягивание их к обороне Западной Европы, завязывание западноевропейских стран на защиту Великобритании, создание блоков НАТО, СЕНТО И СЕАТО и сети баз по всему миру. Документ был подготовлен с позиций реальной политики и лишен какой-либо идеологии, кроме одной — защита интересов Британской империи. Он отражал голые интересы метрополии и в силу особо секретного характера был настолько откровенен, что не беспокоился о пропагандистском прикрытии в виде рассуждений о правах человека, тоталитаризме и демократии. На современном языке предлагаемые им решения можно было бы назвать технократическими. В то же время они были слишком амбициозны и непосильны для послевоенной Великобритании. Конфронтационный дух доклада должен был серьезно насторожить советское руководство.

Однажды в августе 1945 года начальник СИС генерал-майор сэр Стюарт Мензис, именовавшийся внутри службы одной буквой «С», вызвал Филби к себе и предложил ему ознакомиться с пачкой документов, полученных из Форин Офис. В письме британского посланника в Турции излагалась следующая история: вице-консул советского генерального консульства в Стамбуле Константин Волков обратился к британскому вице-консулу с просьбой о предоставлении ему и его жене политического убежища в Англии. Волков сказал, что на самом деле он является сотрудником НКГБ и в обмен на предоставление ему убежища готов передать сведения об этой организации и ее агентурной сети за границей. В частности, ему якобы известны имена трех советских агентов в Англии: два из них работают в Форин Офис, а один возглавляет контрразведывательную службу. Волков просил не использовать телеграфную шифрпереписку в информировании Лондона о его просьбе, так как советская дешифровальная служба расколола некоторые английские шифры. В комментарии британского вице-консула говорилось, что Волков был в весьма неустойчивом психическом состоянии.

Британское посольство уважило просьбу Волкова и направило сообщение о его предложении дипломатической почтой — медленно, но верно. Таким образом, документы попали в руки Филби только через десять дней после события. У Кима почти не было сомнений в том, что Волков не блефовал. В британском МИДе работали Дональд Маклин и Гай Берджесс. Маклин находился в это время в английском посольстве в Вашингтоне, а Берджесс служил в пресс-отделе Форин Офис. Контрразведывательную организацию, правда, внутри разведки возглавлял сам Филби: на IX отдел были возложены функции

внешней контрразведки — поэтому именно его вызвал начальник СИС, чтобы посоветоваться по делу Волкова. У Кима были минуты, чтобы выбрать способ действий. Ему показалось, что он немного дольше, чем было нужно, читал бумаги. За это время он успел привести свои мысли в порядок и заявил, что это дело чрезвычайной важности, но, прежде чем давать рекомендации относительно дальнейших действий, ему нужно немного времени, чтобы проверить, имеется ли в архиве СИС какая-либо информация о Волкове. Начальник разведки согласился с этим и велел доложить о результате на следующее утро.

Оказавшись в своем кабинете, Филби проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что единственным способом избежать провала было ехать в Стамбул самому и заниматься делом Волкова на месте. Придя к такому выводу, он озаботился тем, чтобы проинформировать советских друзей обо всем случившемся.

На следующее утро Ким доложил Мензису, что никаких сведений о Константине Волкове в СИС не имеется, но тем не менее его предложение представляется чрезвычайно важным. Он предложил направить в Стамбул человека, который был бы полностью в курсе дела, рассчитывая на то, что «С» предложит поехать именно ему. Мензис поддержал эту мысль и сказал, что накануне в клубе встретил бригадира Дугласа Робертса, начальника ближневосточного разведывательного отдела контрразведки МИ-5, которая отвечала за секретную работу на территории Британской империи. Бригадир произвел на «С» хорошее впечатление, и он намеревался просить начальника МИ-5 сэра Дэвида Петри отправить Робертса в Стамбул, чтобы заняться делом Волкова.

Киму было нечего возразить против кандидатуры старшего офицера. Он удалился, напомнив «С» о необходимости согласовать вопрос с Форин Офис: такая формальность могла затянуть решение вопроса и дать, таким образом, советской разведке больше времени для принятия мер в отношении Волкова. Но после обеда «С» вновь вызвал Кима к себе и огорченно сообщил, что, как выяснилось, бригадир Робертс принципиально не летает самолетами и готов отправиться в Стамбул только морем. Почувствовав, что удача вновь повернулась к нему лицом, Ким вызвался отправиться в Турцию сам. «С» облегченно вздохнул и согласился. Вместе они отправились в Форин Офис, где Филби дали письмо с указанием английскому послу в Турции оказать всяческое содействие в выполнении его миссии. В шифровальном отделе СИС Кима снабдили индивидуальными средствами секретной переписки.

Только через три дня после ознакомления с материалами по делу Волкова Ким вылетел в Стамбул.

Из-за плохой погоды над Средиземным морем полет занял двое суток, два последующих дня ушли на согласование плана действий с английскими дипломатами в Стамбуле. Предстояло не только установить контакт с Волковым и провести с ним секретную встречу, но и разработать способ его тайного вывоза из Турции в Англию. Однако операция закончилась, едва успев начаться. На первый звонок английского вице-консула, обычно имевшего служебный контакт с Волковым, в советском генеральном консульстве сначала ответил человек, назвавшийся Волковым. Но вице-консул положил трубку, объяснив это тем, что голос был явно не Волкова. На другой звонок ответили, что Волков вышел. На следующий день вице-консулу сказали, что Волков уехал в Москву. В ответ на четвертый звонок английского дипломата было сказано, что ни о каком Волкове никогда не слышали.

Филби направил Мензису зашифрованное личным шифром сообщение о постигшей СИС неудаче. В своем окончательном докладе он объяснил провал тем, что настойчивая просьба Волкова не использовать телеграфную шифрпереписку задержала решение его вопроса на три недели. За это время русские могли заподозрить его в изменнических настроениях, он мог выдать себя повышенной нервозностью или проговориться под влиянием спиртного. Для СИС дело Волкова было закрыто. Но только на некоторое время.

Конечно, на основании самого первого сообщения Филби Москва приняла меры к тому, чтобы предотвратить измену Волкова. Он был своевременно вывезен из Турции. Однако переданные им англичанам наводки могли стать и действительно стали основанием для расследования и поиска советских источников. В соответствии с установленной в таких случаях процедурой все оперативные связи лондонской резидентуры были надолго заморожены и не напрасно. Длительная консервация ценных агентов была вызвана резким ухудшением условий оперативной работы: усиленным наружным наблюдением за советскими гражданами и проверкой английской контрразведкой государственных служащих по наводкам, полученным ей от Волкова и предателя Гузенко, шифровальщика ГРУ, перебежавшего на сторону противника в Канаде примерно в то же время. Главным связующим звеном между резидентурой и «Кембриджской группой» оставался Филби, который знал о мероприятиях МИ-5 против советской разведки в Англии и потому мог лучше обезопасить себя при выходе на встречи.

В конце 1946 года новый начальник СИС генерал Синклер пригласил к себе Филби и предложил ему должность резидента английской разведки в Турции. Приняв это предложение, Филби в значительной мере потерял бы тот доступ к секретной информации, который он имел в Лондоне. Но и не принять его было нельзя. Во-первых, для этого у Кима не было достаточно убедительных оснований, а во-вторых, работа на руководящей должности за границей была необходимой ступенькой продвижения по служебной лестнице. Поразмышляв, Ким решил, что все же должность резидента в Стамбуле была не худшим вариантом: Турция в то время была главной базой для разведывательной работы против Советского Союза и формировавшихся в то время социалистических стран Южной и Центральной Европы.

Пройдя курс подготовки, включавший лекцию о советской разведке и методах ее работы, Ким в январе 1947 года оказался в Стамбуле. Он был покорен красотой этого города, и неприятные воспоминания о деле Волкова ушли на второй план. Имея по прикрытию должность первого секретаря, Ким мог себе позволить снять виллу на азиатском берегу города, что вынуждало его каждый день пересекать Босфор на переполненном турками пароме и получать утреннюю порцию местного колорита.

Для английской разведки Стамбул на первый взгляд представлял самые разнообразные возможности для работы против социалистических стран. Множество иммигрантов из Балканских стран за немалое вознаграждение предлагали информацию и даже услуги целых агентурных сетей, созданных ими на покинутой родине. На поверку же часто оказывалось, что агентурные сообщения фабриковались ими в самом Стамбуле. Освоившись, Филби предложил осуществить фотографирование приграничной советской территории, что вполне отвечало запросам Лондона, занятого подготовкой к глобальному военному конфликту с СССР. Вскоре он получил специальную фотокамеру й два джипа для передвижения по горной местности, прилегающей к территории Грузии и Армении. Филби вспоминал, что ему было трудно оценить полезность сделанных им фотографий, но поездки по приграничным районам позволили ему неплохо изучить турецкую территорию с точки зрения ведения военных действий.

Операции «Спайгласс» не суждено было завершиться, так как пребывание Филби в Турции было неожиданно прервано летом 1949 года. Ким получил назначение в Вашингтон на пост представителя СИС по связи с ЦРУ и ФБР. Эта работа открывала такие возможности для проникновения в секреты всех трех

спецслужб, что он даже не стал ждать согласия Москвы на занятие этой должности.

Первый и, наверное, самый главный секрет, имевший наиболее серьезные последствия как для советской разведки в целом, так и лично для членов «Кембриджской группы», стал известен Филби вскоре после вступления в новую должность. В сентябре 1949 года, перед самым отъездом в США, он вызвал на встречу Гая Берджесса и сообщил ему о расшифровке англичанами телеграммы советской разведки, отправленной из Вашингтона в Москву во время войны. В телеграмме речь шла об английском атомном физике Клаусе Фуксе, одном из основных разработчиков атомной бомбы в США, и поэтому им заинтересовалась контрразведка. Расшифровка телеграммы стала возможна из-за того, что она и другая советская телеграмма были зашифрованы с помощью одного и того же одноразового блокнота. По словам Филби, американцы безуспешно бились над ее расшифровкой несколько лет и передали англичанам, которые расшифровали ее к моменту отъезда Филби в США.

Филби сказал, что все это стало известно ему буквально только что и он уже не сможет лично передать эти сведения своему советскому связному, который провел с ним последнюю встречу в Лондоне 21 сентября. Берджесс изложил сообщение Филби в записке, которую вместе с пачкой документов сфотографировал и в пленке передал советскому связному другой член «Кембриджской группы» — Энтони Блант. Но пленка оказалась снятой с передержкой и не в фокусе, короче говоря, нечитаемой. Столь важная для разведки информация была потеряна. Сам Филби не мог передать ее в США, так как первое время находился там без связи.

История с дешифровкой советской шифртелеграммы стала известна в Москве слишком поздно, уже после ареста Фукса. Но на этом она не закончилась. 17 апреля 1950 года Гай Берджесс сообщил сведения, которые по соображениям безопасности лондонская резидентура не стала передавать шифром и направила диппочтой. «СТЕНЛИ (оперативный псевдоним Филби) просил передать, что американцы и англичане сконструировали дешифровальную машину, которая выполняет в день работу «тысячи человек за тысячу лет», — говорилось в сообщении резидентуры. — Сейчас ведется дешифровка в основном шифртелеграмм за 1945–1946 годы… Дело ЧАРЛЬЗА (оперативный псевдоним Клауса Фукса) показало контрразведке, насколько важно знать прошлое госслужащих. Хотя СТЕНЛИ доверяют, Вивиан (заместитель начальника СИС) считает, что прошлое СТЕНЛИ не совсем ясное».

Явная опасность, по крайней мере для Филби и Берджесса, пока никак не проявлялась. Более того, Берджесс получил назначение в английское посольство в Вашингтоне. Тем временем американские и английские спецслужбы продолжали работать над дешифровкой советских шифртелеграмм и вышли на источник утечки информации из британского посольства в Вашингтоне в 1945–1946 годах. Путем сопоставления указанных в переписке дат встреч в Нью-Йорке и поездок в этот город британских дипломатов они пришли к выводу, что источником советской разведки в Форин Офис, о котором говорили в свое время предатель Вальтер Кривицкий и несостоявшийся перебежчик Константин Волков, был Дональд Маклин, занимавший в то время пост начальника американского департамента Министерства иностранных дел. Ким Филби, принимавший по долгу службы самое непосредственное участие в этом расследовании, знал, что за Маклином установлено наблюдение и его арест может произойти в любой момент.

В этих условиях какие-либо контакты Маклина с советскими связными были исключены. И Филби вместе с Берджессом придумал, как предупредить своего товарища об опасности, не вызывая подозрений контрразведки. Гай Берджесс, имевший репутацию возмутителя спокойствия, за один день был трижды задержан американской полицией за превышение скорости в нетрезвом виде. По этому поводу Госдепартамент сделал британскому послу соответствующее представление. Вкупе с ранее совершенными Гаем прегрешениями оно переполнило чашу терпения посла, и он был отправлен в Лондон. Оказавшись в Лондоне, Берджесс самым естественным образом явился к начальнику американского департамента, а именно к Маклину, чтобы доложить о своем прибытии — на самом деле, чтобы предупредить его и помочь выехать в Советский Союз.

Маклин исчез из Лондона 25 мая 1951 года, буквально накануне его запланированного ареста. Вместе с ним исчез и Берджесс, хотя согласно плану он должен был сопровождать Дональда только до определенного пункта в Европе. Уход Берджесса был для Филби весьма неприятной неожиданностью потому, что он сам попадал под весьма обоснованное подозрение из-за близких отношений с Гаем. Первое, что он сделал, избавился от вещественных улик — фотоаппарата и прочего секретного снаряжения, — закопав их в лесу под Вашингтоном. После этого оставалось только ждать и продумать подготовку к предстоящему служебному расследованию. Филби оценил свои шансы и решил, что будет стоять до конца.

Развитие событий не заставило себя ждать. Через несколько

дней Ким был отозван в Лондон, где прямо с самолета был приглашен на беседу в СИС. За первой беседой последовали серия допросов, увольнение «по собственному желанию», сдача паспорта и новая серия допросов, которую проводил известный своим мастерством следователя Вильям Скардон. Именно он сумел подавить волю Клауса Фукса к сопротивлению и выжать из него много полезной для контрразведки информации. Но Филби был ему не по зубам. Благодаря заранее проделанному анализу своей параллельной работы в английской и советской разведках, Ким определил уязвимые моменты своей биографии и был готов ответить на многие вопросы. Позднее он вспоминал, что самым неожиданным было предъявление ему Скардоном фотографического портрета, на котором он был изображен с курительной трубкой. Фото было сделано в молодые годы Филби, и его авторство приписывалось контрразведкой Эдит Тюдор Харт, что указывало на его связь с этой женщиной, находившейся под подозрением контрразведки из-за ее левых взглядов и участия близких ей людей в одной из разведывательных операций. Филби не стал придумывать каких-либо объяснений и сказал, что не помнит, кто и когда сделал это фото. Он говорил правду, так как действительно не помнил этого факта.

Осенью 1952 года контрразведка оставила Филби в покое, который он сам называл вооруженным нейтралитетом. Действительно, поверить в то, что он развеял все подозрения, было бы просто непрофессионально. Но было вполне профессионально предположить, что ни у СИС, ни у МИ-5 не было достаточно веских улик, чтобы дать его делу судебный ход. Филби находился в подвешенном состоянии. Выходное пособие, которое он получил в СИС при увольнении, иссякло, и других источников дохода не предвиделось. Советская разведка соблюдала максимальную осторожность: любая неосторожная попытка контакта с Филби могла оказаться для него роковой. И все же в Лондон был направлен Юрий Иванович Модин, опытный разведчик, который ранее работал с «Кембриджской группой». На одной из публичных лекций Энтони Бланта, который в это время целиком посвятил себя искусству и был инспектором королевских галерей, он установил с ним контакт и передал деньги для Филби. Для Кима это было спасением, так как случайная работа, на которую он мог тогда рассчитывать, позволяла ему лишь перебиваться с хлеба на воду.

Положение «ни войны, ни мира» сохранялось до октября 1955 года, когда в британском парламенте министру иностранных дел был задан вопрос относительно «третьего человека», под которым после разоблачения Берджесса и Маклина подразумевался Ким

Филби. Отвечая на этот вопрос, Гарольд Макмиллан публично снял какие-либо подозрения с Филби. После шумной и триумфальной пресс-конференции Ким был снова на коне. Его доброе имя было восстановлено. Ему был возвращен паспорт, и он намеревался поработать за рубежом. Это было разумным решением, так как, несомненно, английская контрразведка продолжала держать его в поле своего зрения. Любая информация о «старых грехах» Филби могла привести к его аресту. За границей это было совсем не просто сделать.

В сентябре 1956 года Ким уехал в Ливан, где стал работать ближневосточным корреспондентом сразу двух влиятельных изданий: газеты «Обсервер» и журнала «Экономист». Одновременно он возобновил работу на британскую разведку, а чуть позднее восстановил связь и с советской разведкой. Слава его отца, с которым он мог теперь видеться чаще, открывала ему двери, обычно закрытые для иностранцев. Его жизнь вошла в прежнее русло. Он женился на любимой и любящей его женщине, с ним был обожаемый им лисенок, он был принят в английском обществе. Только случавшиеся с ним все чаще погружения в виски позволяли бы предположить, что не все так ладно. Впрочем, в его кругу все пили помногу.

Колокол судьбы пробил в январе 1963 года. Из Лондона приехал представитель СИС и приватно сказал Филби, что они точно знают о его работе на советскую разведку. Некая Флора Соломон, которую Ким пытался безуспешно завербовать для работы на Советский Союз еще в 1940 году, теперь сообщила об этом в контрразведку. Представитель СИС предложил Филби без шума выехать в Лондон. Вместо этого Ким тайно сел на советское торговое судно и вскоре оказался в Москве.

1 июля 1963 года британское правительство заявило, что Ким Филби был советским агентом и «третьим человеком».

В 1965 году советское правительство наградило Филби орденом Красного Знамени.

Устраивая свою жизнь в Советском Союзе, Ким отказался от предложенных ему дачи и машины. Он ездил на метро и жил в обычной трехкомнатной квартире.

О. ЦАРЕВ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Михаил и Юрий Батурины

Турция. В 40-е, военные годы она совсем не походила на самый дешевый средиземноморский рай, привлекающий толпы туристов соотношением «цена — качество». Как писал в своих воспоминаниях один из сотрудников германской политической разведки, руководимой Шелленбергом, из этой страны «лучше всего была видна общая картина войны».

Вообще говоря, это была дыра. Черная дыра, постоянно пожиравшая значительную долю той невероятной энергии, с которой советская разведка боролась против спецслужб Третьего рейха. Всего за четыре дня до начала вторжений дивизий вермахта в Советский Союз Анкара и Берлин заключили пакт о дружбе и ненападении, и только слепой мог не узреть его направленности против СССР. Турецкий Генштаб получал директивы о разработке планов захвата советского Закавказья. Если бы в кошмарную от казавшейся безысходности осень 42-го вермахт прошел берегом Черного моря до Батуми, вступление Турции в войну на стороне Германии было бы неотвратимо. И это, возможно, стало бы катастрофой. Такова была цена. И она требовала высочайшего качества работы советских резидентур в Анкаре, Стамбуле и разведпункта в Карсе. Советские разведчики заткнули эту дыру, заслонили собой, как амбразуру.

В самое тяжелое время работой всех загранточек нашей разведки в Турции руководил Михаил Матвеевич Батурин. Видный советский разведчик, можем сказать мы сегодня. Но о нем не скажешь — известный. Уже хотя бы потому, что разведка долго не раскрывала имя своего главного резидента в Турции. Может, очередь никак не доходила до него, потому что он остался нераскрытым прежде всего для противника. Может, потому что его агентурный «задел» в Турции приносил нам пользу долгие годы — уже после его возвращения на Родину. А может, были и другие причины.

В поисках источников для публикации о Михаиле Батурине мы обнаружили самый важный из них в лице его сына Юрия — Героя России, заместителя командира отряда космонавтов Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Он видел мир отовсюду. И из Кремля, и из космоса. А сейчас перед ним открылась неизведанная галактика. Непознанная до сих пор, неизвестная даже самым близким людям, тайная сторона жизни профессионала разведки. Юрий Михайлович работал над книгой об отце. И наше обращение к нему было естественным. Уже хотя бы потому, что никто кроме него не сможет ответить: взять кого-

то с собой в разведку и взять кого-то с собой в космический полет — насколько сопоставима при этом степень риска?

— *Юрий Михайлович, а вы в детстве хвалились перед мальчишками работой отца?*

— В возрасте восьми лет, безусловно, нет. Тогда я уже понимал, что можно говорить, а что — нет. Я вырос в ведомственном доме, где жило немало разведчиков. Ахмеров, к примеру. Они дружили с отцом. Жили и другие разведчики. И в нашей детской среде не было ничего необычного в том, что мы знали, где работают отцы. Хвастовства, конечно, хватало. Но только на уровне: а у моего отца сабля есть, а у моего — кортик, а кто-то даже пистолет видел… А вот такого, чтобы кто-то заявил, будто чей-то отец сделал больше всех, — такого просто не могло быть. Во-первых, потому что не только мы, но и сами отцы этого не должны были знать, такова уж специфика работы. А во-вторых, общая атмосфера — и тем более домашняя — приучала к тому, что об этом лучше не говорить.

— *При каких же все-таки обстоятельствах Михаил Матвеевич Батурин «засветился» как разведчик перед собственным сыном? От кого поступила информация?*

— Есть такая большая информационная система — двор. Там и произошло разглашение этой государственной тайны. Где работает мой отец, я узнал от своих друзей-пацанов. Так ведь и сейчас: дети узнают многие вещи гораздо раньше, чем подозревают родители. У детей не память — магнитофон, любое невзначай оброненное слово фиксирует. А мои сверстники услышали что-то от своих родителей. Сам отец не говорил об этом. Но постепенно ему стало ясно, что и мне все ясно, что секрета здесь уже никакого нет. Но он все равно рассказами о своей профессии меня не баловал. Лишь иногда, прочитав художественную вариацию на тему разведки или посмотрев фильм, мог сделать замечание вроде: так не бывает. И все. Лишь очень редко его комментарии по поводу работы разведчика выходили за рамки подобных, мало что говорящих реплик. Но и они состояли всего из нескольких фраз. Я всегда старался записать их. Потому что меня очень интересовали жизнь отца, его личность. Первую такую запись я сделал в 1964 году, еще школьником.

— *Сейчас вы пишете книгу об отце. Когда у вас вызрело понимание того, что эта книга необходима — причем не только вам, но и читателям? Вы же не «в стол» пишете.*

— Мне кажется сегодня, что если бы каждый написал о своем отце книгу, — пусть даже она никогда не будет опубликована, — мир стал бы лучше. Но к пониманию этого я пришел совсем

недавно.

До самого последнего времени у меня и в мыслях не было собрать материал в книгу. И не потому, что я считал, будто отец этого недостоин. Просто потребности не возникало. Все мои творческие замыслы описать жизненный путь Михаила Матвеевича ограничивались поиском материалов для семейного архива. Я задался целью собрать вместе все доступные мне автобиографии отца — то, что было написано его собственной рукой. В устных пересказах истории любой семьи с годами, десятилетиями многое теряется, забывается и восстановлению, как правило, поддается лишь с превеликим трудом.

Меня интересовали все автобиографии, начиная с самой ранней, 1927 года, до последней, написанной отцом в середине 70-х. Ее отец написал, видимо, уже предвидя, что скоро уйдет. И оставил мне с младшим братом восемь-десять страниц — просто чтобы дети знали о боевом пути отца. И чтобы внукам могли передать. Когда же я добрался до других его автобиографий, то обнаружил несколько неожиданную для себя, но вполне, впрочем, закономерную вещь. Эпизоды, этапы из жизни отца в одних случаях проступали более выпукло, изложение было более подробным, в других — менее. Все зависело, конечно, от времени написания автобиографии. Это естественно. В начале самостоятельной жизни есть возможность не экономить на деталях при описании пройденного пути. С течением времени, однако, на все это накладываются другие события, как правило, более важные. И уже им выделяется большая часть бумажного пространства. А то, что происходило ранее, как бы сплющивается, уплотняется. Так и во всех последующих биографиях: настоящее как бы спрессовывает прошлое во все более лаконичные строки.

И вот я решил выбрать из разных автобиографий отца самые подробные выдержки, описания одних и тех же изложенных в них событий, чтобы затем составить из них наиболее, так сказать, полную энциклопедию его жизни. К этому можно было бы добавить — при готовности архивов пойти навстречу — какую-то характеристику, представление к награде. И все это — для семейного пользования.

А писать книгу — это значит, помимо прочего, залезть в материалы, которых сам отец никогда не видел. Ведь личное дело разведчику никогда не показывают. Могут ознакомить его с очередной аттестацией и сказать, что, как и следует, подошьют ее к другим бумагам. Личное дело — особая вещь. Скажу честно: когда передо мной положили личное дело моего отца, я открыл его, но долго не мог заставить себя читать. Я поначалу не понимал почему. Я сидел и настраивал себя: это нужно сделать.

— Так все-таки почему?

— А потому, как я понял, что мне предстояло влезть в душу, в личность хотя и родного человека, но безо всякого его на то разрешения. Вот я живу, у меня есть своя личная жизнь, какие-то собственные мысли, и далеко не все я собираюсь обнародовать. Не хочу допускать, чтобы кто-то, заинтересовавшись моей судьбой, пришел бы и начал без моего разрешения во всем этом копаться. Но я фактически должен был сделать это в отношении отца.

С другой стороны, я понимал, что если я этого не сделаю, то в результате буду гораздо меньше понимать отца, а значит, и себя. Ведь я, в конце концов, его часть, его продолжение. Вот два этих чувства боролись.

И вы думаете, в личном деле отца — в святая святых — меня ждали лишь радостные открытия? Отнюдь. Временами возникали очень неприятные ощущения. К примеру, я натыкался на установочные материалы, касавшиеся моего отца, его семьи, родственников, которые собирались людьми, так и именуемыми в спецслужбах — установщиками. То есть это были люди, которые приходили и вели задушевные беседы по месту жительства — с дворниками, к примеру. А может, с соседями. Вопросы, знаете, нехитрые: а как там они себя ведут, а как они живут? Все ответы записывались, подшивались в личное дело. Это было неприятно и трудно читать. Но я через это прошел и не жалею.

Писать — не писать?.. Вопрос вдруг решился в одночасье. Со мной связались по телефону Владимир Антонов и Владимир Карпов, авторы вышедшей в 2003 году книги «Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка». В этой книге, между прочим, был впервые опубликован краткий биографический очерк о моем отце. Разговор был примерно таким. «Юрий Михайлович, вот мы в издательстве были. Там нам сказали: «А вот про Михаила Матвеевича напишите нам отдельную книгу», — сообщили мне мои собеседники и продолжили: «Мы сказали, что в принципе не против, но пусть уж лучше сын напишет. В издательстве возражать не стали, только еще раз подчеркнули, что книжка о вашем отце нужна. Возьметесь?..» И в этот момент все мои сомнения куда-то улетучились. Я почему-то сразу согласился. А было это весной 2003 года, совсем недавно.

— В разведке, я уверен, случайных людей гораздо меньше, чем среди представителей любой другой профессии. Но случай может вторгнуться в судьбу каждого человека. Как же все-таки сложилось, что ваш отец попал именно в разведку?

— Это очень простая история. Отец — еще мальчишкой

добровольцем вступил в Красную Армию. Когда передовые силы 11-й армии дошли до границы, из них стали формировать пограничные части. Первоначально это были части двойного подчинения, находившиеся в распоряжении как РККА, так и ОГПУ. Но постепенно их передали в ведение чекистов.

Боец Красной Армии Михаил Батурин стал пограничником только потому, что его часть стала пограничной. И с самого начала судьба бросила его в пограничную разведку. Так случилось, и он пошел. Это, конечно, не разведка внешняя. У нее нет своих резидентур в столицах и других городах сопредельных стран. Она работает в приграничной полосе, но ее интерес, тем не менее, распространяется не только на нашу сторону, но и на противоположную. Значит, есть агентура, свои люди. Это в любом случае уже была работа разведчика — и оперативная, и аналитическая, и организационная. В общем, жизнь поставила отца на это место. И дело у него пошло.

Воля случая? Несомненно. Но также несомненно, что не только она одна. Руководители отца оказались постарше, побогаче опытом. Они нуждались в помощниках и потому присматривались к рядовым бойцам: кто сдюжит, сумеет, а кто — нет. То есть отбор так или иначе происходил. Пусть отец мог этого и не знать.

Учтите, что это был лишь начальный период становления нашей разведки. А если брать сегодняшний день… Разведчика разведчиком делает, конечно, не случай. Вы, безусловно, правы в том, что наниматься в разведку в ее отдел кадров не ходят. К «инициативникам» там относятся неодобрительно, а может и подозрительность возникнуть. Но если человек решил стать разведчиком и думает над тем, что для этого необходимо — соответствующее образование, опыт, здоровье, что-то еще… Если он активно работает над всем этим — вот тогда разведка его находит. Как нашла она моего отца. Но этого нужно дождаться. Отец, может, и не жил такого рода ожиданиями, после 16–17 лет работы на границе его перевод во внешнюю разведку был вполне логичен.

— Знакомства даже с краткой биографией Михаила Матвеевича достаточно, чтобы понять: самый напряженный период в его работе разведчика приходится на время пребывания в Турции.

— Совершенно верно. Это без малого семь лет, с мая 1940-го по январь 1947 года. Как вы понимаете, Турция тогда отнюдь не настраивала людей на курортный лад, тем более разведчиков. Контрразведывательный режим в этой стране отец называл драконовским.

Я вам приведу один пример. В конце 1944 года отца вызвали в Москву для доклада. Оказавшись в Центре, он попросил перевести его на другое направление работы. Он, разумеется, не смены обстановки искал. Он объяснил, что, судя по всему, попал под подозрение турецких спецслужб. Он чувствовал это по разным признакам. Турки могли проследить его связи. А это ставило под угрозу всю агентурную сеть. Ситуация была чревата серьезным провалом.

А отцу ответили: «Не поедете — расстреляем». Тогда ведь это просто делалось. И вот представьте: мощный пресс с одной стороны, и такой же — с другой. Тиски. Отец позже вспоминал, что, находясь тогда в Москве, не мог спать — тиканье часов мешало. Он останавливал часы, чтобы заснуть. Он был человеком долга и не подчиниться приказу не мог. Поехал. А буквально вслед ему — две очередные награды и присвоение звания полковника.

Если рассказывать о напряжении тех лет, то надо начинать с Анкары. Там действовала одна из резидентур. Другая вела работу в Стамбуле. И был еще разведпункт в Карсе. Так вот, судьба забросила отца сначала в Анкару — и не рядовым сотрудником, а сразу резидентом. Это достаточно необычно для человека, который прежде не работал во внешней разведке. Но это объяснимо. Я думаю, просто другого выхода не было. Разведка в результате чисток понесла очень тяжелые потери в конце 30-х годов. И сотрудников не хватало. А у него был опыт раˆ боты — пусть и в другой разведке. И достаточно большой. Видимо, этому опыту, как и положительным характеристикам, доверяли.

А что такое была Анкара в то время? Вы представьте себе ее не нынешнюю, а ту — военного времени. Туда Ататюрк, первый президент Турецкой республики, недавно перенес столицу. В общем, это была деревня. Ну, конечно, там построили какой-то городок. Но для контрразведки контролировать всю Анкару вдоль и поперек не составляло никакого труда. То есть от советских разведчиков требовались серьезные навыки и просто чудеса фантазии, чтобы сбить с толку противника. Впрочем, и в Стамбуле, куда отца направили вскоре, обстановка не позволяла расслабиться.

— В Анкаре и Стамбуле Михаил Матвеевич работал под «крышей» совзагранучреждений. То есть нагрузка была двойной, что в такой ситуации естественно. В ваших записях сохранилось его воспоминание: «Крутиться приходилось, как белка в колесе. Днем — повседневная работа, встречи, беседы. Вечером — во фраке, где-нибудь в парадном зале сверкающего огнями отеля, а ночью — другие встречи, в наряде нищего, в погруженных во мрак бедных

кварталах на окраинах». Вашему отцу был присущ дар перевоплощения. А какими еще приемами он мог пользоваться, чтобы обмануть турецкую «наружку»?

— Приемы, в общем-то, известные. Они и сейчас применяются. Нищий, выходящий из советского представительства, разумеется, вызовет подозрение. Значит, его нужно вывезти в багажнике автомобиля, затем оторваться. Это все отец считал делом техники. Трюки могли быть самыми разными. В том числе и с применением грима.

Об актерском даре мне судить трудно. Наверное, он был. Любой человек бывает разным — в зависимости от обстоятельств. Но это нечто другое, ничего общего с художественным перевоплощением не имеющее. А бывает, у того же самого человека не всегда напускное от настоящего отличишь. Но во всяком случае я могу сказать, что Михаил Матвеевич мог быть и очень строгим. Мог так посмотреть на человека, что у того — мурашки по коже. Когда он служил в Батумском погранотряде, тамошние контрабандисты ему кличку дали: Кобра. И когда Кобра заступал на дежурство, они на дело старались не выходить. Во всяком случае, в этом один из контрабандистов признался на допросе.

А с другой стороны, отец был обаятельнейшим человеком с улыбкой, которая абсолютно всех к нему располагала. Он же прекрасно понимал, что ему надо работать с людьми.

С весны 1942 года Михаил Матвеевич — на работе в Стамбуле. Тогда же он становится главным резидентом НКВД в Турции при крайне драматических, я бы даже сказал, критических для разведчиков, да и для нашей дипслужбы обстоятельствах. Он сменяет на этом посту опытнейшего разведчика Г. И. Мордвинова. Кратко — для читателей — напомним предысторию. В Анкаре на бульваре Ататюрка 24 февраля 1942 года взорвалась бомба. Несший ее человек — болгарин турецкого происхождения — погиб. А в полутора десятках метров от места взрыва оказались посол Германии фон Папен с супругой. Они ничуть не пострадали. Турецкие власти сразу возопили о покушении на немецкого дипломата, за которым якобы маячат советские спецслужбы. В «Очерках истории российской военной разведки» по этому поводу можно прочесть:

«По имеющимся данным, немецкие спецслужбы во взаимодействии с турецкими в феврале 1942 года организовали инсценировку покушения на германского посла фон Папена. Преследовались две цели: подорвать официальный нейтралитет Турции и подтолкнуть турецкое правительство к вступлению в войну против СССР». В это верится, если принять во внимание,

что германская разведка чувствовала себя в Турции как дома.

Мордвинов и другой сотрудник генконсульства были арестованы и затем приговорены турецким судом к двадцати годам заключения каждый. Пусть они и были освобождены два года спустя по причине того, что державшие нос по ветру турки поняли, что к этому времени положение на фронтах Второй мировой войны в корне изменилось не в пользу Германии.

— Вот и возникает у меня вопрос: неужели в невоюющей стране Турции нашего разведчика не могла спасти официальная крыша? Что же это была за нейтральная страна такая, где власти плевали на диппаспорт и дипломатический иммунитет? Остается только порадоваться за Михаила Матвеевича, которого тоже безнаказанно могли упрятать за решетку — он ведь, вспомним, чувствовал приближение опасности.

— Турки действовали тогда без оглядки на международные правила поведения по отношению к дипломатам. Ведь они осадили генконсульство, предъявили ультиматум. Фон Папен в секретной телеграмме оповещал германский МИД: «…Русский добровольно выдан вчера генеральным консульством, после того как генеральное консульство было окружено батальоном пехоты и никакого выхода не оставалось. Он, конечно, все отрицает, но сейчас его подвергают допросу третьей степени». Для тех, кто не знает, поясню: «третья степень» означает применение пыток. Вот с какой перспективой «банкетно-паркетной» жизни должны были постоянно считаться наши разведчики с диппаспортами.

А выхода действительно не было. Ведь речь шла о том, что турки вот-вот войдут в наши загранучреждения. Представьте, сколько бы документов, в которые они не должны были совать свой нос, им досталось. Вот, спасая их, Мордвинов и сдался туркам.

Михаилу Батурину пришлось вкусить горечь и познать цену предательства. В мае 1945 года полковник НКГБ Волков, работавший под прикрытием должности вицеконсула, решил уйти на Запад. Вступил в контакт с британской разведкой и пообещал в обмен на политическое убежище передать секретные документы и назвать имена советских разведчиков в Турции. Если бы только в Турции — в Великобритании тоже. Ведь ранее он работал в английском отделе. Донесение англичан из Кабула вскоре оказалось в Лондоне в руках начальника отдела СИС Кима Филби, вклад которого в работу советской разведки просто не поддается оценке. Филби в тот же день информирует о происшедшем — как о прелюдии грядущей катастрофы — сотрудника лондонской резидентуры НКГБ. Самого Филби британская разведка срочно направляет в Стамбул, чтобы

разобраться на месте. Но предателя уже вывезли в Москву. Киму Филби пришлось по возвращении буквально отмывать британских разведчиков, работавших в Турции, перед начальством. В своем отчете он «списал» неудачу на то, что Волков «наверняка выдал себя своим поведением или же много пил и болтал лишнее».

— Так кто же кого спас: Михаил Батурин Кима Филби или Ким Филби Михаила Батурина?

— Банальная вещь: мир наш взаимосвязан удивительным образом. И мы знаем об этом очень немного. Мы видим лишь какие-то поверхностные взаимозависимости. А когда открываются связи более глубокие — мы готовы восхищаться и удивляться. Понимаете, скрытая взаимосвязь двух разведчиков, из которых ни один не мог просматривать ее до конца, могла, как током, если не убить, то парализовать их обоих. А могла спасти. Все зависело от обстоятельств, но не в меньшей степени от профессионализма и того и другого. Если бы чуть менее оперативно действовал Михаил Матвеевич, то Филби был бы раскрыт. И на сотрудников советской резидентуры, возможно, легла бы вина и за провал всей «Кембриджской пятерки». И тогда бы значительная часть истории разведки и немножко истории международных отношений была бы написана иначе. А может быть, Филби спас отца. Потому что и он действовал оперативно. Люди разведки — где бы они ни работали — понимают, что они — часть системы. Разведчик отдает себе отчет в том, что он отвечает не только за себя, но и за людей, которые у него на связи. Он несет ответственность и за людей, которых не знает и никогда не узнает. Оба разведчика, не зная друг о друге ничего или по крайней мере ничего конкретного, старались действовать как можно быстрее, как можно точнее. И они сделали это в конце концов.

— Юрий Михайлович, а что бы вы могли назвать наибольшим успехом вашего отца как разведчика?

— Понимаю, что для вас это вопрос ключевой. Но я думаю, что все же не смогу адекватно оценить заслуги Михаила Матвеевича как разведчика и объяснить это вам. Могу только дать какие-то штрихи, наводящую информацию для такой оценки. Вообще мне кажется, что отец не относился к тому ряду выдающихся асов разведки, как, скажем, Григулевич, Быстролетов, Дейч (Стефан Ланг)… как Рудольф Иванович Фишер (Абель), Александр Михайлович Коротков. Я реально смотрю на вещи, я ведь уже не юноша. Разговаривал со многими разведчиками, в том числе и с теми, кто знал отца. Да даже и по роду своей работы в Кремле мне доводилось с ними общаться. Поэтому я в какой-то мере могу оценивать работу разведки и разведчиков. Не могу конкретно оценить отца — у меня ведь и

сейчас нет всей информации о нем.

Но ведь очень многого можно было достичь, оставаясь в положении, так сказать, неприметного чернорабочего разведки. Парадокс деятельности спецслужб заключается в том, что имя разведчика часто становится известным потому, что он провалился. А имя отца удалось сохранить в тайне до сегодняшнего дня — пока сама разведка не захотела его раскрыть. И при всей «неизвестности» Михаила Матвеевича — его фотографии в Музее истории разведки в Ясеневе, некоторые его личные вещи. Это, конечно, лишь внешние признаки успеха. Но это и еще один парадокс.

Знаете, когда я пришел в Кабинет истории разведки в Ясеневе перед своим первым космическим стартом на станцию «Мир», мне там дали маленькую справочку об отце. Из нее следовало, что с некоторыми завербованными им агентами работа продолжалась долгие годы. То есть его не то что в Турции не было — его уже не было на свете, — а работа с людьми продолжалась. Думаю, вы можете представить, какой задел он после себя оставил. А один из его агентов оказался немцем — то есть человеком с воюющей против нас стороны.

Ну, может быть, еще одна история. Я уже рассказывал о книге, в которой совсем недавно был опубликован первый автобиографический очерк об отце. Ее авторы оповестили меня: «Юрий Михайлович, ставим столетний юбилей вашего отца в календарь памятных дат разведки на 2004 год». Я им говорю: «Мне, конечно, приятно. Но, может, с календарем — это уже перебор?» — «Не скажите, — отвечают мне. — У нас не так много разведчиков, которым каждый год давали бы по ордену, а то и по две награды». За что отца награждали, я, к сожалению, и сегодня знать не могу.

— Михаил Матвеевич за заслуги в разведывательной работе был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многими медалями. Но мне интересно вот что: ваш отец дважды получал нагрудные знаки «Почетный чекист». Я слышал, что у разведчиков особое отношение к этой награде.

— Она действительно ценится разведчиками выше любого ордена. Отец был награжден двумя знаками «Почетный чекист». А этой оценки в среде разведчиков удостаивались очень и очень немногие.

Размышляя логически, по-моему, не так уж трудно догадаться, какого рода работу эти награды увенчивали. Достаточно представить тогдашнюю, насквозь прогерманскую

Турцию и все опасения советского руководства по поводу очень даже вероятного ее вступления в войну против СССР — особенно в критическую осень 1942 года, когда вермахт рвался не только к нефтепромыслам Каспия, но и к выходу на побережье Черного моря в районе Батуми. А это уже была граница с Турцией. Вряд ли тогда турецкие власти избежали бы искушения оккупировать Закавказье.

Взять пример Рихарда Зорге. В обывательском сознании сложилось устоявшееся мнение, будто главной его заслугой было сообщение о дате нападения Германии на СССР. Но об этом разведчики сообщали в Центр из разных стран. Сегодня самым серьезным достижением Зорге признается его информация о том, что Япония воздержится от нападения на СССР, пока Германия не добьется решающих успехов на Восточном фронте. Собственно, информацию подобного рода — о степени готовности и решимости Турции вступить в войну против СССР — ждали в Центре.

Далее. По мере продвижения Третьего рейха к своему краху Турция — не только Швейцария! — превратилась в очень удобную переговорную площадку для торговли между Германией, ее сателлитами и нашими западными союзниками по поводу заключения сепаратного мира. Небезызвестный Вальтер Шелленберг во время своего вояжа в Турцию обратился к фон Папену «в надежде осуществить планы заключения компромиссного мира, учитывая его контакты с Ватиканом». Об этом Шелленберг откровенно писал в своих мемуарах. Так что, думаю, нет ничего необычного в том, какое огромное значение Центр придавал работе советской резидентуры в Турции и почему он так высоко оценивал ее заслуги.

Этими размышлениями я поделился с Юрием Михайловичем Батуриным. Он ответил:

— По поводу планов нападения турок на Советский Союз я точно знаю, что они разрабатывались. Турецкий штаб получил для этого соответствующую директиву. Я знаком с документами на этот счет. Что касается тайных сепаратных сделок наших союзников с воюющими против нас странами, то в «Очерках истории российской внешней разведки» можно прочесть, что советская разведка получила сведения о том, что Венгрия, последний воюющий против нас сателлит Германии, избрала Стамбул местом проведения секретных переговоров с англичанами и американцами. Наша стамбульская резидентура добыла достоверную информацию о ходе и содержании этих конфиденциальных бесед. 13 октября 1944 года эта информация была доложена Сталину, Молотову, Берии. Конечно, это было

достижением загранточек советской разведки в Турции. Но, безусловно, не главным. Их информация этого плана, которая шла из Стамбула, имела стратегическое значение. Если бы Германии и ее союзникам удалось бы заключить сепаратные соглашения, то послевоенный мир был бы другим, не ялтинским.

Конечно, Центр интересовали сведения о военных приготовлениях Турции и о попытках Германии втянуть ее в войну. Но главной задачей все же было не допустить развития событий по такому сценарию. А это значило входить в контакт и работать с людьми на уровне высшего руководства страны.

Из мемуаров П. А. Судоплатова известно, что перед разведкой ставилась задача превращения Турции — где было много греков, болгар, представителей других диаспор — в плацдарм для формирования нелегальных резидентур в Греции, Югославии, Болгарии, на Балканах вообще. В принципе, о многом из того, чем занимался мой отец, можно было бы догадаться. Многое можно было бы домыслить и, наверное, оказаться недалеко от истины. Но я не хочу домыслов. И, думаю, меньше всего хотел бы их мой отец.

— Он прожил трудную жизнь. Для этого ему нужно было быть необычайно волевым человеком. Да и крепким здоровьем обладать. Был ли он физически сильным человеком?

— Он был ниже меня ростом, худощавый, ничего лишнего. Но в детстве и я восхищался его бицепсами. Вот, думал, старик, а такие мускулы. А старик, между прочим, был в моем сегодняшнем возрасте. Ну а я-то стариком себя сейчас никак не считаю.

Что касается воли… Я полагаю, что это и была воля разведчика к выживанию. И совершенно естественная, но необычайно сильная воля обычного человека к жизни. Когда он умер, провели вскрытие. В свидетельстве о смерти была указана лишь одна причина, потому что для указания всех остальных было просто слишком мало места на бланке. А в справке весь букет его недугов был описан полностью. Там было столько всего, что врач сказал: удивительно, как отец со всем этим букетом дожил до семидесяти четырех лет. Знаете, такие эмоциональные потрясения запоминаются надолго. И вот я помню, что после этих слов врача в сознание мое буквально ворвались строчки Киплинга. Это было стихотворение “1Г — «Если». Из русских переводов я бы предпочел строчки Михаила Лозинского:

Умей принудить сердце, нервы, тело Тебе служить, когда в твоей груди Уже давно все пусто, все сгорело И только воля говорит: «Иди».

У меня есть чувство, что эти строчки очень точно отражали

физическое состояние отца в последние годы. И мне кажется, что он по этому киплинговскому “И” и жил. Хотя он мог и не знать этого стихотворения.

— Как вы думаете, ваш отец любил Турцию?

— Мне кажется, да. Именно любил. В общем-то, нельзя сказать, что он работал против Турции. Главным-то противником и там для него была Германия. А если и против Турции — то только в той мере, в какой это требовалось для обеспечения безопасности нашей страны.

Незадолго до смерти отец раздал, раздарил практически всю свою библиотеку. Но вот книги о Турции, фотографии, видовые открытки и карты страны оставались у него до последнего дня.

Да я с его картами Стамбула ездил в этот город в 2003 году. Хотел подсобрать дополнительный материал для книжки. Не могу писать, если не представляю улицы, по которым он ходил. Я был там в консульстве, которое стоит на прежнем месте. Очень много фотографировал — особенно те места, которые полностью сохранились в прежнем виде. Их не так уж много — таких мест. Надеюсь хотя бы пару фотографий поместить в книге.

Мне очень важно было ощутить атмосферу города.

Ведь человеческое восприятие состоит из двух важных компонентов: «рацио» и «эмоцио». Вот я могу прочитать личное дело, документы, тома литературы о Турции, посмотреть массу фильмов про нее — и многое понять. И это будет «рацио». А восприятие все равно окажется односторонним — как флюс. Пока не появится адекватное «эмоцио». А мне нужно было не просто понять, а ощутить.

Я не видел Турции, потому что был только в Стамбуле. А Стамбул — это ни в коей мере не Турция, как Нью-Йорк — не Америка, а Москва — не Россия. Но он похож на некую модель мира полиэтничностью населения, многоликостью кварталов — фешенебельных и трущобных. Поработать в Стамбуле — все равно, что поработать сразу в нескольких странах. Для понимания условий работы отца, где ему всегда нужно было оказываться в положении своего среди чужих — самых разных, — это, конечно, много значило.

— У меня нет сомнений, что ваш отец, оглядываясь на свой жизненный путь, мог со спокойной совестью сказать, что прожил жизнь не зря. Но очень часто люди — и вовсе не в преклонном возрасте — приходят к такому умозаключению: если бы я выбрал не эту профессию, я бы стал тем-то или тем-то. Может ли разведчик позволить себе в своих высказываниях подобную вольность?

— При мне он никогда ничего похожего на это не

произносил. Но вот моя мама — сейчас, сев за книгу, я очень много ее расспрашиваю — сказала мне, что слышала от отца такую фразу: если бы он не стал военным (он не сказал — разведчиком), то стал бы строителем. К сожалению, у него никогда не было возможности проявить эти созидательные наклонности. Даже на бытовом уровне — у нас никогда не было дачи. Но он очень хотел быть строителем. Возможно, поэтому он все время дарил мне строительные конструкторы, кубики. Я строил всякие здания, а он помогал мне в этом, объяснял, учил. Мне кажется, он с удовольствием занимался этим со мной. Он очень много мне подобных игрушек дарил. Но никогда — пистолеты.

— А вот вы ему такой «подарок» преподнесли. Сам я не видел, но люди знающие говорят, что в Музее истории разведки в штаб-квартире СВР в Ясеневе среди вещей, принадлежавших вашему отцу, — ваш пистолет, грозный «стечкин». Правда, большинство уверено, что это пистолет Михаила Матвеевича.

— Это курьезная история. А почему, собственно, курьезам не должно быть места в жизни?

В Таджикистане в 1996 году, в январе, случился мятеж. И президент Ельцин тогда меня туда бросил. (Юрий Михайлович был тогда помощником президента России по национальной безопасности. — *С. М.)* Нужно было вместе с таджикским руководством принимать какие-то меры для прекращения мятежа. Действовать пришлось жестко. Очень непростая была работа. Там меня и наградили этим пистолетом. А «стечкин», вы знаете, очередями стреляет.

— Автоматический пистолет. Такого даже у американцев нет. Но есть, к примеру, у итальянцев. На «стечкине» даже замедлитель стоит, чтобы не расстрелять всю обойму сразу. А он в комплекте с прикладом был?

— Да, с прикладом. И вот я думаю: привезу его сюда — что с ним делать? Автоматическое оружие нельзя оформлять как личное оружие. Но тем не менее пистолет сюда доставили как официально подаренный. Я при встрече с Вячеславом Ивановичем Трубниковым, тогдашним директором Службы внешней разведки, и говорю: «У вас там ребята тренируются в тире, стреляют из разных видов оружия. Даже я пробовал. Пусть и «стечкин» там будет, пригодится». А Вячеслав Иванович говорит: «Нет, я его не отдам в тир». И отдал его в музей. Пистолет положили под стекло. Но краткая надпись, которой сопроводили экспонат, легко может ввести в заблуждение любого посетителя. Он может запросто принять «стечкина» за личное оружие Михаила Матвеевича Батурина. Мне так многие и говорили: «Видели,

видели пистолет твоего отца». Я какое-то время сопротивлялся этому, но потом решил: пусть остается, как есть. В конце концов, пистолет гораздо более подходит к биографии отца, чем к моей собственной.

— Перед своим первым космическим полетом на станцию «Мир» вы пришли в штаб-квартиру СВР, в Музей истории СВР. Мне лично понятны ваши чувства, но многие могли истолковать это как некое суеверие или — более того — как красивый жест.

— Этот визит был настолько тихим, что о нем немногие знали и в самой штаб-квартире СВР. Так что мне особенно не о чем было беспокоиться. Тут надо понять, что такое для человека первый полет в космос. Вот я уходил в другой мир, хотя, конечно, собирался вернуться. Эмоциональное напряжение космонавта в это время настолько велико… Я просто не буду вам это описывать. Но это очень сильные переживания. Группа психологической поддержки всегда готовит для космонавтов фильм минут на пять — семь. Берут интервью, разговаривают с близкими людьми — родителями, женами, детьми. Традиция такая в российской космонавтике. И каждый космонавт знает, что ему эту короткометражку покажут по дороге из гостиницы «Космонавт» до того места, где надо надевать скафандры. Ну, Байконур — он ведь очень большой. Ехать почти час. И я знал, что такой фильм будет. А значит, и пожелания удачи от дочки, от мамы. Но отец-то мне — тоже близкий человек. И я тоже должен с ним какую-то внутреннюю связь установить. Сходить на могилу? Очень не хотелось идти на кладбище. Настроение-то — совсем другое. Даже думать нельзя, что «эта штука» может взорваться. А ведь взрываются иногда. И люди гибнут. Но с мыслями об этом космонавт не может готовить себя к полету. Вот я подумал-подумал и позвонил Вячеславу Ивановичу Трубникову: «Вы знаете, хотел бы перед полетом прийти». Он очень хорошо к этому отнесся, сам подошел в музей. Мы там сфотографировались. Я цветы возложил у памятника чекистам-разведчикам, отдавшим жизнь за родину.

Перед вторым полетом — на МКС — вместе с Талгатом Мусабаевым и американским космическим туристом Деннисом Тито эмоциональное напряжение было уже не столь велико. Но камень в основание традиции был уже заложен. И я снова позвонил в Ясенево. А там директором был уже Сергей Николаевич Лебедев. И у него никаких возражений не возникло. Он вместе со мной в музей сходил, потом беседовали в его кабинете.

— Можете ли вы сказать, что «сверяете жизнь» по отцу?

— Наверное, нет. У меня вообще нет образца, которому я

старался бы во всем подражать. Я живу собственной жизнью. Личность отца, разумеется, наложила на меня огромный отпечаток. Не просто отпечаток — я часть своего отца. Но одновременно я часть и других людей, конечно.

— Сошлись бы вы с отцом во мнениях по поводу сегодняшних российских реалий? И вообще, можно ли было спорить с Михаилом Матвеевичем?

— Нет, спорить с ним было трудно. Потому что он обидчив был. И я даже старался избегать подобных ситуаций.

Я думаю, что мы не спорили бы по поводу сегодняшних реалий. Мы просто определили бы, что у нас общего, а в чем мы расходимся.

— Однажды ваш отец сказал (и вы эту фразу записали): «Я остался жив, потому что всегда сторонился политики». Вы к этим словам отца не прислушались.

— *Я* понимаю, что он бы этот мой шаг не одобрил. Но я — это я. Живу в другое время. И у меня свои представления о том, что нужно делать, а что — нет. Я пошел в политику не потому, что она мне очень нравится как таковая, что жить без нее не могу. Я сейчас прекрасно живу без политики и совсем в нее не лезу. И прекрасно себя чувствую. Хотя мои коллеги-космонавты идут в депутаты. И мне предлагали. Но я не иду. Идя в политику, я хотел сделать для страны максимум того, что мог. Все знания мои применить. Мне казалось это правильным.

— А с каким настроением вы ушли из политики? С разочарованием?

— Нет, я ушел немножко истерзанным, что ли. Я чувствовал, что как личность деформировался. Это отдельный разговор, особый, сложный. Мне тогда нужно было какое-то еще более сильное воздействие, чтобы восстановиться, чтобы личность вновь обрела правильную конфигурацию. И мне кажется, космос мне в этом помог.

А вообще-то, с тех пор, как я оставил политику, прошло уже шесть лет. Немалый срок. Если бы мне предложили вернуться в нее три года назад — я бы отказался. Но за последние два года у меня по крайней мере исчезла идиосинкразия к политике, то есть она уже не вызывает прежних болезненных реакций отторжения. И если бы мне сегодня предложили вернуться в политику, я стал бы серьезно думать.

— Скажите, ваша страсть к языкам — это наследственное или благоприобретенное? Журналисты, по-моему, уже сбились со счета, определяя, каким количеством языков вы владеете.

— Да, собственно, нет у меня такой страсти. А журналисты очень часто грешат неточностями. И я с большой

настороженностью отношусь к тому, когда кто-то говорит, что я знаю много языков. За собой я числю сегодня три: английский, шведский и сербско-хорватский.

Кстати, отец, свободно владевший турецким и не знавший проблем с французским, не то что не поощрял мое желание овладевать иностранными языками — он просто противился этому. В мои школьные годы как раз стали создаваться спецшколы с изучением ряда предметов на иностранном языке. И одна из таких школ — английская — появилась совсем рядом с той, в которой учился я. Объявили туда набор. И не было бы проблем с переводом в спецшколу — в своей-то я был отличником — если бы не отец. Он сказал: «Не нужно это Юре». Он очень хорошо знал, как жилось в то время людям, которые выезжали на работу за границу или работали с иностранцами в Союзе. Он считал — и в чем-то был, безусловно, прав, — что это может печальнейшим образом сказаться на судьбе.

Иностранный язык — и это был английский — я начал учить, кроме школы, конечно, оказавшись в Московском физико-техническом институте. Никакого разрешения для этого мне, студенту, уже не требовалось. Предмет был обязательным, и изучали его три года. Затем в том же обязательном порядке нужно было учить второй язык. Не буду утомлять читателей деталями, но так получилось, что я три года изучал в Физтехе японский язык, брался за французский, немецкий. Но единственное, чего я достиг в немецком, — того, что мог переводить техническую литературу. Общаться на нем я никогда не мог.

Однажды, уже после окончания МФТИ, мне пришло в голову, что я должен стать специалистом со знанием редкого языка. Я выбрал шведский язык. При этом вы должны учесть, что уровень соображения у меня тогда был гораздо ниже, чем сейчас. Я занимался с преподавателем частным образом. Уровень, которого я достиг, — примерно пять семестров вуза. То есть нельзя сказать, что я шведский хорошо знал. Но я по крайней мере прочитал в оригинале «Карлсона», «Пеппи Длинныйчулок», несколько шведских детективов. И мог объясняться. Кстати, в Швецию я попал только двадцать лет спустя. И понял, что там все прекрасно знают английский язык. И все самые важные свои публикации по проблемам экономики, каким-то техническим направлениям, по вопросам культуры они печатают на английском языке.

Французский я забросил, потому что физически надорвался. А к сербско-хорватскому пришел следующим образом. Югославия была очень интересной страной в социалистической системе. Там много любопытных процессов и явлений было — и

самоуправление, и закон о вмененном труде. И я стал пытаться читать газеты. Тогда можно было купить только «Борбу» и «Политику». Да и то не везде. Только в аэропорту или гостинице. Я, главным образом, покупал в киоске возле «Националя». В конце концов, я самостоятельно изучил этот славянский язык.

А в Югославию я попал еще позже, чем в Швецию. Четверть века спустя. Но я там бывал несколько раз. И убедился, что однажды заложенное в память легко восстанавливается. Если я сейчас оказываюсь в Сербии, Черногории или Хорватии, то не пользуюсь никаким другим языком, кроме того, что является родным для этих мест. Конечно, я понимаю, что говорю не на правильном языке, но я могу на нем разговаривать.

— А вам никогда не хотелось пойти по стопам отца?

— Конечно, хотелось. Вообще-то, в школе мне о многом мечталось. Я хотел стать то писателем, то летчиком. Но вот подошло время серьезного выбора профессии, а следовательно, и вуза. Тогда как раз переходили от 11-летнего обучения к десятилетке. Представляете: двойной выпуск, а это значит и двойной конкурс. Не только мои сверстники, но и родители пребывали в состоянии стресса. Многие мои одноклассники собирались поступать в Высшую школу КГБ — именно имея в виду пойти по стопам родителей. И многие родители их в этом поддерживали и помогали. Забегая немного вперед, скажу, что многие как раз и поступили — раз были возможности — и сегодня работают по этой линии. Мои друзья в период этой абитуриентской лихорадки не оставляли меня в покое. Пойдем вместе. Ну, что-то вроде за компанию.

Я пришел к отцу и завел разговор на эту тему. Он тогда посадил меня напротив себя, и у нас состоялась очень серьезная беседа. Я до сих пор помню его слова: «Откуда ты знаешь, что эта работа для тебя подходит? И откуда ты знаешь, что ты подходишь для этой работы?»

А вообще-то, я мог и не послушаться. Пошел бы сдавать экзамены — там же не требуется согласие родителей. Но вот звонить в службу и устраивать меня отец бы не стал. Я это точно знаю. Потому что позже, когда речь зашла о работе после окончания вуза, я попросил отца позвонить его знакомому на предмет моего трудоустройства. Отец мне тогда сказал: «Я всего в жизни добился самостоятельно. И ты будешь поступать точно так же».

— Пришло время, когда вы решили стать космонавтом. Как отреагировал на это Михаил Матвеевич?

— Я принял решение стать космонавтом на третьем курсе МФТИ. Поступил-то я на факультет радиотехники и кибернетики,

а затем — вот такой поворот в понимании собственного предназначения. И как следствие — перевод на факультет аэрофизики и космических исследований.

Понимаете, мне на третьем курсе 21-й год шел, а с ним и третий десяток. Конечно, еще салагой был, но в то же время и взрослым человеком, способным принимать решения, определяющие судьбу. Это был всего лишь 70-й год. Лишь девять лет люди в космос летают. Их еще совсем мало. И отец — главным образом, по этой причине — не поверил, что я стану космонавтом. Он посчитал, что шансов слишком мало, поэтому и не мучился размышлениями по поводу моего решения. Но он не стал меня от этого отговаривать. Он, кажется, даже обрадовался тому, что меня больше не потянет поступать в МГИМО, работать на дипломатическом поприще.

Отец считал, что дорога в космос лежит через летное училище. Но как раз к тому моменту в космос стали летать бортинженеры — Константин Феоктистов, Алексей Елисеев, Виталий Севастьянов, Валерий Кубасов. Он, зная мой характер, понимал, что если я твердо поставил себе цель — а для меня это было очень серьезно, — то буду идти до конца. И это его успокоило. Он, насколько я понимаю, про себя рассудил так: ладно, пусть и не станет сын космонавтом, зато дорога у него будет правильная, нормальная.

— Но вы стали космонавтом. И вы, пожалуй, единственный космонавт, к которому я могу обратиться со следующим вопросом. Фразы «Я бы пошел с ним в разведку» и «Я бы полетел с ним в космос» — насколько они сопоставимы?

— Наверное, сопоставимы. И то и другое дело опасное. И очень многое зависит от того, с кем ты работаешь. Но еще одно обстоятельство роднит две эти профессии. И там, и там ты можешь говорить: я бы с ним пошел или я бы с ним не пошел… Кого назначат в напарники — с тем и пойдешь. И полетишь.

— Для вас книга — это постижение себя самого через постижение отца. Я думаю, читатель отнесется к подобной постановке вопроса с пониманием. Но что касается книги как таковой, то есть риск, что кто-то заподозрит вас в необъективности.

— Я пишу книгу не только об отце, но и о товарищах его, об эпохе. И мой замысел заключается не в том, чтобы парадный портрет нарисовать, а посмотреть, откуда появляется судьба. Представьте себе некую турбулентность, вихревой поток. Быть может, это водоворот, а в нем — песчинки. Одну сюда принесло, другую туда вынесло, а третья песчинка вообще не доплыла. И человека жизнь бросает в вихри, в водовороты судьбы. Он не

безволен. Он как-то отвечает на эти вызовы. Становится тем, кем становится. Как с судьбой человека взаимосвязаны время, эпоха, место, пространство? Мне вот это особенно хочется понять.

С. МАСЛОВ

Послесловие

Мы представили 23 портрета знаменитых разведчиков. Начали с века XIX, захватив, что в разведке бывает крайне редко, и день сегодняшний.

Значит ли это, что в элитном списке российской, советской разведки нет больше славных героических имен? Есть они! И много — хватит на несколько изданий, подобных этому. Рихард Зорге, Зоя Рыбкина-Воскресенская, семья Зарубиных, нелегалы Федоровы, Мукасеи, посол и академик Григулевич. И большое многоточие…

Мы называем тех, чьи подвиги, хоть частично, не до конца, но уже раскрыты. А насколько же больше тех, чье время украсить книжные страницы еще не пришло, а если и придет, то очень не скоро!

Изредка разведка, как это случилось с Героем Советского Союза Вартаняном и его женой Гоар, сама раскрывает своих главных действующих лиц. Фамилии других всплывают в результате арестов — а они, увы, чаще всего следствие предательства агентов, иногда — коварных и умных ходов контрразведки. Вы, читатель, знаете об этом на примерах Абеля, Молодого, Крогеров-Коэнов, Блейка. Но и здесь приходилось пережидать годы и десятилетия, чтобы, не дай-то бог, не навредить тем, кто работал рядом, кто продолжал помогать добывать секреты, шифры, документы.

Недавно в присутствии обоих авторов — составителей этого сборника один из руководителей нашей разведки все-таки обнадежил. Лет 40–50 потерпеть, и на свет выплывут новые имена и новые подвиги. Что ж, уже неплохо. Значит, есть смысл дождаться. И потому мы не без оснований будем считать книгу «Элита русской разведки» лишь первым томом солидного издания, за которым последуют и новые откровения, и новые герои.

В. АНДРИЯНОВ, Н. ДОЛГОПОЛОВ

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев М. Военная разведка России. Т. I–III. М., 1998–2001.

Алексеев М. Лексика русской разведки. М., 1996.

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. М., 2000.

Аграновский В. Профессия: иностранец. М., 1990.

Блейк Дж. Иного выбора нет / Пер. с англ. М., 1991.

Ветераны внешней разведки России. М., 1995.

Волдан Я. Человек из отделения «Игрек» / Пер. с чеш. М., 1989.

Гладков Т., Лукин А. Николай Кузнецов. М., 1971.

Гелен Р. Служба / Пер. с нем. М., 1997.

Гоголь В. Бомба для Сталина; *Андриянов В.* Четыре портрета. М., 1993.

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в двух томах. М.,1990.

Даллес А. Искусство разведки / Пер. с англ. М., 1992.

Дамаскин И. Сто великих разведчиков. М., 2003.

Диенко А. Разведка и контрразведка в лицах. М., 2002.

Долгополов Н. Они украли бомбу для Советов. М., 2000.

Долгополов Н. С ними можно идти в разведку. М., 2002.

Долгополов Н. Гении внешней разведки. М., 2004.

Доновaн Д. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля / Пер. с англ. М., 1992.

Дроздов Ю., Егозарьян В. Мировая террористическая. М., 2004.

Из жизни разведчиков. Сборник СВР. М., 1999.

Колосов Л., Молодый Т. Мертвый сезон. Конец легенды. М., 1998.

Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1–2. М., 2000.

Колпакиди А., Прохоров Д. Все о внешней разведке. М., 2002.

Колпакиди А., Серяков М. Щит и меч. М., 2002.

Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М., 1998.

Кочик В., Лурье В. ГРУ. Дела и люди. М., 2002.

Крогер Х., Крогер И, Лонсдейл Г. Письма из тюрем Ее Величества. Т. 1-П. М., 2001.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. I–V. М., 1996—2003.

Полмар Н., Ален Т. Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. М., 1999. «Полпреды сообщают…». Сборник документов об отношениях СССР с Литвой, Латвией и Эстонией. Август 1939 — август 1940. М., 1990.

Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. М., 2001.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.

Томлинсон Р. Большая утечка / Пер. с англ. М., 2000.
Уайз Д. Охота на кротов / Пер. с англ. М., 1994.
Умнов М. Всемирная история шпионажа. М., 2000.
Черевко К Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.
Чичаев И. Рузаевка на заре советской власти. Саранск, 1970.
Чичаев И. Незабываемые годы. Саранск, 1976.
Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 1992.
Шебаршин Л. Из жизни начальника разведки. М., 1994.
Шелленберг В. Мемуары / Пер. с нем. М., 1991.
Шпеер А. Воспоминания / Пер. с нем. Смоленск; М., 1997.
Эндрю К., Гордиевский О. КГБ / Пер. с англ. М., 1992.
Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и дома / Пер. с англ. М 1997.

Andrew C. Secret Service. L., 1986.
Andrew C. Mitrokhine V The Mitrokhine Archiv. L., 1999.
Bennet R. Espionage. Spies and Secrets. L., 2002.
Broz Y. Diplomat veseke mysli a smutne duse. Praha, 2000.
Corson W., Trenton S., Trenton J. Widows. N. Y., 1989.
Littell R. The Company. A Novel of the CIA. N. Y., 2002.
Van Der Rhoer E. The Shadow Network. L., 1985.

ЭЛИТА русской разведки

ДВЕСТИ ЛЕТ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

ДЕЛО №

Книга, составленная писателями В. И. Андрияновым и Н. М. Долгополовым, включает биографии 23 разведчиков, служивших нашему Отечеству с 1805 по 2005 год. Далеко не все, о ком хотелось бы рассказать, попали на ее страницы. Для многих время еще не пришло, а если и придет, то очень не скоро. Но всех, о ком рассказывает сборник, профессионалы относят к элите.

ISBN 5-235-02774-4

9 785235 027749 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

Петр Иванович Ивашутин — Герой Советского Союза, награжден орденами: Ленина (тремя), Октябрьской революции, Красного Знамени (пятью), Богдана Хмельницкого 1-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени (двумя), Трудового Красного Знамени, Красной Звезды (тремя), многими медалями. Ему был вручен почетный знак «За службу в военной разведке» № 001.

2

Сборник Императорского русского исторического общества (далее СбРИО). Т. 21. СПб., 1871. С. 109.

Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 154.

4

Александр Борисович Куракин (1752–1818), князь, русский дипломат. В 1796–1802 годах вице-канцлер, президент Коллегии иностранных дел. В 1808–1812 годах посол во Франции.

5

Отечественная война 1812 года. Материалы военно-ученого архива. Т. I. Ч. I. СПб., 1900. С. 85.

Тарле Е. Я Талейран. М.-Л., 1948. С. 103.

Там же. С. 106.

Сироткин В. Н. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 годы. М„1966. С. 174.

9

Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862), граф, русский дипломат, министр иностранных дел России с 1816 по 1856 год. В Париже состоял советником посольства до 1811 года. С начала войны 1812 года находился в армии, исполняя дипломатические поручения.

Отечественная война 1812 года. Там же. С. 100.

11

Исторический вестник. 1912. Декабрь. С. 1277.

12

Исключительно благодаря усилиям А. И. Чернышева между Бернадотом и Александром I установились доверительные отношения. Шведский наследный принц стал источником разведывательной информации. Опираясь на личные связи в окружении Наполеона, Бернадот сообщил, в частности, царю о планах Бонапарта организовать поход в Индию после предполагавшегося разгрома русской армии. *Безошос-ный В. М.* Французская и русская разведки и планы сторон в 1812 году. М., 1987. С. 122.

13

СбРИО. Т. 122. СПб., 1905. С. 22.

14

Правильнее: Морков Аркадий Иванович (1747–1827), посол во Франции в 1801–1803 годах. Отозван по личному требованию Наполеона. 64

15

Во Франции существовало два военных ведомства — военное министерство и военная администрация — со строго разграниченными функциями.

16

Отечественная война 1812 года. Т. VII. С. 38.

17

Военный сборник. СПб., 1902. № 3. С. 26.

18

Военный сборник. С. 28.

19

Чтобы скрыть истинные размеры и цели передислокации Великой армии от русского командования, во французских корпусах осуществлялся целый комплекс мероприятий по дезинформации: распускались ложные слухи, производилась демонстрация войск с целью убедить потенциального противника в том, что основные силы концентрируются в районе Варшавы, то есть в центре стратегического развертывания французских войск. Для большей убедительности под Варшаву был направлен двойник Наполеона, было объявлено об инспекции Наполеоном V корпуса, развернутого в этом районе *(В. Безотосный)*.

20

Военный сборник. 1902. № 1. С. 183–192.

21

СбРИО. Т. 21. С. 117.

22

Открытая публикация во Франции работ Жомини вызвала крайнее недовольство Наполеона. «Прочитав его книгу, мои неприятели могут узнать всю тайну моих побед», — выговаривал он министру полиции.

23

Петр Яковлевич Убри, поверенный в делах в Париже в ноябре 1803-го — сентябре 1804 года. Был назначен вместо отозванного А. И. Моркова. В апреле 1806 года статский советник Убри направляется в Париж «с целью выяснить предварительные условия для заключения мира» с Францией. В июле этого же гола подписывает от имени России окончательный договор с Францией. Император Александр не утверждает подписанный договор. За превышение полномочий Убри был сослан в свое имение.

24

29 марта (10 апреля) 1811 года Чернышев доставил ответное письмо Александра Наполеону.

Тимирязев В. А. Чернышев и Мишель //ИВ. 1895. № 2. С. 605–622.

26

Чернышев не был графом. В графское достоинство он был возведен в 1826 году.

27

Андрей Логгинович Крафт (1779–1825), русский дипломат, коллежский советник. До 1812 года секретарь посольства России в Париже, затем секретарь русской миссии в Берлине, с 1815 года — поверенный в делах в Пруссии.

28

Первые приказы были отправлены в период с 8 по 10 февраля либо самим Наполеоном, либо начальником Генерального штаба. Движение войск должно было начаться не позднее 20-го.

Исторический вестник. 1895. № 2. С. 612.

Безотосный В. М. Французская и русская разведки и планы сторон в 1812 году. Дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. М., 1987. С. 44.

31

В сентябре 1912 года французский автор Шюкэ в издании «La Revue» опубликовал статью «Чернышев и Наполеон», в которой цитировал выдержку из донесений Чернышева в Петербург. Это привело исследователей к выводу, что эти документы явились результатом проводимой в Париже перлюстрации корреспонденции русского флигель-адъютанта. Однако с 1900 по 1914 год были изданы архивные материалы в 22 томах под общим названием «Отечественная война 1812 года». В первых томах была приведена переписка Чернышева с Барклаем-де-Толли на французском языке, которую использовал Шюкэ.

Игнатьев А. А. 50 лет в строю. Т. 2. С. 293.

33

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия в Париже. М., 1999. С. 9.

Там же. С. 14.

35

Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37967. Оп. 2. Д. 76. Л. 3–5 об.

Назначением Бюро являлись «совместное изучение и выработка общих мер по борьбе с неприятельским шпионажем, контрабандой и пропагандой, а также централизация всех сведений о противнике, добывавшихся различными путями всеми союзными державами». В состав Межсоюзнического бюро входили представители Франции, Англии, Италии, Бельгии, Сербии и России.

37

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия… С. 135.

Под этим именем Игнатьев жил во Франции.

39

Марнское сражение состоялось 5—12 сентября 1914 года.

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия… С. 87–94.

41

Звонарев К. К. Агентурная разведка. Т. 1. Агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929. С. 167–168.

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия… С. 81–85.

Звонарев ***К. К.*** Агентурная разведка. С. 172.

44

РГВА. Ф. 37967. Оп. 9. Д. 46. Л. 143 об.

45

Там же.

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия… С. 102–103.

47

РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 98. Л. 150.

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия… С. 103–104.

49

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия… С. 111–112.

50

РГВА. Ф. 37967. Оп. 9. Д. 46. Л. 149 об.

51

РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 98. Л. 193 об.

52

РГВА. Ф. 37967. Оп. 9. Д. 46. Л. 143 об.

53

РГВА. Ф. 37967. Оп. 9. Д. 46. Л. 148 об.

РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 96. Л. 215

55

РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 96. Л. 215.

Звонарев К. К. Агентурная разведка. С. 167–168.

57

РГВА. Ф. 37967. Оп. 9. Д. 46. Л. 76-81.

РГВА. Ф. 37967. Оп. 9. Д. 46. Л. 76-81.

Граф Павел Игнатьев. Моя миссия… С. 237.

Ныне Талицкого района Свердловской области.

61

Это специальное звание для сотрудников органов государственной безопасности соответствовало званию капитана Красной Армии.

62

Примечательно, что после своего ареста 26 июня 1953 года Лаврентий Берия написал несколько «покаянных писем» в Президиум ЦК КПСС. Напоминал и о некоторых своих реальных заслугах перед государством и партией. В частности, указал, что под его руководством работала большая группа выдающихся советских разведчиков. В их числе назвал тогда полковника Александра Короткова.

63

Первая жена Короткова — Мария Вильковыская также была сотрудником разведки. Ее отец много лет работал за границей по линии внешнеторговых советских учреждений. Мария получила там среднее образование, свободно овладела несколькими языками. «Компромат» на ее отца, старого партийца, заключался в том, что много лет назад на собрании он голосовал «за не ту» резолюцию.

Так принято называть нашу политическую разведку в отличие от военной, находящейся в системе Наркомата обороны страны.

65

До мая 1941 года советские посольства за рубежом назывались полномочными представительствами (полпредствами), а послы — полпредами.

66

Почему-то в средствах массовой информации укоренилось убеждение, что Вилли Леман являлся прообразом Исаева-Штирлица в «Семнадцати мгновениях весны». Это плод фантазии. Леман настоящий немец и член СС, Штирлиц — внедренный советский разведчик, к тому же — русский по национальности. Вилли Леман был рассекречен спустя много лет после смерти писателя Юлиана Семенова. О его существовании автор книги и написанного на ее основе сценария не знал.

Впоследствии В. М. Бережков стал видным дипломатом, журналистом-международником, ученым.

68

В начале 1943 года воинские звания были унифицированы. Капитаны госбезопасности стали именоваться подполковниками госбезопасности.

69

На профессиональном сленге разведчиков радистов-нелегалов называют «пианистами». Так как функабвер (разведка) засек работу нескольких пианистов, то их совокупность и назвали «капеллой», то есть — оркестром. Немцы не сомневались, что этот «оркестр» работает на СССР, и назвали его «красным».

Впоследствии крупный ученый, член-корреспондент АН СССР и под литературным псевдонимом «И. Лаврецкий» автор нескольких книг в серии «ЖЗЛ».